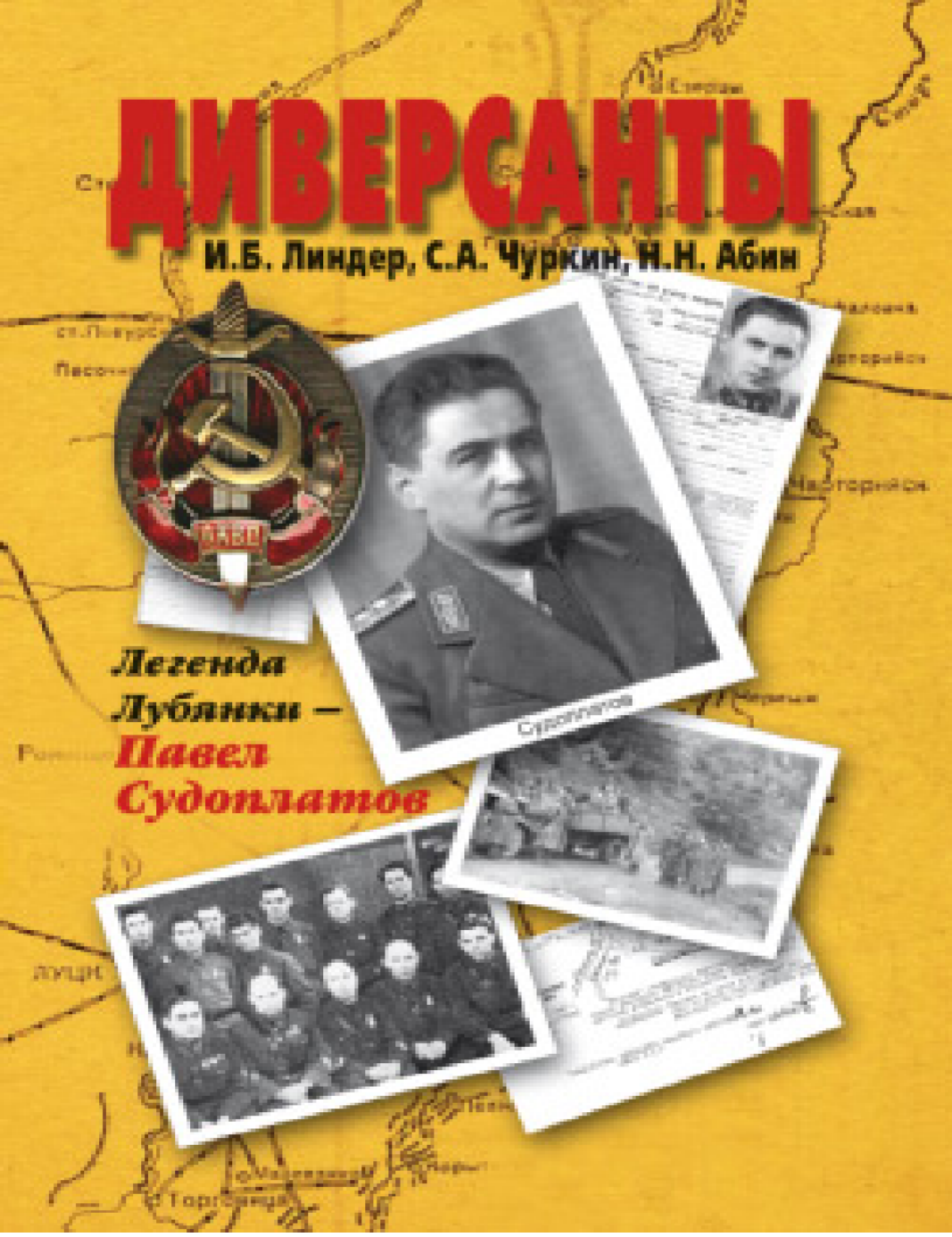
ДИВЕРСАНТЫ

И.Б. Линдер, С.А. Чуркин, Н.Н. Абин



Легенда Лубянки –
Павел Судоплатов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Основанная на редких архивных документах книга И. Б. Линдера, С. А. Чуркина, Н. Н. Абина рассказывает об отечественной диверсионной и разведывательной школе, о легендарном специалисте тайных операций Павле Судоплатове, о людях, которые работали рядом с ним, выполняя задания исключительной важности и изменяя политический облик мира.

- Иосиф Борисович Линдер, Сергей Александрович Чуркин, Николай Николаевич Абин
  - «Все что они сделали, достойно уважения потомков…»
  - «…Делал все возможное и невозможное, чтобы наша страна не только выжила, но и победила»
  -
  - Глава 1
    - «Мы все родом из истории…»
  - Глава 2
  - Глава 3
    - «Основной друг – основной противник»
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Заключение
  - Вместо послесловия Три судьбы
    - «Просто чекист»
    - Разведка без галстука
    - Жизнь под грифом «совершенно секретно»…
  - P. S
  - P. P. S
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52

- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96

- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139

Иосиф Борисович Линдер, Сергей Александрович Чуркин, Николай Николаевич Абин
Диверсанты. Легенда Лубянки – Павел Судоплатов

«Все что они сделали, достойно уважения потомков…»

История революционных процессов недавно закончившегося XX в. теснейшим образом связана с взаимодействием военно-конспиративной и разведывательной деятельности структур III Интернационала со спецслужбами России.

Организуя это взаимодействие, руководители Советского Союза исходили из того, что ведущие страны Запада никогда не видели в России равноправного партнера. Для Англии, США, Германии и даже для Франции Россия и русский народ были, есть и будут разменной монетой, пушечным мясом, живым щитом друг от друга. Невзирая на все противоречия, все они были спаяны одной целью – господством над Россией. Ради этой цели они готовы были воевать между собой, но с одним условием – до последнего русского солдата.

Открытие в 1991 г. архивов Коминтерна и советской политической и военной разведки впервые позволило увидеть, какие неимоверные усилия потребовалось приложить для того, чтобы в условиях управляемого конфликта первой половины XX в. дать возможность России ценой больших жертв и потерь встать на ноги, окрепнуть, выстоять во Второй мировой войне и выйти из нее победительницей.

Трудно спустя более шестидесяти лет говорить, был ли оправдан в 1943 г. роспуск Коминтерна, однако невозможно отделаться и от мысли о том, что при условии сохранения его структур и форм взаимодействия с советскими спецслужбами развитие международной обстановки во второй половине XX в. имело бы другие черты.

Бесспорно, спецслужбам России было бы много легче в условиях внутренних противоречий противостоять внешним ударам «холодной войны».

Объединение усилий прогрессивной общественности в борьбе за сохранение мира во всем мире гарантировало продолжительность стратегической паузы в международных отношениях.

Было бы неверно сказать, что в противоборстве разведок советские спецслужбы проиграли. Борьба велась с переменным успехом, достижения и провалы имелись у обеих сторон. Беда была в том, что ни профессионализм советских разведчиков – и чекистов, и военных, – ни их личное мужество не могли компенсировать одряхлевшей системы государственного

управления, оказавшейся неспособной сохранить Советский Союз в критической ситуации. Как справедливо заметила Н. Нарочницкая, все, что не удалось сделать Германии во Второй мировой войне, США смогли реализовать в результате войны «холодной». ЦРУ было в этой войне на острие.

XX столетие оставило в истории советской и российской разведки имена замечательных разведчиков, таких как герой этой книги П. А. Судоплатов, И. Р. Григулевич, А. М. Коротков, В. Г. Фишер (Абель) и целый ряд других, о которых до сих пор нельзя говорить. Все, что они сделали, достойно уважения потомков.

Начальник Управления «С» (нелегальная разведка)

ПГУ КГБ СССР в 1979–1991 гг.

генерал-майор государственной безопасности

ДРОЗДОВ Юрий Иванович

«…Делал все возможное и невозможное, чтобы наша страна не только выжила, но и победила»

В истории каждого государства существует огромное количество памятных дат, связанных с тем или иным событием. Наша страна, на долю которой выпал уникальный исторический путь, имеет множество таких дат, но среди них есть и особенные. Они вбирают в себя не только гордость за великие свершения предков, но и горечь от болезненных, невосполнимых потерь…

В 2007 г. Россия отмечает 90-летие создания ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ – КГБ – одной из сильнейших спецслужб бурного XX в., и вместе с тем 100-летие великого специалиста тайной войны Павла Анатольевича Судоплатова, человека непростой судьбы, пережившего многое.

Ни одна страна в мире не может существовать без специальных институтов, призванных защищать государственные, военные, политические и социальные интересы страны. В большинстве случаев свою миссию они осуществляют тайно. Наше Отечество не исключение, и его непростая история является ярким тому подтверждением.

Политические и социальные процессы привели в начале XX в. к взрывоопасной ситуации, которая, не будучи вовремя разрешенной, обернулась чередой революций, в промежутке между которыми вклинилась Первая мировая война. Главным революционным потрясением стали события октября 1917 г., приведшие к созданию первого в мире социалистического государства. Молодая, неокрепшая еще страна не могла обойтись без системы государственной безопасности. Одним из первых шагов на пути ее формирования стало создание ВЧК – Всероссийской чрезвычайной комиссии. На протяжении многих десятилетий слово «чекист» звучало по-настоящему гордо, не будем оспаривать это.

Противоречивые процессы 1930-х гг. не могли не затронуть органы госбезопасности, которые всегда были на переднем крае политической борьбы. Несмотря на выдающиеся успехи в защите высших государственных интересов, чудовищные чистки не миновали и этой, казалось бы, всесильной организации. В горниле политической мясорубки бесследно исчезли тысячи и тысячи преданных Родине работников спецслужб, несправедливо обвиненных в преступлениях, которых они не совершали. Однако

тем выше дух людей, которые, быть может, даже лучше, чем другие, зная о трагических событиях, продолжали защищать свое Отечество.

В строю таких людей был и Павел Анатольевич Судоплатов, без остатка посвятивший себя опасному искусству тайных операций. Долгие годы в условиях политического и военного противостояния СССР враждебно настроенным государствам, в тяжелых условиях внутренней обстановки, наэлектризованной всеобщей подозрительностью, отмеченной кадровой чехардой, которая неизбежно возникает при быстро меняющейся политической конъюнктуре, он вместе со своими товарищами делал все возможное и невозможное, чтобы страна не только выжила, но и победила в одной из самых страшных войн XX столетия.

Главной заслугой П. А. Судоплатова является эффективная работа на тайных фронтах, которая была бы невозможной без создания новых подразделений и служб, без умения сплотить вокруг себя высококлассных специалистов, способных в кратчайшие сроки решать задачи любой сложности с высочайшим оперативным и боевым результатом. Прекрасные организаторские, но главное – личностные качества этого интеллигентного, внешне мягкого человека были гарантом побед в незримых сражениях разведывательно-диверсионных служб нашей страны с многочисленными противниками.

Авторы этой уникальной книги хорошо известны читательской аудитории. Однако не все знают, что Иосиф Борисович Линдер и Николай Николаевич Абин, будучи высококлассными специалистами (каждый в своей области), долгое время находились на переднем крае тайной войны, которая не окончилась с последними залпами Второй мировой. В 2006 г. они стали лауреатами первого в истории современной России конкурса ФСБ на лучшее произведение литературы и искусства о деятельности Федеральной службы безопасности России. Сергей Александрович Чуркин в качестве депутата Государственной думы РФ возглавлял подкомитет по международному военному сотрудничеству. Он стал одним из специалистов первого выпуска слушателей факультета безопасности Академии управления при Президенте РФ, сам многократно бывал в горячих точках бывшего СССР в неспокойные 90-е годы XX в., лично вникал в сложные процессы военно-политических конфликтов.

Настоящая книга, основанная на фактах и документах, многие из которых не были известны даже специалистам, откроет новые страницы в истории отечественных спецслужб. Вы узнаете

о выдающихся людях, которые, повторю, умели достигать высочайшего результата в самых сложных условиях. Вам предстоит соприкоснуться с секретной историей, погрузиться в атмосферу и дух того времени, увидеть редкие, ранее не публиковавшиеся фотографии. Уникальные судьбы людей, защищавших покой и целостность страны на невидимом, но от этого не менее кровавом фронте тайной войны, не могут не захватить вас – я уверен в этом.

Ни одно поколение не будет плодотворно развиваться, не впитывая в себя все лучшее из истории своего Отечества, не анализируя трагических ошибок и просчетов. Настоящая книга, написанная истинными патриотами нашей Родины, способствует воспитанию нового – достойного! – поколения профессионалов в области государственной безопасности России.

Президент Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка (АБОП), лауреат премии Президента России в области образования, ветеран органов государственной безопасности России, доктор юридических наук, профессор

ШЕВЧЕНКО Виктор Григорьевич

Если бы в разведке могли жить легенды, Судоплатов непременно был бы героем одной из них.

Заместитель председателя КГБ СССР, начальник Первого Главного управления (внешняя разведка) генерал-лейтенант государственной безопасности

ШЕБАРШИН Леонид Владимирович

Глава 1
«Малая война» в XIX – начале XX века

«Мы все родом из истории…»

История, как известно, повторяется на разных витках развития, но природа человеческая, постоянно переодеваясь во все более и более элегантные одежды социального развития, отнюдь не меняется. В этой изначальной человеческой сущности соседствуют пытливый и острый ум с косностью, стремление динамично развиваться – с нежеланием никаких новаций во имя личного карьерного или финансового спокойствия… Армия и спецслужбы – это только инструмент в руках военно-политического руководства любой страны при любом строе. Если на основе анализа полученной информации принимаются адекватные политические решения – успех будет; но если они, решения, не соответствуют ситуации, принимаются с опозданием, а то и вовсе не принимаются – глобальное поражение неизбежно. Все повторяется – как Инь и Ян, белое и черное, день и ночь. Все в этом мире повторяется…

Один из наших главных героев – Павел Анатольевич Судоплатов – пришел в этот мир 7 июля 1907 г., а ровно за сто лет до его рождения, 7 июля 1807 г., был подписан Тильзитский[1] мир, завершивший для Российской империи участие в русско-прусско-французской войне 1806–1807 гг. Есть ли между этими событиями мистическая связь или нет, мы в нашем повествовании выяснять не будем. Бесспорно одно – Тильзитский мир стал отправной точкой для развития партизанских[2] действий в первой четверти XIX столетия в Испании, Пруссии, России и Финляндии.

Русская армия испытала на себе партизанские методы ведения боевых действий в первой половине 1808 г., в период русско-шведской войны (1808–1809), начатой Россией по требованию Наполеона и в полном соответствии с Тильзитским миром, поскольку Швеция не присоединилась к континентальной блокаде Англии. После первоначальных успехов (февраль – март 1808 г.) действия русских войск были парализованы практически поголовным сопротивлением финского населения. При этом шведские войска пытались использовать действия партизан в своих интересах.

Выдающийся знаток русской военной истории Антон Керсновский указывал:

«Партизанская война настолько ослабила войска, что в апреле до сдачи Свеаборга на фронте оставалось всего 4500 бойцов, которые, конечно, ничего не могли предпринять.

Судоплатов П. А.

Шведский главнокомандующий ген. Клингспор, утроив свою армию [ок. 35 000], нанес нам в Северной Финляндии ряд поражений (Сикаиоки, Револакс), самих по себе незначительных, но имевших весьма досадное последствие – усиление в тылу русских войск партизанщины. Наши войска отступили…»[3]

Ведение войны в условиях сильно пересеченной местности (реки, озера, леса, скальные массивы, узкие дефиле) потребовало выделения значительных воинских контингентов – не менее половины из 34 000 человек к лету 1808 г. – для охраны коммуникаций на завоеванных армией территориях. Предотвратить длительную партизанскую войну удалось только с помощью решительных военных и политических мероприятий.

Боевые действия велись стремительно и были перенесены на территорию Швеции. Русские войска, совершив беспрецедентный по тем временам маневр – переход по льду Ботнического залива, – к весне 1809 г. оказались в ста верстах от Стокгольма.

Уникальная военная тактика вкупе с активной тайной политикой дала великолепный и быстрый результат. В итоге дворцового переворота шведский король Густав IV Адольф был

свергнут с престола, а занявший его место герцог Зюдерманландский (впоследствии Карл XIII) заключил с Россией 5 сентября 1809 г. Фридрихсгамский мир. По этому договору новый король Швеции полностью отказывается от своих прав на Финляндию и Аландские острова в пользу России.

Финляндия вошла в состав Российской империи со статусом великого княжества, ее население получило значительные социальные привилегии. К сожалению, русское военно-политическое руководство выводов (в который уже раз!) из партизанской войны в Финляндии не сделало и организацией предназначенных для ведения такой войны специальных подразделений и подготовкой для них театра военных действий серьезно не занималось.

Исторический опыт не был учтен и более века спустя, когда Красная армия в 1939 г. испытала в своем тылу все «прелести» спланированного и организованного финского сопротивления. Партизанско-диверсионная практика «зимней войны» и Гражданской войны в Испании (1936–1939) затронет судьбы нашего героя и многих его боевых товарищей. Но продолжим о веке девятнадцатом…

Пока Российская империя воевала со Швецией, на другом конце Европы, в Испании, несокрушимые на поле битвы войска Наполеона стали нести ощутимые потери от местных партизан. Уже 2 мая 1808 г. в Мадриде начинается восстание против Мюрата, которое жестоко подавляется французами: все его участники, взятые в плен, были преданы казни. В ответ на это по всей Испании создаются хунты (союзы), оказывающие сопротивление французским оккупационным войскам. 20 июля 1808 г. Северная хунта от имени короля Фердинанда объявляет войну Франции. Зимой 1809 г. в Испании образовывается партизанское движение, получившее название «герилья» (*guerrilla* – дословно «партизанский отряд»), которое причинило много серьезных неприятностей французской армии. Крайне важно и примечательно отметить один важный, по мнению авторов, факт этого, казалось бы, незначительного с точки зрения глобальной военной политики явления – партизанские действия продолжались долгие 5 лет, до полного поражения французской армии в 1814 г., несмотря на все усилия наполеоновской армии и администрации справиться с ними.

В XX в. опыт партизанской войны в Испании окажется полностью утраченным и будет восстанавливаться с помощью иностранных специалистов прямо «с колес» во время боевых действий.

На протяжении наполеоновских войн прусские офицеры

также получили позитивный опыт организации партизанских действий. Согласно типично германскому академическому учению теоретика и организатора партизанской борьбы против наполеоновских войск в 1811–1812 гг. А. фон Гнейзенау, основными задачами прусских партизан, которые во внутренних материалах именовались «прусской милицией», являлись: прорыв коммуникаций французов, захват и уничтожение продовольствия; регулярное «беспокойство» неприятельских войск. Теория затрагивала не только вопросы общей программы действий, но и распространялась на тактические основы развития партизанского движения – так, например, категорически запрещалось действовать методами регулярной армии, предписывалось «избегать правильных атак». Фон Гнейзенау прекрасно отдавал себе отчет, что применение растиражированной тактики регулярной армии станет смертельно опасным для «прусской милиции» и позволит оккупантам мгновенно ликвидировать немногочисленные отряды прусских патриотов. Создание же нестандартных вариантов «военных атак» не позволит сильнейшей на то время европейской армии использовать всю свою тактическую мощь.

Отличительными знаками «прусской милиции» служили форменные кепи и военные пояса. При приближении регулярных войск противника милиционеры, спрятав оружие, кепи и пояса, превращались в обычных граждан. По стратегическому замыслу фон Гнейзенау, действия партизанских отрядов в расположении французских войск должны были подготовить базу для всеобщего восстания на немецких землях, оккупированных наполеоновской армией.

Военная кампания 1812–1813 гг., которая позднее вошла в нашу историю как Отечественная война 1812 г., обогатила русскую армию колоссальным опытом ведения партизанских действий на растянутых на сотни и тысячи верст коммуникациях противника. Однако следует признать, что партизанская война в тылу французской армии являлась вначале мероприятием не плановым, а сугубо спонтанным, бунтарским, основанным на инициативе снизу. При этом, как мы упомянули ранее, объективные предпосылки для подготовки плановых диверсионных действий против коммуникаций противника у российского военно-политического руководства имелись еще до вторжения Наполеона в Россию; они прекрасно были известны русским военным специалистам по информации, поступавшей как от военных, так и от гражданских агентов русского двора в европейских странах.

Первыми в русской армии в 1812 г. на коммуникациях

противника начали действовать несшие аванпостную службу в составе пограничной стражи егерские подразделения и разрозненные отряды, отрезанные стремительным маршем французов и вынужденные самостоятельно пробиваться на соединение с главными силами 1-й и 2-й Западных армий из полного либо частичного окружения. На оккупированных территориях в борьбу с неприятелем вступали крестьяне – иногда по собственной инициативе, иногда под руководством отставших от армии военнослужащих.

Организация партизанского движения была начата русским военным командованием во второй половине августа – только через два месяца (!) после начала войны. По имеющимся историческим данным, первым о царившей в тылу французской армии беспечности сообщил поручик М. Ф. Орлов, посланный русским военным командованием в Смоленск для выяснения судьбы попавшего в плен генерала П. А. Тучкова. Будучи наблюдательным офицером, он по возвращении заявил командованию, что даже сотня казаков, отправленная в тыл французских войск, может нанести противнику много вреда.

К тому времени французский император был сильно обеспокоен тем, что его «Великая армия» стремительно сокращается, теряя при фуражировках людей больше, чем в сражениях. Обеспокоенность Наполеона объяснима: ведь накануне Бородинского сражения его войска насчитывали не более 150 000 человек из трехсот тысяч, действовавших на главном операционном направлении в начале Русской кампании. Отсутствие стратегических резервов не позволило ему в битве при Бородине уничтожить кадровое ядро русской армии и, соответственно, решить главную стратегическую задачу – победоносно завершить всю кампанию 1812 г. в России.

После Бородина ситуация с организаций партизанского движения значительно изменилась. Теперь действия созданных на местах и специально выделенных из армии более чем двадцати отрядов, не считая большого числа неучтенных «партизанских партий», были подчинены единой задаче и координировались верховным командованием русской армии.

«Поелику ныне осеннее время наступает, через что движения большою армиею делаются совершенно затруднительными… то и решился я, избегая генерального боя, вести малую войну, ибо раздельные силы неприятеля и оплошность его подают мне более способов истреблять его, и для того, находясь ныне в 50 верстах от Москвы с главными силами, отделяю от себя немаловажные части в направлении к Можайску, Вязьме и Смоленску»,[4] – писал главнокомандующий русской армией фельдмаршал князь Михаил

Илларионович Кутузов.

Под термином «малая война» понимались самостоятельные действия небольших отрядов регулярной или иррегулярной кавалерии в промежутках между генеральными сражениями. Их задачей являлись разведка и нападения на подразделения противника на бивуаках, на марше, при проведении им фуражировок и т. п.

Армейские партизанские отряды были мобильными, численностью от 50 до 500 человек, комплектовались преимущественно из казаков и гусар, реже с привлечением улан и кирасир. В их задачу входило уничтожение живой силы противника, его транспорта, продовольствия и фуража, разведка и проч. Перед командирами отрядов ставились боевые задачи в пределах зон их ответственности, на случай проведения совместных операций сообщались районы действий соседних отрядов. Так была определена главная стратегия партизанских действий – постоянная угроза на внутренних коммуникациях противника.

Боевая практика определила и основы партизанской тактики. Так, после того как часть отряда И. С. Дорохова была окружена противником, Кутузов приказал написать для него специальное практическое руководство:

«Партизан никогда в сие положение прийти не может, ибо обязанность его есть столько времени на одном месте оставаться, сколько ему нужно для накормления людей и лошадей. Марши должен [летучий отряд] партизан делать скрытные, по малым дорогам [и более ночью; днем скрываться в лесах]. Пришедши к какому-нибудь селению, никого из оного не выпускать, дабы не можно было дать об нем известия. Днем скрываться в лесах или низменных местах. Словом сказать, партизан должен быть решителен, быстр и неутомим».[5]

Результат действий партизанских отрядов хорошо описывает Арман де Коленкур:

«Мы все время должны были держаться настороже… Неприятель все время тревожил наши коммуникации за Гжатском и часто прерывал их между Можайском и Москвой… В этих прелюдиях все видели предвестие новой системы, цель которой – изолировать нас. Нельзя было придумать систему, которая была бы более неприятной для императора и поистине более опасной для его интересов».[6]

В период подготовки русской армии к контрнаступлению Кутузову требовалось, чтобы Наполеон как можно дольше оставался в Москве. Для этого были предприняты дезинформационные мероприятия. Распространялись слухи о

слабости русской армии, о желании русских скорее окончить войну, о предполагавшемся заключении мира, на что будто бы ожидается разрешение российского императора. Эти сведения поддерживали надежду Наполеона на заключение мира, вынуждали его выжидать в Москве. Каналы получения реальной информации, в том числе агентурной, о положении дел и намерениях русских блокировались нашими секретными службами и партизанскими отрядами.

Грамотная организация информационной и партизанской блокады французского командования во главе с Наполеоном, равно как и всей французской армии, была оценена не только российской стороной, но и противником. Де Коленкур писал:

«Император все время жаловался, что он не может раздобыть сведения о том, что происходит в России. И в самом деле, до нас не доходило оттуда ничего, ни один секретный агент не решался пробраться туда. <…> Ни за какие деньги нельзя было найти человека, который согласился бы поехать в Петербург или пробраться в русскую армию. Единственные неприятельские войска, с которыми мы приходили в соприкосновение, были казаки; как ни желал император раздобыть нескольких пленных, чтобы получить от них какие-либо сведения об армии, нам при стычках не удавалось захватить пленных… и так как ни один шпион не дерзал пробраться в расположение русской армии, то мы не знали, что там происходит, и император был лишен всяких сведений».[7]

В числе организаторов «малой войны» на оккупированной территории был такой опытный специалист тайной войны, как полковник (впоследствии генерал) граф (впоследствии князь) А. И. Чернышев, опиравшийся в своей работе на личный разведывательный опыт «военного агента». Большинство офицеров-разведчиков тех времен командовали партизанскими отрядами и занимались оперативно-тактической разведкой, диверсионными операциями и организацией народного партизанского движения. К Д. Давыдову, И. Дорохову, И. Вадбольскому, И. Ефремову, А. Сеславину, А. Фигнеру и многим другим вполне применим современный термин «разведчик специального назначения». В организации «партизанских партий», в разработке тактики их действий у каждого из этих героев было что-то свое, индивидуальное. Каждая «партия» гласно и негласно старалась показать более результативную работу, не выглядеть хуже своих товарищей по оружию. Правда, в среде командиров были случаи жесткой межличностной конкуренции; кое-кто из них до поры до времени не желал использовать приемы, придуманные или впервые опробованные на практике

другим лицом. Характерен пример несколько отчужденного, а порой и высокомерного отношения со стороны офицеров к одному из первых партизанских командиров Александру Фигнеру. Будучи выходцем из немецкой семьи, выпускник кадетского корпуса Фигнер ввел в своем отряде неписаный закон – французов, особенно мародеров, в плен не брать. Всех мародеров расстреливали на месте или отдавали на самосуд местным крестьянам; последнее для французов было подчас хуже мгновенной смерти от ружейного залпа. Исключение составляли только офицерские чины и перехваченные лазутчики, которых тут же переправляли в ближайшее подразделение действующей армии. Многим соратникам Фигнера, командующим такими же партизанскими отрядами, на первом этапе казалось, что сугубо германский прагматизм подполковника не вполне соответствует рыцарски-аристократическим правилам ведения боевых действий. Один из кумиров того времени Денис Давыдов неоднократно осуждал своего товарища. Однако несколько раз жизнь самого Давыдова и жизнь его подчиненных висела на волоске в результате «революционных действий» плененных ими французов. Бывало и так, что колонна взятых в плен многократно превышала численный состав давыдовского отряда. Несколько раз ему приходилось спасаться бегством, оставляя на поле боя погибших, особенно когда многочисленные пленные понимали, что их охраняет небольшой отряд русских партизан, отрезанный от основных сил. После нескольких таких инцидентов Давыдов да и другие командиры старались не отягощать свой отряд большими группами французов. Порой как на светском балу молодые повесы борются за внимание некой молодой дамы, так же и в военной кампании многие офицеры, большинство из которых принадлежали к аристократическим кругам России, соперничали друг с другом за ту часть общественного внимания, которое именуется славой. По окончании военной кампании 1812 г. Денис Давыдов завершил свой труд, который явился одним из первых литературно-методических повествований о «малой войне», под названием «Записки партизана».

В первой четверти XIX в. по опыту разведывательно-диверсионных операций в тылу вражеских войск наша армия не имела себе равных. Вышедшие после Отечественной войны 1812 г. труды наших теоретиков и практиков партизанского движения тщательно изучаются в специальных учебных центрах иностранных государств до настоящего времени. Многие положения этих работ, написанные красивым русским языком людьми, чья рука не чуждалась писать любовные стихи и колкие эпиграммы, не потеряли актуальности до нашего времени и,

наверное, будут востребованы в будущем. Классика всегда останется классикой вне зависимости от уровня технологического прогресса цивилизации…

Однако в организации партизанской войны имелись и серьезные просчеты.

Во-первых, не были созданы условия для ведения «малой войны» на всем протяжении вражеских коммуникаций вплоть до государственной границы Российской империи. Блокирование коммуникаций в глубоком тылу наполеоновских войск можно было осуществить с помощью подразделений Северной армии под командованием П. Х. Витгенштейна и Южной армии под командованием П. В. Чичагова. При должном внимании эти подразделения могли практически полностью перерезать операционную линию Смоленск – Варшава, обескровив армию Наполеона и заметно облегчив боевые действия регулярной русской армии на основных стратегических направлениях.

Во-вторых, практически не были использованы преимущества егерских полков. Егерские команды входили только в состав отрядов Кудашева и Фигнера, а в остальных в лучшем случае находились сборные группы пехоты. С помощью умелых стрелков из состава егерских полков можно было организовать в тылу французской армии «снайперский террор из засад». Используя преимущества прицельного огня на дальних дистанциях, егеря могли наносить огневое поражение противнику и уходить с места засады практически без потерь, что подтверждала эффективность работы «партизанских партий» Фигнера и Кудашева. А ведь подобную тактику применял еще Евпатий Коловрат, использовавший в лесной местности отборные группы стрелков из лука, которые передвигались на лыжах в тылу ордынских конных туменов.

Каждый из командиров «партизанских партий» использовал свои методы борьбы с противником, порой очень плохо согласовывавшиеся с основными задачами партизанского движения. Многие захватывали пленных, которые часто восставали и с боями прорывались к своим, нанося урон партизанам. Конвоирование пленных в расположение главных сил не только требовало времени, но и отвлекало от активной борьбы с противником. При конвоировании партизаны могли наткнуться на большие группы французских мародеров либо на французские военные гарнизоны, что также приводило к нежелательным потерям.

Мы уже говорили о том, что часть офицеров порицали жесткую позицию Фигнера по отношению к захваченным в плен французам. Повторим, команды мародеров в большинстве

случаев расстреливали, но еще чаще судьбу французских солдат решали крестьянские сходы тех деревень, которые подвергались разграблению. Народный суд, как правило, завершался публичной казнью грабителей. Казнили не только рядовых, но и офицеров-дворян, бесчинствовавших не меньше. Фигнер объяснял свою позицию тем, что прощать неприятелю варварство непростительно, к тому же слухи о жестокости русских охлаждали пыл у многих потенциальных кандидатов поживиться за чужой счет. Фигнер отправлял в главную Ставку лишь небольшие группы старших офицеров, остальных он либо обменивал на своих пленных, либо безжалостно и показательно казнил. Давыдов в своих записках порицает подобный подход, но надо учитывать, что излишнее «рыцарство» стоило жизни многим партизанам.

Кампания 1812 г. еще раз показала, что ведение партизанской войны требует серьезного пересмотра философских и морально-этических основ организации и ведения боевых операций, специального отбора и подготовки бойцов. Более всего к такой деятельности оказались приспособлены казачьи части, ряд уланских и гусарских частей и некоторые егерские группы под «дельным и рачительным» руководством достойного командира. Особого успеха добивались те партизанские командиры, которые умели достичь соглашения с группами крестьян, самостоятельно защищавшими свои дома в пределах захваченных или прифронтовых уездов. Именно такое взаимодействие всех сословий делало войну подлинно народной. Чванство и «аристократически-помещичье самодурство» многих офицеров оборачивались чудовищными потерями, глухой волной народного ропота, а подчас и открытым вооруженным сопротивлением крестьян своим же «освободителям».

Горько сознавать, что накопленный русской армией опыт ведения специальных армейских операций был частью утерян, а частью не востребован в должном объеме. Ведь как могла измениться история Европы в случае пленения Наполеона во время Русской кампании 1812 г.! На российских военных скрижалях этот факт мог занять совершенно особое место. Но, увы, окруженный со всех сторон, император Франции прошел со своей гвардией сквозь позиции русских войск, как нож сквозь масло. Несгибаемый дух, серьезная подготовка и личная преданность солдат Наполеона сделали свое дело. Верность гвардейцев императору, их мужество на поле боя были прямым следствием заботы Наполеона о своей гвардии.

Д. В. Давыдов высоко оценил поведение «старых ворчунов», как называли французскую гвардию в начале ноября 1812 г., в

своих мемуарах:

«Наконец, подошла старая гвардия, посреди коей находился сам Наполеон. <…> Неприятель, увидя шумные толпы наши, взял ружье под курок и гордо продолжал путь, не прибавляя шагу. Сколько ни покушались мы оторвать хотя одного рядового от сомкнутых колонн, но они, как гранитные, пренебрегали все усилия наши и остались невредимыми… Я никогда не забуду свободную поступь и грозную осанку сих всеми родами смерти угрожаемых воинов! <…> Гвардия с Наполеоном прошла посреди толпы казаков наших, как стопушечный корабль между рыбачьими лодками».[8]

К сожалению, опыт большинства «партизанских партий» не нашел должного развития и продолжения в теории и практике военного искусства. Опыт екатерининских егерей и партизан 1812 г. во многом оказался утраченным. Книга Д. Давыдова «Опыт теории партизанского действия», впервые изданная в 1821 г., практически не изучалась. Во время Польской войны (восстания 1830–1831 гг.) это позволило отряду Г. Дембиньского (ок. 4000 человек) пройти сквозь боевые порядки русских войск из Литвы под Варшаву через Беловежскую Пущу. И только столкнувшись с ожесточенным сопротивлением горцев в ходе многолетней Кавказской войны (1817–1864), об опыте партизанских действий вспомнили опять.

А ведь генерал-лейтенант Давыдов (это звание он получил в 1831 г.) дал первое теоретическое обоснование применения легких войск в российских условиях. В его книге исследованы многие вопросы подготовки и ведения партизанских действий мобильными отрядами регулярной армии. Он писал:

«Военное устройство каждого государства должно согласовываться с обычаями, нравом и склонностями народными; иначе полководцы обманутся в расчетах своих! Природа непобедима; дорого заплатят те, кои для успеха оружия своего дерзнут преобразовать турок в кирасиры и подчинить их тактическим построениям и оборотам или обеспечатся в лагере, охраняемом европейцами, одетыми в казачье платье. <…>

Верх совершенства военной силы должен бы заключаться в совокупном обладании европейскою армией войсками азиатских народов, дабы первою сражаться в полном смысле слова, а последними отнимать у неприятеля способы к пропитанию и к бою… Я говорю о казаках».[9]

Книга Давыдова являлась и первым практическим пособием по формированию и подготовке партизанских отрядов, руководству ими и боевому применению в тылу неприятеля. Не остались без внимания и особенности тактики армейских

партизанских отрядов. Оценив потенциал иррегулярных казачьих войск, Давыдов предложил сформировать в России кавалерийские подразделения, специально предназначенные для ведения партизанских действий в тылу противника. Но, но, но… Всегдашнее шапкозакидательское настроение, равно как и высокомерие высших военных и политических кругов, уже пожинавших плоды великой победы над недавним кумиром и завоевателем Европы, отбрасывало все остальные «мелочи» в сторону. К тому же страх иметь сильные самостоятельные структуры военной машины, готовые в любой момент к ведению «особых военных действий, отличиствующих от способов военных регулярных войск», пугали высшее начальство. Слепое подчинение и четкость построений на плацу более грели душу…

Выше мы уже упомянули Кавказскую войну 1817–1864 гг. Кавказский корпус, который вел боевые действия с регулярными армиями Турции и Персии, а с 1817 г. постоянно участвовал в боях с горцами, являлся наиболее боеспособной частью русской армии. Кавказская война велась специфическими методами, поскольку горцы использовали партизанскую тактику – засады и налеты. Прочные кованые стволы старинных ружей, находившихся на вооружении горцев, позволяли использовать двойной заряд пороха, что увеличивало дальность стрельбы с 250 до 400–500 м. Прочностные характеристики более легких штатных армейских ружей этого не позволяли, а нарезных штуцеров в корпусе были единицы. Располагаясь на господствующих высотах, горцы получали не только огневое, но прежде всего тактическое преимущество, успевая в случае угрозы окружения отойти в безопасное место.

Специфика ведения боевых действий против горцев (разведка, засады, налеты) в условиях пересеченной местности привела к появлению у казаков особых пеших команд, которые еще при светлейшем князе Г. А. Потемкине в XVIII в. получили название пластунских. Характер выполняемых ими задач, способы разрешения поставленных задач на местах, взаимодействие агентурной и силовой разведки, а также методы подготовки пластунов во многом схожи с деятельностью современного армейского спецназа. Девиз пластунов: «Лисий хвост, волчья пасть» – наилучшим образом характеризует особенности их тактики. Однако первые штатные команды пластунов из состава Черноморского и Кавказского казачьих войск, использовавшие тактику засад и молниеносных налетов, были созданы в России только в 1828–1829 гг.

Историк кубанского казачества Андрей Серба так описывает систему подготовки пластунов:

«Будущие разведчики обучались побеждать „голыми“ руками вооруженного противника, в одиночестве противостоять нескольким врагам, совершать длительные пешие переходы, быстро бегать и плавать, уметь задействовать в экстремальной ситуации все резервы тела, в нужный момент при давать конечностям и суставам неестественное положение. Заодно закалялась и воля будущих лазутчиков: их учили „держать удар“, быть невосприимчивыми к физической боли, не теряться в любой ситуации: например, внезапно провалившись при беге в ночном лесу в яму-ловушку, обучаемый во время падения должен был поразить цель из пистолета или нанести по сторонам несколько ударов кинжалом.

Лучшим из выпускников доверялись тайные миссии, остальные усиливали различные спецотряды».[10]

В 1842 г. в составе Кавказской армии были сформированы пластунские батальоны – армейский спецназ своего времени, – число которых к началу Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг. увеличилось до шести. Их боевая деятельность до сих пор может служить образцом для подражания. Добавим, что П. А. Судоплатов родился на юге и в детстве и юности вполне мог слышать рассказы о боевых действиях времен Отечественной войны 1812 г., Кавказской и Крымской войн. А некоторые понятия о тактике белых и красных казаков он получил на своем собственном опыте в период Гражданской войны. Об этом мы расскажем впоследствии.

Однако вернемся к событиям, связанным с теорией и практикой «малой войны». В 1850 г. полковник И. В. Вуич написал книгу «Малая война». Под «малой войной» он понимал разведку, сторожевое охранение, действия в тылу противника и охрану собственных тылов. Таким образом, теоретические разработки и боевая практика отдельных воинских частей позволяли сделать вывод о необходимости более активного участия специальных подразделений в противоповстанческих действиях, но на практике этого не случилось. Отметим, что большинство тактических приемов партизанской и контрпартизанской войны, использовавшихся в XIX в., не утратили значения до настоящего времени.

Во время Крымской кампании французские генералы показали, что хорошо помнят уроки партизанских действий русских отрядов в Отечественную войну 1812 г. Когда после взятия Севастополя французское правительство начало планировать наступление вглубь России, командующий французской армией генерал Э. Пелисье заявил, что уйдет в отставку, если ему отдадут такой приказ. Опытный генерал

хорошо представлял сложность защиты коммуникаций, протянувшихся от побережья до центральных губерний России. Можно с уверенностью сказать, что угроза партизанской войны была одной из причин, заставивших союзников отказаться от продолжения военных действий.

В то же время существенным просчетом военно-политического руководства Российской империи следует считать высокомерное пренебрежение вопросами оперативно-тактической разведки и организации диверсий. В 1859 г. генерал-майор Н. С. Голицын не без горечи указывал, что теория партизанской войны у нас не преподается и учебных пособий, кроме книги Давыдова, нет.

Во время Польского восстания 1863–1864 гг. повстанцы широко применяли тактику партизанской войны, и только крайне слабая тактическая и огневая подготовка партизан, отсутствие у них современного оружия и решительные действия русских войск не позволили им развернуть затяжную партизанскую войну. После успешных кампаний 1812–1814 гг. российские вельможи уверовали в абсолютную непобедимость русского оружия на все времена и достаточно преуспели, укрепляя эту идею в сознании самодержца российского. Годы, как им и положено, сменяли друг друга, а самодовольные военачальники напыщенно рассуждали о том, что давно кануло в Лету. Но время, как известно, неумолимо, и тот, кто хоть на миг отстанет от его стремительного полета, уже вряд ли сможет догнать эту незримую, но вполне ощутимую субстанцию…

В США уже шла Гражданская война, в ходе которой тактику партизанской войны успешно применяли южане, привлекая для ее ведения индейцев. Их сторонники на Севере инициировали народные волнения и срывали попытки введения всеобщей воинской повинности.

В ходе Гражданской войны обе противоборствующие стороны применяли тактику кавалерийских рейдов по тылам противника. Первыми здесь проявили себя южане, избрав в качестве объектов нападения железные дороги северян, учитывая, что из 53 000 километров железнодорожных путей 35 000 километров приходилось на северные штаты. Удары по коммуникациям были настолько эффективными, что заставляли командование северян надолго приостанавливать наступательные операции, а иногда и вовсе отказываться от их проведения.

По сути, кавалерийские рейды южан и северян напоминали тактику русских драгунских подразделений XVIII в., а их успеху способствовало широкое внедрение скорострельного оружия под унитарный патрон уменьшенного калибра, особенно винтовок

Хенри с подствольным магазином образца 1860 г. и револьверов Адамса, Кольта и Смит-Вессона. В 1862 г. американский полковник Х. Бердан сформировал первое в армии США снайперское подразделение, на вооружении которого состояли казеннозарядные капсюльные ружья Шарпса 52-го калибра (13,2 мм), заряжавшиеся бумажным патроном. Ружья весили до 15 кг и могли оснащаться телескопическим прицелом во всю длину ствола.

Американский опыт рейдовых операций не получил должного признания в европейских военных кругах, загипнотизированных тактическими успехами прусской армии во время войны с Австрией (1866). Однако передовые военачальники России американский опыт внимательно изучили. В 1867 г. на маневрах Варшавского военного округа отряд полковника Рубашевского численностью 600 сабель за 44 часа прошел 160 верст и проник в тыл войскам, прикрывавшим Варшавско-Брестскую железную дорогу. В ходе учений был предпринят ряд успешных налетов на воинские части, находившиеся в стадии мобилизации. В 1875 г. генерал-майор Н. Н. Сухотин впервые представил в Николаевской академии Генерального штаба обобщенное теоретическое исследование, посвященное рейдовым действиям кавалерии в Гражданской войне в США, – в России всегда были и будут люди, старающиеся ввести в профессиональную военную среду самые передовые методы ведения нестандартных боевых действий!

Из европейских лидеров последней трети XIX в. возможности партизанской войны наиболее успешно использовал О. Бисмарк. В борьбе с Австрией он финансово и организационно поддерживал подготовку вооруженного восстания в Венгрии, которая по числу повстанческих дивизий была разделена на восемь районов, а те в свою очередь делились на два—четыре бригадных округа. Для каждого населенного пункта назначался командир партизанского отряда, тайно вербовавший сторонников партизанской войны. Тайные союзники Пруссии командировали в венгерские полки своих агитаторов, в результате работы которых венгры сдавались в плен батальонами. Под руководством венгерских военных – противников Австрии – из этих пленных в Силезии был сформирован венгерский легион, в конце войны перешедший в австрийский тыл.

А. А. Свечин писал: «Бисмарк был прав, так как не уничтожение вооруженных сил Австрии, а угроза венгерского восстания в тылу в конечном счете заставила Франца-Иосифа пойти в последнюю минуту на предложенные Бисмарком условия мира; тем самым венгерская политика Бисмарка чувствительно уменьшила издержки борьбы за объединение Германии».[11]

Во время войны с Францией (1870–1871) в тылу прусской армии активно действовали партизанские отряды франтиреров – вольных стрелков. К концу войны для защиты коммуникаций германское командование было вынуждено держать целую армию в 150 000 человек при 80 орудиях.

В 1885 г. полковник Генерального штаба Ф. К. Гершельман опубликовал книгу «Партизанская война», которая и в настоящее время не потеряла актуальности. Анализируя историю партизанских действий от Тридцатилетней до русско-турецкой войны 1877–1878 гг., автор сделал поразительно точное заключение о цикличности партизанской войны, которая «…в смысле известного средства борьбы с противником не вырабатывается постепенно, так сказать, не совершенствуется, а является от времени до времени в истории войн как бы случайно. Несмотря на блестящий результат партизанских действий, их как будто забывают даже в тех армиях, которые ими пользовались сами, и только после большого промежутка времени, после нескольких войн опять обращаются к этому средст ву».[12]

На основании тщательного анализа исторического опыта Гершельман сделал вывод, что партизанская война имеет стратегическое значение.

«Выполнением указанной общей задачи партизанская война достигает следующих результатов:

1. Результаты материальные, выражающиеся в том материальном ущербе, который наносит партизанская война противнику. <…>

2. Результаты нравственные, выражающиеся в том, что, нанося более или менее сильный удар моральному состоянию армии противника, истомив, измучив ее постоянными опасениями за тыл, партизаны надламливают нравственное состояние армии, поселяют в армии противника, а также и в местном населении невольный страх, при случае легко переходящий в панику.

3. Результаты политического свойства, которые выражаются в том или другом нравственном влиянии, давлении партизан на население края, в чем проявляется уже чисто политическое значение партизанской войны. <…>

4. Результаты чисто стратегические, которые обрисовывают собою и стратегическое значение партизанских действий. К числу последних надо отнести следующие:

1) Лишение армии противника всех необходимых ей для жизни и боя запасов уничтожением последних, затруднением фуражировок и нарушением правильных подвозов к армии, а также несвоевременность прибытия к ней подкреплений.

2) Замедление, а иногда и окончательная приостановка развития операций армии противника. <…>

3) Отвлечение части сил неприятельской армии, и притом сравнительно больших сил, чем те, которые употреблены для партизанских действий, от решительных пунктов на стратегическом фронте ее и ослабление последнего, что приводит к возможности сосредоточить на решительном пункте театра войны в решительную минуту превосход[ящие] сравнительно с противником силы или по крайней мере до известной степени уравновесить их. <…>

4) Необходимость для наступающего под влиянием партизанских действий противника отказаться от предпринятых операций, от предполагаемого плана действий, обращаться временно к обороне. <…>

5) Нарушение связи между отдельными частями неприятельской армии.

6) Поддержка связи между отдельными частями своей армии.

7) Отвлечение внимания противника от решительных пунктов, т. е. результаты демонстрации. <…>

8) Отвлечение кавалерии противника от тыла собственной армии, т. е. противодействие набегам противника. <…>

9) Партизанские действия затрудняют возможность пользования железными дорогами как коммуникационными линиями, заставляя иногда вовсе отказаться от них. <…>

10) Партизанские действия дают возможность наносить противнику вред, пользуясь в то же время полным отдыхом войск армии во время перерыва главных операций. <…>

11) Доставление своей армии обильных и самых точных сведений о противнике, а также о местности. <…>

12) Лишение армии противника возможности производить дальние рекогносцировки и собирать необходимые сведения о неприятельской армии.

13) Доставление собственной армии необходимых продовольственных средств и боевых запасов. <…>

14) Постоянные неожиданные нападения и тревоги истомляют противника, заставляя значительно усиливать наряд войск в разных случаях. <…>

15) Вооруженное восстание жителей в тылу армии противника. <…>

16) При действиях в своей стране партизанские действия служат средством для поддержания порядка в тылу армии противника и пресечения грабежа.

<…> Партизанской войне принадлежит чисто стратегическое значение. Партизанская война есть орудие

стратегии и представляется одним из самостоятельных, и притом могущественных, средств стратегии для борьбы с противником. <…> Не все армии могут в одинаковой степени пользоваться партизанскою войною по недостатку коневых средств и не вполне соответствующему для того составу кавалерии. Вот это-то обстоятельство нам и кажется главною причиною тех громких голосов, которыми заговорили в Европе против партизанской войны по склонности человеческой природы – браковать то средство, которым мы не умеем или не можем пользоваться».[13]

Полковник Генерального штаба Н. Н. Сухотин так определял основную задачу кавалерийских частей:

«В рощах, лесах, в лощинах, за высотами укрываясь, стоять или передвигаться коннице, зорко наблюдать за происходящим и выискивать себе добычу, а не наоборот – не пассивно ожидать благоприятных моментов для стройных атак-шоков или безнадежно отыскивать равнины, луга и поля для своих стройных эволюций тонкими и длинными линиями – вот к чему должна готовить себя наша конница… Наши коневые средства и наши средства населения в смысле комплектования позволяют из конницы иметь буквально конную армию, такую же совершенно оригинальную, только России свойственную силу, каковою у англичан является их флот, в Швейцарии – ее стрелки; не десятками тысяч коней может и должна считаться наша конница, а сотнями тысяч».[14]

Как видим, основная идея Сухотина заключалась в сведении кавалерийских частей в конную армию, которая, являясь продолжателем традиций летучих «корволантов» военного сподвижника Петра Великого – Меншикова, могла решать стратегические задачи и на фронте и в тылу противника.

Особую роль в деятельности конных корпусов Сухотин отводил организации «…команд разведчиков, которые должны составить принадлежность штабов и начальников отрядов».[15] Первые регулярные занятия по обучению разведывательной службе начались в 1881 г. в лейб-гвардии Уланском полку. Один из организаторов этой службы полковник Генерального штаба С. Д. Чистяков впоследствии писал: «Какого-либо руководства печатного в то время еще не существовало…Приходилось самому из различных сочинений, русских и иностранных, делать для себя выписки и заметки».[16] В 1886 г. во всех кавалерийских, а затем и в пехотных полках были заведены команды добровольцев-охотников из солдат, наиболее способных к разведывательной службе и выполнению ответственных поручений. Первоначально команды охотников состояли из четырех, а впоследствии из шестнадцати человек на эскадрон и роту.

В 1887 г. издана составленная полковником С. Д. Чистяковым книга «Обучение эскадронных и сотенных разведчиков». В теоретической части наставления имелись следующие отделы (главы): «Назначение разведчиков»; «Краткие сведения по топографии»; «Разведывательная служба»; «Разведка различных местных предметов»; «Разведка противника на позиции»; «Разведка неприятеля в движении»; «Сторожевая служба. Разведка сторожевой цепи и бивака противника». В приложении давались образцы донесений, направлявшихся разведчиками своему командованию. В книге подчеркивалось, что обучение предметам, усвоение которых зависит от «искусства исполнения», следует производить «более показом, чем рассказом». Один из разделов, к сожалению факультативный, предусматривал обучение разведчиков основам диверсионной деятельности в тылу противника. Согласно наставлению, в разведчики следовало назначать «отборных людей»: наиболее сметливых, сильных и смелых, хорошо умеющих ездить верхом, рубить шашкой и стрелять, с отличным зрением и слухом, по возможности грамотных и умеющих плавать. Кроме штатных команд к исполнению разведывательной службы должны были быть подготовлены и все унтер-офицеры.

Внешнеполитическая ситуация на рубеже XIX–XX вв. характеризовалась нарастанием экономических и политических противоречий между ведущими мировыми державами, итогом которых стал ряд локальных войн, завершившихся глобальной мировой схваткой. К концу XIX в. для ведения войны с помощью регулярных армий государствам требовалась мобилизация многомиллионных людских и материальных ресурсов. Воюющие страны несли колоссальные людские и экономические потери. Победа в войне стала все менее зависеть от исхода генерального сражения или ряда сражений. Политические и военные деятели активно использовали методы борьбы, которые можно обозначить как специальные операции: подрыв экономики противника с помощью фальшивой валюты; массированное психическое воздействие путем пропаганды; создание агентуры влияния; поощрение и поддержка сил внутренней оппозиции; инициирование революционной ситуации; активное использование технологических новаций в военной области и в области массового уничтожения людских ресурсов.

Все большее значение приобретала стратегическая информация о военно-политических замыслах вероятного противника и союзников, о состоянии экономики и финансов, о социально-политических процессах, типичных для общества. Получение конфиденциальной информации о положении дел

противника и защита собственной информации стали не менее важными задачами, чем обеспечение боеготовности регулярных вооруженных сил.

В ходе межгосударственных войн и внутренних конфликтов повышалась роль партизанских, в том числе диверсионно-террористических действий, которые осуществлялись иррегулярными формированиями, опиравшимися на поддержку населения. Мобильные группы, действовавшие на коммуникациях противника, добывали разведывательную информацию, уничтожали инфраструктуру противной стороны и источники ее материально-технического снабжения. Применение регулярных армейских подразделений против партизанских формирований, особенно в условиях труднодоступной местности, как правило, было малоэффективным. Инициатива в выборе места и времени сражения позволяла небольшим подразделениям наносить поражение превосходящим силам противника. Научно-технический прогресс, который первым делом реализовывался именно в военном деле, затронул практически все стороны военного искусства, а особенно разработку все более скорострельного и компактного оружия, новых типов отравляющих и взрывчатых веществ, методов их камуфли рования и применения. Прямым следствием этого стало значительное повышение к началу XX в. результативности диверсионных и террористических акций в военной и политической среде. Именно спецслужбы и подразделения специального назначения теперь могли активно дополнять, а в некоторых случаях вполне компетентно заменять действия больших воинских соединений. И, что крайне немаловажно, с поразительным по эффективности и внешней эффектности результатом.

К концу XIX в. во многих странах действовали революционные или повстанческие организации, взявшие на вооружение тактику партизанской (террористической, военно-диверсионной) борьбы с правительствами своих стран, с администрациями держав-оккупантов или с войсками колониальных армий.

В России также происходило усиление противостояния между различными социальными слоями общества; революционные идеи переустройства политической системы находили все большую поддержку у населения. Появилось большое количество революционных организаций, ставивших своей целью свержение самодержавия и бравших на вооружение силовые методы борьбы с правительством. В этих условиях вооруженные силы и специальные службы Российской империи были вынуждены вести

войну на два фронта – против угрозы внешней и внутренней, и трудно сказать, какая из них была более опасной.

В ходе японо-китайской войны 1894–1895 гг. китайские вооруженные силы были разгромлены. Правительство Японии потребовало от побежденных территориальных уступок (остров Тайвань, острова Пэнхуледао и Ляодунский полуостров), а также признания независимости Кореи. Однако правящие круги Германии, России и Франции, преследовавшие собственные интересы, оказали давление на японское правительство и заставили последнее отказаться от Ляодунского полуострова.

Вначале Германская империя обзавелась военно-морской базой на территории Китая, а в ноябре 1898 г. русские военные корабли вошли на рейд Порт-Артура; в марте следующего года туда прибыли и подразделения сухопутной армии. Между Китаем и Россией был подписан договор об аренде южной части Ляодунского полуострова сроком на 25 лет – эта территория вошла в состав (!) Российской империи под названием Квантунская область. В Маньчжурии в 1897 г. началось строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД).

После того как российская дипломатия лишила Японию плодов ее победы над Китаем, русско-японские отношения серьезно ухудшились: японское правительство и общество жаждали реванша.

Устройство созданных для охраны строительства КВЖД специальных подразделений было аналогично устройству подразделений Отдельного корпуса пограничной стражи. В связи с тем что службу предстояло нести на территории Манчжурии, они были названы Охранной стражей. Первым ее командиром стал полковник А. А. Гернгросс. Первоначально в его подчинении находились 5 конных сотен, укомплектованных исключительно добровольцами, общей численностью 750 человек. Границу России и Китая охраняли казаки Амурского, Забайкальского и Уссурийского казачьих войск, на действительной службе в которых состояли в мирное время 3500 сабель. Охрана границы и КВЖД осуществлялась путем выставления постов, промежутки между которыми контролировали патрули и разъезды. В случае военных действий казачьи части и подразделения Охранной стражи поступали в оперативное подчинение командования Приамурского военного округа.

В 1899 г. в Китае началось восстание против оккупационных войск, организатором которого было тайное общество Ихэцюань («Кулак во имя справедливости и согласия»). Поскольку многие повстанцы владели традиционными боевыми искусствами, а слово «цюань» в переводе с китайского означает «кулак»,

европейцы стали называть их «боксерами», а само восстание – «боксерским». На протяжении всего 1899 г. происходили нападения на посты охраны КВЖД отрядов повстанцев и хунхузов – разбойников. Иногда грань между ними была весьма условной: партизанские группы восставших маскировались под хунхузов, а последние нередко помогали партизанам, особенно если имели материальную выгоду. Несмотря на небольшую численность русских постов (5—10 человек), бойцы успешно отражали нападения противника. Совершались также рейды конными разъездами (до 50 человек) при удалении от КВЖД на расстояние до 70 километров.

Тактика действий отрядов противника базировалась на внезапности нападения. Часто они маскировались под мирных китайцев, чтобы подойти вплотную и «схватить противника за пояс». В этом случае использование длинноствольного оружия, находившегося на вооружении охраны, было крайне затруднено, а противная сторона получала преимущество, так как использовала приемы боевых искусств и холодное оружие. Но поскольку боевая подготовка стражников находилась на высоком уровне, а служба неслась в полном соответствии с уставами, потери в личном составе с нашей стороны исчислялись единицами.

В конце 1899 г. российское правительство приняло решение об усилении Охранной стражи. К началу следующего года в ее составе насчитывалось 2000 штыков и 2500 сабель. А. А. Гернгросс получил чин генерал-майора и права командира Отдельной бригады Отдельного корпуса пограничной стражи.

В начале 1900 г. отряды хунхузов стали проникать на русскую территорию и доходить до Никольск-Уссурийского и Владивостока. 13–14 июня отряды восставших и примкнувшие к ним правительственные войска блокировали в Пекине иностранные посольства, которые перешли на положение осажденных крепостей. В ответ на это ведущие европейские державы, Япония и США организовали интервенцию в Китай. 21 июня правительство Китая объявило состояние войны со всеми странами, чьи войска находились на территории страны. Эту войну, о которой мало кто знает, по нашему мнению, следует считать скорее военно-полицейской операцией, которая проводилась в соответствии с нормами международного права. Войскам восьми государств – Австро-Венгрии, Америки, Англии, Германии, Италии, России, Франции и Японии – противостояли хорошо вооруженные, но слабо обученные китайские отряды, не имевшие единого командования. Военные действия в Маньчжурии и Печилийском районе имели характер масштабных партизанских операций и рейдов. Основную тяжесть боев со

стороны российских войск первоначально приняли на себя подразделения Охранной стражи.

Отряды стражников действовали самоотверженно и тактически грамотно: они не проиграли ни одного сражения при минимальных, около 1 процента убитыми, потерях. В авангарде войск союзников шли российские флотские роты и батальоны сибирских стрелков.

А. Керсновский писал: «Китайские походы 1900 года явились боевым крещением Амурских, Забайкальских и новоучрежденных Восточно-Сибирских стрелковых полков. Личный состав их оказался превосходным, получив закалку в долголетней многотрудной пограничной службе на этой беспокойной окраине. Служба эта выработала в наших дальневосточных войсках качества, аналогичные создавшимся в кавказских и туркестанских, – природные свойства русского воина, не стесненного чужеземными лжеучениями: способность быстро принимать решения, частный почин, боевую сноровку. И молодым сибирским полкам пришлось скоро применить эти качества в другой, гораздо более серьезной, тяжелой войне».[17] Однако опыт китайской кампании, имевшей все признаки партизанской, в который уже раз в российской истории не был должным образом проанализирован и скрупулезно изучен. Внимание русской общественности, в том числе и военной, занимала война, шедшая в то время на юге Африки.

Англо-бурская война 1899–1902 гг. не имела прямого отношения к России, однако оказала большое влияние на развитие военного дела в мире. Одна из самых мощных, но при этом и наиболее консервативных армий мира – британская – два с лишним года не могла подавить сопротивление Трансвааля и Оранжевой Республики, практически не имевших регулярных войск. Фермы буров (потомков европейских поселенцев, преимущественно голландских) находились в нескольких километрах, иногда в двух-трех десятках километров одна от другой на территории, отвоеванной у местных племен. Буры находились в состоянии постоянной готовности защищать с оружием в руках свою семью и собственность и оказывать помощь соседям. Их тактика, выработанная в борьбе с африканскими племенами, равно как и индивидуальная стрелковая подготовка, была на уровне элитных подразделений европейских армий. По иному было просто невозможно выжить в окружающих условиях. В искусстве же применения боевой тактики в привязке к местности, в умении маскироваться, самоокапываться и в проявлении разумной военной инициативы буры значительно превосходили европейских офицеров и солдат. К тому же

большие расстояния, которые им приходилось преодолевать, сделали из них отличных наездников.

На вооружении буров состояло до 35 000 магазинных винтовок системы «маузер» под патрон 7,92 × 57. На каждую винтовку было заготовлено по 2000 патронов. Кроме того, у буров имелось 28 скорострельных 37-миллиметровых пушек «пом-пом» и 37 пулеметов «максим» на высоких лафетах. Тяжелая артиллерия состояла из шестнадцати 155-миллиметровых пушек Шнейдера и четырех 120-миллимметровых гаубиц Круппа. Артиллеристы были профессиональными военными, состоявшими на действительной службе и в мирное время. Поскольку буры во время войны действовали небольшими подвижными конными отрядами, их артиллерия действовала поорудийно, а не побатарейно, как в большинстве армий того времени. Каждое орудие занимало огневую позицию с учетом определенного сектора или зоны обстрела, а само орудие тщательно маскировалось. На артиллерийский огонь англичан буры практически не отвечали, их орудия открывали огонь только в критический момент боя. Недостатками бурской армии являлись выборность командного состава, слабая дисциплина в сводных отрядах и отсутствие опыта ведения боевых действий в составе больших подразделений.

В то же время стрелковую подготовку английской пехоты можно назвать крайне слабой. Солдаты не были обучены самостоятельно находить цель в боевой обстановке, особенно на дальних дистанциях. Предпочтение отдавалось залповой стрельбе по площади в надежде на многократное перекрытие зоны нахождения противника большим числом стрелков. К службе в разведке, в дозорах и в боевом охранении английские солдаты в 1899 г. оказались практически не готовы. Кавалерия ходила в атаку сомкнутым строем, вести боевые действия в пешем порядке конники не умели. К ведению разведки и проведению рейдов в тылу противника английская кавалерия и вовсе не была подготовлена. Полевая артиллерия не имела на вооружении дальнобойных орудий. Однако значительный численный перевес англичан (250 000 против 20 000), а также слабая выучка командного состава буров привели к тому, что ко второму году войны удалось оккупировать практически все культурные районы бурских республик. Живая сила бурской армии при этом не была разгромлена, и борьба продолжалась.

В ряду причин, обусловивших столь долгое сопротивление буров, одна из главных – широкое использование ими после 1900 г. методов партизанской войны. Прирожденные охотники и следопыты, ориентировавшиеся в буше как в своем собственном

доме, буры широко применяли индивидуальный прицельный ружейный огонь, который оказался необычайно эффективным. Со времен англобурской войны стрелков, ведущих огонь из засад, стали называть снайперами (*sniper*). Именно снайперы вынудили английскую армию сменить яркие красные мундиры на форму цвета хаки, а уцелевшие в дозорах курильщики ввели в солдатский обиход классическое военное правило: «Никогда не прикуривай третьим». Партизанские отряды во главе с Х. Деветом, Я. Делареем и Л. Бота совершали рейд за рейдом по тылам противника. Взятых в плен английских солдат не казнили, а отпускали, предварительно сняв мундиры. Низкий моральный дух английских войск, плохо налаженная сторожевая служба и… легкие условия бурского плена во многом обусловливали успехи бурских партизан.

Англичане отвечали на действия партизан репрессиями против местного населения и сожжением ферм, что приводило в ряды партизан множество новых бойцов. Вначале для борьбы с ними англичане выставляли гарнизоны во всех важных пунктах и осуществляли рейды мобильными отрядами. Затем всех мирных буров, включая женщин и детей, помещали в концлагеря по опыту впервые введенных концентрационных лагерей в период войны Севера и Юга в Америке, а скот реквизировали. К тому же англичане усовершенствовали и систематизировали эти образования, стараясь подавить дух сопротивления в свободолюбивых людях. На территориях, где базировались партизаны, были возведены линии блокгаузов (блокпостов) протяженностью до 5000 километров. Они располагались друг от друга на расстоянии около 1 километра и соединялись проволочными заграждениями. Первоначально блокгаузы строились вдоль железных дорог, а затем повсеместно. Гарнизон блокгауза состоял из 10 солдат с пулеметом, всего на блокпостах было задействовано до 50 000 человек. Также англичане применяли против буров тактику загонов (дрейвов). Район действия партизан охватывался по периметру в несколько сотен километров цепью блокгаузов, а кавалерийские части постепенно стягивали кольцо окружения. Дрейвы представляли собой сложные операции, к участию в которых привлекались десятки тысяч солдат. Они позволяли вылавливать семьи буров, скот и уничтожать все их запасы. Для борьбы с партизанами и охраны железных дорог впервые были применены надежно укрытые мешками с песком, а впоследствии и бронированные поезда, на вооружении которых находились орудия и пулеметы.

Вожди буров пошли на подписание мирного договора 31 мая 1902 г. только под угрозой полного уничтожения нации. В англо-

бурской войне в качестве военного корреспондента участвовал и будущий премьер-министр Великобритании У. Черчилль; он был пленен бурами и смог получить свободу лишь ценой фамильных золотых часов, отданных в качестве платы за свободу одному сочувствующему африканеру. Спустя сорок лет Черчилль стал одним из наиболее последовательных сторонников активной диверсионной войны.

Наши читатели могут задать резонный вопрос: какое отношение Гражданская война в США, китайская кампания, англо-бурская война, а также локальные конфликты имеют к одному из наших главных героев? Ведь он родился значительно позже всех этих событий. Это, несомненно, так! Но дело в том, что во время вооруженных конфликтов обязательно совершенствуются оружие и тактика, в том числе и специальная диверсионно-террористическая. Личный состав воюющих сторон приобретает боевой опыт, но эти знания и умения впоследствии могут быть использованы не только в государственных интересах.

После любой войны или вооруженного конфликта появляется некоторое число лиц, способных и готовых применить свои знания, умения и навыки в антигосударственных целях. Такие лица могут использоваться в качестве инструкторов при подготовке антиправительственных, в том числе террористических групп и организаций. В определенной ситуации и при наличии мотивации они сами могут стать лидерами, организаторами или участниками незаконных повстанческих, революционных, сепаратистских и других организаций, а предыдущий военный опыт делает их наиболее опасными «силовыми» противниками правительства. Те специальные службы государства, которые не анализируют изменения в военной области и не прогнозируют возможность применения новых военных технологий против своих «подзащитных», рискуют «потерять» лидера, охрану которого они осуществляют. А иногда вместе с лидером можно потерять и страну, что и произошло в результате с Российской империей. Учителя П. А. Судоплатова в своем большинстве и некоторые его коллеги были выходцами из антиправительственных структур, родившихся в конце XIX в.

Конец XIX – начало XX в. представляет большой интерес в плане развития диверсионного и террористического искусства. Да-да, уважаемый читатель, – искусства. И не стоит морщить нос и хмурить брови. Не нравится формулировка? Что поделать – это действительно искусство, особенно в исполнении виртуозных профессионалов. И понять это крайне необходимо, иначе в наше неспокойное время, совершенно не гарантирующее безоблачное будущее, безопасность наших детей и внуков должны

обеспечивать не ремесленники, а еще более высококлассные профессионалы. В первую очередь начало XX в. связано с изобретением новых и новых образцов стрелкового оружия и боеприпасов. Здесь следует особо отметить, что до 1914 г. в Российской империи любой подданный, не имевший конфликтов с властями, мог приобрести огнестрельное оружие без особых проблем в оружейном магазине, поскольку хранение и ношение оружия преступлением не считалось. Преступным было его неправомерное применение. Некоторые ограничения существовали только в отношении образцов, официально принятых на вооружение и являвшихся государственной (казенной) собственностью. Имея средства, наши прадеды могли купить либо выписать из-за границы любое оружие из числа находившегося в открытой продаже, а затем официально зарегистрировать его в полиции на свое имя и беспрепятственно носить в кармане.

После англо-бурской войны истинные, а не назначенные (!) военные эксперты указывали на необходимость совершенствования индивидуальной стрелковой подготовки личного состава военных и полицейских подразделений; предусматривалось также и введение в личный состав отборных стрелков (снайперов). К чести наших соотечественников следует сказать, что уже в 1899 г. в России были изданы «Правила стрельбы на большие расстояния», учитывавшие возможности нового длинноствольного стрелкового оружия и мощных патронов. В начале XX в. для винтовок стали разрабатывать новые оптические (телескопические и призматические) прицелы. Ранее телескопические прицелы (подзорные трубы), устанавливаемые энтузиастами стрелкового дела на личных винтовках в единичных экземплярах, были длиной ненамного короче ствола. Наибольших успехов в этой области добились в Германии; оптические прицелы конструкции К. Цейса, созданные между 1900–1918 гг., стали основой для большинства последующих разработок в разных странах мира. Этими прицелами с кратностью от 2,5 до 4,5 стали оснащать винтовку Маузера «98» и ее модификации. Аналогичные работы проводились в Великобритании, США (тогда САСШ – Северо-Американские Соединенные Штаты) и Франции.

Параллельно в разных странах проводились конструкторские работы по созданию устройств, снижающих звук выстрела при стрельбе. Еще в 1790 г. тирольский оружейник Жирандони изготовил магазинное пневматическое ружье, принятое на вооружение одним из подразделений австрийской пограничной охраны. Это оружие, почти беззвучно стрелявшее на 100–150 шагов, использовалось австрийцами во время наполеоновских

войн. Основными источниками звука в огнестрельном оружии являются баллистическая ударная волна и быстрый выход пороховых газов из ствола. Устранить первый недостаток возможно применением дозвуковых (300–340 м/сек в зависимости от температуры воздуха) боеприпасов, а второй – с помощью специальных устройств, называемых глушителями. В 1898 г. французский полковник Гумберт установил на ствол винтовки цилиндр с клапаном, отсекающим пороховые газы после выстрела. В 1907 г. Х. С. и Х. П. Максимы запатентовали в США два варианта глушителей. Знаменитый изобретатель пулемета Х. С. Максим предложил конструкцию многокамерного глушителя расширительного типа, а его сын усовершенствовал конструкцию Гумберта. Первыми достоинства этого изобретения оценили охотники, которые получили возможность многократно стрелять по движущейся дичи. Подчеркнем, что первые глушители американского и английского производства свободно продавались в оружейных магазинах, в том числе и в России, и открыто рекламировались в газетах как фантастическое охотничье нововведение того времени.

В конце XIX – начале XX в. произошел качественный скачок в развитии короткоствольного оружия, что обусловлено изобретением бездымных порохов и созданием малогабаритных патронов. Во многих странах мира сконструированы и приняты на вооружение многозарядные (их тогда часто называли автоматическими) пистолеты. В 1895 г. П. Маузер запатентовал в Германии пистолет с постоянным магазином, расположенным перед рукояткой, под патрон 7,63 × 25 мм с бутылочной гильзой и пулей «оживальной» формы. Через два года начался массовый выпуск этих пистолетов под маркой «К-96». При длине ствола 140 мм и начальной скорости пули 430 м/сек пистолет имел кобуру-приклад и позволял уверенно поражать ростовую фигуру на дистанции до 250 м. На дистанции в 100 м пули укладывались в круг диаметром 30 см. Маузер имел десятизарядный магазин, автоматика работала по принципу отдачи ствола при его коротком ходе и отличалась высокой надежностью. Маузер «К-96» стал любимым стрелковым оружием путешественников, офицеров колониальных войск и повстанцев. Начиная с 1898 г. он широко применялся всеми (!) воюющими сторонами во всех (!) вооруженных конфликтах, став своеобразным «калашниковым» начала XX в. С многозарядным автоматическим пистолетом Маузера начинали свою военную карьеру многие известные впоследствии личности.

В 1900 г. в Бельгии началось производство пистолета американца Дж. Браунинга. Его конструкция оказалась настолько

удачной, что к 1912 г. был выпущен 1 млн пистолетов. При длине 164 мм, высоте 122 мм, массе 625 г он легко помещался в кармане. Патрон «браунинга» – 7,65 × 17 мм, сменный «коробчатый» магазин на 7 патронов располагался в рукоятке.

В 1903 г. бельгийская фирма «Fabrique nationale» выпустила в продажу 9-миллиметровый пистолет Браунинга (модель «07»), по форме и размерам напоминающий «ТТ». В 1906 г. Браунинг создал карманный пистолет калибра 6,35 мм на 6 патронов, свободно умещавшийся даже на женской ладони. Таких «малышей» было выпущено свыше 4 млн экземпляров.

Автоматика всех трех моделей работала по принципу отдачи свободного затвора. Пистолеты Дж. Браунинга быстро оценили не только военные, сотрудники полиции и специальных служб, но и боевики антиправительственных подпольных организаций. Популярность пистолетов была столь высока, что, например, в России аналогичные модели оружия, произведенные различными фирмами, в обиходе первоначально называли «браунингами».

В 1898 г. немецкий оружейник Г. Люгер приступил к усовершенствованию пистолета своего соотечественника Г. Борхарда; первая промышленная партия пистолетов системы Борхарда—Люгера была выпущена в 1900 г. Запирание ствола этой модели осуществлялось в мертвой точке с помощью затвора с шарнирно складывающимися рычагами. Рукоятка пистолета имела наклон в 120° по отношению к оси ствола, что обеспечивало исключительно удобный охват рукой. Первоначально использовался патрон калибра 7,65 мм с цилиндрической гильзой, с 1904 г. – патрон 9 × 19 мм. Этот боеприпас оказался настолько удачным, что большинство военных пистолетов и пистолетов-пулеметов в настоящее время спроектированы под этот тип. В том же 1904 г. пистолет получил название парабеллум – от латинской пословицы «Si vis pasem, para bellum» («хочешь мира, готовься к войне»). Стандартный образец имел длину ствола 100 мм, но выпускались и модели с удлиненными стволами – 150 мм (морская модель) и 200 мм (артиллерийская модель). Специальные образцы имели стволы длиной 250, 300 и 400 мм. Все пистолеты с удлиненным стволом снабжались приставным прикладом, а некоторые и накладным цевьем. Как и маузер, это достаточно компактное по сравнению с винтовкой оружие идеально подходило для точной «работы» специальных диверсионных и егерских подразделений.

По сравнению с другими странами ситуация с разработкой и внедрением короткоствольного оружия в Российской империи сложилась неблагополучная. Ни армия, ни полиция, ни спецслужбы в начале XX в. не имели револьверов и пистолетов

отечественного производства. В 1854 г. С. Кольт подарил Николаю I несколько экземпляров своих револьверов. К тому времени на Тульском оружейном заводе был изготовлен отечественный револьвер 36 (9,14 мм) калибра; за основу была взята морская модель «кольта» 1851 г. Русский «кольт» имел на спусковой скобе упор для среднего пальца и приставной трубчатый приклад. После Крымской войны ограниченная партия этих револьверов поступила на вооружение гвардейских стрелковых подразделений.

В 1871 г. на вооружение армии был принят револьвер «смит-вессон» 42 (10,67 мм) калибра образца 1869 г. Из США поставлялись модели с длиной ствола в 8, 7, 6, 5 и 4 дюйма. В оперативных подразделениях полиции и жандармерии использовались более компактные укороченные модели и шпилечные револьверы Лефоше.

В 1895 г. на вооружение принят трехлинейный (7,62 мм) револьвер бельгийского оружейника Л. Нагана образца 1892 г. Особенность конструкции этого оружия – отсутствие прорыва пороховых газов между стволом и передней стенкой барабана, что достигалось за счет надвигания барабана на казенную часть ствола и вхождения дульца гильзы перед выстрелом в ствол. Барабан вмещал 7 патронов, стрельбу можно было производить как самовзводом, так и с предварительным взведением курка. Оружие являлось абсолютно безотказным даже при самой варварской эксплуатации. Наряду с самовзводным (офицерским) образцом на вооружение был принят и несамовзводный (солдатский) образец. Высшее военное командование полагало величайшим благом, что таким образом удастся сократить неразумный расход боеприпасов «необразованными нижними чинами» и тем самым сберечь государеву казну. О жизни простых подданных вопрос не стоял! Такая сентенция не могла прийти в голову большинству тогдашних вершителей военных судеб страны.

Главный недостаток нагана – длительный процесс перезарядки: патроны вставлялись по одному, аналогично извлекались и стреляные гильзы. Эксперты Главного артиллерийского управления (ГАУ) считали, что скорость перезарядки не имеет существенного значения с точки зрения ведения боевых действий и что семи патронов в револьвере при самообороне во время столкновения на близких расстояниях совершенно достаточно.

На полигоне офицерской стрелковой школы в Ораниенбауме (совр. г. Ломоносов) произвели следующие интересные опыты. На стрелка, подготовившегося к выстрелу, двигалась с пятидесяти

шагов подвижная мишень (178 × 44,5 см); она имела скорость бегущего человека (50 шагов за 8 секунд). Стрельба велась с максимальной скоростью и прекращалась, когда мишень доходила до стрелка. В опытах участвовали револьверы Нагана и Веблей – Фосбери, пистолеты Браунинга и Борхардта – Люгера. Во время движения мишени со скоростью идущего шагом человека не удавалось перезарядить ни один из револьверов Нагана и Веблей – Фосбери, также не удавалось перезарядить пистолет Браунинга, и только при стрельбе из пистолета Борхардта – Люгера стрелок приблизительно в тридцати процентах случаев успевал перезарядить и сделать один или два выстрела.

Однако ГАУ признало, что в принятии на вооружение пистолетов взамен револьверов нет крайней необходимости. Дискуссии о том, какое оружие нужно иметь на вооружении – пистолет или револьвер, велись до 1907 г., когда было найдено гениальное по простоте решение. Военнослужащим, сотрудникам полиции и спецслужб разрешили покупать пистолеты за собственные средства. Подобные правила применяются в некоторых государствах и в настоящее время.

Но вернемся к нагану. Автор нескольких книг по теории и практике боевой стрельбы А. А. Потапов дал ему следующую оценку:

«Этот револьвер сразу и прочно вошел в практику всех, кто выполнял специальные задания… Надежность и быстрота – главные козыри при огневом контакте одного против нескольких… Наган не может отказать – отказывать там нечему. Промахнуться из нагана невозможно. Перезаряжать его некогда да и не надо. Обычно доставали второй заряженный наган и выцеливали „с тычка“ тех, кто прятался за укрытиями. Наган доставал на 100 метров и дальше… Тяжелая, „медленная“ пуля не делала рикошетов от препятствий и не давала подранков… Русские офицеры, для которых качество стрельбы из личного оружия было делом чести, промахов не делали. Для решения ситуационных проблем семи патронов в барабане им хватало вполне».[18]

А если учитывать тот факт, что сотрудники полиции и спецслужб имели в своем арсенале разнообразное оружие, они могли выбирать то, которое наилучшим образом подходило для решения поставленной задачи. Однако при этом значительно расширились возможности антиправительственных партий и групп, осуществлявших террористическую деятельность против «царских сатрапов».

Оружейная тема отразилась даже в названии некоторых элементов мужского костюма. Так, например, ряд городовых и

жандармских офицеров носили «штатный» револьвер в стандартной кобуре на поясе, фиксируя его рукоять шнурком, крепившимся на шее. А вот «нештатный» пистолет прятали во внутренний карман кителя или пиджака, отчего карман прозвали «городовым», или убирали в маленький брючный карман, расположенный позади и «чуть ниже поясницы, но несколько выше того места, на котором обычно сидеть изволят». Этот маленький карман так и именуют – пистолетным. Несколько раньше, в эпоху использования маленьких камзольных, а затем жилетных пистолетов, небольшой потайной кармашек, вшитый внутрь кармана жилетки, пиджака, камзола или брюк, стали называть «пистончиком». Так что мужская часть военизированного населения не могла оставить цивилизацию без того, чтобы не перенести некоторые особенности своих занятий и на сугубо штатскую сферу человеческой деятельности.

Вернемся, однако, к событиям в Китае. Русское военное командование ни перед русско-японской войной 1904–1905 гг., ни в ходе ее ведения не озаботилось подготовкой партизанской войны на занятых противником территориях. Объективные условия для успешного функционирования партизанских отрядов имелись. Русские войска располагались на возможном театре военных действий несколько лет и неплохо освоились на местности; из личного состава пограничных, казачьих и ряда стрелковых частей можно было подготовить руководящее ядро партизанских отрядов; значительная часть местного населения при должной предварительной пропагандистской работе и боевой подготовке могла стать источником практически неограниченного резерва. За три года создать широкую агентурную сеть, заложить для будущих партизан склады с оружием и продовольствием, подготовить в труднодоступных районах партизанские базы было возможно. Но даже в ходе войны находившиеся в составе действующей армии шесть пластунских батальонов (с 7-го по 12-й) не были использованы в качестве разведывательно-диверсионных подразделений!!!

В операциях местного значения наиболее успешно действовали небольшие подразделения Отдельного корпуса пограничной стражи. Они обеспечивали противодиверсионные мероприятия в тылу русской армии и проводили небольшие рейдовые операции против хунхузов. Однако все эти операции носили исключительно тактический и местный характер. В конце 1904 г. была предпринята единственная попытка армейского кавалерийского рейда на Инкоу, в результате многочисленных ошибок командования закончившаяся полной неудачей. Единственным соединением, выполнявшим стратегические

задачи по действиям на коммуникациях японцев, был Владивостокский отряд крейсеров – своеобразные морские диверсанты. Именно потопление крейсерами транспорта с полутора десятками 280-миллиметровых осадных орудий в июле 1904 г. заставило японцев отложить штурм Порт-Артура на целый месяц. Командование отряда впервые в мировой практике использовало радиоразведку для обнаружения кораблей противника и выхода на боевые позиции для атаки.

Искусство японских разведчиков синоби, которых в XX в. стали чаще именовать ниндзя, интенсивно развивалось и совершенствовалось вплоть до XVII в. Синоби были разносторонними специалистами: не только разведчиками, лазутчиками, диверсантами, но и охранниками, советниками военачальников, аналитиками. Что касается силового аспекта специальных операций, то здесь древнее искусство синоби также могло послужить хорошей основой для организации диверсионных акций в тылу российской армии. Однако к организации партизанской войны на коммуникациях русских японское командование, как и русское, так и не приступило, вероятно, в очередной раз самодовольно полагая, что в условиях постоянных побед в этом нет необходимости. Отдельные операции разведывательно-диверсионного характера имели большой успех. Например, в результате активных действий японского отряда численностью около 150 сабель в районе к северу от Телина в феврале 1905 г. дезориентированное русское командование накануне сражения под Мукденом перебросило на второстепенные участки группировку численностью около 30 000 штыков. Основные усилия специальных служб Страны восходящего солнца были направлены на организацию стратегической и тактической разведки в интересах вооруженных сил, на приобретение союзников, завоевание симпатий нейтральной прессы и контрразведывательные мероприятия. Их действия по приобретению агентуры влияния и проведению активных мероприятий в 1900–1905 гг. стали одним из эффективных инструментов, обеспечивших Японии выгодные условия Портсмутского мира.

По свидетельству историков, подготовка военных разведчиков и контрразведчиков включала и изучение основ оперативно-боевой деятельности в условиях военного времени. Так, по некоторым данным, после 1905 г. в составе Военного министерства и Отдельного корпуса жандармов были созданы особые офицерские группы со специальной рукопашной и стрелковой подготовкой. Ряд офицеров и чиновников соответствующих ведомств проходили интенсивное обучение под

руководством недавних противников – японских наставников, изучая изощренную технику борьбы и тактику ведения индивидуального и группового поединка, особенно в толпе, в стесненных условиях, когда применение огнестрельного оружия нецелесообразно или в силу обстоятельств совершенно исключено.

Постепенно в структурах Генерального штаба, Департамента полиции и Отдельного корпуса жандармов были подготовлены специалисты достаточно высокого уровня. Одним из первых в России к обучению специальным приемам единоборств, а также к систематизации боевых искусств в приложении к специальным видам деятельности приступил В. С. Ощепков. В 1913 г. он получил «черный пояс» и 1-й дан из рук самого Дзигоро Кано в японском институте дзюдо Кодокан. В 1917 г. Ощепков сдал экзамен на 2-й дан и удостоился личной похвалы Дзигоро Кано. С 1914 г. Василий Сергеевич работал в органах военной контрразведки на Дальнем Востоке и параллельно совершенствовал методику преподавания боевого искусства джиу-джитсу и дзюдо, получивших впоследствии, уже в СССР, название «борьба вольного стиля», а затем – «самозащита без оружия», самбо.

Что касается заблаговременной подготовки к организации партизанской войны на территориях, впоследствии захваченных противником, и организации в тылу врага диверсионных операций, особенно в период мобилизации и развертывания, то реальных действий в этом направлении предпринято не было. Единственная запоздалая попытка такого рода в 1907–1910 гг. – незначительные усилия по организации партизанского движения в Корее на случай обострения русско-японских отношений. Одним из инициаторов идеи явился военный агент в Китае полковник Л. Г. Корнилов. Однако дальше переписки дело не продвинулось. Теоретические и практические разработки отечественных военных специалистов за предыдущие сто лет так и не стали для высших военно-политических кругов России руководством к действию.

Военную разведку Германии – подотдел «3 B» Большого Генерального штаба в 1912 г. возглавил В. Николаи. Еще до начала Первой мировой войны специалисты германского Генштаба полагали, что в арсенал будущих сражений войдут и средства тайной войны: тотальный шпионаж; деморализация войск и населения противника; восстановление против него общественного мнения, в том числе и в нейтральных странах; диверсии в тылу вражеских войск. Для реализации этих планов была создана специальная служба «S» (саботаж),[19] которая

планировала работу таким образом, чтобы осуществить диверсии сразу после начала войны, до принятия противником ответных мер.

Признав саботаж и диверсии как его составную часть в качестве инструмента тайной войны, немецкие специалисты подошли к их реализации с типично германским педантизмом и с научной точки зрения. Поскольку под саботажем понимались различные мероприятия по дезорганизации тыла вероятного противника, агенты, предназначенные для работы по линии «S», должны были иметь более разностороннюю подготовку, чем классические разведчики. Для осуществления диверсий им требовались специальные военные и технические знания, для проведения психологических операций они должны были в совершенстве владеть методами агитации и пропаганды. В дальнейшем одним из постулатов концепции тотальной тайной войны стало изречение: «Плох тот разведчик, который не может быть хорошим диверсантом». На практике подобное утверждение применялось к «полевым агентам» – сотрудникам тактической, а не стратегической разведки. Наряду с подготовкой кадров серьезное внимание уделялось технологии и техническим средствам диверсий; для работы в этом направлении были привлечены специалисты машиностроительных, химических и иных промышленных концернов Германии.

Одновременно с подготовкой «малой войны» на суше проводились мероприятия к диверсионной (крейсерской) войне на морях, вероятно, с учетом опыта Владивостокского отряда крейсеров в 1904–1905 гг. Немецкие морские специалисты, поддержанные адмиралом А. фон Тирпицем и кайзером Вильгельмом, справедливо полагали, что нарушение коммуникаций Англии в Атлантическом и Индийском океанах может быть не менее эффективным средством, чем морские сражения.

Историк И. Можейко писал о каперско-крейсерских рейдах:

«Разбрасывая по дальним морям часть своего флота, немецкое командование рассчитывало, что в случае войны им будут оказывать поддержку базы колоний, а также пассажирские и торговые суда, которые должны быть вооружены и использованы как вспомогательные суда…»[20]

Для обеспечения действий рейдеров в немецких колониях в Африке и Океании создавались секретные базы снабжения и тайные стоянки для ремонта кораблей и отдыха экипажей. Немецкая военно-морская разведка, традиционно действовавшая достаточно сепаратно от сухопутных сил, готовилась к ведению собственной диверсионной войны на военно-морских базах и в

портах вероятного противника. По инициативе адмирала Тирпица перед Первой мировой войной в Берлине была создана разведывательно-диверсионная школа военно-морской разведки.

Сделаем еще одно небольшое отступление. В 1867 г., после поражения в войне с Пруссией и образования Австро-Венгрии, Австрия утратила доминирующее положение в Центральной Европе и стала «младшим партнером» Германии. Основные усилия австрийских секретных служб в конце XIX – начале XX в. были направлены против Балканских стран, в первую очередь Сербии и поддерживавшей борьбу славянских народов России. Однако территориальные противоречия между Австро-Венгрией и Италией, особенно обострившиеся после войны 1866 г., привели к тому, что обе эти страны, входившие в Тройственный союз, вели друг против друга активную тайную войну. К 1912 г. в составе разведывательного бюро создана подгруппа «специальных операций». Первой ее задачей явилась организация в Албании и Македонии агентурно-диверсионной сети, предназначенной для действий против Италии, Сербии и Черногории в случае войны. Подготовка специальных подразделений, которые должны были начать свою работу «в особый период», – один из примеров прозорливости и системности секретной службы Австро-Венгрии.

Предварительная подготовка принесла свои плоды в августе – сентябре 1914 г. Начальник разведывательного бюро австрийского Генерального штаба М. Ронге вспоминал:

«Хорошую службу сослужили нам в этом отношении македонские четники (партизаны), на которых одновременно была возложена задача организации разрушений на линиях железных дорог, ведущих от Салоник в Сараево. Против этой важной для сербов коммуникации, по которой доставлялось из Франции вооружение, были также направлены албанские и турецкие отряды из Албании. Из попытки включить в действие македонский комитет в Болгарии, для угрозы с тыла сербским войскам у Дрины, ничего не вышло, ибо он располагал не более чем 300 вооруженных людей. <…>

В сентябре диверсионная война приняла такие размеры, что сербское правительство в своем органе „Самоправа“ от 25-го числа дало выход своей злости в статье, озаглавленной „Граф Тарновский и македонские банды“».[21]

В ходе Первой мировой войны серьезных попыток использовать преимущества диверсионных операций на коммуникациях противника высшим военно-политическим руководством Российской империи предпринято не было. Генеральный штаб, не обращавший в мирное время должного внимания на подготовку диверсионной деятельности, не смог

организовать эффективное применение диверсий во время войны. Он упустил наиболее благоприятное для диверсионных действий время – период мобилизации и сосредоточения австро-венгерской и немецкой армий, хотя план Шлиффена, предусматривавший разгром России и Франции поодиночке, русская разведка вскрыла заблаговременно. Оперативная работа велась без тщательно продуманного плана, без учета собственных замыслов и действий противника. Попытки командования организовать партизанскую войну при отступлении русской армии из Царства Польского и Литвы также не увенчались успехом: удачно был осуществлен только налет на Невель в ноябре 1915 г. Наиболее последовательным сторонником «малой войны» являлся лишь генерал В. Н. Клембовский, еще до Первой мировой войны убедительно доказывавший необходимость активных партизанских действий, ведущихся с инициативой от армии.

Надо отметить, что благоприятные политические и стратегические условия для проведения отдельных диверсионных операций и развертывания народной партизанской войны имелись в оккупированной австрийцами Сербии. Сербы традиционно благожелательно относились к русским, кроме того, они накопили многовековой опыт партизанской борьбы с турецкими войсками. Известно, что общее число сербских четников (*ceta* – отряд) не превышало 10 000 человек, но для борьбы с ними австрийцы были вынуждены держать армию и полицейские части численностью 75 000–100 000 штыков и до конца войны так и не сломили партизан. Координация Генеральным штабом действий сербских повстанцев и регулярной русской армии, а также помощь им подготовленными инструкторскими кадрами и материально-техническим снабжением могли обернуться значительным успехом для России, тем более что к началу Первой мировой войны предназначенные для проведения разведывательно-диверсионных операций штатные (пограничные и пластунские) подразделения в империи имелись.

Не было уделено должного внимания и созданию стрелкового оружия, отвечавшего потребностям специальных подразделений. Еще в 1905 г. В. Г. Федоров предложил проект переделки винтовки Мосина образца 1891 г. в автоматическую, а в 1907 г. опубликовал книгу «Автоматическое оружие». Однако работы по созданию индивидуального автоматического оружия сдерживались представителями консервативного крыла русской военной науки, взгляды которых разделял Николай II. В 1912 г. между государем и Федоровым произошел следующий разговор:

«Это вы изобрели автоматическую винтовку?» – «Так точно, –

я, Ваше Величество…» – «Я решительно против ее применения в армии…» – «Разрешите, Ваше Величество, узнать почему?» – «Для нее не хватит патронов…»[22]

Мы уже упоминали о переделке самовзводного револьвера конструкции Л. Нагана в несамовзводный. Приведенный диалог также показывает, что и сам император, и его ближайшее окружение «ценили» жизнь воинов гораздо ниже стоимости материальных средств, которые, в свою очередь, при всем желании «быстрой и победоносной войны» отпускались с огромным дефицитом. Стоит ли говорить, что в среде технической интеллигенции тогдашний режим формировал подобными поступками глухую и далеко не всегда скрытую ненависть.

В 1913 г. В. Г. Федоров разработал автоматическую винтовку под специальный патрон калибра 6,5 мм; на испытаниях винтовка показала неплохие результаты. В дальнейшем на базе винтовки конструктор создал ружье-пулемет, которое он же первым назвал знакомым сейчас всем словом «автомат». Однако косность военно-политического руководства Российской империи привела к тому, что русская армия вступила в Первую мировую войну, не имея на вооружении ни отечественных ручных пулеметов, ни автоматических винтовок, ни автоматов. Хотя справедливости ради стоит отметить, что первое специализированное подразделение автоматчиков было создано именно в России, но оказать существенное влияние на ход боевых действий это единичное образование, конечно же, не могло.

Германия имела перед Первой мировой войной недостаточное число подразделений, предназначенных для проведения специальных операций, однако ее разведка, возглавляемая В. Николаи, действовала талантливо и агрессивно. Основные усилия в диверсионной работе Германии были направлены на Францию, Великобританию и Северную Америку, где одно из важнейших направлений возглавлял капитан Ф. фон Ринтелен. Задачей германских диверсантов являлся срыв военных перевозок союзников (например, в Марселе). Выпускники берлинской школы военно-морской разведки осуществили несколько успешных диверсий против кораблей британского флота, потопив «Авангард», «Орион», «Ястреб» и другие боевые единицы. Наиболее известной диверсионной операцией, осуществленной агентурой Германии против России, является взрыв флагмана Черноморского флота линкора «Императрица Мария» в октябре 1916 г. Действия немецких рейдеров осенью 1914 г. также были эффективными: движение британских торговых судов в Индийском и Атлантическом океанах оказалось

парализовано.

Преимущества «малой войны» против стран Антанты наиболее успешно использовал генерал П. фон Леттов-Форбек в Танганьике (часть Танзании) и Кении. Его подчиненные из немцев и местного населения, действуя небольшими мобильными отрядами, сковали 300-тысячную (!!!) группировку союзников.

В мемуарах Леттов-Форбек писал:

«Ничего не осталось другого, как достигнуть цели мелкими отрядами – патрулями… Маленькие смешанные отряды, от восьми до двадцати человек, огибали лагеря противника и действовали на его сообщениях с тылом. <…> С тридцати метров противник обстреливался из засады, брались пленные и добыча, и патруль исчезал снова в бесконечной степи»; патрули «…действовали скрытно, избегали столкновений и взрывали железные дороги».[23]

Общая численность немецких отрядов в Африке составляла менее 15 000 человек, из которых собственно немцев было всего 3000. Организация шла исключительно за счет регулярных войск и под руководством армейских штабов. Немецкие партизаны сложили оружие только после сообщения об окончании войны, они потеряли менее 1000 человек, а союзники – свыше 80 000.

Большое значение германское командование придавало организации специальных операций военного, экономического и политического характера против союзников в Китае и Азии в 1915–1916 гг. Здесь Германия преследовала следующие цели: действия на коммуникациях противника; разрушение железнодорожного и водного транспорта, складов и баз, портов и предприятий, работавших на оборону Антанты; организация беспорядков и волнений среди соответствующих слоев населения с целью ослабления производства и снабжения Антанты; привлечение на свою сторону нейтральных государств Азии; разложение войск противника, предназначенных к переброске на европейские фронты; обесценивание валюты противника. Упор делался на организацию партизанской войны силами местного населения при умелой устной и письменной пропаганде. В XX в. впервые можно говорить о наличии в действиях германской агентуры элементов психологической войны применительно к специальным операциям. Одновременно с привлечением сторонников на идеологической основе Германия осуществляла вербовку наемников для участия в диверсионных акциях.

Во время войны был применен ряд тактических и технических новинок, которые впоследствии вошли в арсеналы как государственных силовых институтов, так и их оппонентов из антиправительственных структур. В неприятельский тыл стали

выводиться одиночные агенты или небольшие группы боевиков с задачей проведения диверсионных действий. Осенью 1916 г. в германской армии была предпринята первая попытка доставки и эвакуации диверсантов так называемым посадочным способом: лейтенант Коссель и обер-фельдфебель Виндиш высадились с аэроплана в тылу русских войск неподалеку от Ровно, совершили подрыв железной дороги и благополучно вернулись в расположение своих войск. Французы также широко использовали возможности авиации для высадки разведчиков и диверсантов в тылу противника. Они первыми применили парашюты при доставке разведывательно-диверсионной группы в Арденнах летом 1918 г. На парашютах же были сброшены оружие, взрывчатка и радиостанция.

Еще одной стороной деятельности германских спецслужб являлось создание специальных подразделений из подданных Российской империи. В 1914 г. в г. Локштадт под Гамбургом создан учебный центр для финских эмигрантов. Курс специальной военной подготовки был рассчитан на восемь месяцев; курсантов готовили для использования в качестве руководителей и инструкторов партизанского движения в Финляндии. При подходящих условиях, т. е. в случае высадки немецких десантов на финской территории, они становились «пятой колонной» в тылу русской армии. Выпускники учебного центра, получившие название «локштадтские егеря», впоследствии образовали кадровый костяк финской армии и финских секретных служб. На Западном фронте в условиях позиционной войны и страны Антанты, и Германия к 1916 г. приступили к созданию специальных штурмовых подразделений, основной тактикой которых стали не фронтальные атаки, а скрытое проникновение для блокирования и захвата узлов сопротивления противника. С этого времени в лексиконе спецназа многих стран мира закрепляется термин «инфильтрация».

Как уже отмечалось выше, ситуация с выпуском автоматического и специального стрелкового оружия в странах Европы была несколько лучше, чем в России. Ручные пулеметы получили достаточно быстрое признание и к 1915 г. массово выпускались в Германии, Дании, Великобритании, США, Франции. Автоматические винтовки и пистолеты-пулеметы были приняты на вооружение только к концу войны. Наиболее продвинутыми в этой области оказались немцы. Для длинного парабеллума «Р-17» был спроектирован барабанный магазин «ТМ-08» емкостью 32 патрона. Впоследствии на вооружение солдат штурмовых подразделений поступили и пистолеты-

пулеметы Бергмана «МР-18», имевшие аналогичный магазин. Для тайных операций германские спецслужбы начали использовать парабеллум, оснащенный глушителем Максима. В Германии наладили массовый выпуск оптических прицелов Цейса к винтовкам Маузе ра «98», к концу Первой мировой войны в немецкой армии было подготовлено несколько тысяч профессиональных снайперов.

Единственное специальное подразделение русской армии, полностью вооруженное автоматическими винтовками и автоматами Федорова, – Особая рота (команда), сформированная только летом 1916 г. Несмотря на то что шла война, Особая рота прошла интенсивную боевую подготовку личного состава в Ораниенбаумской офицерской стрелковой школе под руководством опытных инструкторов и оружейников. После завершения полугодовой подготовки команда была придана 189-му Измаильскому полку и в декабре 1916 г. отправлена на Румынский фронт. По настоянию В. Г. Федорова и генерала Н. М. Филатова ее снабдили новейшими техническими приборами: 20 оптическими прицелами, траншейными перископами, биноклями, переносными бронещитами. Мы полагаем, что в то время автомат Федорова был если не лучшим, то одним из лучших образцов штурмового оружия. Он имел калибр 6,5 × 50 мм (патрон от японской винтовки Арисака), отъемный магазин на 25 патронов, достаточно высокую эргономичность, хорошее соотношение общей длины, веса и динамической устойчивости при стрельбе мощными «бутылочными» патронами, наилучшим образом отвечал требованиям тактики штурмовых (заградительных) специальных подразделений.

Последняя фаза Первой мировой войны и время сразу после ее окончания (1918) – начало нового этапа в истории специальных подразделений. В одинаковой ситуации оказались страны-победительницы, страны проигравшие и вышедшая из войны Россия. В условиях крушения старых государственных систем и возникновения новых родились нетрадиционные военные формирования, предназначенные для силового решения политических задач в интересах группировок, находящихся у власти. Они интегрировали функции армии, полиции, дворцовой охраны, разведки и контрразведки, а их операции велись методами, опробованными диверсионными группами во время войны. В Европе личный состав таких подразделений набирался на добровольной основе из офицеров и унтер-офицеров штурмовых, диверсионных, жандармских и т. п. подразделений. Их отличало редкое по тем временам сочетание отличной военной подготовки, агрессивности, инициативности и

психологической уверенности в правоте. Если в технической оснащенности отечественные спецслужбы и специальные подразделения отставали от западных коллег, то по качеству оперативной работы им не уступали.

Глава 2
Из подполья во власть – рожденные революцией

В современном мире и в России в том числе одной из наиболее остро обсуждаемых и наиболее спорных тем является тема терроризма. Терроризм как явление, возникнув практически одновременно с зарождением цивилизации, всегда оставался в центре внимания. И всегда целый комплекс совершенно непредсказуемых вопросов, гипотез, предположений, легенд и догадок составлял предмет дискуссий о терроризме и терроре. Вопросы эти вечны, и каждое поколение отвечает на них по-своему. В чем суть терроризма? Что это? Социально-политическое явление? Особая форма ведения боевых действий? Инструмент, используемый одними государствами для дестабилизации ситуации в других? Элемент национально-освободительного движения? Уголовное преступление? Или что-то еще?

Мы полагаем, что в военном плане осуществляемые негосударственными организациями террористические акции следует рассматривать как особую форму диверсионных операций. Эти операции направлены против военных и невоенных объектов, конкретных политических фигур и гражданского населения. Сами организации представляют собой своеобразные квазигосударственные образования, если речь идет о сепаратистских, религиозных и иных идеологизированных структурах.

В XIX в. мишенью российских террористов являлись царствующие особы и государственные чиновники. Для революционеров в военном плане они представляли собой высший и средний командный состав вражеской армии. А начиналось все с обычной агитации и пропаганды.

Реформы, начатые Александром II во второй половине XIX в., были восприняты в российском обществе неоднозначно. Большинство подданных поддерживали их, но другая часть общества резко критиковала. Консерваторы, в основном представители правящих классов, полагали, что проводить реформы в Российской империи не нужно, что государь вступил на гибельный для страны путь. Либералы, в основном разночинцы, упрекали власть за слишком медленные и малоэффективные преобразования и считали императора и его правительство реакционерами. В этом видится определенный

парадокс. Он заключается в том, что наиболее непримиримым противником монархии стал тот слой людей, который значительно расширился в результате непоследовательных реформ Александра II.

А. И. Герцен организовал в Лондоне Вольную русскую типографию, где начиная с 1857 г. издавал газету «Колокол». Он стал зачинателем целенаправленной антигосударственной эмигрантской пропаганды, а точнее, идеологической войны и вел ее с молчаливого согласия Британской короны. Издания Вольной типографии нелегально переправлялись в Россию и распространялись среди интеллигенции. В аналитическом отчете III Отделения за 1858 г. отмечалось, что общественное мнение «сильно раздражалось» сочинениями Герцена. Значительная часть разночинной интеллигенции начала 1860-х гг. поддерживала проповедовавшиеся им антимонархические идеи.

Постепенно в России происходило объединение различных антиправительственных групп. В конце 1861 г. было организовано тайное революционное общество «Земля и воля». В конце лета 1862 г. главное звено этой организации получило название «Русский центральный народный комитет», а отделения «Земли и воли» появились в нескольких городах России. Группы поддерживали связь с А. И. Герценым, Н. П. Огаревым и М. А. Бакуниным. Корреспондентские связи Герцена были хорошо ограждены системой секретных адресов и применяемой конспирацией. Навыки конспирации разночинцы постигали и с помощью иностранных инструкторов. В воспоминаниях народовольцев отмечается, что рецепт химических чернил для переписки получен ими от Дж. Маццини. Система построения подпольных организаций по принципу «пяте рок» также заимствована из западного оперативного опыта.

В качестве общей политической платформы были приняты положения, сформулированные в статье Огарева «Что нужно народу?» (1861): освобождение народа от чиновничества, крестьянское самоуправление, сокращение армии и т. п. Автором наиболее радикальной прокламации «Молодая Россия» (1962), призывавшей к истреблению самодержавия, был сын помещика, студент Московского университета П. Г. Заичневский. Он также требовал предоставления независимости для Польши и Литвы. Особую «пикантность» этой прокламации в глазах обывателей представлял тот факт, что она была написана в тюрьме и затем нелегально переправлена на свободу и распространялась в Москве, Петербурге и других городах империи.

Прокламация произвела большое впечатление на российское общество открытой приверженностью социализму и реальными

угрозами революционной расправы с правительством. Процитируем ее:

«Своею кровью они заплатят за бедствия народа, за долгий деспотизм, за непонимание современных потребностей. Как очистительная жертва сложит головы весь дом Романовых! <…> Мы будем последовательнее не только жалких революционеров [18]48 г., но и великих террористов [17]92 г., мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка приходится пролить втрое больше крови, чем пролито якобинцами в [17]90 г. <…> Скоро, скоро наступит день, когда мы… двинемся на Зимний дворец истребить живущих там».[24] Руководители «Земли и воли» понимали, что могут рассчитывать на успех при захвате власти только в том случае, если будут располагать поддержкой армии, смогут использовать накопленный армейской средой передовой военный и разведывательный опыт, и активно вербовали сторонников среди офицерства. В конце 1862 г. к «Земле и воле» присоединилась нелегальная военная организация – «Комитет русских офицеров в Польше». Организация, основанная в 1861 г. на территории Царства Польского и части западных губерний России, представляла собой федерацию бригадных, полковых и батальонных кружков общей численностью до двухсот человек. В организацию входили поляки, русские, украинцы, латыши, белорусы. Одним из членов комитета был поручик К. И. Крупский (отец жены В. И. Ленина Н. К. Крупской). Комитет установил связи с польскими сепаратистами и эмигрантскими центрами в Лондоне. В 1861–1862 гг. члены комитета развернули агитационно-пропагандистскую деятельность, выпустив большим тиражом полтора десятка прокламаций.

Наиболее опасная попытка поднять военно-крестьянское восстание в поддержку поляков была предпринята в Поволжье весной 1863 г. Его организаторы – сторонники немедленного революционного выступления – рассчитывали вовлечь крестьян в восстание авторитетом императорской (!) власти, для чего заготовили фальшивый манифест и прокламацию «Временное народное правление». Прокламация призывала к восстанию и созданию органов новой революционной власти на местах. Центром мятежа должна была стать Казань, план захвата которой находился в стадии разработки. Благодаря своевременно полученным агентурным сведениям и решительным действиям местных властей вооруженное выступление было предотвращено, заговорщики арестованы, а руководители заговора из числа военных расстреляны.

Если Заичневский призывал в своей прокламации к

расправам с членами императорской фамилии, то близкие к Н. Г. Чернышевскому «землевольцы» М. А. Антонович и Г. З. Елисеев строили планы похищения цесаревича. Член «Земли и воли» А. Ф. Пантелеев впоследствии писал, что террористический замысел сотрудников «Современника» состоял в том, чтобы с помощью студентов-революционеров захватить в Царском Селе Николая Александровича и потребовать от царя немедленного обнародования конституции.

Одна из подпольных групп сформировалась на базе студенческого кружка, организованного в 1863 г. вольнослушателем Московского университета Н. А. Ишутиным. Не будучи удовлетворены пропагандистской деятельностью, наиболее радикальные члены ишутинского кружка создали тайное общество – «Организацию» (начало 1866 г.). Целью «Организации» было устроить государство на социальных началах, а если правительство не согласилось бы, то произвести революцию.

Постепенно среди ишутинцев все более укреплялось мнение о необходимости убийства государя, поскольку освобождение им крестьян, по мнению «борцов за народное счастье», затормозило революцию в России. Для осуществления цареубийства планировалось организовать специальную группу. Первую попытку покушения на Александра II 4 апреля 1866 г., когда император совершал прогулку в Летнем саду, предпринял двоюродный брат Ишутина, недоучившийся студент Д. В. Каракозов. К счастью для императора, неудачную.

Для осуществления цареубийства, а также для контроля над членами «Организации» Ишутин планировал создать специальную группу, имевшую специфическое название «Ад». По существу, речь идет о первой попытке создания внутри оппозиционной подпольной организации специальной многопрофильной службы безопасности. В числе предполагаемых направлений ее деятельности можно выделить: изучение общественного мнения и установление врагов революции (разведка); надзор за членами организации и их ликвидация в случае предательства (собственная безопасность, контрразведка); осуществление террористических актов и цареубийство (боевая группа); пропаганда революционных взглядов (активные мероприятия). Особое внимание отводилось засекреченности группы «Ад» не только от агентов правительства и обывателей, но и от других революционеров. Конспирацию следовало соблюдать и после совершения социальной революции. Даже после смерти имена членов группы не должны были быть известными в обществе. В этом смысле члены группы более напоминали

адептов тайного ордена, чем обычных революционеров.

Теория российского революционного терроризма не отставала от практики. Она была разработана в последней четверти XIX в. в следующих трудах: «Катехизис революционера» С. Г. Нечаева (1871); «Смерть за смерть» С. М. Кравчинского (1878).

Оправдательный вердикт присяжных, вынесенный в 1878 г. по делу В. Засулич, стрелявшей в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, исключительно под воздействием эмоций, повлиял на рост радикализма в среде разночинцев. В сознании многих революционеров словно зажегся зеленый свет: чиновников можно убивать безнаказанно! И покушения последовали одно за другим.

В 1878 г. в Киеве Г. А. Попко убил адъютанта губернского жандармского управления штабс-капитана Г. Э. Гейкинга, В. А. Осинский стрелял в прокурора М. М. Котляревского, которого спасла толщина шубы. 4 августа того же года в Петербурге на улице С. М. Кравчинский убил ударом кинжала руководителя III Отделения и шефа жандармов генерал-адъютанта Н. В. Мезенцова. И хотя в № 1 «Земли и воли» от 25 декабря 1878 г. разъяснялось, что террористы – это охранительный отряд, оберегающий работников партии от ударов правительства, программа организации говорила о систематическом истреблении представителей власти. (Здесь стоит пояснить, что прежняя «Земля и воля» в 1864 г. прекратила свое существование. Новая «Земля и воля» возникла в Петербурге в 1876 г. на базе «Северной революционно-народнической группы» и «Общества народников».)

В 1879 г. покушения продолжились. 4 февраля Г. Д. Гольденберг застрелил харьковского губернатора Д. Н. Кропоткина – двоюродного брата князя-бунтаря, в марте Л. Ф. Мирский совершил неудачное покушение на нового начальника III Отделения А. Р. Дрентельна. Осуществлять эти покушения было достаточно просто, поскольку практически никто из высших должностных лиц империи, за исключением царской семьи, постоянной личной охраны не имел. Даже Мезенцов передвигался по городу в сопровождении одного адъютанта.

В мае 1878 г. появилась окончательная редакция программы «Земли и воли», пункт 4 которой гласил:

«В состав теперешней Российской империи входят такие местности и даже национальности, которые при первой возможности готовы отделиться, каковы, напр., Малороссия, Польша, Кавказ и пр. Следовательно, наша обязанность – содействовать разделению теперешней Рос. империи на части

соответственно местным желаниям».[25]

Отметим, что желание заполучить власть ценой территориальных и иных невозвратных политических уступок впоследствии стало традицией многих российских «борцов с режимом». Далее в программе отмечалось, что ее базовые положения могут быть воплощены в жизнь только путем скорейшего насильственного переворота.

Но была еще одна сфера деятельности, которая революционерами не афишировалась, поскольку представляла собой заурядную уголовщину и проводилась по принципу «цель оправдывает средства». Мы имеем в виду участие народовольцев в кражах и ограблениях казенных учреждений – экспроприациях, или сокращенно в «эксах», с целью добычи денежных средств для антиправительственной деятельности. Так, в июле 1878 г. предпринята попытка ограбления следовавшей из Житомира в Киев почтовой кареты (100 000 рублей) и денежного ящика Курского пехотного полка. В 1879 г. из херсонского казначейства путем подкопа похищено 1,5 млн рублей для материальной поддержки сосланных в Сибирь. Примечательно, что осужденный за это преступление Ф. Юрковский на суде показал, что он не видел ничего безнравственного в этой краже, так как правительство и его оппоненты представляют собой два лагеря, находящиеся в состоянии войны, и к ним следует применять нормы не уголовного, а международного права. Такой подход прекрасно иллюстрирует уже тогда сложившуюся психологическую доктрину, выводящую терроризм за рамки национальной юриспруденции и переводящую его в разряд международных военных конфликтов неконвенционного характера.

Революционеры применяли и персонифицированный шантаж в отношении высокопоставленных чиновников. Прокурор Петербургской судебной палаты А. А. Лопухин, руководивший следствием по делу об убийстве Н. В. Мезенцова, в августе 1878 г. получил письмо от Исполнительного комитета Русской социально-революционной партии (так именовался кружок В. А. Осинского):

«Мы, члены И. К. Р.С. Р. П., объявляем вам, что если вы пойдете по стопам Гейкинга, то и с вами будет поступлено так же: вы будете убиты. <…> Поэтому мы категорически заявляем вам, что 1) если в течение двухнедельного срока, совершенно достаточного для полного выяснения дела, не будет выпущен на свободу каждый из арестованных, против которого не будет ясных улик в убийстве генерала Мезенцова; 2) если в течение их содержания под арестом против них будут предприняты меры,

оскорбляющие их человеческое достоинство или могущие вредно отозваться на их здоровье, то смертный приговор над вами будет произнесен. <…>

В заключение считаем нужным сообщить вам, что 1-е предостережение делается совершенно конфиденциально. Распространяться оно не будет».[26]

При покушении А. К. Соловьева на Александра II 2 апреля 1879 г. были применены несколько принципиальных для того времени новинок в области оперативного прикрытия террористической деятельности. В их числе: официальный отказ организации от своего человека; учет национальности боевика; использование многозарядного короткоствольного оружия; предварительная стрелковая подготовка для проведения возможной скоростной серии выстрелов; маскировка внешности; планирование отхода и самоубийство террориста. Учитывая предварительную разведку маршрутов прогулок императора, во время которой установлены отсутствие ближней охраны, места нахождения основных постов и их удаленность от охраняемой персоны, государь практически был обречен. Но ему вновь несказанно повезло. Не повезло, правда, Соловьеву: после ареста и суда он был повешен.

Чтобы ввести в заблуждение правоохранительные органы империи, народовольцы постоянно совершенствовали конспирацию. Высшие руководители именовались агентами Исполнительного комитета 3-й степени. Сколько еще степеней существовало и какая из них высшая, оставалось неизвестным даже членам организации. А. Д. Михайлов предъявлял к конспиративным квартирам следующие требования: наличие звукоизоляции и запасного выхода, возможность визуального контроля. Предусматривалось выставление особых опознавательных знаков, служивших для посвященных посетителей сигналом опасности или безопасности конспиративной квартиры. Входившие в состав нелегальных организаций отдельные представители государственных органов знакомили соратников с навыками наружного наблюдения, тайной переписки, военного дела и т. п. Не меньшее значение придавалось снабжению нелегалов документами прикрытия. Использовались документы умерших лиц, похищались бланки, в которые вписывались нужные сведения, изготавливались фальшивые документы.

Наиболее удачной операцией сторонников террористических актов из «Земли и воли» (многие из них стали затем, после раскола организации, народовольцами) было внедрение в 1879 г. в штат III Отделения Н. В. Клеточникова. Разведчик «Народной

воли» после некоторой проверки был принят на службу, да к тому же в центральный аппарат политической полиции. Именно благодаря его работе руководство «Народной воли» длительное время эффективно противодействовало секретным службам империи. Клеточников информировал своих коллег о лицах, попавших под наблюдение, о готовившихся обысках и арестах и – что важно – передал сведения о почти 400 (!) секретных сотрудниках и агентах не только внутри страны, но и за рубежом. Как трудолюбивый и исполнительный работник, он пользовался благосклонностью начальства. Эти качества в комплексе с хорошо законспирированной системой передачи информации позволили ему успешно работать в качестве «крота» в течение двух лет. В 1881 г. он был арестован, заключен в Петропавловскую крепость, где умер от голодовки.

Параллельно с организацией разведки и контрразведки Исполком «Народной воли» начал подготовку к покушению на императора. В условиях усиленной охраны применение холодного и огнестрельного оружия было признано неэффективным. Для покушения решили использовать взрывчатые вещества, с помощью которых повредить царский поезд. Покушение не удалось, но в дальнейшем динамит последовательно был использован при взрыве в Зимнем дворце и при подготовке террористических актов в Одессе и Петербурге.

Тем временем Исполнительный комитет «Народной воли» приступил к реализации нового перспективного проекта – к созданию Военной организации. К концу 1880 г. сформировалось ее ру ководящее ядро. Основной задачей Военной ор ганизации являлась подготовка захвата власти путем вооруженного восстания. Ставка была сделана на организацию военного переворота под руководством офицеров гвардии, армии и флота. Считалось, что для организации переворота достаточно двухсот или около того офицеров. После захвата власти предполагалось передать ее временному правительству в лице Исполкома «Народной воли». В отличие от Комитета русских офицеров в Польше (самостоятельной организации с локальной сепаратистской целью) Военная организация «Народной воли» была идеологизированной партийной структурой, подчинявшейся Исполкому и призванной обеспечить захват власти в интересах партии, а также смену государственного устройства.

Как и их гражданские коллеги, офицеры-народовольцы одобряли террор против представителей власти, считая его ускорителем революции. Непосредственно в террористических актах члены Военной организации практически не участвовали, они занимались организацией ее филиалов в других городах.

Кроме Петербурга и Кронштадта военные кружки были организованы в Москве, Киеве, Орле, Витебске, Риге, Митаве, Динабурге, Либаве, Минске, Николаеве, Одессе – всего около 20 мест. Они действовали автономно от остальных организаций народовольцев. Их деятельность имела более конспиративный характер, чем деятельность гражданских структур, – в силу большей дисциплинированности и более сурового наказания участников в случае провала. Даже после ареста большинства руководителей «Народной воли» Военная организация продолжала нелегальную работу почти два года. Структура и методы ее работы стали примером для большинства будущих нелегальных политических партий, существовавших в России на рубеже XIX–XX вв.

Тем временем череда покушений на Александра II продолжалась. Динамит для терактов производился не только в России, но и поставлялся из-за рубежа.

В Киеве при обыске на одной из конспиративных квартир «в чуланчике для дров найден завернутый в клеенку и зарытый в землю металлический ящик», который «по наружному осмотру… экспертами-пиротехниками… был признан динамитным снарядом австрийского приготовления, при этом они нашли, что вес заключающегося в нем динамита около 5 ф.».[27]

По закону диалектики количество перешло в качество, и очередное покушение закончилось гибелью императора 1 марта 1881 г.

Кроме уже упоминавшихся антиправительственных теоретических трудов идеологической основой российского терроризма левой направленности стали: «Террористическая борьба» Н. А. Морозова (1880), «Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России» П. Н. Ткачева (1881). Таким образом, был заложен краеугольный камень социально-философского учения о терроризме, получившем дальнейшее развитие в XX в. Идеи, оформленные в соответствующие теории далеко не самыми глупыми представителями российской интеллигенции, стали для определенной части общества «социальной религией» и определили «жизнь в терроре» для многих активных революционеров.

В конце XIX – начале XX в. развилась и оформилась организационная сторона деятельности революционеров-боевиков (террористов). Они стали опираться на конспиративные структуры в России и за ее пределами. Для осуществления террористических актов революционеры стали создавать специальные боевые группы. Отечественные террористы

наладили взаимодействие с подобными иностранными организациями. С их помощью была организована закупка и переправка в Россию оружия, пропагандистских материалов и типографского оборудования, получение финансовой помощи.

В тот же период впервые появились элементы, ставшие впоследствии устойчивыми признаками политического терроризма и по сей день. К ним относятся средства совершения террористического акта (взрывчатка, стрелковое и холодное оружие) и методы его осуществления (минирование, бомбометание, стрельба). Определились и основные тактические приемы террористических организаций. Это сочетание пропаганды и агитации с боевыми акциями; публичная ответственность за террористический акт; захват заложников как один из методов проведения террористических акций. В качестве объектов и жертв террористических акций стали выступать не только лица, наделенные властью, но и простые граждане.

Заложенные тогда идеологические, информационные, технологические и организационные основы террористической деятельности не потеряли своей актуальности до настоящего времени.

К концу XIX в. в Российской империи противостояние различных социальных слоев усилилось, революционные идеи переустройства общества находили все большую поддержку. На стыке XIX–XX вв. в самой России и в среде эмиграции возникло множество революционных кружков и организаций, поставивших целью свержение самодержавия и взявших на вооружение силовые методы борьбы с правительством. Политический маятник начал движение в сторону революционных партий.

С 1897 г. началось объединение разрозненных эсеровских групп, которые к началу 1902 г. образовали Партию социалистов-революционеров (эсеров). Одним из важных направлений революционной деятельности эсеров стал терроризм. Основателем и первым руководителем боевой группы был Г. А. Гершуни (И. И. Герш). Примечательно, что он вербовал боевиков еще летом 1901 г., т. е. до создания партии. Мы полагаем, что одним из движущих мотивов могло быть желание заполучить полностью подконтрольную ему лично силовую структуру, которая при определенных условиях заставила бы других членов руководящих органов партии считаться с его мнением. Волю, ум, работоспособность и обаяние Гершуни единодушно отмечали как его соратники, так и противники.

В начале XX в. особых трудностей террористы, даже одиночки, не испытывали: в те годы боевикам убить министра, полицейского или чиновника было довольно просто. Анализ

удачных террористических актов того времени показывает, что даже сотрудники полиции и жандармерии относились к вопросам обеспечения личной безопасности небрежно. Немногочисленная охрана, имевшаяся у высших должностных лиц Российской империи, являлась скорее протокольно-представительской и эффективно противодействовать организованной группе «идейных» боевиков была не в состоянии. Многие народовольцы, проживавшие за границей, охотно передавали эсерам навыки конспирации и боевой работы.

Эсеровские боевики были вооружены значительно лучше народовольцев. Основным стрелковым оружием террористов в начале XX в. стал «браунинг», который легко прятался под одежду. Для повышения убойной силы пули надпиливали, что превращало их в разрывные, а также снаряжались ядами – чаще мышьяком или стрихнином, реже экзотическими ядами, – которые могли достать или изготовить изобретательные организаторы террора. Бомбы для покушений собирали в нелегальных лабораториях, основным взрывчатым веществом стал самодельный динамит. Надежная система учета и хранения этих веществ в Российской империи и перекрытие каналов поступления взрывчатки из-за рубежа оказались факторами, сдерживавшими рост террористической активности боевиков. Кустарное производство взрывчатых веществ являлось опасным делом: подпольная лаборатория в любой момент могла взлететь на воздух вместе с «лаборантами». К сожалению, молодых фанатиков, готовых пожертвовать жизнью во имя революционной идеи, в те годы имелось более чем достаточно.

Русско-японская война, начавшаяся в 1904 г., стала катализатором революционного движения. Не получая адекватного профессионального отпора со стороны власти, террористические группировки открыли настоящую охоту на высших руководителей империи. Убийство эсеровскими боевиками министра внутренних дел В. К. Плеве 15 июля 1904 г. вызвало в правящих кругах России состояние, близкое к панике. Через некоторое время выяснилось, что организатором убийства Плеве и руководителем боевой организации эсеров являлся секретный сотрудник Департамента полиции Е. Ф. Азеф. Среди историков до сих пор не утихают споры о том, кем в действительности был Азеф. Одни называют его выдающимся боевиком, сумевшим проникнуть в Департамент полиции и, используя возможности этой организации, проводить удачные боевые операции, другие считают провокатором, работавшим против революционеров, третьи полагают, что Азеф – внедренный в Департамент тайный агент иностранных (австрийских или

германских) спецслужб.

В период русско-японской войны специальные службы Японии предприняли попытку использовать политических противников самодержавия для ослабления России изнутри. Бывший военный агент в Петербурге М. Акаши, обосновавшийся к тому времени в Стокгольме, установил контакт с лидером Партии активного сопротивления Финляндии К. Циллиакусом (Зиллиакусом). Последний ранее бывал в Японии и некоторые свои политические статьи подписывал «Самурай». Циллиакус активно сотрудничал с русскими, польскими и кавказскими революционерами и участвовал в транспортировке нелегальной литературы из Скандинавии в Россию.

В одном из докладов за 1904 г. М. Акаши писал:

«К концу июня отношения между Зиллиакусом и основными оппозиционными партиями созрели. Он и я одновременно отправились в Париж, где вместе с представителями партии „Сакартвело“ Деканози и партии „Дрошак“ графом Лорис-Меликовым совещались по поводу организации беспорядков в России. Затем Зиллиакус отправился в Лондон на переговоры с Чайковским… Я обещал Зиллиакусу, что выплачу ему 3000 иен на печатание прокламаций».[28]

К. Циллиакус предпринял активные усилия для консолидации радикально настроенных сил эмиграции и проведения в этих целях межпартийной конференции. Он предложил лидерам эсеров «…обсудить текст общего манифеста против войны и выработать план общих совместных действий для понуждения всеми мерами, хотя бы самыми террористическими, прекратить войну. Такими мерами могут быть одновременные в разных местностях вооруженные демонстрации, крестьянские бунты и т. п. Если понадобится оружие, то финляндцы берутся снабдить оружием в каком угодно количестве».[29]

Конференция отдельных революционных и оппозиционных партий и групп состоялась в Париже осенью 1904 г. На ней было решено, что «каждая партия может действовать своими методами: либералы должны атаковать правительство с помощью земства и газетных кампаний; эсерам и другим партиям следует специализироваться на крайних методах борьбы; кавказцам использовать свой навык в организации покушений; польским социалистам – опыт в проведении демонстраций».[30]

Основной задачей М. Акаши стала организация силовых антиправительственных выступлений, для чего выделялись деньги на приобретение оружия и для постоянного возбуждения общественного протеста против правительства.

1905 г. начался с трагического события, вошедшего в

историю как Кровавое воскресенье. Реакция общества на расстрел рабочей демонстрации последовала немедленно. В тот же день в Петербурге на Васильевском острове была захвачена оружейная мастерская Шаффа и разгромлено управление 2-го участка Василеостровской полицейской части. В январе 1905 г. в Москве, Варшаве, Риге, Саратове, Киеве, Одессе, Лодзи, Ревеле, Екатеринославе, Харькове и многих других городах прошли демонстрации, забастовки и митинги протеста, переходящие в открытые столкновения с полицией и войсками. Разгон демонстраций, аресты и ссылка участников движения не дали практического результата: события продолжали стремительно развиваться. 18 января вышла работа В. И. Ленина «Начало революции в России» с призывом к подготовке во оруженного восстания против самодержавия. В Лодзи начались уличные бои между рабочими боевыми дружинами и двумя полками регулярной армии.

До 1905 г. социал-демократы (как меньшевики, так и большевики) считали террористическую деятельность нецелесообразной, не связанной со всей системой борьбы пролетариата. В условиях революционного кризиса позиция руководства РСДРП по отношению к актам терроризма и к организации военной работы в целом изменилась. К середине 1905 г. при столичных и губернских организациях эсдеков были созданы боевые комитеты, а при ЦК РСДРП – боевая группа центрального подчинения, которые занимались военной подготовкой членов партии. Для решения военно-технических вопросов – закупки, производства и распространения оружия и взрывчатки – сформировали боевую техническую группу при ЦК и Петербургском комитете РСДРП. Ее куратором со стороны ЦК большевиков стал инженер Л. Б. Красин.

Баррикады на Красной Пресне

В оппозиционной среде происходила интенсивная работа по вооружению партийных боевых отрядов. Все антиправительственные группировки приступили к закупке и перевозке оружия в Россию. Количество стволов измерялось десятками тысяч.

Один из боевиков РСДРП Н. Колокольцев вспоминал:

«Всего было человек 25 очень надежных товарищей, с которыми я выступал на охрану митингов и собраний. На первое время поступало оружие плохое: смит-вессоны, большие и малые, и бульдоги – одним словом, всякая дрянь, но и это оружие в руках рабочих было очень хорошее.

Потом, помню, в июне месяце, вечером, я выходил из артели, вижу, подъезжает ломовой извозчик, спрашивает мою фамилию, я отвечаю, что это я, спрашиваю, в чем дело. „Примите багаж“. – „Какой багаж?“ Он отвечает: „Из таможни с квитанцией“. – „Нет, и что здесь?“ Он ответил, что сейчас придет человек и объяснит, что здесь. Перетаскали ящики, и извозчик уехал, после чего я дожидался $1^1/_2$ часа, но никого не было. Со мной был один тов. П. Седов: решили вскрыть ящики. Там, в ящиках, к нашей неожиданности, оказались средние браунинги и маузеры, а также ящики с патронами к ним. Мы стояли в недоумении: что делать? У того и другого не работала голова – так потеряли всю ночь. Все-

таки удалось разместить оружие в удобные места.

На следующий день приходит Петр Кавказец, который говорит, что оружие, которое получено, нужно быстрее раздать.

Тогда был выработан пароль, с которым приходили рабочие из других районов: 1) Москворецкого, 2) Рогожского, 3) Лефортовского, 4) Городского, к которому принадлежали Пресня, Бутырки, Сущево, Большая Дмитровка и вся окружающая местность.

Раздача оружия происходила очень медленно, и раздавать его было очень неудобно: приходили в артель во время работы. Кто придет, возьмет 3 штуки, кто – 5 штук и т. д. И так раздача происходила очень долго, затем в артель каждый вечер собирались для практической стрельбы, а также учились разбирать и собирать оружие. Я помню, что происходила практическая стрельба в Техническом училище».[31]

В условиях государственной политики, неадекватной росту террористической активности, ответной реакцией на выступления левых политических группировок стало появление правых радикальных организаций. Целью последних было противодействие революционным экстремистским выступлениям, поддержка неограниченного самодержавия и борьба с любыми формами осуществления демократических преобразований. В ноябре 1905 г. организационно оформился «Союз русского народа», созданный при участии сотрудников Департамента полиции и поддержанный некоторыми представителями правящей элиты. Методы действий представителей правых организаций (пропаганда, устрашение политических противников, тактические приемы и т. п.) были зеркальным отражением методов левых организаций. Можно сказать, что экстремизм одних неизбежно приводил к выступлениям других.

Начались вооруженные столкновения боевых дружин правых и левых неправительственных организаций. Именно в этих столкновениях и рождался тот бесценный опыт, который в дальнейшем ляжет в основу тактики боевых действий малых подразделений в городских условиях.

Этот опыт доставался дорогой ценой. Боевик М. Виноградов вспоминал:

«…Боевую дружину, которая возвращалась в университет, чтобы там уже разойтись, ожидал кровавый финал. Нас было 80 человек вооруженных. Быстрым шагом подходили мы к университету с Никитской и заворачивали за угол против Манежа, как вдруг со всех сторон – перекрестный огонь, загремели выстрелы, и 40 человек дружинников уложили на месте, некоторые были ранены.

Засада была хорошо организована: угол Никитской и Манежа был освещен электричеством, тогда как на всех прилегающих улицах весь свет был потушен, и мы не могли видеть, кто и откуда в нас стреляет.

Мы проникли во двор университета, захватив всех своих убитых и раненых. За последним, оставшимся лежать на мостовой, я вернулся и унес [его] под градом пуль. Но и на двор еще сыпались пули, пока наконец нам не удалось войти в самое здание университета.

Там мы тотчас же забаррикадировались в ожидании дальнейших нападений, но ночь прошла спокойно. Раненых перевязали, убитых уложили на столы, а утром их увезли близкие, явившиеся за ними.

Ясно стало, что против винтовок нужна винтовка и, кроме того, нужна тактика уличного боя, нужна хорошо обученная боевая дружина, обученная и стрельбе с приемами передвижения и приемами боя, и с этой минуты я все внимание перенес на организацию такой дружины в Миусском парке.

Революционными связями были добыты средства – тысяча рублей, на них купили 40 винтовок-винчестеров, коротких, чтобы можно было носить их под пальто. К ложу каждой винтовки прибит был ремень, в который продевалась рука, после чего уже надевалось пальто. Винтовка оказывалась под мышкой, и дружинник по внешнему виду ничем не отличался от обыкновенного прохожего. Кроме того, были приобретены два маузера для руководителей – меня и т. Щепетильникова. На патроны денег не хватало, и пришлось обратиться к ассоциации инженеров, которая в складчину раскошелилась всего на 100 целковых на вооруженное восстание, каждый же „революционный“ банкет обходился им в несколько сот рублей.

В людском материале, разумеется, недостатка не было, и боевая дружина в 48 человек была быстро сорганизована. Дружина была разбита на 3 шашки по 16 человек. Нормальный строй был: 3 шашки, друг за другом по 4 ряда. Из этого строя по беззвучному сигналу дружина переходила мгновенно в любой строй: развернутый направо, налево, вперед, назад, в каре, по двум сторонам улицы и, главным образом, в рассыпной с использованием естественных прикрытий. Командовать дружиной приучался каждый дружинник, и во время упражнений командование велось по очереди всеми, по дню каждый. Цель была та, чтобы в случае гибели вождей дружина продолжала оставаться боеспособной. Начальники наши стояли в общих рядах, так что ничем не отличались от остальных дружинников. Для упражнения в строю мы отвели бывший цейхгауз во дворе и

там целыми часами ежедневно вели строевые упражнения, пока не добивались полной отчеканенности движений.

Кроме различных видов строя мы упражнялись немало также и в невидимых передвижениях по городу. Покидая Миусский парк, мы условливались, где сойтись, и, выходя поодиночке, шли туда, каждый своей дорогой.

Придя на условленную площадь, мы циркулировали по ней, [пока] все не успевали добраться, и затем по условленному сигналу, как по мановению волшебного жезла, сразу вырастала вокруг начальника боевая дружина в 48 человек в полной боевой готовности. Однако между появлением первого дружинника в условленном месте и приходом последнего проходило не более 5 минут.

Пока у нас в распоряжении были только револьверы в небольшом количестве, упражнения в стрельбе мы вели в мастерских Миусского парка, но когда мы вооружились винтовками, то пришлось подумать о стрельбище. Такое мы нашли в Сокольниках, в глухом месте рощи, где были сложены поленницы дров.

Мы брали трамвайный вагон, ставили на нем вывеску „служебный“, засаживались в нем все 48 человек и через несколько минут были уже у Сокольнич[еского] круга. Вагон ставился на запасный путь, а сами мы направлялись на наше стрельбище гуськом друг за другом, ступая, как волки, в след друг другу, чтобы на снегу оставался след только одиночный, а не от толпы людей. Придя на место, мы так же, не топча снега, развертывались в шеренгу против поленницы дров. Стреляли по очереди, всякий со своего места, все в одну точку поленницы, начиная с очень близкого расстояния и постепенно увеличивая и увеличивая изо дня в день, причем предварительно в мастерских парка мы вели упорные упражнения в прицеле без патронов, в спуске курка и вообще во всех тонкостях, обеспечивающих точное попадание. Каждый выброшенный из винтовки патрон тщательно подбирался – это делалось для того, чтобы не оставалось следа и [для того, чтобы] использовать патрон в дальнейшем: ввиду ограниченности их, мы перезаряжали и вновь пускали в дело. По окончании стрельбы точка, куда ложились пули, замазывалась грязью и снегом, дружина свертывалась и по старому следу гуськом возвращалась к вагону, который уносил нас обратно.

Результаты стрельбы получались блестящие: каждый дружинник бил очень метко, можно сказать, без промаха, и уверенность в их меткости была настолько велика, что руководящий стрельбой стоял в нескольких шагах от цели и концом палки указывал ту точку, куда попадала последняя пуля.

Когда миусская дружина была сорганизована и обучена, партия начала употреблять ее для охраны митингов. Нас извещали заранее, и к назначенному часу мы появлялись».[32]

В октябре 1905 г. в работе «Задачи отрядов революционной армии» В. И. Ленин изложил свое мнение по вопросам теории и практики подготовки и использования боевых революционных групп:

«Отряды должны составляться по возможности из близко живущих или часто, регулярно в определенные часы встречающихся людей (лучше и то и другое, ибо регулярные встречи могут быть прерваны восстанием). Задача их – наладить дело так, чтобы в самые критические минуты, при самых неожиданных условиях можно было оказаться вместе. Каждый отряд должен поэтому заранее выработать приемы и способы совместного действия: знаки на окнах и т. п., чтобы легче найти друг друга; условные крики или свистки, чтобы в толпе опознать товарища; условные знаки на случай встречи ночью и т. д. и т. д. Всякий энергичный человек с двумя-тремя товарищами сумеет разработать целый ряд таких правил и приемов, которые надо составить, разучить, упражняться в их применении. Надо не забывать, что 99 % за то, что события застанут врасплох и соединяться придется при страшно трудных условиях.

Даже и без оружия отряды могут сыграть серьезнейшую роль: 1) руководя толпой; 2) нападая при удобном случае на городового, случайно отбившегося казака (случай в Москве) и т. д. и отнимая оружие; 3) спасая арестованных или раненых, когда полиции очень немного; 4) забираясь на верх домов, в верхние этажи и т. д. и осыпая войско камнями, обливая кипятком и т. д. При энергии организованный, сплоченный отряд – громадная сила. Ни в каком случае не следует отказываться от образования отряда или откладывать его образование под предлогом отсутствия оружия.

Отряды должны по возможности заранее распределять функции, иногда выбирать заранее руководителя, начальника отряда. Неразумно было бы, конечно, впадать в игру назначения чинов, но нельзя забывать гигантской важности единообразного руководства, быстрого и решительного действия. Решительность, натиск – три четверти успеха.

Отряды должны немедленно по образовании, т. е. теперь же, взяться за всестороннюю работу отнюдь не теоретическую только, но и непременно практическую также. К теоретической мы относим изучение военных наук, ознакомление с военными вопросами, чтение рефератов по военным вопросам, приглашение на беседы военных (офицеров, унтеров и пр. и пр. вплоть до

бывших солдатами рабочих); чтение, разбор и усвоение нелегальных брошюр и статей в газетах об уличном бое и т. д. и т. д.

Практические работы, повторяем, должны быть начаты немедленно. Они распадаются на подготовительные и на военные операции. К подготовительным относится раздобывание всякого оружия и всяких снарядов, подыскание удобно расположенных квартир для уличной битвы (удобных для борьбы сверху, для складов бомб или камней и т. д. или кислот для обливания полицейских и т. д. и т. д., а также удобных для помещения штаба, для сбора сведений, для укрывательства преследуемых, помещения раненых и т. д. и т. д.). Затем, к подготовительным работам относятся немедленные распознавательные, разведочные работы: узнавать планы тюрем, участков, министерств и пр., узнавать распределение работы в казенных учреждениях, в банках и т. д., условия охраны их, стараться заводить такие связи, которые бы могли принести пользу (служащий в полиции, в банке, в суде, в тюрьме, на почте, телеграфе и т. д.), узнавать склады оружия, все оружейные магазины города и т. д. Работы тут масса и притом такой работы, в которой громадную пользу может принести всякий, даже совершенно не способный к уличной борьбе, даже совсем слабые люди, женщины, подростки, старики и проч. Надо стараться сплачивать теперь же в отряды непременно и безусловно всех, кто *хочет* участвовать в деле восстания, ибо *нет* и быть не может такого человека, который при желании работать не принес бы громадной пользы даже при отсутствии у него оружия, даже при личной неспособности к борьбе. Затем, не ограничиваясь ни в каком случае одними подготовительными действиями, отряды революционной армии должны как можно скорее переходить и к военным действиям в целях: 1) упражнения боевых сил; 2) разведки слабых мест врага; 3) нанесения врагу частичных поражений; 4) освобождения пленных (арестованных); 5) добычи оружия; 6) добычи средств на восстание (конфискации правительственных денежных средств) и т. д. и т. д. Отряды могут и должны ловить сейчас же всякий удобный случай для живой работы, отнюдь не откладывая дело до общего восстания, ибо без подготовки *в огне* нельзя приобрести годности и к восстанию».[33]

В качестве примера боевой работы на местах приведем воспоминания одного из активистов Петербургской организации РСДРП А. И. Сергеева:

«Приходилось вести работу в двух направлениях – чисто партийную и боевую. Личной жизни у нас совершенно не существовало. Для боевой подготовки наша организация

устраивала лекции по подготовке к боевому делу. Ходили на эти конспиративные лекции представители дружин разных заводов; так, были представители дружин с завода Лесснера, патронного, набиралось иногда в комнате человек до десяти. Какой-то артиллерист-офицер, который бывал иногда в форме, иногда в штатском платье, читал нам о взрывчатых веществах, изготовлении бомб, употреблении оружия, постройке баррикад; о том, как свести поезд с рельс[ов], о поджогах и пр. Слушали с большим интересом, задавали вопросы, читал он нам из Виктора Гюго о баррикадах. Принес он нам однажды фосфор, разведенный, кажется, в спирту, обмакивал в него бумажку, и когда она высыхала, то загоралась; всем нам хотелось иметь этот состав. И вообще, слушали этого офицера с большим вниманием, потому что знали, что он – специалист в этом деле. Он пользовался у нас полным доверием. Собирались больше всего на Петербургской стороне у курсисток.

После таких лекций приходилось собирать свой кружок и передавать им содержание лекции. Организатор боевой дружины должен был инструктировать свою группу по практической стрельбе, и мне приходилось регулярно по субботам водить дружинников из Петербургского и Выборгского районов на Малую Охту, садились в лодку, ехали по реке, потом шли по лесу и там на просеке, установив цель, занимались стрельбой. У меня были винтовка, маузер, браунинг и револьверы. Это было оружие для всей группы, хранилось оно у меня, причем некоторые боевики имели постоянно при себе оружие, а лучшее оружие хранилось у меня и давалось только во время практической стрельбы; потом это оружие опять оставляли у меня на хранение». [34]

Еще один из членов РСДРП – Бутягин, проходивший специальную подготовку, – позднее писал:

«Летом 1905 г. попал я на конференцию северокавказских организаций. Мы обсуждали вопросы подготовки к вооруженному восстанию, и, по соглашению с представителями Юга, наше собрание выделило меня для посылки в Киевскую школу.

В июле месяце, по явке где-то на Крещатике, я попал в Киев, имел несколько ночевок на Подоле, около Днепра, а затем на третий или четвертый вечер меня и двух товарищей отвели за город на огороды, в маленький, стоящий среди гряд домик. Нас было сначала трое, потом привезли еще пять человек – все с разных концов России, из областных социал-демократических организаций. Все крайне конспирировали и не называли своих имен и фамилий, даже клички переменили.

Нас замуровали в этом домишке из двух комнат; мы не могли

показывать носа из дверей и окон, пока не стемнеет. Ночью разрешалось выйти подышать свежим воздухом, но выйти с огорода считалось против конспирации. Еще через день появились киевские товарищи: одного я видел на явках, двое других были мне не знакомы. Один начал знакомить нас с нитратами, кислотами и их реакциями. <…> Я сразу понял, что имею дело с опытным человеком и знатоком взрывчатых веществ. Другой товарищ… читал нам лекции, обучал военной технике, баррикадной борьбе, постройке баррикад, а главное – правильному пониманию вооруженного восстания и подготовке для него военно-технических средств. <…> Но некоторые товарищи плохо охватывали значение доз, значение температуры… Им трудно было привыкнуть к крайней осторожности и четкости в работе; поэтому здесь, в школе, и потом в лабораториях – армавирской, екатеринодарской, новороссийской, ростовской – приходилось часто висеть на волосок от смерти.

Нам лаборант часто говорил, что, так как мы работаем, при 90 % за то, что все через полгода уйдем в потусторонний мир, то и не успеем раскинуть сети большевистских лабораторий. Его пророчества были довольно верны: тифлисская лаборатория взорвалась очень скоро, затем я слыхал о взрыве одесской лаборатории. У меня в екатеринодарской лаборатории тоже только случай и беззаветное самопожертвование моего помощника спасли положение, хотя этот товарищ все-таки сжег свою левую руку раствором металлической ртути в сильно дымящейся кислоте.

Благополучно закончив занятия, обучившись еще метанию бомб, мы поодиночке разъехались по разным организациям ставить партийные лаборатории».[35]

Приведенные воспоминания приоткрывают завесу лишь над малой частью нелегальной антиправительственной деятельности, направленной на силовое устранение действующей власти. Подобные мероприятия в той или иной мере проводили все оппозиционные организации и партии.

Одновременно с формированием, обучением и практикой действий боевых дружин происходило создание параллельных органов власти – советов рабочих депутатов. Первый совет создан в середине марта 1905 г. в Алапаевске, 15 мая был образован Совет уполномоченных рабочих депутатов в Иваново-Вознесенске, 13 октября – Петербургский совет рабочих депутатов. Интенсивно развивались союзы, объединявшие работающее население по принципу профессиональной принадлежности. 8–9 мая 1905 г. в Москве состоялся 1-й съезд «Союза Союзов», на который

прибыли представители 14 профессиональных объединений. Дело дошло до того, что профсоюзы стали создавать даже сотрудники полиции.

Заседание членов РВС Красной Пресни

Представители оппозиционных партий, входившие в руководство советов и союзов, вели активную антиправительственную агитацию и постепенно присваивали себе отдельные функции исполнительной власти. А. В. Герасимов вспоминал, что через несколько дней после опубликования указа об амнистии в Петербургское охранное отделение прибыли представители Совета рабочих депутатов и потребовали показать помещения для арестованных, и это было исполнено. Он писал:

«Можно сказать, что Петербург находился в состоянии сплошного митинга. Из-за границы приехали эмигранты и присоединились к выпущенным из тюрем революционерам. Из-за границы же привезли русские нелегальные издания и начали открыто продавать их на улицах. <…> Как грибы росли революционные издания. Конфискации нелегальных типографий побудили революционные партии печатать свои издания в легальных частных типографиях… И скоро появились легальные газеты с аншлагами: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь“, „В борьбе обретешь ты право свое“. <…> Еще хуже распространения революционных изданий было другое: существование и рост влияния Совета рабочих депутатов. Он возник в дни октябрьской забастовки для руководства стачечным

движением. После окончания забастовки Совет расширился, реорганизовался и – стал вести себя как второе правительство. Во все учреждения он слал запросы, требовал справок и объяснений – и всего хуже было то, что учреждения, даже правительственные, даже полиция, эти справки и объяснения Совету давали. Открыто он проводил сборы на вооружение, а вскоре приступил к созданию исполнительного органа своей власти – милиции. Представители этой милиции… вмешивались в действия чинов полиции… – и растерянная полиция нередко их слушалась».[36]

В октябре – ноябре 1905 г. произошло несколько крупных военных мятежей и вооруженных выступлений оппозиции: 26–28 октября – Крон штадт (12 из 20 флотских экипажей); 30–31 октября – Владивосток (матросы Сибирской военной флотилии и солдаты Хабаровского запасного полка); 11–16 ноября – Севастопольское восстание (команды крейсера «Очаков» и еще 11 кораблей, солдаты Брестского пехотного полка и саперной роты); 17–18 ноября – Киев (мятеж нескольких батальонов местного гарнизона); 23 ноября – Харьков (вооруженная демонстрация солдат четырех пехотных полков под лозунгом «Долой самодержавие!»). В тот же период в Бессарабии начал действовать партизанский отряд Г. И. Котовского. Во всех этих случаях мятежные войска поддерживали контакты с представителями революционных партий и их боевыми дружинами. Митинги, стачки, демонстрации, крестьянские волнения, нападения на полицейских и военных исчислялись сотнями.

4—5 декабря 1905 г. Московский совет рабочих депутатов, Московская конференция РСДРП и Всероссийский союз железнодорожников приняли решение начать 7 декабря всероссийскую забастовку с дальнейшим переводом ее в вооруженное восстание. Только после получения информации о намерениях революционеров центральная власть осознала опасность нерешительности. После аудиенции у Николая II, состоявшейся в 7 часов утра 7 декабря, министр внутренних дел П. Н. Дурново направил во все охранные отделения и жандармские управления циркуляр о немедленном аресте лидеров революционных организаций и подавлении выступлений с помощью военной силы. Циркуляр был исполнен только там, где полиция и специальные службы заблаговременно подготовились к его реализации на практике.

Вот как все происходило в Петербурге по воспоминаниям А. Г. Герасимова:

«Весь день прошел в подготовительной работе. Так как чинов Охранного отделения и Жандармского управления было… недостаточно, то в помощь были мобилизованы все наличные

силы полиции. Было намечено, кто именно будет руководить какими именно обысками и арестами. Под вечер, около 5-ти часов, руководители всех отрядов были собраны в Охранное отделение. <…> Намеченные обыски должны были быть произведены, чего бы это ни стоило. Если отказываются открывать двери, следовало немедленно их выламывать. При сопротивлении – немедленно стрелять <…> Всего было произведено около 350 обысков и арестов. Взяты 3 динамитных лаборатории, около 500 готовых бомб, много оружия, маузеров, несколько нелегальных типографий. В 4-х или 5-ти местах было оказано вооруженное сопротивление. Сопротивлявшиеся убиты на месте. На следующий день было произведено еще 400 обысков и арестов… среди арестованных был Александр Федорович Керенский. Он был начальником боевой дружины социалистов-революционеров Александро-Невского района».[37]

В Москве события развивались по иному сценарию. 7–8 декабря полиции удалось арестовать только часть членов Моссовета и лидеров оппозиционных партий. 9 декабря на Тверской улице появились первые баррикады.

11 декабря в «Известиях Московского совета рабочих депутатов» была опубликована инструкция боевой организации при Московском комитете РСДРП «Советы восставшим рабочим». В ней говорилось:

«Товарищи! Началась уличная борьба восставших рабочих с войсками и полицией. В этой борьбе может много погибнуть наших братьев, борцов за свободу, если вы не будете держаться некоторых правил. <…>

1. Главное правило – не действуйте толпой, действуйте небольшими отрядами в три-четыре человека, не больше. Пусть только этих отрядов будет возможно больше и пусть каждый из них выучится быстро нападать и быстро исчезать. Полиция старается одной сотней казаков расстреливать тысячные толпы. Вы же против сотни казаков ставьте одного-двух стрелков. Попасть в сотню легче, чем в одного, особенно если этот один неожиданно стреляет и неизвестно куда исчезает. Полиция и войска будут бессильны, если вся Москва покроется всеми этими маленькими неуловимыми отрядами.

2. Кроме того, товарищи, не занимайте укрепленных мест. Войско их всегда сумеет взять или просто разрушить артиллерией. Пусть нашими крепостями будут проходные дворы, все места, из которых легко стрелять и легко уйти. Если такое место и возьмут, то никого там не найдут, а потеряют много. Всех же их взять нельзя, потому что для этого каждый дом нужно населить казаками.

3. Поэтому, товарищи, если вас кто-нибудь будет звать идти куда[-либо] большой толпой и занять укрепленное место, считайте того глупцом или провокатором. Если это глупец – не слушайте, если провокатор – убивайте. Всегда и всем говорите, что нам выгоднее действовать одиночками, двойками, тройками, что это полиции выгодно расстреливать нас оптом, тысячами.

4. Избегайте также ходить теперь на большие митинги. Мы увидим их скоро в свободном государстве, а сейчас – нужно воевать, и только воевать.

Правительство это прекрасно понимает и нашими митингами пользуется для того, чтобы избивать и обезоруживать нас.

5. Собирайтесь лучше небольшими кучками для боевых совещаний, каждый в своем участке, и при первом появлении войск рассыпайтесь по дворам. Из дворов стреляйте, бросайте камнями в казаков, потом перелезайте на соседний двор и уходите.

6. Строго отличайте ваших сознательных врагов от несознательных, случайных. Первых уничтожайте, вторых щадите. Пехоты по возможности не трогайте. Солдаты – дети народа и по своей воле против народа не пойдут. Их натравливают офицеры и высшее начальство. Против этих офицеров и начальства вы и направьте свои силы. Каждый офицер, ведущий солдата на избиение рабочих, считается врагом народа и ставится вне закона. Его, безусловно, убивайте.

7. Казаков не жалейте. На них много народной крови, они всегдашние враги рабочих. Пусть уезжают в свои края, где у них земли и семьи, или пусть сидят безвыходно в своих казармах. Там вы их не трогайте. Но как только они выйдут на улицу – конные или пешие, вооруженные или безоружные, – смотрите на них как на злейших врагов и уничтожайте их без пощады.

8. На драгун и патрули делайте нападения и уничтожайте.

9. В борьбе с полицией поступайте так: всех чинов до пристава включительно при первом удобном случае убивайте. Околоточных обезоруживайте и арестовывайте, тех же, которые известны своей жестокостью и подлостью, тоже убивайте. У городовых только отнимайте оружие и заставляйте служить не полиции, а вам.

10. Дворникам запрещайте запирать ворота. Это очень важно. Следите за ними, и если кто не послушает, то в первый раз побейте, а во второй – убейте. Заставляйте дворников служить опять-таки нам, а не полиции. Тогда каждый двор будет нашим убежищем и засадой».[38]

Член ЦК партии эсеров В. М. Зензинов позднее писал о московских событиях:

«Сумасшедшие дни были пережиты нами в декабре. Баррикады, ружейная стрельба, обезоружение жандармов, городовых и Сумских драгун, прибывших на усмирение Москвы из Твери, попытки вызвать из казарм войска, явно сочувствовавшие революционерам, но колебавшиеся выйти на улицу… Только поздней ночью, пробираясь вдоль улицы (после 9 часов вечера под угрозой расстрела запрещено было выходить из домов), мы собирались все вместе, сплоченная группа комитетчиков. Приходили возбужденные, взволнованные всем пережитым за день. Это была маленькая квартира Л. М. Армандт в Филипповском переулке около Арбатской площади, на которой было в эти дни немало столкновений между дружинниками и драгунами. Странный вид представляла эта квартира. Многочисленные пачки патронов к маузерам, сами маузеры в деревянных кобурах, снятая с городового шашка, пачки литературы – всем этим завалены были стулья, диваны и столы… Здесь же на столе стояли похожие на сахарницы жестяные банки, перевязанные веревочкой: то были наши динамитные бомбы, которым так завидовали тогда социал-демократы».[39]

Подавить восстание в Москве удалось только 18 декабря после прибытия лейб-гвардии Семеновского полка из Петербурга и Ладожского пехотного полка из Варшавы. Правительственные войска использовали в уличных боях артиллерию, пулеметы и залповую стрельбу из винтовок. Дружинники, вооруженные бомбами-«македонками», «маузерами», «браунингами» и револьверами, широко применяли тактику засад и налетов малыми группами.

В декабре 1905-го – январе 1906 г. в Красноярске, Харькове, Александрове, Чите и некоторых других городах также произошли вооруженные восстания. В Новороссийске и Владивостоке восставшие захватили власть и удерживали ее в течение одной-двух недель.

На IV (объединительном) съезде РСДРП, состоявшемся 10–25 апреля (23 апреля – 8 мая) 1906 г. в Стокгольме, была принята программа, в которой указывалось, что вооруженному восстанию должны предшествовать железнодорожная и почтово-телеграфная стачки, которым надлежало перерасти во всеобщую стачку; отдельные революционные сходки и митинги, имеющие целью должным образом разжечь политические страсти и вызвать кровавые столкновения. Особо оговаривалась поддержка печати, которая в идеале должна была приписывать все ужасы и жертвы, вызванные этими народными движениями, одному лишь правительству. Посредством пропаганды необходимо было перевести все войска на сторону революции и сорвать набор

новобранцев отказом населения от воинской повинности.

Улицы революционной Москвы

Попытка упорядочить действия боевиков была связана с тем, что многие участники боевых структур стали постепенно выходить из повиновения лидерам и проводить экспроприации в корыстных целях. Для примера приведем свидетельские показания одного из боевиков эсдеков Л. М. Прохорова:

«…Эсдековские боевики, не довольствуясь хождением на лекции, стремились проявить себя в террористических актах или в грабежах. Но так как этого инструктор не разрешал, то нередко дружинники тайком от партии устраивали грабежи и взятые такими путями деньги брали в личное распоряжение. Так, например, в июле 1906 г. во время работ на Невском судостроительном заводе был ограблен артельщик на 15 000 рублей… Вскоре после этого ограбления… происходило собрание дружинников, на котором присутствовали и участники ограбления. На это собрание приехал некий „Савельев“ (он же Сибиряк) и сделал предложение дружинникам объединиться в автономную группу. Вскоре происходило другое, но такое же собрание, на которое приехал инструктор „Лазарь“ и, узнав участников ограбления, стал требовать от них, как от членов партии, отдачи этих 15 000 рублей в пользу партии, но на это ему ответили, что совершившие это ограбление выходят из партии и выдают ему партийное оружие, а взятые деньги… пойдут на

новую беспартийную группу террористов-экспроприаторов».[40]

Наиболее крупными и опасными из «новых» объединений террористов-экспроприаторов, или, как их часто именовали, терэксовцев, были отряды Г. И. Котовского, Н. И. Махно и А. М. Лбова. Количество небольших групп анархистов, максималистов, безмотивников и т. п. доходило до трех сотен. Постепенно их участники все более и более скатывались к обыкновенной уголовщине. Но в отличие от «традиционных» уголовников политизированные криминальные группы широко при разбойных нападениях использовали взрывчатку и стрелковое оружие. А некоторая часть из них грамотно применяла и полученный опыт по тактике уличных боев.

Здесь следует отметить, что и боевые группы революционных партий, и правительственные войска вначале осваивали тактику уличных боев более на практике, чем в теории. Уверенность верховной российской власти в невозможности восстаний в России до 1905 г. была чрезвычайно велика. Когда в 1898 г. военный агент при русском посольстве в Италии представил военному министру обстоятельный секретный доклад о тактике уличных боев в дни Миланского восстания того же года, он был отстранен от должности. Увольнение мотивировалось тем, что данный офицер уделяет внимание никому не нужной ерунде и, следовательно, он не имеет правильного представления о своих обязанностях.

В 1905 г. ситуация в корне изменилась. Поскольку в отечественной литературе соответствующих теоретических руководств не было, спешно была переведена и издана глава «Уличный бой» из немецкой тактики Балка. Офицеров стали подробно инструктировать о методах и способах уличной борьбы. Дело о Миланском восстании извлекли из архива и сделали его предметом изучения. Под председательством великого князя Николая Николаевича организовали специальный Комитет государственной обороны куда привлекли весь цвет тогдашней военной профессуры и признанных авторитетов в области теории и практики военного дела. По указаниям комитета в полках читались лекции по тактике, аналогичные тем, которые изучали боевики революционных партий. Нередко лекторы опирались и на захваченные полицией в ходе обысков учебные пособия революционеров.

Одно из первых таких пособий под названием «Приложение тактики и фортификации к народному восстанию» составил В. Северцов (Н. М. Филатов). Оно было издано в Женеве в типографии ЦК РСДРП в 1905 г. В этой работе имелись следующие разделы: 1. Вооружение; 2. Постройка баррикад и

укрепление домов, стен и т. п.; 3. Расположение наших сил; 4. Атака: а) разведка, б) атака кавалерии, в) атака пехоты, г) атака артиллерии; 5. Наступление восставших; 6. Общий план восстания.

Еще одно руководство по тактике под названием «Уличные бои (Конспект лекций, читанных начальникам дружин Боевого рабочего союза)» подготовил в 1906 г. один из руководителей Всероссийского офицерского союза и одновременно председатель Боевого рабочего союза офицер Академии Генерального штаба С. Д. Масловский (Мстиславский).

После поражения первой русской революции руководство большевистского крыла РСДРП начало уделять серьезное внимание организации боевой подготовки своих сторонников. В сентябре 1906 г. в статье «Партизанская война» В. И. Ленин[41] сделал вывод:

«Партизанская борьба есть неизбежная форма борьбы в такое время, когда массовое движение уже дошло на деле до восстания и когда наступают более или менее крупные промежутки между „большими сражениями“ в гражданской войне».[42] Главными проблемами партизанской войны он назвал неорганизованность, а также попытки навязать практикам искусственно сочиненные формы вооруженной борьбы.

В 1906–1907 гг. как в России, так и за границей была создана сеть школ, в которых тщательно отобранные партийные функционеры проходили специальную военную подготовку. В качестве примера назовем школу боевых инструкторов в Киеве, школу бомбистов в Лемберге (ныне г. Львов), школу боевиков в Болонье. Таким образом, по итогам неудачной попытки вооруженного восстания 1905 г. диверсионно-террористические действия ударных боевых групп были признаны в качестве одной из необходимых составных частей борьбы за власть. Впоследствии именно на их основе будет вестись подготовка диверсантов и партизан в Советском Союзе. Именно этот бесценный опыт станет фундаментом успехов П. А. Судоплатова и его боевых друзей.

В отличие от эсеров, анархистов и других революционных групп руководство РСДРП приняло решение о прекращении террористических актов.

Осенью 1907 г. на конференции большевиков в Финляндии обсуждался вопрос о терроре. Большинство из 32 делегатов считали, что усилить террор необходимо:

«Это единственный способ вернуть Россию к тому состоянию, в каком она оказалась при первых успехах революции и из которого ее опять вывел никому не понятный режим премьера».[43]

Однако В. И. Ленин и Н. А. Рожков (как будто давая возможность не только партии, но и нашему герою вырасти и окрепнуть) сделали следующее заявление:

«Ввиду того, что в настоящее время мы считаем метод террора не достигающим цели, так как сейчас единственным методом борьбы должна являться научная пропаганда и Государственная дума как агитационная трибуна, мы оставляем за собой право, оставаясь в партии, не гарантировать постановления о терроре и в случае, если и ЦК партии одобрит постановление конференции, – совсем уйти из партии».[44]

Поражение 1905–1907 гг. стало для антиправительственных партий хорошим уроком, и с 1910–1911 гг. революционеры начали более планомерную работу по подготовке к свержению самодержавия. Попробуем на примере РСДРП рассмотреть, каким образом осуществлялась нелегальная антиправительственная деятельность политических партий. В 1906 г. в работе «Русская революция и задачи пролетариата» Ленин писал, что в основе партии рабочего класса должна быть «сильная тайная организация», которой надлежит иметь особый аппарат «открытых выступлений». По его мысли, партия должна внедрять своих людей во все легальные общества и учреждения, начиная с профессиональных союзов и заканчивая подзаконной печатью. Работа шла одновременно по нескольким направлениям, основное из которых – формирование партийного кадрового ядра: организаторов, пропагандистов, боевиков, связных, содержателей конспиративных квартир и т. д.

Поскольку РСДРП (объединение большевиков и меньшевиков, хотя и формальное, произошло на IV съезде РСДРП, поэтому мы не указываем в скобках конкретизирующую букву; однако стоит уточнить, что большевики по отношению к вооруженным действиям занимали более решительную позицию, одобряя их) действовала в условиях подполья, основным принципом успешной работы ее функционеров было соблюдение строжайшей конспирации. Под конспирацией понимается совокупность методов, используемых нелегальной организацией для сохранения в тайне своей деятельности. Забота о безопасности партийных структур начиналась с момента отбора кандидатов в революционеры. Прежде чем пригласить кандидата на собрание или ввести в круг партийцев, за ним пристально наблюдали на работе, изучали его настроения, давали небольшие, а затем более ответственные поручения. Таким образом, параллельно происходило изучение личности кандидата и его первичное обучение навыкам подпольной работы.

Практически с самого начала революционной деятельности

РСДРП, как и большинство других нелегальных организаций, стремилась минимизировать ущерб от возможных провалов. В работе «Задачи русских социал-демократов» Ленин писал:

«Чем дробнее, мельче будет то дело, которое возьмет на себя отдельное лицо или отдельная группа, тем больше шансов, что ему удастся обдуманно поставить это дело и наиболее гарантировать его от краха, обсудить все конспиративные частности, применив все возможные способы обмануть бдительность жандармов и ввести их в заблуждение, тем надежнее успех дела, тем труднее для полиции и жандармов проследить революционера и связь его с организацией, тем легче будет для революционной партии заменять погибших агентов и членов другими без ущерба для всего дела».[45]

Процесс воспитания и обучения партийных активистов являлся непрерывным. После того как они приобретали первичные практические навыки и становились полноправными членами партии, им давались новые знания. Ленин считал, что если в партии будут отряды специально подготовленных и прошедших практическую школу рабочих-революционеров, то с ними не справится никакая политическая полиция. Высшими партийными курсами можно назвать специальные школы по подготовке профессиональных революционеров, работавшие в Италии, Франции и Швейцарии. В их программы входили политэкономия, история рабочего движения и история РСДРП, государственное право, ряд других теоретических дисциплин; одновременно проводились практические занятия. Тюрьмы и ссылки также были настоящими университетами подпольной работы. Отбывая наказание, революционеры изучали различные предметы – от азбуки и арифметики до марксистской теории и приемов конспирации. Последнюю, учитывая личный негативный опыт, изучали особенно тщательно.

В практической деятельности партии большое внимание уделялось конспиративным квартирам, которые имели строго определенное назначение. Одни использовались для проживания нелегалов, другие – как явочные, третьи – для проведения собраний, хранения литературы или оружия, размещения типографий и т. п. Наиболее засекреченными были партийные типографии, о расположении которых знал узкоограниченный круг лиц в той или иной организации. Даже типография «Искры» в Швейцарии пребывала на нелегальном положении. Многие активисты знали, где находится редакция газеты, и лишь единицы – где находится типография. Расположение складов оружия и литературы, квартир нелегалов охранялось не менее тщательно, о них знали только сами «хранители» и особо

доверенные связные.

Прием того или иного лица на явочной квартире обеспечивался наличием особого пароля. Степень доверия содержателя явочной квартиры к прибывшему со стороны заранее определялась содержанием пароля. Например: «Я от Вани», «Я от дяди Вани», «Я от дяди Вани, он шлет вам поклон». Система явок, действовавшая по принципу «обезьяньего моста», нередко дублировалась, при провале вступала в работу «спящая» сеть. Для обеспечения конспирации широко применялась шифрованная переписка. Для этого в текст письма вставляли заранее разработанные условные фразы, понять которые могли только лица, имевшие соответствующую кодовую таблицу. Широко использовались симпатические (невидимые) чернила, проступавшие поверх обычного текста после специальной обработки. Текст, написанный симпатическими чернилами, нередко еще и шифровали. Для большей надежности в партийной переписке прибегали к системе контейнеров и тайников.

Чтобы успешно противодействовать полиции и специальным службам Российской империи, тщательно изучались и обобщались методы их работы, ставшие известными революционерам. Особенно тщательно изучались методы выявления наружного наблюдения и приемы ухода от слежки. Революционеры имели свои собственные группы наружного наблюдения, обеспечивавшие безопасность членов подпольных организаций, особенно во время собраний партийного актива. Практиковалось наблюдение за известными сотрудниками полиции и жандармерии с целью выявления конспиративных квартир и секретной агентуры. Как и в государственных структурах, у подпольщиков были специальные группы, осуществлявшие физическую охрану партийных активистов (прежде всего во время митингов, маевок и других массовых мероприятий, когда существовала реальная угроза взятия партийных функционеров с поличным).

Поскольку большинство профессиональных революционеров были хорошо известны полиции, им часто приходилось находиться на нелегальном положении. Нелегала следовало обеспечить фальшивыми документами, которые делились на категории в зависимости от качества. Самыми надежными являлись настоящие паспорта, выданные реальным лицам и попавшие в руки подпольщиков. Использовались паспорта умерших и дубликаты с настоящих паспортов, иногда выписанные без ведома владельца. Некачественными считались паспорта, выписанные на вымышленных людей. Бланки паспортов покупались у продажных чиновников, похищались в полицейских

участках или изготовлялись. Наиболее опытные партийные работники имели в запасе несколько выписанных на разные фамилии паспортов, в том числе иностранных. Вторым необходимым атрибутом нелегала был партийный псевдоним, их также могло быть несколько. Использование разных (и особенно новых) псевдонимов позволяло на определенный срок вводить в заблуждение сотрудников полиции и специальных служб. Наибольшую опасность для нелегальных организаций представляли секретные сотрудники, работавшие непосредственно в революционной среде. В брошюре «Задачи русской социал-демократии» (написана в ссылке и опубликована в 1898 г.) Ленин, говоря об организационной стороне деятельности партии, указывал, что «нужны люди, следящие за шпионами и провокаторами».[46] Он писал также о необходимости иметь специальных агентов – профессиональных революционеров, имеющих контакты с интеллигенцией, чиновничеством, полицией. Можно по-разному относиться к личности лидера РСДРП (б), но в понимании важности и сложности борьбы революционеров с секретной агентурой ему не откажешь. В октябре 1902 г. В. И. Ленин отмечал:

«Такое преступление, как тайная служба в политической полиции, вообще говоря, за исключением совершенно единичных случаев, не может быть доказано совершенно определенными уликами и столь конкретными фактами, которые мог бы проверить всякий сторонний человек».[47]

После 1907 г. выявление полицейской агентуры и предотвращение ее внедрения в оппозиционные организации стали одними из основных методов обеспечения безопасности подпольщиков. У партии социалистов-революционеров основным контрразведывательным органом было бюро В. Л. Бурцева, с которым контактировали изменившие присяге обиженные представители политического сыска. В РСДРП также создавались специальные органы по борьбе с провокаторами. В 1910 г. Ф. Э. Дзержинский писал, что необходимо обязательно организовать следственный отдел по разоблачению провокаторов. На практике борьба с правительственной секретной агентурой включала в себя выявление агентуры, проведение расследований для установления фактов предательства, выработку мер предупреждения от внедрения агентуры и мер пресечения по отношению к установленным революционерам-отступникам.

Для выявления секретной агентуры партийные следователи анализировали ставшую известной революционерам секретную полицейскую информацию. Среди членов подпольных кружков проводились опросы по поводу лиц, вызвавших подозрение в

сотрудничестве с полицией и жандармерией. За подозреваемыми могло устанавливаться наружное наблюдение с целью выявления контактов. Подозреваемый, как правило, переводился в «карантин», т. е. от активной партийной работы отстранялся. Поскольку расследование всегда велось конспиративно, оно занимало значительное время: иногда на это уходило много месяцев, порой – несколько лет. Для получения более подробных сведений о проверяемом революционеры вступали в контакт с государственными чиновниками, представителями полиции и специальных служб. Кроме того, между революционными партиями осуществлялся определенный обмен оперативной информацией. Хотя здесь надо учитывать, что какую-то часть информации о том или ином факте или конкретном лице каждая из партий старалась придержать, выдавая только то, что не могло повредить ее нормальному функционированию.

Для предотвращения проникновения секретной агентуры в ряды РСДРП все провалы в организациях тщательно анализировались, новые кадры подбирались постепенно и осторожно. С этой же целью в разделе «Из деятельности охранного отделения» газеты «Искра» раскрывались методы полиции, использовавшиеся против революционеров, и давались рекомендации по совершенствованию приемов конспирации; публиковались секретные документы Департамента полиции и фамилии секретных агентов, ставшие известными революционерам. Были установлены строгие правила, согласно которым все сведения о провокаторах незамедлительно сообщались в центральные органы партии. Голословные обвинения членов партии в провокационной деятельности не приветствовались. Наиболее эффективным, но и наиболее опасным способом являлось внедрение революционеров в число секретных сотрудников, однако ЦК РСДРП относился к подобной практике отрицательно.

В качестве меры пресечения к установленным секретным сотрудникам чаще всего использовалось изгнание из партии с последующей публикацией в партийной печати. Возможность предотвращения продолжения работы агента в революционной среде В. И. Ленин оценивал выше, чем его физическую ликвидацию. Еще в 1902 г. он писал:

«Мы должны внушить рабочим, что убийство шпионов, провокаторов и предателей может быть, конечно, иногда безусловной необходимостью, но что крайне нежелательно и ошибочно было бы возводить это в систему…»[48]

Ликвидация секретных сотрудников, конечно, имела место, особенно в 1905–1907 гг., но она заключала в себе серьезную

опасность. Во-первых, при недостаточности доказательств репрессии мог быть подвергнут невиновный член партии. Здесь следует отметить, что Департамент полиции иногда специально распространял дезинформацию, дискредитировавшую партийных активистов. Во-вторых, убийство секретного сотрудника органы политического сыска никогда не оставляли без ответных и не менее жестких мер. Исполнителей приговора тщательно искали не только в России, но и за рубежом (полиции этих государств); обнаруженных исполнителей ликвидировала полицейская агентура, их компрометировали в глазах товарищей, чаще всего с тем же трагическим результатом.

Еще раз подчеркнем: стратегическая дальновидность В. И. Ленина проявилась в нежелании превращать особенно рискованные акции по ликвидации наиболее одиозных противников в неконтролируемую систему, которая неминуемо столкнула бы партию в пропасть тотального террора со всеми вытекающими из этого последствиями. К представителям партии было бы привлечено совершенно иное внимание карательных органов, мнение прогрессивной и революционной общественности сменило бы вектор оценки, от партии отдалились бы многие социальные группы. И даже в 20—50-е гг. XX в. эта линия Ленина выдерживалась по отношению к политическим противникам Советской России за границей. Решения о ликвидации наиболее выраженных противников режима принимались на самом верху, и осуществлялось это далеко не в массовом порядке, как это иногда преподносится. Наш герой впоследствии имел самое прямое отношение к некоторым из этих акций.

По опубликованным данным, всего в 1901–1917 гг. разоблачено более семидесяти секретных сотрудников охранных отделений и жандармских управлений. Следует подчеркнуть, что большинство из них были раскрыты по собственной неосторожности либо в результате предательства со стороны государственных служащих. Важную роль в разоблачении агентуры сыграли: Ф. Э. Дзержинский, А. Е. Бадаев, Д. И. Курский, З. Я. Литвин-Седой, М. С. Ольминский, Г. И. Петровский, Н. Г. Полетаев, И. А. Пятницкий, Е. Ф. Резмирович, К. Н. Самойлова, Н. А. Семашко, С. А. Тер-Петросян, Я. Тышка, М. Н. Федоров, В. Я. Фидлеровский. Деятельность указанных лиц крайне тревожила сотрудников Особого отдела, которые прилагали все усилия для выявления и изоляции специалистов партийной службы безопасности. Впоследствии опыт, приобретенный революционерами в борьбе с политической полицией Российской империи, широко использовался в деятельности специальных

служб и подразделений Советской России.

За несколько месяцев до Февральской революции большинство подданных Российской империи не могли себе представить, какие события произойдут в стране в 1917 г. Не только для обывателей, но и для подавляющего числа представителей властных структур и оппозиции смена политического строя стала неожиданностью. В. И. Ленин еще в январе 1917 г. говорил в Цюрихе, что «партийцы-старики», быть может, до грядущей революции не доживут. На другой день после отречения императора (2 (15) марта 1917 г.) А. М. Горький и Н. С. Чхеидзе говорили послу Франции М. Палеологу, что революция оказалась «совершенно внезапной». По нашему мнению, неожиданность Февральской революции заключалась не в самом факте ее свершения, а в том, за какой короткий период она произошла.

В циркуляре Департамента полиции «О деятельности политических партий в России и о мерах борьбы с этими партиями», изданном еще в сентябре 1914 г., четко указывалось, что в ходе войны революционная деятельность будет продолжаться. Бывший министр внутренних дел П. Н. Дурново ровно за три года до Февральской революции пророчески писал Николаю II, предупреждая его о столь вероятных военных поражениях, обусловленных ненужностью войны для России и ее неподготовленностью к очередному военному конфликту за чуждые интересы. Дурново небезосновательно полагал, что все неудачи в войне будут приписаны правительству, против него начнется яростная кампания в законодательных учреждениях и в результате – неизбежная социальная революция. Так как же Николай II отреагировал на предостережение члена Государственного совета, который, кстати, в 1906 г. был приговорен эсерами к смерти и лишь по счастливой случайности остался в живых? Реально – никак! В этом контексте нельзя не сказать: личные качества последнего российского самодержца стали одной из первых причин, обусловившей падение династии Романовых.

Вторая причина революции была социальной. И. Л. Солоневич писал, что предреволюционная Россия находилась в социальном тупике. Новые общественные силы – «энергичные, талантливые, крепкие, хозяйственные» – пробивались к власти, но на их пути стоял старый правящий слой, который имел все признаки вырождения, в том числе и физического. Генерал императорской свиты А. А. Мосолов вспоминал:

«Ближайшая свита не могла быть полезной императору ни мыслями, ни сведениями относительно внутренней жизни

страны… Бюрократия, включая министров, представляет одну из преград, отделяющих государя от народа. Бюрократия – каста, имеющая свои собственные интересы, далеко не всегда совпадающие с интересами страны и ее государя».[49]

Мы полностью согласны с этим. Добавим, что впоследствии бюрократы от партии и спецслужб будут самыми страшными врагами П. А. Судоплатова и его товарищей по оружию во время всей его активной работы.

Как следует из многих опубликованных мемуаров, в отстранении Николая II от власти не последнюю роль сыграли несколько «дворцовых заговоров», организованных представителями земельной аристократии, финансово-промышленных и военных кругов. Земельная (не служилая!) аристократия не хотела терять привилегий и связывала сохранение своего благополучия с крайним консерватором – великим князем Николаем Николаевичем. А. А. Мосолов сообщает:

«Думали, что переворот приведет к диктатуре Николая Николаевича, а при успешном переломе в военных действиях и – к его восшествию на престол».[50]

С. П. Мельгунов писал примерно о том же: «Речь шла уже о заговоре в стиле дворцовых переворотов XVIII столетия, при которых не исключалась возможность и цареубийства».[51]

Преследовал свои цели, реализация которых тормозилась династией, и российский финансово-промышленный капитал. Политический лидер этой группы А. И. Гучков впоследствии показал Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, что план заключался в том, чтобы «…захватить по дороге между Ставкой и Царским Селом императорский поезд, вынудить отречение, затем одновременно, при посредстве воинских частей, на которые… в Петрограде можно было рассчитывать, арестовать существующее правительство, затем объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавляют собою правительство».[52]

По некоторым данным, к заговору примыкали Н. И Некрасов, М. И. Терещенко и генералы Л. Г. Корнилов и А. М. Крымов. Следует отметить, что в Департаменте полиции и в Петроградском охранном отделении определенная информация о деятельности А. И. Гучкова и его сторонников имелась, но никаких репрессивных или хотя бы профилактических мер по отношению к заговорщикам предпринято не было.

Главой сговора генералов являлся начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев. По одной из версий, он видел себя в будущем Верховным

главнокомандующим при малолетнем императоре и регенте Николае Николаевиче. Военная верхушка, поддерживавшая Алексеева, справедливо опасалась за свое будущее после стольких военных неудач. В мемуарах М. Палеолог рассказывает, что великие князья и просто князья, представители финансовой, земельной и военной аристократии на своих приемах открыто говорили о свержении императора и о том, что они уже ведут пропаганду в частях гвардии. Петербургское охранное отделение указывало, что отпуск офицеров гвардейской кавалерии осуществляется по определенному плану. Агитация велась даже среди сотрудников охранных структур государя, в том числе среди личного состава конвоя Николая II. Представители правящей элиты, участвовавшие в заговорах, не отдавали себе отчета в том, что могут стать жертвой своих же собственных действий.

Мы оставим за скобками события, связанные с Февральской революцией, они хорошо известны. Только отметим, что мятеж войск Петроградского гарнизона был бы невозможен без активной, последовательной и наступательной работы военных организаций социалистов-революционеров и РСДРП. Их опыт по разложению силовой опоры правительства затем был тщательно изучен и применялся как в ходе Гражданской войны, так и в ряде других стран при организации вооруженных восстаний.

3 (16) апреля 1917 г. в Россию прибыли первые политические эмигранты, в том числе В. И. Ленин. Петроградский совет устроил на Финляндском вокзале пышную, с военным караулом встречу. Г. Е. Зиновьев (настоящая фамилия Радомысльский) впоследствии писал, что все приехавшие были уверены, что будут немедленно арестованы Милюковым и Львовым. Почему он был так уверен в аресте? Дело в том, что поезд шел из Швейцарии через территорию Германии, Швеции и Финляндии. Получается, что Германия, находившаяся в состоянии войны с Россией, способствовала возвращению на родину русских подданных, да еще к тому же поезд сопровождала немецкая охрана!

Генерал Э. Людендорф в мемуарах писал: «Отправлением в Россию Ленина наше правительство возложило на себя особую ответственность. С военной точки зрения его проезд через Германию имел свое оправдание; Россия должна была пасть».[53]

Таким образом, германский Генеральный штаб решал важнейшую для себя задачу – обеспечить выход из войны одной из основных стран Антанты.

У В. И. Ленина и его сторонников в эмиграции была своя цель: как можно быстрее вернуться в Россию и вступить в борьбу за власть с Временным правительством. 7 (20) апреля «Правда»

опубликовала «Апрельские тезисы» лидера большевиков, на тот момент не поддержанные ЦК РСДРП (б). Однако ни Временное правительство, ни руководители других политических партий не поняли главного – Ленин не остановится.

18 апреля (1 мая) 1917 г. вышла знаменитая «нота Милюкова», подтверждавшая участие России в войне «до победного конца». Она вызвала бурные демонстрации с требованием отставки министра иностранных дел. В демонстрациях приняли участие войска, но командующий округом генерал Л. Г. Корнилов сумел вернуть большинство солдат в казармы и вывел на улицы надежные подразделения. Попытка мятежа была подавлена, однако Временное правительство деятельность Корнилова не оценило. А большевики уже приступили к формированию Красной гвардии и развернули антивоенную агитацию среди рабочих Петрограда, солдат Петроградского гарнизона и матросов Балтийского флота.

3—4 (16–17) июля 1917 г. в Петрограде произошла очередная попытка мятежа воинских частей, в ходе которой, по официальным данным, погибли 56 человек и ранено более 650. Это вызвало мощную волну антиправительственных демонстраций. В конце июля – начале августа в Петрограде состоялся VI съезд РСДРП (б), на котором было принято решение о захвате власти путем вооруженного восстания.

К началу сентября 1917 г. в руководстве РСДРП не имелось единства по поводу сроков и методов взятия власти. Большинство членов Центрального и Петроградского комитетов придерживались позиции диалога с Временным правительством и постепенной его трансформации в коалиционное (эсдеки, эсеры и анархисты) социалистическое правительство. Кроме того, призывать к немедленному свержению правительства, которое в критические моменты партия призывала защищать (в ходе Апрельского кризиса ЦК РСДРП (б) осудил лозунг «Долой Временное правительство!» как несвоевременный и авантюристический; под знаком доверия Временному правительству прошла часть июньских демонстраций; в июльские дни 1917 г. ЦК РСДРП (б) выступал за мирное развитие событий, которые окончились кровавой бойней в Петрограде), было очень непросто. Большевики на тот момент, вопреки более поздним утверждениям, не являлись самой популярной левой партией. Эсеры, эсдеки-меньшевики, народные социалисты и анархисты имели массу сторонников. Лидер большевиков В. И. Ленин прекрасно это понимал и отдавал себе отчет в том, что основной противник его партии – время.

Главной угрозой для Ленина и его сторонников были

приближавшиеся выборы в Учредительное собрание, поскольку в нем и, соответственно, в будущем правительстве большевики не могли рассчитывать на большинство и ведущую роль. На это совершенно объективно указывали результаты проходивших тогда выборов в Советы всех уровней. Другой негативный для большевиков момент – критика партии в основных как правительственных, так и оппозиционных периодических изданиях. В этих условиях Ленин стоял перед выбором: либо принимать правила игры, навязываемые ему политической ситуацией, либо попытаться изменить ситуацию в свою пользу. Он выбрал второе. Этот человек обладал многими качествами, необходимыми политическому лидеру, среди которых точное понимание создавшейся ситуации не в статике, а в динамике, выверенная решительность при реализации политических замыслов.

15 (28) сентября в Петроград поступили два письма В. И. Ленина: «Большевики должны взять власть» – для членов Центрального, Петроградского и Московского комитетов РСДРП (б), «Марксизм и восстание» – для членов Центрального комитета. В них он отказывался от тактики компромиссов и выдвигал план немедленной подготовки к вооруженному восстанию с целью захвата власти. Ленин писал:

«Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и *должны* взять государственную власть в свои руки.

Могут, ибо активного большинства революционных элементов народа обеих столиц достаточно, чтобы увлечь массы, победить сопротивление противника, разбить его, завоевать власть и удержать ее. <…>

Почему должны власть взять именно *теперь* большевики?

Потому, что предстоящая отдача Питера сделает наши шансы во сто раз худшими…

Вопрос в том, чтобы *задачу* сделать ясной для партии: на очередь дня поставить *вооруженное восстание* в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства. <…>

Взяв власть *сразу* в Москве и в Питере (не важно, кто начнет; может быть, даже Москва может начать), мы победим *безусловно и несомненно*».[54]

В своем знаменитом письме «Советы постороннего», написанном 8 (21) октября 1917 г., В. И. Ленин дал, со ссылкой на К. Маркса, блестящее изложение формулированных Ф. Энгельсом основных правил восстания:

«Но вооруженное восстание есть *особый* вид политической

борьбы, подчиненный особым законам, в которые надо внимательно вдуматься. Замечательно рельефно выразил эту истину Карл Маркс, писавший, что вооруженное „*восстание, как и война, есть искусство*“.

Из главных правил этого искусства Маркс выставил:

1. Никогда *не играть* с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо *идти до конца*.

2. Необходимо собрать *большой перевес сил* в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3. Раз восстание начато, надо действовать с *величайшей решительностью* и непременно, безусловно переходить в *наступление*. „Оборона есть смерть вооруженного восстания“.

4. Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.

5. Надо добиваться *ежедневно* хоть маленьких успехов (можно сказать: ежечасно, если дело идет об одном городе), поддерживая, во что бы то ни стало, „моральный перевес“.

Маркс подытожил уроки всех революций относительно вооруженного восстания словами „величайшего в истории мастера революционной тактики Дантона: смелость, смелость и еще раз смелость“».[55]

9 (22) октября Исполком Петроградского совета принял решение создать Комитет революционной обороны, официально – для организации обороны города от немцев, которые накануне овладели Моонзундским архипелагом. Комиссию по выработке положения о комитете возглавил председатель солдатской секции Петросовета левый эсер П. Е. Лазимир. Как вспоминал впоследствии Л. Д. Троцкий, это было сделано в целях маскировки.

В проекте положения намечались следующие задачи: установить связь с Северным фронтом, штабом Петроградского округа, Центробалтом и Областным советом Финляндии для выяснения военной обстановки; произвести учет личного состава гарнизона Петрограда и его окрестностей, а также наличие боевого снаряжения и продовольствия; принять меры для поддержания в солдатских и рабочих массах дисциплины.

Троцкий впоследствии писал:

«Формулировки были всеобъемлющи и в то же время двусмысленны: почти все они стояли на грани между обороной столицы и вооруженным восстанием. Однако эти две задачи, исключавшие до сих пор друг друга, теперь и на деле сближались: взяв в свои руки власть, Совет должен будет взять на себя и военную защиту Петрограда. Элемент оборонческой маскировки

не был насильственно привнесен извне, а вытекал до известной степени из условий кануна восстания».[56]

16 (29) октября В. И. Ленин созывает собрание партийного актива с участием членов ЦК. Для практической работы по организации восстания создается Военно-революционный (Партийный) центр в составе А. С. Бубнова, Ф. Э. Дзержинского, Я. М. Свердлова, И. В. Сталина, М. С. Урицкого. Центр являлся полномочным представителем РСДРП (б) в ВРК Петроградского совета. В этот же вечер Петросовет утвердил образованный еще 12 (25) октября Военно-революционный комитет. Л. Д. Троцкий впоследствии писал, что исход восстания 25 октября (7 ноября) 1917 г. был предопределен в тот момент, когда большевики воспротивились выводу Петроградского гарнизона, создали Военно-революционный комитет, назначили во все воинские части и учреждения своих комиссаров и тем самым изолировали не только штаб Петроградского военного округа, но и правительство.

В ночь с 17 (30) на 18 (31) октября на квартире рабочего Д. А. Павлова состоялось совещание В. И. Ленина с руководителями Военной организации Н. И. Подвойским, В. А. Антоновым-Овсеенко и В. И. Невским (Ф. И. Кривобоковым). Спустя два года Невский писал, что Ленин стремился сломить остатки упрямства членов Военной организации, учитывавших настроения матросов («не хотят оголять фронт») и считавших выступление преждевременным. По свидетельству Подвойского, Ленин сказал:

«Всякое промедление с нашей стороны даст возможность правительственным партиям, обладающим мощным государственным аппаратом, подготовиться более решительно к разгрому нас с помощью вызванных для этого надежных войск с фронта».[57]

Он (Ленин) доказывал, что необходимо свергнуть Временное правительство до открытия II съезда Советов рабочих и солдатских депутатов 25 октября и поставить съезд пред свершившимся фактом взятия рабочим классом власти.

На организационном совещании Военно-революционного комитета 20 октября (2 ноября) было избрано его Бюро, в состав которого вошли три большевика (Н. И. Подвойский, В. А. Антонов-Овсеенко, А. Д. Садовский) и два левых эсера (П. Е. Лазимир и Г. Н. Сухарьков). Троцкий писал:

«Решение о создании Военно-революционного комитета, вынесенное впервые 9-го, прошло через пленум Совета лишь спустя неделю: Совет – не партия, его машина тяжеловесна. Еще четыре дня понадобилось на то, чтобы сформировать [Военно-революционный] комитет. Эти десять дней, однако, не пропали

даром: завладение гарнизоном шло полным ходом. Совещание полковых комитетов успело доказать свою жизнеспособность, вооружение рабочих продвинулось вперед, так что Военно-революционный комитет, приступивший к работе только 20-го, за 5 дней до восстания, сразу получил в свои руки достаточно благоустроенное хозяйство. При бойкоте со стороны соглашателей в состав комитета вошли только большевики и левые эсеры: это облегчило и упростило задачу. Из эсеров работал один Лазимир, который был даже поставлен во главе Бюро, чтобы ярче подчеркнуть советский, а не партийный характер учреждения. По существу же, комитет, председателем которого был Троцкий, главными работниками Подвойский, Антонов-Овсеенко, Лашевич, Садовский, Мехоношин, опирался исключительно на большевиков. В полном составе, с участием представителей всех учреждений… комитет вряд ли собирался хоть раз. Текущая работа велась через Бюро под руководством председателя, с привлечением во всех важных случаях Свердлова. Это и был штаб восстания».[58]

В целях конспирации ВРК поместил в газете «Новая жизнь» сообщение, в котором заявил, что он существует отнюдь не для того, чтобы подготовить и осуществить захват власти, а исключительно для защиты интересов Петроградского гарнизона и демократии от контрреволюционных и погромных посягательств. Во все строевые части гарнизона были назначены комиссары из числа членов Военной организации РСДРП (б) (ее членов в Петрограде было около 1000 человек).

Троцкий констатировал: «Инициатива по завладению учреждениями чаще всего исходила снизу. Рабочие и служащие арсенала при Петропавловской крепости подняли вопрос о необходимости контроля над выдачей оружия. Направленный туда комиссар успел приостановить дополнительное вооружение юнкеров, задержал 10 000 винтовок, предназначавшихся для Донской области, и более мелкие партии – для ряда подозрительных организаций и лиц. Контроль вскоре распространился и на другие склады, даже на частные магазины оружия. Достаточно было обратиться к комитету солдат, рабочих или служащих учреждения или магазина, чтобы сопротивление администрации тут же оказалось сломленным. Оружие отпускалось отныне только по ордерам комиссаров».[59]

21 октября (3 ноября) Военно-революционный комитет проинформировал главнокомандующего Петроградским военным округом, что в связи с задачами по охране Петрограда от контрреволюционных покушений на все заводы и склады оружия и боеприпасов города направлены комиссары ВРК. В задачу

комиссаров входило принятие надлежащих мер по охране оружия и боеприпасов на местах, а также прямой и непосредственный контроль за их выдачей.

В тот же день состоялось очередное Гарнизонное совещание, на котором по докладу Троцкого были приняты три краткие резолюции: 1) гарнизон Петрограда и его окрестностей пообещал Военно-революционному комитету полную поддержку; 2) гарнизон Петрограда обратился к казакам и пригласил их на свои собрания 22 октября; 3) гарнизон Петрограда призвал Всероссийский съезд Советов взять власть в свои руки и обеспечить народу мир, землю и хлеб.

В ночь с 21 на 22 октября члены ВРК Лазимир, Мехоношин и Садовский явились в Генштаб к командующему Петроградским военным округом Полковникову. От имени ВРК Садовский заявил, что все приказы командующего должны скрепляться подписью одного из комиссаров, а без нее они будут считаться недействительными. Полковников ответил, что не признает комиссаров ВРК, а признает только ЦИК, и пригрозил арестом комиссаров в случае нарушения ими закона.

22 октября (4 ноября) ВРК объявил, что приказы воинским частям, отданные штабом Петроградского военного округа, признаются действительными лишь после их утверждения ВРК. В тот же день состоялась 1-я Петроградская общегородская конференция Красной гвардии, на которой были обсуждены текущие задачи и проведен подсчет сил. Численность отрядов составляла до 20 000 вооруженных и обученных бойцов.

Троцкий писал:

«Давлением масс, тяжестью гарнизона [Военно-революционный] комитет вытесняет правительство. Он берет без боя то, что можно взять. Он выдвигает свои позиции вперед без выстрела, сплачивая и укрепляя на ходу свою армию; измеряет своим нажимом силу сопротивления врага, ни на минуту не спуская с него при этом глаз. Каждый новый шаг вперед изменяет диспозицию в пользу Смольного. Рабочие и гарнизон врастают в восстание. Кто первый призовет к оружию, обнаружится в ходе наступления и вытеснения. Теперь это уже вопрос часов. Если в последний момент у правительства найдется смелости или отчаяния подать сигнал к сражению, ответственность ляжет на Зимний, а инициатива все равно останется за Смольным. Акт 23 октября означал низложение властей прежде, чем будет низложено само правительство. Военно-революционный комитет связывал враждебному режиму конечности, прежде чем нанести ему удар в голову. Применять эту тактику „мирного проникновения“, легально ломать врагу кости и гипнотически

парализовать остатки его воли можно было, только имея тот несомненный перевес сил, который был на стороне комитета и все еще продолжал увеличиваться с часу на час».[60]

23 октября (5 ноября) Военно-революционный комитет Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов обратился с воззванием «К населению Петрограда!», в котором довел до сведения рабочих, солдат и всех граждан Петрограда следующее: 1) в интересах защиты революции от покушений со стороны контрреволюции при воинских частях и особо важных пунктах столицы и ее окрестностей назначены комиссары ВРК; 2) приказы и распоряжения Временного правительства и военных властей Петроградского военного округа подлежат исполнению только после их утверждения комиссарами ВРК; 3) комиссары как представители Совета рабочих и солдатских депутатов являются лицами неприкосновенными, противодействие им приравнивается к противодействию Совету; 4) Советом приняты все меры к охране революционного порядка от контрреволюционных и погромных покушений, все граждане приглашаются оказывать поддержку комиссарам ВРК; в случае возникновения беспорядков гражданам надлежит обращаться к комиссарам ВРК в близлежащую воинскую часть.

В тот же день на сторону ВРК перешел гарнизон Петропавловской крепости. Надежной опорой ВРК в крепости являлся пулеметный батальон Кольта, насчитывавший 1000 человек при 80 пулеметах. При поддержке солдат пулеметного батальона был взят под контроль Кронверкский арсенал, в котором хранились винтовки (более 100 000), револьверы и пулеметы. После этого за оружием и боеприпасами начали приезжать делегации от заводов, моряков и воинских частей.

В ночь на 24 октября (6 ноября) А. Ф. Керенский дал указание начальнику штаба Ставки Верховного главнокомандующего генералу Н. Н. Духонину срочно двинуть с фронта на Петроград верные правительству войска, однако оно исполнено не было, так как распоряжения Ставки саботировались на местах. По распоряжению ВРК части Петроградского гарнизона и отряды Красной гвардии приводились в боевую готовность. В Петропавловской крепости был оборудован запасной штаб восстания. В Смольном на верхних этажах установили 24 пулемета, подходы к зданию охранялись броневиками.

К 16 часам мосты через Неву были заняты юнкерами; началась разводка мостов. Но ВРК уже отдал приказ взять под контроль стратегические объекты Петрограда. В 17 часов отряд матросов и солдат занял Центральный телеграф, чуть позже – Петроградское телеграфное агентство. К 19 часам мосты, за

исключением Дворцового и Николаевского, заняли отряды красногвардейцев и солдат. По прямому указанию члена ВРК А. Д. Садовского был взят под контроль гараж Временного правительства. После этого 62 (!) автомобиля патрулировали по городу, перевозили оружие, боеприпасы, продовольствие, топливо, арестованных контрреволюционеров, быстро доставляли ударные отряды Красной гвардии в кризисные районы восстания.

Вечером В. И. Ленин в сопровождении связного ЦК Э. А. Рахьи ушел в Смольный.

25 октября (7 ноября) в 1 час 25 минут был занят Главпочтамт, примерно в то же время – Балтийский и Николаевский вокзалы, затем Центральная электрическая станция. Освещение правительственных зданий было отключено. В 3 часа 30 минут на якорь у Николаевского моста, неподалеку от Зимнего дворца, встал крейсер «Аврора». Мост был занят матросами крейсера и 2-го Балтийского флотского экипажа. К 6 часам утра матросы заняли главную контору Государственного банка и редакции центральных газет. Около 7 часов была взята Центральная телефонная станция. К 12 часам восставшие окружили и через час взяли Мариинский дворец, где заседал Предпарламент.[61] К полудню в руках у восставших находился почти весь Петроград, за исключением Дворцовой и Исаакиевской площадей. Керенский с адъютантами – не переодетый, как это принято было считать, а в своем обычном полувоенном френче – покинул столицу на автомобиле в 10 часов утра. Он думал, что едет на встречу с войсками, которые идут спасать его от большевиков. Дальнейшее нашим читателям известно.

Мы считаем необходимым уточнить некоторые детали. Штурма Зимнего дворца в военно-специальном понимании этого термина не было. Отряды ВРК проникали во дворец через разные входы и постепенно разоружали охрану – практически без сопротивления, имели место лишь локальные перестрелки. В ходе Октябрьского переворота оружие почти не применялось. Общее число убитых 24–25 октября не превышало 10 человек, раненых – около 50 человек. Правительственные здания занимали небольшие отряды Красной гвардии, солдат или матросов (по современной терминологии – отряды специального назначения). Каждый отряд и возглавлявший его командир были хорошо информированы о том, какой объект они должны взять под контроль и как контролировать его. Действия отрядов координировались, на многих объектах их уже ждали небольшие передовые группы или подготовленные люди, помогавшие быстро (и часто незаметно для вооруженных сторонников Временного правительства) проникнуть на территорию. Этим и только этим

можно объяснить незначительные для такого крупного города жертвы, которыми сопровождался Октябрьский переворот. Четкое планирование, грамотное использование своих и привлеченных разведывательных, информационных и иных специальных структур позволили ВРК во главе с партией большевиков быстро заполнить властный вакуум, созданный недоверием Предпарламента Временному правительству и фактическим безвластием последнего.

Среди этих отрядов были и специальные подразделения разведки германской армии и морской пехоты. По свидетельству очевидцев, немецкие моряки были одеты в русскую военно-морскую форму, но вооружены немецкими карабинами. Командовали ими офицеры с хорошим знанием русского языка.

Сведения такого рода скупы, поскольку впоследствии на долгие десятилетия они стали государственной тайной. Представители германских специальных структур действовали конспиративно, в точном соответствии с договоренностями, достигнутыми с руководителями восстания. Нет данных о несогласованности, разногласиях или конфликтах между представителями российской и германской сторон. Каждая из них знала и пунктуально выполняла взятые обязательства. Все было проведено быстро и столь аккуратно, что большинство жителей города практически ничего не заметили в тот день и, отправившись спать, не понимали, что утром проснутся уже в новой исторической эпохе…

Глава 3
Уроки и цена Версаля

«Основной друг – основной противник»

В этой главе мы не будем уделять внимание тому, почему и каким образом к власти в Германии в 1933 г. пришли национал-социалисты. Эти события широко и разносторонне описаны во множестве научных, публицистических и художественных произведений. Наше повествование – о специальных военизированных структурах Германии в период 1918–1941 гг., об их развитии, структуре и методах работы.

Но прежде несколько забежим вперед. В начале 1930-х гг. в вольном городе Данциге[62] состоялась секретная встреча президента данцигского сената Г. Раушнинга, начальника данцигской тайной полиции А. Ферстера и А. Гитлера. Последний, по воспоминаниям Раушнинга, заявил следующее о будущей войне:

«Нужен новый способ ее ведения… совершенно новый. Стратегия должна быть такой, чтобы она позволила победить врага его же собственными руками… А для этого нужны надежные люди, которые, не надевая военной формы, сумеют проникнуть всюду и в нужный момент забрать в свои руки все ключевые пункты во вражеских столицах, во всех органах, куда мы будем готовы вступить с оружием в руках. <…>

Когда я поведу войну… я сделаю так, что мои войска однажды появятся средь бела дня прямо на улицах Праги или Варшавы, Парижа или Лондона. На них будет чешская, польская, французская или английская форма. И никто их не остановит. Они войдут в здания Генштаба, министерств, парламента. В течение немногих минут Франция ли, Польша ли, Австрия или Чехословакия окажутся лишенными своих руководителей. Все политические лидеры будут обезврежены. Смятение будет беспрецедентным. <…>

У меня найдутся такие люди, которые сформируют новые правительства, угодные мне. Мы сумеем заключить мир, даже не начав войны. Я гарантирую вам… Невероятное всегда удается легче. Самое необычное оказывается самым надежным. Я знаю людей. Это просто смешно, когда думают, что не найдется добровольцев. У нас их будет достаточно – молчаливых, упорных, готовых на все. <…>

Мы перебросим их через границы еще в мирное время… Туристы, коммивояжеры, технические специалисты и мало ли еще кто! Нас не сдержат никакие линии обороны. Наша стратегия будет заключаться в том, чтобы уничтожить врага изнутри…»[63]

Именно так говорил «бесноватый Адольф», и многие события

Второй мировой войны (да и до нее тоже) полностью подтвердили все выше сказанное. К сожалению, идеологические штампы типа «бесноватый», придуманные пропагандистами, нередко намертво укладываются в сознании не только среднестатистического обывателя, но даже и профессионалов. На практике это приводит к тому, что мы, в очередной раз недооценив противника, умываемся кровью, а потом вновь начинаем с огромным трудом ломать хребет врага всем миром. А наш враг был умен, храбр, опытен, хитер и коварен. Хотя хитрость и коварство применительно к спецслужбистам – это скорее их достоинство, чем недостаток. А теперь по порядку…

Становление и развитие специальных служб Пруссии и со второй половины XIX в. объединенной Германии неразрывно связаны с именами Вильгельма Штибера и Отто фон Бисмарка. Штибер, в 1850 г. назначенный королем Пруссии Фридрихом IV на должность комиссара полиции, заложил основы деятельности германских спецслужб в области политического и криминального сыска, цензуры и военной контрразведки. «Железный канцлер», утверждавший, что великие вопросы времени решаются не парламентскими резолюциями, а железом и кровью, поручил Штиберу организацию разведки против «всегда дружественной» Австрии. Блестяще выполнив задание монарха, тот получил в награду пост министра полиции Пруссии и в этом качестве проявил выдающиеся аналитические и организаторские способности.

Полиция Пруссии тех лет была службой многопрофильной: ее сотрудники занимались цензурой, охраной высших должностных лиц, разведкой и контрразведкой, политическим и уголовным сыском. Каждому сотруднику необходимо было владеть огромным даже по сегодняшним меркам набором навыков и знаний. Причем основному кадровому составу полагалось все знать и исполнять на очень высоком профессиональном уровне.

Уже во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. германская агентурная сеть насчитывала свыше 10 000 агентов. Конечно, не все они были отменными работниками, но этого от них и не требовалось, поскольку принципом работы прусской, а затем германской разведки стала тотальность. Кадровая работа в разведке Германии со времен Штибера[64] опиралась на два постулата, авторство которых приписывалось ему и которые уже стали классикой: «Каждый может быть шпионом – каждый должен стать шпионом»; «В разведке нет отбросов – в разведке есть только кадры».

После окончания Первой мировой войны большинство политических и военных деятелей ведущих держав мира не

оценили по достоинству боевой опыт небольших разведывательно-диверсионных воинских формирований. Правительства этих государств до конца 1930-х гг. не уделяли достаточного внимания вопросам подготовки специальных подразделений, более того, ставили под сомнение саму их необходимость. Кроме СССР адекватно оценивали возможности спецназа только в Германии и с начала 1920-х гг. повели целенаправленную подготовку специалистов по «малой войне». Именно с ними начиная с 1930-х гг. и сошлись в смертельной схватке П. А. Судоплатов и его боевые товарищи.

Как и в СССР, спецслужбы и спецподразделения Германии параллельно развивались по линии государственных, партийных, ветеранских и спортивно-военизированных организаций. Особенно следует отметить великолепно развитую структуру немецких армейских и полицейских спецслужб, которые обладали богатым опытом оперативной работы как в военной, так и в политической сфере. Многие специалисты тайной войны сохранили широчайшие оперативные связи, многочисленную агентурную сеть, но главное – имели сильнейшую мотивацию для личного и профессионального реванша.

При этом все ведущие политические организации Веймарской республики (напомним, что она возникла в 1918 г. в результате Ноябрьской революции в Германии; просуществовала до установления фашистской диктатуры в 1933 г.) имели свои гласные и негласные военизированные структуры. Этому способствовали следующие факторы: рост патриотических настроений в обществе, обусловленный поражением в войне и ограничениями Версальского мира; тотальное унижение всех основных достоинств германской нации на международной арене; наличие большого числа ветеранов Первой мировой войны, имевших опыт как общепринятых армейских, так и разведывательно-диверсионных способов ведения боевых действий; образование множества военных и полувоенных объединений, члены которых стремились к возрождению могущества Германии. Поскольку иметь оружие в Веймарской республике официально могли только армия и полиция, создание силовых партийных подразделений осуществлялось под прикрытием землячеств, союзов ветеранов, спортивных, охотничьих и стрелковых обществ, а также других союзов и объединений.

В начале 1920-х гг. внушительные военные силы были сконцентрированы в рядах проимперских военизированных организаций, возглавляемых офицерами и генералами кайзеровской армии. Монархистов поддерживали такие

организации, как «Добровольческий корпус», «Стальной шлем», «Викинги», «Шарнхорст», «Молодая Германия» и др.

Компартия Германии (КПГ) обладала не менее организованной военной силой: ее поддерживали «Союз Спартака», «Союз борцов Красного фронта», «Пролетарские сотни». Кроме того, она опиралась на организационную, материальную, финансовую и военную помощь из СССР по линии специальных структур Коминтерна, Разведывательного управления РККА и ВЧК – ГПУ – ОГПУ, которые не только способствовали развитию партийных структур коммунистических и рабочих партий Германии (а таких было несколько), но и создавали свои конспиративные структуры. Зачастую в одной партии или военизированном союзе существовало до 5–6 специальных служб, каждая из которых создавалась, строилась и функционировала совершенно конспиративно и независимо от остальных.

Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) располагала собственными боевыми подразделениями, объединенными под названием «Имперский флаг». Создавались они в 1924 г. для поддержки правительства Веймарской республики и силового противодействия военным выступлениям монархистов, а позднее национал-социалистов и коммунистов.

В 1920 г. руководство Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП) приступило к формированию первых партийных боевых подразделений, которые именовались «спортивными объединениями» и «пролетарскими сотнями» (как и у КПГ).

Таким образом, каждая политическая сила вступала в своеобразное соревнование с остальными в количестве и качестве своих военно-боевых, разведывательных, карательных, тренинговых и иных специальных структур, стараясь обеспечить кроме политического необходимое силовое позиционирование в обществе.

Отметим, что сам Гитлер имел достаточную для унтер-офицера военную подготовку и некоторое представление об оперативной и конспиративной работе. Вступив добровольцем в 16-й Баварский пехотный полк в самом начале Первой мировой войны, он участвовал в 47 сражениях, правда, в основном в качестве связного при штабе полка. Хотя известно, что боевые офицеры назначают связными самых расторопных и сообразительных унтер-офицеров и солдат. Гитлер, раненный дважды, за храбрость был награжден баварским крестом «За заслуги» и Железным крестом I класса. Последнюю награду он получил, лично взяв в плен офицера и 15 солдат противника.

После падения Баварской Советской Республики в конце апреля 1919 г. Гитлер участвовал в расследовании деятельности коммунистов во 2-м пехотном полку. По окончании расследования он был назначен на службу в пресс-бюро политического отдела окружного командования, где прошел подготовку на курсах «гражданственности» – прообразе подразделений психологической войны.

В ноябре 1921 г., после одной из первых побед над сторонниками Компартии Германии, Гитлер, ставший партийным лидером, переименовал силовые подразделения НСДАП. Поскольку в рядах боевиков «спортивных объединений» было много бывших военнослужащих, новое название – штурмовые отряды (*Sturmabteilung, SA*) – имело глубокий смысл. Так именовались элитные пехотные подразделения кайзеровской армии во время Первой мировой войны. Одним из основных организаторов штурмовых отрядов стал Эрнст Рем, который реорганизовал боевые партийные группы на военный лад и быстро приобрел популярность среди штурмовиков.

Одной из задач СА являлась охрана лидеров партии, для чего привлекались самые преданные и проверенные бойцы. Весной 1923 г. для обеспечения безопасности главы партии (фюрера) и ее штаб-квартиры в Мюнхене было создано специальное подразделение – Охрана ставки (*Stabswache*). Командир этого подразделения корветтен-капитан Г. Эрхардт был яркой личностью. После окончания Первой мировой войны он организовал ветеранское подразделение «Викинги», выполнявшее в Баварии роль вспомогательной полиции, и одновременно командовал 2-й бригадой морской пехоты. По свидетельству современников, Эрхардт – один из самых фанатичных представителей правого крыла – в 1920-е гг. был не менее популярен, чем Гитлер. На посту начальника Охраны ставки он находился недолго и летом 1923 г. решил покинуть фюрера, поскольку последний отказался поддержать его призыв к немедленной войне с Францией. Эрхардт не только порвал со своим шефом, но и отозвал своих сторонников из СА.

Итак, летом 1923 г. в НСДАП сложилась парадоксальная ситуация: командир элитного подразделения СА, призванного охранять лидера партии, демонстративно оставил место службы. Созданное им подразделение личной охраны было распущено, а взамен создана так называемая Ударная группа А. Гитлера (*Stostruppe AH*). Командование новым подразделением было поручено сразу двум лично преданным вождю соратникам – Ю. Шреку и Й. Берхтольду. В составе Ударной группы проходили службу У. Граф, Р. Гесс, Й. Дитрих, Ю. Шауб, К. Филер. Примерно

в это же время руководство штурмовыми отрядами было возложено на Германа Геринга, отчасти в противовес Рему, отчасти, чтобы повысить рейтинг СА в глазах ветеранов. Личная охрана фюрера приняла самое активное участие в попытке захвата власти в Баварии в ноябре 1923 г., когда У. Граф закрыл собой Гитлера от пуль полицейских. После провала «пивного путча» боевые подразделения НСДАП были официально запрещены и некоторое время существовали как объединение «Подпольный фронт».

Едва ли не с самого начала ее возникновения боевые подразделения как левых, так и правых политических партий регулярно проверяли на прочность государственную власть Веймарской республики. Наиболее масштабные попытки силового захвата власти принимали форму открытых вооруженных выступлений в Берлине, Баварии, Гамбурге, Руре, Саксонии, Тюрингии в 1919–1923 гг.

Наряду с осложнением внутриполитической обстановки, безусловно, имел место и международный аспект. Некоторые добровольческие части, состоявшие из офицеров и солдат штурмовых подразделений, сражались вне Германии. В Восточной Пруссии, Литве и Латвии против местного населения и Советской России до 1920 г. действовала «Железная дивизия». В западных областях Польши в противоповстанческих операциях вплоть до 1920 г. активно участвовало подразделение «Восточная пограничная охрана». Военное формирование «Союз Оберланд», созданное в Баварии из офицеров-добровольцев, в 1921 г. принимало участие в военном решении затянувшегося спора Германии и Польши о территориальной принадлежности Верхней Силезии.

Для подавления вооруженных выступлений правительство использовало не только полицейские и армейские подразделения, но и негосударственные военизированные формирования. Еще в 1918 г. для борьбы с коммунистическим движением были задействованы Добровольческий корпус стрелков и Кильская морская бригада. В дальнейшем политическая ситуация менялась настолько стремительно, что вчерашние противники становились союзниками, нередко выступавшие в одном мятеже против правительства при попытке следующего оказывались в числе защитников законной власти. Но полиция и армия всегда оставались основными правительственными силовыми инструментами в политической борьбе.

Формально политической полиции в Веймарской республике не существовало, однако в полициях всех германских земель имелись специальные политические подразделения. В полиции

Пруссии, которая контролировала до двух третей германской территории, такой структурой был отдел IA. Аналогичные подразделения были в Баварии, Саксонии, Тюрингии и большинстве других земель. Структурно полиция подразделялась на 1) полицию безопасности (*Sicherheitspolizei, SIPO*), 2) охранную полицию отдельных земель (*Schutzpolizei, SCHUPO*), 3) сельскую жандармерию или земских егерей (*Landjager*) и 4) полицию особого назначения (*Notzpolizei*), которая создавалась на основании секретного общегерманского закона.

Задачи полиции и армии в единой оборонительной системе Веймарской республики распределялись следующим образом. На полицейские силы, действующие в тесной связи с государственными учреждениями и предпринимательскими союзами, возлагалось подавление экономических проявлений классовой борьбы, а в военно-техническом отношении – подавление любых местных восстаний. При этом полицейские действовали в соответствии со специально разработанной Боевой доктриной полиции. В доктрине указывалось следующее:

«1. ОБЩИЕ БОЕВЫЕ ПРИНЦИПЫ.

Меры предупреждения. В момент политического напряжения этими мерами являются: демонстративное появление на улицах полиции сомкнутыми отрядами или на грузовиках. Даже при численной слабости „полиция должна казаться сильнее, чем она есть на самом деле“. Перед началом волнений надо отказаться от оставления в запасе сильных резервов. Когда положение серьезно, каждый полицейский должен находиться на улице; „тогда не бывает времени для отдыха“. Этой „временной непредусмотрительностью“ часто можно предотвратить возможность кровавых столкновений. Пассивное же держание полиции в казармах только способствует развитию революционного движения. <…>

Оборона и отступление. Здесь, как в наиболее опасной области, имеются более подробные указания. Основным положением является, что „спокойствие и порядок“ могут быть вполне восстановлены только посредством наступательных действий. Если же беспорядки вспыхивают неожиданно, что равносильно недостатку предусмотрительности со стороны полиции, то вначале необходимо перейти к обороне. Это же имеет место и тогда, когда полиция численно настолько слаба, что возможность наступательных действий исключается или приходится „ждать“ подкреплений извне. Притом надо отдать себе отчет в том, что полиция всегда сражается против превосходящих сил и должна возмещать свою численную слабость своей дисциплиной и боевой подготовленностью.

Если, таким образом, полиция вынуждена к обороне, эта последняя должна вестись с выделением сильного резерва. Резерв этот служит для вылазок и поддерживания связи с другими занятыми пунктами. Обороняющиеся должны иметь перед собой большое свободное пространство, чтобы по крайней мере „на время“ удержать в своих руках ближайший городской квартал. Господствующие пункты, если они не могут быть включены в район обороны, должны быть заняты „выдвинутыми вперед постами“. Применение скорострельного и специального оружия позволяет сберегать живую силу; в этом – сущность обороны.

Из всего вышеизложенного видно, что всегда будет несоответствие между тем, что полиция должна защищать, и тем, что она может защищать, и то лишь рассеявшись. Местному начальнику полиции, прежде чем решиться на отступление, следует подумать о том, что это последнее действует подбадривающим образом на восставшие массы, усиливает их чувство победы, а для самой полиции, особенно для молодых полицейских, является „тяжелым испытанием“ со значительными „моральными последствиями“. Отдельные мероприятия, необходимые для проведения отступления (иногда после частичного успеха, на рассвете, при высылке отряда для освобождения линии отступления или оставлении прикрытия), показывают всю трудность подобного предприятия, особенно в близком соприкосновении с противником.

Обходная атака с флангов и тыла. Как показывает опыт, повстанцы, при всем их численном превосходстве, являются весьма подходящим объектом для обходов и нападений с флангов и тыла. Полицейские части, благодаря их большой подвижности (автомобили и велосипеды), в состоянии выполнять подобные предприятия. В городах и густонаселенных промышленных районах надо поэтому всегда стремиться к „окружению“ менее подвижного противника. Эти трудные обходные движения, требующие единоличного, осторожного и предусмотрительного руководства, имеют тем больший успех, чем позднее обнаруживаются противником.

2. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ГОРОДАХ.

Их отличительные признаки: города являются благоприятным местом боя в смысле ограниченности наблюдения, отсюда следуют: неожиданные столкновения противников, рукопашные схватки и бои на близком расстоянии, борьба ручными гранатами в домах и на крышах домов, действия, соединенные с поджогами и взрывами, борьба за определенные здания, строения, площади и т. д.

Местность и характер боевых действий чрезвычайно

затрудняют единоличное командование; все же должно стремиться и в разрозненных действиях отдельных боевых частей проводить общую единую идею боя (строгое согласование приказов, отдельные марши до точно обозначенных линий, оставление под рукой сильных резервов).

„Бои в городах очень трудны, сопряжены с большими потерями, требуют много времени, стоят больших жертв, рассеивают силы, предъявляют большие моральные требования. В боях на близком расстоянии пускаются в ход все средства, что производит сильное впечатление на психику“. Начальник часто теряет из виду отдельных подчиненных. Полагаем, однако, что для преодоления всех этих трудностей хорошей „боевой дисциплины“ достаточно.

„На основании вышеизложенного, а также принимая во внимание интересы благомыслящего и непричастного населения и значительные материальные повреждения от боев, полицейское командование должно приложить все усилия к перенесению места главного боя – когда это только возможно – за черту больших городов. Все же никогда нельзя совершенно избежать столкновений в городах; при этих последних полиция должна, по крайней мере, стараться изолировать восставшие городские районы, т. е. воспрепятствовать массовому притоку революционных элементов со стороны. Но так как ее силы для этого недостаточны, следует прибегнуть к образованию „летучих колонн“, которые, благодаря их большой подвижности (автомобили и конные отряды), могут заменить полное отрезание“.

Разведывательная служба приобретает громадное значение, причем надо заметить, что качество добытых сведений зависит в значительной степени от способностей самого разведчика, его надежности, объективности и независимости в суждениях. Разведывательная служба должна вестись крайне осторожно, с принятием во внимание обоюдоострых явлений. Она распространяется не только на военную, но в первую голову на все политические и хозяйственные стороны событий.

В случае если на месте восстания первоначально нет никаких полицейских сил, быстрое, застающее врасплох появление их существенно способствует достижению желательного результата. Относительно времени прибытия полагаем, что поздние послеполуденные и вечерние часы для этого неблагоприятны.

При движении по улицам главная опасность для полиции заключается в возможности быть задавленной собравшимися людскими массами. „В этом случае полиция почти всегда осуждена на верную гибель. Толпа ее окружает, употребление

оружия невозможно; численный перевес позволяет обезоружить полицию, отряд раздавлен“. <…> Поэтому при всех обстоятельствах полиции необходимо сохранить свободу передвижения; стрелять же можно только после ясного троекратного предупреждения, за исключением случаев, когда полицейская часть сама атакована.

Основные принципы непосредственного боя внутри городского района, атака и оборона комплексов строений и т. д. не отличаются существенным образом от принципов, принятых военными силами государства, и рассматриваются вместе с боевыми приемами рейхсвера.

3. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ЗАГОРОДНЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ОБЛАСТЯХ И СЕЛЕНИЯХ.

Опыт полиции показывает, что повстанцы избегают столкновений в открытых местах; в случае же боя вне города они по возможности стараются держаться в таких местах, которые или позволяют им производить неожиданные нападения, или дают возможность – в случае неудачи – скрыть оружие и выдать себя на время за мирных граждан.

Нетрудно установить – и грозные предписания полиции не могут этого ни скрыть, ни изменить, – что горнопромышленные районы и другие большие промышленные предприятия являются пунктами кристаллизации революционного движения, поддерживающими связь с окружающими областями. Явление это никогда не будет вполне устранено, вынудить же революционеров к бою в открытом, удобном для маневрирования поле почти невозможно.

Чтобы достигнуть успеха в подобном районе, надо стянуть к нему значительные силы полиции. В 1921 г. рейхсвер вынужден был даже пустить в ход тяжелые орудия (артиллерию) и изолировать среднегерманские районы восстания, чтобы помочь полиции, понесшей большие потери, при не слишком подавляющем численном перевесе противника.

Необходимым является образование достаточно сильных колонн и их точно регулируемое продвижение к пункту восстания с поддержанием постоянной взаимной связи. Скрытно продвинувшись как можно ближе к центру восстания, они должны остановиться наготове».[65]

Общегерманским силовым институтом, на который опиралось федеральное правительство, являлись вооруженные силы – рейхсвер. Согласно условиям Версальского договора, Вооруженные силы Германии ограничивались 100-тысячной сухопутной армией без танков и тяжелой артиллерии (плюс 15 000 во флоте), ей запрещалось иметь военно-воздушные силы,

подводные лодки и Генеральный штаб. Руководство небольшого по численности рейхсвера могло себе позволить тщательный отбор офицерского и унтер-офицерского состава; оно представляло собой достаточно самостоятельную политическую силу. В 1923 г. на вопрос президента Германии Ф. Эберта: «Кому подчиняется армия – правительству или мятежникам?» – командующий рейхсвером генерал Г. фон Сект ответил по-военному лаконично: «Армия подчиняется мне». Вооруженные силы вначале должны были воздействовать на ситуацию фактом своего присутствия и боевой готовностью, а при получении приказа ликвидировать массовые восстания в землях по правилам военной стратегии и тактики.

Приведем некоторые организационные и тактические приемы рейхсвера при применении его на территории Германии.

«2) *Подготовительные мероприятия военных властей и войск*.

Они… направлены не против „внешнего“, а против „внутреннего“ врага и охватывают:

а) Выработку и учет мероприятий высшими командными инстанциями, возлагаемые в каждом военном округе (*Wehrkreis*) на постоянного докладчика, напр. офицера штаба. Сюда относятся также для каждого округа устройство постоянной службы „наблюдения“ и „обороны“, обмен сведениями и „установление контакта“ с гражданскими властями, железнодорожной и почтово-телеграфной администрацией и повременной печатью.

б) Подготовительные мероприятия по применению войск в местах их расположения (гарнизонах) и

в) То же, но вне мест постоянного расположения войск.

Здесь следует отметить особые постановления, касающиеся штабов, их состава и распределения обязанностей сообразно особым условиям классовой борьбы; далее – по тем же соображениям – подготовку к подразделению существующих войсковых соединений на особые отряды.

Такой „отряд для уличного боя или для борьбы с бандами“ состоит по общему правилу из:

1 роты пехоты,

1 взвода тяжелых пулеметов,

1 взвода минометов,

1 взвода артиллерии,

1 команды связи.

Считается необходимым снабжать каждый отряд созданными из подручного материала танками или броневиками и грузовиками для перевозок и снабжения. Соответственно этому ведется общий учет всех автомобилей, складов подсобных

материалов и мастерских. Так же тщательно продумано использование транспортных средств и возможностей и выработаны правила для снаряжения, довольствования и пополнения.

В смысле мероприятий внутри места расположения части считаются необходимыми <…> следующие подготовительные работы: выработка точных, изложенных в письменном виде правил совместной работы с государственными и городскими властями, полицией и чрезвычайной технической помощью; далее составление списка тех предприятий и сооружений, работа которых должна продолжаться и охраняться в интересах государственного и народного хозяйства. Мероприятия по защите от нападений на войска рейхсвера, тюрьмы и склады военного имущества вырабатываются параллельно организации „розыскной службы агентов в штатском платье“.

3) *Легальные условия выступления Вооруженных сил*. Они изложены в пояснениях к наставлению о применении оружия, в правилах, основанных на § 48 общегерманской конституции, о восстановлении „общественного порядка и безопасности“ <…> в положениях об арестах и чрезвычайном судопроизводстве. <… >

Существует совершенно недвусмысленное положение, что подчинение рейхсвера гражданским властям недопустимо; это касается также назначаемых в случае необходимости „правительственных комиссаров“; их требование о вмешательстве войск имеет характер лишь требования, а не приказа. „Командующим войсками“ (*Militarbefehlshaber*), назначаемым президентом республики, передается под их единоличную ответственность вся исполнительная власть, им подчиняются все государственные и местные гражданские учреждения их округа, их распоряжения не нуждаются в скрепе правительственных комиссаров.

4) *Организация снабжения и довольствия*. <…> Можно считать, что взвешено и предусмотрено все до мельчайших подробностей, как, напр., „доставка почты на внутренний фронт“, чтобы не позволить войскам рейхсвера жить местными ресурсами, а, наоборот, оборудовать полный аппарат снабжения. Этот аппарат с его складами и обозами явится важной целью для нападения революционного пролетариата.

5) *Организация связи* и 6) *Организация железнодорожных и речных перевозок.*

Не будет слишком смело сказать, что не сила оружия сама по себе, а главным образом – сочетание ее с господством над путями сообщения и службой связи и их полным использованием дает

рейхсверу ту подвижность и стратегическую и тактическую свободу действий, которые составляют основную предпосылку возможности бороться с восстаниями и подавлять их путем охватов и внезапного создания местного перевеса в силах и военно-технических средствах. Кто владеет путями сообщения и средствами связи и делает пользование ими невозможным для противника, тот в условиях германского театра гражданской войны будет вообще иметь наибольшие тактические данные на успех. Переброска на расстояние 100 километров, выигрыш времени, хотя бы в 24 часа, [может] повести там к более решительным результатам, чем 500 километров или 1 месяц на пространствах России или Сибири.

7) *Тактические основы боя в городах.*

Различаются:

I. Нападение на восставшие массы путем очистки улиц и площадей; атаки против баррикад и легких опорных пунктов; бои в домах и на крышах во время наступления; особые операции, как то: захват узлов сообщений, выручка окруженных отрядов, обыски в домах и разоружение в крупном масштабе.

II. Атака и оборона больших укрепленных групп зданий; борьба за целые городские кварталы; и то и другое против хорошо организованного противника. <…>

Основной принцип заключается в том, чтобы, учитывая свойственные всякому восстанию еще недостаточную организованность, слабую дисциплину, отсутствие боевых навыков у предводителей и полную несогласованность действий отдельных отрядов, а также численное превосходство и личное мужество восставших, – действовать посредством искусного применения, сочетания и по возможности массового эффекта тяжелого оружия и специальных боевых средств, сберегая при этом живую силу войск. Отсюда: броневики, танки и самолеты для борьбы на улицах и площадях; систематическое окружение засевшего в зданиях противника и атака при помощи огнеметов, химических снарядов и пулеметов; против опорных пунктов – стрельба из гаубиц и тяжелых орудий прямой наводкой (это требование подчеркивается слабо) и вообще из минометов, как наиболее пригодного орудия; для захвата прочных здании – атака по правилам минной войны через погреба и канализацию, бомбометание с самолетов и пр.».[66]

По условиям Версальского договора Германии запрещалось вести и разведывательную работу. Однако уже в сентябре 1919 г. в составе Войскового управления, под которое замаскировали «ликвидированный» Генштаб, образовали орган военной разведки и контрразведки – абвер.[67] Чтобы обойти ограничения

Версальского мира, в качестве официальной сферы деятельности на абвер возлагались задачи только по контрразведывательному обеспечению в германских Вооруженных силах. Однако на практике разведка против стран-победительниц, в первую очередь против Франции и Великобритании, началась сразу после воссоздания военной разведки в новом качестве.

Начальник военной разведки кайзеровской Германии В. Николаи пророчески полагал в развитии своей концепции, что прекращение военных действий в Европе в 1918 г. не привело к окончанию тайной войны, которая продолжается и в мирное время. Он писал:

«К разведке идея разоружения определенно не относится, так как положительная часть ее, то есть пропаганда, стала бы вместо орудия военной борьбы оружием борьбы политической еще в большей степени, нежели в настоящее время. Разведка стоит, таким образом, во всяком случае, на пороге новых заданий. <…>

„Война и в мирное время“ – таково лучшее определение теперешней роли разведки в конкуренции народов. <…> Общность интересов стран-победительниц исчезла. <…> Начнется невиданное доселе по интенсивности соревнование во всех областях разведки».[68]

Николаи сохранил старые архивы кайзеровской разведки и способствовал созданию новой германской секретной службы, тщательно скрываемой от глаз стран-победительниц.

В первые годы после создания абвер представлял собой относительно небольшую организацию, состоящую всего из трех кадровых офицеров, семи офицеров запаса и нескольких технических сотрудников; разделялась она на две группы: «Восток» (*«Ost»*) и «Запад» (*«West»*). Сохранились не только архивы и единый центр разведки. Самое главное – были сохранены традиции! В абвере велся тщательный учет всех вышедших в отставку кадровых офицеров разведки и контрразведки, секретных сотрудников и доверенных лиц. Первым руководителем абвера (в 1919–1927 гг.) был назначен заместитель В. Николаи во время Первой мировой войны, майор (впоследствии генерал-майор) Ф. Гемп.

Еще одним неофициальным направлением деятельности абвера было поддержание контактов с полувоенными организациями проимперской направленности и анализ информации о политической ситуации в стране.

В составе абвера было учреждено Розыскное бюро для сбора материалов о политических силах, оппозиционных руководству Веймарской республики. К работе по сбору информации

привлекались наиболее надежные офицеры и солдаты, в основном из ветеранов войны.

В целях дезинформации любого вероятного противника и общественного мнения в собственной стране официальных постов в разведке В. Николаи не занимал. Однако тень «молчаливого полковника», как называли его в кулуарах, незримо витала в коридорах Цоссена, где находился центральный командный пункт Вооруженными силами Германии, вплоть до конца Второй мировой войны.

В качестве исполнительных органов абвера были сформированы подразделения разведки (*Abwershtelle*) при штабах семи военных округов: Берлин, Дрезден, Кенигсберг, Мюнстер, Мюнхен, Штеттин, Штутгарт и Бреслау.[69] Разведывательная работа по военной линии негласно велась через абверштелле, а также – конспиративно – через официальные учреждения Германии за границей. Как прикрытие широко использовались немецкие торговые представительства, различные, в том числе и подставные, фирмы за рубежом («Немецкая заморская служба», «Нунция», «Люфтганза» и др.).

Сотрудничеству военной разведки с представителями деловых кругов Германии способствовало и то, что многие концерны имели собственные корпоративные разведывательные службы, занимавшиеся промышленным шпионажем за границей, а в случае необходимости подключали к своим операциям представителей государственной разведывательной службы для решения задач высшего политического уровня. Надо отметить, что в корпоративных службах работали огромное число высококвалифицированных профессионалов, многие из которых прошли серьезную школу в легальных и нелегальных структурах Германии.

Для ведения разведки активно использовалась авиакомпания «Люфтганза», осуществляющая обширные международные перевозки. Один из ее руководителей – Э. Мильх, во время Первой мировой войны служивший в разведке, в дальнейшем стал генерал-фельдмаршалом и главным инспектором германских ВВС.

Одним из добровольных помощников, а затем кадровым сотрудником абвера стал комиссар криминальной полиции Данцига О. Райле. Он так писал о своей работе:

«В Германии не было большей заботы, чем Данциг. Это мне стало ясно, когда в ноябре 1923 г. я впервые встретился с офицером абвера – капитаном Вейссом, состоявшим при штабе первого военного округа в Кенигсберге. <…>

Без околичностей и без подготовки он сразу заговорил о цели

своего визита:

<…> Я приехал спросить вас, сможете ли вы помимо официальных полицейских обязанностей взять на себя выполнение поручений абвера?

Во-первых, речь идет о том, чтобы здесь, в вольном городе, создать небольшую секретную сеть из совершенно надежных людей, которая должна помогать выявлять шпионов, засылаемых через Данциг в Восточную Пруссию и другие районы рейха.

Во-вторых… желательно срочно из числа польских офицеров и политиков завербовать доверенных лиц или платных агентов. При этом наша цель – заблаговременно получать от этих людей текущую информацию о польских замыслах и тайных мероприятиях, направленных против Германии и Данцига, чтобы мы успели, насколько это возможно, предпринимать контрмеры». [70]

В 1928 г. абвер вывели из Войскового управления и совместно с группой разведки Военно-морского флота и шифровальным центром сделали формальным органом контрразведки военного министерства Веймарской республики. Во главе военной разведки в конце 1920-го – начале 1930-х гг. находились: майор (позднее полковник) Г. Швантес (1928–1929), подполковник (позднее полковник) Ф. фон Бредов (1929–1932), капитан 2-го ранга (позднее вице-адмирал) К. Патциг (1933–1934).

Помимо разведывательных задач на абвер возлагалось осуществление специальных операций военного-политического, экономического, диверсионного и иного характера. По итогам Первой мировой войны немецкие военные стратеги сделали вывод, что пропаганда – это первостепенный военный инструмент, предназначенный для психологической обработки населения вероятного противника. Следующей фазой тайной войны является работа агентуры, которая своими действиями создает благоприятные для оккупации политические, экономические и военные условия. После успешной реализации двух первых этапов скрытой агрессии наступает время для операций специальных диверсионных подразделений с целью парализовать вражескую военно-промышленную инфраструктуру. Заключительная стадия – открытое вторжение основных сил оккупационной армии для довершения разгрома неприятеля. По мнению немецких аналитиков, открытые военные действия следует начинать тогда, когда тайная война проиграна противником.

С целью усиления сухопутных войск, вновь в обход Версальского договора, в начале 1921 г. началось формирование воинских частей, официально не входивших в состав

вооруженных сил. Личный состав этих полулегальных военных подразделений, которые неофициально назывались «черный рейхсвер», рекрутировался из ветеранов Первой мировой войны. Одновременно под руководством Военного министерства были созданы отряды самообороны (*Heimwehr*). К середине 1920-х гг. в Германии насчитывалось около 200 военизированных организаций имперской направленности, входивших в состав Добровольческого корпуса.

Об этих организациях следует сказать особо, поскольку в них входили многие сотрудники армии, полиции и специальных подразделений, имевшие сильную мотивацию на возрождение германского воинского духа. Военизированные организации являлись не только источником кадрового резерва армии и спецслужб, но и закрытыми клубами, где сотрудники различных ведомств делились боевым опытом и обсуждали военные и политические проблемы. Такое неформальное общение создавало атмосферу товарищества и позволяло вести подготовку, незашоренную ведомственными рамками. Для академического обучения резервистов и действующих офицеров рейхсвера в 1920 г. по линии замаскированного Генерального штаба были созданы секретные курсы «R».

В составе полиции также формировались специальные подразделения, возглавлявшиеся опытными специалистами военного дела, одним из которых был В. Штеннес. В 1919–1922 гг. он командовал ротой специального назначения в составе прусской полиции. На вооружении этой роты состояли броневики, личный состав имел парабеллумы и пистолеты-пулеметы «Бергман». После получения приказа рота могла выступить на марш в течение десяти минут. После 1923 г. Штеннес стал одним из организаторов «черного рейхсвера» и разведывательно-диверсионных операций на территориях, оккупированных победителями, командовал ударным егерским батальоном из ветеранов, где только в пулеметной роте было 38 кавалеров Железного креста.[71]

После ареста Гитлера и вынужденной эмиграции Геринга к руководству штурмовиками вновь пришел Э. Рем, который увеличил численность СА с 2000 человек накануне «пивного путча» (8–9 ноября 1923 г.) до 30 000 человек к моменту выхода Гитлера из тюрьмы. В марте 1925 г. разразился очередной внутрипартийный кризис. Суть конфликта заключалась в нежелании штурмовиков подчиняться решениям политических структур НСДАП; точку зрения подчиненных разделял и Рем. В партии вторично создалась ситуация, когда подразделения, созданные для охраны лидеров, отказались повиноваться

приказам и стали угрозой для тех, кого были призваны охранять. В апреле Гитлер вынудил Рема подать в отставку с поста командующего СА, и тот уехал военным советником в Боливию. На его место был назначен капитан Ф. П. фон Заломон, возглавлявший штурмовиков до 1930 г.

Партийный кризис послужил толчком к созданию в НСДАП качественно новых специальных подразделений, призванных обеспечивать безопасность лидеров.

В апреле, после устранения Рема с поста руководителя СА, Гитлер поручил своему личному шоферу и одному из наиболее доверенных и преданных соратников Ю. Шреку создать новое охранное подразделение. Первоначально группа личной охраны (*Leibwache*) состояла всего из восьми человек, все они ранее являлись бойцами Ударной группы Гитлера. 21 сентября 1925 г. Ю. Шрек издал циркуляр, предписывавший местным организациям НСДАП формировать из лучших штурмовиков специальные охранные подразделения. Вначале они назывались *Schutzkommando*, затем *Sturmstaffel*, а 9 ноября получили окончательное наименование – *Schutzstaffel (SS)*. По воспоминаниям современников, последнее название предложено Г. Герингом, по аналогии с военным термином «эскадрилья прикрытия». Численность СС устанавливалась в 10 человек на каждый региональный (военный) округ, в Берлине их было вдвое больше.

Первоначально СС входили в состав СА. В 1926 г. для руководства новой силовой структурой НСДАП был введен пост рейхсфюрера СС, который занял поправившийся после ранения Й. Берхтольд. В том же году на партийном съезде в Веймаре Гитлер торжественно передал СС «знамя крови», под которым штурмовики шли во время «пивного путча». Весной 1927 г. рейхсфюрером СС стал Э. Хайден. Последний говорил, что гвардия была всегда – у персов, греков, Цезаря, Наполеона, а гвардией новой Германии станет СС. В январе 1929 г., когда численность СС составляла всего 280 человек, пост рейхсфюрера занял заместитель Хайдена Г. Гиммлер, ранее активный член специального подразделения «Имперский военный флаг».

Подбор кандидатов в СС в тот период был крайне строгим. Возрастной ценз устанавливался в 25–35 лет. Состояние здоровья и физические данные кандидатов оценивались по самому высокому для тогдашних условий отбора стандарту. У кандидата не должно было быть судимостей за общеуголовные преступления и вредных привычек. До 1934 г. охранные подразделения организационно входили в состав СА, мы уже говорили об этом, но фактически подчинялись непосредственно фюреру. Более того,

каждый из вступивших в СС приносил присягу на верность не просто нацистской партии, а лично А. Гитлеру.

Личную охрану фюрера в 1926–1933 гг. осуществляла группа из пятнадцати человек, разделенная на 3 смены по 5 человек. Одна из смен постоянно находилась при Гитлере, руководил охраной Й. Дитрих. Дополнительная охрана осуществлялась и сотрудниками баварской полиции. О месте и роли выходцев из баварской полиции в системе обеспечения безопасности фюрера следует сказать особо, поскольку в начале 1920-х гг. близкими друзьями Гитлера стали В. Фрик и Э. Пёнер. Пёнер руководил полицией Мюнхена, Фрик возглавлял службу уголовного розыска. Гитлер позднее писал, что каждый из них имел мужество быть сначала немцем, а потом должностным лицом. Эти полицейские принимали активное участие в «пивном путче», находясь рядом с Гитлером.

Следует иметь в виду, что в те годы наблюдалось скрытое противостояние двух крупнейших образований Веймарской республики – Пруссии и Баварии. Политическое противоборство федеральных земель имело давние исторические корни и усиливалось стремлением получить максимум самостоятельности. Ситуация усугублялась тем, что в каждой из федеральных земель были собственные министерства полиции, независимые от федерального МВД. Кроме того, языковые барьеры, значительные различия в традициях и многовековое соперничество создавали столь серьезные разногласия, что последние даже не требовали специальной инициализации извне. В дальнейшем Фрик, ставший рейхсляйтером и рейхсминистром внутренних дел, курировал вопросы денежного и вещевого довольствия личной охраны Гитлера. По нашему мнению, официально не занимавший крупных постов в нацистской иерархии, Пёнер мог быть советником по кадровым вопросам службы охраны. Официально штаты охраны фюрера, присвоение званий и продвижение по службе сотрудников охраны курировал после 1933 г. начальник рейхсканцелярии Г. Г. Ламмерс.

После отъезда Рема в Южную Америку противоборство в высших эшелонах НСДАП не прекращалось. В августе 1925-го – феврале 1926 г. гауляйтеры Северной Германии под руководством Г. Штрассера и Й. Геббельса отстаивали более левую позицию, чем А. Гитлер. Результатом противостояния стало создание Следственно-арбитражного комитета для урегулирования разногласий внутри партии (*Untersuchungs und schlichtungs Ausschuss, USCHLA*). После переговоров Гитлера с гауляйтерами Й. Геббельс стал одним из наиболее преданных его сторонников.

Противоборство между политическим руководством партии и ее охранными структурами было более серьезным. В августе 1930 г. берлинские штурмовики (руководитель В. Штеннес), недовольные своим положением (по сравнению с армией) и денежным содержанием, отказались повиноваться приказам партийных функционеров. В этих условиях Гитлер был вынужден принять пост командующего штурмовыми отрядами, а в качестве уступки штурмовикам на пост начальника штаба СА был назначен вернувшийся из Боливии Рем.

В феврале 1931 г. недовольство политической линией А. Гитлера со стороны штурмовиков переросло в Восточной Германии в открытый мятеж. Выступивших штурмовиков вновь возглавил начальник берлинских СА В. Штеннес. Для подавления мятежа, который на начальной стадии не удалось локализовать с помощью СС, руководство НСДАП прибегло к помощи государственных полицейских подразделений. Требования мятежников заключались в следующем: исключительное право охраны партийных съездов должно принадлежать СА; за охрану партийных мероприятий штурмовики должны получать дополнительную плату. Мятеж повторился в апреле того же года. После этих событий начался быстрый рост численности СС. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. угроза интересам лидеров НСДАП исходила не только со стороны политических противников, но и со стороны товарищей по партии. Противоречия между группировками партийной элиты, носившие социально-политический характер, отражали и личные амбиции лидеров.

После назначения А. Гитлера 30 января 1933 г. на пост рейхсканцлера охрана была реорганизована. 17 марта Гитлер издал распоряжение «О создании вооруженной охраны штаба» численностью не менее 120 человек. Командиром новой группы, набранной из отборных эсэсовцев, был назначен один из наиболее преданных охранников Гитлера Й. Дитрих. Подразделение, размещенное в пригороде Берлина Лихтерфельде, охраняло рейхсканцелярию. В апреле 1933 г. на должность начальника личной охраны Гитлера был назначен Г.-И. Раттенхубер.

Г.-И. Раттенхубер родился в 1897 г. в деревне Оберхахинг близ Мюнхена, получил среднее образование. Участвовал в Первой мировой войне как унтер-офицер, затем стал лейтенантом. В 1918 г. познакомился с Гиммлером в школе унтер-офицеров. В 1920–1933 гг. работал в органах полиции Баварии. Во время заключения Гитлера в крепости Ландсберг (1924) служил в тюремной охране. С 1929 г. – председатель Союза

полицейских чиновников, с марта 1933 г. – член НСДАП и один из адъютантов Гиммлера, одновременно сотрудник полиции безопасности (ЗИПО). По рекомендации Гиммлера назначен начальником охраны Гитлера. Прослужил в этой должности до падения нацистской Германии. В 1945 г. имел звания группенфюрера СС и генерал-лейтенанта полиции. 2 мая 1945 г. взят в плен советскими войсками.

На допросах Раттенхубер показал:

«За время моей службы в полиции г. Мюнхена я приобрел солидный опыт во всех отраслях полицейской службы. Гиммлер высоко ценил подготовку и практическую деятельность баварской, и особенно мюнхенской полиции. Все это дало основание Гиммлеру, занявшему пост полицей-президента Мюнхена, приблизить меня к себе и назначить своим адъютантом, так как он нуждался в человеке, знакомом с полицейскими кругами в Мюнхене. Так что с 1933 г., одновременно со службой в мюнхенской полиции, я являлся уже одним из приближенных Гиммлера… В связи с тем что Гитлер продолжительное время бывал в Баварии, Гиммлер приказал Гейдриху для сопровождения Гитлера в его поездках организовать команду из чиновников криминальной полиции. Вначале эту команду возглавлял капитан полиции Бельвиль, однако в апреле 1933 г. его перевели на другую работу, и на его место Гиммлер назначил меня.

Таким образом, с 1933 г. и до смерти Гитлера, последовавшей 30 апреля 1945 г., я являлся начальником его личной охраны. Охрана Гитлера до 1933 г. осуществлялась „сопровождающей командой СС“, укомплектованной отборными эсэсовцами из числа наиболее преданных членов национал-социалистской партии, служивших (впоследствии. – *Примеч. авт.*) в специальной эсэсовской части „Лейбштандарт Адольф Гитлер“. Это были телохранители Гитлера в буквальном смысле слова. В „сопровождающей команде СС“ были созданы три небольшие группы, численностью по 5 человек каждая, из которых по крайней мере одна всегда сопровождала Гитлера.

Вскоре после назначения меня начальником личной охраны Гитлер поставил передо мной задачу организовать также личную охрану Геринга, Гесса, Гиммлера, Риббентропа, Геббельса, Фрика, Дарре и обеспечить безопасность его резиденций в Мюнхене и Берхтесгадене».[72]

В сентябре 1933 г. на базе Охраны ставки и особых команд «Цоссен» и «Ютебог» в составе СС создан полк охраны фюрера (*Leibstandart-SS Adolf Hitler*). Лейбштандарт стал личной гвардией рейхсканцлера. Солдаты и офицеры этого элитного подразделения принимали присягу на верность фюреру и

подчинялись только ему. Командовал полком Й. Дитрих. Полк сыграл решающую роль при подавлении оппозиции в рядах НСДАП (группировка Рема) 30 июня 1934 г. – в «ночь длинных ножей». Это позволило Гитлеру получить безраздельную власть не только над партией, но и над ее военными структурами. После расстрела Рема и наиболее активных его сторонников начальником штаба СА назначен обергруппенфюрер В. Лутце.

Лейбштандарт был не только охранным, но и боевым подразделением и до самого конца Второй мировой войны оставался наиболее боеспособной структурой в составе СС. Его моторизованные батальоны участвовали во всех военных кампаниях начиная с 1939 г. Три человека из первого состава стали командирами дивизий, восемь – командирами полков. Некоторым особо отличившимся бойцам этого подразделения доверялось выполнение деликатных партийных и личных поручений. Можно с уверенностью сказать, что военно-партийная гвардия НСДАП выполняла функции, аналогичные функциям придворной охраны фараонов, Преображенского и Семеновского полков Петровской гвардии.

К концу 1920-х гг. общая численность военизированных партийных отрядов достигала в Германии нескольких миллионов человек, их ядро составляли ветераны Первой мировой войны. В начале 1930-х гг. наметилось перераспределение баланса партийных военных сил, личный состав которых переходил из одной структуры в другую в зависимости от изменения социально-политической обстановки.

К 1932 г. в рядах партийных подразделений находилось: у социал-демократов – 3,5 млн человек, у коммунистов – 3 млн, у монархистов – 3 млн, у национал-социалистов – 0,5 млн человек. Только вдумайтесь в масштабы этих цифр: какие армии были под ружьем у партийных структур и какое количество подготовленных и вооруженных людей наводняло страну!

Несмотря на меньшую, чем у оппонентов, численность, отряды НСДАП были более идеологизированы, лучше организованы, более агрессивны.

Для привлечения в ряды СА новых сторонников широко использовались привлекательные для обездоленных пропагандистские приемы: горячая бесплатная пища, чувство локтя, товарищества. В 1933–1934 гг. в ряды штурмовиков вступили многие бывшие бойцы Компартии Германии и СДПГ, что привело к созданию «красных полков» СА и появлению афоризма «Штурмовики похожи на бифштексы: коричневые снаружи и красные внутри». Возможно, одной из причин их перехода на сторону национал-социалистов было разочарование в

деятельности коммунистических и социал-демократических лидеров. Другой причиной могло быть то, что в названии НСДАП присутствовало слово «рабочая», и многие боевики предпочли национальный социализм интернациональному. После ликвидации в 1934 г. лидеров СА влияние штурмовиков на внутриполитическую жизнь уменьшилось, однако к началу Второй мировой войны их было свыше 1 млн человек, они являлись источником кадрового резерва для вермахта.

Одной из приоритетных задач вождей НСДАП после получения в середине 1934 г. реальной власти являлось обеспечение внутренней безопасности нового режима от угроз со стороны военных. Руководители партии с недоверием относились к представителям старой военной и государственной элиты, связанной многолетними традициями и семейными узами. Партийная элита национал-социалистов страховала себя от притязаний представителей ранее господствовавших классов, которые путем внешней лояльности надеялись вернуть себе власть.

Военными с 1933 по 1941 г. готовилось несколько заговоров с целью устранения Гитлера: потсдамский – январь 1933 г., берлинский – сентябрь 1938 г., цоссенский – ноябрь 1939 г. Недовольство военных вызывалось излишне радикальной, на их взгляд, позицией нового руководства Германии и не всегда компетентным вмешательством в дела вооруженных сил. Однако военная оппозиция была разнородной по возрасту, занимаемым должностям и политическим взглядам. Разногласия оппозиционеров, низкий уровень организации привели к тому, что до стадии реализации был доведен только заговор 20 июля 1944 г., да и то покушение оказалось неудачным.

В этих условиях совершенствование системы специальных служб, созданных при непосредственном участии фюрера и высшего военно-политического руководства НСДАП, имело под собой веские основания. Разветвленная оперативная сеть и хорошие источники информации позволяли дезавуировать заговорщиков на ранних стадиях. Кроме того, Гитлер проводил кадровую политику в вооруженных силах таким образом, что, возвышая одних и отправляя в отставку других, не позволял заговорщикам консолидировать силы. Наряду с этим успешные внешнеполитические и военные действия нового режима, позволившие Германии к 1941 г. занять доминирующее положение в Европе, привели к росту популярности Гитлера в армии. Отрезвление в военной среде реально созрело только ко второй половине 1943 г.

Возвращаясь к теме личной безопасности руководителей

НСДАП, рассмотрим систему управления, созданную в Третьем рейхе. Высшие партийные и государственные руководители Германии усовершенствовали принцип существования параллельных силовых структур, который в современной политике именуется системой сдержек и противовесов. К концу 1930-х гг. Гитлер сосредоточил в своих руках все нити государственного управления, воплотив в жизнь идею фюрерства (вождизма). Через рейхсканцелярию (руководитель Г. Г. Ламмерс) фюрер возглавлял гражданскую администрацию, где министры осуществляли управление по вертикали, а гауляйтеры – по горизонтали. Параллельно выстраивалась система управления по линии НСДАП, председателем которой он являлся. Влияние на вооруженные силы было обеспечено занятием постов военного министра и верховного главнокомандующего.

В НСДАП А. Гитлер старался разделить своих сторонников из ближайшего окружения и противопоставить их друг другу. Различные сферы партийной деятельности были распределены между рейхсляйтерами (в 1940 г. – 20 человек) и канцелярией (Р. Гесс, Ф. Бюлер, М. Борман), ведавшей организационными вопросами и партийными структурами на местах. Силовые структуры партии (СА – В. Лутце; СС – Г. Гиммлер; РСХА – Р. Гейдрих) также замыкались непосредственно на фюрере. Руководитель центральной структуры личной охраны Гитлера Г.-И. Раттенхубер подчинялся только ему.

Руководство сухопутных войск (В. фон Фрич, В. фон Браухич), авиации (Г. Геринг), военно-морского флота (Э. Редер, К. Дёниц) зачастую действовало сепаратно от Верховного главнокомандования Вооруженными силами (В. Кейтель) и имело право личного доклада фюреру. В Генеральном штабе сухопутных войск (Ф. Гальдер) существовало собственное разведывательное подразделение – Отдел иностранных армий (Р. Гелен).

Подобное деление было характерно для всего высшего эшелона руководителей Третьего рейха, которые создавали в своих вотчинах параллельные структуры. В 1933–1934 гг. между соперничавшими за второе место в партии Герингом и Гиммлером шла ожесточенная борьба за руководство Тайной государственной полицией. В итоге руководителем центрального аппарата гестапо стал выдвиженец Гиммлера Р. Гейдрих. В июле 1936 г. во главе гестапо становится сотрудник криминальной полиции Мюнхена Г. Мюллер. Опытный сыщик, он придерживался в работе с кадрами правила «меньше по количеству – лучше по качеству». Под его руководством немецкая политическая полиция работала очень результативно.

Г. Геринг, возглавивший в 1935 г. ВВС Германии, создал в

составе Верховного командования ВВС собственную военную и политическую разведку, замаскированную под Организационный отдел (*Organisationsabt*). Подчинявшийся лично ему Научно-исследовательский институт Г. Геринга, созданный в 1933 г. как Исследовательское бюро (*Forshungsamt*), занимался прослушиванием и записью телефонных, телеграфных и радиосообщений как внутри страны, так и за ее пределами, что позволяло вести свою игру в высших эшелонах власти. Тактическая информация была предметом сиюминутной «торговли» на верхних этажах власти, а глобальная стратегическая информация незамедлительно доводилась «владельцами» соответствующих служб до сведения фюрера. Дивиденды доставались тому, кто оказывался более расторопным и предусмотрительным, чья агентура была более удачлива при решении поставленных задач.

Киевские маневры 1935 г., на которых присутствовали представители немецкой армии (К. Штудент), продемонстрировали потенциальные возможности нового рода войск, удачно вписывавшиеся в концепцию молниеносной войны. Идея блицкрига, к середине 1930-х гг. обретшая популярность в среде военных теоретиков Германии, рассматривалась как выход из позиционного тупика, как способ расправиться с противниками поодиночке.

Одним из инициаторов создания Воздушно-десантных войск стал Г. Геринг – в прошлом боевой летчик, входивший в высшее военно-политическое руководство Третьего рейха. В 1936 г. был сформирован первый парашютный батальон из добровольцев полка «Генерал Геринг» и легиона «Кондор». Условия отбора оказались настолько строгими, что две трети кандидатов отсеяли уже на первой стадии. Критерии отбора в германских ВДВ после 1941 г. были несколько снижены.

Уже на стадии формирования ВДВ возникли разногласия между руководством сухопутных войск и ВВС, касавшиеся вопросов боевого использования десантников. Концепция ВВС предусматривала формирование небольших элитных подразделений, предназначенных для проведения специальных операций во взаимодействии с авиацией. А руководство сухопутных войск настаивало на использовании десантников в качестве штурмовых подразделений для достижения тактического и оперативного успеха при прорыве обороны противника. Противоречия не позволили сформировать десантные войска под единым командованием: 7-я дивизия ВДВ входила в состав люфтваффе и оставалась личной гвардией Геринга, а 22-я дивизия числилась в составе сухопутных войск.

Одними из наиболее элитных формирований сухопутных войск считались подразделения альпийских стрелков (иначе – горных егерей), созданных еще во время Первой мировой войны. Их эмблема – цветок эдельвейса – стала общей для обозначения горнострелковых войск. По уровню боевой подготовки, духу товарищества, присущего альпинистам, немецкие горные егеря по праву считались лучшими в мире. Одной из приоритетных задач альпийских стрелков во Второй мировой войне являлась борьба с партизанами на оккупированных территориях. Горнострелковые войска, комплектовавшиеся немцами и австрийцами из Южной Баварии, пользовались особой любовью Гитлера, поскольку его детство и юность прошли в предгорьях Альп.

В 1936 г., отчасти в противовес усиливавшейся мощи армии, руководство НСДАП приняло решение о формировании войск СС. В приказе Гитлера говорилось, что войска СС не входят ни в армию, ни в полицию, а являются военной структурой партии. Организационно они делились на подразделение «Мертвая голова» (*SS-Totenkopfverbande, SSTV*) и Войска особого назначения (*SS-Verfugungstruppe, SSVT*). Для подготовки офицерских кадров были созданы юнкерские школы, а их инспектором назначен кадровый военный, генерал-майор в отставке, затем обергруппенфюрер П. Гауссер. Отбор в них был необычайно строгим: кандидаты проходили через сито идеологического и физического контроля. Чтобы получить направление в офицерскую школу СС, требовалось прослужить рядовым или унтер-офицером до двух лет. Товарищеские отношения в СС приветствовались: рядовые при обращении к офицерам опускали обязательную в вермахте формулу «господин». Обучение велось по четырем основным направлениям: общегуманитарная, идеологическая, спортивная и военная подготовка. С началом Второй мировой войны произошло массовое увеличение численного состава войск СС, критерии отбора в офицерские школы были заметно снижены.

Одним из важнейших направлений деятельности НСДАП являлась подготовка высококлассных специалистов в области политики, экономики и военного дела по партийной линии. Под эгидой партии были созданы структуры, занимавшиеся воспитанием и образованием молодежи начиная с десяти лет. Первоначальная подготовка проходила в рамках молодежных организаций «Гитлерюгенд» (Б. фон Ширах, А. Аксман) и школах А. Гитлера (*AH-Schule*). В 1933 г. по образцу прусских военных корпусов созданы школы NAPOLAS (*Nationalpolitishe Erziehungsangstalten*), в которых обучались подростки из семей рабочих и военнослужащих. Техническая и специальная

подготовка осуществлялась на базе Национал-социалистического мотомеханизированного корпуса (А. Хюнляйн, В. Краус) и Национал-социалистического авиационного корпуса (Б. Лерцер, Ф. Кристиансен, А. Келлер).

В начале 1935 г. для подготовки нацистской элиты, в том числе специалистов по линии разведки, была создана сеть учебных заведений под общим названием «Рыцарские замки». Их особенностью являлась подготовка к нелегальной работе не только в других государствах, но и на территории Германии. Слушателями школ после тщательной проверки на лояльность режиму становились кандидаты, имевшие соответствующие данные и прошедшие предварительное обучение по линии молодежных, в том числе и военизированных организаций. Идея создания «Рыцарских замков» была заимствована из средневековой традиции, когда члены различных орденов или иных рыцарских сообществ проходили закрытую подготовку в замках, изолированных от внешнего мира и укрывающих «воинов меча» от излишнего мирского внимания. В 1930-е гг. в старых замках размещались специализированные школы, где под бдительной охраной готовились нелегалы, обязанные впоследствии выполнять особые поручения.

Не меньшее значение руководство Третьего рейха уделяло работе с этническими немцами – фольксдойче, проживавшими за границей (около 8 млн человек). Координировал эту работу созданный в 1933 г. Иностранный отдел НСДАП под руководством рейхсляйтера А. Розенберга. Организация заграничных немцев (*Auslandsorganisation*) была приравнена по статусу к административно-территориальной единице – ГАУ, ее возглавил гауляйтер Э. В. Болe. Функционерами ГАУ являлись около 3500 членов НСДАП, проживающих за границей. В числе задач этой организации, наряду с политической работой среди фольксдойче, находилось ведение разведки в странах пребывания и сбор информации о деятельности немецких политэмигрантов. Аналогичные задачи решались и в рамках Имперского управления колониальной политики под руководством рейхсляйтера Ф. фон Эппа. Для организации связи с зарубежной агентурой из фольксдойче абвер оснащал ее переносными коротковолновыми радиостанциями.

Организация заграничных немцев служила не только тактическим сиюминутным задачам: в 1936 г. высшее руководство Германии приступило к созданию резервных баз НСДАП в Латинской Америке. В результате операции «Пять ключей», проведенной по личному указанию Гитлера, резервные базы, а также тайные каналы эвакуации были созданы. Это

позволило многим сотрудникам партийного аппарата и спецслужб перейти на нелегальное положение после поражения Третьего рейха.

С 1934 г. для ведения подрывной работы против государств, признанных руководством Третьего рейха враждебными, в ряде нейтральных и союзных государств (Аргентина, Болгария, Греция, Испания, Иран, Португалия, Румыния, Турция, Швейцария, Финляндия) создаются военные организации абвера (*Krigsorganisation, KO*). Аппараты КО, как правило, базировались в германских посольствах и консульствах, но в оперативном отношении были от них независимы. В целях дальнейшей маскировки выполнения военных заказов предприятиями оборонной промышленности региональные отделения абвера приступили к распространению секретной «Памятки по борьбе с диверсиями и саботажем».

В том же году в Вильгельмсхафене открылась спецшкола абвера по подготовке агентов для разведывательно-диверсионных операций в Бельгии, Голландии и Франции в интересах ВМФ. После подготовки агенты подлежали внедрению в легальные государственные структуры для получения секретной информации о военных и торговых портах, типах боевых кораблей и технологиях их производства, береговой обороне, авиабазах военно-морской авиации и взлетно-посадочных полосах в прибрежной зоне, нефтеперегонных заводах и их производственных мощностях. На перспективу рассматривался вопрос и об организации диверсий на кораблях и указанных объектах.

В марте 1934 г. для обеспечения безопасности нацистского руководства создается СД (*Sicherheitsdienst, SD*) – служба безопасности рейхсфюрера СС, подчинявшаяся руководству Третьего рейха не по административной, а исключительно по партийной линии. После прихода НСДАП к власти одной из основных задач СД стало противодействие армии с целью ослабления ее влияния на политическое руководство Германии. И в этот же год произошли три акта геополитического терроризма, [73] непосредственно связанные с секретными службами Третьего рейха. Все эти акты следует рассматривать в качестве силового инструмента внешней политики нацистского руководства во главе с Гитлером.

Первым, 16 июня 1934 г., в Варшаве был убит антигермански настроенный министр внутренних дел Польши Б. Перацкий. Террористический акт совершил боевик Организации украинских националистов (ОУН) Г. Мацейко. По заявлению оуновцев, убийство Перацкого было возмездием за насильственные

действия польского правительства против украинцев в Галиции в 1930-е гг. Однако стоит уточнить, что постановление об убийстве министра было принято на конференции ОУН[74] в апреле 1933 г. в Берлине, вскоре после прихода гитлеровцев к власти.

25 июля 1934 г. в Вене произошла попытка нацистского путча. Нацистами из 89-го штандарта (полка) СС под командованием О. Планетты, переодетыми в форму австрийской армии и полиции, были захвачены радиостанция и резиденция канцлера. Среди путчистов был и О. Скорцени, будущий руководитель ряда специальных операций во время Второй мировой войны. Во время захвата канцлер Австрии Э. Дольфус был тяжело ранен. Ему пообещали лечение – в обмен на подпись под указом о воссоединении Австрии с Германией, но канцлер отказался и к концу дня скончался. К вечеру мятеж был подавлен правительственными войсками.

«…Причастность германского рейха к мятежу была совершенно очевидной. Иностранные корреспонденты, находившиеся в немецкой столице накануне венского мятежа, слышали о том, что в Австрии что-то готовится. Через несколько дней после путча они показывали друг другу экземпляры немецкого пресс-бюллетеня (*Deutsche Presseklischeedienst*), выпущенного 22 июля 1934 г., то есть за три дня до событий в Вене. В нем уже имелись снимки, изображавшие „народное восстание в Австрии“. Там же сообщалось: „В ходе боев за дворец правительства канцлер Дольфус получил серьезные ранения, приведшие к смертельному исходу“.

Скрупулезная немецкая организованность! Еще не успели зарядить револьверы, а текст к портрету жертвы был уже отпечатан».[75]

9 октября в Марселе были убиты король Югославии Александр I и министр иностранных дел Франции Л. Барту. Исполнителем теракта стал В. Георгиев, боевик Внутренней македонской революционной организации (ВМРО). Данная организация боролась за независимость Македонии, она сотрудничала с хорватскими «усташами», стремившимися к созданию независимой Хорватии. Однако основной целью был именно Барту, концепция которого о коллективной безопасности в Европе ставила крест на экспансионистских планах Германии и Италии. Как впоследствии выяснилось, руководил операцией «Тевтонский меч» Г. Геринг, а координировал действия террористов помощник немецкого военного атташе в Париже Г. Шпейдель. Новый премьер-министр Франции П. Лаваль был сторонником «умиротворения» Германии и Италии, что полностью соответствовало планам Гитлера и Муссолини.

Осенью 1935 г. Г.-И. Раттенхубер реорганизовал существовавшую охрану Гитлера, которая получила наименование Имперская служба безопасности (*Reichssicherheitsdienst, RSD*). Мы полагаем, что одной из причин, обусловивших реорганизацию охраны, стали убийства высших должностных лиц ряда стран в период с 1932 по 1935 г. 6 мая 1932 г. русский эмигрант Горгулов смертельно ранил президента Франции П. Думера. 14 мая 1932 г. во время военного путча был убит премьер-министр Японии Д. Инукаи. 29 декабря 1933 г. погиб премьер-министр Румынии И. Дука. Громкие убийства произошли и в 1935 г. Вероятно, Раттенхубер и понятия не имел, что они организованы при непосредственном участии его коллег из германских спецслужб. Однако к изучению чужих ошибок для совершенствования системы охраны уважающий себя руководитель Имперской службы безопасности относится с большим вниманием. Раттенхубер был профессионалом, и чужой опыт, как положительный, так и отрицательный, тщательно изучал.

Последней каплей стало убийство в США сенатора Х. Лонга в начале сентября 1935 г. Это преступление произошло в здании сената штата Луизиана на глазах телохранителей, которые среагировали на покушавшегося только после того, как тот в упор выстрелил Лонгу в живот. Задержание было проведено крайне неумело, охранников от смерти спасло только то, что пистолет нападавшего заклинило. Вместо того чтобы задержать террориста, телохранители буквально изрешетили его, выпустив несколько десятков пуль. Это дерзкое покушение тут же было взято в Германии на заметку. Наряду с другими оно изучалось как образец непрофессиональных действий охраны, которая позволила вплотную приблизиться к охраняемому лицу, произвести прицельный выстрел и при задержании оказать вооруженное сопротивление. Кроме того, со смертью террориста оказались оборваны все связи, могущие пролить хоть какой-то свет на заказчиков и организаторов преступления. Нельзя не сказать, что в истории США данная ситуация неоднократно повторялась на протяжении всего XX в., и это свидетельствует о том, что упертость, косность и профессиональное чванство являются характерными чертами многих государств.

После создания в 1935 г. новых вооруженных сил – вермахта вместо Военного министерства было учреждено Верховное главнокомандование Вооруженными силами. Управление военной разведки и контрразведки вошло в его состав. Одновременно абвер усиливает агентурную сеть в демилитаризованной Рейнской зоне. Под прикрытием «Института

экономики» в Кенигсберге разведчики абвера приступают к активному сбору информации о военно-экономическом потенциале восточноевропейских государств в ходе многочисленных «ознакомительных поездок» и «семинаров по обмену опытом» с представителями военно-промышленного комплекса Восточной Европы.

Для обработки данных, поступающих от военных атташе и руководства их разведывательной работой, а также для изучения иностранной прессы, литературы и радиопередач в центральном аппарате абвера появляется особый отдел (*Ausland*), работавший во взаимодействии с Министерством иностранных дел.

Активная работа военной разведки с открытыми иностранными источниками началась после того, как эмигрировавший в Англию военный эксперт Б. Якоб выпустил книгу по организации немецких вооруженных сил. Похищенный в Швейцарии, он подробно изложил В. Николаи технологию сбора и систематизации информации по военным вопросам, которую абвер тут же взял на вооружение.

В Гросс-Лихтерфельде образовали Лабораторию технических исследований для изучения научных методов диверсий на военных и промышленных объектах потенциального противника. Задачей лаборатории, которая на практике представляла собой институт, являлось снижение риска и стоимости диверсий, а также изобретение оборудования и технологий, неизвестных противнику и камуфлирующих диверсию под технологическую аварию или катастрофу, что затрудняло проведение расследования или заводило расследование в тупик. При сотрудничестве с фирмами «Телефункен» и «Цейс» в лаборатории создавались подслушивающие устройства, миниатюрные фотоаппараты с великолепной просветленной оптикой, которые маскировали под зажигалки, часы и т. п., первые приборы ночного видения. Производилась компактная радиотехника для агентов и разведывательно-диверсионных групп, в том числе вмонтированная в различные бытовые предметы. Изготовлялись взрывчатые и зажигательные вещества повышенной мощности, детонаторы к ним, миниатюрные мины замедленного действия, замаскированные под авторучки, сигары и прочие предметы. Разрабатывались и выпускались всевозможные химические препараты, предназначенные для тайнописи, ликвидации противника и для подавления его воли. Возможно, что при создании этого центра учитывалась информация о деятельности в СССР Особого технического бюро.

В тот же период для внедрения новых методов подбора и подготовки разведывательных кадров создана Психологическая

лаборатория. Там впервые в мире была разработана система тестов для определения профессиональной пригодности кандидатов в разведчики. (По одной из версий, инициатором создания и лоббистом обеих лабораторий являлся все тот же В. Николаи.)

Офицеры абвера в сопредельных с СССР государствах (Афганистане, Румынии, Иране, Китае Турции, Эстонии) активизировали агентурную деятельность.

Первого января 1935 г. руководителем абвера назначен кадровый разведчик, капитан цур зее[76] В. Канарис. Одним из его первых шагов стало назначение на пост советника по партизанским операциям хауптмана (гауптмана)[77] Т. фон Хиппеля. Под руководством генерала О. Леттов-Форбека Хиппель воевал в Африке во время Первой мировой войны. Хиппель полагал, что тактика ведения боевых действий малыми группами, опробованная немцами в Африке, может найти применение в Европе и позволит наносить неожиданные удары по стратегическим объектам противника. Еще в начале 1930-х гг. он делал вывод: в рамках концепции тайной войны существует необходимость в создании элитных частей со специальной подготовкой, которые будут в состоянии проникать через вражеские границы задолго до начала наступления своих войск или даже до объявления войны.

Концептуально идея Хиппеля заключалась в следующем: небольшие хорошо обученные, состоящие из решительных людей разведывательно-диверсионные группы в гражданской одежде или в форме войск противника забрасываются на парашютах либо иным способом в тыл противника. После получения условного сигнала по радио они начинают действовать в интересах наступающих войск, сохраняя с ними постоянную связь. В более глубоком тылу диверсантам предписывалось захватывать или уничтожать важные объекты, сеять панику среди населения, вести «свободную охоту» на командный состав противника и представителей гражданской администрации. Предложения Хиппеля опирались на опыт операции немецких подразделений в Кении и Танганьике, которые были высокоэффективны при малых потерях собственных войск.

В августе 1936 г. в учебном центре Румельсбурга в Померании приступили к индивидуальной подготовке агентов[78] для организации и проведения актов саботажа и диверсий на территории Польши.

Весной 1936 г. В. Канарис впервые посещает Эстонию и ведет секретные переговоры с начальником Генштаба эстонской армии и руководителем 2-го отдела – отдела военной контрразведки

Генштаба – об обмене разведывательной информацией по СССР. Абвер приступает к созданию эстонского разведцентра – речь идет о «Группе 6513». Офицером связи между «пятой колонной» Эстонии и абвером назначается А. фон Юкскюль.

7 марта 1936 г. вермахт оккупирует демилитаризованную Рейнскую зону. Агенты абвера в Западной Европе отслеживают реакцию европейских правительств на акт агрессии.

В июне начальник 2-го отдела Генштаба эстонской армии полковник Маасинг наносит ответный визит в Берлин. Абвер получает официальное разрешение эстонского правительства на размещение диверсионно-разведывательных баз на эстонской территории вдоль границы с СССР и оснащает эстонские спецслужбы фотоаппаратами с телескопическими объективами и аппаратурой радиоперехвата для организации скрытного наблюдения за территорией потенциального противника. Для съемок советских боевых кораблей фотоаппараты устанавливаются и на маяках Финского залива.

В ноябре 1936 г. военно-политическим руководством Германии принято решение о направлении в Испанию легиона «Кондор» для непосредственного участия в боевых действиях на стороне противников республиканского правительства. Переброска ограниченного военного контингента позволяла решить ряд политических, военных и технических задач. В случае победы над республиканцами Германия приобретала стратегического союзника. В военной области происходила «обкатка» новых тактик боевых действий и проверка авиационной и танковой техники в реальных условиях. Личный состав приобретал боевой опыт, в том числе по организации взаимодействия с союзниками. Осуществлялась также отработка механизма планирования и организации материально-технического обеспечения боевых подразделений.

Во время Гражданской войны 1936–1939 гг. как республиканцами, так и сторонниками Франко широко применялась тактика партизанских действий[79] на коммуникациях противника. С этого времени слова генерала Э. Мола о «пятой колонне» в тылу республиканцев стали обозначать скрытую до поры агентуру. Сотрудники абвера, действовавшие в составе легиона «Кондор», получили наглядное представление о тактике партизанских действий противника и о реальных возможностях партизанской войны. По линии КО «Испания», в условиях строгой секретности даже от своих, отрабатывались организация и проведение диверсионных операций в тылу противника в реальных боевых условиях. Война в Испании послужила катализатором в развитии немецких специальных

служб и подразделений специального назначения.

Для получения независимой от абвера информации в конце 1936-го – начале 1937 г. в составе службы безопасности рейхсфюрера СС выделяется зарубежная разведка (*Ausland-SD,* или *Amt-III*). Ее возглавляет оберфюрер СС Х. Йост, руководивший разведывательной деятельностью в Испании. Отделение аусланд-СД в Испании, замаскированное под «портовую охрану», кроме обычной агентурной работы собирало и анализировало информацию о специальных операциях.

По линии СС в феврале 1937 г. было создано Главное управление по работе с этническими немцами в соседних с Германией странах, которое возглавил обергруппенфюрер В. Лоренц. Управление занималось проникновением в зарубежную прессу с целью формирования позитивного мнения о национал-социализме и идеологической работы с населением. В сопредельных государствах, территории которых подлежали включению в состав Третьего рейха, создавалась агентурная сеть и формировались «пятые колонны». Нелегально осуществлялась боевая подготовка партийных активистов, проводилась также активная подрывная деятельность против правительств этих стран. Фольксдойче стали неистощимым кадровым резервом для абвера и СД.

Для ведения психологической войны, а также для непосредственного осуществления операций разведывательно-диверсионного характера в конце 1937 г. в составе военной разведки создается отдел абвер-II (A-II), который возглавил Г. Гросскурт. В составе отдела кроме группы начальника отдела были подотделы I (национальные меньшинства) и II (специальные операции). Объединение взаимно дополняющих аспектов специальных операций под единым управлением можно объяснить лозунгом, которому следовал Канарис: «Внедряйся. Разлагай. Деморализуй». Комплексный подход включал разведывательные операции, психологическое воздействие, силовые мероприятия – весь комплекс действий, позволяющих ослабить противника.

Группа начальника отдела осуществляла общее руководство и вела внешние связи, ведала распределением кадров и финансов. Она состояла из двух секторов. Сектор I/a (делопроизводство) занимался ведением дел начальника отдела, мобилизационного календаря, журнала военных действий, секретного делопроизводства; разработкой приказов по внутреннему распорядку; составлением наградных листов на офицеров, служащих и технический персонал. На сектор I/в (лаборатория технических исследований) возлагались связь с Министерством

вооружений, университетами и институтами; получение и доставка опытных образцов; подготовка агентов для диверсионных акций (консультации с подотделом II); обобщение опыта диверсионных операций, разработка методик диверсий и саботажа.

Подотдел I[80] выявлял и разрабатывал националистические и антигосударственные организации в среде нацменьшинств вражеских стран; проводил подрывную пропаганду в Вооруженных силах вражеских стран; устанавливал связь с политическими группировками в условиях войны и мира; обменивался информацией с дружественными правительствами; составлял меморандумы и памятные записки о целях и задачах националистических антиправительственных группировок. Включал в себя секторы: I/on (СССР, Дальний Восток, Польша, Литва, Латвия, Эстония и Финляндия), I/os (Чехословакия, Румыния, Болгария, Югославия, Греция, Италия), I/w (Франция, Бельгия, Люксембург, Швейцария, Англия, Ирландия, Дания, Швеция и Норвегия), I/ub/z (Северная и Центральная Америка, Испанское Марокко), I/u (Африка (без Испанского Марокко), Азия, Австралия, Южная Америка), I/i (все мероприятия, связанные с подготовкой и проведением мятежей и восстаний, анализ зарубежной прессы). Библиотека и спецхран вели обработку данных по всем странам, разрабатываемым подотделом I.

Подотдел II (организовывал и осуществлял акции саботажа и диверсионно-разведывательных операций; определял объекты и цели операции; составлял памятные записки о военно-экономическом положении стран-противников; разрабатывал диверсионные операции; занимался подвозом, складированием и размещением материалов и оборудования на границе рейха; обеспечивал каналы связи. Включал в себя секторы: II/w (Франция, Люксембург, Бельгия, Италия, Швейцария). II/bs (Испания, Португалия, Латинская Америка), II/bn (Англия, Голландия, Скандинавия, Дания), II/os (Чехословакия, Венгрия, Румыния, Югославия, Балканы), II/on (СССР, Польша, Литва, Латвия, Эстония и Финляндия), II/ub (Северная Америка, специальные организации). II/mar (европейские морские державы, Африка и Азия), II/luft (обеспечение спецопераций, связь с Министерством авиации), II/lab (технические исследования, обеспечение расходным материалом).

Благодаря активной работе фольксдойче, объединенных в «Австрийский легион» под руководством людей из СС (А. Роденбюхер, Ф. Гласс, Э. Кальтенбруннер), произошел молниеносный аншлюс Австрии (план «Отто») в марте 1938 г.

практически без использования вооруженных сил.

В Вене в 1938 г. создается региональное отделение абвера и второй по величине после Гамбурга Центр радиоперехвата и наблюдения для связи с агентурой в Восточной и Юго-Восточной Европе. Ближайшей задачей абвера становится подготовка к осуществлению плана «Грюн» (вторжение в Чехословакию). Канарис решает проверить замысел Хиппеля на практике.

К формированию подразделений «профессиональных партизан» в абвере приступили в начале 1938 г., во время подготовки к оккупации Судетской области, в условиях строгой секретности. Из судетских немцев, боевиков «спортивного объединения» Судетской немецкой партии К. Генлейна, были сформированы первые боевые группы. Личный состав этих групп, набранный из лиц, не известных контрразведке и полиции Чехословакии, был тайно перемещен на территорию Германии, где в Бад-Шандау, на Эльбе, прошел обучение и необходимое боевое слаживание. Получив стрелковое оружие и взрывчатку, диверсанты отправились назад – с заданием обеспечить захват важных промышленных и военных объектов перед самым началом планируемой агрессии. Поскольку диверсанты прекрасно знали местность и часто жили вблизи объектов диверсий, условия для работы у них были идеальными. Действовать надлежало по особому сигналу, переданному одной из германских радиостанций.

Оккупация Судетской области в октябре 1938 г., Богемии и Моравии в марте 1939 г. (операция «Грюн») решалась комплексно: велась активная политическая работа по линии МИД; по линии НСДАП и СС осуществлялось финансирование, велись агитация и пропаганда; по линии абвера проводились акции саботажа и диверсий.[81]

Вторжение германского вермахта, в составе которого находился «Добровольческий корпус судетских немцев» в Чехию, практически не встретило сопротивления. Стратегия тайной войны, разработанная немецкими военными экспертами, получила практическое подтверждение. Однако в ходе аннексии Судет и оккупации Чехословакии выявились недостатки диверсионных групп. Не являясь военнослужащими, диверсанты имели недостаточный уровень подготовки и посредственную дисциплину. В таком виде они годились для выполнения разовых операций на своей собственной территории, в Судетах.

Немаловажный момент дальнейших успешных действий диверсантов абвера, а также разведывательно-диверсионных групп вермахта из числа егерских, горно-егерских, воздушно-егерских и панцер-гренадерских дивизий был связан с хорошим

знанием местности противника. И обеспечил это знание абвер. В конце 1920-х гг. «гражданским служащим» абвера становится пилот Т. Ровель, в распоряжение которого поступает экспериментальный самолет «Ю-34» с потолком полета в 12 500 метров. Ровель начинает заниматься аэрофотосъемкой польской приграничной полосы с больших высот. Постепенно качество снимков улучшается, и в середине 1930-х гг. Ровель, вернувшийся в армию, получает под свое командование (аэродром Штаакен в Берлине) эскадрилью из пяти самолетов и группу опытных пилотов и бортмехаников. В целях секретности эскадрилья получает кодовое название «Группа Ob. d. 1», а неофициально зовется «эскадрилья Ровеля».

Что касается подготовки Германии к войне против СССР, то Ровель начал ее в 1936 г. Получив в свое распоряжение самолеты «Хе-111» с дальностью полета 3000 километров, к 1941 г. его летчики сфотографировали все побережье Балтийского моря вплоть до Кронштадта и Ленинграда, Черного моря, включая Кавказ, и засняли все западные территории СССР. На высоте от 7500 до 10 500 метров они были недосягаемы для наземного наблюдения. Адекватных средств перехвата также не было. Очень часто к разведывательным полетам против нашей страны привлекались самолеты германской гражданской авиакомпании «Люфтганза». Против Англии, Франции и других стран летчики Ровеля действовали аналогично.

В 1938 г. абвер все активнее проводит работу против СССР. Совместно с эстонской контрразведкой он ведет подготовку и забросу на территорию Советского Союза разведывательно-диверсионных групп. В самом рейхе начинается усиленная вербовка агентуры среди украинских эмигрантов, которых планируется использовать против Польши и СССР. В лагерях на озере Химзее, в Верхней Баварии, и на озере Квинцзее, под Бранденбургом, открываются учебные центры по подготовке диверсантов из числа польских и украинских фольксдойче, а также отдельных эмигрантов других национальностей.

В конце 1938-го – начале 1939 г. начальником абвера-II назначается Э. Э. фон Лахузен-Вивремонт, начальник отдела разведки и контрразведки Министерства обороны Австрии. Весной 1939 г. осуществляется повсеместное переоснащение военных организаций, создаются новые центры шпионажа на Востоке. 15 марта завершена аннексия Чехословакии, спецназ абвера захватывает документы 2-го бюро – военной контрразведки чехословацкого Ген штаба, в Праге создается филиал абвера. 23 марта 1939 г. Германия аннексирует Мемель. [82] В апреле заканчивается разработка операции по вторжению в

Польшу (план «Вайс»). Базирующаяся в Будапеште «эскадрилья Ровеля» втайне от венгерских властей совершает разведывательные полеты над территорией СССР, в регионах Киев – Днепропетровск – Житомир – Запорожье – Кривой Рог – Одесса.

В июле диверсионное подразделение абвера З. Граберта в Бреслау, состоящее из польских фольксдойче и замаскированное под названием «Промышленная охрана Верхней Силезии», переименовывается в «Германскую компанию». Боевики приступают к усиленным тренировкам и отработке операций по захвату промышленных объектов и проведению акций саботажа и диверсий. В рамках операции «Вайс» сотрудник Управления контрразведки майор Шмальшлегер руководит заброской на территорию Польши нескольких групп агентов-радистов.

По личному распоряжению Гитлера руководство германских спецслужб и полиции (Р. Гейдрих, Г. Мюллер, А. Нёбе) начало подготовку к проведению провокационной акции под названием «Операция „Гиммлер“». Суть провокации заключалась в инсценировке захвата немецкой радиостанции в г. Глейвиц[83]«польскими партизанами», которые обращались по радио с призывами об уничтожении немцев. Руководителем операции стал гауптштурмфюрер СС[84] А. Нуйокс. Для придания операции достоверности в Глейвице и его окрестностях должно было остаться несколько трупов «партизан» в польской военной форме, «уничтоженных» в ходе боев с немецкими полицейскими. Для этого втемную использовались полтора десятка уголовников, приговоренных к смертной казни, – им было обещано освобождение после завершения операции.

Кроме группы Нуйокса еще несколько групп боевиков, переодетых «под поляков», должны были спровоцировать перестрелки на границе (Пиченское лесничество, таможня в Хохлиндене). Для этого полторы сотни сотрудников полиции безопасности, знающих польский язык, проходили специальную подготовку в полицейском училище под Берлином. Польскую форму, оружие и снаряжение обеспечивал абвер. В ночь на 25 августа эти группы были переброшены к границе с целью нападения на германские таможенные и пограничные посты, но в последний момент от их использования отказались. 25 августа 1939 г. в 15.25 А. Гитлер отдал приказ вермахту перейти границу Польши на следующее утро, в 04.15.[85] В тот же день диверсионная группа «Плащ и кинжал», насчитывающая до тридцати боевиков под руководством лейтенанта А. Херцнера, проникла на территорию Польши в районе населенного пункта Силлен с территории Чехословакии. Группа имела задачу захватить и удерживать до подхода частей вермахта тоннель на

участке Силен – Краков (Яблунковский перевал), прилегающую железнодорожную станцию и имеющиеся там мосты. Пока спецназ абвера выдвигался на исходные позиции, в Ставке фюрера срок начала операции «Вайс» перенесли на 04.45 1 сентября 1939 г. Но у диверсантов отказала рация, группа не была своевременно оповещена об отмене операции.

На рассвете 26 августа спецназ Херцнера, укомплектованный фольксдойче, атаковал железнодорожный узел. Диверсанты подорвали телефонную станцию, подавили сопротивление и заняли круговую оборону. Захваченные врасплох местные жители – около двух тысяч человек, – солдаты и офицеры польской армии – более ста человек – были объявлены пленными и заперты в железнодорожном пакгаузе. Тем временем прошли все контрольные сроки, но части 7-й пехотной дивизии генерала Отта так и не вышли к станции. В течение всего светового дня диверсанты отражали атаки польских подразделений. К вечеру 26 августа, не дождавшись обещанного подкрепления, Херцнер отдал приказ об отступлении.

В восемь часов вечера 31 августа отряд Нуйокса захватил радиостанцию в Глейвице и передал в эфир заранее подготовленную радиопередачу на польском языке. В тексте передачи содержался призыв:

«Граждане Польши! Пришло время войны между Польшей и Германией. Объединяйтесь и убивайте всех немцев».[86]

Гитлер получил повод для начала войны против Польши,[87] переросшей затем в самую масштабную и кровавую бойню в истории человечества. Ну а диверсанты абвера и СД начали свое победное шествие по странам Европы.

В ночь на 1 сентября 1939 г. 500 диверсантов-фольксдойче, набранных из боевиков «Немецкой компании» и «Добровольческого корпуса судетских немцев» (общее название группы «Эббингауз») и закамуфлированных под рабочих и горняков, нелегально пересекают границу Польши. Перед ними была поставлена задача захвата или блокирования стратегически важных транспортных узлов, железных и шоссейных дорог на территории Польши с целью помешать передислокации польской армии.

Боевики под командованием обер-лейтенанта З. Граберта, одетые в форму польских железнодорожников, пересекли границу в Силезии и ранним утром проникли в Катовице – крупнейший железнодорожный узел на юго-западе страны. Раздувая панику среди персонала и гражданских лиц, отдавая противоречивые приказы и одновременно уничтожая польских военнослужащих, пытающихся организовать сопротивление, диверсанты полностью

парализовали работу станции. Они сумели вывести эшелон с 800 польскими солдатами прямо под стволы немецких танков 10-й германской армии.

Этим же утром диверсионно-штурмовая группа абвера повторно захватила Яблунковский перевал, прилегающую к нему железнодорожную станцию и имеющиеся там мосты. Другая штурмовая группа захватила стратегический мост через Вислу под Диршау. Еще одна группа «Эббингауз» вывела из строя электростанцию под Торцовом. К началу немецкого наступления почти все мосты через реки Браху, Варта, Висла и Нотец были заняты диверсантами. В западных областях Польши (Бытгощ, Лодзь, Познань и др.) боевые группы «Эббингауз» в скоротечных схватках овладели большинством заводов, складов, электростанций и удерживали их до подхода войск.

15 сентября переодетые в польскую военную форму диверсанты под командованием лейтенанта Лангера захватывают мост через Вислу. 28 сентября под Варшавой спецподразделение гауптмана Буланга обнаруживает в форте Легионов картотеку и архив польской разведки и контрразведки. В результате оперативно-розыскных мероприятий немецкие спецслужбы арестовывают несколько сотен секретных сотрудников польской контрразведки и осуществляют перевербовку части агентуры.

Наряду с феерическими успехами в деятельности диверсантов обнаружились и недостатки. Во-первых, боевики абвера не имели единой организации и единого командования и действовали достаточно разрозненно. Во-вторых, группы, заброшенные в тыл на глубину до 200 километров, выполняли задание в редких случаях, часть этих групп целиком погибла. В-третьих, личный состав нуждался в улучшении общей и специальной боевой подготовки и в оснащении специальным вооружением и средствами связи… В итоге 27 сентября 1939 г. Хиппель подает рапорт на имя Канариса с просьбой разрешить ему начать формирование отряда спецназа, удовлетворяющего всем требованиям руководства абвера.

В тот же день в рамках СС создается Имперское Главное управление безопасности (*Reichssicherheitshaupamt, RSHA*).[88] Создание РСХА было настолько засекречено, что даже его название, которое в переписке указывать запрещалось, оставалось неизвестным до конца Второй мировой войны. В составе РСХА имелось шесть управлений (*Amt*). Amt-I – административно-правовое (В. Бест), Amt-II – мировоззренческое (Ф. Зикс), Amt-III – инланд-СД, контроль за особо важными сферами внутренней жизни общества и партии (О. Олендорф), Amt-IV – гестапо (Г. Мюллер), Amt-V – криминальная полиция (А. Нёбе), Amt-VI –

аусланд-СД, политическая разведка (Х. Йост). Очень важно помнить, что I, IV и V управления считались государственными учреждениями рейха, а остальные являлись исключительно партийными структурами. Главной внутренней проблемой РСХА стала конкуренция с «коллегами» из абвера, не желавшими уступать позиции в сфере государственной безопасности «выскочкам» из СС и СД.

15 октября 1939 г. В. Канарис санкционирует формирование в структуре абвер-II специальной воинской части из разрозненных боевых групп. Это диверсионное спецподразделение следовало укомплектовать этническими немцами и фольксдойче, получившими боевой опыт в Чехии и Польше. 25 октября в г. Бранденбурге Хиппель начинает формирование подразделения под кодовым названием «Строительная учебная рота для специальных применений 800». В ее состав первоначально входят четыре офицера (Хиппель, Граберт, Йоханнес, Херцнер) и около ста лучших боевиков из расформированных отрядов «Эббингауз». Местом постоянной дислокации роты становятся бывшие казармы рейхсвера в Бранденбурге. Впоследствии это подразделение будет более известно под названием «Бранденбург-800».

Поскольку рота формировалась исключительно из добровольцев, которым предстояло выполнять особые задачи, то к ним предъявлялись и особые требования. Они должны были иметь великолепную физическую форму и приличную военную подготовку, интеллектуальный уровень выше среднего, знать иностранные языки, обычаи и нравы тех стран, в которых им предстояло действовать, быть изобретательными и уметь приспосабливаться к любым условиям. Особо приветствовалось наличие актерских способностей. Хиппель говорил:

«Вы не будете регулярными солдатами. Мне солдат не нужно. Солдат у фюрера хватает. Вы станете особой частью абвера, его руками, его пальцами. Мне наплевать, если ваш внешний вид не будет безупречным, но горе тому, кто не сумеет как положено носить чужую форму, какую угодно…»[89]

Но одного только переодевания в форму противника было недостаточно, диверсанты должны были выглядеть и вести себя как настоящие бельгийцы, французы или русские. Такие качества прежде всего встречались у этнических немцев, недавно вернувшихся в Германию из Европы, Африки и Южной Америки.

В октябре – ноябре в абвере происходила интенсивная работа по формированию, обучению и боевому слаживанию «военных строителей». Параллельно интендантские службы вермахта и агенты абвера за границей приступают к поставкам комплектов обмундирования военнослужащих британской, датской,

бельгийской, голландской, норвежской, французской армий. 15 декабря рота спецназа, достигшая численности 320 человек, разворачивается в Строительно-учебный батальон для специальных применений «Бранденбург-800». Командиром батальона назначается Хиппель.

В 1940 г. структура батальона выглядела следующим образом. Штабная (учебная) рота представляла собой разведывательно-диверсионный учебный центр. Рота насчитывала до 500 человек личного состава (преподавателей и слушателей) и была разделена на группы: английскую, арабскую, русскую, французскую, африканскую и др. – в зависимости от языковой подготовки агентов. 1-я (Балтийская) рота комплектовалась фольксдойче из Эстонии, Латвии, Финляндии, Украины и России. Все ее бойцы владели русским языком. В состав 2-й роты входили немцы, владеющие французским, английским, португальским и некоторыми африканскими языками. Основной костяк 3-й (Юго-Восточной) роты составляли судетские немцы. В 4-й роте служили немцы, ранее проживавшие в Польше. Также в состав батальона входили: рота парашютистов, взвод мотоциклистов, Северный и Западный взводы.

Поскольку диверсанты использовали для своих целей военную форму противника, перед ними остро стоял вопрос выживания – в случае захвата они в соответствии с международными конвенциями могли быть расстреляны на месте без суда. Для обхода положений международного военного права была придумана следующая уловка. Неприятельская форма одежды в теории должна была применяться исключительно для просачивания (инфильтрации) в тыл противника и подхода к объектам без боя, а также для возвращения (эксфильтрации) после выполнения задания. При боевом столкновении с противником диверсантам следовало, перед тем как открыть огонь, сбросить гражданскую одежду или форму противника и вести бой в форме немецких солдат. Однако на практике это правило применялось далеко не всегда. Подобные боевые действия вне законов и обычаев войны осуществлялись и противниками Германии.

В первостепенную задачу абвера входила подготовка бранденбуржцев к проведению специальных операций. Для этого нужно было соответственно оснастить их и обучить приемам ведения тайной войны, а также взаимодействию с тайными агентами, работающими в странах противника. Специфика подготовки целиком и полностью зависела от того круга задач, которые возлагались на диверсантов. В круг задач входили захват или уничтожение в тылу противника ключевых узлов

коммуникаций (плотины, тоннели, мосты, железнодорожные станции), пунктов управления войсками (штабы, радиостанции, узлы связи), объектов тыловой инфраструктуры (склады боеприпасов, горюче-смазочных материалов, продовольствия и т. д.). Бранденбуржцы должны были уметь создавать во вражеском тылу повстанческие отряды из числа лиц, сочувствующих политике Германии. Кроме того, им надлежало подрывать моральный дух войск и населения противника, уметь организовывать саботаж среди гражданского населения, привлекаемого властями к работам военного характера. Ну и, естественно, вести агентурную, визуальную и силовую разведку в интересах своих войск.

В распоряжении отдела абвер-II находилось несколько учебных центров, в которых будущие диверсанты проходили боевую подготовку: в Бад-Шпандау, на Эльбе, на озере Химзее, в Верхней Баварии, в пригороде Берлина – Тегеле. Основной учебный лагерь бранденбуржцев, названный «Опытное поле», организовали весной 1940 г. в местечке Квенцтуг на озере Квинцзее близ Бранденбурга. В дальнейшем система подготовки боевиков была усовершенствована настолько, что адмирал Канарис приказал каждому полевому офицеру военной разведки пройти обязательный курс обучения в нем.

Главными дисциплинами в лагере были инженерно-подрывное дело и тактика индивидуальных действий. На саперно-техническом полигоне смонтировали части различных объектов: зданий, железобетонных и стальных мостов, участков шоссе и железной дороги со стрелками, переездами и т. п. Диверсанты изучали в теории и на практике методы незаметного подхода к объекту, бесшумного снятия постов и установки взрывных устройств. На стрельбище кроме стрельбы из всех видов стрелкового оружия европейских стран боевики практиковались в стрельбе из пистолетов (РР, РРК, Р-38) с глушителями.

Из доступных в тылу противника подручных материалов диверсанты учились изготавливать взрывчатые вещества. Затем с помощью самостоятельно изготовленной взрывчатки они должны были вывести из строя указанный объект. В технической лаборатории абвера в Тегеле диверсанты отрабатывали навыки обращения с взрывчатыми веществами, взрывателями и контейнерами для их скрытой доставки. Взрывчатка маскировалась в чемоданах, канистрах, портфелях, термосах, консервных банках. В качестве миниатюрных взрывателей использовались авторучки, зажигалки, часы. Уникальные взрыватели замедленного действия имели срок подрыва до сорока суток.

Особый характер этой части «Бранденбург-800» придавало то, что в ее действиях решение военных задач сочеталось с методами секретных служб. Поэтому диверсанты изучали в теории и на практике все известные криминалистике методы шантажа, похищения и ликвидации людей. Они практиковались в способах взлома квартир и сейфов, изготовлении поддельных документов, печатей и т. п. И здесь важная роль в их подготовке принадлежала как специальной лаборатории, так и тому, что благодаря разветвленной системе контактов с фольксдойче абвер имел возможность получать оригинальные документы по всему миру. Естественно, что немецкие агенты-нелегалы имели большие возможности, чем полевые агенты-боевики.

Бойцы батальона «Бранденбург-800» недолго оставались без работы. Боевая подготовка все чаще перемежалась с боевой практикой. 1 апреля 1940 г. Канарис проводит секретный инструктаж сотрудников абвера в связи с предстоящим вторжением вермахта в Данию и Норвегию (операция «Учение на Везере»). 5 апреля абвер-II срывает попытку британских спецслужб совершить диверсию у Железных Ворот, которая могла повлечь за собой прекращение судоходного сообщения по Дунаю и прервать снабжение вермахта нефтью из Румынии.

8—9 апреля во главе группы из четырех агентов абвера майор Клюг на рыбацком боте нелегально проникает на территорию Дании и перерезает линии телефонной связи между Гесером и Нюкебингом. В ночь на 9 апреля диверсионно-штурмовое спецподразделение абвера захватывает вокзал Тинглев. С севера земли Шлезвиг-Гольштейн небольшие группы диверсантов просачиваются непосредственно на территорию Дании, перерезают автомагистрали и захватывают стратегический же лез но дорожный мост под Падборгом. 1-й взвод бранденбуржцев в форме солдат датской армии захватывает и удерживает мост через реку Бельт.

Разведывательно-диверсионные акции абвера предваряют также вторжение вермахта в Норвегию. С борта стоящего на рейде Осло немецкого парохода «Видар» обер-лейтенант Кемпф корректирует по рации прохождение германских военных судов во фьорд Осло, регулярно информируя руководство в Гамбурге о ходе выполнения боевого задания. Бойцы «Бранденбург-800» совместно с бойцами КО «Норвегия» в ходе коротких боев захватывают военно-стратегические объекты в пограничной зоне. В мае истребительный отряд, сформированный из бойцов батальона в составе ста человек, в форме солдат норвежской армии проводит рейд на севере страны в поисках уцелевших отрядов противника.

2 мая 1940 г. диверсанты приступают к разведке боем на французской, бельгийской, люксембургской и голландской границах в рамках операции «Утренняя заря». 5–8 мая с помощью туристического агентства «Сила через радость» бранденбуржцы проводят скрытое фотографирование пограничных фортификационных укреплений Люксембурга и Бельгии.

9—10 мая в ходе операции «Маастрихт» переодетые в форму голландских военнослужащих бойцы 3-й роты батальона «Бранденбург-800» приступают к захвату стратегически важных мостов и переправ на бельгийско-голландской границе. Задействованное в операции подразделение «Бранденбург-800» усилено отрядом особого назначения абвера из Верхней Силезии (всего около 1000 человек) и бойцами сформированного агентом Ю. Хердтманом КО «Нидерланды» – 200 человек. Диверсанты захватывают Шельдский тоннель под Антверпеном, действуют в тылу британской, бельгийской и французской армий под видом беженцев. Оружие и взрывчатка спрятаны под матрацами в детских колясках и в грузовиках с «захваченными из дома вещами». Группы захвата продвигаются к резиденции королевы в Гааге, блокируют министерства и армейские штаб-квартиры. Мобильные группы диверсантов на мотоциклах перерезают линии телефонной связи, захватывают стратегические объекты (телеграфы, мосты, электростанции), обеспечивая прорыв вермахта к Маасу и через Арденны.

10 мая диверсанты «Бранденбург-800» и десантники вермахта захватывают форт Эбен Эмаэль под Льежем и мосты через реку Шельда. Переодетые во французскую военную форму диверсанты осуществляют серию взрывов и поджогов в Абвиле, Реймсе, Париже и Дувре. В Бельгии они захватывают и подрывают узел связи в Ставло. 4-я рота батальона «Бранденбург-800» захватывает мосты через канал Юлианы в Берге, Урмонде, Обихте и Штайне вблизи города Ситтард. Бойцы 2-й роты, замаскировавшись под колонну военнопленных, захватывают автодорожный мост под Геннепом, и в это же время переодевшиеся в форму путевых обходчиков штурмовые группы абвера блокируют железнодорожный мост и занимают город Рурмонд. При поддержке переодетых в голландскую униформу бойцов КО «Нидерланды» спецподразделения ди версантов удерживают переправы до подхода танковой дивизии вермахта. Однако бойцам 3-й роты батальона «Бранденбург-800» в форме голландской полиции не удается захватить речные переправы – голландские саперы взрывают мосты через реку Маас в районе Маастрихта.

14 мая 1940 г. для проверки информации о намерениях

бельгийских властей взорвать горнорудные предприятия в случае вторжения вермахта разведгруппа бранденбуржцев из трех человек забрасывается в район г. Шарлеруа.

25 мая в результате дерзкой спецоперации взвод диверсантов захватывает автодорожный мост под Ньюпортом и удерживает его до подхода передовых моторизованных частей вермахта.

19 июня 1-й взвод 1-й роты батальона «Бранденбург-800» захватывает и разминирует подготовленные французскими саперами к уничтожению нефтяные скважины Пехельброна в Верхнем Эльзасе.

1 августа по плану операции «Морской лев» (захват Великобритании) приступает к тренировкам особо выделенное подразделение «Бранденбурга-800».

15 августа в Берлине создается главный штаб «Бранденбург-800», в непосредственное подчинение к которому переходят все до сих пор самостоятельные спецподразделения вермахта.

30 августа на совещании в Берлине адмирал Канарис докладывает в оперативном управлении Верховного главнокомандования Вооруженными силами о необходимости усиления контингента немецких войск в нефтеносных районах Румынии (гарнизон в Русе-на-Дунае – 150 солдат, гарнизон в Бухаресте и Плоешти – 150 солдат, 6 бронекатеров и 2 моторные лодки на Дунае, вооруженные группы сопровождения на всех румынских танкерах).

12 октября 1940 г. батальон «Бранденбург-800» реорганизовывают в полк под новым названием – «Строительный учебный полк для специальных применений „Бранденбург-800“». В дальнейшем это наиболее известное разведывательно-диверсионное подразделение Третьего рейха получает в абвере неофициальный статус «домашнего войска Канариса».

Командиром полка (вначале 3, затем 5 батальонов) назначается полковник Х. фон Ланценауэр, местом постоянной дислокации штаба полка становится Берлин. 1-й батальон (1, 2, 3-я роты и 4-я парашютная рота) – место постоянной дислокации штаба г. Бранденбург. 2-й батальон (5, 6, 7, 8-я роты) – место постоянной дислокации штаба г. Баден (Австрия). 3-й батальон (9, 10, 11, 12-я роты) – место постоянной дислокации штаба г. Дюрен. 4-й батальон (13, 14, 15, 16-я роты) – место постоянной дислокации штаба г. Гамбург, затем – г. Бранденбург. 5-й батальон (17, 18, 19-я роты) – место постоянной дислокации штаба местечко Регенвурм близ г. Мезеритц. Численность каждого батальона составляла около тысячи человек. В полку имелся учебный батальон, учебный лагерь (лагерь «А») и рота

связи. В 1-й роте были собраны только фольксдойче, и она использовалась не только как боевая единица, но и в качестве резерва агентуры абвера за границей.

Как и ранее, главная задача диверсантов заключалась в том, чтобы добиться эффекта внезапности, который должен был обеспечить идущим за ними полевым войскам вермахта условия для стремительного броска механизированных соединений вглубь вражеской территории. Поскольку роты полка специального назначения были оснащены только легким стрелковым оружием, они не были пригодны для ведения боевых действий в течение длительного времени против превосходящих сил противника. В этих условиях уровень боевой и специальной подготовки бранденбуржцев становился определяющим для эффективного выполнения поставленной задачи и собственного выживания. Поэтому обучение длилось около девяти месяцев с учетом того, что будущие диверсанты в достаточной степени владели какой-либо воинской специальностью. В процессе выполнения задания и командир группы, и его заместитель могли погибнуть – в этом случае любой из бранденбуржцев мог заменить погибшего. Поскольку и у солдат, и у офицеров качество подготовки было одинаковым, каждый из бойцов обладал навыками практического руководства боевой диверсионной группой. До самого конца войны бранденбуржцы не испытывали дефицита в унтер-офицерском и младшем офицерском составе. Курс боевой и специальной подготовки отличался высокой интенсивностью, о чем свидетельствуют немногие сохранившиеся документы.

Перечень дисциплин, обязательных к изучению боевиками, был весьма впечатляющим. Физическая подготовка и рукопашный бой на основе джиу-джитсу, бокса и уже известного в Европе карате в его прикладной форме. Огневая подготовка включала разностороннее владение основными образцами стрелкового оружия противника, навыки снайперской стрельбы, использование бесшумного оружия. На занятиях по инженерной подготовке изучались основы фортификации, навыки минирования и разминирования, штатные взрывчатые вещества и взрывные устройства, изготовление самодельных взрывных устройств из подручных материалов. Тактика действий малых групп включала в себя ориентирование на местности, маскировку и скрытное передвижение в различных условиях, захват и оборону объектов, практику скоротечных огневых контактов. К специальной подготовке относились парашютно-десантная подготовка, вождение мотоциклов, легковых и грузовых автомобилей, бронетранспортеров, танков и паровозов. В некоторых случаях изучалось пилотирование самолетов.

Медицинская подготовка была обязательной для всех.

В разведшколе абвера и в Лаборатории технических исследований бранденбуржцы дополнительно изучали иностранные языки, радиоаппаратуру и фотодело, специальную шпионскую аппаратуру, способы подделки документов. Условия учений, на которых отрабатывалась тактика действий малых разведывательно-диверсионных групп в глубоком тылу противника, были максимально приближены к реальным, включая стрельбу боевыми патронами. В целях обеспечения секретности каждый боец имел две солдатские книжки. Одна предназначалась только для фронта и заполнялась на вымышленную фамилию, представляя собой штатный документ прикрытия, другая – подлинная – использовалась для внутреннего употребления. В качестве повседневной одежды в своем тылу и прифронтовой полосе бранденбуржцы носили форму егерей.

Не успев до конца завершить формирование, теперь уже полк «Бранденбург-800» приступает к выполнению новых заданий военной разведки. В конце 1940 г. 5-я рота 2-го батальона полка «Бранденбург-800», состоящая преимущественно из румынских фольксдойче, перебрасывается в Румынию для охраны нефтескважин в Плоешти, охраны судоходства по Дунаю и сопровождения грузовых транспортов и танкеров.

Отделение абвера в Гамбурге забрасывает двух радистов в Грецию для сбора развединформации и вербовки агентов-осведомителей среди местных жителей. Диверсионные группы абвера в Греции получают приказ Центра минировать все союзнические суда, заходящие в греческие порты.

В Танжере (Марокко) создаются филиалы абвера, опорные пункты и базы для агентов-диверсантов, действующих в Северо-Западной и Северной Африке. Абвер приступает к передислокации на Ближний Восток (Ливан, Сирия и Ирак) Арабской бригады особого назначения из состава полка «Бранденбург-800» для участия в боевых действиях против британских колониальных войск. В Анкаре (Турция) создается КО «Ближний Восток» для осуществления диверсионно-разведывательных операций на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Африке.

«Тропическая рота» 2-го батальона полка «Бранденбург-800» приступила к выполнению плана операции «Дора»: рекогносцировка пограничных областей Ливии и Французской Центральной Африки, проверка картографического материала и разведка обходных караванных путей, ведущих через пустыню к дельте Нила.

В январе 1941 г. отряд особого назначения полка «Бранденбург-800», ведущий бои в Эритрее, под давлением превосходящих сил британцев отступает в Абиссинию. Для подготовки вторжения в Грецию в пограничных районах Болгарии создаются оперативные штабы вермахта. Командир полка «Бранденбург-800» переводит свой командный пункт в Софию. Абвер-II формирует КО «Болгария».

3 февраля отделение абвера в Вене получает приказ сформировать спецподразделение диверсантов для осуществления операций на территории Югославии и Греции (план «Марита»).

1 марта София присоединяется к Антикоминтерновскому пакту. Вермахт вступает на территорию Болгарии.

22 марта Болгария дает разрешение на проход через свою территорию к греческой границе дислоцирующейся в Румынии 12-й армии вермахта. В рамках операции «Марита» на болгарскую армию возложена задача охраны мостов, железных дорог, аэродромов и электростанций на оккупированной территории Югославии и Греции.

К 25 марта разрабатывается план «Специальные операции на Ближнем Востоке», предусматривающий создание агентурной сети в Турции, Египте, Сирии и Ираке, инспирирование антибританских восстаний в Палестине, Трансиордании и Ираке (Германия снабжает оружием и боеприпасами иорданских и палестинских партизан, а Япония – иракских повстанцев).

27 марта Верховное главнокомандование Вооруженными силами издает «Директиву № 25» – вторжение в Югославию. Три самолета-разведчика «эскадрильи Ровеля» ежедневно вылетают с аэродрома в Винер-Нойштадте для фотографирования стратегических объектов на территории Югославии.

28 марта отделение абвера в Будапеште организует нелегальный канал доставки оружия через венгерско-югославскую границу «пятой колонне» в Югославии. Командование полка «Бранденбург-800» начинает заброску подразделений на территорию Греции и Югославии. 2-й батальон «Бранденбурга-800» передислоцируется из Баден-Унтервальтерсдорфа под Веной в Плоешти (Румыния).

Главная цель диверсионно-террористических операций абвера в арабском регионе заключается в поддержке антибританского партизанского движения на Ближнем Востоке и Передней Азии и связывании, таким образом, английских колониальных войск. В верхах считают, что только так можно ослабить мощь ожидаемого в Ливии контрнаступления британцев. Абвер-II разрабатывает операцию «Салам» – высадку

парашютного десанта в тылу британских войск в Египте.

В лагерях британских военнопленных агенты абвера вербуют свыше ста ирландцев «для выполнения специальных заданий, лежащих в сфере немецких и ирландских интересов». В разведшколе абвера под Фризаком ирландцы проходят ускоренный курс спецподготовки.

2 апреля 1941 г. с помощью сотрудников абвера бывший премьер-министр Ирака Рашид Али-аль-Гайлани поднимает антибританское восстание и провозглашает себя главой правительства «национальной обороны».

3 апреля на борту океанского лайнера в Южную Африку отправлена группа агентов-диверсантов из абвера-II. Перед командиром группы африканером Р. Лайбрандтом поставлена боевая задача осуществить акции террора и диверсии на железнодорожных линиях Дурбан – Йоханнесбург – Капштадт (операция «Боярышник»).

Три подразделения бойцов группы «Б» абвера-II нелегально пересекают болгаро-греческую границу, устраивают пожары на промышленных объектах, повреждают кабели телеграфной и телефонной связи в пограничной полосе.

5 апреля диверсанты начинают операцию «Марита».

5—6 апреля в ходе молниеносной атаки 2-й батальон полка «Бранденбург-800» захватил Железные Ворота в теснине долины реки Дунай на румыно-югославской границе.

6 апреля боевая группа лидера «пятой колонны» Югославии агента абвера-II З. Янко усиливает просочившийся через венгерскую границу отряд особого назначения «Юпитер». Диверсанты захватывают переправы через реку Драва и военный аэродром в Землине, перерезают дороги, устраивают заграждения на шоссе, нарушают линии связи.

В составе танковой группы 12-й армии вермахта коммандос фронтовой разведки «Бранденбург-800» отделения абвера в Вене вторгаются на территорию Югославии. Перед диверсионно-разведывательной группой абвера поставлена задача захвата архивов югославских спецслужб. На Дунае бранденбуржцы отбивают у югославов баржу с секретными архивами, планами фортификационных сооружений, схемами противотанковых заграждений, сведениями о грузоподъемности мостов и т. п.

Одна из рот полка «Бранденбург-800» захватывает мост через реку Вардар в Северной Греции и удерживает его до подхода авангарда прорывающихся к Салоникам танковых дивизий вермахта.

Во время штурма Массауа (Эритрея) спецподразделение «Бранденбурга-800» затапливает в порту на Красном море

конфискованное британцами итальянское грузовое судно с военным снаряжением и боеприпасами.

21—27 апреля 2-й батальон полка «Бранденбург-800» высаживается на острове Эвиа в заливе Волос (Греция) в тылу британских войск, вынуждая их к отступлению через Фермопильский проход. После завершения операции 2-й батальон принимает участие в боях за Коринфский канал и первым входит в Афины. Отряд особого назначения «Гамбург» проникает в Афины и с помощью агента в Морском министерстве похищает важные для дальнейшего ведения войны совершенно секретные документы.

11 мая командование перебрасывает половину личного состава Арабской бригады полка «Бранденбург-800» в Ирак для проведения антибританских диверсионных операций. Диверсанты взрывают 2 канонерские лодки и захватывают около пятидесяти кораблей обеспечения.

20 мая начинается операция «Меркурий» (захват Крита). Усиленная рота 2-го батальона полка «Бранденбург-800» выбрасывается на парашютах над Критом в районе аэропорта Малеме под Канией. Бранденбуржцам не удалось выполнить поставленную боевую задачу: прорваться к бухте Суда и захватить предназначенные для эвакуации британской армии военно-транспортные суда.

22 мая в Ираке Арабская бригада особого назначения вступает в бой с британским Арабским легионом на Великом караванном пути из Дамаска в Рутбу.

25 мая Верховное командование издает «Директиву № 30», согласно которой переброска экспедиционных войск в зону британо-иракского вооруженного конфликта (Ирак) откладывается на неопределенное время в связи с подготовкой к кампании на Востоке. Оно же информирует Генштаб финской армии о сроках нападения Германии на СССР. В долине реки Тигр попадают в засаду подразделения регулярной британской армии. Бойцы Арабской бригады уничтожают около ста солдат и офицеров противника. Попытка гауптмана Бергера заманить в аналогичную ловушку бойцов британского Арабского легиона терпит неудачу.

И это далеко не полный список операций разведчиков особого назначения, о их деятельности против нашей страны будет рассказано далее.

Мы специально уделили в этой главе столько внимания обзору политических, военных и специальных структур, созданных в Германии после 1933 г., будучи убеждены, что все они являлись частями единой системы обеспечения безопасности

государства, правящей партии и ее тогдашних лидеров. Как известно из истории, идея расового превосходства появилась задолго до рождения Гитлера, который в итоге на ней и погорел. На рубеже XX–XXI вв. идея мирового господства овладела умами политической элиты «самого демократического» государства. При внешней несхожести политического устройства США и Третьего рейха в их системах безопасности и реальных действиях все же имеется много общего.

Глава 4
Юноша принимает бой

Падение Временного правительства в октябре 1917 г. было обусловлено его неспособностью обеспечить собственную безопасность, а также решить стратегические задачи. Желание быть «хорошим» для всех, боязнь ответственности, политика полумер, откладывание решения основных политических вопросов до Учредительного собрания[90] – вот основные причины его краха. Сам министр-председатель А. Ф. Керенский, скорее всего, не понимал причин поражения и считал, что у него есть все шансы вернуть власть. Но он сильно ошибался.

Поздним вечером 26 октября (8 ноября) 1917 г. он приехал в Псков, где размещался штаб Северного фронта, и выяснил, что командующий фронтом генерал В. А. Черемисов отменил приказ Ставки по переброске надежных войск в столицу. В Пскове Керенский встретил командира 3-го конного корпуса генерала П. Н. Краснова, назначил его командующим армией и приказал выступать на Петроград. 26 октября «армия» в составе 700 казаков при 16 орудиях двинулась в сторону Гатчины. Керенский, возомнивший себя спасителем Отечества, совершенно не понимал обстановки. Большинство офицеров корпуса считали премьер-министра предателем дела генерала Л. Г. Корнилова и виновником гибели генерала А. М. Крымова. Некоторые офицеры не подавали Керенскому руки, мотивируя это своей верностью Корнилову. Во время движения к столице отряду стало известно об аресте Временного правительства.

27 октября (9 ноября) казаки Краснова без выстрела заняли Гатчину, где к ним присоединились юнкера школы прапорщиков. Из Петрограда были получены сведения о том, что сторонники Временного правительства создали Комитет спасения родины и революции и втайне готовятся к сражению. 28 октября (10 ноября) около 500 казаков после короткого боя заняли Царское Село с гарнизоном в 16 000 штыков. На помощь Краснову подошли несколько отрядов общей численностью до 500 штыков и сабель и бронепоезд, а в гарнизоне Петрограда было около 200 000 человек.

29 октября (11 ноября) начались первые бои между сторонниками и противниками Временного правительства. В столице с оружием выступили юнкера по главе с Г. П. Полковниковым и А. А. Краковецким. В Москве шли упорные уличные бои между верными Временному правительству

войсками и их противниками из числа анархистов, большевиков и эсеров.

30 октября (12 ноября) моральный дух казаков Краснова, не получивших подкреплений, стал падать. Приехавший к Краснову Б. В. Савинков предложил генералу арестовать Керенского и самому возглавить поход на Петроград, но Краснов отказался. Митинги переходили в переговоры между матросами и казаками, на них вполне серьезно обсуждался вопрос об обмене Керенского на Ленина. Вскоре к переговорам о мирном разрешении ситуации подключились Краснов и прибывшие из столицы П. Е. Дыбенко и Л. Д. Троцкий. 1 (14) ноября Керенского, переодетого матросом, вывели из дворца, вывезли на автомобиле за город и укрыли в доме лесника. Бывший премьер-министр перешел на нелегальное положение. Первая специальная операция советского правительства по разложению войск наступающего противника была успешно завершена. Затем она войдет во все учебники.

К тому времени в Новочеркасске (столице Войска Донского) войсковой круг и правительство Дона во главе с атаманом Войска Донского генералом А. М. Калединым и его помощником М. П. Богаевским объявили о непризнании большевистского правительства. Они захватили власть и ввели военное положение. В такой ситуации по окончании уличных боев в Петрограде и Москве (соответственно 1 и 2 ноября) репрессировать популярного казачьего генерала было рискованно: 3 (16) ноября П. Н. Краснова и его казаков отпустили на Дон. Постепенно туда стали прибывать противники большевиков со всех концов России.

Во второй половине ноября в Новочеркасск приехал и Керенский. Генерал Л. Н. Потоцкий впоследствии на допросе в ВЧК (Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем) показал, что когда М. П. Богаевский доложил Каледину о приезде Керенского, то тот приказал его выгнать. После этого никакой поддержки в Белом движении Керенский найти уже не смог. 2 (15) января 1918 г. он нелегально прибыл в Петроград, надеясь пройти в Таврический дворец с помощью эсеров и принять участие в работе предстоящего Учредительного собрания, но ему отказали. В июне 1918 г. под видом сербского офицера Керенский приехал в Мурманск и, теперь уже навсегда, покинул Россию на английском тральщике.

К тому времени большевики и их противники уже начинали вести первые кровопролитные бои Гражданской войны. К ее началу ни у красных, ни у белых не было «классических» регулярных армий, и те и другие создавали свои вооруженные силы из добровольцев. Основные силы белых были разрознены и

во многом деморализованы Первой мировой войной – войной за чужие интересы, многочисленными фактами предательства, бездарностью, политической тупостью высшего командования и представителей правящего сословия. А красные еще не располагали объединенными регулярными частями, имевшиеся части зачастую больше митинговали, чем активно действовали. Общий развал и гнетущая атмосфера безвременья довлели над страной и создавали условия для деятельности сильных личностей.

Основой формирования новых вооруженных сил стали части и подразделения императорской армии, причем это касается обеих сторон. Хроника событий Гражданской войны известна. Они достаточно подробно описаны как очевидцами, так и историками более поздних времен. Мы ограничимся лишь некоторыми аспектами, относящимися к становлению военно-специальных институтов Советской России. Формирование этих институтов происходило в период острейших коллизий. Революционеры и контрреволюционеры, монархисты и республиканцы, сторонники союза с Германией и ее противники, возлагающие надежду на Антанту, и националисты всех мастей активно противоборствовали, иногда образуя весьма причудливые тактические союзы. Даже внутри большинства политических партий существовали разногласия по вопросам войны и мира.

Смена политической власти в России привела к кардинальным изменениям в концептуальном подходе, к ведению вооруженной борьбы в условиях не просто военного, а общественного противостояния. В отличие от Российской империи в России советской партизанским и диверсионным действиям в тылу противника стало уделяться самое пристальное внимание. Как показала практика, к ведению Гражданской войны с применением специальных методов лидеры РСДРП (б) оказались подготовлены лучше своих внутренних и внешних противников. Развитие теории и практики специальных операций – собственно партизанство, диверсии, специальная пропаганда – характеризовалось наличием двух подходов: в первую очередь классово-политического и только затем военно-профессионального.

В официальной советской историографии ведущая роль в борьбе с контрреволюцией отводилась Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) при Совете народных комиссаров (СНК). И это во многом соответствует действительности. Однако опубликованные на Западе документы с большой долей вероятности позволяют

считать, что первой секретной службой, действовавшей в интересах Совнаркома, было Разведывательное отделение (*Nachrichten Buro*) германского Генерального штаба, начавшее конспиративную работу в Петрограде в октябре 1917 г. Особо подчеркнем: действовавшей в интересах СНК, а не созданной и структурно оформленной в качестве советской специальной службы.

В подтверждение этой точки зрения мы можем сослаться на сборник «Немецко-большевистская конспирация», изданный в октябре 1918 г. в Вашингтоне. В нашей стране сведения о советско-немецком сотрудничестве в политической, военной и военно-специальных областях в период 1917–1941 гг. были засекречены. После 1991 г. многие из ранее закрытых документов публиковались и в отечественных изданиях. Возможно, со временем большая часть архивных документов будет рассекречена. По нашему мнению, рассмотрение вопроса о сотрудничестве специальных служб и политических структур различных стран требует поистине холодной головы, жесткой прагматичности и беспристрастности. Рассекречивание документов поможет будущим исследователям убедиться в здравом подходе тогдашних политических вождей к вопросу удержания власти и умении использовать все возможное, а порой, казалось бы, невозможное для решения глобальных геополитических и военных вопросов…

Сразу после Октябрьского переворота в Совет народных комиссаров поступило следующее обращение:

«Правительству народных комиссаров. Согласно происшедших в Кронштадте в июле текущего года соглашений между чинами нашего Генерального штаба и вождями русской революционной армии и демократии г.г. Лениным, Троцким, Раскольниковым, Дыбенко, действовавшее в Финляндии Русское отделение нашего Генерального штаба командирует в Петроград офицеров для учреждения Разведочного отделения штаба. Во главе Петроградского отделения будут находиться следующие офицеры, в совершенстве владеющие русским языком и знакомые с русскими условиями:

Майор Любертц, шифрованная подпись Агасфер.

Майор фон Бельке, шифрованная подпись Шотт.

Майор Байермейстер, шифрованная подпись Бэр.

Лейтенант Гартвиг, шифрованная подпись Генрих.

Разведочное отделение, согласно договора с г.г. Лениным, Троцким и Зиновьевым, будет иметь наблюдение за иностранными миссиями и военными делегациями и за контрреволюционным движением, а также будет выполнять

разведочную и контрразведочную работу на внутренних фронтах, для чего в различные города будут командированы агенты. <…>

Начальник Русского отдела германского Генерального штаба: О. Рауш. Адъютант Ю. Вольф».[91]

Важно отметить, что договоренность была достигнута и оформлена еще в июле (!) 1917 г., более чем за три месяца до октябрьских событий. Направление группы специально отобранных и с немецкой пунктуальностью расписанных по направлениям деятельности сотрудников может служить дополнительным подтверждением работы, которую большевики заблаговременно проводили и которую активизировали после Февральской революции.

Руководители кайзеровской Германии и только что сформированного советского правительства, безусловно, нуждались друг в друге. Германии нужны были дивизии с Восточного фронта и продовольствие, новому российскому правительству – власть в стране и помощь в скорейшем построении специальных институтов государства. Чтобы не допустить реставрации Временного правительства, В. И. Ленин и его сторонники шли на тактическое сотрудничество в собственных интересах с любой реальной силой, даже если это была империалистическая держава. Отметим, что союз большевиков с буржуазным правительством Германии являлся именно тактическим. У нас нет сомнений, что и германский Генеральный штаб оказывал поддержку СНК, исходя из тактических соображений, обусловленных множеством проблем ведения войны на два фронта и сильнейшими потрясениями во всех сферах общественной жизни Германии. Лучшие специалисты германского Генерального штаба отговаривали кайзера от ведения войны на два фронта, прекрасно осознавая гибельность этой утопичной доктрины для германского государства. Так что каждая сторона имела свои четко определенные цели.

Впоследствии проигравшие в 1917 г. члены Временного правительства, а также лидеры Белого движения и политических партий, оказавшиеся в эмиграции, неустанно обвиняли большевиков в беспринципности и в том числе в сотрудничестве с Германией. После того как РСДРП (б) возглавил И. В. Сталин, его тоже обвинили в беспринципности, причем первыми это сделали бывшие (также проигравшие) вожди Октябрьского переворота. Мы считаем, что в период Гражданской войны политической принципиальностью и общечеловеческой моралью мало кто руководствовался, впрочем, как и в любое другое время. Монархисты, эсеры, анархисты, кадеты, националисты – представители всех политических сил России и военно-

политическое руководство стран Антанты – были не менее беспринципны при достижении своих целей, чем большевики. В этом смысле обвинять руководство РСДРП (б) во всех смертных грехах мы считаем неверным. Все были хороши, но в итоге именно большевики благодаря своей целеустремленности, прагматичной жесткости, которая часто граничила с жестокостью, и лучшей организации системы подавления и управления одержали победу в той невообразимой мясорубке.

В ноябре 1917 г. одной из главных задач новой власти являлось строительство государственного аппарата, который должен был соответствовать изменившейся государственной доктрине. Старая система государственного управления подлежала серьезной реорганизации, которая предусматривала ликвидацию отдельных структур с заменой их на структуры новой формации. Ситуация в Петрограде была сложной: в столице находились тысячи вооруженных уголовных преступников, выпущенных на свободу Временным правительством, – их тогда называли «птенцами Керенского». 17 (30) ноября народным комиссаром внутренних дел вместо А. И. Рыкова был назначен Г. И. Петровский. В состав первой коллегии Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) вошли Ф. Э. Дзержинский, М. И. Лацис, М. С. Урицкий, И. С. Уншлихт. Все эти люди впоследствии в большей или меньшей степени будут иметь самое прямое отношение к организации операций в рамках «малой войны».

В декабре Петроградский комитет по борьбе с погромами, грабежами, контрреволюцией, преступностью и саботажем возглавил В. Д. Бонч-Бруевич. Во время Октябрьского переворота он организовал охрану Смольного института и был комендантом района, в который входили Таврический дворец и Смольный. 27 октября (9 ноября) его назначили помощником начальника штаба Петроградского военно-революционного комитета. 28 октября (10 ноября) он организовал прибытие артиллерии под Пулково, что обеспечило победу над отрядом Керенского – Краснова. В ноябре 1917 г.

В. Д. Бонч-Бруевич стал управляющим делами СНК, а в декабре лично участвовал в операциях по пресечению пьяных погромов и подавлению очагов сопротивления советской власти.

У нас немногие знают, что операции по наведению в Петрограде элементарного порядка осуществляли и специально созданные совместные российско-германские военные комендатуры. Мы предполагаем, что политически эту работу могли курировать Н. И. Подвойский, Н. П. Горбунов и В. Д. Бонч-Бруевич, а по военной линии – брат последнего М. Д. Бонч-

Бруевич, генерал-майор Генерального штаба и человек, не чуждый разведывательной и контрразведывательной деятельности. С немецкой стороны комендатуры через Разведывательное отделение подчинялись Генеральному штабу Германии.

Главное управление Генерального штаба императорской армии вошло в состав вновь созданного Народного комиссариата по военным делам практически без изменений. Возможно, что такому решению нового руководства страны способствовал переход на сторону советской власти многих офицеров корпуса Генерального штаба. Генерал-лейтенант Н. М. Потапов сотрудничал с военной организацией при Петроградском комитете РСДРП (б) с лета 1917 г. Впоследствии в Красной армии оказались около 650 офицеров-генштабистов, из них 250 генералов, что составляло примерно половину всех продолживших службу после октября 1917 г. В белых частях служили около 750 офицеров Генштаба. Так что силы разделились примерно поровну. Среди генштабистов, перешедших на сторону новой власти, достаточно вспомнить А. А. Игнатьева, В. Н. Клембовского, А. А. Самойло, А. А. Свечина, Б. М. Шапошникова, принявших в дальнейшем активное участие в военном строительстве в СССР. Перешедшие на сторону советской власти офицеры Генерального штаба в большинстве своем окончили Николаевскую военную академию Генерального штаба по 1-му разряду. В их числе были и сотрудники военной разведки царской армии. Центральный орган военной разведки и контрразведки – Отдел 2-го генерал-квартирмейстера (Огенкварт) Главного управления Генштаба работал до мая 1918 г. Однако многие военные атташе, находившиеся за границей, отказались сотрудничать с новой властью, передали свои источники информации представителям специальных служб стран Антанты.

Руководители советского правительства понимали, что в борьбе с противниками новой власти нельзя рассчитывать только на специалистов из служб Российской империи или иностранных консультантов из числа «классово чуждых элементов». 7 (20) декабря 1917 г. была образована ВЧК – первая общегосударственная специальная военно-политическая структура советской власти. Ее задачей являлась борьба с контрреволюцией, саботажем, спекуляцией и должностными преступлениями. Руководителем комиссии был назначен Ф. Э. Дзержинский, имевший большой опыт конспиративной работы, в том числе по обеспечению безопасности РСДРП (б) и борьбе с агентурой Департамента полиции. Заместителем председателя стал В. А. Александрович (П. А. Дмитриевский) – член ЦК партии

левых эсеров, также имевший опыт работы по военно-конспиративной линии. Таким образом, сложилась ситуация, при которой первые руководители ВЧК работали в условиях двойной системы подчиненности: формально-административной – Совнаркому, а неформально-политической – ЦК своих партий.

Основные методы работы ВЧК в начальный период деятельности – проведение обысков и облав, организация засад. Информация, на основании которой проводились оперативные мероприятия, поступала от граждан или получалась в ходе допросов арестованных лиц. Агентурная работа практически не велась, но для этого имелись объективные причины. У ВЧК еще не было достаточного количества собственной агентуры, а использовать кадры Департамента полиции в полном объеме (из числа тех, кто был готов к сотрудничеству) новая власть не желала в силу идеологических установок и огромного количества преднамеренных ложных сигналов. Большинство революционеров с крайним неодобрением относились к агентурной работе, которую они со времен подполья именовали провокацией. Квалифицированных сотрудников наружного наблюдения в распоряжении чекистов также практически не имелось. В этих условиях руководство ВЧК было вынуждено использовать возможности профессиональных специалистов Генерального штаба Германии.

Одно из направлений этого сотрудничества связано с изучением обстановки в Финляндии. 14 (27) декабря 1917 г. Ф. Залкинд обращается к майору фон Бельке:

«Многоуважаемый товарищ. Довожу до вашего сведения, что наши финские товарищи Рахья, Пукко и Энрот сообщили комиссару по борьбе с контрреволюцией о следующих фактах.

1. Между английскими офицерами и финскими буржуазными организациями завязаны тревожащие нас связи.

2. В Финляндии установлены две радиостанции, которыми пользуются неизвестные лица, сообщающиеся шифром. <…>

Эти показания следует точно установить. Наши агенты бессильны».[92]

Отметим, что финляндская буржуазия еще задолго до 1917 г. начала подготовку своих вооруженных сил. Воспользовавшись привилегией, освобождавшей финских граждан от воинской повинности, буржуазия направляла свою молодежь для обучения военному делу в Германию. В конце 1915 г. локштадские егеря воевали против русских войск в районе г. Риги. После Февральской революции в России финская буржуазия начинает переговоры с представителями немецкого военного командования о помощи со стороны Германии. Предусматривается

необходимость высадки немецких войск, обсуждаются вопросы о численности десанта, пункте его высадки и местах дислокации. Одновременно по всей территории Финляндии создаются отряды Белой гвардии, замаскированные под добровольные стрелковые общества для поддержания порядка, получившие название «шюцкор».[93] С середины 1917 г. начинается усиленный подвоз оружия и боеприпасов из Германии и Швеции. Планомерно проведенная организационная работа, точный учет всех сил и средств позволили К. Маннергейму в ходе гражданской войны в Финляндии поставить под ружье до 10 000 бойцов.

Конспиративное сотрудничество специальных служб Советской России и Германии продолжалось до капитуляции последней в Первой мировой войне и вновь было возобновлено во времена Веймарской республики. Однако подчеркнем еще раз: сотрудничество с «классово чуждыми» спецслужбами и правительствами иностранных государств имело серьезное тактическое значение, поскольку обусловливалось необходимостью обеспечения безопасности советского государства и лидеров правящей партии. Стратегические интересы первых советских руководителей лежали в другой области и выражались лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». «Искренность» правящих кругов кайзеровской Германии при сотрудничестве с революционным правительством Советской России также имела массу нюансов.

Октябрьский переворот 1917 г. не только ускорил процесс создания коммунистических партий в различных странах, но стал для них ярким, а самое главное – активным примером для подражания. Подавляющее большинство сторонников коммунистической идеологии в тот период искренне считали, что русская революция – это первый этап международной социалистической революции. Руководители и активисты партий коммунистической направленности признавали правомерность революционной войны и революционного насилия со стороны эксплуатируемых классов по отношению к политическим противникам. Подтверждение своим убеждениям вожди революционного движения находили в работах Ф. Энгельса, писавшего по этому поводу:

«Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков и пушек, то есть средств чрезвычайно авторитарных. И если победившая партия не хочет потерять плоды своих усилий, она должна удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее

оружие».[94]

Первая попытка захвата власти по российскому образцу произошла в Финляндии. 18 (31) декабря 1917 г. Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) утвердил декрет Совнаркома о признании независимости Финляндии, бывшей до этого частью Российской империи. 12 (25) января 1918 г. Сейм Финляндии принял законы о предоставлении правительству П. Э. Свинхувуда чрезвычайных полномочий и взятии на государственное содержание шюцкора. С 19 по 26 января отряды Белой гвардии взяли под контроль гг. Васа, Каухава и Сейняйоки и начали захват железной дороги Выборг – Сортавала – Йоэнсу. В г. Васа высадился 27-й финский егерский батальон (локштадские егеря, более 2000 человек), доставленный кораблями немецкого (!) военного флота.

27—28 января в Гельсингфорсе (ныне Хельсинки) произошло вооруженное восстание. Отряды финской Красной гвардии заняли правительственные учреждения и банки, в результате правительство Свинхувуда бежало в г. Васа. В Гельсингфорсе был создан Совет народных уполномоченных (К. Манер – председатель, О. Куусинен, Ю. Сирола, А. Тайми), программа которого предусматривала развитие Финляндии по социалистическому пути. Позднее, 23 февраля 1918 г., был опубликован проект демократической конституции, провозглашавшей Финляндию республикой. Но в области защиты революции дело обстояло не столь благополучно. Известный теоретик революционной войны С. И. Венцов (Кранц) указывал на ошибки, допущенные революционным правительством:

«Красная гвардия, как вооруженная сила революции, начинает организовываться очень поздно. Только с декабрьского партийного съезда с.-д. берет в свои руки непосредственное руководство организацией отрядов разной величины в промышленных городах юга Финляндии. Обучение производится с помощью русских инструкторов, снабжение организовано скверно, выборность командного состава не обеспечивает надлежащей его квалификации. Массовый подъем финских трудящихся не находит организационных форм; в первую минуту в руках рабочего правительства было не более двух тысяч вооруженных бойцов. Почти полное отсутствие подготовки к вооруженной борьбе таило в себе причины будущего поражения».[95]

Уже 1 февраля на помощь правительству Свинхувуда в Финляндию прибыли 1500 добровольцев из Швеции. На территорию РСФСР начали проникать финские отряды, осуществляющие явочным путем оккупацию Восточной Карелии.

В Финляндии началась кровавая гражданская война. После того как 5 марта на Аландских островах началась высадка регулярных частей германской армии, а в апреле на помощь белофиннам прибыла Балтийская дивизия генерала Р. фон дер Гольца, сопротивление финляндской Красной гвардии к маю 1918 г. было подавлено. Белофиннами и интервентами было расстреляно (в том числе и в концлагерях) до 30 000 человек!!! Это были первые массовые расстрелы на территории бывшей Российской империи после Октябрьского переворота 1917 г. Таких зверств по отношению к политическим противникам история России ранее не знала. Совершенно ясно, что этот факт лег в основу той свирепой ненависти, которая охватит и красных и белых, вступивших весной 1918 г. в непримиримую идеологическую схватку за власть над Россией. Эта ненависть к политическим противникам впоследствии станет одним из мощнейших факторов, определивших борьбу не на жизнь, а на смерть как внутри нашей страны, так и за ее пределами.

15 мая правительство Финляндии фактически объявило войну Советской Республике («белый террор») с целью отторжения территории южной и восточной Карелии и Кольского полуострова. На фоне масштабных событий Гражданской войны в целом боевые действия в Карелии и на Мурманском направлении несколько теряются, однако они имели колоссальное военно-политическое значение, в том числе в области организации партизанских отрядов и совершенствования тактики, которую через некоторое время назовут спецназовской. Весьма вероятно, что кровавые выпады финнов против Советской Республики, от правительства которой они получили независимость (!), наряду с иностранной интервенцией войск Германии и Австро-Венгрии ускорили создание системы защиты нашего государства с применением партизанско-диверсионных методов.

Колоссальное значение имели и внутренние факторы.

В мае 1918 г. сотрудники ВЧК с помощью добровольных заявителей и помощников, а не секретных агентов (!) раскрыли законспирированную офицерскую организацию «Союз защиты Родины и Свободы», возглавлявшуюся Б. В. Савинковым. Один из руководителей организации А. А. Дикгоф-Деренталь впоследствии писал:

«„Союз“ к этому времени обладал достаточными силами для того, чтобы неожиданным выступлением захватить Москву… Захватить наиболее важные стратегические пункты страны, арестовать Совет народных комиссаров и т. д. не представляло особых трудностей именно в тот момент. Но, захватив город, нужно еще было в нем суметь продержаться… Первое было

чрезвычайно трудно ввиду присутствия в Москве значительного числа организованных и вооруженных германских военнопленных, негласно находящихся под командой германских офицеров, и особенно ввиду возможности немедленного движения на Москву регулярных германских войск…»[96]

От плана захвата Москвы штаб организации отказался, началась переброска сил для захвата Казани. Исполнению планов помешали аресты.

3 марта 1918 г. был подписан Брестский мирный договор между Россией и странами Четверного союза (Германия, Австро-Венгрия, Турция и Болгария). 6–8 марта в Петрограде прошел VII Чрезвычайный съезд РСДРП (б).[97] Исходя из интересов мировой революции большинство его делегатов проголосовали за утверждение мирного договора. Наряду с этим съезд уполномочил ЦК разорвать все мирные договоры с буржуазными государствами и объявить им войну, когда наступит удобный момент. Резолюция «О войне и мире» сохранялась в тайне, в печати было опубликовано краткое сообщение о поддержке Брестского мира. Тем самым съезд заложил политически-правовую основу для организации будущих специальных операций.

А еще ранее, в январе 1918 г., при Чрезвычайном штабе Московского военного округа появился Оперативный отдел, который в марте, после заключения Брестского мира, передали в ведение Наркомата по военным и морским делам. В оперативном подчинении начальника отдела С. И. Аралова находился Центральный штаб партизанских отрядов (начальник штаба – П. И. Шишко, помощник – А. И. Ковригин), который после подписания Брестского мира переименовали в Особое разведывательное отделение Оперотдела. Данное отделение отвечало за координацию и руководство действиями партизан в тылу противника в интересах Красной армии.

В приказе В. А. Антонова-Овсеенко от 11 марта 1918 г. говорилось, что в тылу неприятеля необходимо всячески терроризировать врага. Следовало портить пути сообщения, взрывая мосты, полотно железных и шоссейных дорог, разрушать линии передач, уничтожать продовольственные и другие запасы, которые могут быть использованы войсками противника. Приказ предписывал дезорганизовывать вражеские войска путем устной агитации и путем распространения литературы среди солдат. Если вчитаться в его строки, можно убедиться, что тактическое сотрудничество с кайзеровской Германией и стратегические интересы лидеров Советской России – победа мировой революции – были диаметрально противоположны.

В мемуарах С. И. Аралова приводится его разговор с Лениным:

«Однажды (это было, кажется, в начале апреля 1918 г.) Ильич во время моего очередного доклада поинтересовался, где я разместил Особый разведывательный отдел. Я сказал, что он пока находится при Опероде на Пречистенке. Ленин очень встревожился и заявил мне: „Как же это вы, батенька, так неосмотрительны, забыли конспирацию? Ведь вы вели подпольную работу. Немедленно найдите отдельное помещение и доложите мне. Надо быть сугубо осторожным. Не все работники Опероде должны знать о помощи, какую мы оказываем партизанам, особенно украинским. Умело соблюдайте тайну, никаких записок и писем не посылать. Действуйте устно через верных людей. По телефону говорите условно, шифром“. Затем, помолчав, Ленин спросил: „А чем занимается сейчас Ковригин?“ – „Он комиссар по особым поручениям“, – ответил я. „Вот это правильно! Немцы не должны иметь повода для предъявления нам претензий. Не забывайте, что расхлябанность может привести к гибели наших людей в тылу врага“…

Вскоре для Особого разведывательного отделения мы подыскали отдельное помещение в Левшинском переулке».[98]

Беспокойство В. И. Ленина по поводу строгой конспирации в деятельности специальных структур Оперотдела вызывалось тем, что официально между Россией и Германией был заключен мир. Партизанские отряды по мере возможности снабжались оружием, боеприпасами, взрывчаткой, деньгами и специалистами, имевшими опыт подпольной работы.

По прямому указанию В. И. Ленина при Особом разведывательном отделении была создана школа подрывников, ее начальником назначили А. И. Ковригина. Обучение в школе проходили не только прибывавшие из Украины партизаны, но и специально отбиравшиеся кадры из России. В курс обучения входила военная, специальная и политическая подготовка. Для проведения практических занятий в распоряжении учеников школы имелись стрелковое оружие, специальное снаряжение и даже артиллерийские орудия. Финансирование школы и ее выпускников осуществлялось в советской и иностранной валюте.

Партизанское движение на оккупированных территориях Белоруссии и Украины стало своеобразным «вторым фронтом», не позволившим Германии и Австро-Венгрии организовать адекватное сопротивление союзникам на Западном фронте. Что касается Украины, где при поддержке германских и австрийских оккупационных войск была установлена власть Центральной рады, то там повстанческое движение к лету 1918 г. охватило

Екатеринославскую, Киевскую, Полтавскую, Черниговскую губернии. В общей сложности в рядах повстанческих отрядов насчитывалось до 300 000 человек. Это двадцать полнокровных дивизий! Конечно, не все партизанские отряды были однородны по составу и одинаково боеспособны, но австро-германские войска не только не смогли подавить освободительную борьбу на оккупированных территориях, но и оказались под все возраставшим влиянием революционной пропаганды.

Одиннадцатилетний Паша Судоплатов становится очевидцем и участником многих событий, происходящих на южных фронтах Гражданской войны.

«Мое восприятие событий того времени, – писал он впоследствии, – можно считать типичным для семей с низким достатком, которым нечего было терять. Вполне естественно, я всей душой поверил, прочтя написанную Бухариным „Азбуку революции“, что общественная собственность будет означать построение справедливого общества, где все будут равны, а страной будут управлять представители крестьянства и рабочего класса в интересах простых людей, а не помещиков и капиталистов».[99]

В 1918 г. в Красную армию вступает старший брат Павла Николай, а сам Павел дважды убегает из дому, чтобы с оружием в руках защищать власть рабочих и крестьян, но эти его попытки терпят неудачу – мальчишку не берут.

Тема «подросток и революция» ярко и масштабно развита В. Гюго на примере Гавроша, ставшего кумиром для многих детей. Мы не знаем, был ли знаком Павел с образом своего сверстника, но вполне возможно, что был. Во всяком случае, и он, и еще сотни мальчишек из бедных семей дрались не щадя живота своего на всех фронтах Гражданской войны, причем многие из них сложили голову за советскую власть.

Южные районы России и Украины представляли собой идеальный театр для ведения маневренной войны, одной из сторон которой стала «малая война». А войну эту (повстанческую, партизанскую, диверсионную) вели и красные, и белые, и, конечно, отряды «зеленых», не подчинявшиеся никому, кроме своих атаманов. Первоначальная железная поступь немецких батальонов дополнялась лихими кавалерийскими рейдами Н. И. Махно и Г. И. Котовского, ночными наскоками на войсковые позиции, десантными операциями, диверсиями на железных дорогах… По-немецки методичные расстрелы пленных повстанцев, еврейские погромы, организованные различными «батьками», жестокие расправы гайдамаков над коммунистами-«москалями», ответные репрессии большевиков и

эсеров – все эти картины пройдут перед глазами нашего героя и во многом определят его дальнейшую судьбу. Повлияют на его будущую жизнь и революционные события в ряде европейских стран, но сам Павел об этом пока даже не догадывается.

В марте 1919 г. у Судоплатова появляется его первый политический наставник – им был один из организаторов мелитопольского подполья старый большевик И. В. Булыга. Под его руководством в Мелитополе прошли две дерзкие диверсионные операции: нападение на германскую комендатуру и поджог немецкого склада с военным снаряжением. После занятия Мелитополя красными Булыга создаст боевой отряд для поддержания революционного порядка в городе. Павел станет порученцем при командире отряда и будет выполнять первые оперативные поручения – слушать на улицах, о чем говорят в толпе. А по другую сторону баррикад в рядах непримиримых врагов советской власти находится человек, судьбу которого через много лет решит именно П. Судоплатов. Этим человеком был один из командиров Корпуса сечевых стрельцов атаман Е. Коновалец.

События на Украине весной 1919 г., в водовороте которых оказался и наш герой, имели самое прямое отношение к его последующей работе в советской разведке. Эти события были непосредственно связаны с первыми попытками европейского пролетариата взять власть в свои руки и экспортировать русскую революцию в Европу. Первая попытка произошла в Германии под руководством «Союза Спартака» в январе 1919 г. Она закончилась неудачей – во многом по вине немецких социал-демократов, которые способствовали роспуску Советов рабочих депутатов и разоружению рабочих отрядов. Благодаря этому сторонники правых (монархисты, националисты и др.) сумели консолидировать свои силы. После подавления германских революционных выступлений в Москве было принято решение о созыве международной конференции представителей коммунистических партий.

19 января 1919 г. И. С. Уншлихт представил в ЦК РКП (б) проект создания Революционного военного совета Польши, который объединял всю деятельность, касающуюся поддержки восстания польских рабочих со стороны Российской Республики. В целях конспирации польский РВС замаскировали под РВС Западной стрелковой дивизии. В том же месяце было создано Центральное бюро болгарских коммунистических групп (ЦБ БКГ) при ЦК РКП (б), а в Екатеринославе появляется специальный центр по руководству нелегальной работой на Балканах. Планировалось использовать опытных работников для

немедленной переброски их в Болгарию, организовать крестьянские массы и бедствующих рабочих для боевой работы в тылу врагов советской власти, вплоть до вооруженных выступлений. Пожар революции на Балканах позволял ослабить контрреволюционный нажим на Советскую Россию.

2—6 марта 1919 г. в Москве прошел I Учредительный конгресс Коммунистического Интернационала. Резолюция I конгресса Коминтерна призвала рабочих разных стран объединиться на принципах пролетарского интернационализма в революционной борьбе за свержение буржуазии и установление диктатуры пролетариата. Делегаты конгресса приняли решение о формировании руководящего органа, получившего название Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала (ИККИ).

И. С. Уншлихт, в 1921–1923 гг. заместитель председателя ВЧК (ГПУ)

В середине марта в Киеве и Одессе началось формирование 1-й Интернациональной и 1-й Бессарабской стрелковых дивизий, состоявших из румын, болгар, чехов, словаков, сербов. На западе формировалась Белорусско-Литовская (впоследствии 16-я)

революционная армия. Согласно плану «полевой революции» после захвата («освобождения») Польши и Бессарабии направлением главного удара интернациональных бригад становились Австрия, Болгария, Венгрия, Германия, Чехословакия и Югославия. Революционная ситуация в этих странах благоприятствовала планам коммунистических лидеров: 21 марта в Венгрии, 13 апреля в Баварии, 16 июня в Словакии были провозглашены советские республики.

Однако оказать необходимую военную поддержку европейским компартиям их российские коллеги вследствие поражений Красной армии в Прибалтике, на Украине и юге России во время весенне-летней кампании 1919 г. не смогли. 7 мая в тылу Украинского фронта поднял мятеж начальник 6-й Украинской стрелковой дивизии Н. А. Григорьев. Мятеж охватил пространство от Кременчуга до Херсона. В результате на левом крыле Южного фронта Кавказская армия П. Н. Врангеля захватила инициативу и перешла в наступление против красных. В Мелитополе спешно объявили набор добровольцев в Красную армию, и 26 июня, в свои неполные 12 лет, П. Судоплатов становится бойцом Мелитопольского рабочего отряда.

Служил он недолго, всего-то до августа 1919 г., однако за это время успел испытать многое. Горечь первого поражения, когда казачья сотня кубанцев, зашедшая в тыл 1-го Ударного (Мелитопольского) полка, обратила плохо обученных бойцов в паническое бегство. Короткий плен, закончившийся побегом благодаря пьянству станичников, стал для Павла первым уроком выживания. Что еще? – жаркая Одесса, ее захват белыми в результате блестяще проведенного десанта, госпиталь, куда накануне вступления белых мальчишка попал с подозрением на тиф, но, к счастью, диагноз не подтвердился. Затем последовало пятимесячное пребывание в уже другой Одессе, занятой белыми, голод и беспризорность. Попытки связаться с большевистским подпольем в городе не удались. Когда к Одессе в начале февраля 1920 г. подошли красные войска, Павел участвует в уличных боях в рядах восставших рабочих. Хорошо освоив за время беспризорности все укромные места портового города, Судоплатов помогает красноармейцам вылавливать спрятавшихся белогвардейцев. В итоге зимой 1920 г. он вновь вступает в ряды Красной армии и становится бойцом роты связи (вот где пригодилось законченное начальное образование!) 123-й стрелковой бригады, входившей в состав 41-й дивизии 14-й армии. В декабре, после упорных боев с поляками и отрядами петлюровцев, дивизию сводят в бригаду в составе 44-й дивизии 12-й армии.

Оставим ненадолго нашего героя и вернемся назад. В целях устранения недостатков, вызванных отсутствием единого руководства Красной армией, в сентябре 1918 г. создается коллегиальный орган высшей военной власти – Революционный военный совет Республики (РВСР) под председательством Л. Д. Троцкого. Для обеспечения высшего военного руководства оперативной и стратегической информацией в составе Полевого штаба был также образован центральный орган военной разведки – Регистрационное управление (Региструпр). Усиление роли военной разведки обусловливалось вмешательством во внутренние дела нашей страны вооруженных сил иностранных государств. В числе интервентов оказались не только бывшие противники России в мировой войне, но и ее союзники.

В этих условиях советское правительство было вынуждено вести войну против отечественных политических противников и иностранных экспедиционных войск. Интервенция стала катализатором, ускорившим вступление в ряды Красной армии и новых спецслужб значительного числа царских военных специалистов, которые предпочли служить пусть нелюбимому, но все же российскому правительству. Наличие интервентов – врага не только классового, но и внешнего – стимулировало развитие массового партизанского движения на Украине, на Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке. В этих регионах партизанская война в течение длительного времени была основной формой противодействия иностранному вмешательству.

В декабре 1918 г. в ВЧК был создан Военный отдел, в ведение которого из Регистрационного управления передана контрразведывательная работа в вооруженных силах. В январе 1919 г. образован Особый отдел ВЧК для борьбы с контрреволюцией и шпионажем в армии и на флоте. Решение о передаче контрразведывательной работы в армии чекистам стало следствием серьезной внутрипартийной и межличностной борьбы в верхних эшелонах РКП (б). Аппарат особых отделов не только выполнял контрразведывательные функции, но и надзирал за лояльностью командного состава Красной армии. К тому времени Л. Д. Троцкий привлек на службу в Красную армию десятки тысяч офицеров, но не все из них служили большевикам из принципиальных соображений. Случаи измены военнослужащих, перехода на сторону белых целых подразделений были нередки. В июле 1919 г. арестовали на восемь месяцев главнокомандующего Вооруженными силами Республики бывшего полковника русского Генерального штаба И. И. Вацетиса. Ожесточенная борьба за контрразведку между группировками Троцкого и Дзержинского фактически являлась борьбой за информацию о настроениях в

Красной армии. В форме особых отделов руководство РКП (б) постепенно восстановило в армии систему органов политической полиции, бездумно ликвидированную в свое время последним российским императором Николаем II.

Комсомольцы-чекисты во дворе Одесской ГубЧК, 1924 г.: (Аглицкий, Д. Н. Медведев, Омельчук, Заславский, Н. Зорин, Орлов, Завадовская, Загорский, Арбутский, Гранский; к сожалению, имена многих не сохранились)

Передав функции военного контроля в ведение ВЧК, Регистрационное управление вплотную занялось добычей и анализом информации военного характера. Со второй половины 1919 г. оно начало создавать свои нелегальные резидентуры не только на территориях бывшей Российской империи, но и в отдельных странах Европы. Основными каналами переброски разведчиков стали каналы Коминтерна, а подавляющее большинство разведчиков и резидентов, работавших на Регистрационное (Разведывательное) управление РККА и впоследствии на Иностранный отдел ВЧК (ОГПУ, НКВД), были иностранными коммунистами. Эти люди знали языки, культуру, традиции и образ жизни в европейских странах и начинали карьеру разведчиков по линии Коминтерна из идеологических соображений. Именно они впоследствии составили цвет советской разведки в 1920—1930-е гг., названные впоследствии «эпохой великих нелегалов».

8—11 декабря 1919 г. в Москве прошло совещание сотрудников центрального и армейских аппаратов Региструпра с участием представителей зарубежных бюро РКП (б). На совещании была принята «Инструкция о взаимоотношениях Региструпра Полевого штаба РВСР с зарубежными бюро РКП (б)». Согласно этой инструкции зарубежные бюро, работавшие под руководством ЦК РКП (б), обязывались переправлять Региструпру все добытые сведения и материалы, а также вербовать людей для работы за пределами России. В свою очередь Региструпр должен был содействовать вербовке сотрудников для самих зарубежных бюро, снабжать их деньгами, документами, техническими средствами и инструкциями.

С 1 января 1920 г. основной задачей Региструпра в сотрудничестве с Коминтерном стало выяснение военных, политических, дипломатических и экономических планов и намерений стран, враждебно действующих против РСФСР, а также отдельных групп и классов, могущих нанести вред Советской Республике.

Еще более секретная сторона деятельности Региструпра и ИККИ касалась проведения боевых операций (активной разведки) в тылу неприятеля в зависимости от международного положения. Под термином «активная разведка» в те годы скрывались силовые диверсионно-террористические методы, использовавшиеся при захвате «языка», ликвидации руководителей вражеских военных и административных структур, парализации коммуникаций противника, деморализации его войск, а также организация партизанских отрядов. В конце 1919 г. по инициативе И. С. Уншлихта создается одна из самых секретных специальных служб в истории нашей страны – Нелегальная военная организация (НВО). Она вела диверсионную, террористическую и повстанческую деятельность на территории Белоруссии, оккупированной польской армией. О ее создании и задачах знало только высшее военно-политическое руководство Республики. Показательно, что о ней не был проинформирован даже командующий Западным фронтом М. Н. Тухачевский. В отрядах Нелегальной военной организации основную силу составляли бывшие боевики партии эсеров, коммунистических партий Литвы и Белоруссии и Еврейской социал-демократической партии «Поалей Цион». Деятельностью НВО руководили А. К. Сташевский, Б. Б. Бортновский, С. Г. Фирин. Впоследствии по опыту НВО строились аппараты нелегальных военных организаций компартий и в некоторых других европейских странах. С этой стороной специальных операций П. А. Судоплатов познакомится в 1922 г.

В 1920 г. яблоком раздора в борьбе Троцкого и Дзержинского за контроль над спецслужбами становится разведка. В ноябре было принято постановление Совета Труда и Обороны о подчинении Регистрационного управления не только командованию Красной армии, но и ВЧК. Региструпр входил в состав ВЧК на правах отдела, его начальник включался в коллегию ВЧК с правом решающего голоса. Но Троцкому, поддержанному Лениным, удалось отстоять независимость военной разведки, и постановление, в части включения Региструпра в состав ВЧК, не было выполнено. Естественно, что обо всех этих интригах в высшем военно-политическом руководстве наш герой не знал, да и не мог знать. Ни в 1919-м, ни в 1920 г. он и подумать не мог, что всесильный и чрезвычайно популярный в Красной армии Троцкий станет впоследствии объектом одной из самых громких его специальных операций.

Коллектив чекистов Украины во главе с Ф. Э. Дзержинским, 1926 г.

1921 г. становится в судьбе Павла Судоплатова поистине переломным. Комиссар дивизии Упит обратил внимание на смышленого и образованного паренька (четыре класса того времени было сродни современному неполному среднему образованию) и предложил ему поехать учиться на курсы политработников в Киев. Но в дело вмешался его величество Случай, хотя знатоки говорят, что случайность – это всего лишь незапланированная закономерность. Способность оказаться в нужном месте в нужное время для оперативного работника – это больше чем просто везение.

В июле 1921 г., вскоре после четырнадцатого дня рождения Павла, в засаду, устроенную украинскими националистами, попали сотрудники Особого отдела 44-й дивизии, и многие из них погибли. Учитывая происхождение, образование и военную специальность, Судоплатову была предложена вначале должность телефониста, а затем шифровальщика. Так – после диверсионной операции противника – началась его служба в органах ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ.

«В дивизии, где я служил, вместе с нами сражались поляки, австрийцы, немцы, сербы и даже китайцы. Последние были очень дисциплинированны и сражались до последней капли крови. Борьба шла жестокая, и случалось, что целые деревни оказывались уничтоженными украинскими националистами и бандформированиями: всего в ходе Гражданской войны на Украине погибло свыше миллиона человек. Мое поколение вскоре привыкло к жестокости той войны, потерям и лишениям. Мы считали все это вполне естественным. <…>

Опыт, приобретенный при выполнении обязанностей телефониста, а затем шифровальщика, оказался бесценным. Я печатал документы с грифом „секретно“, посылавшиеся командованию, и расшифровывал телеграммы, которые мы получали непосредственно от главы ВЧК Феликса Дзержинского из Москвы. <…>

…Дивизия была переведена в Житомир. Главной задачей нашего особого отдела была помощь местному ЧК в проникновении в партизанское подполье украинских националистов, руководимое Петлюрой и Коновальцем. Их вооруженные банды устраивали диверсии против органов Советской власти на местах».[100]

Именно в этот период Павел под руководством наставников начинает постигать азы конспирации и оперативной работы. Он становится одним из содержателей конспиративной квартиры, на которой проходили секретные переговоры между чекистами и представителями националистического подполья. Последние были не рафинированными разведчиками, а матерыми боевиками с колоссальным опытом Гражданской войны и, говоря современным языком, обладали соответствующим менталитетом.

«Опыт общения с главарями формирований украинских националистов, являвшимися, по существу, настоящими хозяевами в своей округе, помог мне в дальнейшем, когда я стал оперативным сотрудником безопасности. На своей собственной шкуре испытал я, каково иметь дело с заговорами в подполье».[101]

Возможно, что этот факт также послужил определенной

путеводной звездой в дальнейшей карьере нашего героя.

Отметим, что секретные переговоры закончились амнистией для всех участников националистического подполья, отказавшихся от дальнейшей вооруженной борьбы с советской властью. Одновременно банды, не сложившие оружия, уничтожались специальными отрядами Красной армии, ВЧК и Частями особого назначения (ЧОН), в распоряжении которых были броневики и бронепоезда. В партизанские отряды националистов с целью их разложения внедрялись сотрудники ВЧК, против наиболее опасных звеньев националистического подполья проводились силовые операции по их ликвидации.

О роли Частей особого назначения в противоповстанческих операциях мы должны сказать пару слов в силу их специфики. Создание таковых началось в марте 1918 г. в соответствии с директивой ЦК РКП (б) «О вооружении коммунистов и обучении их военному делу». Части имели особый статус и подчинялись не командованию Красной армии или ВЧК, а партийному руководству. Перед ними ставились и особые военно-политические задачи: предназначались они для силового противодействия любым попыткам организованного вооруженного сопротивления советской власти. По сути, партийный спецназ РКП (б) выполнял военно-полицейские функции, свойственные жандармским формированиям Российской империи.

Создание ЧОН было обусловлено не только политической ненадежностью подразделений Красной армии, но и тем, что при центральных и местных комитетах левых эсеров существовали боевые дружины, подчинявшиеся непосредственно партийному руководству. Такое положение сохранялось во всех, в том числе и военных учреждениях Советской России вплоть до июля 1918 г., когда противоречия между большевиками и левыми эсерами привели к открытому вооруженному противостоянию недавних союзников.

6 июля 1918 г. одновременно выступили левые эсеры в Москве и Поволжье (Ярославский мятеж). Политические взгляды мятежников, наиболее активными из которых были члены савинковского «Союза защиты Родины и Свободы», разнились. Одни из них являлись монархистами, другие – сторонниками Временного правительства и Учредительного собрания. Синхронность выступлений объяснялась тем, что в их подготовке принимали участие спецслужбы Великобритании и Франции. Параллельно с мятежом левых эсеров британские спецслужбы планировали физическое устранение руководства РКП (б). Реализацию этого плана поручили «свободному агенту» С. Рейли.

Согласно плану, завербованные латышские стрелки должны были блокировать Большой театр и взять под арест участников V Всероссийского съезда Советов, боевики из группы Рейли – ликвидировать Ленина, Троцкого и других большевистских лидеров прямо у стола президиума. Этот план был выявлен и предупрежден Дзержинским на стадии подготовки. Охрана съезда состояла из верных большевикам латышей, и попасть в здание боевики не смогли.

Первая силовая структура ВЧК центрального подчинения – отряд Д. И. Попова – выступала в этих событиях на стороне левых эсеров. Поэтому отбор кандидатов в подразделения ЧОН осуществлялся в основном с точки зрения их политической благонадежности, с мая 1919 г. – только из коммунистов, преимущественно с дореволюционным стажем.

В марте 1921 г. на X съезде РКП (б) отмечалось крайнее обострение ситуации в стране. В связи с этим было решено принять меры к укреплению Частей особого назначения: реорганизовать штаты, повысить боевую выучку, улучшить вооружение и, кроме того, привлекать кадры чоновцев к изучению пулеметного, автоброневого и артиллерийского дела. В июле Реввоенсовет постановил: выделить Части особого назначения из состава Всевобуча, для их укрепления направить лучшие кадры командного состава из Красной армии. В сентябре ЦК РКП (б) утвердил новое положение о ЧОН, в котором определялись организационные, административные, хозяйственные и правовые вопросы.

Весь личный состав ЧОН подразделялся на кадровый, который состоял на службе в Красной армии, и переменный. Переменный состоял из комсомольцев и коммунистов в возрасте от 17 до 55 лет; комсомольцы 14–17 лет были в Частях особого назначения на особом учете и привлекались для ведения разведки и организации связи; женщины привлекались для решения военно-вспомогательных задач. Переменный состав периодически призывался для учебных сборов или для выполнения боевых поручений. Для него вводились три очереди призыва. Первая очередь – коммунисты, пригодные к несению службы в ЧОН, способные по первому требованию встать в строй (основная боевая сила ЧОН). Вторая очередь – коммунисты и комсомольцы, служебные обязанности которых не позволяли им немедленно встать в ряды ЧОН (резерв). Третья очередь – коммунисты и комсомольцы, находящиеся в рядах Красной армии, на службе в органах ВЧК и милиции, а также те, кто мог привлекаться в ЧОН лишь в исключительных случаях.

Таким образом, была создана стройная система призыва

специальной партийной гвардии для военной или специальной учебы или выполнения особых заданий. Она подразумевала мгновенное переподчинение контингента из компетенции РККА или ВЧК в компетенцию партийного руководства на местах. В условиях того неспокойного времени – шаг очень показательный и смелый, особенно если учесть, что в критической ситуации в состав ЧОН призывались коммунисты и комсомольцы, находившиеся в рядах Красной армии.

В апреле 1920 г. в составе Особого отдела, руководство которым осуществлял лично Ф. Э. Дзержинский, создается Иностранное отделение. Его первым руководителем назначен Л. Ф. Скуйскумбре. Аналогичные отделения появляются в особых отделах фронтов и некоторых приграничных губернских ЧК. Их задачей была разведывательная работа на территории сопредельных с РСФСР государств. 20 декабря 1920 г. Иностранное отделение реорганизовано в самостоятельный Иностранный отдел (ИНО), курировавшийся начальником Особого отдела В. Р. Менжинским. До марта 1922 г. Иностранный отдел поочередно возглавляли Я. Х. Давтян (Давыдов), Р. П. Катанян и С. Г. Могилевский. ИНО официально утверждался в качестве партнера Коминтерна в области нелегальной работы за рубежом. Постепенно Иностранный отдел ВЧК становится одной из ведущих структур, обеспечивавших высшее военно-политическое руководство страны разведывательной информацией. Именно в этой структуре и продолжит впоследствии свою службу П. А. Судоплатов.

В целом успеху специальных операций, проводившихся по линии военной разведки, ВЧК и партийных структур РКП (б) во время Гражданской войны, способствовали следующие факторы: четко сформулированная позиция высшего военно-политического руководства РСФСР на развертывание широкого партизанского движения, неуклонно и твердо проводившаяся в жизнь; колоссальный опыт нелегальной работы, наличие хорошо подготовленных кадров, имевших практические навыки боевой подпольной работы; объединение усилий партийных, военных и гражданских властей при проведении специальных операций и организация координирующих центров; использование знаний и опыта военных специалистов, перешедших на сторону советской власти. Можно смело утверждать, что партизанская война против Белой гвардии и интервентов являлась частью системы боевых действий, подчиненных стратегическим планам военно-политического руководства Советской России. Она велась в сочетании с традиционными методами вооруженной борьбы, во взаимодействии партизан, а также специально подготовленных

разведывательных, агитационных и боевых групп с армейскими частями.

Немаловажное значение в обеспечении специальных военно-политических мероприятий, создававших предпосылки победы революционеров над контрреволюционерами в Гражданской войне, имело научное осмысление предшествовавшего боевого опыта. Уже в августе 1918 г. приказом народного комиссара по военным делам для изучения и использования опыта Первой мировой войны образована Военно-историческая комиссия под председательством генерала от инфантерии В. Н. Клембовского, который еще в царское время являлся сторонником партизанских действий, ведущихся по инициативе, исходящей от армии. Его книга «Партизанские действия» издавалась в ходе Гражданской войны трижды (!!!). Первый раз Военным отделом ВЦИК (!) в 1918 г. с подзаголовком «Руководство». Затем в первой половине 1919 г. с подзаголовком «Опыт руководства» и, наконец, во второй половине 1919 г. с подзаголовком «Исследование». Выходили труды иностранных авторов, например работа генерала Балка «Малая война» (1919). В этой связи нельзя обойти молчанием роль Л. Д. Троцкого, который резко критиковал военачальников, оппозиционно настроенных в отношении использования науки для военного строительства и вооруженной борьбы. Возражая советским командирам, утверждавшим, что маневренную тактику ввела Красная армия, он указывал, что такую же вели и белые, а острым кавалерийским рейдам красных научил К. К. Мамонтов.[102]

Противниками красных не было выполнено одно из главных условий, обеспечивающих успех специальных операций: управление и координация из единого центра при подчинении единой задаче. Это происходило в силу того, что лидеры Белого движения не только боролись с красными, но и выясняли далеко не простые отношения друг с другом – как личные, так и политические, ориентировались на разных покровителей в странах Антанты. Все это не способствовало объединению усилий в области тайной войны. А ведь на сторону белых перешла основная часть военных специалистов заграничных резидентур Отдела генерал-квартирмейстера Главного управления Генштаба, сотрудников Отдельного корпуса жандармов и Особого отдела Департамента полиции, владевших навыками разведывательной, контрразведывательной и диверсионной работы.

Кроме того, против красных активно действовали эсеры, анархисты и другие политические силы, имевшие не меньший, чем большевики, опыт подпольной работы и участия в террористической деятельности. Однако неприязнь между

монархистами из Белой гвардии и республиканцами из антибольшевистских организаций была столь сильной, что не позволила консолидироваться в борьбе с общим противником. Так, один из лучших организаторов боевой нелегальной работы того времени Б. В. Савинков после провала переговоров с руководством Белого движения создал собственную организацию – «Союз защиты Родины и Свободы». Члены некоторых антибольшевистских организаций, действовавших под лозунгом «Советы без коммунистов!», совершали боевые операции и вели активную пропаганду как против красных, так и против белых.

В период Гражданской войны в тылу основных воюющих сторон действовали различные сепаратистские группировки, отряды «зеленых», местных «батьков», дезертиров и просто бандитов. Численность не признававших никакой власти «лесных армий» достигала нескольких тысяч человек, по штатам и вооружению они были сопоставимы с крупными армейскими частями. Подобные группировки широко использовали тактику засад, налетов и партизанских рейдов: их методы были военно-диверсионными. В результате и белые, и красные приобрели большой опыт создания ложных партизанских отрядов, проведения противоповстанческих и карательных операций, а также специальных мероприятий по разложению бандформирований изнутри. В некоторых случаях военно-политическому руководству Советской России в ходе специальных мероприятий удавалось привлечь на свою сторону крупные силы повстанцев, например армию такого сильного военного лидера и организатора, как Н. И. Махно, для действий против войск А. И. Деникина и П. Н. Врангеля.

Спецслужбы стран-интервентов также действовали разобщенно и зачастую конкурировали, поскольку были вынуждены учитывать экономические и политические разногласия между своими правительствами. До капитуляции Германии осенью 1918 г. главной задачей спецслужб Антанты было противодействие кайзеровским коллегам. В итоге политические и личные противоречия вождей Белой гвардии, руководителей антибольшевистских организаций и резидентов иностранных спецслужб возобладали над интересами общего дела. Разногласия между ними умело использовало политическое руководство РСФСР, что позволяло красным производить тактические маневры, концентрируя силы и средства на наиболее существенных в данный момент направлениях.

Во время Гражданской войны как красные, так и белые партизанские отряды, подпольные организации выполняли следующие основные задачи: добывание информации,

осуществление боевых операций и проведение агитации среди населения и войск противника. Таким образом, в 1918–1921 гг. получила практическое подтверждение тенденция объединения разведывательных, диверсионных и психологических аспектов специальных операций в тылу противника. Специальные операции, осуществленные по распоряжению высшего руководства РСФСР, стали одним из факторов, способствовавших достижению комплексного военно-политического успеха. Что касается специальных пластунских частей царской армии, то их личный состав сражался по обе стороны баррикад и заслуженно ценился военачальниками противоборствующих сторон. В эмиграции пластунам отдавали предпочтение при поступлении в иностранные легионы Испании и Франции, их охотно брали на службу в качестве инструкторов по стрельбе, штыковому, сабельному и рукопашному бою.

Понимая роль военно-технической мысли, в августе 1921 г. В. И. Ленин подписал документы о создании Особого технического бюро по военным изобретениям специального назначения (Остехбюро). Руководителем новой организации стал В. И. Бекаури, в работе Остехбюро принимали участие выдающиеся ученые и инженеры: П. В. Бехтерев, М. П. Беклемишев, И. П. Граве, Ф. В. Щукин и другие. Ввиду особой секретности Остехбюро о тематике его работы знал ограниченный круг лиц из высшего руководства страны и командного состава Красной армии. Научно-исследовательская работа бюро в интересах армии, авиации и флота носила комплексный характер: баллистика, воздухоплавание, взрывчатые вещества, минное и торпедное дело, счетно-решающие устройства. Одним из направлений деятельности конструкторов Остехбюро была разработка специальных видов вооружений для ведения партизанской войны и осуществления диверсионных операций.

Подводя итоги Гражданской войны, председатель Революционного военного совета Республики М. В. Фрунзе назвал действия партизан важнейшим видом борьбы с хорошо вооруженным противником. В 1921 г. в статье «Единая военная доктрина и Красная армия» он писал:

«Опыт нашей Гражданской войны в этом отношении дает нам богатейший материал. Действия партизанов в Сибири, борьба в казачьих областях, „басмачество“ в Туркестане, „махновщина“ и вообще бандитизм на Украине и пр. представляют необъятное поле для изучения и получения соответствующих обобщений теоретического порядка. Но обязательным условием плодотворности этой идеи „малой войны“ является заблаговременная разработка плана ее и создание всех данных,

обеспечивающих успех ее широкого развития. Поэтому одной из задач нашего Генерального штаба должна стать разработка идеи „малой войны“ в ее применении к нашим будущим войнам с противником, технически стоящим выше нас».[103]

В марте 1921 г. очередная попытка «полевой революции» в духе «наступательной тактики» Н. И. Бухарина произошла в Германии. 15 марта на заседании Исполкома Коминтерна принимается решение об оказании помощи революционерам европейских стран. По мнению руководства ИККИ, Германия являлась наиболее уязвимым звеном во всей капиталистической системе. Решение о вооруженном выступлении было принято на пленуме ЦК КПГ 17 марта, однако сохранить подготовку к восстанию в тайне не удалось. В тот же день оберпрезидент земли Саксония О. Герзинг отдал приказ прусской полиции безопасности войти в охваченные волнениями районы и разоружить рабочих. 22 марта начались вооруженные столкновения между полицией и боевыми отрядами КПГ, «Союза Спартака» и «Союза борцов Красного фронта».

Были предприняты и попытки террористических актов: взрыв ратуши в городе Фалькенштейн и взрыв здания суда в Дрездене. Плохо подготовленное политически, технически и тактически восстание не получило поддержки со стороны социал-демократов. Кроме того, призыв КПГ к всеобщей стачке прозвучал 24 марта, накануне четырех нерабочих дней. 1 апреля восстание потерпело поражение. По данным западных источников, погибли полторы сотни человек, около 35 тыс. были арестованы.

Неудавшаяся попытка революции в Германии еще раз показала, что сломить мировой капитализм прямым штурмом не удастся, а классовые сражения пролетариата принимают оборонительный характер. И тем не менее у многих руководителей – как РКП (б), так и Коминтерна – было твердое убеждение, что мировая революция объективно назревает, что победы пролетариата можно достичь быстрее и легче, чем в России. Координатором специальной закордонной работы от Политбюро ЦК РКП (б), Исполкома Коминтерна и Государственного политического управления (о нем – ниже) в тот период являлся И. С. Уншлихт.

Осенью 1922 г. создана одна из первых секретных комиссий ИККИ. 25 сентября вносятся предложения по организации постоянной Комиссии при Коминтерне для изучения вопросов международной гражданской войны. Целью работы комиссии являлся централизованный сбор, изучение и письменное изложение политического и организационного опыта компартий в вооруженных боях с буржуазией. На основании изучения

тактических проблем гражданских войн следовало разработать соответствующие предложения в политической и организационной областях. Большое значение имела литературная обработка всех соответствующих материалов для воспитательных и пропагандистских целей секций Коминтерна. Именно эта работа во многом заложила основы специальной подготовки и тактики будущих бойцов революции специального назначения.

Задачи комиссии были многогранны: обобщение важнейшего опыта организациии Красной гвардии и армии; анализ воззваний, циркуляров, инструкций и приказов красных командиров; издание сборников об опыте военно-политической работы, о решающих боях в период вооруженного восстания или обороны; создание сводки литературы и инструкций о тактике гражданской войны, в том числе и подобной литературы противника; разработка инструкций и предложений по вопросу о военно-политической работе; критика нелегальной подготовительной работы каждой данной партии при особом внимании к организационному строительству сети связи и разведки.

По окончании Гражданской войны постановлением ВЦИК от 6 февраля 1922 г. ВЧК была реорганизована в Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР. Председателем ГПУ назначается нарком внутренних дел Ф. Э. Дзержинский. В мае Иностранный отдел ГПУ возглавил М. А. Трилиссер. Значительная, если не основная часть резидентов и разведчиков, работавших на ИНО ГПУ (впоследствии ОГПУ), начинала карьеру в разведке по линии Коминтерна. Со стороны ИККИ контакты с разведками ГПУ и РККА осуществлялись по линии Оргбюро ИККИ И. А. Пятницким. В системе самого Коминтерна был создан и активно функционировал Военно-конспиративный отдел. После образования СССР 30 декабря 1922 г. в системе органов безопасности произошла очередная реорганизация: ГПУ при НКВД РСФСР было преобразовано в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР.

Разведывательная работа являлась только одним из направлений нелегальной деятельности специальных служб СССР. С весны 1922 г. конспиративная деятельность разведывательных управлений РККА, ИНО ГПУ/ОГПУ и Коминтерна осуществлялась по следующим направлениям: разложение вооруженных сил белой эмиграции; организация военной работы компартий в нелегальных условиях; подготовка вооруженных восстаний и обучение национальных партийных кадров в военной и военно-специальной областях знаний. Впоследствии к ним добавится и террористическая деятельность

по ликвидации особо одиозных фигур в руководстве эмигрантских специальных служб и силовых структур.

12 мая 1922 г. в Москве под председательством И. С. Уншлихта состоялось строго секретное (гриф «хранить наравне с шифром») совещание. На нем рассматривались вопросы о пограничной охране, об активной разведке, о работе во врангелевских частях и о партизанских отрядах. Несение пограничной охраны исключительно агентурным путем признавалось невозможным, для этого создавался специальный корпус, находившийся в подчинении ГПУ. Одной из задач активной разведки стало выявление настроений местного населения и, в случае стихийных вооруженных выступлений, руководство им по соглашению с местными партийными органами. Было признано необходимым вести работу в направлении деморализации врангелевской армии и бескровного уничтожения ее как организованной военной силы. Также следовало сохранить существующую сеть партизанских отрядов, принять меры против их разложения при бездействии и полностью обеспечить их необходимыми материальными средствами.

…Пора вернуться к нашему герою, которого осенью 1922 г. переводят служить в пограничные войска, вначале в погранотделение города Изяславля, а затем на Славутинский погранпост. Именно здесь Судоплатов соприкасается с особо секретными операциями активной разведки. Режим особой секретности был обусловлен тем, что по условиям мирного договора от 18 марта 1921 г. между РСФСР и Польшей стороны обязались не создавать и не поддерживать организации, имеющие целью вооруженную борьбу с подписантом. Однако нелегальная боевая работа диверсионно-террористического характера на территориях Западной Белоруссии и Западной Украины продолжалась. По линии Разведывательного управления Красной армии организовывались формирование и переброска в приграничные районы Польши отрядов боевиков для организации массового вооруженного сопротивления польским властям. Предполагалось, что эти отряды станут центрами всенародного партизанского движения на оккупированных белорусских и украинских землях. Политической задачей в данном случае являлось воссоединение Западной Украины и Западной Белоруссии с Россией.

Операции Разведупра по активной разведке были тщательно законспирированы, в том числе от пограничников и местных органов ВЧК/ОГПУ, и были свернуты только в 1925 г. по решению высшего военно-политического руководства СССР. Славутинскому

погранпосту в этой тайной войне отводилась далеко не последняя роль. Пограничники, естественно, не знали, какие задачи решают отряды активной разведки, они всего лишь обеспечивали их инфильтрацию и возвращение с территории Западной Украины. Скорее всего, Павел, наблюдавший за молчаливыми людьми в гражданской одежде, мог понимать, что принимает участие в обеспечении совершенно секретных операций.

Надо ли говорить, что силовые операции на временно оккупированных территориях РСФСР проводила не только советская военная разведка. Противники нашей страны активно проверяли на прочность молодую советскую республику. И одним из участков этой где тайной, а где и открытой войны были пограничные районы Карелии и Финляндии – через полтора десятка лет Павел Судоплатов начнет там свою нелегальную закордонную работу.

14 октября 1920 г. в городе Тарту (Юрьев) был подписан договор о мире между Финляндией и РСФСР, документально закрепивший окончание первой советско-финляндской войны. Однако с обеих сторон имелись силы, которых не устраивала такая ситуация. И те и другие были финнами, одни – белыми, другие – красными. Первые мечтали о включении Карелии в состав «Великой Финляндии», а вторые – о Финляндии советской. Руководство военной организации Коммунистической партии Финляндии состояло из петроградских финнов, членов РСДРП (б) во главе с Э. Рахья. Он считал, что КПФ должна готовиться к новому восстанию, которое будет поддержано не только по линии Коминтерна, но и регулярными частями РККА. Особенно много сторонников у Рахьи было среди выпускников и курсантов Петроградской интернациональной военной школы, а также финнов, служивших в Красной армии. Большинство из них критиковали ЦК КПФ за то, что последний «тормозил войну между Финляндией и Россией».

С финской стороны оппозиционная деятельность, направленная против Карельской трудовой коммуны и Тартуского мирного договора, способ ствовала образованию в декабре 1920 г. эмигрантского Центрального правительства Карелии. В 1921 г. в Финляндии началась подготовка к вооруженному восстанию против Карельской трудовой коммуны. Пользуясь малочисленностью советских пограничных частей, финские отряды неоднократно вторгались на территорию Карелии и проникали до железной дороги Мурманск – Петрозаводск.

В сентябре 1921 г. очередной финский отряд перешел границу на Ребольском направлении. В октябре в Тунгудской волости был создан подпольный Временный Карельский комитет,

начавший формирование партизанских отрядов. Карельские партизаны (около 3000 человек, из них 500 человек белофинны) захватили значительную часть Северной Карелии. Они обратились за поддержкой к правительству Финляндии. 6 ноября финские войска вторглись на территорию РСФСР. Началась вторая советско-финляндская война. К концу декабря финские отряды общей численностью до 6000 человек вышли на линию Кестеньга – Суомусалми – Руг-озеро – Паданы – Порос-озеро.

На территории Карелии и Мурманского края было введено военное положение и проведена мобилизация коммунистов. 4 декабря 1921 г. от Российского бюро ЦК КПФ в ЦК РКП (б) направляется предложение по организации из финнов и карел лыжных партизанских отрядов. Реввоенсовет РСФСР поставил перед командованием Карельского фронта задачу: закрыть финскую границу, отрезать противнику пути отхода и уничтожить его. Были созданы 3 тактически самостоятельные войсковые группы, наносящие удары с севера, с юга и с востока. План разгрома противника предусматривал создание специального лыжного отряда для осуществления рейда по финским тылам по маршруту ст. Масельская – Реболы – Кимас-озеро. Перед отрядом ставилась задача уничтожить штаб группировки противника, встречающиеся по пути следования белофинские отряды, а также материальные запасы.

Красный партизанский отряд (батальон) в составе пулеметной и двух стрелковых рот сформировали из добровольцев – курсантов Петроградской Интернациональной военной школы в начале января 1922 г. Командир батальона А. А. Инно, комиссар Г. С. Ровио, начальник штаба Ф. Ф. Машеров. Командование имело две карты-двухверстки Карелии, составленные в 1920 г. Все добровольцы (215 человек) прошли тщательный медицинский осмотр и получили новое обмундирование: шлемы, полушубки, ватные штаны, валенки, лыжи и маскхалаты. На вооружении батальона состояло 12 ручных пулеметов (из них 6 пулеметов Мадсена и 6 пулеметов Шоша), винтовки Мосина и, что крайне важно, автоматы Федорова. То есть батальон был вооружен с учетом лучших образцов того времени.

Производство ружья-пулемета (автомата) конструкции В. Г. Федорова образца 1916 г. было восстановлено к концу Гражданской войны в городе Коврове. Мы полагаем, что автомат и созданный на его основе чуть позже пулемет Федорова были если не лучшими, то одними из лучших образцов штурмового оружия того времени. Автомат Федорова имел калибр 6,5 × 50 мм под патрон от японской винтовки Арисака, съемный магазин

коробчатого типа на 25 патронов, достаточную скорострельность, высокую эргономичность, неплохое соотношение общей длины, веса и динамической устойчивости при стрельбе мощными «бутылочными» патронами, – иначе говоря, он наилучшим образом отвечал требованиям тактики штурмовых (заградительных) специальных подразделений. Начальник Высшей стрелковой школы Н. М. Филатов (именно он ввел в употребление термин «автомат») в 1922 г. писал, что сведения с фронтов о боевом употреблении ружей-пулеметов в составе команд приходят благоприятные, при условии хорошо обученного личного состава.

9 января 1922 г. в деревне Паданы из состава батальона был выделен рейдовый отряд в составе 136 человек, вооруженных автоматами и шестью ручными пулеметами, во главе с командиром пулеметной роты Т. Антикайненом. Он лично отбирал каждого бойца, особое внимание обращалось на физическое состояние и лыжную подготовку. Оружие, патроны, гранаты и запас продовольствия на 15 дней весили около 25 кг, а у пулеметчиков – около 35 кг на каждого бойца. Для обеспечения рейда были составлены схемы по планам местных лесничеств. Большинство курсантов участвовали в финляндской революции и имели опыт боев гражданской войны как в Финляндии, так и в России. По национальному составу это были в основном финны и карелы, по возрасту – от 22 до 26 лет. Второй отряд во главе с А. А. Инно в составе 79 человек при 6 пулеметах и обозе обеспечивал безопасность рейдового отряда с фланга. Во второй половине февраля 1922 г. рейд отряда Т. Антикайнена был удачно завершен.

Вторая советско-финляндская война 1921–1922 гг. имеет и свои секреты. До сих пор остается спорным вопрос: было ли у руководства РСФСР и Коминтерна стремление перенести боевые действия на территорию Финляндии согласно теории «полевой революции»? Наша версия заключается в том, что планы такие действительно существовали, но это была инициатива военного крыла ЦК КПФ. На практике в начале 1922 г. был сформирован отряд «Красные партизаны» под руководством Ю. Матеро (Я. Мойланен). 2 февраля этот отряд пришел в поселок Варрио, где на лесоразработках началось восстание, названное «жирным» (декларация восстания читалась с бочки с жиром). «Жирное восстание» продолжалось до 7 февраля, в нем приняли участие 400–500 человек. Однако полномасштабная война между Финляндией и Россией, которая делала возможной революцию в Финляндии, не состоялась. Военно-политическое руководство РСФСР во главе с Лениным и Троцким предпочло не обострять

отношения с европейскими странами накануне Генуэзской конференции.

А в судьбе Павла Судоплатова произошли серьезные изменения. Он вступает в ряды Коммунистического союза молодежи. Тем, кто мало знаком с историей этой организации, мы можем сказать, что в те годы это был авангард искренней и мужественной молодежи. Большим ударом для Павла стала гибель старшего брата Николая, павшего в бою с одним из отрядов Е. Коновальца. Каким образом это отразилось на личных отношениях Судоплатова с украинскими националистами, мы можем только гадать, но личную мотивацию при исполнении специальных операций ни тогда, ни сейчас еще никто не отменял. Возможно, что смерть брата повлияла на уход нашего героя с военной службы.

В начале сентября 1923 г. Судоплатов подает рапорт об увольнении (напомним, что он служил на Славутинском погранпосту). Основной причиной такого поступка могла быть физическая, но главное – психологическая усталость юноши, которому к тому времени исполнилось всего 16 лет. Другая причина заключалась в сокращении чекистского аппарата после окончания Гражданской войны, но это также связано с возрастом нашего героя. В условиях мирного времени начинают действовать совсем другие законы, чем во время войны, в том числе и законы формально-бюрократические. Согласно им под сокращение в первую очередь попадают категории лиц, не годных по возрасту или состоянию здоровья к военной службе. Рапорт молодого пограничника удовлетворили, и он вернулся домой в Мелитополь. Правда, это мог быть всего лишь перевод перспективного сотрудника в состав действующего резерва при отсутствии должного финансирования. А возможно, и совпадение всех этих вариантов.

В пользу выдвинутой версии говорит то, что в своем родном городе Судоплатов без работы не остается, и это в условиях разрухи и безработицы на Украине! Он поступает на службу в аппарат Мелитопольского окружного комитета Ленинского Коммунистического союза молодежи Украины (ЛКСМУ). Первоначально Павел возглавляет информационный отдел окружкома и становится членом правления последнего, а затем – комендантом клуба рабочей молодежи. В 1924 г. его направляют секретарем комсомольской ячейки в село Ново-Григорьевка Генического района Запорожской области. С января 1925 г. Судоплатов – секретарь ячейки ЛКСМУ завода им. В. В. Воровского в Мелитополе. А в феврале того же года окружной комитет комсомола рекомендует «товарища Судоплатова» на

работу в органы ОГПУ. Вот и решайте – по собственной инициативе или в результате заранее проведенной «старшими товарищами» оперативной работы?

В то время основными врагами политического руководства СССР были представители свергнутых классов Российской империи, либеральных и ранее социалистических партий, выступавших против монополии РКП (б) на власть в стране. С окончанием Гражданской войны угроза свержения советской власти со стороны контрреволюционеров была значительно снижена. Оказавшиеся в эмиграции представители указанных политических сил не отказались, однако, от попыток реванша. Они имели политическую, экономическую, информационную и военную поддержку от правительств и специальных служб ряда иностранных государств.

С 1924 г. в системе безопасности Советского Союза основной структурой, отвечавшей за борьбу с контрреволюцией, шпионажем, бандитизмом и охрану границ, являлось ОГПУ. Сотрудники Секретно-оперативного управления ОГПУ добывали, обобщали, анализировали и реализовывали информацию о внешних и внутренних угрозах советской власти. Защиту СССР от интервенции и вторжения контрреволюционных войск обеспечивала Рабоче-крестьянская Красная армия. Для борьбы с вооруженными отрядами оппозиции внутри страны привлекались ЧОН, войска ОГПУ и отдельные подразделения Красной армии. Реализация стратегических замыслов победы пролетариата в других государствах осуществлялась через специальные структуры Коминтерна.

Военно-политическое руководство СССР постоянно контролировало ситуацию в стране и за рубежом. Информация о положении в иностранных государствах поступала по пяти основным линиям: Народный комиссариат по иностранным делам; ОГПУ (Иностранный, Восточный и Контрразведывательный отделы); Разведывательное управление Штаба РККА; специальные структуры Коминтерна; Спецотдел при ОГПУ. Обстановка внутри страны контролировалась тремя структурами: Секретариат ЦК РКП (б) (партия), Секретариат ЦИК СССР (советы) и ОГПУ. Ситуация в Красной армии и на флоте отслеживалась по линии Реввоенсовета, Штаба РККА и Народного комиссариата по военным и морским делам, ее также контролировали военные комиссары Политического управления РККА и сотрудники ОГПУ. За личную безопасность руководства ЦИК и СНК СССР отвечали Специальное отделение ОГПУ и Комендатура Московского Кремля Наркомата по военным и морским делам. Шел 1925 год…

Глава 5
Диверсант, рожденный диверсией

Итак, в феврале 1925 г., в возрасте семнадцати с половиной лет, Павел Судоплатов возвращается на службу в органы государственной безопасности и назначается сводчиком информационного отделения Мелитопольского окружного отдела ГПУ УССР. Информационное отделение (линия Информационного отдела, входившего в состав Секретно-оперативного управления ОГПУ) отвечало за обеспечение партийного и советского руководства в центре и на местах информацией о политическом и экономическом положении страны и отдельных регионов. В качестве источников информации служили доклады секретных сотрудников (агентов) на предприятиях, в учреждениях и т. п., отчеты уполномоченных ГПУ на местах, сведения о происшествиях, следственные материалы, периодическая печать, слухи. До 1927 г. Судоплатов занимается обработкой оперативной информации, составлением отчетов, сводок и других справочных данных секретного характера.

В 1928 г. его переводят на оперативную работу и повышают в должности – он становится помощником уполномоченного учетно-статистического отделения Мелитопольского окружного отдела ГПУ. В качестве младшего оперативного сотрудника Павел курирует работу нескольких агентов, действовавших в болгарской, греческой и немецкой колониях-поселениях. Работа с агентами, как с кадровыми секретными сотрудниками, так и с осведомителями, всегда требовала от нашего героя выдержки, терпения и хладнокровия.

П. А. Судоплатов

Настоящий оперативник-агентурист всегда являлся отменным «людоведом и душелюбом»: разбираясь с особенностями человеческой психологии, он должен уметь грамотно привлекать на свою сторону нужных лиц.

Один из наиболее выдающихся оперативников Российской империи, начальник Особого отдела Департамента полиции полковник С. В. Зубатов, неоднократно разъяснял своим подчиненным правила работы с секретными сотрудниками. Он отмечал, что единственное средство, для того чтобы быть в курсе деятельности оппозиционеров, – это иметь своих людей в каждой ячейке общества. Внутренняя, совершенно секретная и постоянная агентура – главное и единственное основание эффективного политического розыска. А главная задача оперативного сотрудника спецслужб – организовать тонкую и четко функционирующую сеть секретных осведомителей, работающих повсюду.

«Пути поиска таких людей различны, – говорил Зубатов своим офицерам, – но метод один: офицер охраны должен быть человековедом. Повторяю и повторяю: не смотрите на дело

приобретения сотрудника как на рыночную куплю-продажу. И ни в коем случае не относитесь к вашему человеку небрежно или, хуже того, с презрением, коего он, возможно, и заслуживает, ибо никто из нас не станет оправдывать Иуду, продавшего Христа. Однако упрячьте эти свои мысли и чувства поглубже. Вы, господа, должны смотреть на сотрудника как на любимую женщину, с которой вы находитесь в тайной связи. Берегите ее как зеницу ока. Один неосторожный ваш шаг – и вы ее опозорите. Помните это, относитесь к этим людям так, как я вам советую, и они поймут вас, доверятся вам и будут работать с вами честно и самоотверженно».

Мы не можем с достоверностью сказать, был ли знаком Павел с секретными инструкциями по работе с агентурой, принятыми в Российской империи, но и в ВЧК – ОГПУ к тому времени уже существовали методические материалы подобного характера, например «Азбука контрразведчика». Конечно, общение оперативника с секретными сотрудниками далеко не всегда бывает приятным, но информация, собранная им в ходе встречи, всегда представляет интерес для органов госбезопасности. Некоторые чекисты на местах и даже в центре, особенно из большевиков с дореволюционным стажем, такой работы, которую они со времен подполья именовали «провокацией», не выдерживали и подавали рапорт о переводе в другой отдел. Однако П. А. Судоплатов обладал необходимыми оперативнику качествами – великолепной выдержкой и должным хладнокровием.

В феврале 1928 г. он вступает в ряды Всесоюзной Коммунистической партии большевиков – ВКП (б). (Партия получила новое название – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) на XIV съезде в 1925 г. в связи с образованием СССР.)

В августе 1928 г. наш герой получает очередное повышение и переводится в столицу тогдашней Украины г. Харьков, где назначается помощником уполномоченного секретного отделения Харьковского окротдела ГПУ УССР. Секретный, а с марта 1931 г. секретно-политический отдел в составе Секретно-оперативного управления ОГПУ и его отделения на местах занимались постановкой на оперативный учет выявленных членов небольшевистских партий и организаций: анархистов, меньшевиков, эсеров, кадетов, октябристов, сионистов-бундовцев, националистов различных направлений и других, а также борьбой с активными антисоветскими партиями и группами, работой в среде творческой интеллигенции и духовенства. В том же году Павел вступает в брак с коллегой по работе Э. К.

Кагановой.

Затем, в отрезок времени до 1930 г. (более точные данные в личном листке по учету кадров отсутствуют) П. А. Судоплатова переводят в центральный аппарат ГПУ УССР и назначают помощником уполномоченного Отдела информации и политического контроля. Этот отдел был образован путем слияния в ноябре 1925 г. двух отделов – информационного и политконтроля – в единую структуру. Подчеркнем, что в личном листке по учету кадров рукой Павла Анатольевича указана должность именно помощника уполномоченного. Об этом периоде работы нам известно мало, вероятнее всего, в новой должности сочетались как оперативная, в том числе агентурная, так и аналитическая составляющие.

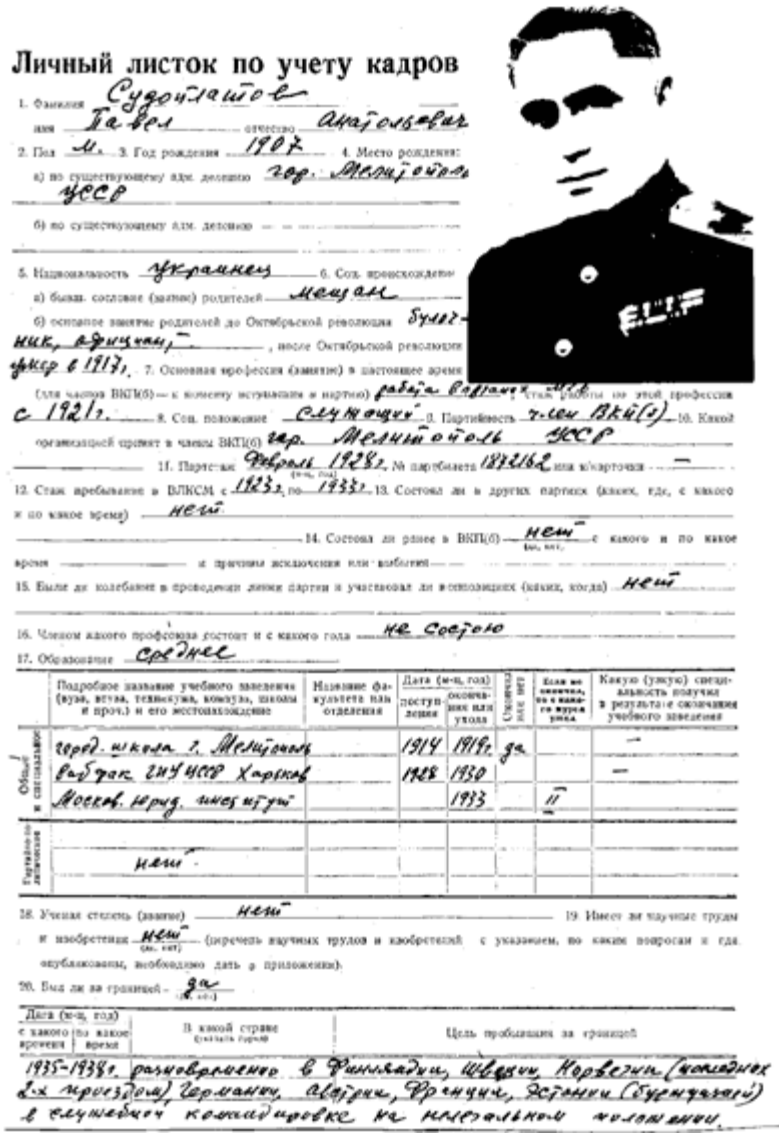
«Мой рабочий день, – вспоминал П. А. Судоплатов, – начинался в десять часов утра и заканчивался в шесть вечера с коротким перерывом на обед. После этого шли встречи с осведомителями на явочных квартирах. Они продолжались с половины восьмого вечера до одиннадцати. Затем я возвращался на службу, чтобы доложить начальству о полученных мною оперативных материалах.

С 1922 г. ГПУ, а позднее НКВД – КГБ и служба внешней разведки при принятии важных решений в вопросах внешней и внутренней политики государства должны были стать основным источником информации для всех уровней советского и российского руководства. И сегодня руководство страны получает ежемесячные доклады о положении в государстве от органов госбезопасности по линии агентуры. Подобного рода доклад включает изложение внутренних трудностей и недостатков в работе различных организаций, предприятий и учреждений…

По иронии судьбы отделение информации нашего отдела возглавлял бывший царский офицер Козельский, происходивший из древней и обедневшей дворянской семьи. Хотя этот человек и служил в царской армии, его симпатии к большевикам, проявившиеся в годы революции, позволили ему завоевать наше доверие. В 1937 г. он покончил самоубийством, чтобы избежать ареста во время кампании чисток…»[104]

А тем временем в ОГПУ и его подразделениях на местах начинается очередная реорганизация, связанная с борьбой за власть в высших эшелонах партийно-государственной власти. Летом 1928 г. заместители председателя ОГПУ Г. Г. Ягода и М. А. Трилиссер не поддержали предложение Сталина и его сторонников о применении чрезвычайных мер в отношении лидеров оппозиции, поэтому вначале устранение кадров в ОГПУ происходило путем их перемещения на хозяйственную и

советскую работу. Так, в августе 1931 г. по делу «Весна» сняты с постов Л. Н. Бельский, полпред ОГПУ по Московской области; И. А. Воронцов, начальник Административно-организационного управления; Е. Г. Евдокимов, начальник Секретно-оперативного управления; С. А. Мессинг, начальник Иностранного отдела; Я. К. Ольский, начальник Особого отдела.



Личный листок по учету кадров

1. Фамилия Судоплатов
имя Павел отчество Анатольевич
2. Пол м. 3. Год рождения 1907 4. Место рождения:
а) по существующему адм. делению гор. Мелитополь УССР
б) по существующему адм. делению
5. Национальность украинец 6. Соц. происхождение
а) бывш. сословие (звание) родителей мещан
б) основное занятие родителей до Октябрьской революции булочник, официант, после Октябрьской революции умер в 1917 г. 7. Основная профессия (занятие) в настоящее время (для членов ВКП(б) — к моменту вступления в партию) работа в органах МГБ, стаж работы по этой профессии с 1921 г. 8. Соц. положение служащий 9. Партийность член ВКП(б) 10. Какой организацией принят в члены ВКП(б) гор. Мелитополь УССР
11. Партстаж Февраль 1928 г. (м-ц, год) № партбилета 1872162 или к/карточки —
12. Стаж пребывания в ВЛКСМ с 1923 г. по 1933 г. 13. Состоял ли в других партиях (каких, где, с какого и по какое время) нет
14. Состоял ли ранее в ВКП(б) нет (м., нет) с какого и по какое время и причины исключения или выбытия
15. Были ли колебания в проведении линии партии и участвовал ли в оппозициях (каких, когда) нет
16. Членом какого профсоюза состоит и с какого года не состою
17. Образование среднее

	Подробное название учебного заведения (вуза, втуза, техникума, комвуза, школы и проч.) и его местонахождение	Название факультета или отделения	Дата (м-ц, год) поступления	Дата (м-ц, год) окончания или ухода	Окончил или нет	Если не окончил, то с какого курса ушел	Какую (узкую) специальность получил в результате окончания учебного заведения
Общее и специальное	город. школа г. Мелитополь		1914	1919 г.	да		—
	Рабфак ГИУ УССР Харьков		1928	1930			—
	Москов. юрид. институт			1933		II	
Партийно-политическое	нет						

18. Ученая степень (звание) нет 19. Имеет ли научные труды и изобретения нет (м., нет) (перечень научных трудов и изобретений с указанием, по каким вопросам и где опубликованы, необходимо дать в приложении).
20. Был ли за границей да (м., нет)

Дата (м-ц, год) с какого времени	Дата (м-ц, год) по какое время	В какой стране (указать город)	Цель пребывания за границей
1935-1938 г.		разновременно в Финляндии, Швеции, Норвегии (последних 2-х приездов), Германии, Австрии, Франции, Эстонии (буржуазной)	в служебной командировке на нелегальном положении.

Личный листок по учету кадров П. А. Судоплатова

Форма № 3

ЛЕНИНА	Кра…	…раждан орденом Красного Знамени	Награжден орденом Красного Знамени	Награжден орденом Суворова II степ…
Награ… ОТЕЧ…	Награжден орденом Красной Звезды	Награжден орден… Крас…	Награжден медалью „Партизану Отечественной войны" I степени	Награжден: „За об…

ДОПОЛНЕНИЕ

К ЛИЧНОМУ ЛИСТКУ ПО УЧЕТУ КАДРОВ

Фамилия СУДОПЛАТОВ Имя Павел Отчество Анатольевич

I. Данные о работе после заполнения личного листка

ДОЛЖНОСТЬ с указанием наименования учреждения, организации, предприятия, главного управления, министерства или ведомства	Местонахождение учреждения, организации, предприятия (город, район, область, край, республика)	Число, мес., год: вступления в должность / ухода с должности	«…» об утверждении на работе / «…» об освобождении от работы
			ДК 40/206
Начальник 4 управления МТБ СССР	г.Москва	У-43	11.У-43
		Х1-46	
Начальник бюро К-1 МТБ СССР / до 6.1-51 служба "ДР" /	г.Москва	Х1-46	СТ 297/216 13.П-47
		17.Ш.53	
Заместитель начальника 1 Главного управления МВД СССР	г.Москва	17.Ш.53	
		30.У.53	
Начальник 9 отдела МВД СССР	г.Москва	30.У.53	
		20.УШ.53	
Приказом МВД СССР № 1120 от 20.УШ-53 уволен из органов МВД за невозможностью использования			

Дополнение к личному листку по учету кадров П. А. Судоплатова

В 1930 г. П. А. Судоплатова переводят в резерв назначений ГПУ УССР, а затем отправляют заведующим культурно-воспитательной частью трудовой коммуны ГПУ УССР для правонарушителей в селе Ладан под городом Прилуки. «Между тем, – вспоминал он об этом периоде, – работа шла своим чередом, и я получил новое – весьма необычное, но весьма важное – задание, которое совместно контролировалось руководителями ОГПУ и партийными органами. Моя новая должность называлась: комиссар спецколонии в Прилуках для беспризорных детей.

После Гражданской войны подобного рода колонии ставили своей целью покончить с беспризорностью детей-сирот, которых голод и невыносимые условия жизни вынуждали становиться на путь преступности. На содержание этих колоний каждый чекист должен был отчислять десять процентов своей заработной платы. При колониях создавались мастерские и группы профессиональной подготовки – трудовой деятельности ребят придавалось тогда решающее значение. Завоевав доверие колонистов, мне удалось организовать фабрику огнетушителей, которая вскоре начала приносить доход.

Благодаря положению моей жены в украинских партийных кругах я дважды встречался с Косиором, тогдашним секретарем ЦК Коммунистической партии Украины. Эти встречи проходили на квартире Хатаевича, куда нас приглашали в качестве гостей. Особое впечатление на меня производило, как оба руководителя смотрели на будущее Украины. Экономические проблемы и трагедию коллективизации они рассматривали как временные трудности, которые следует преодолевать всеми возможными средствами. По их словам, необходимо было воспитать новое поколение, абсолютно преданное делу коммунизма и свободное от всяких обязательств перед старой моралью. Наибольшее внимание следовало уделять развитию и поддержке новой украинской интеллигенции, враждебно относящейся к националистическим идеям. Потребовались еще шестьдесят лет и развал Советского Союза, чтобы стало очевидным: нужно было проявить, по крайней мере, терпимость и постараться понять противную сторону, а не стремиться во что бы то ни стало ее уничтожить».

Трудно сказать, в какой мере работа Павла Анатольевича в трудовой коммуне была политической, а в какой – оперативной. В его листке по учету кадров указана только должность заведующего культурно-воспитательной частью, которая давала большой простор для оперативной работы.

А тем временем в результате очередной «партийной войны» 1931 г. председатель украинского ГПУ, он же полномочный представитель ОГПУ по УССР В. А. Балицкий назначается заместителем председателя общесоюзного ОГПУ. Постепенно, как поступил бы на его месте каждый, он переводит в Москву нескольких своих доверенных сотрудников, и в феврале 1932 г. в их числе оказывается и Судоплатов.

Вначале он назначается инспектором, а затем – старшим инспектором Отдела кадров ОГПУ. Подобное назначение (кадры решают все!) может говорить о желании Балицкого держать под контролем кадровые перемещения в центральном аппарате ОГПУ.

В должности старшего инспектора П. А. Судоплатов курирует комплектование и перемещения по службе в Иностранном отделе ОГПУ. Он знакомится с начальником отдела А. Х. Артузовым и его заместителем А. А. Слуцким. В 1933 г. он переходит на оперативную работу в разведке в должности оперативного уполномоченного. Это еще один поворотный момент в его судьбе.

Здесь мы оставим на время нашего героя, для того чтобы глубже понять суть геополитических процессов, происходивших на западе и юго-западе Советского Союза во второй четверти XX в.

Для этого нам следует вернуться на полсотни лет назад. В конце XIX в. после образования в 1879 г. Тройственного союза между Италией, Австро-Венгрией и Германией противоборство этих стран с Российской империей обострилось. В этой борьбе все средства были хороши. Противники России рассматривали Украину, наряду с Кавказом, Польшей, Прибалтикой и Финляндией, в качестве наиболее слабых звеньев империи.

В Германии и Австро-Венгрии еще в начале XX в. существовало несколько подходов к решению «российского вопроса», разнились и взгляды на развитие событий на Востоке. Наиболее жесткий германский вариант предусматривал полный разгром Российской империи и перенесение ее границ далеко на восток. Этот подход отстаивали «Пангерманская Лига» и «Партия Отечества», которые предлагали в рамках германского «жизненного пространства» колонизировать Галицию и Черноморское побережье, включая Крым. Последовательным проводником этих планов впоследствии стал А. Гитлер.

Некоторые венские политики имели в локальном «украинском вопросе» свое собственное мнение, поскольку Австро-Венгрия на тот момент владела Галицией, официально провозглашенной «украинским Пьемонтом» в борьбе против Российской империи. Геополитическая цель Австро-Венгрии заключалась в присоединении к Галиции и других украинских земель. В этом вопросе мнения союзников явно не совпадали. Но и берлинские, и венские политики, заинтересованные в будущем расчленении Российской империи, с конца XIX в. одинаково щедро финансировали различные сепаратистские группировки на территории Украины. Одним из идеологов и лидеров сепаратистов становится униатский митрополит А. Шептицкий.

В ходе Первой мировой войны в Вене активизируется прозападный Союз освобождения Украины (СОУ). В поддержку украинских сепаратистов выступают Болгария и Турция, вступившие в войну против стран Антанты. «Профессиональные украинцы» (мазепинцы) ставят своей задачей присоединение к 3-миллионной Галиции 30-миллионного украинского народа.

Естественно, что Россия становится «тюрьмой народов», а «москали» – душителями свободы «Великой Украины», территория которой должна была доходить до Волги, Черного моря и Кавказа. Но у каждой палки, как известно, два конца. Идея борьбы с Российской империей для многих венских политиков выглядела весьма привлекательной, но они, очевидно, забыли, что тот, кто сеет ветер, – пожинает бурю. Своими действиями Австро-Венгрия дала мощный толчок к росту сепаратистских настроений внутри двуединой монархии. Венгерские, польские, словацкие и чешские националисты начали играть в свои собственные геополитические игры, окончившиеся для Вены глобальной катастрофой после поражения в Первой мировой войне.

Заигрывания с украинскими националистами закончились полным провалом и для Берлина – потерей польских территорий, ранее принадлежавших Пруссии. Однако в Германии идея геополитического реванша с окончанием Первой мировой войны отнюдь не исчезла. И одним из объектов будущего реванша стал, разумеется, Советский Союз, для которого эмигрантские и внутренние подпольные сепаратистские группы стали одной из наиболее реальных угроз в период между двумя мировыми войнами.

Пожалуй, наиболее опасными для СССР являлись вооруженные формирования украинских националистов.

За несколько лет до октября, в январе 1914 г., во Львове создается военизированное объединение, получившее название Сечевые стрельцы, а в июле того же года в Галиции – Центральная боевая управа. Она обращается к австрийским властям с инициативой создания украинского национального формирования – Легиона украинских сечевых стрельцов. Легион участвует в боях против русских войск на стороне Австро-Венгрии. Осенью 1914 г. планируется использовать 50 групп по 20 стрельцов для развертывания разведывательно-диверсионной деятельности в тылах русской армии, но эта попытка закончилась неудачей.

В первые бои с красными легионеры вступили зимой 1918 г. во время оккупации Украины австрийскими и немецкими войсками. В этот же период бывший офицер австрийской армии Е. Коновалец формирует свои галицийско-буковинские отряды стрельцов. Одновременно в немецких лагерях в Вейцларе, Радштадте и Зальцведеле из пленных формируется 1-я дивизия «синежупанников». Дивизия создавалась в качестве силовой опоры немецкого ставленника гетмана Скоропадского, но ею не стала и была впоследствии расформирована.

Потерпев поражение в Гражданской войне, часть руководства «сечевиков» оказывается в эмиграции, где Е. Коновалец, А. Мельник и Р. Сушко создают в 1920 г. Украинскую военную организацию (УВО). А территория Украины после 1921 г. оказывается раздробленной. Восточная Украина входит в состав Советского Союза, Буковина отошла к Румынии, Закарпатье – к Чехословакии, а Волынь, Галиция, Подляшье, Полесье и Холмщина становятся частью Польши. В среде националистов нет единства, и часть из них выступают одновременно и против СССР и против Польши.

В 1921 г. лидер УВО Е. Коновалец налаживает контакты со спецслужбами Веймарской республики, видя в ней противовес Польше, и в 1922 г. вместе со своим штабом перебирается в Берлин. В 1923 г., после признания странами Антанты Волыни и Галиции польскими территориями, руководство УВО полностью переориентируется на Германию. В том же году была установлена связь украинских националистов со спецслужбами Литвы. Правительство и парламент последней предъявляли к Польше свои территориальные притязания, поскольку в 1920 г. к Польше отошла часть литовской территории. В Каунасе находилась база боевиков УВО, действовавших под прикрытием литовских документов.

С этого времени украинскими националистами в интересах Германии осуществлялись разведка, саботаж и диверсии на польских территориях. Основными направлениями деятельности УВО стали террор против представителей польской власти и пропаганда идей «возрождения Украины». Убийства и неудачные покушения на польских чиновников, офицеров, жандармов следовали еженедельно. Поскольку УВО отчаянно нуждалась в средствах, одной из приоритетных целей боевиков стали банки, почтовые конторы и сберегательные кассы.

Польские власти отвечали террором на террор: боевиков вешали, приговаривали к пожизненному заключению, калечили в тюрьмах и концлагерях. Аналогично власти поступали и с подпольщиками левой ориентации: белорусскими, польскими и украинскими. В некоторых случаях жертвами боевиков УВО становились представители украинских умеренных националистических организаций, базировавшихся в Польше. Однако против террора и диверсий на территории советских Украины и Белоруссии эти «умеренные» не возражали.

Таким образом, сложилась довольно часто встречающаяся в политике ситуация двойного стандарта. Польские власти, активно преследовавшие боевиков УВО, не менее активно поддерживали боевиков антисоветской ориентации. Ранее, в

начале 1919 г., поляками была создана разведывательно-диверсионная сеть на территории Белоруссии, Виленщины, России и Украины. Ее основу составляли боевики Союза активной борьбы и Польской организации войсковой (ПОВ).

Однако после того, как чекисты арестовали и перевербовали нескольких руководителей ПОВ, а затем ликвидировали большинство диверсионных групп, использование поляков, проживающих на советской территории и проходящих службу в Красной Армии, для осуществления разведывательно-диверсионных операций стало крайне затруднительно. Польским властям пришлось сделать основную ставку на боевиков из оказавшихся на территории Польши отрядов С. В. Петлюры, Б. В. Савинкова и С. Н. Булак-Балаховича. В борьбе с петлюровско-савинковскими бандами начинал в 1921–1923 гг. свою чекистскую деятельность Н. А. Прокопюк – один из будущих подчиненных П. А. Судоплатова.

Н. А. Прокопюк, Герой Советского Союза, сотрудник НКВД СССР

Операции активной разведки на территории Польши, которая в 1920-х гг. рассматривалась в качестве одного из основных потенциальных агрессоров, стали адекватным ответом на аналогичные операции диверсионных групп, действовавших против советских Белоруссии и Украины с польской территории. Основной задачей активной разведки являлось обеспечение безопасности приграничной полосы СССР путем проведения диверсионно-террористических операций на территории Западной Белоруссии и Западной Украины. Военно-

конспиративная деятельность в Польше развивалась одновременно по линии Разведуправления РККА и Коминтерна. Главным куратором обеих линий был И. С. Уншлихт.

Наибольшей эффективностью (документы по этому вопросу были раскрыты только после 1993 г.), отличались партизанские отряды и группы под командованием С. А. Ваупшасова, В. З. Коржа, К. П. Орловского, А. М. Рабцевича – под них маскировались группы активной разведки РУ РККА. Все эти командиры станут впоследствии «золотым запасом» П. А. Судоплатова в борьбе с фашистскими захватчиками.

С. А. Ваупшасов, Герой Советского Союза, сотрудник НКВД СССР

А. М. Рабцевич, Герой Советского Союза, сотрудник НКВД СССР

Кроме того, следуя концепции «полевой революции», действия партизанских отрядов должны были стать примером по части организации массового вооруженного сопротивления польским властям со стороны национальных меньшинств. По замыслу организаторов, отдельные диверсионно-террористические акции должны были постепенно перерасти в массовое партизанское движение на западно-белорусских и западно-украинских землях. Итогом партизанского движения

виделось «всенародное восстание» белорусов, евреев, литовцев, украинцев против польских панов и воссоединение Западной Белоруссии и Западной Украины с СССР. Кадровый костяк партизанских отрядов в основном состоял из боевиков левых польских партий, в том числе и активных агентов разнообразных спецотделов Коминтерна.

К. П. Орловский, Герой Советского Союза, сотрудник НКВД СССР

После окончания Гражданской войны наша страна фактически оказалась во враждебном окружении государств (Польша, Литва, Латвия, Эстония и Финляндия), которые ранее

входили в состав Российской империи и имели с СССР общую границу. Военно-конспиративная деятельность ВЧК – ОГПУ, РУ РККА и ИККИ в них имела пограничную специфику. Суть ее заключалась в организации на советской стороне специальных пунктов – так называемых коридоров для перехода государственной границы. Через эти пункты, создаваемые конспиративно на участках погранзастав с особо доверенными командирами, осуществлялась нелегальная переброска людей и грузов через границу в обоих направлениях. Разумеется, конспиративная работа советских спецслужб и специальных структур Коминтерна проводилась и в других странах.

Приграничные государства, а также Балканы и Германия находились в зоне пристального внимания советского военно-политического руководства. А что прикажете делать, если вы находитесь во враждебном окружении и постоянно ожидаете интервенции? Сидеть и ждать? Наилучшим выходом видится изменение враждебной политики правительств окружающих стран на политику дружественную или хотя бы нейтральную. Есть и еще один вариант – создание в недружественных странах такой внутренней обстановки, когда правительствам будет не до организации агрессии против кого бы то ни было. Военно-политические задачи подобного рода и обеспечивались операциями активной разведки, а также военно-конспиративной деятельностью Коминтерна, функционеры которого помогали компартиям в организации пролетарских революций в странах ближнего и дальнего зарубежья.

В 1923 г. было предпринято три попытки революционных выступлений в странах Европы. Первой стала Болгария. Кроме политической и пропагандистской работы компартия Болгарии параллельно занималась созданием нелегальной боевой организации, которая сформировалась в середине 1921 г. Военные структуры партии на местах находились под руководством одного из секретарей местного партийного комитета. При ЦК компартии были созданы две спецкомиссии: техническая (оружие, боеприпасы, планирование, обучение кадров и т. п.) и по специальной пропаганде (разложение армии, полиции, жандармерии и т. д.). Разведка военной организации была выделена в самостоятельную структуру и стала общепартийной. Ее центральные структуры подчинялись ЦК, а местные разведотделы – партийным комитетам.

Наряду с военной организацией БКП по линии ИККИ и РУ РККА в Болгарии был создан революционный комитет «Добруджа», деятельность которого распространялась на территорию Румынии. В руководство ревкома «Добруджа»

входили участники Гражданской войны в России С. Джоров и К. Касапов. Работа этого органа была особо законспирирована, поскольку его основным направлением была организация активной разведки в Румынии и – отчасти – в Турции и Болгарии.

После переворота 9 июня 1923 г. правительство А. Цанкова было крайне обеспокоено «лихорадочными приготовлениями» коммунистов и «земледельцев» – членов Болгарского Земледельческого народного союза – к вооруженному восстанию. Совпадение политических интересов БКП и БЗНС, которое могло перерасти в тактическое объединение, являлось основной угрозой для благополучия правых.

12 сентября правительство нанесло превентивный удар по компартии. Рабочие помещения, клубы и газеты БКП были закрыты полицией, более 2000 коммунистов арестованы, в том числе около сорока функционеров партии. Намеченная на такой случай всеобщая политическая забастовка не состоялась. 14 сентября в районе города Татар-Пазарджик началось стихийное вооруженное восстание крестьян. В течение пяти дней (13–17 сентября) руководство БКП, пребывая в непрерывных дискуссиях, не могло принять решения: что делать?

18 сентября партия наконец берет курс на вооруженное восстание, которое намечено начать 22 сентября, но этот срок опередили на местах. В ночь с 19 на 20 сентября началось восстание в Старо-Загорском округе (гг. Казанлык и Пловдив). 21 сентября полиция разгромила Военно-революционный комитет в Софии и провела аресты в частях столичного гарнизона. Наибольший масштаб бои правительственных войск и повстанцев приобрели в северо-западной Болгарии, в районе города Фердинанд. 29 сентября восстание было подавлено. В его ходе погибли несколько тысяч человек, небольшая часть повстанцев сумела эмигрировать из приграничных районов в Югославию, Грецию и Румынию.

Объективные предпосылки для вооруженного восстания были гораздо ниже тех, что представляли себе руководители Коминтерна. В числе основных причин, предопределивших поражение восстания, была его абсолютно недостаточная политическая подготовка. Отсутствовали лозунги, которые формулировали бы кровные интересы рабочих и в особенности крестьянских масс. В ряду главных слабостей партии, оказавшей роковое влияние на исход восстания, были ее слабые позиции на транспорте, на железных дорогах, почте и телеграфе. Отсутствие должной организации связи, точной информации с мест событий и наблюдающееся высокомерие функционеров центральных партийных органов сыграли с компартией Болгарии злую шутку.

Одной из основных задач специальных структур Коминтерна и советских спецслужб в 1923 г. являлось обеспечение успеха предполагаемой революции в Германии. (Мы уже касались этого вопроса в предыдущих главах.) Подчеркнем, что политическая, организационная и техническая подготовка восстания не соответствовала реальной обстановке в стране. Не было организовано должное военное обучение «пролетарских сотен», причем многие из них реально существовали только на бумаге. Не менее сложная ситуация была и со снабжением «пролетарских сотен» оружием, боеприпасами и необходимым снаряжением. Даже там, где это оружие было, отлаженной системы его передачи в руки рабочих не наблюдалось. В области руководства восстанием, в области связи, агитации и пропаганды, а также мер конспирации ситуация также была крайне неблагоприятной. Политические мероприятия, подготавливающие участие в восстании широких масс трудящихся, отсутствовали. Не проводилась и систематическая работа по разложению вооруженных сил буржуазного правительства.

А противник действовал решительно, но главное – политически и тактически грамотно. 9 октября 1923 г. рейхстаг предоставил чрезвычайные полномочия правительству Штреземана. На следующий день в Саксонии было сформировано «рабочее правительство» в составе пяти левых социалистов и двух коммунистов. После того как министр-коммунист П. Бетхер потребовал вооружить «пролетарские сотни», командующий рейхсвером в Саксонии генерал А. Мюллер немедленно объявил об их роспуске. 13 октября он переподчинил себе земельную полицию, которая предпочла выполнять приказы генерала, а не распоряжения государственного секретаря Саксонии Г. Брандлера. После этого Мюллер сконцентрировал у границ Саксонии 50-тысячную ударную группировку рейхсвера.

21 октября конференция докеров приняла решение призвать пролетариат к всеобщей забастовке, если рейхсвер предпримет действия против правительства Саксонии. Но конференция фабрично-заводских комитетов Саксонии призыв к всеобщей забастовке не поддержала. Рабочие правительства Саксонии и Тюрингии не смогли привлечь широкие массы рабочих на свою сторону. Войска рейхсвера вошли в Дрезден и Лейпциг. В этих условиях руководство КПГ и московские эмиссары приняли решение об отмене вооруженного восстания.

Однако до Гамбурга это решение не дошло, и 23 октября в 5 часов утра там вспыхнули бои, продолжавшиеся до 25 октября, когда восставшие по директиве компартии добровольно прекратили борьбу и скрылись, унося с собой оружие. Как и во

многих других случаях, отрицательным моментом восстания было отсутствие единого руководства. Существовал только план боевых действий военной организации в первый момент выступления. Общего плана, который предусматривал бы все организационно-политические и агитационные мероприятия партии, направленные на быстрое и успешное проведение восстания (организация революционной власти, быстрая мобилизация масс и руководство их борьбой, изоляция лидеров социал-демократии и т. п.), не было.

Для успеха предполагавшегося вооруженного выступления германского пролетариата нельзя было допустить, чтобы в его подавлении участвовали польские войска. Легальные резидентуры ИККИ, РУ РККА и ГПУ – ОГПУ, действовавшие под «крышей» полпредства СССР в Варшаве, вели интенсивную разведку в вооруженных силах и государственных учреждениях Польского государства. Главной опорой советских разведслужб в Польше были польские коммунисты-коминтерновцы.

В первой половине 1923 г. военное крыло компартии Польши приступило к организации диверсионно-террористических акций против своих политических противников. Предполагалось, что эти акции приведут к нарастанию революционной борьбы пролетариата. Период весны – осени 1923 г. журналисты назвали «бомбовым периодом». В частности, 3 мая на открытии памятника С. Понятовскому должны были присутствовать члены правительства, лидеры политических партий и иностранные делегации. Боевики заложили мощный фугас, но теракт отменили из-за утечки информации. Тактика диверсантов была основана на принципе «маятника», т. е. имитировала действия двух террористических организаций, действующих друг против друга. С определенной периодичностью взрывы самодельных бомб происходили в помещениях то правых, то левых общественных организаций и газет. Было и несколько неудачных попыток покушений на Ю. Пилсудского, «директора» Польского государства.

Для 2-го отдела польского Генштаба (контрразведка) и Варшавской политической полиции поиск и обезвреживание террористов были приоритетной задачей. Используя агентуру в армии, польские спецслужбы сумели к сентябрю 1923 г. задержать часть членов коминтерновской «боёвки». Несколько позже были арестованы и руководители организации. Однако уже после их ареста в ночь с 12 на 13 октября в варшавской цитадели произошел грандиозный взрыв. Сила взрыва была так велика, что рота солдат, стоявшая на плацу в полукилометре от цитадели, была целиком поднята на воздух и сброшена в реку Вислу, где

утонуло несколько десятков человек. После взрыва склада боеприпасов в варшавской цитадели контрразведка и политическая полиция активизировали агентурную и оперативную работу и начали аресты коммунистов. По всей Польше было арестовано около 2000 человек, что обескровило польскую компартию. 31 октября Пилсудский издал указ о введении в стране чрезвычайного положения и военно-полевых судов.

После введения чрезвычайного положения компартия Польши призвала рабочих к всеобщей политической забастовке, которая началась 5 ноября. На следующий день в Кракове местные власти запретили проведение митинга у Дома профсоюзов (Рабочего дома). Они стянули к месту сбора полицию и войска, и те, открыв огонь по рабочим, убили двух человек. В ответ на расстрел в городе началось вооруженное восстание. Повстанцы разоружили две роты пехоты, отбили атаку трех эскадронов кавалерии и захватили броневик. К вечеру 6 ноября рабочий район Кракова оказался в руках восставших. В качестве ответной меры правительство срочно перебросило в город войска и полицейские подразделения из Кельце, Люблина и Познани.

Руководство Коминтерна потребовало от компартии Польши возглавить руководство восстанием и начать создание Красной гвардии, чтобы трансформировать Краковское восстание в революцию. Но из-за всеобщей забастовки железнодорожников эмиссары компартии в тот же день попасть в город не смогли. А без политической цели, без вождей, без организации первоначально победоносное, но стихийное вооруженное восстание превратилось в вооруженный бунт.

7 ноября 1923 г. лидеры социалистов заключили соглашение с правительством Пилсудского, а депутаты Сейма Марек и Бобровский уговорили повстанцев сложить оружие. К моменту, когда представители компартии прибыли наконец в Краков, о возобновлении вооруженной борьбы не могло быть и речи. Отсутствие должной оперативной связи и возможности адекватно реагировать на изменяющуюся обстановку не позволило должным образом воспользоваться сложившейся ситуацией.

Весной – осенью 1924 г. на территории Западной Белоруссии продолжались операции партизанских отрядов. Их деятельность настолько беспокоила польское правительство, что 9 мая председатель Совета министров издал специальный указ, в котором за поимку партизанского командира («бандита») Мухи-Михальского, а также за информацию о его нахождении и содействие полиции назначалась крупная денежная награда. Руководство польской контрразведки и полиции не знало, что под

псевдонимом Муха-Михальский одновременно действовали насколько партизанских командиров. 18 июля 1924 г. партизанский отряд С. А. Ваупшасова разгромил польский полицейский участок в селе Вишнева, где после боя был созван митинг местного населения. Митинг был посвящен пропаганде целей партизанской борьбы и агитации населения о помощи партизанам. В этот же день группа партизан Ф. Яблонского разгромила полицейский отряд в селе Жодишки. На следующий день отряд Ваупшасова занял лесопильный завод в селе Жердели (англофранцузская концессия). На этом заводе также был созван митинг заводских рабочих. Затем в междуречье рек Ислочь и Березина отряд Ваупшасова разгромил полицейский кавалерийский эскадрон. С апреля по ноябрь 1924 г. на территории Западной Белоруссии и Западной Украины партизанские отряды провели более восьмидесяти крупных боевых операций.

К тому времени обучение иностранных коммунистов специальным военным дисциплинам осуществлялось следующим образом. Бывшая «Спартаковская бригада» была переформирована в Особую школу красных командиров для немецкоговорящих слушателей. Лучшие кадры из польских подразделений были сведены в Стрелковую (учебную) бригаду красных коммунаров. Финские и отчасти прибалтийские коммунисты проходили подготовку в составе Петроградской Интернациональной военной школы. В основном военное обучение велось в рамках Полевого устава РККА. Впоследствии эти школы стали серьезным источником особого кадрового резерва для военно-конспиративных структур Коминтерна, РУ РККА и ИНО ОГПУ. Агентурную и оперативную подготовку кадров для собственных нужд советские спецслужбы осуществляли в меру своих возможностей.

В 1924 г. ситуация начала постепенно меняться. С апреля по июнь функционировала военная школа для германских коммунистов, но ее работа была признана неудовлетворительной, и в учебных заведениях Коминтерна началась интенсивная работа по перестройке учебного процесса по подготовке «профессиональных революционеров», в том числе нелегального оперативного и военного аппарата компартий.

30 июля 1924 г. помощник начальника штаба РККА М. Н. Тухачевский направил заместителю наркома по военным и морским делам М. В. Фрунзе докладную записку с предложением создать при штабе РККА военный орган по проблемам Коминтерна. Уже на следующий день (!) состоялось заседание специальной комиссии Реввоенсовета СССР (Л. Д. Троцкий, И. С.

Уншлихт, М. Н. Тухачевский, Я. М. Жигур). Было решено составить специальное руководство по гражданской войне, которое включало в себя четыре основные группы вопросов:

1) Пролетарская революция и вооруженное восстание (введение к уставу гражданской войны).

2) Стратегия (устав) гражданской войны: формирование Красной гвардии; психологическая подготовка восстания; восстание; формирование Красной армии; зарубежные мероприятия; дальнейшие операции; борьба с контрреволюционными восстаниями.

3) Тактика в гражданской войне: уличный (городской) бой; действия по железным дорогам; действия отдельных мелких отрядов; действия крупных частей разреженными порядками; переходная тактика от партизанской к массовой войне; тактика технических войск.

4) История гражданских войн: Московское восстание 1905 г.; Февральская революция; Октябрьское восстание в Петрограде и Москве; Баварское; Венгерское; Германское; Болгарское восстания.

С осени 1924 г. обучение функционеров иностранных компартий конспиративным, военным и военно-специальным знаниям и навыкам стало проводиться в рамках специальных школ и курсов ИККИ; названия большинства из этих школ и курсов до сих пор засекречены. Формально названные заведения подчинялись Отделу кадров ИККИ, но обучение контролировалось Организационным отделом и Отделом международной связи (И. А. Пятницкий). Центральная военно-политическая школа разместилась под Москвой, в поселке Баковка, имелся также широкий ряд разнообразных филиалов, учебных «пунктов» и «точек». При школе функционировали различные специальные курсы, на которых готовились кадры для грядущих революций и международной гражданской войны.

Целью курсов была ступенчатая подготовка военно-политических руководителей местного, районного и областного масштаба с учетом образования и специальных знаний курсантов. Первоначальные программы включали военно-политическую, тактическую и военно-техническую подготовку, изучение топографии и организации вооруженных сил буржуазии. Все эти планы не были реализованы одномоментно в течение 1924 г., но начало было положено при разработке учебных программ для нелегальной военной организации компартии Болгарии.

В военно-политической области изучались теория и практика вооруженного восстания: во-первых, ленинская теория вооруженного восстания (предпосылки пролетарской революции;

роль и место вооруженного восстания в ее процессе; превращение войны национальной или империалистической в войну гражданскую); во-вторых, организационная подготовка вооруженного восстания («людской материал и его свойства»; общие принципы организация своих сил; военно-политическое воздействие на свои части и части противника); в-третьих, организационные мероприятия после захвата власти (организация Красной армии, милиции, пролетарских спецслужб по типу ВЧК, аппарата гражданского управления; отношение к старому государственному аппарату; использование его элементов в строительстве нового аппарата власти).

В области нелегальной работы (конспирация, агентурная разведка, борьба с полицией и контрразведкой буржуазного правительства) курсанты спецшколы знакомились с методами работы полиции по разработке подпольных организаций, изучали методы выявления слежки и ухода от нее, приобретали навыки пользования шифрами, кодами, симпатическими чернилами и т. п., учились внедрению агентуры в органы управления и способам сбора информации, подготовке аппарата своих секретных служб. Одним из учебников в этой области являлся сборник статей «Техника большевистского подполья», изданный Истпартом в 1924 г.

Тактический цикл преследовал цель научить правильному анализу обстановки, быстрому принятию решений, твердому проведению принятых решений в жизнь. Обучение осуществлялось по принципу от простого (захват и оборона здания) к сложному (захват ж.-д. узла, населенного пункта и т. п.). Далее следовали организация и проведение вооруженного восстания в городе при различном соотношении сил (восставших и правительственных) и проработка операций в масштабе района. Разбору подлежали следующие вопросы: скрытое сосредоточение своих сил, уличный бой, действия в особых условиях (ночью, в горах и лесах, среди враждебного населения), диверсионные и партизанские действия и т. п.

Особое внимание отводилось изучению тактики уличного боя. Основным пособием по этой теме стал сборник статей «Уличный бой», изданный в 1924 г. под редакцией В. Муратова. В числе разделов, изучаемых на картах и на практике, были следующие: разоружение полицейских постов и участков; атака и блокада казарм; атака занятого противником здания; захват занятого противником городского района; боевые действия с целью захвата города; оборона здания; устройство и оборона баррикад; оборона городского района, в том числе переправ; оборона захваченного города.

В области партизанской войны учебниками являлись книги В. Н. Клембовского «Партизанские действия», М. С. Свечникова «Революция и гражданская война в Финляндии 1917–1918 гг.» (1923 г.), П. Тихомирова «Уроки болгарского восстания. Сентябрь 1923 г.» (1924 г.) и П. П. Каратыгина «Партизанство. Начальный опыт тактического исследования» (1924 г.). Автор последнего труда был одним из ближайших помощников М. В. Фрунзе и мог рассказать о партизанских действиях в Туркестане в 1919–1920 гг. и на Украине в 1920–1924 гг., опираясь на собственный опыт. Под партизанством П. П. Каратыгин понимал действия вооруженных отрядов повстанцев или выделенных из состава армии воинских частей, имеющих задачу истребления противника путем нападения в моменты его наименьшей способности к сопротивлению и не связывающих себя постоянным вооруженным соприкосновением с врагом.

В военно-технической области курсантам надлежало изучать материальную часть оружия и пройти стрелковую подготовку по всем видам стрелкового оружия, включая минометы и автоматические стрелковые устройства, намного опередившие конструкторские идеи своего времени. Также изучались оптическая и акустическая сигнализация и средства связи: телефон, телеграф, радио. Несколько часов посвящалось средствам вождения: велосипедам, мотоциклам, автомобилям, броневикам и бронепоездам. Подрывное дело предусматривало ознакомление со взрывчатыми веществами, подрывными средствами и их применением в контексте выполнения задач операций и для противодействия противнику.

В ночь с 3 на 4 августа 1924 г. отряд С. А. Ваупшасова совершил налет на пограничный город Столбцы. Основной целью операции были захват тюрьмы и освобождение руководителя Военной организации компартии Польши С. Скульского, а также руководителя компартии Западной Белоруссии П. Корчика. Партизаны разгромили местный гарнизон, железнодорожную станцию и городской полицейский участок. Регулярные воинские части – пехота, артиллерия и броневики – вошли в город только через несколько часов после партизанского налета. В уезде было введено осадное положение.

15 сентября в селе Татарбунары (Бессарабия) началось вооруженное восстание против румынских властей под руководством местной коммунистической организации, которую возглавлял А. Клюшников. Восставшие создали ревком и провозгласили восстановление советской власти в Бессарабии. Восстание охватило почти весь юг Бессарабии. На его подавление королевское правительство Румынии направило войска и флот. 19

сентября румынские войска сломили упорное сопротивление повстанцев. Погибли более 3000 человек.

В течение лета 1924 г. ЦК компартии Эстонии все больше склонялся к тому, что при должной подготовке вооруженное восстание имеет шансы на успех. 3 августа в Таллине прошла организованная коммунистами антивоенная демонстрация, в которой, несмотря на противодействие полиции, приняли участие более 3000 человек. Этот факт (в числе целого ряда весенних и летних выступлений трудящихся) был воспринят руководством компартии как показатель роста революционных настроений пролетариата. На его основании ЦК КПЭ посчитал, что «имеет превосходство над противником» и сможет организовать успешный захват власти.

Организационная и военно-техническая подготовка восстания велась с конца весны в условиях строжайшей конспирации. Все документы составлялись только в шифрованном виде, на планах и картах не допускалось оставлять пометки. Формирование нелегальных боевых отрядов началось с создания троек. В состав троек входили в основном коммунисты, комсомольцы и особо проверенные беспартийные рабочие. Тройки создавались в городах Валга, Выра, Нарва, Пярну, Таллин, Тарту и других, а также в некоторых воинских частях. Старший тройки имел связь со связным военной организации. Параллельно шло накопление оружия, боеприпасов и другого снаряжения.

Начиная с «антивоенной недели» (начало августа 1924 г.) компартия не организовывала массовых выступлений рабочего класса из опасений разгрома со стороны контрреволюции. Даже во время «Процесса 149-ти» и расстрела депутата Государственного собрания Эстонии Я. Томпа (за три дня до восстания!) массы не вышли на улицу. Было решено, что вооруженные боевики выступят внезапно, с целью захватить противника врасплох. В этом отношении организация восстания носила характер заговора.

К середине ноября подготовка восстания в Эстонии вступила в завершающую стадию. Боевые тройки свели в десятки, из десятков сформировали роты и батальоны. В батальон входило 150–200 штыков. Всего в составе Военной организации КПЭ насчитывалось около тысячи человек, из них в Таллине – около четырехсот. Общее руководство подготовкой восстания осуществлял член ЦК КПЭ Я. Я. Анвельт.

17 ноября 1924 г. на заседании Политбюро ЦК РКП (б) М. В. Фрунзе сделал доклад о положении в Эстонии. Было принято решение оказать компартии Эстонии политическую и материальную помощь. Одной из таких мер стало привлечение

эстонских, латышских и финских коммунистов, проживающих в СССР (всего около 10 000 штыков), для оказания помощи революционному правительству советской Эстонии. Также в Эстонию были направлены около шестидесяти сотрудников военной разведки и командиров Красной армии, эстонцев по национальности.

К концу ноября 1924 г. подготовка Военной организации КПЭ к вооруженному восстанию была в основном завершена. Согласно плану, восстание должно было начаться в городах Таллин, Нарва и Пярну, а затем перекинуться на другие населенные пункты. В ходе восстания предполагалось разгромить или нейтрализовать воинские подразделения противника и сразу после овладения Таллином создать революционное правительство Эстонии. Новое правительство объявило бы о восстановлении советской власти и обратилось за помощью к СССР. Овладеть основными стратегическими пунктами планировалось в течение суток.

29 ноября в Таллине состоялось объединенное заседание ЦК КПЭ и ЦК КСМЭ (Коммунистический Союз молодежи Эстонии), на котором был утвержден план восстания. Для непосредственного руководства восстанием был создан Военно-революционный комитет из десяти человек. Председателем ВРК стал В. Клейн, начальником штаба – К. М. Римм. Выступление планировалось в ночь с 30 ноября на 1 декабря 1924 г. (с воскресенья на понедельник). Оживленное движение на улицах воскресным вечером позволяло осуществить перемещения боевых групп на конспиративные квартиры, выбранные в качестве исходных позиций для выступления, более скрытно.

Разумеется, соблюдались все необходимые меры конспирации. Командиры десятков накануне приказали своим подчиненным вечером 30 ноября находиться дома. Затем группами по 2–3 человека они проводили своих людей на явку; далее связные вели их на конспиративные квартиры. После прибытия на конспиративную квартиру никто из боевиков не мог покинуть помещение, за этим сле дили заранее назначенные коменданты. Когда собирались все бойцы, доставлялось оружие и боеприпасы.

Утечки информации при сосредоточении штурмовых групп не произошло. Однако командирам не удалось собрать всех своих людей. К 4 часам утра 1 декабря на сборных пунктах первого батальона находились 56 боевиков из 170, второго – 91 из 120 и третьего – 80 из 110, всего 227 боевиков из 400. Чем это можно объяснить? Скорее всего, часть людей в своих квартирах не находились, а некоторые боевики, не зная о предполагавшемся восстании, отказались пойти на «обычное собрание», назначенное

в столь позднее время.

И все же, несмотря на недостаточное число собравшихся, ЦК подтвердил решение выступить 1 декабря в 5 часов 15 минут.

Начало восстания оказалось удачным: боевики овладели Балтийским вокзалом и железнодорожной станцией «Таллин – Вяйке», главным почтамтом, зданием Государственного собрания, военным аэродромом. Специальные группы взорвали 2 железнодорожных моста на участках Таллин – Тапа и Таллин – Тарту, что не позволило правительству перебросить в Таллин бронепоезда из Тапы и кавалерийский полк из Тарту. В ряды восставших вступили несколько десятков солдат авиационного дивизиона.

Однако попытка захватить Военное министерство, военные учебные заведения в Тоньди, казармы батальона связи и резерва конной полиции не удалась. В результате в руках правительства остался «мозг армии», центр связи и наиболее боеспособные и идеологизированные подразделения. Командование вооруженных сил не растерялось и сумело быстро организовать подавление восстания. Против восставших были брошены карательные отряды, составленные из офицеров (в том числе резервистов), кадетов военных училищ, курсантов школы унтер-офицеров, полицейских и добровольцев из восстановленного 1 декабря Союза защиты.

Рабочие массы, вопреки ожиданиям, восстание не поддержали, и оно было подавлено в течение суток. Отдельные разрозненные попытки сопротивления продолжались еще две недели.

После подавления восстания в Эстонии начался белый террор. За три месяца расстреляли свыше трехсот причастных к событиям товарищей, свыше двух тысяч человек были арестованы. Коммунистическое движение в Эстонии было парализовано на полтора десятка лет. В сложной обстановке пришлось работать и советской разведке, чья деятельность затруднялась не только активностью контрразведки, но и почти полной потерей агентурных сетей.

Повстанцами при проведении восстания был допущен целый ряд весьма чреватых своими последствиями ошибок организационно-тактического порядка. Решающее значение в исходе восстания 1 декабря имело то обстоятельство, что небольшие группы боевиков остались изолированными от масс пролетариата. Партия слишком переоценивала значение сугубо военного момента в проведении восстания и недооценивала значение массового революционного движения. Степень разложения войск противника была просчитана неверно, сила

военной организации партии явно завышалась, был допущен и ряд других ошибок. План восстания и боевые задачи, поставленные перед отдельными группами, не соответствовали силам боевой организации. Далеко не все боевики умели обращаться с оружием, которое им выдали. Разведку некоторых объектов нападения произвели поверхностно. Связь и взаимодействие отдельных групп боевиков между собой были чрезвычайно плохи. Потерпев неудачу при выполнении возложенной задачи, группы не присоединялись к соседним группам, с тем чтобы совместными силами продолжать бой, а в большинстве случаев рассеивались.

В конце 1924 г. попытки вооруженных выступлений предпринимались и в Польше, где активная разведка стимулировала развитие военных организаций компартий Западной Белоруссии и Западной Украины. К концу 1924 г. на территории Западной Белоруссии и Западной Украины сложилась следующая ситуация. 30 ноября на II конференции КП Западной Белоруссии был выдвинут лозунг свержения польского правительства и принято решение о подготовке вооруженного восстания. Несколько позже аналогичное решение приняла окружная организация КП Западной Украины на Волыни. Однако планам белорусских и украинских коммунистов не суждено было сбыться.

В ночь с 7 на 8 января 1925 г. один из партизанских отрядов был прижат польскими войсками к советской границе и с боем прорвался на территорию СССР. При этом партизаны разгромили советскую пограничную заставу у местечка Ямполь. Поскольку многие бойцы отряда были одеты в польскую военную форму, советские пограничники решили, что нападение совершило подразделение польской армии. Этот инцидент вызвал резкое неудовольствие военно-политического руководства СССР. Было назначено расследование. 25 февраля по представлению комиссии во главе с В. В. Куйбышевым Политбюро ЦК РКП (б) приняло постановление об активной разведке.

В нем отмечалось, что активная разведка (диверсионные, военно-подрывные группы и пр.) в начальный период ее существования была необходимым дополнением военных мероприятий Советской Республики и выполняла боевые задачи по приказу из центра. Однако, принимая во внимание, что коммунистические партии поставили вопрос о своем руководстве повстанческим движением, признавалось необходимым активную разведку в существующем виде на территории Польши ликвидировать. Более того – ни в одной стране не должно было существовать активных боевых групп, производящих боевые акты

и получающих оружие, средства, указания и т. п., из СССР!

Все вопросы организации нелегальной боевой и повстанческой работы на территории иностранных государств передавались в ведение иностранных компартий, в интересах их собственной революционной работы внутри страны. Политическая целесообразность принимаемых решений должна была определяться исключительно в партийном порядке. Коминтерн был обязан осуществлять помощь национальным компартиям по организации нелегальной боевой работы и по подготовке национальных боевых кадров.

Нелегальным военным организациям, боевым группам компартий следовало решительно отказаться от разведывательной и иной работы в пользу военных структур СССР. Руководители РУ РККА и ИНО ОГПУ и их резидентур за рубежом обязывались поддерживать связь исключительно с уполномоченными ЦК соответствующих компартий.

Остальные группы активной разведки, а также диверсионные группы, не вошедшие в подчинение партийных организаций, ликвидировались. Для военных целей СССР в соседних государствах самым конспиративным образом следовало организовать особые пункты (группы) для подготовки к деструктивной (диверсионно-террористической) работе (изучение военных объектов, установление связи с нужными людьми, заготовка снаряжения и т. п.) во время войны в тылу у противника. Эти «спящие» пункты в особый (предвоенный) период разворачивались в боевые структуры и в целях конспирации ни в коем случае не должны были иметь связей с компартиями; боевики и оперативники «официально» не имели права состоять в компартиях.

На территории СССР надлежало организовать строго законспирированные небольшие группы с необходимым вооружением, которые в случае занятия нашей территории противником приступали к дезорганизации вражеского тыла и организации партизанской войны. Пограничная зона на советской территории очищалась от бойцов активной разведки, которых следовало эвакуировать во внутренние округа, однако на случай войны их оставляли на особом учете. Ответственность за состояние границ и переход через них партизан целиком была возложена на органы ГПУ. Проведение всех этих мероприятий возлагалось на Реввоенсовет СССР.

Активность коминтерновских структур и специальных служб СССР в западных странах в 1923–1924 гг. не осталась без внимания со стороны их военно-политического руководства. Особую озабоченность проявляло руководство стран,

граничивших с СССР. После подавления эстонского вооруженного восстания в декабре 1924 г. их взаимодействие усилилось. 16–17 января 1925 г. в Гельсингфорсе (Хельсинки) состоялась конференция Латвии, Польши, Финляндии и Эстонии. На конференции было принято секретное соглашение о создании единого фронта против большевизма. 31 марта – 2 апреля того же года в Риге прошло совещание военных представителей Латвии, Польши, Румынии, Финляндии и Эстонии, которое стало развитием плана по созданию единого фронта против СССР. Ведущую роль в организации этого совещания играло военно-политическое руководство Польши, стремившееся придать своей стране роль восточноевропейского лидера. За кулисами военного совещания в Риге незримо присутствовали Великобритания и Франция, имевшие в этом регионе свои геополитические интересы.

В марте 1925 г. началось расформирование отрядов активной разведки в Польше. Однако многие руководители и члены нелегальных военных организаций на Волыни отказались выполнять указания представителей ЦК ВКП (б), ЦК компартий Польши и Западной Украины об отмене курса на вооруженное восстание. Не имея возможности начать восстание без санкции Коминтерна, они в то же время находились в состоянии повышенной боевой готовности. Польская полиция и контрразведка внедрили в нелегальные военные организации свою агентуру и весной 1925 г. арестовали более полутора тысяч членов волынской «боёвки».

ЦК КП Западной Белоруссии также направил всем командирам партизанских отрядов циркуляр с приказом прекратить диверсионные и террористические операции. Члены компартии (в том числе и сотрудники нелегальных военных организаций) были обязаны направить все усилия на организацию массовой агитационно-пропагандистской работы среди крестьян. Часть партизан вывели на территорию СССР, часть переехала на новое место жительства в другие районы Польши. Тем не менее, как и на Волыни, польские спецслужбы сумели выявить и арестовать более двух тысяч партизан и подпольщиков.

Одновременно Коминтерном предпринимались меры по ликвидации активной разведки в Болгарии. Военной организации предстояла перестройка, с тем чтобы перейти от задач, связанных с подготовкой вооруженного восстания, к удовлетворению повседневных нужд партии: пролетарской самообороны, защиты собраний, демонстраций и проч. Необходимо было усилить политическую и организационную работу в армии и полиции.

Террористические акты допускались лишь как акты самообороны в борьбе с предателями. Но было уже поздно.

16 апреля 1925 г. в софийском Воскресенском соборе во время отпевания убитого генерала Георгиева боевики из числа болгарских коммунистов произвели мощный взрыв. Целью теракта было уничтожение болгарского правительства во главе с А. Цанковым, почти в полном составе присутствовавшего на отпевании. По замыслу организаторов теракта (Военный центр БКП при содействии советников ИНО ОГПУ, РУ РККА и Коминтерна), после ликвидации членов правительства в Болгарии должны были начаться активные выступления рабочих и крестьян. Эти выступления компартия планировала перевести в вооруженное восстание.

Однако все произошло с точностью до наоборот: погибли около 150 человек, но объекты покушения не пострадали. Болгарские рабочие и крестьяне (в большинстве своем – православные!) не только не поддержали боевиков, но и отреагировали на теракт крайне негативно. Правительство ответило на теракт мгновенно – сразу после взрыва в Болгарии было введено военное положение. Полиция и спецслужбы начали облавы и арестовывали всех лиц, заподозренных в коммунистической деятельности, по заранее составленным спискам. Непосредственные участники покушения были казнены, подобной же участи подверглись и большинство тех, у кого были обнаружены оружие и взрывчатка, сочувствующие компартии тоже подвергались аресту. Вооруженное восстание было подавлено, не успев начаться. Частично восстановить свои силы БКП сумела только к концу 1930-х гг.

Еще одним негативным последствием взрыва стало решение венского резидента РУ РККА (координатор работы на Балканах) В. С. Нестеровича порвать с советской разведкой. Осведомленный об организаторах теракта и его истинных причинах, Нестерович прибыл в Берлин, где предложил французскому консулу в обмен на секретную информацию предоставить ему французский паспорт и беспрепятственный проезд на территорию страны. Он стал первым сотрудником РУ РККА, оставшимся за границей «из-за политических разногласий с властью», что крайне обеспокоило советское руководство. 6 августа 1925 г. по заданию начальника ИНО ОГПУ М. А. Трилиссера В. С. Нестерович был отравлен боевиками из состава военного аппарата КПГ в пивной немецкого города Майнц (яд подмешали в пиво).

Военно-политическое руководство СССР внимательно отслеживало ситуацию в западных приграничных странах. В конце марта 1925 г. по решению Политюбро ЦК РКП (б) создается

Комиссия по прибалтийским делам из представителей НКИД, ОГПУ, РВС и РККА для сбора и систематизации сведений «о подготовительных действиях соседних стран». В работе комиссии принимали участие С. И. Аралов, Ф. Э. Дзержинский, Я. К. Берзин, М. М. Литвинов, М. А. Трилиссер, И. С. Уншлихт, М. В. Фрунзе, Г. В. Чичерин. 9 апреля было постановлено максимально усилить разведку для выяснения степени подготовки боевых сил ближайших соседей СССР и непрерывного наблюдения за проводимыми там мероприятиями, а также усилить боевую и мобилизационную готовность Красной армии и принять меры по усилению охраны государственной границы.

С весны 1925 г. в военно-конспиративной деятельности Коминтерна все большее значение приобретает задача защиты первого в мире социалистического государства от иностранной агрессии. Для этого соответствующими структурами Коминтерна во второй половине 1920-х гг. было осуществлено несколько специальных проектов. Наиболее интересными разработками, осуществленными ИККИ совместно с РККА и ОГПУ в области повышения обороноспособности СССР, стало создание специальных подразделений. Костяком этих подразделений были коминтерновские кадры, способные воевать в особых условиях как на приграничных территориях СССР, так и за рубежом.

Одной из таких частей явился Карельский отдельный егерский батальон, сформированный в октябре 1925 г. в Петрозаводске. В составе батальона были три стрелковые и одна пулеметная роты, а также отдельные взводы: конной разведки, связи, артиллерийский, саперно-маскировочный. Термином «саперно-маскировочный взвод» в конце 1920 – начале 1930-х гг. в РККА маскировались специальные диверсионные подразделения. Мы предполагаем, что взвод, созданный в составе Карельского егерского батальона, мог быть экспериментальным. Личный состав батальона (в первую очередь комсостав) комплектовался в основном из «красных финнов», имевших боевой опыт и окончивших Петроградскую интернациональную военную школу.

С учетом специфики географических и климатических условий боевая подготовка батальона осуществлялась по образцу финской армии и на основе ее воинских уставов. Библиотека батальона, как и библиотека Петроградской интернациональной военной школы, состояла преимущественно из финских изданий. Название «егерский» несло в себе политический и военный смысл. Идеологически батальон противопоставлялся «белым» финским егерям. С военной стороны егеря – легкая пехота с отменной стрелковой подготовкой – предназначены для действий в

условиях сильно пересеченной местности.

С 1925 г. одним из главных центров по подготовке разведчиков, включая обучение их навыкам диверсионных операций, стало ОГПУ. В числе первоочередных задач советских боевиков было физическое устранение политических противников рабоче-крестьянской власти за рубежом. Не менее важное направление – создание сети разведчиков-нелегалов, подготовленных для проведения диверсий во враждебных СССР государствах в случае войны. В составе органов госбезопасности подготовкой и проведением специальных операций за рубежом занимались два подразделения: Иностранный отдел и Особая группа при председателе ОГПУ.

В задачи Иностранного отдела входил не только сбор сведений о намерениях противников СССР, но и ликвидация лидеров контрреволюции, а также расправа с предателями из своей среды. Особая группа, созданная председателем ОГПУ В. Р. Менжинским во второй половине 1926 г., первоначально задумывалась как параллельный (независимый от ИНО) разведывательный центр, предназначенный для выполнения специальных операций стратегического характера. Создание структур с аналогичными задачами позволяло иметь каналы перепроверки информации, а в случае провала одной из линий компенсировать неудачу активизацией другой. Формирование разведывательного центра связано с именем Я. И. Серебрянского, ближайшего соратника и одного из учителей П. А. Судоплатова.

Яков Исаакович Серебрянский родился 9 декабря 1891 г. в Минске. В 1907 г. он вступает в молодежный эсеровский кружок, а через год – в партию эсеров, где становится членом радикальной группы максималистов. Во время Первой мировой войны Серебрянский получил тяжелое ранение и после длительного лечения в госпиталях был демобилизован. В 1920 г. он оказывается в персидском городе Решт (столица Гилянской Советской Республики), где знакомится с Я. Г. Блюмкиным, который и рекомендует его в Особый отдел Персидской Красной армии.

С сентября 1920 г. по август 1921 г. Я. И. Серебрянский служит в центральном аппарате ВЧК, но затем увольняется и поступает учиться в Электротехнический институт. Не успев проучиться и одного семестра, он был арестован бывшими коллегами, когда зашел в гости к своему старому товарищу по партии эсеров. Вскоре его освобождают, но лишают права работать в политических, розыскных, судебных органах и в Наркомате иностранных дел. Однако в дело опять вмешивается его величество Случай.

Я. И. Серебрянский, начальник 1-го отделения ИНО ОГПУ (нелегальная разведка), возглавлял Особую группу при председателе ОГПУ, с 1941 г. начальник 3-го отделения IV Управления НКВД – НКГБ СССР, с 1943 г. начальник отделения IV Управления

В конце 1923 г. Ф. Э. Дзержинский направляет сотрудника Ино странного отдела Я. Г. Блюмкина резидентом ОГПУ в Палестину. Блюмкин берет с собой в качестве помощника Серебрянского, который, несмотря на запрет, становится особоуполномоченным в Закордонной части ИНО. В декабре 1923 г. Блюмкин и Серебрянский выезжают на «землю

обетованную», в Яффу (ныне Тель-Авив). В задачу разведчиков входит сбор информации о планах Великобритании и Франции на Ближнем Востоке и изучение местных революционных и национальных движений.

В июне 1924 г. Я. И. Серебрянский сменяет Блюмкина на посту резидента и до декабря 1925 г. работает в подмандатной Великобритании Палестине. Именно в этот период он внедряется в сионистское движение и создает глубоко законспирированную агентурную сеть, предназначенную для диверсионной и террористической деятельности против Англии и Франции в случае нападения этих стран на СССР. Ему удается привлечь к сотрудничеству большую группу эмигрантов (еврейских поселенцев и бывших белогвардейцев), осевших в Палестине. Именно эти люди и составили впоследствии ядро руководимой им специальной группы.

В 1924–1926 гг. на нелегальной работе в Палестине работает и В. Цайссер, член «Союза Спартака» и компартии Германии с 1918 г. Один из руководителей Красной армии и военной организации КПГ в Руре, он в 1924 г. окончил спецшколу в Москве. Возможно, что Цайссер был и в тот период, и в дальнейшем секретным сотрудником «группы Яши». После окончания Второй мировой войны В. Цайссер стал одним из создателей органов государственной безопасности и первым министр ГБ ГДР.

В 1926–1928 гг. Я. И. Серебрянский является нелегальным резидентом ИНО в Бельгии и во Франции, а 1 апреля 1929 г. его назначают начальником 1-го отделения ИНО ОГПУ (нелегальная разведка). Штата этого отделения формально не существует, как формально не существует (т. е. функционирует нелегально даже внутри ИНО) и специальной «группы Яши». В числе задач этой группы было глубокое агентурное внедрение на военные и промышленные объекты вероятного противника, подготовка диверсий и осуществление террористических актов в случае войны. Поскольку группа была особо засекречена, в том числе и от своих коллег в ОГПУ, она опиралась только на собственную агентуру, предоставленную Коминтерном или завербованную разведчиками группы, что позволяло ей действовать автономно. По нашему мнению, особое формирование группы напрямую связано с англосоветским конфликтом 1927 г., получившим название «военная тревога». Но о нем чуть позже, а вначале мы расскажем еще об одном руководителе специальных операций Н. И. Эйтингоне, будущем заместителе П. А. Судоплатова.

Н. И. Эйтингон

Наум Исаакович Эйтингон родился 6 декабря 1899 г. в Могилеве, учился в Могилевском коммерческом училище. После Февральской революции он становится членом боевой организации эсеров, где проходит начальную диверсионно-террористическую подготовку, но затем порывает с ними. Осенью 1919 г. он вступает в РКП (б), участвует в боях с белогвардейцами, а в мае 1920 г. начинается его служба в органах ВЧК. Вначале Н. И. Эйтингон – уполномоченный Гомельского укрепрайона, затем – уполномоченный Особого отдела Гомельской ГубЧК. При ликвидации на Гомельщине

террористических групп савинковского подполья в октябре 1921 г. молодой чекист был тяжело ранен в бою с диверсантами.

Летом 1922 г. Н. И. Эйтингон участвует в ликвидации банд националистов в Башкирии, а в мае 1923 г. его отзывают в Москву. В центральном аппарате ОГПУ он становится помощником начальника отделения Восточного отдела под руководством Я. Х. Петерса и одновременно поступает на восточный факультет Военной академии РККА. После окончания академии в середине 1925 г. Н. И. Эйтингон становится сотрудником Иностранного отдела ОГПУ и в октябре направляется на нелегальную работу в Китай. Именно там происходит шлифовка боевых навыков разведчика, диверсанта, аналитика и разработчика сложных оперативных комбинаций.

Личный листок по учету кадров

1. Фамилия Эйтингон
имя Наум отчество Исаакович
2. Пол муж. 3. Год рождения 1899 4. Место рождения:
а) по существующему адм. делению гор. Могилев БССР
б) по существующему адм. делению
5. Национальность еврей 6. Соц. происхождение:
а) бывш. сословие (звание) родителей мещане
б) основное занятие родителей до Октябрьской революции отец
Служащий умер в 1912 г. после Октябрьской революции
7. Основная профессия (занятие) в настоящее время (для членов ВКП(б) — к моменту вступления в партию) служащий, стаж работы по этой профессии с 1917 года 8. Соц. положение служащий 9. Партийность член ВКП(б) 10. Какой организацией принят в члены ВКП(б) Полесский организационный в г. Гомеле 11. Партстаж с октября 1919 года (мес., год) № партбилета 2035385 или к/карточки
12. Стаж пребывания в ВЛКСМ с — по — 13. Состоял ли в других партиях (каких, где, с какого и по какое время) с марта 1917 года по август 1917 года в партии С.Р. гор. Могилев 14. Состоял ли ранее в ВКП(б) (да, нет) нет с какого и по какое время и причины исключения или выбытия
15. Были ли колебания в проведении линии партии и участвовал ли в оппозициях (каких, когда) Нет
16. Членом какого профсоюза состоит и с какого года —
17. Образование среднее

	Подробное название учебного заведения (вуза, втуза, техникума, комвуза, школы и проч.) и его местонахождение	Название факультета или отделения	Дата (м-ц, год) поступления	Дата (м-ц, год) окончания или ухода	Сколько лет	Если не окончил, то с какого курса ушел	Какую (узкую) специальность получил в результате окончания учебного заведения
Общее и специальное	Среднюю школу в гр. Могилеве			1918	3 кл.		
	Факультет Военный						
	академии им. Фрунзе в Москве		1923	1925	2 кл.		
Партийное образование							

18. Ученая степень (звание) Генерал-майор 19. Имеет ли научные труды и изобретения нет (да, нет) (перечень научных трудов и изобретений с указанием, по каким вопросам и где опубликованы, необходимо дать в приложении).
20. Был ли за границей да (да, нет)

Дата (м-ц, год) с какого времени	Дата (м-ц, год) по какое время	В какой стране (указать район)	Цель пребывания за границей
		в разных странах	служебные командировки

Личный листок по учету кадров Н. И. Эйтингона

Форма № 3

Награжден орденом ЛЕНИНА	Награжден орденом ЛЕНИНА	Награжден орденом Красного Знамени	Награжден орденом Красного Знамени	Награжден орденом Суворова II степени
Награжден орденом Отечественной войны I степени	Награжден орденом Красной Звезды	Награжден медалью „Партизану Отечественной войны" I степени	Награжден медалью „За оборону Москвы"	Награжден медалью „За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг."

ДОПОЛНЕНИЕ

К ЛИЧНОМУ ЛИСТКУ ПО УЧЕТУ КАДРОВ

Фамилия ЭЙТИНГОН Имя Наум Отчество Исакович

I. Данные о работе после заполнения личного листка

ДОЛЖНОСТЬ с указанием наименования учреждения, организации, предприятия, главного управления, министерства или ведомства	Местонахождение учреждения, организ., предприятия (город, район, область, край, республика)	Число, месяц, год поступления к должность / ухода с должности	Основание: об утверждении работника / об освобождении работника
			ОТ
Заместитель начальника службы "ДР" МГБ СССР	г.Москва	У1-46	297216 18.II-47
		1У-50	
В распоряжении УК МГБ СССР	г.Москва	1У-50	
		1Х-51	
Заместитель начальника бюро К-1 МГБ СССР	г.Москва	1Х-51	
		Х1-51	

Дополнение к личному листку по учету кадров Н. И. Эйтингона

Обстановка на севере Китае очень беспокоила советское военно-политическое руководство. После окончания Гражданской войны в России в северных районах Китая, особенно в Маньчжурии, находившейся под контролем генерала Чжан Цзолиня, сосредоточилось большое количество белогвардейцев. Ими были созданы несколько активно действующих антисоветских организаций («Мушкетеры», «Черное кольцо» и др.), которые занимались разведывательной и диверсионной деятельностью, направленной против СССР. Серьезную угрозу представляли вооруженные отряды Анненкова, Глебова, Нечаева,

Семенова, которые в случае агрессии против СССР западных стран могли стать ядром армии вторжения в нашу страну на востоке.

Подробности большинства операций резидентур ИНО ОГПУ и РУ РККА, работавших в Китае в тесном контакте со специальными структурами Коминтерна, до сих пор остаются засекреченными. Одной из ныне известных совместных операций было похищение и переправка в Советский Союз в апреле 1926 г. атамана Б. В. Анненкова.

Имея за плечами боевой опыт, навыки оперативной и агентурной работы и хорошее военное образование, Н. И. Эйтингон эффективно работает «легальным» резидентом ИНО вначале в Шанхае и Пекине, а с 1927 г. – в Харбине. Его агенты благодаря содействию компартии Китая проникают в круги белой эмиграции, органы местной власти и резидентуры иностранных спецслужб. В тот же период советником главнокомандующего Национальной армией Фын Юйсяня, а затем советником компартии Китая по диверсионным и партизанским операциям становится Х. И. Салнынь. Н. И. Эйтингон по работе знакомится с ним и коминтерновцами И. Винаровым и Р. Зорге.

21—22 марта 1927 г. в Шанхае произошло вооруженное восстание, организованное профсоюзами и местным комитетом КПК. 21 марта восставшие заняли почти всю китайскую часть города, телефонную станцию и телеграф. На следующий день повстанцы захватили Северный вокзал, а вечером в город вошли части Восточной колонны Народно-революционной армии. В подготовке восстания активное участие принимал Военный отдел ЦК КПК под руководством А. П. Хмелева (Аппена). Военная организация КПК действовала под общим руководством Разведупра (Я. К. Берзин) и Коминтерна (Ф. Ф. Раскольников).

Шанхайское восстание стало катализатором, обострившим противостояние гоминьдана и КПК. 12 апреля 1927 г. войска Чан Кайши начали разоружение рабочих отрядов и аресты коммунистов и левых гоминьдановцев в Шанхае. Вслед за этим в Восточном и Южном Китае, занятыми войсками Чан Кайши и преданных ему генералов, произошли правые перевороты, сопровождавшиеся репрессиями против членов КПК. В мае – июле 1927 г. аналогичные перевороты произошли в Центральном Китае. Чан Кайши и большинство китайских военачальников предпочли национальную революцию рабоче-крестьянской.

Одновременно с началом переворота Чан Кайши 6 апреля 1927 г. китайские власти совершили налет на советское полпредство в Пекине. Налет производили солдаты и полицейские Чжан Цзолиня, которые произвели обыск в

апартаментах военного атташе и жилых помещениях служащих полпредства. Чан Кайши и Чжан Цзолинь, являвшиеся политическими противниками, нанесли удар по КПК, Коминтерну и ВКП (б) практически одновременно, что позволяет сделать предположение о скоординированных действиях двух «заклятых друзей» против общего врага.

По китайским данным, у военного атташе в Пекине Р. В. Лонгвы было захвачено свыше ста коробок секретных документов, в том числе КПК. Эти документы дали Пекинскому правительству основания заявить, что СССР при помощи китайских коммунистов готовил восстание, имеющее целью установление советской власти. Китайские и иностранные СМИ начали публикацию изъятых документов, разоблачающих деятельность советских спецслужб в Китае, а также списки советских военных советников с указанием их псевдонимов. Все эти события в совокупности и стали катализатором «военной тревоги».

Правительство Великобритании, напуганное успехами китайской революции в конце 1926 – начале 1927 г., стремилось сохранить там свои позиции.

23 февраля 1927 г. министр иностранных дел О. Чемберлен направил правительству СССР ноту с требованием прекратить военную поддержку гоминьдану и «антианглийскую пропаганду» в Китае под угрозой разрыва дипломатических отношений. Несколько позже антисоветски настроенные силы в Великобритании и Германии начали обсуждение плана англо-германского военного вторжения в СССР. В марте 1927 г. заместитель председателя Российского общевоинского союза (РОВС) генерал А. П. Кутепов провел совещание в Финляндии с членами боевого крыла РОВС, где заявил о необходимости немедленно начать террористические акции на территории СССР.

Налет полиции и солдат Чжан Цзолиня на полпредство СССР в Пекине (на территории дипломатического квартала!) мог произойти только с личного разрешения посла Великобритании, являвшегося главой дипломатического корпуса в Китае. Кроме того, 12 мая в Лондоне английская полиция проводит обыск в помещении советско-английского акционерного общества «Аркос». Это еще более осложняет британско-советские отношения. В конце мая 1927 г. правительство Великобритании выпустило «Белую книгу», содержащую ряд документов, свидетельствующих о подрывной деятельности СССР против Великобритании, в том числе документы, захваченные в Пекине и Лондоне. 27 мая британское правительство заявляет о разрыве дипломатических отношений с СССР.

В то же время генерал А. П. Кутепов в Париже отдает приказ

по РОВС об усилении терактов в СССР. Оживление антисоветской деятельности Великобритании и белоэмигрантских организаций крайне обеспокоило руководство страны. По мнению Политбюро ЦК ВКП (б), рост диверсионной и террористической активности явился показателем подготовки войны против СССР, и эти опасения были небеспочвенными.

3 июня в жилом доме сотрудников ОГПУ на ул. Малая Лубянка в Москве боевики РОВС М. Захарченко-Шульц, А. Опперпут-Стауниц и Н. Вознесенский заложили взрывное устройство весом 4 кг и зажигательные бомбы. 6 июня Г. Радкевич бросил бомбу в бюро пропусков ОГПУ в Москве. 7 июня В. Ларионов, С. Соловьев и Д. Мономахов бросили две бомбы в здании Центрального партийного клуба на ул. Мойка в Ленинграде. В этот же день в Варшаве Б. Ковердой убит полпред СССР в Польше П. Л. Войков. В Минске в результате диверсии погиб начальник ОГПУ Белоруссии И. Опанский. В конце июня при переходе турецко-советской границы задержан эмиссар Парижского бюро ЦК СДПГ (м) И. Карцивадзе с директивами Н. Жордания о подготовке антисоветского восстания в Грузии.

Мы не будем подробно останавливаться на всех событиях 1927 г., но отметим, что в относительно короткий отрезок времени состоялись более сотни боев оперативников и пограничников ОГПУ с диверсантами и бандами, как засылаемыми из-за рубежа, так и формировавшимися на территории нашей страны. Военно-политическое руководство СССР использовало сложившуюся ситуацию для ужесточения карательной политики (6 июня ввели в действие знаменитую 58-ю статью УК) и разгрома в ноябре – декабре троцкистско-зиновьевской оппозиции.

В этих условиях Коминтерн принял установку на «коммунизацию» китайской революции. В июле 1927 г. представителем ИККИ в Китай был направлен В. В. Ломинадзе с указанием вести работу по организации «большевистской» революции и созданию власти советов.

В сентябре 1927 г. в Наньчане было подавлено восстание под руководством офицеров-коммунистов. 11–13 декабря в Гуанчжоу произошло вооруженное восстание и была создана так называемая Кантонская коммуна. В подготовке восстания участвовали советские военные советники, а также сотрудники советских представительств в Китае и представители Коминтерна.

Восстание было жестоко подавлено. Работники советского консульства в Гуанчжоу были арестованы, и те из них, которые не имели дипломатического иммунитета, расстреляны. В конце 1927 г. правительство гоминьдана обвинило СССР во

вмешательстве во внутренние дела Китая и разорвало дипломатические отношения с Москвой. Дипломатические представительства СССР были закрыты, весь дипломатический персонал, а также военных и политических советников выслали из Китая. Исключение составили Синьцзян, Маньчжурия и Внешняя Монголия, где советское влияние было сильнее власти Нанкинского правительства Чан Кайши. Началась десятилетняя Гражданская война между гоминьданом и КПК.

Переворот Чан Кайши не положил конец конспиративной деятельности ИНО ОГПУ, РУ РККА и Коминтерна в Китае. Лидером Военной организации КПК стал известный эсеровский боевик Г. И. Семенов, направленный в Китай в начале 1927 г. До этого он был руководителем боевой организации эсеров (1917), боевой группы эсеров (1918), организатором покушений на В. И. Ленина, В. М. Володарского и М. С. Урицкого. Раскаялся. В 1922–1924 гг. находился на нелегальной работе в Германии.

По линии Орготдела ИККИ на нелегальной работе в Китае в 1927–1928 гг. был Р. Штальман (А. Ильнер). В 1924 г. он руководил Военной организацией компартии Германии, в 1927 г. окончил спецшколу в Москве. Как и Цайссер, который также нелегально работал в 1927–1930 гг. в Маньчжурии, Р. Штальман позднее стал одним из создателей и руководителей ГБ ГДР. Помощь «военке» КПК в снабжении оружием оказывал Х. И. Салнынь, являвшийся одним из ведущих боевиков Разведупра. Все эти люди позднее окажутся в Испании.

Одной из совместных боевых операций Н. И. Эйтингона и Х. И. Салныня является ликвидация фактического главы Пекинского правительства генерала Чжан Цзолиня. Через своего сына генерал вел переговоры с японцами, надеясь при их поддержке создать в Северо-Восточном Китае независимую Маньчжурскую республику. Японцы поставили условия: «независимая» Маньчжурская республика будет находиться под протекторатом Японии, ее правительство будет бороться против коммунизма и вести агрессивную политику в отношении СССР.

О переговорах Чжан Цзолиня с японцами стало известно резиденту ИНО ОГПУ в Харбине Н. И. Эйтингону, который немедленно доложил о них. В Москве усмотрели в переговорах генерала прямую угрозу дальневосточным границам СССР. За период 1927 – начало 1928 г. на советско-китайской границе бандгруппы белогвардейцев и хунхузов проникали на советскую территорию более пятидесяти раз. Учитывая все эти факторы, было принято решение Чжан Цзолиня ликвидировать. Проведение операции поручили Эйтингону и Салныню, руководителю нелегальной резидентуры РУ РККА в Шанхае.

В ночь на 4 июня 1928 г. бронированный вагон генерала был взорван вместе с пассажирами. Подозрение в теракте на несколько десятилетий легло на японские спецслужбы, поскольку мина была заложена в виадуке на стыке Пекин-Мукденской и Южно-Маньчжурской железных дорог, который охранялся японскими солдатами. Также была организована дезинформация, что японцы были недовольны контактами Чжан Цзолиня с Вашингтоном через его советника американца Свайнхеда, поскольку опасались потерять свой контроль над Маньчжурией.

К тому времени одним из «асимметричных» ответов Коминтерна на угрозу возможных агрессивных действий ряда капиталистических стран против СССР стало усиление подготовки командных кадров для нелегальных военных организаций иностранных компартий. В 1927 г. руководителем Центральной военно-политической школы ИККИ стал инструктор Орготдела «красный финн» Т. Лехен.

Сотрудник ИНО ОГПУ – НКВД В. Г. Кривицкий, ставший в 1937 г. невозвращенцем, оставил воспоминания о специальных школах Коминтерна.

«Эти школы, – писал Кривицкий, – ведут свое начало со времен Октябрьской революции, когда для немецких и австрийских военнопленных были организованы краткие курсы с той перспективой, что эти кадры используют свои знания на баррикадах Вены и Берлина. Позднее эти курсы превратились в постоянные учебные заведения. Способные слушатели проходили военную подготовку в Управлении разведки Генштаба РККА. Выпускники курсов и школ Коминтерна обязаны были после обучения возвратиться в свои страны для работы в пользу Коминтерна. От них требовалось строгое соблюдение секретности».

Коминтерн становился своеобразной лабораторией, проводившей эксперименты по построению тайных обществ, и одновременно военным профсоюзом коммунистических партий, члены которых в процессе обучения и практической деятельности получали единое представление о технике, тактике и стратегии нелегальной работы. Каждая компартия должна была выработать мобилизационный план на случай войны капиталистических стран с СССР.

Мобилизационный план включал немедленную перестройку партийной работы с целью сосредоточить максимальное внимание на пунктах, имеющих особое значение в деле подготовки войны. При ЦК компартий создавались следующие подразделения: информационный аппарат по изучению военных планов противника (разведка); технический отдел для наметки

пунктов и мер индивидуального и массового саботажа в случае объявления войны; школа по подготовке инструкторов-боевиков. Планировались необходимые мероприятия в связи с предстоящими арестами руководящих работников, разгромом легальных организаций партии и переходом партии на нелегальное положение при объявлении войны. Максимально усиливались аппараты по работе в армии и нелегальной печати. Надлежало принять меры по установлению особых связей между партячейками, между завкомами, профсоюзами, по созданию особых комитетов действия и т. д. (цель – связать все эти организации между собой в цикле производства и транспортировки военного снаряжения).

После окончания периода «военной тревоги» (1927–1928 гг.) в нашей стране сложились объективные условия, позволявшие обобщить накопленный опыт нелегальной работы и начать более планомерную и профессиональную подготовку специалистов для «малой войны». Появились новые и были значительно преобразованы не только международные военно-политические организации (Коминтерн, Профинтерн, МОПР, Спортинтерн и др.), но и специальные службы СССР (ИНО ОГПУ и РУ РККА). Все эти структуры были объединены общей целью активного противодействия на всех возможных рубежах и уровнях как внутренней оппозиции, так и иностранным, в том числе эмигрантским, организациям специальными, включая активное использование силовых и экстраконституционных, методами.

Кадры практически всех военно-политических и специальных организаций обладали огромным опытом подпольной, разведывательной, диверсионной и контрразведывательной работы. Имелись лояльные новой власти люди, овладевшие методикой подготовки специалистов еще в военных институтах и на оперативной службе в Российской империи. Колоссальное количество опубликованных в открытой печати материалов по различным аспектам нелегальной работы составляло солидную первичную основу научной базы для подготовки молодых сотрудников. На рубеже 1929–1930 гг. планомерная работа по обучению нелегальных партизанских и диверсионных (линия «Д») кадров РККА, ОГПУ и Коминтерна вышла на новый качественный уровень.

В РККА первый этап этой работы начался в рамках концепции М. В. Фрунзе, которая предусматривала подготовку страны и ее вооруженных сил к будущей неизбежной войне. Согласно концепции М. В. Фрунзе, обязательным условием успешности «малой войны» является заблаговременная разработка ее реального и по возможности усложненного плана, а также

создание условий, обеспечивающих успех его выполнения. Первый этап плана предусматривал несколько направлений. Одно из них заключалось в подготовке специальных заградительных команд (загражденцев), способных разрушать транспортные коммуникации в западных областях СССР. Именно на этой работе началось профессиональное становление одного из наиболее заслуженных теоретиков и практиков диверсионной работы И. Г. Старинова.

Илья Григорьевич Старинов в 1925–1928 гг. обучал загражденцев, а в 1929–1931 гг. занимался подготовкой диверсантов в Украинском военном округе. В 1932–1933 гг. он – начальник разведпункта (литер «А») в Тирасполе, готовил партизан-диверсантов. В 1933 г. – сотрудник спецотдела РУ РККА. В 1935 г. окончил Военно-транспортную академию.

«Работа, – писал Илья Григорьевич, – связана с укреплением приграничной полосы. Нам предстоит обследовать железнодорожные участки на границе с Польшей и Румынией, подготовить их к разрушению и минированию в случае внезапного вражеского вторжения. <…> Комиссия объезжает приграничные участки на глубину до 250 километров. Мы осматриваем железнодорожные мосты, большие трубы, депо, водокачки, водонапорные башни, высокие насыпи и глубокие выемки. <…>

И. Г. Старинов, диверсант № 1, занимался подготовкой диверсантов в Украинском ВО. В 1932–1933 гг. начальник разведпункта (литер «А») в Тирасполе, готовил партизан-диверсантов. В 1933 г. сотрудник спецотдела РУ РККА

В конце 1929 г. подготовка к устройству заграждений на границе была завершена. В округе (имеется в виду Украинский ВО. – *Примеч. авт.*) подготовили более 60 специальных подрывных команд общей численностью 1400 человек. Заложили десятки складов с минно-взрывными средствами. На всех значительных мостах приграничной полосы отремонтировали минные трубы, колодцы, ниши и камеры. Припасли 1640 готовых сложных зарядов и десятки тысяч зажигательных трубок, которые можно было ввести в действие буквально мгновенно.

Помимо взрывных заграждений создавались и иные. Вся система увязывалась с системой укрепленных районов. <…>

Бойцы, охранявшие мосты (они же и подрывники), действовали слаженно и уверенно.

Шестидесятиметровый мост через реку Уборть под Олевском был, например, полностью подготовлен к разрушению при дублированной системе взрывания за две с половиной минуты.

Не знаю, как это конкретно делалось, но мне известно, что заблаговременная подготовка к устройству заграждений (разрушений) на железных дорогах в приграничной полосе проводилась и в других приграничных военных округах. Для этой цели были изданы специальное наставление („Красная книга“) и положение („Зеленая книга“). В наставлении впервые подробно описывалось, как производить порчу железнодорожного пути, мостов и других объектов на железных дорогах. Оно сыграло большую роль в совершенствовании минно-подрывных работ.

„Зеленая книга“ – положение – четко определяла варианты разрушения и порчи железнодорожных объектов в зависимости от того, на какой срок желательно вывести их из строя. Все расчеты сил и средств производились для полного и частичного разрушения. Необходимые запасы минно-подрывных средств создавались для полного разрушения дорог в полосе 60—100 километров от границы, и располагались они вблизи охраняемых объектов».[105]

Подготовка снайперов – после Первой мировой войны она стала крайне актуальной – без оптических прицелов была невозможной, но в СССР налаженного производства оптических прицелов не существовало. Отдельные малые партии кустарным образом изготавливали умельцы, однако такие приборы далеко не всегда могли удовлетворить потребности постоянно наращивавшей обороты военной машины. Эту брешь частично позволило закрыть советско-германское военное сотрудничество, которое в середине 1920-х гг. было взаимовыгодным. Оно способствовало получению передовых немецких технологий, оказавших существенное влияние на развитие производства специальной техники и вооружений в СССР.

Первые предприятия по производству качественной оптики появились в нашей стране после подписания в апреле 1926 г. Договора о дружбе и нейтралитете между Германией и СССР. В 1927 г. начались испытания трехлинейной винтовки Мосина, оснащенной оптическим прицелом Д-III, который являлся копией немецкого прицела, изготавливаемого известной оптической фирмой «Цейс». С 1928 г. началось оснащение снайперским оружием спецподразделений ОГПУ и РККА.

Сотрудничество с официальными властями Веймарской республики не мешало руководству ВКП (б) по линии ИККИ и РУ РККА осуществлять военную подготовку функционеров германской компартии и других коммунистических партий и

союзов. В числе важнейших направлений работы специальных военно-конспиративных комиссий Коминтерна стала подготовка коммунистических партий Запада к оказанию помощи СССР в случае нападения на него. Особые кадры Коминтерна вступали в действие по специальному плану только после объявления войны СССР или ее фактического начала. Эта работа осуществлялась параллельно с Разведывательным управлением РККА. Разведупр РККА занимался подготовкой глубоко законспирированных диверсионных групп, члены которых не имели связи с компартиями.

По линии ИККИ были подготовлены методические материалы «О задачах и формах активного содействия СССР на случай войны с западными сопредельными странами» – в них рассматривался широкий круг не только политических, но и военных вопросов.

«Практическая работа такого характера, – отмечалось в инструкции, – должна иметь задачей, во-первых, нарушение оперативных планов и мобилизационного развертывания противника; во-вторых, подрыв его материально-технической базы и, в-третьих, максимальное содействие развязыванию внутренних противоречий в стране противника в социальном и национальном направлениях.

Ясно, что если непосредственным противником СССР, вероятнее всего, будут сопредельные западные страны, то более отдаленные страны вроде Англии, Франции, Чехословакии, Италии и даже Германии примут участие в войне посредственно, снабжая воюющие против нас государства военными и техническими припасами или оказывая содействие в перевозе этих припасов. А потому ниже приводимые конкретные данные о возможностях снабжения военными припасами, о путях подвоза таковых и о могущих быть использованными наиболее острых национальных противоречиях наряду с кратко изложенными мерами борьбы касаются совокупности всех этих стран.

Такими мерами считаем в первую очередь организацию забастовок и саботажа на военных и работающих на войну промышленных предприятиях и на всякого рода транспорте и средствах связи. Дальнейшими мерами считаем организацию порчи машин, разрушение путей сообщения и средств связи, взрывы складов военных припасов.

Наряду с [указанными] мерами в тылу противника необходимо вести пропаганду в его армиях, полиции и среди низших чиновников и государственных служащих, разъясняя классовый характер войны и разоблачая правящую верхушку империалистов.

Для разложения противника необходимо использовать все

элементы, недовольные существующим порядком или данным правительством, вплоть до платящей высокие налоги мелкой буржуазии и крестьянства. Особенное внимание необходимо обратить на крестьян тех районов, где к моменту аграрного гнета присоединяется момент национального гнета.

В последнем случае необходимо подготовить и организовать партизанские отряды, особенно в тех районах, где географические условия благоприятствуют ведению „малой войны“. Задачей партизанских отрядов будут нападения на тылы и коммуникационные линии противника, правительственные учреждения и предприятия, помещичьи владения и частные крупные предприятия.

Работа по национальному вопросу должна идти по линии использования всяких национально-революционных движений, а в случае могущих возникнуть столкновений между национальными и классовыми факторами необходимо руководствоваться исключительно целесообразностью и оперативными выгодами. <…>

Но для того чтобы эти меры могли быть действительно осуществлены, необходима подготовительная работа еще в мирное время. Эта подготовительная работа должна идти по трем направлениям: а) подготовки людского материала, б) изучения объектов, на которых придется действовать, в) подбора и нагромождения средств.

Подготовка людского материала должна вестись по трем направлениям: 1) использование классовых противоречий, классовой борьбы пролетариата для углубления и расширения этой борьбы на наиболее уязвимых для противника в военное время предприятиях и отраслях хозяйства (армия, военная промышленность, транспорт, связь, полиция, государственный аппарат управления); 2) использование крестьянского движения в странах, где аграрный вопрос не разрешен, опять-таки для углубления этого движения и расширения его, – с задачей организационно втянуть возможно большие массы крестьянства в это движение (мы имеем в виду, что из крестьян главным образом набирается армия и полиция); 4) использование национальных противоречий и национального освободительного движения, на фоне которого нередко можно достигнуть моментальных больших результатов, чем на фоне классовой борьбы. Умелый подход к национальному вопросу в таких странах, где нацменьшинства играют крупную роль, как, например, в Польше, Румынии и Чехословакии, может создать, кроме возможности организации восстаний, базу для мобилизации людского материала для выполнения отдельных задач в военное время.

Изучение объектов, на которых придется действовать, должно вестись с точки зрения роли объектов в будущую войну. <…> В первую очередь необходимо изучить: 1) предполагаемый театр военных действий; 2) важнейшие стратегические железнодорожные магистрали; 3) ту территорию данной страны, которая является центром расположения военной базы противника; 4) те военные заводы и склады, равно и те промышленные предприятия, которые будут играть главную роль в случае войны в деле снабжения армий и театра военных действий противника; 5) те страны и пути подвоза к ним, которые дополнительно будут снабжать противника, участвуя, таким образом, опосредованно в военных действиях. <…>

Подбор средств, которыми придется пользоваться в военное время для активных выступлений, необходимо закончить в подготовительный период.

В первую очередь необходимо остановиться на тех средствах, которые будут самыми целесообразными для предполагаемых действий и для данного района. В числе таких средств необходимо указать на мелкокалиберные маузеры, весьма пригодные для уличных боев в городе, на винтовки для действия партизан, на гранаты для действия налетами на здания, на ружья-автоматы для обстрела издали движущихся колонн, адские машины и другие подрывные средства, при помощи которых можно вывести из строя транспорт и затруднить перевозку воинских частей противника, уничтожить склады и телефонно-телеграфную связь.

Во вторую очередь необходимо сорганизовать накопление этих средств и ознакомление с применением их тех лиц, для которых в качестве орудия они предназначаются.

И наконец, в третью очередь необходимо подготовить массовое распределение этих средств перед непосредственным выступлением. <…>

С приближением войны необходимо будет организовать активные выступления. Как подготовительный шаг к выступлениям нужно считать организацию массовых протестов, демонстраций, забастовок. И только к моменту развертывания армий противника необходимо будет приступить к организации: 1) острых забастовок, 2) актов саботажа, 3) порчи машин, 4) крестьянских вооруженных выступлений, выливающихся в партизанские действия, 5) национальных революций. <…>

В частности, вопрос о необходимости и возможности организации партизанского движения на восточных окраинах Польши – театре военных действий против СССР – ясен. То же самое относительно Бессарабии и Добруджи в Румынии. Ясна, по-

видимому, также необходимость и возможность организации национально-революционного выступления Ирландии в случае войны Англии против СССР. <…>

Кроме того, необходимо обратить исключительное внимание на транспортных рабочих (Рига, Либава – портовые грузчики, а по всей Латвии – железнодорожники) и на рабочих тех промышленных предприятий, которые могут работать на военные нужды».[106]

В инструкции Орготдела ИККИ по работе среди войск от 31 августа 1928 г. подчеркивалось, что работа в вооруженных силах буржуазных государств необходима, так как разложение буржуазных армий является необходимым условием для завоевания власти пролетариатом. Обязанностью каждой коммунистической (рабочей) партии, говорилось далее, является просвещение солдат и матросов, защита их интересов, организация их борьбы за свои права и руководство этой борьбой.

«Работа в армии и на флоте является важной предпосылкой для превращения империалистической войны в войну гражданскую – войну пролетариата и крестьянства против буржуазии и помещиков. В этом случае основная работа компартии – привлечение на свою сторону возможно более широких масс солдат и матросов».

Но организовать диверсионные операции на территории иностранных государств, постепенно переходящие в партизанскую войну, можно было только при условии заблаговременной подготовки соответствующих кадров. Это кадры и готовились по линии РУ РККА (диверсанты на случай войны) и Коминтерна (члены военных организаций компартий). Для практической подготовки специальных кадров литер «А» (активные действия) в конце 1920-х – начале 1930-х гг. было подготовлено несколько уникальных учебных пособий по вооруженным восстаниям.

К наиболее интересным из них, явившимся теоретической базой для подготовки «бойцов мировой революции», следует отнести следующие: Черномордик С. И. «Московское вооруженное восстание в декабре 1905 г.», Ярославский Ем. «Вооруженное восстание в декабре 1905 г.» (обе – 1926 г.), Чужак Н. «Идея вооруженного восстания и большевистская работа в армии» (1929 г.), Анулов Ф. «Вооруженное восстание» (1930 г.), Нейберг А. Ю. «Вооруженное восстание» (1931 г.), Дробов М. А. «Малая война. Партизанство и диверсии» (1931 г.).

Под «малой войной» М. А. Дробов понимал активные действия небольших отрядов, организованных партией, правительством, армией или населением для нанесения

противнику непосредственного ущерба всеми доступными средствами.

Он считал, что «в „малую войну“ войдут операции и партизанского порядка, организуемые армией во время войны, и повстанческие действия, не связанные с войной, и разного рода активные действия индивидуального или группового порядка, как, напр., порча, поджоги, взрывы и т. п., практикуемые во время войны в тылу или на флангах противника, а также в период мирного времени для ослабления мощи врага. Последние носят название „активки“ или „активного саботажа“, чаще же всего – диверсий».[107]

В соответствии с глобальной ленинской теорией партизанской войны Дробов рассматривал партизанство как одну из форм вооруженной борьбы классов, которая вырастает в ходе классовой борьбы. Исходя из такого понимания партизанства, его основными задачами являлись: развитие в народных массах правильного понимания вооруженного восстания и разъяснение тех условий, при которых восстание может возникнуть, протекать и успешно завершиться; организация кадров сознательных рабочих и крестьян, группирующихся вокруг революционной партии с целью активных выступлений и руководства массами для всеобщего вооруженного восстания; втягивание широких масс на путь революционных действий, облегчая им условия организации и общеполитической подготовки и ускоряя процесс классовой дифференциации общества; истощение сил противника разрушением и порчей правительственных, полицейских и военных аппаратов, телеграфа и железнодорожных линий, складов, арсеналов, транспортных средств и т. п., террором, экспроприациями оружия, боеприпасов; нападением на войска (гарнизоны) и их разложением и т. п.[108]

В качестве одной из главных форм ведения «малой войны» автор указанной книги рассматривал диверсии, применение которых, по его мнению, было наиболее эффективно в период проведения мобилизации. Дробов полагал, что общая задача для диверсий этого периода может быть сформулирована как расстройство основных процессов мобилизации, удлинение мобилизационных сроков и нанесение материального ущерба. Для этого следовало: помешать эвакуации промышленных предприятий, складов с запасами сырья и материалов и т. п. из приграничного района; затруднить вызов по мобилизации людей, лошадей и обоза, погрузку и выгрузку всяких предметов снаряжения армии и эвакуируемых предприятий, чтобы застопорить движение по железным дорогам; замедлить движение эшелонов и смять плановые графики, чтобы сорвать сроки

мобилизации; дезорганизовать транспортные средства порчей или уничтожением паровозов, вагонов, цистерн, пароходов, автомобилей, аэропланов и др. Уничтожать объекты железнодорожного и водного сообщения – мосты, трубы, шлюзы, водокачки, стрелочные переводы, переводные круги, электростанции и т. п.; прекратить, хотя бы на время, телеграфную, телефонную и радиосвязь; уничтожить базы, арсеналы, казармы, водопроводы, подачу света, хлебозаводы, предприятия военной промышленности и др.; применить террор против военных и правительственных деятелей; дезорганизовать работу штабов и учреждений, проводящих мобилизацию.[109]

«При широкой практике активных диверсий, – считал М. А. Дробов, – организуемых под определенным углом классовой борьбы, они всегда имеют тенденцию превратиться или в партизанство-повстанчество, или в партизанство войскового типа, иначе – опереться на массы и получить их поддержку – материальную и моральную. Поэтому осуществление такого рода диверсий неминуемо приводит к обострению борьбы и перегруппировке вооруженных сил, что в мирное время равняется, по существу, проведению некоторых мобилизационных мероприятий, а следовательно „casus belli“ („случай войны“, повод к войне. – *Примеч. авт.*), на что и рассчитывают наши враги, усиливая диверсии против СССР, то есть провоцируя нас на войну.

Таким образом, диверсии, как одна из форм „малой войны“, являются необходимым элементом подготовки к обороне страны и ведению войны. Следовательно, изучение их необходимо как с точки зрения противодействия им, так и с точки зрения умелого использования этого средства наравне с прочими средствами „большой войны“, имея в виду диверсии – воздушные, сухопутные и морские, активные и пассивные по всем линиям развертывающейся борьбы…»[110]

Начиная с 1929 г. на территории Белорусского, Украинского, Ленинградского и Московского военных округов работали специальные школы по подготовке партизанских кадров. Отбор в них осуществлялся тщательно: предпочтение отдавалось опытным кадрам либо лицам, имевшим нужную для диверсионной работы специальность. Наряду с базовой военно-политической подготовкой слушатели получали подготовку и по конкретной военной профессии: сапер, разведчик, снайпер, радист.

В приграничных областях параллельно с IV (Разведывательным) управлением Штаба РККА ОГПУ также создавало свою боевую и агентурную сеть на случай вторжения иностранных войск. Вместе с этим подготовку своих активистов к

переходу на нелегальное положение в случае неизбежной войны вели и партийные органы. И. Г. Старинов, занимавшийся в 1929 г. подготовкой диверсантов в киевской спецшколе, впоследствии вспоминал об этом периоде и о людях, с которыми он тогда работал:

«Якир сказал также, что минно-взрывные заграждения не могут на длительный срок вывести дороги из строя. Противник, обладая хорошей техникой, в состоянии восстановить их быстро. Поэтому будем готовить партизан для минирования восстанавливаемых противником дорог и других коммуникаций. Наша задача состоит в том, чтобы подготовить диверсантов, незаметных для противника, глубоко законспирированных. Когда противник окажется на нашей территории, партизаны должны превратить восстанавливаемые участки в ловушки. <…>

Товарищ Баар, видимо, предупредил вас, что предстоит обучать людей опытных и заслуженных. Очень опытных! Стало быть, нужно преподавать им так, чтобы они не разочаровались. Азы им твердить не надо. Давайте побольше нового. Как можно больше нового! И учтите – в тактике самой партизанской борьбы они пока разбираются лучше вас. <…>

В партизанские отряды подбирались по указанию И. Э. Якира различные специалисты. Помимо совершенствования в основной специальности они глубоко изучали и смежные военные профессии. Каждый минер был и мастером маскировки. <…>

Должен заметить, что изучению оружия иностранных образцов наше командование уделяло самое серьезное внимание: ведь будущим партизанам обязательно пришлось бы пользоваться трофейным оружием. <…>

Я включился в подготовку партизанских кадров в 1929-м, но в 1932-м только понял, что подготовка к партизанской войне началась не в 1929-м. На самом деле она не прекращалась с Гражданской войны. При этом подготовка велась как по линии ОГПУ, так и по линии ГРУ.

ОГПУ готовило в основном диверсантов-подпольщиков, сильно законспирированных. По линии Народного комиссариата обороны готовили командиров, которые, попав с подразделением в тыл противника, могли перейти к сопротивлению. С этой целью в Западной Украине и Молдавии создавались скрытые партизанские базы с большими запасами минно-подрывных средств. Склады на побережье Дуная создавались даже в подводных резервуарах в непортящейся упаковке.

В 1932 г. наша оборона на западных границах зиждилась на использовании формирований партизан. Войска противника, перейдя государственную границу и углубившись на нашу

территорию на сотню километров, должны были напороться на укрепрайоны и увязнуть в позиционной войне. В это время на оккупированной территории партизаны начинают организованное сопротивление и перерезают противнику коммуникации. Через некоторое время, лишившись свежего пополнения, подвоза боеприпасов и продовольствия, войска неприятеля вынуждены будут отступать. Партизаны начинают отходить вместе с противником, все время оставаясь в его тылу и продолжая диверсии. Могут даже перейти государственную границу.

Это была очень хорошо продуманная система не только на случай оккупации части нашей территории. Базы закладывались и вне СССР. Очень важно было то, что готовились маневренные партизанские формирования, способные действовать как на своей, так и на чужой территории.

О размахе подготовки этих приготовлений можно судить по следующему факту – работали три партизанские школы. Две – в РУ РККА и одна в ОГПУ. Большая школа на Холодной горе в Харькове находилась в ведении ОГПУ. Школа в Купянске готовила людей, пришедших на нашу сторону из районов Западной Украины и Белоруссии. В каждой школе одновременно обучалось 10–12 человек, хорошо законспирированных. Они готовились около шести месяцев. Большая школа была в Киеве. Она готовила офицеров, которые уже имели опыт партизанской войны. Школа подчинялась непосредственно командующему Киевским военным округом и находилась в местечки Грушки. Курсантов там даже обучали летать на самолетах!»[111]

Работу школ держали под постоянным контролем секретарь ЦК КП (б) Украины С. В. Косиор и командующий Украинским военным округом И. Э. Якир. Как следует из воспоминаний ветеранов, начальниками спецшкол в Харькове, Купянске и Киеве были М. К. Кочегаров, И. Я. Лисицын и М. П. Мельников. Кадры для партизанских отрядов готовились по следующей программе: политическая, общевойсковая, техническая и специальная подготовка. Также шло формирование командных и специальных кадров. В подготовке диверсантов основными предметами считались: политическая, физическая и стрелковая подготовка, боевая тактика, конспирация, минно-подрывное дело, разведка и контрразведка.

В спецшколах одновременно готовились до 30–35 человек. Теоретические занятия в школах проводились по 6 часов, а практические на местности по 8—10 часов в сутки, причем последние маскировались под курсы и семинары лесников, пчеловодов, рыбаков, собаководов и т. п. В зависимости от

предстоящих задач и состава группы подготовка занимала от трех до шести месяцев.

В 1932 г. руководителем Центральной военно-политической школы ИККИ назначается поляк Кароль Сверчевский (Вальтер). Он окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе (в 1927 г.). В 1936–1939 гг. командовал интербригадой и дивизией в Испании. В 1941–1942 гг. – командир дивизии, с 1943 г. заместитель командира 1-го Польского корпуса. С 1944 г. заместитель и командир 1-й и 2-й армий Войска Польского. С 1946 г. заместитель министра обороны Польши. Убит польскими националистами.

В коминтерновской спецшколе Сверчевского к 1936 г. прошли обучение свыше пятисот человек. По развернутой программе в теории и на практике там изучались следующие специальные военно-политические дисциплины:

• роль и значение партии в руководстве и подготовке вооруженного восстания; роль и значение военного аппарата партии; руководство военной работой партии; роль и значение массовых организаций в подготовке и проведении вооруженных восстаний (профсоюзы, революционные союзы фронтовиков и т. п.); особые органы руководства вооруженным восстанием: советы, ревкомы и т. п.; задачи и военная работа партии в данной стране; подготовка и организация вооруженных сил пролетариата; подготовка кадров; способы и средства военной подготовки масс в мирное время; вопросы снабжения оружием и другими средствами борьбы; работа по подготовке и организации Красной гвардии;

• система построения вооруженных сил господствующего класса (данной страны); регулярная армия; полицейские силы; фашистские организации; система комплектования; социальный состав рядового и офицерского состава; методы политической обработки; система мобилизации; колониальные войска; цветные войска; флот; организация и методы работы по разложению и завоеванию вооруженных сил господствующего класса; условия и возможности работы в своей стране;

• организация регулярной армии (данной страны); структура высшего военного аппарата; типы войск, образующие вооруженные силы данной страны; округ, корпус, дивизия, бригада; схема организации полка, батальона, роты, взвода, отделения; тактические свойства оружия, принятого на вооружение этих частей; зависимость организации войсковой единицы от наличия материальной части; разница между организацией мирного и военного времени; использование разного вида вооружения буржуазией в борьбе против

восставшего пролетариата; роды войск (по роду деятельности), их свойства, назначение и задачи, возлагаемые на каждый из родов войск в бою; артиллерия; бронетанковые части; авиация; химия; конница и т. д.; материальные средства и их использование восставшими;

• тактика и техника связи; устройство и назначение сетей связи государственных и военно-полевых линий; разрушение, исправление, искусственное повреждение линий; применение телефонов в боевых условиях (в поле и в городе); общие понятия о телеграфном аппарате и его использовании; радио и его использование в целях подслушивания;

• чтение планов и карт; условные знаки; масштабы: частичный, линейный; горизонтали, штрихи, ориентировка на местности с помощью карты, с компасом и без компаса; составление кроки; общее знакомство со съемкой; определение азимутов по карте и движение по азимуту;

• основные принципы военного искусства; сосредоточение сил; действия на решающем направлении; обеспечение; экономия сил; внезапность; маневр (охват, обход, прорыв); вопросы стратегии и тактики; понятие о бое и боевых элементах; необходимые предпосылки к принятию оперативного решения: задача, противник, местность, собственные силы и т. д.; значение приказа, донесения (формы); связь, разведка; изучение основных вопросов тактики на решении задач; действие отделения и взвода (усиленных); наступление; порядки отделения и взвода, их применение; взаимодействие огня и движения; оценка обстановки и принятие решения; отдача приказаний и подача команд; динамика боя до атаки, атака и преследование; ПВО, ПХО и ПБО в наступлении; оборона; действия отделения, назначенного для огневого и ударного действия; расположение отделения в обороне; приспособление местности к обороне (окопы, маскировка); расположение взвода в обороне; система огня; контратаки стрелковых отделений; выход взвода из боя; ПВО, ПХО и ПБО в обороне; разведка; действия взвода в разведке; высылка дозоров; движение взвода; движение отделения и его порядки; осмотр местных предметов;

• подготовка военная и экономическая (данной страны) к войне, и в первую очередь против СССР; характер войны против СССР; вероятные операционные направления; роль и значение железных дорог и узловых железнодорожных пунктов; военная промышленность, ее дислокация; гражданская промышленность и ее значение для войны; пункты и районы сосредоточения мобилизуемых масс; задачи военной работы партии в случае интервенции против СССР; превращение войны

империалистической в гражданскую;

• подготовка, организация и руководство проведением вооруженного восстания; признаки революционной ситуации и переход к военным действиям; политические и тактические лозунги, мобилизация и вооружение масс; формы и виды вооруженного восстания: а) с решительной целью, б) вспомогательное, в) стихийное; план восстания и его подготовка: политическая, военная и материальная; военная характеристика города; типы городов (большой, малый, разделенный рекой, портовый и т. д.); характеристика и учет объектов, играющих роль в вооруженных восстаниях; политические объекты, административные, военные и т. д.; оружие и технические средства восставших (заготовка, распределение); руководство и управление; военный штаб, его организация и функции; содержание и объем планов: стратегического (ЦК), оперативного (военная комиссия), тактического (квартал, улица); материальное обеспечение операции: снабжение, эвакуация и т. д.; вопросы разведки, связи; общий характер боевых действий повстанцев в начале восстания; тактические и технические особенности боевых действий; удары боевых организаций пролетариата и их увязки с выступлением масс; действия отдельных боевых отрядов пролетариата; закрепление успеха и дальнейшее его развитие; руководство в начале и в процессе нарастания боев; тактика повстанцев при неудаче;

• тактика и техника уличного боя в условиях пролетарского восстания; основные принципы тактики уличного боя; различие между общей тактикой и тактикой уличного боя; город как театр военных действий; география восстания (главные и второстепенные районы); одновременность восстания; роль элемента времени; типы уличных боев; разведка; связь; материальное обеспечение; санитарное обеспечение; политическое обеспечение; решение задачи обороны в городе (группа, отряд): цель, общий характер действий, основные принципы, элементы обороны, принятие решения, организация обороны здания, группы домов, оборонительных участков, разделение живой силы, разведка местности и населения, связь, действия отдельных подразделений; решение задачи наступления в городе (группа, отряд): цель, общий характер действий, основные принципы, элементы наступления на отдельные укрепления, группу домов и квартал, этапы наступления, принятие решения, разведка местности и населения, разработка плана, действие различных единиц в наступлении;

• сущность, формы, задачи и особенности революционного партизанства; роль и место партизанских действий в общей

системе вооруженной борьбы рабочего класса за власть; стихийное и организованное партизанство, руководимое пролетариатом; популяризация вооруженной борьбы трудящихся; дезорганизация тылов и расшатывание государственного аппарата; организационные основы партизанских отрядов и групп; условия, в которых будет проходить организация партизанских отрядов; социальная база для организации партизанских отрядов; основные требования к организационным формам партизанства: подвижность, удобство управления и т. п.; руководство, повстанческие комитеты и т. п.; подбор и подготовка кадров; методы и способы вербовки; политработа среди партизан и населения; боевое обучение, вооружение, базы и тылы партизан; характеристика условий обучения; предметы обучения: винтовка, гранаты, револьвер, простейшая фортификация, телефон и т. д.; общее ознакомление с техникой противника; формы и методы обучения; роль и значение ознакомления с местностью; способы и средства вооружения; основы устройства баз и складов; применение обозов; основы партизанской тактики; связь партизанской тактики с общей системой вооруженной борьбы; зависимость партизанской тактики от местной обстановки классовой борьбы; условия применения обороны и ее отрицательные свойства; особенности партизанской тактики в условиях уличного боя; объекты партизанских действий: военные склады, ж.-д. сооружения, штабы, воинские части и т. п.; экономия сил; главное и второстепенное направления; организация охранения; агентурная и боевая разведка; служба связи;

• порча и разрушение (диверсионные действия); основные объекты, подвергаемые разрушению в условиях вооруженного восстания в городе и партизанских действий; взрывчатые вещества и принадлежности для взрывания, используемые при разрушениях; организация и план выполнения подрывной операции; практические работы на полигоне;

• теория стрельбы (баллистика); практическое изучение оружия (главным образом своей страны): винтовка, револьвер, пистолет, граната, легкий ручной и станковый пулеметы; полицейское оружие; стрельба из всех видов оружия; бросание гранат.

При анализе ведомостей сдачи оружия в Артиллерийское управление РККА при закрытии или переформировании школ начальной (подчеркиваем: именно начальной, что уж тут говорить о продвинутых высших учебных заведениях!) военно-конспиративной подготовки становится ясно, насколько обширной была программа стрелковой подготовки военных

кадров Коминтерна. Подобный уровень изучения материальной части и практической стрельбы из оружия иностранных образцов был восстановлен в СССР только через несколько десятилетий, да и то в очень ограниченном кругу специальных организаций.

Назовем некоторые образцы стрелкового оружия, указанные в ведомостях ИККИ (в скобках названы страны-производители и страны-потребители этого оружия).

Винтовки (карабины): «манлихер» (Австрия, Венгрия, Греция, Нидерланды, Румыния), маузер (Германия, Аргентина, Бельгия, Испания, Польша, Турция, Чехословакия, Швеция), винтовка Мосина (Россия, Финляндия), «ли-энфилд» (Великобритания и ее колонии), «манлихер—каркано» (Италия), «лебель» (Франция и ее колонии), «арисака» (Япония и ее колонии), винчестер (США).

Пистолеты и револьверы: «штеер» (Австрия), «парабеллум», «маузер», «вальтер» (все – Германия), «браунинг» (Бельгия), «кольт» (США), пистолет Коровина, наган (Россия, СССР).

Пистолеты-пулеметы (автоматы): Бергмана (Германия), Томпсона (США), Федорова (Россия).

Пулеметы: Гочкиса (Франция), Льюиса (Англия), Мадсена (Дания), Максима (Германия, Россия), Кольта (США), Браунинга (Бельгия).

Школа Сверчевского имела самые тесные контакты с РУ РККА, в рамках которого существовал (засекреченный даже от аппарата РУ) спецотдел под руководством М. Ф. Сахновской.

Сахновская-Флерова (Чубарева) Мирра Филипповна, родившаяся в 1897 г., окончила Военную академию РККА в 1924 г. В 1924–1926 гг. была (женщина – редчайший случай!) военным советником в Китае, с 1926 г. – в распоряжении РУ РККА. В 1932–1934 гг. начальник спецотдела РУ РККА по подготовке диверсантов, партизан и специальных военных кадров Коминтерна.

«В этот период [1933], – вспоминал Старинов, – я работал в Москве в отделе Мирры Сахновской. Это была опытная, энергичная, мужественная женщина, награжденная в числе первых орденом Красного Знамени. За тот сравнительно небольшой промежуток времени мне удалось подготовить две группы китайцев и ознакомить партийное руководство некоторых зарубежных стран – Пальмиро Тольятти, Вильгельма Пика, Александра Завадского и других с применением минной техники».[112]

Практическое подтверждение высокой эффективности специальных подразделений получено не только в ходе партизанских учений: после окончания Гражданской войны сотрудники ОГПУ и военные специалисты РККА имели не одну

возможность проверить теоретические разработки на практике. Достаточно назвать операции по ликвидации басмачества (1922–1931 гг.), участие в боевых действиях в Китае (1924–1927 гг.), афганские события 1928–1929 гг.

Во время операции в Афганистане, направленной против Бачаи Сакао, объявившего себя эмиром, – руководители операции В. М. Примаков (Региб-бей) и А. И. Черепанов (Али-Азваль-хан) – в апреле – мае 1929 г. приобретен практический опыт взаимодействия специальных подразделений с авиацией. В частности, был создан «воздушный мост» для материально-технического обеспечения наших групп, организована штурмовая авиационная поддержка в их интересах. Как показала практика специальных операций второй половины XX в., авиационная поддержка специальных подразделений (материально-техническая, тактическая, огневая и спасательная) настолько важна, что многие современные подразделения из состава сил специального назначения имеют собственную боевую и транспортную авиацию.

В 1928 г. командующий Ленинградским военным округом М. Н. Тухачевский высказал идею создания воздушно-десантных войск (ВДВ). В 1930 г. в составе 11-й стрелковой дивизии Ленинградского ВО был сформирован внештатный опытный авиамотодесантнъй отряд, личный состав которого был подготовлен для выполнения прыжков с парашютом. Общее руководство созданием воздушной пехоты осуществлялось начальником Военно-воздушных сил РККА П. И. Барановым. Основными организаторами парашютной подготовки принципиально новых военных формирований Красной армии стали Л. Г. Минов и Я. Д. Мошковский.

Вначале развитие воздушно-десантных войск шло в направлении небольших частей специального назначения – опытный авиамотодесантнъй отряд по численности приближался к батальону. Отдельные авиадесантные отряды были созданы еще в четырех военных округах Европейской части СССР: Приволжском, Белорусском, Украинском и Московском. Затем отряды переименовали в авиационные (стрелковые) батальоны особого назначения (БОН). Проблемами технического оснащения Военно-десантных войск (ВДВ) занималось Особое конструкторско-производственное бюро Военно-воздушных сил РККА под руководством П. И. Гроховского.

На уровне военных округов подготовкой к партизанской войне занимались специально созданные Четвертые отделы штабов военных округов. Они взаимодействовали с соответствующими подразделениями и отделами

республиканских и территориальных органов ОГПУ. Например, в Белоруссии действовало Специальное бюро ГПУ БССР, с 1930 по 1936 г. осуществлявшее подготовку кадров к партизанской борьбе по своей линии. Уполномоченный этого Спецбюро А. К. Спрогис служил в тот период начальником спецшколы ГПУ.

«В 1928 г., – вспоминал Спрогис, – меня направили на учебу в Высшую пограничную школу. Там проходили переподготовку командирские кадры. После окончания школы я стал совершенствовать свою квалификацию на специальных курсах, где мы, группа выпускников Высшей пограничной школы, изучали разведывательно-диверсионное дело, чтобы более эффективно бороться с нарушителями границы, распознавать все их приемы и уловки. Полученные знания мы продолжали совершенствовать на практике – в Белорусском пограничном округе, куда меня направили после курсов.

В этот период (начало 30-х гг.) по указанию ЦК проводились мероприятия по укреплению обороноспособности западных районов страны на случай нападения империалистического агрессора.

Мы осваивали методы партизанской борьбы, работали над созданием партизанской техники, обучали будущих партизан минно-подрывному делу. Заранее подбирались кадры организаторов военных действий в тылу врага (среди них были тогда такие товарищи, как Ваупшасов, Орловский и другие, ставшие в годы Отечественной войны героями партизанского движения). От партизан требовалась всесторонняя подготовленность, и я в числе других освоил парашютное дело, получил значок инструктора парашютизма. Все, чему мы научились в мирное время, оказало потом неоценимую помощь нам в борьбе с немецкими оккупантами. <…>

В начале 1930 г. небольшая группа слушателей Высшей пограничной школы (ВПШ) ОГПУ (в том числе и я) была вызвана в особый отдел центра, где имела соответствующий разговор с руководящими лицами. <…>

Из нашей группы было отобрано 30 человек, в том числе и я. После прохождения месячных специальных курсов нас направили в три пограничных округа – Ленинградский, Украинский и Белорусский для организации и подготовки диверсионно-партизанской работы.

Установка была такова, что к весне ожидается война. Война не началась, но все группы по округам, соответствующие отделения в составе округов продолжали начатую подготовительную работу».[113]

В соответствии с секретным планом Штаба РККА,

утвержденным наркомом по военным и морским делам К. Е. Ворошиловым, вдоль западных границ СССР были оборудованы десятки тайников с оружием (в том числе автоматами), боеприпасами, взрывчаткой. Количество винтовок и карабинов, револьверов, гранат измерялось десятками тысяч штук, пулеметов – сотнями штук, взрывчатки – десятками тонн. В приграничных округах на коммуникациях была проведена работа по подготовке к взрывам мостов, водокачек и других стратегически важных объектов на всю глубину полосы обеспечения укрепленных районов.

В 1932–1933 гг. формировались специальные подразделения ТОС (техника особой секретности), на вооружении которых состояли мины, оснащенные радиоуправляемыми взрывателями «БЕМИ», а впоследствии «Ф-10». Они были созданы в Особом техническом бюро по военным изобретениям специального назначения (Остехбюро) под руководством В. И. Бекаури. И. Г. Старинов вспоминал, что именно Бекаури впервые познакомил его с конструкцией радиоуправляемых мин.

Наряду с подготовкой кадров проходили полномасштабные учения: осенью 1932 г. под Ленинградом на общевойсковых учениях работали около 500 выпускников партизанских спецшкол из Белорусского, Ленинградского и Украинского военных округов. Партизаны (диверсанты) были в гражданской одежде, вооружены японскими карабинами, учебными гранатами и минами. В ходе учений они проникали через «линию фронта» пешим порядком и по воздуху. Партизанские группы провели несколько успешных нападений из засад. Налеты на штабы «противника» оказались неудачными – охрана бдительности не теряла. Диверсионные группы действовали на коммуникациях «противника» эффективно.

«На маневрах в ЛВО осенью 1932 г., – писал Старинов, – перед нами, партизанами, ставились в качестве главной задачи захват штабов и разрушение транспортных средств „врага“. Я, конечно, не упустил случая и добился разрешения устроить „крушения“ поездов с применением замыкателей и взрывателей.

Участок, отведенный для наших операций, тщательно охранялся. Охрана „противника“ успешно срывала нападения на железнодорожные станции и крупные мосты, но обеспечить безопасность движения поездов она все же не смогла. На десятикилометровом отрезке железнодорожного пути партизаны-минеры установили десять мин. Девять из них сработали очень эффектно под учебными составами. А вот с десятой получился конфуз. Мы не успели снять ее до начала нормального пассажирского движения, и она грохнула под пригородным

поездом».[114] В том же году под Москвой, в Бронницах, прошли секретные маневры войск НКВД с участием комсостава партизанских соединений и партизан-парашютистов под командованием С. А. Ваупшасова. Роль условного противника выполняли бойцы Дивизии особого назначения ОГПУ, курсанты Высшей пограничной школы, а также слушатели ряда академий и училищ Московского военного округа.

В 1933 г. в ходе командно-штабных учений под Киевом оценивались возможности скоординированных действий диверсионных отрядов и авиации. По итогам учений сделан вывод: заранее подготовленные подразделения при надлежащем управлении из единого центра в состоянии парализовать все коммуникации условного противника на территории Белоруссии и Украины.

В составе Красной армии имелась уникальная воинская часть – Карельский егерский батальон, который курировался специалистами Коминтерна. Бойцы батальона готовились стать основой для создания Красной гвардии Финляндии. В 1931 г. руководством РККА и ИККИ принимается решение о реорганизации Карельского егерского батальона в бригаду. Руководитель советской Карелии Э. Гюллинг на одной из сессий ЦИК имел беседу с М. Н. Тухачевским и Б. М. Фельдманом о специфике карельских условий и просил их назначить командиром бригады Э. Матсона. К концу декабря Отдельная Карельская егерская бригада, подчиненная непосредственно командующему Ленинградским ВО, была сформирована.

Командный состав бригады собирали из всех частей РККА, где имелись финны и карелы, некомплект покрывался русскими. Бригада была территориальной; состояла из штаба, политотдела, Петрозаводского и Олонецкого батальонов, артдивизиона 76-миллиметровых горных орудий, роты связи, саперной роты, подразделений боевого обеспечения и обслуживания. В соответствии с оперативными планами штаба округа бригада должна была прикрывать Петрозаводское направление от «возможной финской агрессии» В период войны из приписного состава дополнительно формировались Заонежский и Вепсский батальоны. Предусматривалась и переброска бригады в Мурманск «для отражения возможных английских десантов». Бригада готовилась воевать не только на своей, но и на чужой территории.

Летом 1929 г. советское руководство санкционировало операцию по «изъятию» руководителя РОВС генерала А. П. Кутепова и его переправке в СССР. 1 января 1930 г. Я. И. Серебрянский вместе с двумя оперативниками выехал в Париж. 26 января Кутепов вышел из дому и отправился в церковь, но до

нее так и не дошел. Случайный свидетель спустя несколько дней показал, что видел, как на улице Удино человека с приметами Кутепова схватили двое рослых мужчин и втолкнули в машину, которая тут же уехала. Одновременно уехала и другая машина, в которую сел дежуривший на перекрестке полицейский. Пленника вывезли из Парижа, но доставить его в СССР не удалось – вечером того же дня 48-летний А. П. Кутепов скончался от сердечного приступа и был тайно похоронен в предместье французской столицы.

Французской полиции и контрразведке РОВС так и не удалось выйти на след похитителей генерала – боевиков Особой группы Серебрянского. Операция по похищению Кутепова нанесла тяжелый психологический удар Белому движению. Депрессия, панические настроения, недоверие к руководителям, взаимные подозрения в сотрудничестве с органами госбезопасности СССР были характерны не только для членов Российского общевоинского союза, но и для поддерживавшей его части белой эмиграции на протяжении нескольких лет.

После завершения операции Я. И. Серебрянский был зачислен на особый учет ОГПУ и приступил к созданию автономных агентурных сетей в странах Европы и США для ведения разведывательной и диверсионной работы в случае неизбежной войны. Всего он лично склонил к сотрудничеству более двухсот человек. В 1931 г. его арестовали в Румынии, но за неимением улик освободили, и он продолжил свою нелегальную деятельность.

Параллельно с Особой группой Я. И. Серебрянского по линии Коминтерна и Профинтерна создавались специальные структуры, предназначенные для диверсионной деятельности в особых условиях. Одной из таких структур являлся Международный союз моряков и портовых рабочих. Его создателем был немецкий коминтерновец Э.-Ф. Вольвебер, в 1921–1924 гг. возглавлявший военную организацию компартии Германии в Гессене, Тюрингии и Силезии. В 1928–1932 гг. Вольвебер руководил службой безопасности КПГ и одновременно являлся председателем Международного союза моряков и портовых рабочих. Отделения этой организации находились в 22 странах и в 15 английских и французских колониях. Клубы союза в Амстердаме, Гамбурге, Бремене, Данциге, Копенгагене, Осло, Риге, Роттердаме, Таллине служили отличным прикрытием для нелегальных резидентур Коминтерна по линии «Д». В 1933 г. Э.-Ф. Вольвебер перешел на нелегальное положение и эмигрировал в Данию. В 1953 г. он стал статс-секретарем государственной безопасности, а в 1955–1957 гг. являлся министром ГБ ГДР.

В 1930 г. Н. И. Эйтингон возвращается из Турции в СССР и становится заместителем Я. И. Серебрянского по 1-му отделению Иностранного отдела и Особой группе. В этой должности он совершает несколько заграничных командировок, в том числе в США, где занимается созданием глубоко законспирированных агентурных сетей. В 1931 г. его назначают начальником 8-го отделения ИНО, затем следуют командировки в Бельгию и Францию. После того как Я. И. Серебрянский сосредоточивается на работе в Особой группе, Эйтингон меняет его на посту руководителя 1-го отделения ИНО.

На фоне этих событий П. А. Судоплатов переходит из Отдела кадров на работу в Иностранный отдел ОГПУ. В дело опять вмешался случай. В 1933 г. сотрудник ИНО Т. Кулинич, отвечавшая за оперативное наблюдение и борьбу с украинской эмиграцией на Западе, подает рапорт об отставке по состоянию здоровья. Начальник Иностранного отдела А. Х. Артузов, по долгу службы знавший, что П. А. Судоплатов не только родился и вырос на Украине, но и имеет опыт аналитической и оперативной работы в местных условиях, предложил ему занять вакантную должность. Так Павел становится оперуполномоченным 5-го, а затем 8-го отделения ИНО. К тому времени его жена Эмма тоже перевелась в Москву и получила назначение в Секретно-политический отдел.

Э.-Ф. Вольвебер, член Коминтерна, немец, создавший Международный союз моряков и портовых рабочих; в 1921–1924 гг. возглавлял военную организацию КП Германии в Гессене; в 1955–1957 гг. министр ГБ ГДР

«Видную роль в руководстве Иностранным отделом, – вспоминал Павел Анатольевич, – помимо Артузова и Слуцкого играли Берман, Федоров (возглавлявший борьбу с эмиграцией), Шпигельглаз, Минскер, Эйтингон и Горожанин».

Артур Христофорович Артузов (настоящие имя и фамилия Артур Евгений Леонард Фраучи), родившийся в 1891 г., в 1922–1927 гг. возглавлял Контрразведывательный отдел ГПУ – ОГПУ,

на этом посту руководил операциями «Трест» и «Синдикат-2», в результате которых были арестованы Б. В. Савинков и С. Рейли, а также разгромлены многие подпольные террористические группы. В 1931–1935 гг. Артузов руководил Иностранным отделом ОГПУ. С мая 1934 г. по совместительству – заместитель начальника IV (Разведывательного) управления РККА, в мае 1935 г. освобожден от работы в ИНО в связи с переходом в военную разведку.

Слуцкий Абрам Аронович, родившийся в 1898 г., находился на оперативной работе и занимал руководящие должности в Экономическом управлении ОГПУ с 1926 г. В 1930 г. его переводят во внешнюю разведку, а в 1931 г. назначают заместителем начальника ИНО. Одновременно в 1931–1933 гг. Слуцкий являлся главным «легальным» резидентом ИНО в ряде стран Европы.

Берман Борис Давыдович, 1901 года рождения, работал в Иркутской ГубЧК с 1921 г. С 1928 по 1930 г. находился на оперативной работе в Средней Азии, участвовал в операциях по ликвидации басмачества. С января 1931 г. – сотрудник внешней разведки, работал в «легальной» резидентуре в Берлине, в 1933 г. – в Риме. Помощник начальника ИНО, с 1934 г. – заместитель начальника ИНО.

Федоров Андрей Павлович, родившийся в 1888 г., в 1916 г. окончил Александровское военное училище, с 1920 г. – сотрудник Особого отдела 10-й армии, до 1922 г. служил на Кавказе. С 1922 г. – сотрудник КРО ГПУ – ОГПУ, ближайший помощник Артузова, участник операции против Б. В. Савинкова. До 1933 г. официально являлся начальником отделения КРО, очевидно, параллельно работал в ИНО. Затем был назначен начальником разведотдела УГПУ по Ленинграду и Ленинградской области.

Шпигельглаз Сергей Михайлович, 1897 года рождения, являлся соратником Артузова по «комиссии Кедрова» (1918 г.). С 1922 г. – уполномоченный КРО ГПУ, а затем ИНО ОГПУ, четыре года находился на оперативной работе в Монголии. С сентября 1926 г. по 1936 г. – помощник начальника ИНО, неоднократно выезжал в нелегальные командировки за границу (Китай, Германия, Франция).

Минскер Яков Григорьевич, 1891 года рождения, в 1920–1921 гг. являлся оперативником Коминтерна и военной разведки на Дальнем Востоке и в Китае. С 1922 г. сотрудник ИНО, в 1922–1924 гг. работал в «легальной» резидентуре ИНО в Персии, в 1925 г. – в Шанхае. С 1926 г. – «легальный» резидент ИНО в Турции, с 1929 г. – в центральном аппарате ИНО ОГПУ. Начальник отделения Дальнего Востока.

Горожанин Валерий Михайлович, родившийся в 1889 г., член

коллегии Николаевской ГубЧК с 1920 г. В 1921–1923 гг. и 1924–1930 гг. – начальник Секретного отдела ВУЧК и СО ГПУ УССР. С декабря 1933 г. – заместитель начальника Секретно-политического отдела ОГПУ. С июля 1933 г. – помощник начальника ИНО. Горожанин вполне мог знать П. Судоплатова по работе на Украине.

Все перечисленные Павлом Анатольевичем руководящие сотрудники Иностранного отдела, ставшие его наставниками, в совокупности обладали колоссальным опытом подпольной, нелегальной и боевой работы. Это, несомненно, послужило одной из причин его дальнейшей успешной и плодотворной работы в советской внешней разведке.

Глава 6
Тайная война диверсантов

Назначение на оперативную работу в Иностранном отделе являлось далеко не таким простым. Противник, с которым отныне поручалось иметь дело Судоплатову, был хитер и коварен – это не нами сказано. К 1933 г. в среде украинских националистов произошли существенные изменения. С 1923 по 1928 г. Украинская военная организация в обмен на свои услуги получила от спецслужб Веймарской республики свыше 2 млн марок, большое количество современного оружия и взрывчатку. Е. Коновалец в одном из своих писем к митрополиту А. Шептицкому писал: «Пусть сегодня мы пребываем на служении немецким деятелям. Но завтра будет надежда, что с их помощью и под их руководством мы обретем собственную государственность».

С 28 января по 3 февраля 1929 г. в Вене состоялся 1-й конгресс украинских националистов, на котором произошло объединение украинских националистических организаций в Организацию украинских националистов (ОУН), главой которой стал Е. Коновалец.

ОУН выступала за установление национальной диктатуры, провозглашала принцип вождизма, противопоставляя себя всем партиям, союзам и группировкам. Идеология украинских националистов базировалась на учении об интегральном национализме Д. Донцова. В его брошюре, вышедшей в 1929 г., говорилось: «Нужна кровь – будет море крови! Нужен террор – сделаем его жесточайшим! Необходимо будет отдать материальные блага – не оставим себе ничего. Не постесняемся убийств, грабежей и поджогов. В борьбе нет этики!.. Каждая дорога, что ведет к нашей наивысшей цели, несмотря на то что зовется она некоторыми геройством или подлостью, – это наша дорога». В плане человеконенавистничества идеология оуновцев ничем не уступала идеологии немецкого национал-социализма.

Оуновцы установили с германскими нацистами самые тесные контакты. При штаб-квартире НСДАП было открыто представительство ОУН – УВО, которое возглавляли Н. Свиборский и Р. Ярый. Глава штурмовиков Э. Рем благосклонно отнесся к просьбе о помощи в военной подготовке оуновских боевиков и предоставил им возможность проходить тренировки вместе с его штурмовиками. После прихода А. Гитлера к власти в Германии наметились контакты специальных структур ОУН – УВО с СД и гестапо. Естественно, что руководство немецких

спецслужб планировало использовать украинских националистов в своих собственных интересах, в первую очередь в качестве разведчиков и боевиков на территории Польши.

В 1933–1941 гг. в ОУН – УВО действовали различные специальные курсы и школы подготовки боевиков к ведению тайной войны. Для руководства деятельностью националистов на территориях Западной Украины был создан специальный орган ОУН – Краевая экзекутива (КЭ). Постепенно этот орган под руководством С. А. Бандеры стал фактически неподотчетным ОУН и превратился в самостоятельную сильную организацию. Но оуновцы активно действовали не только против Польши, но и против Советского Союза с польской и чехословацкой территорий. Более того, оуновцы пытались проводить террористические акты против официальных советских представителей и на территории третьих стран.

Советские органы государственной безопасности вели против оуновцев нелегкую и жестокую борьбу. Чекисты отслеживали и неоднократно пресекали террористические акты украинских националистов против советских государственных деятелей. Например, осенью 1933 г. была сорвана попытка покушения оуновцев на наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинова, которое должно было состояться во время его прибытия в США. Благодаря действиям нелегального резидента ИНО ОГПУ И. Н. Каминского и легального резидента ИНО в США Б. Ш. Эльмана этот план был своевременно раскрыт. В итоге переговоры Литвинова с президентом США Ф. Д. Рузвельтом прошли успешно, и 18 ноября 1933 г. между СССР и США были установлены дипломатические отношения.

Однако действовать на опережение советской разведке удавалось не всегда. 21 октября 1933 г. в консульстве СССР во Львове оуновский боевик Н. Лемек совершил террористический акт против сотрудника внешней разведки А. Майлова, работавшего в Польше под дипломатическим прикрытием. На одном из приемов террорист подошел к дипломату и в упор расстрелял его из пистолета.

По распоряжению военно-политического руководства СССР, как тогда говорили – «руководящей инстанции», в органах госбезопасности началась разработка активных мер по нейтрализации террористических акций украинских националистов.

Тем временем в органах государственной безопасности произошла очередная глобальная перестройка. 10 июля 1934 г. постановлением ЦИК СССР был образован Народный комиссариат внутренних дел СССР, с включением в него аппаратов ОГПУ и

НКВД РСФСР. Наркомом назначен Г. Г. Ягода. На базе ОГПУ создается Главное управление государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР. Его куратором стал Я. С. Агранов.

В составе ГУГБ имелись следующие отделы: Секретно-политический (Г. А. Молчанов) – борьба с враждебными партиями и антисоветскими элементами; Особый (М. И. Гай) – контрразведка и политический сыск в вооруженных силах; Оперативный (Оперод) (К. В. Паукер) – охрана руководителей, наружное наблюдение, обыски и аресты; Иностранный (А. Х. Артузов) – внешняя разведка; Экономический (Л. Г. Миронов) – борьба с диверсиями и вредительством в народном хозяйстве; Транспортный (В. А. Кишкин) – борьба с диверсиями и вредительством на транспорте; Учетно-статистический (Я. М. Генкин) – оперативный учет, статистика, архив; Специальный (Спецотдел) (Г. И. Бокий) – обеспечение режима секретности, шифровка, особые задачи.

С 1934 г. «группа Яши» получает название Специальная группа особого назначения (СГОН) при наркоме внутренних дел. Сотрудники СГОН провели в 1930-е гг. ряд громких специальных операций, например такие, как захват части архива Л. Д. Троцкого во Франции.

Исполняя распоряжение партии, руководство Иностранного отдела ГУГБ приняло решение о внедрении в среду украинских националистов собственного сотрудника. Летом 1934 г. выбор был сделан в пользу П. А. Судоплатова.

«Слуцкий, к тому времени начальник Иностранного отдела, [115] – вспоминал П. Судоплатов, – предложил мне стать сотрудником-нелегалом, работающим за рубежом. Сначала это показалось мне нереальным, поскольку опыта работы за границей у меня не было, и я ничего не знал об условиях жизни на Западе. К тому же мои знания немецкого, который должен был мне понадобиться в Германии и Польше, где предстояло работать, равнялись нулю.

Однако чем больше я думал об этом предложении, тем более заманчивым оно мне представлялось. И я согласился. После чего сразу приступил к интенсивному изучению немецкого языка – занятия проходили на явочной квартире пять раз в неделю.

Опытные инструкторы обучали меня также приемам рукопашного боя и владению оружием. Исключительно полезными для меня были встречи с заместителем начальника Иностранного отдела ОГПУ – НКВД Шпигельглазом. У него был большой опыт работы за границей в качестве нелегала – в Китае и Западной Европе. В начале 30-х гг. в Париже „крышей“ ему служил рыбный магазин, специализировавшийся на продаже

омаров, расположенный возле Монмартра.

После восьми месяцев обучения я был готов отправиться в свою первую зарубежную командировку в сопровождении Лебедя, „главного представителя“ ОУН на Украине, а в действительности нашего тайного агента на протяжении многих лет. Лебедь с 1915 по 1918 г. просидел вместе с Коновальцем в лагере для военнопленных под Царицыном. В Гражданскую войну он стал заместителем Коновальца и командовал пехотной дивизией, сражавшейся против частей Красной армии на Украине. После отступления Коновальца в Польшу в 1920 г. Лебедь был направлен им на Украину для организации подпольной сети ОУН. Но там его арестовали. Выбор перед ним был простой: или работать на нас, или умереть.

Лебедь стал для нас ключевой фигурой в борьбе с бандитизмом на Украине в 20-х гг. Его репутация в националистических кругах за рубежом оставалась по-прежнему высокой: Коновалец рассматривал своего представителя как человека, способного провести подготовительную работу для захвата власти ОУН в Киеве в случае войны. От Лебедя, которому мы разрешали выезжать на Запад в 20-х и 30-х гг. по нелегальным каналам, нам и стало известно, что Коновалец лелеял планы захвата Украины в будущей войне. В Берлине Лебедь встречался с полковником Александером, предшественником адмирала Вильгельма Канариса на посту руководителя германской военной разведслужбы в начале 30-х гг., и узнал от него, что Коновалец дважды виделся с Гитлером, который предложил, чтобы несколько сторонников Коновальца прошли курс обучения в нацистской партийной школе в Лейпциге».

Куратором и одним из основных наставников П. А. Судоплатова в период его подготовки к нелегальной заграничной командировке стал опытный разведчик П. Я Зубов.

Петр Яковлевич (1898 г. р.) с 1919 г. был членом большевистской боевой дружины в Грузии, с 1920 г. работал в органах ЧК – ГПУ в Закавказье. В 1928–1930 гг. – сотрудник «легальной» резидентуры ИНО ОГПУ в Стамбуле, в 1930–1931 гг. участвовал в ликвидации бандформирований в Грузии и Абхазии, в 1931–1933 гг. – оперативник «легальной» резидентуры ОГПУ в Париже. С 1933 г. – сотрудник Иностранного отдела ОГПУ. Этот человек также станет одним из ближайших помощников П. А. Судоплатова во время Великой Отечественной войны.

Первоначальный курс обучения начинающий разведчик закончил в марте 1935 г. В это же время его жена Эмма была переведена в Иностранный отдел НКВД и также прошла специальный курс обучения. В будущей операции ее

планировалось использовать в качестве связной в Западной Европе между Павлом и Центром. По легенде связная была студенткой из Женевы. Сам Павел выехал за границу под именем молодого украинского националиста Павла Анатольевича Яценко в качестве якобы племянника В. Лебедя.

В середине весны 1935 г. П. А. Судоплатов выехал в Финляндию в сопровождении Лебедя, который, переправив «племянника» за границу, вернулся через Москву в Харьков. В течение двух месяцев наш герой находился в Хельсинки, где проходил «акклиматизацию» под наблюдением К. Полуведько, главного представителя Е. Коновальца в Финляндии. Полуведько, проживавший по фальшивому паспорту, отвечал за контакты между украинскими националистами на Западе и их подпольной организацией в Ленинграде. При этом Полуведько, как и Лебедь, был еще и агентом советских спецслужб. Естественно, что ни Лебедь, ни Полуведько не подозревали о двойной жизни друг друга – многоходовая оперативная игра требовала полной конспирации. Павел ни в чем не зародил подозрений у своего опекуна, и Полуведько настолько поверил в созданный им образ ярого украинского националиста, что даже предложил Центру его убрать!

В период пребывания в Хельсинки Судоплатов находился под опекой «легального» резидента в Финляндии Б. А. Рыбкина («Кин») и его помощницы (впоследствии супруги) З. И. Воскресенской («Ирина»). Эти выдающиеся разведчики также внесли свою лепту в оперативную подготовку молодого разведчика. В это же время З. И. Воскресенская в Норвегии координировала работу нелегальной разведывательно-диверсионной группы Э.-Ф. Вольвебера («Антон»). Она же поддерживала контакт и с К. Полуведько.

«В Финляндии (а позднее и в Германии), – вспоминал П. Судоплатов, – я жил весьма скудно: у меня не было карманных денег, и я постоянно ходил голодный. Полуведько выделял мне всего десять финских марок в день, а их едва хватало на обед – при этом одну монетку надо было оставлять на вечер для газового счетчика, иначе не работали отопление и газовая плита. На тайные встречи между нами, расписание которых было определено перед моим отъездом из Москвы, Зоя Рыбкина и ее муж Борис Рыбкин, резидент в Финляндии, руководивший моей разведдеятельностью в этой стране, приносили бутерброды и шоколад. Перед уходом они просматривали содержимое моих карманов, чтобы убедиться, что я не взял с собой никакой еды: ведь это могло провалить нашу игру».

После двух месяцев «карантина» от Коновальца в Хельсинки

прибыли связные – О. Грибивский из Праги и Д. Андриевский из Брюсселя. Путь в Германию лежал через Швецию, куда Павел и сопровождавшие его лица отправились пароходом. В Стокгольме у Судоплатова произошла неприятная история с фальшивым паспортом, фотография на котором совершенно не соответствовала оригиналу. Но инцидент быстро был улажен его спутниками, и после недельного пребывания в Швеции (еще один «карантин») вся группа благополучно прибыла на место назначения. К слову сказать, в Германии никаких неприятностей с паспортом уже не было.

В июне 1935 г. Павел прибыл в Берлин и стал ждать встречи с Е. Коновальцем. А пока наш главный герой ожидает аудиенции, мы продолжим рассказ о развитии диверсионных подразделений в СССР.

В январе 1934 г. начальник Штаба РККА А. И. Егоров издал директиву, предписывавшую создание штатных диверсионных подразделений в Красной армии. В целях секретности такие подразделения создавались при дивизионных саперных батальонах и именовались саперно-маскировочными взводами. Формирование и обучение было настолько секретным, что об их существовании даже в IV (Разведывательном) управлении РККА (и впоследствии в ГРУ) было известно очень ограниченному кругу лиц. Так, например, полковнику Н. К. Патрахальцеву после Великой Отечественной войны с огромными сложностями пришлось доказывать своему руководству, что он принимал участие в формировании и впоследствии командовал специальным диверсионным подразделением.

«В моем личном деле, – докладывал Н. К. Патрахальцев по команде, – указано, что в 1935 и 1936 гг. я был по приказу НКО командиром взвода и командиром роты отдельного саперного батальона 51-й стрелковой дивизии.

В действительности я не был на этих должностях, а командовал так называемым саперно-маскировочным взводом, созданным IV управлением РКК (Разведуправление). Мое назначение командиром взвода, роты и само название „сапмасквзвод“ являлось прикрытием для выполнения спецзадач IV управления РКК и 4-го отдела штаба Киевского особого военного округа.

В 1937 г., в мае месяце, я был вызван в ГРУ и направлен в командировку в Испанию. Таким образом, получилось, что мою службу в системе разведуправления засчитали не с 1935 г., а с мая 1937 г.

Подтверждение изложенного можно проверить в архиве II Главного управления.

Так, в архивном деле № 2648 „Общие директивы и переписка с Генштабом“, листы 38–48, 73 и 81, подробно говорится о создании в IV управлении РККА разведподразделений с целью прикрытия названных „сапмасквзводов“, в которых готовились люди для выполнения особых диверсионных задач.

В архивном деле № 5956 дело № 2 Киевского особого военного округа, стр. 105 и 109, имеется приказ о моей работе в „сапмасквзводе“».

Личный состав армейского спецназа отбирался из бойцов, прослуживших не менее двух лет и имевших соответствующие данные, после тщательного «просвечивания» органами госбезопасности. Обучение диверсантов велось по самым высоким стандартам физической и специальной подготовки того времени. После прохождения службы в составе взвода диверсанты увольнялись и компактно расселялись вдоль границы.

Эти подразделения имели двойное назначение: могли действовать в наступлении и в обороне, в составе взвода и малыми группами. В 1935 г. такие взводы были созданы практически во всех дивизиях на границе с Прибалтикой, Польшей и Румынией, а также на Дальнем Востоке. Оружие и снаряжение для них хранились в ближайших воинских частях; на территории сопредельных государств агенты РУ РККА (коминтерновцы) создавали опорные базы для диверсантов.

«В 1935 г., – вспоминал Н. К. Патрахальцев, – меня пригласил к себе начальник штаба дивизии и приказал срочно передать взвод другому командиру. Мне была поставлена задача из лучших старослужащих солдат дивизии сформировать команду в составе 44 человек.

Начштаб объяснил, что я выхожу из подчинения не только полкового, но и дивизионного командования и буду действовать по распоряжениям из Москвы. Мне предстоит готовить свою команду самостоятельно, по специальной программе, присланной из ГРУ.

Через несколько дней в Одессу, в наш полк приехал офицер по фамилии Досик и объявил мне, что моя команда будет легендироваться под названием саперно-маскировочного взвода. На самом же деле я обязан готовить разведывательно-диверсионное подразделение для действий в тылу противника.

Вскоре из Москвы на мое имя пришла программа подготовки подразделения. На ней стоял гриф „секретно“».

Саперно-маскировочные (диверсионные) взводы готовились в нашей стране в период с 1934 по 1936 г. и по времени создания опережали аналогичные подразделения в вооруженных силах наиболее вероятных противников Красной армии. Теоретическая

и практическая подготовка диверсантов РККА вполне соответствовала насущным требованиям времени.

Однако в целом в 1934–1936 гг. работа по подготовке спецкадров начала постепенно консервироваться, сворачиваться, реорганизовываться. С позиций начала XXI в. совершенно очевидно, что это было связано с очередным этапом «партийно-фракционных войн» в борьбе за абсолютную власть. Убийство С. М. Кирова 1 декабря 1934 г. группировка И. В. Сталина использовала как повод для расправы со своими политическими противниками. Предоставим слово очевидцам, которые в тот период даже не догадывались, какие нравственные испытания ждут их впереди.

«Именно в столице, – вспоминал И. Г. Старинов, – я вдруг обнаружил, что подготовка к будущей партизанской борьбе не расширяется, а постепенно консервируется.

Попытки говорить на эту тему с Сахновской ни к чему не приводили. Она осаживала меня, заявляя, что суть дела теперь не в подготовке партизанских кадров, что их уже достаточно, а в организационном закреплении проделанной работы (позже я узнал, что она острее меня переживала недостатки в нашей работе. Все ее предложения отвергались где-то наверху).

Нерешенных организационных вопросов действительно накопилось множество. Но решали их не в нашем управлении.

Будущий легендарный герой республиканской Испании Кароль Сверчевский успокаивал: сверху, мол, виднее.

Я тоже верил в это. Но все труднее становилось примирять с этой верой растущий внутренний протест. Состояние было подавленное».[116]

Коллега Старинова, А. К. Спрогис, так писал об этом периоде:

«В БССР всякими правдами и неправдами (в 1934–1935 гг. – *Примеч. авт.*) ушли такие работники, как Гринвальд (Муха), Орлов (Аршинов), Ваупшасов (Смольский), люди, которые имели богатый партизанский опыт в прошлом. Именно они руководили такой идеально проведенной операцией, как налет на город и станцию Столбцы (Западная Белоруссия). Тогда 60 человек за ночь разгромили полицию, жандармерию, казармы пехотного полка, тюрьму, освободили арестованных, на рассвете за городом приняли бой с кавалерийским полком и прорвались через границу к своим.

Эти люди ушли не потому, что они выдохлись или переродились. О противном говорит тот факт, что, как только в 1936 г. стало известно, что для работы „Д“ есть возможность уехать в страну „Х“, они стали рваться туда добровольцами. О том, как они себя там проявили, можно судить по тем наградам,

которыми их награждали партия и правительство.

Я на этой работе остался до последнего момента, ибо верил в ее целесообразность, но в конце концов ушел, обещая себе вернуться к ней тогда, когда начнутся активные действия. Так и получилось. Через три месяца я опять вернулся на эту работу и уехал в страну „Х“, а по возвращении пишу эту докладную записку. Ответить на вопрос, почему так происходит, в высшей степени трудно. Причина кроется в существующей обстановке, а также в отношении высшего руководящего состава к работникам этой отрасли. Отношение, которое трудно поддается критике, но в то же время имеет огромное значение. Пояснить свою мысль я постараюсь на личном примере.

Мы привыкли, что наш труд ценим. Я не ошибусь, если скажу, что этого не было не только в БССР, но и на Украине и в Ленинграде. Наша работа стала считаться второстепенной. Наши работники использовались не по прямому назначению: производство обысков, арест, конвоирование арестованных, нагрузка дежурствами и т. д. и т. п. Это была система, продолжавшаяся из года в год. Нетрудно понять, что это отражалось в аттестации по присвоению званий.

В 1936 г. во время моего разговора с бывшим начальником особого отдела Карелиным последний заявил, что моя работа с 1930 по 1936 г. в качестве помощника, а потом уполномоченного особого отдела по работе „Д“ – это не оперативная работа. И вот результат. Хотя я в рядах РККА и ВЧК – ОГПУ – НКВД беспрерывно с начала 1919 г. и имею соответствующую подготовку: военную школу ВЦИК и ВПШ ОГПУ, я был аттестован с присвоением звания младший лейтенант госбезопасности.

Мои рапорты о пересмотре остались без каких-либо последствий. Кроме того, имелся и другой момент, который отразился на нашей работе. До 1937 г. систематически, из года в год, уменьшались средства, отпускаемые на работу „Д“. Она свертывалась…»[117]

А тем временем летом 1936 г. П. А. Судоплатов встретился наконец с лидером украинских националистов Е. Коновальцем, который расспрашивал его о ситуации на Украине с большим пристрастием. Их первая встреча проходила на конспиративной квартире, находившейся в здании музея этнографии и принадлежавшей немецкой разведке. Павел сумел произвести благоприятное впечатление на Коновальца, и в сентябре его направили на три месяца в нацистскую школу в Лейпциге.

«Во время учебы, – вспоминал наш герой, – я имел возможность познакомиться с оуновским руководством. Слушателей школы, естественно, интересовала моя личность.

Однако никаких проблем с моей „легендой“ не возникало.

Мои беседы с Коновальцем становились между тем все серьезнее. В его планы входила подготовка административных органов для ряда областей Украины, которые предполагалось освободить в ближайшем будущем, причем украинские националисты должны были выступать в союзе с немцами. Я узнал, что в их распоряжении уже имеются две бригады, в общей сложности около двух тысяч человек, которые предполагалось использовать в качестве полицейских сил в Галиции (части Западной Украины, входившей тогда в Польшу) и в Германии.

Оуновцы всячески пытались вовлечь меня в борьбу за власть, которая шла между двумя их главными группировками: „стариков“ и „молодежи“. Первых представляли Коновалец и его заместитель Мельник, а „молодежь“ возглавляли Бандера и Костарев. Моей главной задачей было убедить их в том, что террористическая деятельность на Украине не имеет никаких шансов на успех, что власти немедленно разгромят небольшие очаги сопротивления. Я настаивал на том, что надо держать наши силы и подпольную сеть в резерве, пока не начнется война между Германией и Советским Союзом, а в этом случае немедленно их использовать.

Особенно тревожили террористические связи этой организации, в частности договоренность с хорватскими националистами и участие в убийстве югославского короля Александра и министра иностранных дел Франции Луи Барту. Для меня было открытием, что все эти террористы финансируются абвером – разведывательной и контрразведывательной службой вермахта. Полной неожиданностью явилась для меня и новость, что убийство польского министра генерала Перацкого в 1934 г. украинским террористом Мацейко было проведено вопреки приказу Коновальца и стоял за этим Бандера, соперничавший с последним за власть. <…>

В общении со своими коллегами по нацистской партийной школе я держался абсолютно уверенно и независимо: ведь я представлял головную часть их подпольной организации на Украине, в то время как они являлись всего лишь эмигрантами, существовавшими на немецкие подачки. Я имел право накладывать вето на их предложения, поскольку выполнял инструкции своего „дяди“ („вуйко“). Если что-то в их высказываниях мне не нравилось, достаточно было просто сказать: „Вуйко не велел!“

Именно таким образом я отверг предложение о моей встрече с полковником Лахузеном из штабквартиры абвера. Вступать в

прямые контакты с германской разведкой было бы рискованно, так как немцы могли попытаться принудить меня к сотрудничеству. Снова и снова приходилось мне повторять свои возражения по поводу встречи с кем-либо из абвера.

Однажды, когда мы гуляли с Коновальцем, к нам подошел уличный фотограф и сфотографировал нас, передав пленку Коновальцу, заплатившему за это две марки. Я возмутился. Было ясно, что мое берлинское окружение хочет иметь фотографию в своем досье, чтобы потом, когда им понадобится, они могли разыскать меня. Тогда же на улице я выразил свой недвусмысленный протест Коновальцу. Было бы непростительной ошибкой, если такая фотография оказалась бы в руках у немцев, заявил я ему, нисколько не сомневаясь, что именно это и было его истинной целью. Коновалец попытался как-то меня успокоить. По его словам, не было ничего предосудительного в том, что какой-то уличный фотограф, зарабатывающий себе на жизнь, сфотографировал нас вдвоем, прогуливающимися по берлинской улице.

Позднее я убедился, что был прав. В годы войны СМЕРШ захватил двух лазутчиков в Западной Украине, у одного из них была эта фотография. Когда его спросили, зачем она ему нужна, он ответил: „Я не имею понятия, кто этот человек, но мы получили приказ ликвидировать его, если обнаружим“.

Я сумел войти в доверие к Коновальцу, передав ему содержимое одного конфиденциального разговора. Как-то Костарев и еще несколько молодых украинских националистов, слушателей нацистской партийной школы, стали говорить, что Коновалец слишком стар, чтобы руководить организацией, и его следует использовать лишь в качестве декоративной фигуры. Когда они спросили мое мнение, я возмущенно ответил:

– Да кто вы такие, чтобы предлагать подобное? Наша организация не только полностью доверяет Коновальцу, но и регулярно получает от него поддержку, а о вас до моего приезда сюда мы вообще ничего не слышали.

Когда я рассказал об этом Коновальцу, лицо его побледнело. Позже Костарев был уничтожен. Не думаю, что это случайное совпадение. <…>

Коновалец привязался ко мне и даже предложил, чтобы я сопровождал его в инспекционной поездке в Париж и Вену с целью проверки положения дел в украинских эмигрантских кругах, поддерживавших его. <…>

Центр… решил воспользоваться этой возможностью, чтобы организовать мне встречу с моим курьером. Согласно инструкции из Москвы, мне надлежало по возможности выйти на такую

встречу в Париже и позднее в Вене. Для этого я должен был дважды в неделю появляться между пятью и шестью вечера на углу Плас-де-Клиши и бульвара де-Клиши. <…> В первое же свое появление на условленном месте я увидел собственную жену… Усилием воли мне удалось заставить себя удостовериться, что за мной нет никакой слежки, и лишь после этого я приблизился к Эмме. Мне сразу же стало совершенно ясно: место для рандеву выбрано крайне неудачно, так как сновавшая вокруг толпа не давала возможности проверить, есть ли за тобой „хвост“ или нет.

Опыт моей работы в Харькове против польской агентуры научил меня, что почти во всех провалах виноват был неудачный выбор места встречи. <…>

Я информировал ее о положении дел в украинских эмигрантских кругах и о той значительной поддержке, которую они получали от Германии. Особенно любопытной показалась ей информация, касавшаяся раздоров внутри украинской организации. <…>

После нашего приезда в Вену я отправился на заранее определенное место встречи, где застал моего куратора и наставника по работе в Москве Зубова. Это был опытный разведчик, и я всегда стремился получить от него как можно больше знаний. Я подробно информировал его о деятельности Коновальца. <…>

Из Вены я возвратился в Берлин, где в течение нескольких месяцев шли бесполезные переговоры о возможном развертывании сил подполья на Украине в случае начала войны. В этот период я дважды ездил из Германии в Париж, встречаясь там с лидерами украинского правительства в изгнании. Коновалец предостерег меня в отношении этих людей: по его словам, их не следовало воспринимать серьезно, поскольку в реальной действительности все будут решать не эти господа, протиравшие штаны в парижских кафе, а его военная организация».

В начале лета 1936 г. судоплатовский «дядя» Лебедь прислал (по приказу Центра, разумеется) распоряжение о возвращении «Павла Яценко» на Украину, где, согласно легенде, его должны были оформить радистом на советское судно, совершавшее регулярные рейсы в иностранные порты. Это давало бы возможность поддерживать постоянную связь между оуновским подпольем в СССР и руководством ОУН за рубежом. Возвращение в СССР намечалось через Финляндию, где Судоплатову предстояло нелегально пересечь Государственную границу СССР на одном из труднодоступных участков в районе станции

Лоймола (ныне Карелия). Однако в ночь с 23 на 24 июля он был задержан финским пограничным патрулем.

Нашего героя препроводили в тюрьму в Хельсинки, где его допрашивали в течение месяца. К счастью, легенда Павла выдержала проверку финской контрразведки и тесно связанной с ней военной организацией абвера (КО «Финляндия»), представители которой чувствовали себя на земле Суоми не менее вольготно, чем в Германии. Можно себе представить, сколько седых волос прибавилось у руководителей операции, когда их сотрудник, сообщивший через З. И. Воскресенскую о возвращении домой с ценной информацией, вдруг исчез бесследно. Было даже предположение, что Судоплатов раскрыт и ликвидирован А. Сушко по приказу Е. Коновальца. С целью разобраться, что же произошло, на границу с Финляндией выехали С. Шпигельглаз и П. Зубов.

К счастью, финляндская эпопея П. А. Судоплатова завершилась благополучно, представитель ОУН в Хельсинки К. Полуведько засвидетельствовал личность «Павла Яценко» перед финскими властями и проводил последнего до Таллина. Там разведчик получил фальшивый литовский паспорт и в советском консульстве оформил по нему краткосрочную туристическую визу для поездки в Ленинград. А в Ленинграде он ушел от опеки гида, который (десять против одного) был в контакте с местным секретно-политическим отделом, и благополучно добрался до Москвы. У коллег Судоплатова из ленинградской контрразведки из-за пропажи «иностранца» наверняка были большие неприятности.

«Успешная командировка в Западную Европу, – вспоминал П. А. Судоплатов, – изменила мое положение в разведке. О результатах работы было доложено Сталину и Косиору, секретарю ЦК Коммунистической партии Украины, а также Петровскому, председателю Верховного Совета республики. В кабинете Слуцкого, где я докладывал в деталях о своей поездке, меня представили двум людям: один из них был Серебрянский, начальник Особой группы при наркоме внутренних дел – самостоятельного и в то время мне неизвестного Центра закордонной разведки органов безопасности, – а другой, по-моему, Васильев, сотрудник секретариата Сталина. Ни того ни другого я прежде не знал».

Скорее всего, Павел Анатольевич имел в виду руководящего работника Коминтерна Б. А. Васильева, отвечавшего в ИККИ за разработку и осуществление ряда военно-конспиративных программ и тесно сотрудничавшего в этой области с Иностранным отделом ГУГБ НКВД и Разведывательным

управлением Штаба РККА.

С 25 декабря 1936 г. отделы ГУГБ «в целях конспирации» стали номерными, Иностранный отдел получил «счастливый» № 7, его начальником до 17 февраля 1938 г. был А. А. Слуцкий, а П. А. Су доплатов был назначен вначале оперуполномоченным, а затем помощником начальника 4-го отделения 7-го отдела. Весь 1937 г. он неоднократно выезжал на Запад в качестве «курьера» оуновского подполья. Как прикрытие использовалась должность радиста на советском грузовом судне «Шилка». Пока наш герой совершенствует свои навыки в качестве нелегала, мы вновь расстанемся с ним на короткое время, чтобы рассказать об изменениях в силовой составляющей разведывательно-диверсионной деятельности советских спецслужб во второй половине 1930-х гг.

Вскоре после убийства С. М. Кирова в декабре 1934 г. И. В. Сталин и его ближайшее окружение принимают решение о применении мер физического воздействия к врагам партии и государства. В первую очередь это касалось пыток арестованных и отказывающихся давать показания контрреволюционеров, в большинстве из которых вождь видел своих личных врагов.

В числе личных врагов Сталина числились и бывшие служащие советских учреждений за границей, такие как Г. З. Беседовский, оставшийся во Франции, или нелегальный резидент Иностранного отдела ОГПУ в Турции Г. С. Агабеков, бежавший в 1930 г. из Стамбула в Марсель. Агабеков не только предал свою партию и страну, но и в 1931 г. опубликовал в Нью-Йорке книгу под названием «ОГПУ: русский секретный террор». В ней он подробно описал известные ему еще с периода Гражданской войны сведения о деятельности советской разведки в ряде стран Ближнего и Среднего Востока.

Книга Г. С. Агабекова стала смертным приговором для многих друзей Советского Союза. Только в Персии (Иране) в июле – августе 1932 г. было арестовано более четырехсот человек, а четверо из них были казнены. Власти полностью разгромили коммунистическое и национально-освободительное движения в Иране. А ведь не следует забывать, что Агабеков сдал всю известную ему агентурную сеть внешней разведки не только в Иране, но и на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и на Балканах.

После бегства Г. С. Агабекова руководству ИНО ОГПУ пришлось незамедлительно принимать все возможные меры, чтобы минимизировать ущерб от предательства. Во все резидентуры были направлены шифровки с перечнем оперативников и секретных сотрудников, которым следовало

отбыть в Москву или перейти на нелегальное положение. Тогда же было принято политическое решение о ликвидации предателя. Для этого в Париж выехали сотрудники Особой группы во главе с Я. И. Серебрянским, но Агабеков, имевший большой опыт нелегальной работы и осведомленный о методах работы своих бывших коллег, сумел от них ускользнуть.

Возмездие настигло предателя только в конце августа 1937 г. По версии, распространенной среди западных историков, Г. С. Агабеков был убит и сброшен в пропасть при переходе испано-французской границы. По легенде, его заманили участием в выгодной сделке по перепродаже вывозимых из Испании произведений искусства. Однако, по мнению П. А. Судоплатова, предатель был убит в Париже.

«Сообщалось, – писал он, – что Агабеков исчез в Пиренеях на границе с Испанией. Но это не так. На самом деле его ликвидировали в Париже, заманив на явочную квартиру, где он должен был договориться о тайной сделке по вывозу бриллиантов, жемчуга и драгоценных металлов, принадлежащих богатой армянской семье. Армянин, которого он встретил в Антверпене, был подставкой. Он-то и заманил Агабекова на явочную квартиру, сыграв на национальных чувствах. Там, на квартире, его уже ждал бывший офицер турецкой армии. Это был боевик, вместе с которым находился молодой нелегал Александр Коротков, позднее (уже в 50-е гг.) ставший начальником нелегальной разведки КГБ СССР. Турок убил его ножом, после чего тело Агабекова запихнули в чемодан, который вывезли и выкинули в море. Труп так никогда и не был обнаружен».

По другой версии, сотрудники специальной группы выследили и ликвидировали Агабекова в Берлине, где он внезапно исчез, не оставив никаких следов. Просачивались отрывочные сведения, что последним пристанищем предателя стали мутные воды Шпрее или бетонный фундамент одного из строящихся зданий. Как бы то ни было, но возмездие нашло перебежчика, и совершенно неважно, каким был его конец, ведь истинная информация об операции по его ликвидации была строжайше засекречена. Важно, что возмездие было неотвратимым!

В июле 1937 г. во Франции остается нелегал И. Г. Порецкий (Рейс), который направляет в Москву письмо с критикой Сталина и проводимой им в Испании политике. Порецкий был крайне опасен в силу его информированности о нелегальных сетях Иностранного отдела в странах Западной Европы. Во Францию с заданием ликвидировать предателя прибывает заместитель начальника 7-го отдела ГУГБ С. М. Шпигельглаз и сотрудники

Специальной группы особого назначения Б. М. Афанасьев (Атанасов) и В. С. Правдин. 4 сентября они привели в исполнение приговор, вынесенный предателю.

«Рейс, – писал Судоплатов, – вел довольно беспорядочный образ жизни, и агентурная сеть Шпигельглаза в Париже весьма скоро его засекла. Ликвидация была выполнена двумя агентами: болгарином (нашим нелегалом) Борисом Афанасьевым и его зятем Виктором Правдиным. Они обнаружили его в Швейцарии и подсели к нему за столик в маленьком ресторанчике в пригороде Лозанны. Рейс с удовольствием выпивал с двумя болгарами, прикинувшимися бизнесменами. Афанасьев (Шарль Мартиньи. – *Примеч. авт.*) и Правдин (Франсуа Росси. – *Примеч. авт.*), имитировав ссору с Рейсом, вытолкнули его из ресторана и, запихнув в машину, увезли. В трех милях от этого места они расстреляли Рейса, оставив труп лежать на обочине дороги».

Заметим, что в годы Великой Отечественной войны болгарин Б. М. Афанасьев становится одним из ближайших соратников П. А. Судоплатова по организации разведывательно-диверсионной работы в тылу врага.

Одной из наиболее известных операций 7-го отдела ГУГБ является похищение в 1937 г. руководителя Российского общевоинского союза Е. К. Миллера, сменившего на этом посту А. П. Кутепова. Чтобы на месте разобраться с практической деятельностью РОВС и оживить разведывательную работу, Миллер совершил инспекционные поездки в Болгарию, Чехословакию и Югославию. По итогам поездок он начал бессистемные покушения, нападения на советские учреждения, поджоги складов и тому подобные «мелкие булавочные уколы». Не отрицая важности проведения террористических актов, Е. К. Миллер приступил к реализации стратегической задачи – подготовке кадров для развертывания партизанских действий в тылу Красной армии в случае войны с СССР. Для этого он создал под руководством генерала Н. Н. Головина в Париже и Белграде курсы по переподготовке офицеров РОВС и обучению военно-диверсионному делу новых членов организации из числа эмигрантской молодежи.

Однако планы РОВС и практические шаги по их реализации своевременно становились достоянием советской разведки, которой в начале 1930-х гг. удалось установить технику слухового контроля (микрофоны) в штаб-квартире организации в Париже. Благодаря этому, а также полученным через агентуру данным в 1931–1934 гг. удалось захватить и обезвредить 17 заброшенных в СССР террористов РОВС и Народно-трудового союза (НТС) и вскрыть 11 явок. В том числе советской разведке

удалось предотвратить готовившиеся РОВС террористические акты против наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинова в Европе и его заместителя Л. М. Карахана в Иране.

После того как во второй половине 1930-х гг. Миллер через своего представителя в Берлине, генерала Лампе, установил тесные контакты со спецслужбами гитлеровской Германии, в Москве было принято решение о проведении операции по его похищению и вывозу в СССР. Ключевым звеном этой операции являлся бывший начальник Корниловской дивизии, помощник Миллера по разведке генерал Н. В. Скоблин, который с 1930 г. вместе со своей женой, известной певицей Н. В. Плевицкой, сотрудничал с советской разведкой. Именно с помощью Скоблина была ликвидирована значительная часть боевых кутеповских дружин.

22 сентября 1937 г. по приглашению Н. В. Скоблина Миллер направился с ним на виллу под Парижем, где должна была состояться встреча «с представителями немецких спецслужб». На самом деле на вилле Миллера поджидала оперативная группа внешней разведки, которая захватила его и через Гавр переправила на теплоходе в СССР. После проведенного в Москве следствия Миллер был предан суду и в 1939 г. расстрелян. В операции по захвату Миллера участвовали советские разведчики В. Гражуль, М. Григорьев и Г. Косенко. Руководил операцией С. М. Шпигельглаз.

Устранение Миллера позволило дезорганизовать работу РОВС и подорвать ее авторитет в среде белой эмиграции. Советская разведка лишила гитлеровскую Германию и ее союзников возможности активно использовать в разведывательно-диверсионных целях против нашей страны около двадцати тысяч членов (почти две дивизии боевиков!) этой организации. Но операция не прошла чисто. Уходя на встречу со Скоблиным, Миллер оставил конверт с запиской, в которой подробно описал, куда и по чьей инициативе он идет. Скоблину пришлось бежать. Он был нелегально переправлен на самолете в Испанию, где, по имеющимся сведениям, погиб в Барселоне под бомбами франкистской авиации.

П. А. Судоплатову также приходилось принимать личное участие в устранении врагов вождя и партии. По информации 7-го отдела ГУГБ, доложенной Сталину, в сентябре 1937 г. Коновалец встречался в Вене с представителями Генерального штаба Японии. На этой встрече была достигнута договоренность о сборе членами ОУН – УВО разведывательной информации об СССР и ее передаче Японии. Передовым отрядом ОУН – УВО в этой деятельности была дальневосточная колония украинских

эмигрантов. Возможно, что именно эта договоренность стала последней каплей, решившей судьбу лидера украинских националистов. В ноябре 1937 г. П. А. Судоплатов удостоился двух аудиенций у Сталина. На второй из них вождь отдал личное распоряжение о ликвидации Е. Коновальца.

«Ежов в одиннадцать вечера, – писал Судоплатов, – вновь привел меня в кабинет к Сталину. На этот раз там находился Петровский, что меня не удивило. Всего за пять минут я изложил план оперативных мероприятий против ОУН, подчеркнув, что главная цель – проникновение в абвер через украинские каналы, поскольку абвер является нашим главным противником в предстоящей войне.

Сталин попросил Петровского высказаться. Тот торжественно объявил, что на Украине Коновалец заочно приговорен к смертной казни за тягчайшие преступления против украинского пролетариата; он отдал приказ и лично руководил казнью революционных рабочих киевского „Арсенала“ в январе 1918 г.

Сталин, перебив его, сказал:

– Это не акт мести, хотя Коновалец и является агентом германского фашизма. Наша цель – обезглавить движение украинского фашизма накануне войны и заставить этих бандитов уничтожать друг друга в борьбе за власть».

После получения приказа о ликвидации Коновальца Слуцкий, Шпигельглаз и Судоплатов приступили к разработке вариантов предполагавшейся операции. От предложения застрелить Коновальца отказались, поскольку он довольно часто приходил на встречу в сопровождении телохранителя. Было принято решение вручить Коновальцу взрывное устройство, замаскированное под небольшой подарок. Этот вариант давал возможность исполнителю заблаговременно покинуть место встречи. Сотрудник отдела оперативной техники ГУГБ А. Э. Тимашков получил задание изготовить взрывное устройство, замаскированное под коробку шоколадных конфет, – Коновалец был большим любителем сладкого.

Часовой механизм мины-ловушки приводился в действие автоматически – через полчаса после изменения положения коробки из транспортного (вертикального) в боевое (горизонтальное) ожидался взрыв. Судоплатову следовало быть предельно осторожным и держать коробку в вертикальном положении. В случае ошибки или небрежности он сам мог стать жертвой своего «подарка». И ни при каких обстоятельствах он не мог попасть в руки живым: согласно приказу, нашему герою следовало покончить с собой, для чего он получил карманный «вальтер» модели РРК.

«Шпигельглаз провел со мной более восьми часов, – писал Судоплатов, – обсуждая различные варианты моего ухода с места акции. Он снабдил меня сезонным железнодорожным билетом, действительным на два месяца на всей территории Западной Европы, а также вручил фальшивый чехословацкий паспорт и три тысячи американских долларов, что по тем временам было большими деньгами. По его совету я должен был обязательно изменить свою внешность после „ухода“. <…>

По пути, отправляясь на встречу с Коновальцем, я проверил работу сети наших нелегалов в Норвегии (март – апрель 1938 г. – *Примеч. авт.*), в задачу которых входила подготовка диверсий на морских судах Германии и Японии, базировавшихся в Европе и используемых для поставок оружия и сырья режиму Франко в Испании. Возглавлял эту сеть Эрнст Вольвебер, известный мне в то время под кодовым именем Антон. Под его началом находилась, в частности, группа поляков, которые обладали опытом работы на шахтах со взрывчаткой. Эти люди ранее эмигрировали во Францию и Бельгию из-за безработицы в Польше, где мы и привлекли их к сотрудничеству для участия в диверсиях на случай войны. Мне было приказано провести проверку польских подрывников. Вольвебер почти не говорил по-польски, однако мой западноукраинский диалект был вполне достаточен для общения с нашими людьми. С группой из пяти польских агентов мы встретились в норвежском порту Берген. Я заслушал отчет об операции на польском грузовом судне „Стефан Баторий“, следовавшем в Испанию с партией стратегических материалов для Франко. До места своего назначения оно так и не дошло, затонув в Северном море после возникшего в его трюме пожара в результате взрыва подложенной нашими людьми бомбы.

Вольвебер произвел на меня сильное впечатление. Немецкий коммунист, он служил в Германии на флоте, возглавлял восстание моряков против кайзера в 1918 г. Военный трибунал приговорил его к смертной казни, но ему удалось бежать сначала в Голландию, а затем в Скандинавию. Позднее он был арестован шведскими властями, и гестапо тотчас потребовало его выдачи. Однако он получил советское гражданство, так что его высылка из Швеции в оккупированную немцами Норвегию не состоялась. Уже после пакта Молотова – Риббентропа, в 1939 г., он приезжал в Москву и получил приказание продолжать подготовку диверсий в неизбежной войне с Гитлером. Организация Вольвебера сыграла важную роль в норвежском Сопротивлении. <…>

Я самым внимательным образом изучил все возможные маршруты побега в тех городах, где могла произойти наша встреча с Коновальцем. Для каждого из них у меня имелся

детально разработанный план. Однако перед последней поездкой на встречу с Коновальцем возникли неожиданные проблемы. В ответ на мой звонок из Норвегии он вдруг предложил, чтобы мы встретились в Киле (Германия) или я прилетел бы к нему в Италию на немецком самолете, который он за мной пришлет. Я ответил, что не располагаю временем: хотя капитан судна и являлся членом украинской организации, но мне нельзя на сей раз отлучаться во время стоянок больше чем на пять часов. Тогда мы договорились, что встретимся в Роттердаме, в ресторане „Атланта“, находившемся неподалеку от центрального почтамта, всего в десяти минутах ходьбы от железнодорожного вокзала. Прежде чем сойти на берег в Роттердаме, я сказал капитану, который получил инструкции выполнять все мои распоряжения, что, если не вернусь на судно к четырем часам дня, ему надлежит отплыть без меня. Тимашков, изготовитель взрывного устройства, сопровождал меня в этой поездке и за десять минут до моего ухода с судна зарядил его. Сам он остался на борту судна. (Позже Тимашков стал начальником отдела оперативной техники, именно он сконструировал магнитные мины: одной из них был убит немецкий гауляйтер Белоруссии Вильгельм Кубе. Это произошло в 1943 г., а после окончания Второй мировой войны он служил советником у греческих партизан во время Гражданской войны.)

23 мая 1938 г. после прошедшего дождя погода была теплой и солнечной. Время – без десяти двенадцать. Прогуливаясь по переулку возле ресторана „Атланта“, я увидел сидящего за столиком у окна Коновальца, ожидавшего моего прихода. На сей раз он был один. Я вошел в ресторан, подсел к нему, и после непродолжительного разговора мы условились снова встретиться в центре Роттердама в 17.00. Я вручил ему подарок, коробку шоколадных конфет, и сказал, что мне сейчас надо возвращаться на судно. Уходя, я положил коробку на столик рядом с ним. Мы пожали друг другу руки, и я вышел, сдерживая свое инстинктивное желание тут же броситься бежать.

Помню, как, выйдя из ресторана, свернул направо на боковую улочку, по обе стороны которой располагались многочисленные магазины. В первом же из них, торговавшем мужской одеждой, я купил шляпу и светлый плащ. Выходя из магазина, я услышал звук, напоминавший хлопок лопнувшей шины. Люди вокруг меня побежали в сторону ресторана. Я поспешил на вокзал, сел на первый же поезд, отправлявшийся в Париж, где утром в метро меня должен был встретить человек, лично мне знакомый. Чтобы меня не запомнила поездная бригада, я сошел на остановке в часе езды от Роттердама. <…>

Границу я пересек на такси – пограничники не обратили на мой чешский паспорт ни малейшего внимания. На том же такси я доехал до Брюсселя, где обнаружил, что ближайший поезд на Париж только что ушел. Следующий, к счастью, отходил довольно скоро, и к вечеру я был уже [снова] в Париже. Все прошло без сучка и задоринки. В Париже меня, помню, обманули в пункте обмена валюты на вокзале, когда я разменивал сто долларов. Я решил, что мне не следует останавливаться в отеле, чтобы не проходить регистрацию: голландские штемпели в моем паспорте, поставленные при пересечении границы, могли заинтересовать полицию. Служба контрразведки, вероятно, станет проверять всех, кто въехал во Францию из Голландии.

Ночь я провел, гуляя по бульварам, окружавшим центр Парижа. Чтобы убить время, пошел в кино. Рано утром, после многочасовых хождений, зашел в парикмахерскую побриться и помыть голову. Затем поспешил к условленному месту встречи, чтобы быть на станции метро к десяти утра. Когда я вышел на платформу, то сразу же увидел сотрудника нашей разведки Агаянца, работавшего третьим секретарем советского посольства в Париже. Он уже уходил, но, заметив меня, тут же вернулся и сделал знак следовать за ним. Мы взяли такси до Булонского леса, где позавтракали, и я передал ему свой пистолет и маленькую записку, содержание которой надо было отправить в Москву шифром. В записке говорилось: „Подарок вручен. Посылка сейчас в Париже, а шина автомобиля, на котором я путешествовал, лопнула, пока я ходил по магазинам“. Агаянц, не имевший никакого представления о моем задании, проводил меня на явочную квартиру в пригороде Парижа, где я оставался в течение двух недель. <…>

Из Парижа я по подложным польским документам отправился машиной и поездом в Барселону. Местные газеты сообщали о странном происшествии в Роттердаме, где украинский националистический лидер Коновалец, путешествовавший по фальшивому паспорту, погиб при взрыве на улице. В газетных сообщениях выдвигались три версии: либо его убили большевики, либо соперничающая группировка украинцев, либо, наконец, его убрали поляки – в отместку за гибель генерала Перацкого.

Судьбе было угодно, чтобы Барановский, прибывший через час после взрыва в Роттердам из Германии на встречу с Коновальцем, был арестован голландской полицией, которая подозревала его в совершении этой акции, но, когда его доставили в госпиталь и показали тело убитого, он воскликнул: „Мой фюрер!“ – и этого, вкупе с железнодорожным билетом,

оказалось достаточно, чтобы убедить полицию в его полной невиновности.

На следующий день после взрыва голландская полиция в сопровождении Барановского провела проверку экипажей всех советских судов, находившихся в роттердамском порту. Они искали человека, запечатленного на фото, которое было в их распоряжении. Это была та самая фотография, сделанная уличным фотографом в Берлине. Барановскому было известно, что Коновалец собирался встретиться с курьером-радистом с советского судна, появлявшимся в Западной Европе. Однако он вовсе не был уверен, что это именно я. Голландская полиция знала о телефонном звонке Коновальцу из Норвегии и, естественно, подозревала, что звонил его агент. Правда, никто не знал наверняка, с кем именно Коновалец встречался в тот роковой день. Когда произошел взрыв на улице, рядом с ним никого не было. Его личность оставалась не выясненной полицией до позднего вечера, тогда как мое судно… давно уже покинуло роттердамскую гавань.

В Испании я оставался в течение трех недель как польский доброволец в составе руководимой НКВД интернациональной партизанской части при республиканской армии. <…>

Во время пребывания в Барселоне я впервые встретился с Рамоном Меркадером дель Рио, молоденьким лейтенантом, только что возвратившимся после выполнения партизанского задания в тылу франкистов. Обаятельный молодой человек – в ту пору ему исполнилось всего двадцать лет. Его старший брат, как мне рассказали, геройски погиб в бою: обвязав себя гранатами, он бросился под немецкий танк, прорвавшийся к позициям республиканцев. Их мать Каридад также пользовалась большим уважением в партизанском подполье республиканцев, показывая чудеса храбрости в боевых операциях. Тогда я и не подозревал, какое будущее уготовано Меркадеру: ведь ему было суждено ликвидировать Троцкого, причем операцией этой должен был руководить именно я».

Рамон Эрнандес Меркадер дель Рио (Лопес Рамон Иванович), Герой Советского Союза

В Испании в июне 1938 г. произошло знакомство П. А. Судоплатова со многими советскими военными советниками, которые впоследствии, во время Великой Отечественной войны, станут известнейшими партизанскими командирами. А пока мы вновь оставим нашего героя и рассмотрим военно-политическую обстановку в Испании в 1930-е гг.

В конце 1932 г. руководство Коминтерна приняло решение сменить руководство Компартии Испании вследствие его недостаточной «революционности». При поддержке представителей ИККИ к руководству КПИ пришли люди (Х. Диас, Д. Ибаррури и др.), готовые следовать политическим рекомендациям из Москвы.

Соперником КПИ на левом фланге был Рабоче-крестьянский блок, созданный в марте 1931 г. в результате слияния Каталано-Балеарской коммунистической федерации и Каталонской коммунистической партии. Генеральным секретарем РКБ был избран Х. Маурин. Существование РКБ являлось серьезной помехой в деятельности КПИ.

Еще одним соперником КПИ в борьбе за голоса левого крыла избирателей была Испанская коммунистическая левая партия (сторонники Л. Д. Троцкого). Их признанным лидером считался А. Нин, высланный в Испанию из СССР в сентябре 1930 г.

В конце октября – начале ноября 1933 г. учреждается новая фашистская партия, получившая название «Испанская фаланга». Ее лидером становится Х. А. Примо де Ривера. Фалангисты создают нелегальное подразделение боевиков в составе около ста человек. Этот отряд предназначен для охраны собраний «Фаланги» и участия в уличных боях с анархистами. Отряд разбит на группы по четыре человека.

Одновременно (возмож но, в качестве ответной меры) в конце 1933 г. Компартия Испании начала формирование Рабоче-крестьянской антифашистской милиции. Отряды МАОС (*Milicias Antifascistas Obreras y Campesinas*) возглавил Х. Г. Модесто – младший офицер, участник марокканской войны.

4 марта 1934 г. произошло объединение Национал-синдикалистской хунты наступления и «Испанской фаланги». Объединенная фашистская партия получила название «Испанская фаланга и ХОНС». Ее возглавил триумвират: Х. А. Примо де Ривера, Р. де Альда от «Фаланги» и Р. Ледесма Рамос от ХОНС. Программа новообразования предполагала национализацию банков и железных дорог и радикальную аграрную реформу. Классовая борьба отвергалась, ей противопоставлялись гармония классов и профессий и традиционная для Испании католическая церковь.

В период с 5 по 20 октября 1934 г. в ряде районов Испании (в Мадриде, Астурии, Каталонии) произошли попытки восстаний против центрального правительства А. Лерруса. Основную роль в этих выступлениях играли Рабочие альянсы – объединения анархо-синдикалистских профсоюзов, поддержанные анархистами, левыми коммунистами, баскскими и каталонскими сепаратистами. По всей стране введено военное положение, из Марокко для подавления восстания прибыли части Иностранного легиона и регулярные марроканские войска.

В ноябре 1934 г., после разгрома восстаний в Мадриде, создается Национальный блок – союз правых партий во главе с К. Сотело. Выступая в кортесах, Сотело заявил, что армия является спинным хребтом Испании. В декабре Национальный блок призвал к переустройству государства по образцу фашистской Италии.

Во второй половине января 1935 г. ряд политических партий и профсоюзов левой (в том числе левоцентристской) ориентации начали процесс объединения в организацию, получившую

впоследствии название Народный фронт. В начале февраля желание об участии в его составе высказали представители Социалистической, Радикал-социалистической, Республиканской федеральной партий, профсоюза почтовых служащих, учителей и нескольких молодежных организаций.

В свою очередь на правом фланге политического спектра также происходила консолидация. В рядах Вооруженных сил и Гражданской гвардии развернули нелегальную работу военные заговорщики.

Генералы Х. Санхурхо, М. Астрей, Ф. Франко, М. Годед, К. де Льяно, Э. Мола были недовольны не только деятельностью левых сил, но и «пассивностью» правительства в борьбе с ними. Военные стали независимой политической силой.

Наиболее боеспособными подразделениями армии оказались Иностранный легион и африканская армия (регулярес), состоящая из марокканцев. Иностранный легион в основном состоял из испанцев, в нем также служили португальцы, французы, немцы и русские. В регулярес входили представители наиболее воинственных рифских племен под командованием испанских офицеров. Марокканцы выполняли функции внутренних войск. Гражданская гвардия, или Гвардия сивиль, выполняла роль жандармерии под командованием армейских офицеров.

В январе 1936 г. президент Испании Н. Алькала Самора-и-Торрес распустил кортесы и назначил досрочные выборы на 16 февраля 1936 г. 15 января в Мадриде представители левых партий подписали «Избирательный пакт» о создании Народного фронта. Пакт подписали: Х. С. Виларте и М. Кордеро (оба от Социалистической рабочей партии), Ф. Ларго Кабальеро (Всеобщий союз трудящихся), В. Урибе (КП Испании), Х. Касорла (Федерация социалистической молодежи), Х. Андрате (ПОУМ), А. Престанья (Синдикалистская партия), А. А. Сальвадор (Левая республиканская партия), Б. Гинер (Республиканский союз). Национальная конфедерация труда (анархо-синдикилисты) предложила своим сторонникам поддержать Народный фронт.

По итогам выборов в кортесы 16 февраля 1936 г. победу одержал Народный фронт, получив 269 мандатов: 158 – республиканцы, 88 – социалисты, 17 – коммунисты. Правые партии получили 205 мандатов. Сформированное правительство М. Асаньи восстановило действие конституции 1931 г.

Однако необходимых мер для защиты демократической республики Народным фронтом предпринято не было, в армии по-прежнему оставались реакционные генералы. После того как в конце февраля 1936 г. газеты социалистов обвинили генералов М.

Годеда и Ф. Франко в подготовке мятежа, они были арестованы и затем отправлены в гарнизоны на Балеарские и Канарские острова соответственно.

В марте 1936 г. руководство КП Испании обратилось к руководству Социалистической рабочей партии с предложениями о конфискации помещичьих земель и аннулировании крестьянской задолженности; национализации крупной промышленности, банков, железных дорог; демократизации армии и государственного аппарата. Одновременно по всей Испании начались стихийные захваты земли и нападения на представителей церкви. В мае президентом Испании был избран бывший премьер-министр М. Асанья.

А тем временем подготовка мятежа военных продолжалась. Руководителем заговора выступал генерал Х. Санхурхо, в 1932 г. возглавивший первый мятеж против республики и проживавший в Португалии. Весной 1936 г. Санхурхо посетил Германию и был принят Гитлером. В поездке по Германии генерала сопровождал начальник военной разведки В. Канарис.

На территории Испании заместителем Санхурхо был командующий войсками в провинции Наварра генерал Э. Мола, имевший псевдоним Директор и являвшийся разработчиком конкретных планов военного переворота. Мола установил связи с монархистами (карлистами) и фалангистами Примо де Риверы. В Марокко и других анклавах Испании подготовка к перевороту осуществлялась Ф. Франко.

Окончательное решение о начале выступления было принято Молой во второй половине июля. Поводом к этому послужило убийство лидера правого Национального блока Х. К. Сотело, совершенное 13 июля 1936 г. в ответ на убийство инструктора антифашистской милиции лейтенанта Х. Кастильо. Подобное происходило практически повсеместно, и из цепи «политической вендетты» можно было взять любой эпизод для объявления его официальным поводом к началу заранее спланированной политической акции.

16 июля правительство запретило военнослужащим покидать свои части в связи с угрозой антиправительственного мятежа. В ответ на это КП Испании начала формирование пяти батальонов добровольческой милиции под Мадридом.

Утром 17 июля Санхурхо направил для Франко и Годеда шифрованную телеграмму: «17-го в 17». В Марокко переворот произошел без проблем, Иностранный легион и Африканский корпус поддержали мятежников. А на следующий день радиостанция города Сеута (Марокко) передала условный сигнал к мятежу: «Над всей Испанией безоблачное небо».

Первые дни вооруженного столкновения сторонников и противников республики не принесли решающего успеха ни тем ни другим. Как оказалось впоследствии, потенциальные возможности противоположных сторон недооценивались. Еще в самом начале силовые структуры Испании оказались расколоты на два лагеря в пропорции примерно 60 на 40 в пользу республиканцев. Не имея реального материального и численного преимущества, обе стороны стали предпринимать попытки для привлечения иностранной помощи. Началась интернационализация фактически равновесного внутреннего конфликта.

22 июля 1936 г. генерал Ф. Франко, возглавивший мятеж после случайной (?) гибели в авиакатастрофе генерала Санхурхо, обратился к правительствам Германии и Италии с просьбой оказать военную помощь. В свою очередь новый премьер-министр Испании Х. Хираль обратился с просьбой о помощи к правительству Франции. Через три дня правительство Л. Блюма заявило о нейтралитете Франции и запретило ввоз в Испанию вооружения и военных материалов.

25 июля письмо Ф. Франко передал Гитлеру руководитель организации заграничных структур НСДАП гауляйтер Э. В. Боле (!). К письму прилагались рекомендации марроканской организации НСДАП. Гитлер и Муссолини направили в Марокко (резиденция Франко) 20 транспортных самолетов «Юнкерс-52» и 12 бомбардировщиков «Савойя-81». 28 июля началась переброска на Пиренейский полуостров Иностранного легиона и Африканского корпуса мятежников. 30 июля один из итальянских бомбардировщиков совершил вынужденную посадку в Алжире, после чего тайна военной помощи Германии и Италии мятежникам перестала существовать.

26 июля в Праге состоялось заседание Бюро Профинтерна (одной из структур Коминтерна), на котором было принято решение о формировании для помощи республиканцам одной или нескольких бригад из иностранных добровольцев. Планировалось набрать 5000 бойцов и оснастить их необходимым оружием и снаряжением. Практическая (в первую очередь агитационная) работа по созданию интернациональных бригад началась несколько позднее.

Руководство СССР с момента начала мятежа не имело достоверной информации о положении в Испании. Вероятно, именно этот фактор явился причиной того, что 20 июля 1936 г. Политбюро ЦК ВКП (б) принимает решение направить руководителем аппарата НКВД в Испании А. М. Орлова.

Орлов (наст. – Фельдбин Лейба Лазаревич) Александр

Михайлович (1895 г. р.) служил в ВЧК с 1919 г., с 1926 г. он сотрудник ИНО ОГПУ, в 1926–1927 гг. – легальный резидент ИНО в Париже, в 1928–1930 гг. сотрудник легальной резидентуры в Берлине, начальник 7-го отделения ИНО (1930–1932). В 1932–1935 гг. находился на нелегальной работе в США, Франции, Англии, Италии, Эстонии и Швеции.

В конце августа в Испанию прибыли сотрудники советского посольства во главе с послом М. Розенбергом, генеральным консулом в Барселоне В. Антоновым-Овсеенко и торгпредом А. Сташевским. Двое последних ранее имели самое непосредственное отношение к деятельности Коминтерна по организации мировых революций. Вместе с ними приехали и первые военные советники. Главным военным советником являлся начальник РУ РККА Я. К. Берзин, военным советником КПИ по линии Коминтерна стал М. Штерн, работавший в Испании под псевдонимом Клебер.

Манфред Штерн, родившийся в 1896 г., был офицером австрийской армии, в 1916 г. он оказался в русском плену. С 1918 г. – в РККА, член РКП (б) с 1920 г. В 1921–1923 гг. военный советник ЦК КПГ. В 1926 г. окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе, в 1927 г. работал в Китае. Дальнейшие вехи его биографии: нелегальный резидент в США (1930–1931), резидент в Маньчжурии (1932), главный военный советник в Китае (1921–1934), сотрудник Восточного секретариата ИККИ (1935–1936). Репрессирован, в 1954 г. умер в лагере.

В сентябре премьер-министром Испании стал социалист Ларго Кабальеро. Он обратился к руководству СССР с просьбой об оказании военной помощи и о дополнительном направлении военных советников. Решение об оказании помощи Испании («Операция Х») Политбюро ЦК ВКП (б) приняло в сентябре 1936 г. Первые пароходы с оружием, военной техникой (танки «Т-26», самолеты «СБ», «И-15») и советскими специалистами прибыли в порт Картахена в октябре 1936 г. Основным ведомством, ответственным за поставки вооружений в Испанию было Разведывательное управление Красной армии (С. Урицкий).

Наиболее вероятно, что при направлении ограниченного военного (национальный и международный) контингента военно-политическое руководство Германии, Италии и СССР преследовало следующие военно-политические и специальные задачи:

1) приобретение стратегического союзника в случае победы;

2) «обкатка» новых направлений в тактике боевых действий;

3) проверка авиационной, танковой, зенитной и другой техники в боевых условиях;

4) приобретение боевого опыта личным составом, в том числе по организации взаимодействия с иностранными союзниками;

5) отработка механизма планирования и организации материально-технического обеспечения боевых подразделений вдали от собственной территории;

6) организация и проведение разноплановых специальных операций в тылу противника в период ведения боевых действий;

7) организация и развитие параллельных нелегальных резидентур разнообразных специальных и политических ведомств, решающих как сиюминутные тактические, так и глобальные стратегические задачи в условиях смешанной гражданской и интернациональной войны.

Можно резюмировать, что задач, поставленных перед всеми участниками испанской кампании, было множество. При этом каждая сторона стремилась вынести как можно больше из сложившейся ситуации, чтобы сполна реализовать свои политические и военные интересы.

Октябрь 1936 г. стал показательным по многим направлениям в области «малой войны», теории которой получили в Испании практическое подтверждение. В начале октября генерал Э. Мола заявил, что франкистские войска, наступающие на Мадрид четырьмя колоннами, будут поддержаны ударом «пятой колонны» сторонников Франко, находящихся в самом городе. С этого времени термином «пятая колонна» стали обозначать скрытую до поры оперативную и военную агентуру, враждебную существующему политическому строю.

А. Орлов (Никольский), прикрытием которого была должность атташе посольства, отвечал за контрразведку и внутреннюю безопасность. Его первый доклад в Москву о положении дел в этой области от 15 октября 1936 г. был неутешителен.

«Общая оценка, – докладывал Орлов, – единой службы безопасности нет. Каждая партия создала свою службу безопасности. В том учреждении, что есть у правительства, много бывших полицейских, настроенных профашистски. Нашу помощь принимают любезно, но саботируют работу, столь необходимую потребителям страны».[118]

14 октября 1936 г. в Испанию по линии Профинтерна и Коминтерна прибыли первые иностранные добровольцы. В городе Альбасете, ставшем базой для формирования интернациональных бригад, началось боевое слаживание трех интернациональных батальонов, сведенных в 11-ю интербригаду. Значительную часть ее командного состава от командира взвода до комбрига составляли коминтерновцы, подготовленные в специальных

школах ИККИ в СССР и за границей. Начальником базы в Альбасете был член ЦК КП Франции В. Гайман (псевдоним Видаль), инспектором интербригад – член ЦК КП Италии Л. Лонго (псевдоним Галло).

Руководителем Военного комитета интернациональных бригад стал член Президиума и Секретариата ИККИ А. Марти. В ответ на вопрос об условиях участия в борьбе против мятежников он ответил:

«Мы не ставим никаких условий. Не желаем ничего, кроме одного: интербригады должны рассматриваться как соединения, подчиненные правительству и его военным властям».

Однако многие современные авторы считают, что интербригады являлись тайными силами СССР в Испании, поскольку организаторами и командирами интербригад и военными советниками республиканской армии были коминтерновцы.

Мы не разделяем эту точку зрения, наша позиция заключается в следующем. Для Франко и его сторонников война с республиканцами являлась средством восстановления традиционных для испанцев консервативно-католических ценностей. Для большинства республиканцев победа над франкистами означала необратимость процессов политической и экономической модернизации общества. Для Германии, Италии и СССР Пиренеи являлись прекрасным полигоном для испытания политических, оперативных, технических и тактических наработок в реальных военных условиях. Но для большинства коминтерновцев Гражданская война в Испании была ареной идеологической и военной борьбы с итальянским фашизмом и немецким национал-социализмом.

«Правительство Испании, – докладывал А. Орлов в Центр в феврале 1937 г., – обладает всеми возможностями для победоносной войны. Оно имеет хорошее вооружение, прекрасную авиацию, танки, громадный резерв людей, флот и значительную территорию с базой военной промышленности, достаточной для такой „малой войны“ (заводы Испано-Суиза и др.), продовольственную базу и прочее. Численность правительственных войск значительно превосходит войска неприятеля.

Вся эта машина, все эти ресурсы разъедаются:

1. Межпартийной борьбой, при которой главная энергия людей употребляется на завоевание большего авторитета и власти в стране для своей партии и дискредитирования других, а не на борьбу с фашизмом.

2. Гнилым составом правительства, часть которого ничего

общего с революцией не имеет, пассивно относится к событиям и думает лишь о своевременном бегстве в случае крушения.

3. Притуплением у правительства чувства подлинной опасности положения, как результат пережитых не раз тревог и чрезмерных паник. Настоящая угроза судьбе республиканской Испании, нависшая сейчас, воспринимается ими как привычная тревога.

4. Безответственностью и саботажем правительственных аппаратов и штабов по обеспечению армии и ее операций.

5. Неиспользованием сотен тысяч здоровых мужчин, проживающих в городах (Мадриде, Барселоне, Валенсии и ряде других), для тыловых работ и возведения укреплений.

6. Отсутствием подлинного штаба с авторитетным и крупным, действительно крупным советником с нашей стороны. Горев (Горев В. Е. – военный атташе в Испании. – *Примеч. авт.*) военного опыта не имеет. Для такой войны он младенец. Гришин (данных нет. – *Примеч. авт.*) – хороший партиец, но не специалист. А это головка нашего командования. При таком руководстве сводятся на нет способности ряда подчиненных им наших специалистов. (Хороши только авиация и танки и их героический личный состав, но они не могут заменить армии.)

7. Внутренней контрреволюцией и шпионажем».[119]

Полномочия А. Орлова, как главного резидента ГУГБ НКВД, в Испании были широкими, они распространялись на разведку, контрразведку и партизанские операции. Но одной из главных его задач было создание тайной полиции по советскому образцу для борьбы с политическими противниками республиканского правительства. Именно эта деятельность Орлова вызывала недовольство и ненависть в рядах тех, кто при более умелой и тонкой игре мог стать союзником в борьбе с франкистами.

«В своих мемуарах министр образования коммунист Хосе Эрнандес задним числом резко и со знанием дела критиковал представителя НКВД за его зловещую роль в создании и руководстве СИМ (сокращение от *Servicio de Investigacion Militar*. – *Примеч. авт.*) – внушающей страх Службы военных расследований. По его мнению, она предназначалась для того, чтобы стать механизмом насильственного создания в Испании тоталитарного государства. Согласно утверждениям Вальтера Кривицкого, в марте 1937 г. генерал Берзин направил конфиденциальный доклад военному комиссару Ворошилову, в котором сообщал о возмущении и протестах по поводу репрессивных операций НКВД, высказываемых высокопоставленными республиканскими официальными лицами. В нем утверждалось, что агенты НКВД компрометируют

советскую власть непомерным вмешательством в дела и шпионажем в правительственных кругах и что они относятся к Испании как к колонии. Занимающий высокую должность генерал Красной Армии заключал свой доклад требованием немедленного отзыва Орлова из Испании».[120]

Возможно, что именно этот доклад Берзина стал впоследствии одним из многих в бесконечной цепи факторов для репрессирования Орлова. Но наше дальнейшее повествование направлено не на расследование взаимоотношений между НКВД и РККА, а на рассмотрение различных направлений военно-конспиративной работы, осуществленной во время войны в Испании по линии Коминтерна или с активным участием коминтерновских специалистов в области «малой войны» и специальных операций. По нашему мнению, Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. убедительно доказала дееспособность кадров, прошедших военно-специальную подготовку, особенно по линии ИККИ.

Именно коминтерновские кадры обеспечивали закупку оружия и военного снаряжения на Западе. В августе – сентябре 1936 г. агенты СГОН Я. И. Серебрянского закупили и переправили в Испанию 20 военных самолетов из Франции. Поставки оружия в Испанию из западных стран продолжались и в дальнейшем. Для перевозок оружия во Франции 15 апреля 1937 г. под эгидой Коминтерна специально создается пароходная компания «Франс Навигасьон». К тому времени Отдел международной связи получил наименование Служба связи Секретариата ИККИ. Ее структуры занимались переброской в Испанию добровольцев для интернациональных бригад.

Всего в Испании с октября 1936 г. по конец 1937 г. было сформировано 7 интербригад: 11, 12, 13, 14, 15, 129 и 159-я. В Испании на стороне республиканцев воевало, по разным оценкам, 30–35 тысяч иностранных добровольцев. В числе наиболее известных командиров бригад и дивизий республиканской армии были генерал Клебер (М. Штерн, 11-я бригада), генерал Вальер (К. Сверчевский, 45-я дивизия), генерал Лукач (М. Залка, 12-я бригада). Менее известны: генерал Юлиус Дейч (14-я бригада), генерал Вацлав Комар (129-я бригада), полковник Хенрик Торунчик (13-я бригада), полковник Владимир Чопич (15-я бригада).

Коминтерновцы не только входили в состав республиканской регулярной армии, но и участвовали в партизанских и диверсионных операциях. Значительная часть советских военных советников в Испании являлась специалистами по «малой войне». Заместителем резидента по линии советской внешней разведки,

отвечавшим за партизанские операции, включая диверсии на железных дорогах и аэродромах, являлся Н. И. Эйтингон (Л. Котов).

Уже в конце 1936 г. при республиканских органах безопасности была организована первая школа по подготовке командного состава разведывательнодиверсионных групп и отрядов для действий в тылу противника. Позднее были созданы еще три таких закрытых учебных заведения. Отбор испанцев и добровольцев других национальностей для обучения проводился тщательно. Значительный вклад в организацию работы по линии «Д» внесли в 1936–1939 гг. сотрудник резидентуры 7-го отдела ГУГБ Л. П. Василевский, старший военный советник Г. С. Сыроежкин, уже знакомые читателю С. А. Ваупшасов, В. З. Корж, К. П. Орловский, Н. А. Прокопюк, А. М. Рабцевич, Х. И. Салнынь, А. К. Спрогис и И. Г. Старинов.

Помимо НКВД работу по линии «Д» проводили также представители Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии. Они приступили к диверсионной деятельности несколько позже своих коллег из НКВД, и ее масштабы были меньшими.

«У испанцев, – впоследствии писал И. Г. Старинов, – в последний раз партизанивших во время наполеоновских войн, не было ни навыков, ни специалистов-диверсантов, способных решать специфические задачи партизанской борьбы в тылу современной регулярной армии. Увидев это, старший военный советник Яков Берзин добился направления в Испанию хорошо подготовленных, опытных командиров и специалистов – выпускников спецшкол в СССР. Они начали свою деятельность в роли советников и инструкторов небольших разведгрупп, которые затем превратились в диверсионные группы. <…>

Мне довелось быть советником в одном из таких формирований, которым командовал капитан Доминго Унгрия». [121]

Резидент НКВД А. Орлов, в свою очередь, отмечал:

«Партизанские операции в Испании начались весьма скромно с организации двух школ диверсантов, в каждой из которых обучалось примерно 200 человек; одна была расположена в Мадриде, а другая – в Бенимамете, неподалеку от Валенсии. Впоследствии к ним добавились еще четыре школы, в одной из которых, в Барселоне, обучалось 500 человек. <…> Республиканские партизанские силы быстро росли, и к лету 1937 г. их операции стали более сложными. Партизанские „коммандос“ получали задание не только выводить из строя линии связи, но и изматывать противника в глубине его

территории, нападая на оружейные склады и устраивая засады на движущиеся колонны войск и автоконвои с военным снаряжением».[122]

Весной 1937 г. имелись учебные центры диверсантов в Архене, Валенсии, Барселоне и Бильбао. В спецшколах обучались добровольцы-испанцы, коммунисты из интернациональных бригад и несколько бывших офицеров Российской императорской армии. В процессе подготовки курсанты изучали подрывное дело, теорию и практику стрельбы, тактику налетов и засад, совершали марш-броски. По отдельным программам готовились две группы: танкистов (на трофейной технике) и парашютистов.

«Диверсионная работа остается очень важной, – писал А. Орлов в Центр после взятия республиканскими войсками Теруэля. – Работать становится неимоверно трудно. Враг перешел к серьезной охране дорог, мостов, ж.-д. путей, электромагистралей. Не бросая работы в ближнем тылу, ставим перед собой задачи „квалифицированных“ операций: налетов на концентрационные лагеря противника для освобождения арестованных коммунистов, социалистов и революционных рабочих, захвата небольших городов, не имеющих сильных гарнизонов, типа Сеговии и т. д.».

По поводу участия добровольцев из интербригад в партизанской войне И. Г. Старинов вспоминал:

«Узнав, что для работы в тылу противника нужны люди, знающие русский, первыми явились к нам два югослава – Иван Хариш и Иван Карбованц. <…>

Впоследствии в отряде Доминго Харишу и Карбованцу дали прозвища Хуан Пекеньо (маленький) и Хуан Гранде (большой).

Оба приятеля – в прошлом моряки. Оба знали английский, французский, испанский и русский, а Иван Гранде вдобавок владел еще и итальянским.

Следом за югославами к нам пришел красивый насмешливый чех Ян Тихий. Затем появились американский еврей Алекс, болгары Павел и Вастлин. А потом мы просто растерялись: от интербригадовцев, желающих бить врага в его тылу, буквально не стало отбоя. Немцы, австрийцы, французы, финны, итальянцы, венгры – все шли к нам.

– Надо брать! – лихорадочно нашептывал мне капитан Доминго, поблескивая возбужденно горящими глазами. – Посмотри, какой народ! Где еще найдешь таких ребят? Да и когда нам дадут пополнение?!

Мне тоже не хотелось отказываться от этого подарка судьбы. Переговорив в штабе с товарищами, занимавшимися комплектованием интербригад, я получил в Альбасете не двух

переводчиков, а более двадцати отличных бойцов».[123]

О некоторых итогах диверсионной работы говорится в докладе А. Орлова в Центр от 9 декабря 1937 г.:

«Проводимая в тылу „Д“-работа привела к серьезному расстройству отдельных участков тыла франкистов и значительным материальным убыткам и людским потерям. Беспрерывные и последовательные действия наших „Д“-групп, применение ими самых разнообразных, быстро меняющихся и постоянно совершенствующихся методов, охват нами почти всех решающих участков фронта, продвижение „Д“ действий в глубокий тыл, вызвали большую панику в фашистских рядах. Об этом говорят все донесения разведки и нашей агентуры, это подтверждается также и рядом известных нам официальных материалов (газетные статьи, приказы фашистов, радиопередачи).

Это состояние фашистского тыла, пребывание франкистов в постоянном напряжении, беспрерывно преследующий их страх перед „проделками красных динамитчиков“, подчас преувеличенный и раздуваемый всевозможными слухами, мы считаем основным достижением в „Д“-работе.

Нам точно известно, что для борьбы с диверсиями фашисты вынуждены держать в тылу значительные воинские силы и вооруженные группы фалангистов. Все, даже незначительные, объекты усиленно охраняются. В августе 1937 г. командующий Южным фронтом фашистов генерал Кьяппо де Льяно издал приказ, объявляющий на военном положении провинции Севилья, Уэльва и Бадахос. Мероприятия фашистского командования, связанные с реализацией этого приказа, предусматривают отвлечение с фронта значительных воинских сил».[124]

И. Г. Старинов так оценил итоги деятельности группы Д. Унгрии:

«За десять месяцев эта диверсионная группа, численностью 12 бойцов, превратилась в XIV партизанский корпус, в котором сражалось около трех тысяч человек. Мы совершили около 200 диверсий и засад, и ориентировочные потери противника составили более двух тысяч человек. Безвозвратные потери XIV корпуса за все время боевых действий составили всего 14 человек – причем одного убили в Валенсии анархисты, одного нечаянно подстрелили свои при возвращении из тыла противника, один погиб при установке мины, один погиб при переходе линии фронта (шальная пуля попала в рюкзак с динамитом), а 10 сложили голову в боях.

В начале ноября 1937 г. я сдал свои обязанности герою Гражданской войны Христофору Салныню и выехал на Родину».[125]

В штабе Ф. Франко, несомненно, оценили угрозу, исходящую от диверсионных подразделений республиканцев. Действуя через свою агентуру влияния в правительстве и вооруженных силах республики, франкисты сумели «притормозить партизанщину». Вместо эффективных действий на коммуникациях республиканские «силы специальных операций» были направлены на действия в прифронтовой зоне. Это снижало эффективность диверсионных операций и увеличивало потери среди диверсантов. А крупные отряды, постоянно базирующиеся в тылу франкистов, вообще не были созданы.

Следует отметить, что и «пятиколонники» Ф. Франко, действовавшие в тылу республиканцев, были неплохо организованы, их операции отличались дерзостью и эффективностью. Например, летом 1937 г. в Картахене был подорван линейный корабль «Хайме I» республиканского флота. 10 января 1938 г. уничтожен склад артиллерийских боеприпасов, размещавшийся в подземном тоннеле Мадридского метрополитена. Взрыв огромной силы полностью разрушил объект, погибли все служащие и рабочие склада, всего 173 человека. Обыденным явлением стала снайперская стрельба диверсантов-франкистов с крыш домов по военнослужащим, сигнализация ракетами в ночное время при бомбежке итальянской и немецкой авиацией советских судов, стоящих под разгрузкой в портах Картахены и Аликанте.

В 1937 г. А. Орлов начал подготовку коминтерновцев по плану «Новый набор». Этот план предусматривал отбор и обучение диверсантов (50– 100 человек – немцы, итальянцы и др.) из числа интербригадовцев. Предполагалось, что после обучения они будут нелегально переброшены в Германию, Италию и другие европейские страны, где станут частью глубоко законспирированного агентурного резерва. Их активное использование предусматривалось в случае войны СССР со странами, являвшимися членами «Антикоминтерновского пакта» (Германия, Япония, Италия). Однако этот план был свернут в ноябре 1938 г., поскольку большинство его организаторов и исполнителей к тому времени стали числиться «врагами народа».

Но другой секретный проект Орлова по использованию членов интернациональных бригад в советской разведывательной деятельности был успешно реализован. Для этого тщательно отобранные кандидаты проходили обучение в нелегальной разведывательной школе под условным названием «Строительство». Существование этой заграничной разведшколы 7-го отдела ГУГБ тщательно скрывалось от испанских властей в

отличие от лагерей, где велось обучение партизан и диверсантов.

Правила конспирации в испанской разведшколе были настолько строгими, что ее слушатели, дабы исключить установление их личности, были зарегистрированы в ней только под номерами. Их настоящие имена были известны лишь узкому кругу людей, включая самого Орлова. Все курсанты обеспечивались документами прикрытия, получаемыми из Москвы. После обучения правилам конспирации, методам тайной связи и разведывательному мастерству лучшие выпускники школы «Строительство» были признаны слишком ценными кадрами, чтобы продолжать воевать в Испании. Вместо этого их выводили через Францию в Западную Европу, а затем они, получив разведывательные задания, разъезжались по всему миру.

Учебный план школы контролировал лично А. Орлов, который стал «крестным отцом» для многих ценных агентов. Сам факт существования нелегальной разведшколы, организованной в Испании, как и имена завербованных ранее в Европе и Америке агентов, были секретом, который Орлов тщательно сохранил и после своего ухода на Запад.

Прекрасно зная, чем для него обернется «срочный вызов в Центр», он предпочел сохранить свою жизнь и жизнь своих жены и ребенка. Кроме того, он отправил личное письмо Сталину, в котором предупредил, что если репрессии коснутся его матери либо кого-то из близких родственников, то он «найдет способ грамотно использовать доверенную ему информацию для развенчания образа вождя». Опытный оперативник, Орлов грамотно ушел от возможного преследования и, обосновавшись в США, стал вести жизнь частного лица, далекого от политики. При этом он сохранил в тайне все, что ему было доверено, не подставив под удар ни одного из курсантов. Впоследствии, когда ему пришлось предстать перед американской комиссией, предъявить ему какие-либо обвинения так и не смогли, за исключением небольших отклонений от иммиграционного законодательства США, что не считается тяжким нарушением американских законов.

Среди курсантов школы «Строительство» были Вильгельм Феллендорф и Альберт Хесслер, которые впоследствии стали радистами в берлинском отделении «Красной капеллы». Один из выпускников школы Морис Коэн, американский гражданин, впоследствии внедрился в агентурную сеть, которая помогла советской разведке получить в США секреты производства ядерного оружия.

Н. И. Эйтингон также уделял большое внимание агентурной разведке в интересах республиканской армии. В частности, его

людьми была проведена глубокая разведка тылов фашистских войск на Арагонском фронте. Однако полученные данные не были использованы должным образом. Неожиданный контрудар республиканцев в сражении на реке Эбро в 1938 г. задержал наступление войск Франко, но военное командование не сумело перевести тактический успех в оперативный.

Диверсионная деятельность в интересах республиканцев осуществлялась не только на территории Испании. Под руководством Э. Вольвебера в Германии, Дании и Франции действовала коминтерновская диверсионная группа, срывавшая поставки немецкого вооружения и военной техники для армии Франко. Группа состояла из хорошо подготовленных специалистов, изготовлявших и устанавливавших мины на транспортных судах. Только во Франции было заминировано 7 кораблей, впоследствии затонувших в открытом море. Каждое пятое судно, следовавшее из Германии в Испанию, было потоплено. Группа активно действовала в течение двух лет! После обнаружения минной лаборатории немецкими спецслужбами Вольвеберу с большинством членов группы удалось уйти от преследования нацистов и скрыться в Швеции.

Начальник имперского Главного управления безопасности (РСХА) Р. Гейдрих в июне 1941 г. докладывал рейхсфюреру СС Г. Гиммлеру о деятельности «Лиги Вольвебера»:

«Наряду с созданными английской секретной службой группами саботажников, целью которых еще в мирное время было уничтожение немецких судов, существовала еще более разветвленная, созданная Коминтерном террористическая организация, главной задачей которой было уничтожение судов тех государств, которые в свое время примкнули к Антикоминтерновскому блоку.

Доказано, что члены этой организации до конца 1940 г. действовали в Дании и оттуда пытались снова перенести свою деятельность на территорию рейха. Руководителем этой организации был немецкий эмигрант Эрнст Вольвебер… Он в значительной степени несет ответственность за организацию и активную деятельность созданных по указанию из Москвы групп саботажников в Германии, Норвегии, Швеции, Дании, Голландии, Бельгии, Франции и бывших прибалтийских государствах-лимитрофах. Он осуществлял в широких масштабах закупку и транспортировку взрывчатых веществ и других материалов для саботажа и располагал большими денежными средствами, ассигнованными Коминтерном для финансирования этой организации и для оплаты агентов. После вступления немецких войск в Осло в мае 1940 г. Вольвебер бежал в Швецию. <…>

Деятельность этих распространившихся на всю Европу коммунистических террористических групп включает в себя акты саботажа против 16 немецких, 3 итальянских и 2 японских судов, которые в двух случаях привели к их полной потере. Сначала преступники пытались уничтожать суда путем поджогов, но, поскольку этот способ обычно не приводил к полной потере судов, в последнее время перешли к использованию взрывчатых веществ против судов, курсирующих в Балтийском и Северном морях. Главные опорные пункты организации находятся в портах Гамбург, Бремен, Данциг, Роттердам, Амстердам, Копенгаген, Осло, Ревель и Рига.

Созданными в Голландии, Бельгии и Франции группами коммунистических саботажников руководил голландский коммунист Иозеф Римбертус Схаап, который также был руководителем Интерклуба в Роттердаме и имел самые тесные связи с главными активистами организации в Скандинавских странах. Ему непосредственно подчинялся бывший руководитель гамбургского „Рот Фронта“ Карл Баргштедт, который ведал во всей организации техникой устройства взрывов. Необходимые для актов саботажа взрывчатые вещества поставлялись из рудников на севере Скандинавского полуострова группам коммунистических саботажников в Голландии, Бельгии и Франции голландскими моряками через норвежский порт Нарвик и шведский форт Лулео».

…А пока советские разведчики и диверсанты дерутся в Испании, Павел Судоплатов в конце июня 1938 г. нелегально перебирается во Францию, где садится на советский пароход и на нем в конце лета прибывает в Ленинград. На следующий день после прибытия в Москву он был принят Л. П. Берия, который 22 августа 1938 г. был назначен заместителем наркома внутренних дел. Пока Павел выполнял смертельно опасное задание, в самом НКВД произошла очередная реорганизация. 28 марта 1938 г. решением Политбюро ЦК ВКП (б) Главное управление государственной безопасности упраздняется, а на его месте создаются три оперативных управления и три самостоятельных оперативных отдела. Начальником I Управления (Управление государственной безопасности) стал М. П. Фриновский, 5-й (Иностранный) отдел возглавил З. И. Пассов.

«Пассов, сменивший Слуцкого на посту начальника Иностранного отдела, – впоследствии писал П. А. Судоплатов, – отвел меня в кабинет Берии, рядом с приемной Ежова. Моя первая встреча с Берией продолжалась, кажется, около четырех часов. Все это время Пассов хранил молчание. Берия задавал мне вопрос за вопросом, желая знать обо всех деталях операции

против Коновальца и об ОУН с начала ее деятельности.

Спустя час Берия распорядился, чтобы Пассов принес папку с литерным делом „Ставка“, где были зафиксированы все детали этой операции. Из вопросов Берии мне стало ясно, что это высококомпетентный в вопросах разведывательной работы и диверсий человек. Позднее я понял: Берия задавал свои вопросы для того, чтобы лучше понять, каким образом я смог вписаться в западную жизнь.

Особенное впечатление на Берию произвела весьма простая на первый взгляд процедура приобретения железнодорожных сезонных билетов, позволивших мне беспрепятственно путешествовать по всей Западной Европе. Помню, как он интересовался техникой продажи железнодорожных билетов для пассажиров на внутренних линиях и на зарубежных маршрутах. В Голландии, Бельгии и Франции пассажиры, ехавшие в другие страны, подходили к кассиру по одному – и только после звонка дежурного. Мы предположили, что это делалось с определенной целью, а именно: позволить кассиру лучше запомнить тех, кто приобретал билеты. Далее Берия поинтересовался, обратил ли я внимание на количество выходов, включая и запасной, на явочной квартире, которая находилась в пригороде Парижа. Его немало удивило, что я этого не сделал, поскольку слишком устал. Из этого я заключил, что Берия обладал опытом работы в подполье, приобретенным в закавказском ЧК. <…>

Берия проявил большой интерес к диверсионному партизанскому отряду, базировавшемуся в Барселоне. Он лично знал Василевского, одного из партизанских командиров, – в свое время тот служил под его началом в контрразведке грузинского ГПУ. <…>

Будучи близоруким, Берия носил пенсне, что делало его похожим на скромного совслужащего. Вероятно, подумал я, он специально выбрал для себя этот образ: в Москве его никто не знает, и люди, естественно, при встрече не фиксируют свое внимание на столь ординарной внешности, что даст ему возможность, посещая явочные квартиры для бесед с агентами, оставаться неузнанным. Нужно помнить, что в те годы некоторые из явочных квартир в Москве, содержавшихся НКВД, находились в коммуналках. Позднее я узнал: первое, что сделал Берия, став заместителем Ежова, это переключил на себя связи с наиболее ценной агентурой, ранее находившейся в контакте с руководителями ведущих отделов и управлений НКВД, которые подверглись репрессиям.

Я получил пятидневный отпуск, чтобы навестить мать, которая все еще жила в Мелитополе, а затем родителей жены в

Харькове. Предполагалось, что, возвратясь в Москву, я получу должность помощника начальника Иностранного отдела. Шпигельглаз и Пассов были в восторге от моей встречи с Берией и, провожая меня на Киевском вокзале, заверили, что по возвращении в Москву на меня будет также возложено непосредственное руководство разведывательно-диверсионной работой в Испании.

Во время поездки жена рассказала мне о трагических событиях, которые произошли в стране и в органах безопасности. Ежов провел жесточайшие репрессии: арестовал весь руководящий состав контрразведки НКВД в 1937-м. В 1938 г. репрессии докатились и до Иностранного отдела. Жертвами стали многие наши друзья, которым мы полностью доверяли и в чьей преданности не сомневались. Мы думали тогда, что это стало возможным из-за преступной некомпетентности Ежова, которая становилась очевидной даже рядовым оперативным работникам».

И вот здесь самое время перейти к наиболее болезненной для авторов, да и для всех нормальных людей теме – теме политических репрессий 1930-х гг. Процесс устранения нелояльных по отношению к Сталину кадров РККА, НКВД и Коминтерна происходил постепенно, начиная с 1929 г., когда против ряда польских коммунистов, проживавших в СССР, стали выдвигаться обвинения в принадлежности к Польской организации войсковой (ПОВ).

В августе 1931 г. по делу «Весна» сняты с постов Л. Н. Бельский (полпред ОГПУ по Московской области), И. А. Воронцов (начальник Административно-организационного управления), Е. Г. Евдокимов (начальник Секретно-оперативного управления), С. А. Мессинг (начальник Иностранного отдела), Я. К. Ольский (начальник Особого отдела). «Дело ПОВ» с 1929 г. стало инструментом дискредитации и уничтожения членов КП Польши, в том числе Мессинга и Ольского.

В марте – апреле 1933 г. по обвинению в примиренческом отношении к оппозиционерам из состава республиканских, краевых и областных коллегий исключены 23 члена и уволены 58 руководящих работников краевых и областных управлений ОГПУ.

25 августа 1933 г. в Сочи машину со Сталиным и Ворошиловым задел грузовой автомобиль, которым управлял пьяный водитель. В середине сентября, во время поездки на озеро Рица, один из автомобилей сталинского кортежа упал вместе с мостом в реку. 23 сентября катер со Сталиным и его спутниками обстреляли с берега бойцы пограничного поста. Одни историки считают, что два последних происшествия инспирировал

секретарь Закавказского крайкома партии Л. П. Берия, другие – что имели место несчастные случаи или неудавшиеся террористические акты.

Вполне возможно, что после указанных событий у вождя и его ближайшего окружения (Ворошилов, Каганович, Молотов и др.) усилились подозрения в отношении членов Политбюро и ЦК ВКП (б). Как следует из различных источников, неприязнь к Сталину действительно имела место, отражая как политические противоречия, так и личные амбиции в среде высшего и среднего руководящего состава партии, вооруженных сил и органов госбезопасности.

Мы считаем, что в конце 1933 – начале 1934 г. у Сталина могла появиться мания преследования. После того как на «съезде победителей» (26 января – 10 февраля 1934 г.) против него было подано 292 голоса из 1218, подсознательный страх перед утратой власти или перед физическим устранением мог стать доминирующим фактором, определившим многие его поступки. Несомненно, Сталин знал, что за день до выборов в ЦК на квартире Г. К. Орджоникидзе собрались оппозиционные делегаты съезда и пытались убедить С. М. Кирова в необходимости отставки Генерального секретаря.

Убийство Кирова стало поводом к началу «большой чистки» в партии, органах безопасности, армии, советских и хозяйственных органах. Одним из первых ее этапов стало так называемое Кремлевское дело. В июне 1935 г. на пленуме ЦК ВКП (б) с докладом «О служебном аппарате Секретариата ЦИК Союза ССР и товарище А. Енукидзе» выступил секретарь ЦК ВКП (б) Н. И. Ежов. В докладе было сказано, что при попустительстве Енукидзе на территории Кремля создана террористическая сеть с целью убийства Сталина. По этому делу осуждено 110 человек: 30 – Военной коллегией Верховного суда и 80 – Особым совещанием при НКВД.

Согласно официальной версии, в заговоре участвовали четыре контрреволюционные террористические группы: группа служащих правительственной библиотеки во главе с Н. А. Розенфельдом (племянником Л. Б. Каменева); троцкистская группа комендатуры Кремля; троцкистская группа военных работников во главе с начальником отделения РУ РККА М. К. Чернявским; белогвардейская группа Г. Б. Синани-Скалова (сотрудник спецслужбы Коминтерна). Идеологом покушения назван находившийся в ссылке Л. Б. Каменев (Розенфельд).

Согласно другой версии, «Кремлевское дело» инспирировано Г. Г. Ягодой с целью взять под контроль НКВД охрану Кремля, которая находилась в ведении Наркомата обороны. В числе

осужденных были: дежурные помощники коменданта Кремля В. Г. Дорошин и И. Е. Павлов, секретарь коменданта Кремля А. И. Синелобов, бывший комендант Большого Кремлевского дворца И. П. Лукьянов, бывший начальник административно-хозяйственного отдела комендатуры Кремля П. Ф. Поляков. Ягода обвинил Енукидзе в противодействии органам госбезопасности.

Действия Сталина показывают, что он не доверял никому. Чтобы проверить или получить компрометирующие сведения на тех или иных высокопоставленных лиц, Генсек использовал возможности так называемого «особого сектора» – личной службы безопасности, надежно замаскированной в структуре аппарата ЦК ВКП (б). В большинстве мемуаров, и особенно сотрудников спецслужб, напрямую общавшихся с «вождем народов», отмечается его поразительная информированность по большинству оперативных вопросов. Были заговоры или нет – в любом случае И. В. Сталин преследовал цель установить полный личный контроль над всеми силовыми структурами государства.

Сталин руководствовался принципом «Разделяй и властвуй!», не позволяя чрезмерно усилиться ни одному из конкурирующих ведомств и почти всегда действуя по одной схеме. Путем перестановок он изолировал своих противников друг от друга и, опираясь на одни группировки, уничтожал членов других. При этом он создавал такие условия, при которых для одних его противников открывались перспективы карьерного роста за счет других, сходивших с политической арены.

В декабре 1935 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло решение о закрытии особых переправ на границе, организованных НКВД для Коминтерна (компартий Польши, Западной Украины и Западной Белоруссии). «Окна» на границе стали рассматриваться руководством ВКП (б) как каналы проникновения в СССР шпионов и диверсантов. Представители коммунистических партий Польши, Западной Украины и Западной Белоруссии, оказавшиеся на территории СССР (в том числе почти все руководство), уже не могли покинуть пределы Советского Союза.

В середине 1936 г. начались аресты политэмигрантов, и в первую очередь из КП Польши. Около 35 процентов (1275 из 3669) лиц, арестованных в СССР за шпионаж, обвинялись в принадлежности именно к польским спецслужбам. Негативное отношение к выходцам из иностранных партий нашло отражение в «чистке» не только аппарата Коминтерна, но и аппарата НКВД. Сталин заявил, что Наркомат внутренних дел задержался с разоблачением «врагов народа» на четыре года. 26 сентября 1936 г. Г. Г. Ягода был отстранен от руководства НКВД и назначен наркомом связи, а на его место пришел Н. И. Ежов. Изменения в

структуре НКВД после назначения Ежова сопровождались кадровыми перестановками и «чистками» в центре и на местах.

А затем наступил небезызвестный 1937 г., в котором ключевым стало словосочетание «враг народа».

На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП (б) 1937 г. Сталин сказал: «Не ясно ли, что, пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, диверсанты, шпионы и убийцы…» В течение 1937–1938 гг. практически все руководители оперативных подразделений в РККА, НКВД и Коминтерне в центре и на местах были арестованы. Подавляющее большинство среди них – те, кто по долгу службы отвечал за подготовку к диверсионной работе за рубежом и к возможной партизанской войне на своей территории. Почти все были объявлены «врагами народа», расстреляны либо зверски замучены в застенках, некоторые в ожидании неминуемого ареста покончили с собой.

«В двадцатых числах июня [1937], – вспоминал И. Г. Старинов, – я возвратился из Хаена и зашел к нашему военному советнику Кольману.

Поговорили о том о сем. Я заметил, что Кольман мнется, словно хочет и не решается сказать о чем-то потаенном.

– Что случилось? – напрямик спросил я.

– Ты давно не читал газет?

– Где же я мог их читать?

– А радио тоже не слушал?.. И ничего не знаешь?..

Кольман огляделся, будто опасаясь, что нас подслушивают.

– Одиннадцатого числа состоялся суд над Тухачевским, Уборевичем, Корком, Якиром… Они вели вредительскую работу, пытались подготовить наше поражение в будущей войне. Хотели восстановить власть помещиков и капиталистов.

– Что?!

Кольман подал еще одну газету за 13 июня:

– Вот здесь…

Строчки прыгали у меня перед глазами:

„… Двенадцатого июня сего года суд приговорил подлых предателей и изменников к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор приведен в исполнение“.

Как наяву, я увидел перед собой лицо Якира: „Вам поручается важнейшее партийное дело, товарищ Старинов. Надеюсь, вы оправдаете наши надежды…“

Увидел лес под Олевском. Аэродром под Харьковом. Ночные учения, где Якир с гордостью говорил о советской военной технике.

Этот человек – предатель и изменник?!

А маршал Тухачевский – бонапартист?!

Эйдеман, Уборевич, Примаков, Путна – прославленные герои Гражданской войны – и все они тоже враги народа?!

Кольман осторожно взял у меня газету.

– Как же это? – только и мог выговорить я.

– Чудовищно, – согласился советник. – Невозможно поверить. Но ты же видел…

– А какая им была корысть предавать советскую власть? Власть, которую они сами устанавливали?! За которую кровь проливали?!

– Тише… Конечно, дикость какая-то… Сам не понимаю, на что они рассчитывали… Что им могли дать капиталисты?

– Ничего! Их бы первыми расстреляли, попадись Примаков или Якир в лапы фашистам.

– Видишь, пишут о попытке захвата власти…

– Так они же и были властью!

– Тем не менее – факт налицо…

Да, чудовищный факт был налицо. И Кольман, и я не могли не верить Сталину, не верить суду.

Не могли не верить, а в сознании не умещалось случившееся…

Читая в газетах, что Вышинский награжден орденом Ленина „за укрепление социалистической законности“, натыкаясь на имя Ежова и на карикатуры, изображающие ежовые рукавицы, в которых корчатся „враги народа“, я испытывал острые приступы тоски.

Ни на минуту не забывалось, что я работал с Якиром, что неоднократно сопровождал Примакова и Тухачевского.

„А что ответишь ты, когда спросят, знал ли Якира и Примакова? Что ждет тебя по возвращении на Родину? – не раз спрашивал я самого себя. – Что ответишь?“

– Ты что-то плохо выглядишь, Рудольфе! – встревожился Доминго…

В 1937 г. многие высшие военачальники были арестованы и преданы суду по делу о „военно-фашистском заговоре“. Среди них оказались и авторы плана возможной партизанской войны – Уборевич, Якир, Примаков. Прошедшие по этому плану подготовку отряды бойцов ежовский карательный аппарат именовал не иначе как „бандами“. В немыслимом виде предстала и цель нашей будущей работы. Она велась будто бы для того, чтобы осуществить покушение на членов правительства, изменить в стране государственный строй, уступить в пользу иностранных держав целые республики. Такого никому из нас не могло привидеться и в самом кошмарном сне…

Тайники с оружием, боеприпасами в приграничных районах были ликвидированы. Органы НКВД организовали настоящую облаву на тех, кто проходил подготовку по плану Уборевича – Якира – Примакова. В течение года изловили и расстреляли почти всех. <…> Не избежали гибели и сотрудники ОГПУ, также занимавшиеся подготовкой партизан…»[126]

Сам Илья Григорьевич чудом остался жив. Политическая установка на разоблачение «вредителей, диверсантов, террористов и шпионов» позволяла следователям НКВД трактовать деятельность обвиняемых по своему усмотрению. На фоне чудовищной борьбы с «врагами народа» термин «диверсант» стали применять исключительно в отрицательном смысле и только по отношению к врагам партии, единственным «вождем и учителем» которой являлся Сталин. В этой связи работу по обучению диверсантов и партизан можно было трактовать как подготовку террористических актов в рамках антисоветского заговора против руководства страны с целью изменения государственного строя в интересах контрреволюционных организаций и (или) иностранных государств.

Были репрессированы: А. Х. Артузов, Я. К. Берзин, С. Г. Гендин, С. А. Мессинг, З. И. Пассов, В. М. Примаков, И. А. Пятницкий, М. А. Трилиссер, И. П. Уборевич, И. С. Уншлихт, С. П. Урицкий, С. М. Шпигельглаз, И. Э. Якир и многие другие. Большинство кадровых сотрудников Коминтерна, ИНО НКВД и РУ РККА в силу специфики их работы легко можно было обвинить в принадлежности к той или иной иностранной разведке и/или в подготовке покушения на Сталина. Ревнителей такой политики, людей беспринципных, желавших выслужиться на разоблачении мнимых заговоров, как всегда, хватало с лихвой.

За физическим уничтожением теоретиков и практиков диверсионного дела последовало уничтожение их трудов, учебных пособий и наставлений. Полные тексты некоторых из них («Партизанство» Каратыгина и др.) не найдены до сих пор. Подверглись репрессиям ученые Остехбюро, занимавшиеся разработкой секретной техники для специальных подразделений.

Было ликвидировано уникальное воинское подразделение – Карельская егерская бригада, ее командный состав почти полностью был уничтожен, остальные направлены на лесоповал. Разгром мотивировался тем, что Карельская егерская бригада, «с точки зрения финской разведки, должна была стать первой вооруженной силой во время войны и преградить путь Красной армии на Север с той целью, чтобы отрезать Кольский полуостров и Карелию и, создав территорию для оккупационной армии, парализовать Кировскую железную дорогу и выступить против

советской власти».[127]

Сталинский курс на возрождение великой державы, названный Троцким «национал-социализмом», автоматически отодвигал Коминтерн на второй план, подчиняя интересы зарубежных компартий интересам СССР. Готовить кадры для работы в новых условиях должны были люди, поддерживающие новый курс. Уже летом 1936 г. началась ликвидация специальных школ ИККИ, к 1938 г. в СССР были официально закрыты почти все учебные заведения Коминтерна, в том числе и готовившие специалистов для нелегальной военной работы.

В этот период в Коминтерне и большинстве иностранных компартий уничтожили едва ли не каждого первого – всех тех, кто имел отношение к подготовке специальных кадров и партизан (литер «А»), а также тех, кто составлял агентурную основу большинства нелегальных резидентур РУ РККА и ИНО НКВД. Эффективно опережать и встречать возможные действия серьезного и сильного противника на дальних и ближних подступах стало практически некому. Тем не менее подготовка национальных и международных кадров по различным направлениям политической и военной разведывательной деятельности продолжалась, будучи скрытой под вывесками различных государственных и общественных организаций.

«Партийная война» 1936–1939 гг. смела все, что «старая гвардия» десятилетиями собирала и накапливала по крупицам. Многократная смена партийной верхушки, репрессии и чистки ветеранов партии и военспецов, сотрудничавших с нелегальными партийными структурами задолго до событий Октября 1917 г., ликвидировали профессиональную основу для широкомасштабной целенаправленной конспиративной деятельности на большинстве направлений.

Революция в очередной раз «пожрала» собственных «детей». Уцелели немногие: часть перешедших в состав Главного управления пограничных и внутренних войск НКВД, Воздушно-десантные войска или находившиеся за границей. Часть подготовленных кадров удалось «спрятать» в некоторых специфических партийных структурах. Специальные структуры, создававшиеся под флагом Коминтерна и/или родственных ему организаций, были во многом ликвидированы либо перешли на нелегальное положение в условиях собственной страны. Подверглись репрессиям коммунисты из 31 страны. Наибольшие потери понесли компартии Болгарии, Венгрии, Германии, Италии, Латвии, Литвы, Польши, Румынии, Финляндии, Эстонии, Югославии.

Борьба с «вредителями, диверсантами, террористами и

шпионами», проводимая в силовых структурах с одобрения высшего политического руководства СССР, не усилила, а значительно ослабила потенциал государства в военной и военно-специальной областях. Анафеме была предана мысль о возможности ведения войны на своей территории в случае внезапной агрессии противника и, соответственно, разрушена создававшаяся свыше десяти лет специальная инфраструктура. В 1937–1938 гг. были расформированы саперно-маскировочные взводы, закрыты учебные центры по подготовке диверсантов, ликвидированы базы на территории сопредельных государств. Демонтажу подверглись минно-взрывные заграждения в полосе обеспечения всех укрепленных районов, расположенных на западной границе.

Многие агентурные сети так и не были восстановлены, а в 1938 г. из ИНО НКВД в адрес руководства страны в течение 127 дней (!!!) вообще не поступало никакой информации. Такого информационного провала на уровне высшего политического руководства не знала, пожалуй, ни одна страна. Негативным результатом «партийной войны» стало резкое ухудшение деятельности нелегальных резидентур ИККИ, НКВД и РУ РККА. Иностранные спецслужбы, в первую очередь германские, используя благоприятную ситуацию, наносили нелегальным боевым структурам за рубежом удар за ударом.

Мы оставим Павла Анатольевича на отдыхе. Он ехал на свою малую родину и даже не подозревал, что тучи репрессий уже сгущаются над его головой. На дворе была суровая осень 1938 года…

Глава 7
Последствия разгрома спецслужб

«Из поездки, – писал П. А. Судоплатов, – я вернулся в Москву немало озадаченный слухами о творившихся на Украине жестокостях, о которых мы услышали от своих родственников. Я никак не мог заставить себя поверить, к примеру, что Хатаевич, ставший к тому времени секретарем ЦК компартии Украины, был врагом народа. Косиор, якобы состоявший в контакте с распущенной Коминтерном компартией Польши, был арестован в Москве. Подлинной причиной всех этих арестов, как я думал тогда, были действительно допущенные ими ошибки. В частности, Хатаевич во время массового голода дал согласие на продажу муки, составлявшей неприкосновенный запас на случай войны. За это в 1934 г. он получил из Москвы выговор по партийной линии. Может быть, думал я, он совершил еще какую-нибудь ошибку в этом же роде. Повторяю снова: увы, я был наивен».

А тем временем в Народном комиссариате внутренних дел произошла очередная реорганизация. 29 сентября 1938 г. была объявлена новая структура НКВД СССР с восстановлением Главного управления государственной безопасности. Начальником ГУГБ был назначен 1-й заместитель наркома внутренних дел Л. П. Берия, его заместителем В. Н. Меркулов. Начальником 5-го (Иностранного) отдела оставался З. И. Пассов, его заместителем – С. М. Шпигельглаз. Пассов и Шпигельглаз предложили П. А. Судоплатову, который являлся помощником начальника 4-го (испанского) отделения 5-го отдела занять должность помощника начальника ИНО. Это назначение не было утверждено в ЦК ВКП (б), но фактически с сентября по ноябрь 1938 г. он исполнял эти обязанности.

«В 1938 г., – писал далее П. А. Судоплатов, – атмосфера была буквально пронизана страхом, в ней чувствовалось что-то зловещее. Шпигельглаз, заместитель начальника закордонной разведки НКВД, с каждым днем становился все угрюмее. Он оставил привычку проводить воскресные дни со мной и другими друзьями по службе. В сентябре секретарь Ежова, тогдашнего главы НКВД, застрелился в лодке, катаясь по Москве-реке. Это для нас явилось полной неожиданностью. Вскоре появилось озадачившее всех распоряжение, гласившее: ордера на арест без подписи Берии, первого заместителя Ежова, недействительны. Ходили слухи, что Берия уменьшительно-ласково называл Ежова

„мой дорогой Ёжик“ и имел обыкновение похлопывать его по спине, однако его дружеское поведение было чисто показным. На Лубянке люди казались сдержанными и уклонялись от любых разговоров. В НКВД работала специальная проверочная комиссия из ЦК.

Мне ясно вспоминаются события, которые вскоре последовали. Наступил ноябрь, канун октябрьских торжеств. И вот в 4 часа утра меня разбудил настойчивый телефонный звонок: звонил Козлов, начальник секретариата Иностранного отдела. Голос звучал официально, но в нем угадывалось необычайное волнение.

– Павел Анатольевич, – услышал я, – вас срочно вызывает к себе первый заместитель начальника Управления госбезопасности товарищ Меркулов. Машина уже ждет вас. Приезжайте как можно скорее. Только что арестованы Шпигельглаз и Пассов.

Жена встревожилась. Я решил, что настала моя очередь.

На Лубянке меня встретил сам Козлов и проводил в кабинет Меркулова. Тот приветствовал меня в своей обычной вежливой, спокойной манере и предложил пройти к Лаврентию Павловичу. Нервы мои были напряжены до предела. Я представил, как меня будут допрашивать о моих связях со Шпигельглазом. Но, как ни поразительно, никакого допроса Берия учинять мне не стал. Весьма официальным тоном он объявил, что Пассов и Шпигельглаз арестованы за обман партии и что мне надлежит немедленно приступить к исполнению обязанностей начальника Иностранного отдела, то есть отдела закордонной разведки. Я должен буду докладывать непосредственно ему по всем наиболее срочным вопросам. На это я ответил, что кабинет Пассова опечатан и войти туда я не могу.

– Снимите печати немедленно, а на будущее запомните: не морочьте мне голову такой ерундой. Вы не школьник, чтобы задавать детские вопросы.

Через десять минут я уже разбирал документы в сейфе Пассова. <…>

Следующий документ – представление в ЦК ВКП (б) и Президиум Верховного Совета о награждении меня, Судоплатова Павла Анатольевича, орденом Красного Знамени за выполнение важного правительственного задания за рубежом в мае 1938 г., подписанное Ежовым. Тут же находился и неподписанный приказ о моем назначении помощником начальника Иностранного отдела. Я отнес эти документы Меркулову. Улыбнувшись, он, к моему немалому удивлению, разорвал их прямо у меня на глазах и выкинул в корзину для бумаг, предназначенных к уничтожению. Я молчал, но в душе было чувство обиды – ведь

меня представляли к награде за то, что я действительно, рискуя жизнью, выполнил опасное задание. В тот момент я не понимал, насколько мне повезло: если бы был подписан приказ о моем назначении, то я автоматически, согласно постановлению ЦК ВКП (б), подлежал бы аресту как руководящий оперативный работник аппарата НКВД, которому было выражено политическое недоверие».

В описании ареста своих непосредственных руководителей Павел Анатольевич допускает небольшую неточность. В ночь с 1 на 2 ноября 1938 г. был арестован С. М. Шпигельглаз, а З. И. Пассов был арестован за десять дней до этого – 22 октября 1938 г. Но через много десятилетий память может не вполне точно выдавать какие-то элементы. Как бы там ни было, но П. А. Судоплатов приступил к временному исполнению обязанностей начальника Иностранного отдела при полной потере преемственности руководства.

«За три недели своего пребывания в качестве исполняющего обязанности начальника отдела, – вспоминает он, – я смог узнать структуру и организацию проведения разведывательных операций за рубежом. В рамках НКВД существовали два подразделения, занимавшиеся разведкой за рубежом. Это Иностранный отдел, которым руководили сначала Трилиссер, потом Артузов, Слуцкий и Пассов. Задача отдела – собирать для Центра разведданные, добытые как по легальным (через наших сотрудников, имевших дипломатическое прикрытие или работавших в торговых представительствах за рубежом), так и по нелегальным каналам. Особо важными были сведения о деятельности правительств и частных корпораций, тайно финансирующих подрывную деятельность русских эмигрантов и белогвардейских офицеров в странах Европы и в Китае, направленную против Советского Союза. Иностранный отдел был разбит на отделения по географическому принципу, а также включал подразделения, занимавшиеся сбором научно-технических и экономических разведданных. Эти отделения обобщали материалы, поступавшие от наших резидентур за границей – как легальных, так и нелегальных. Приоритет нелегальных каналов был вполне естествен, поскольку за рубежом тогда было не так много советских дипломатических и торговых миссий. Вот почему нелегальные каналы для получения интересовавших нас разведданных были столь важны.

В то же время существовала и другая разведывательная служба – Особая группа при наркоме внутренних дел, непосредственно находящаяся в его подчинении и глубоко законспирированная. В ее задачу входило создание резервной

сети нелегалов для проведения диверсионных операций в тылах противника в Западной Европе, на Ближнем Востоке, Китае и США в случае войны. Учитывая характер работы, Особая группа не имела своих сотрудников в дипломатических и торговых миссиях за рубежом. Ее аппарат состоял из двадцати оперработников, отвечавших за координирование деятельности закордонной агентуры. Все остальные сотрудники работали за рубежом в качестве нелегалов. В то время, о котором я веду речь, число таких нелегалов составляло около шестидесяти человек. Вскоре мне стало ясно, что руководство НКВД могло по своему выбору использовать силы и средства Иностранного отдела и Особой группы для проведения особо важных операций, в том числе диверсий и ликвидации противников СССР за рубежом.

Особая группа иногда именовалась „группа Яши“, потому что более десяти с лишним лет возглавлялась Яковом Серебрянским. Именно его люди организовали в 1930 г. похищение главы белогвардейского РОВС в Париже генерала Кутепова. До революции Серебрянский был членом партии эсеров. Он принимал личное участие в ликвидации чинов охранки, организовавших еврейские погромы в Могилеве (Белоруссия). „Группа Яши“ создала мощную агентурную сеть в 20—30-х гг. во Франции, Германии, Палестине, США и Скандинавии.

Агентов они вербовали из коминтерновского подполья – тех, кто не участвовал в пропагандистских мероприятиях и чье членство в национальных компартиях держалось в секрете».

23 ноября 1938 г. над головой П. А. Судоплатова сгустились зловещие тучи политического недоверия. Именно в этот день состоялось заседание партийного комитета 5-го партколлектива ГУГБ, на котором слушалось его персональное дело. По итогам рассмотрения персонального дела партийный комитет Иностранного отдела постановил:

«За притупление большевистской бдительности, выразившееся в том, что:

1) Судоплатов, работая на протяжении ряда лет в отделе, находясь в близких взаимоотношениях с б[ывшим] нач. отдела Слуцким, б[ывшим] зам. нач. отдела Шпигельглазом, б[ывшей] сотрудницей 5-го отдела Соболь и ее мужем Ревниным, не пытался и не сумел разоблачить их как врагов народа;

2) находился в близких взаимоотношениях с ныне разоблаченным врагом народа Горожаниным, с которым работал до прихода в ИНО на Украине, и, когда парторганизация разоблачила Горожанина как скрытого троцкиста, Судоплатов выступал с защитой Горожанина;

3) не принял мер к разоблачению эсера-белогвардейца

Быстролетова, материалы о котором находились у Судоплатова с 1933 г., и он, Быстролетов, в 1937 г. работал в Отделе и привлекался Судоплатовым к оформлению стенгазеты;

4) за то, что Судоплатов не принимал активного участия в борьбе парторганизации за очищение отдела от предателей и шпионов, пробравшихся в отдел;

за использование служебного положения в личных целях:

Судоплатова П. А. из рядов ВКП (б) исключить».

Мы полагаем, что эта резолюция должна была послужить толчком для дальнейшей дискредитации П. А. Судоплатова и его последующего ареста как очередного «врага народа». И вполне естественно, что в условиях того сурового времени 2 декабря 1938 г. он перестал исполнять обязанности начальника 5-го отдела. И не только он один был отстранен от должности.

25 ноября 1938 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Н. И. Ежов был отстранен от должности наркома внутренних дел, а на его место назначен Л. П. Берия. 1-м заместителем наркома и начальником ГУГБ становится В. Н. Меркулов. Новым начальником Иностранного отдела назначен В. Г. Деканозов, лично известный Л. П. Берия и ранее работавший председателем Госплана Грузинской ССР. Заместителем начальника отдела назначается П. М. Фитин, всего три месяца назад окончивший Центральную школу НКВД СССР.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 15

Заседания Партийного Комитета 5 партколлектива
ГУГБ НКВД -

от 23 ноября 1938 года.

СЛУШАЛИ - Персональное дело т.СУДОПЛАТОВА П.А.

Тов.ЛЕОНЕНКО зачитывает обвинения, пред"являемые к т.СУДОПЛАТОВУ, о его путаных ответах при заполнении анкетных данных, о связях с ныне разоблаченными врагами народа: ГОРОЖАНИНЫМ - троцкистом, подписавшим "платформу 83", которого СУДОПЛАТОВ знает по работе в ГПУ УССР; с СОБОЛЬ - ныне разоблаченным врагом народа, по рекомендации которой СУДОПЛАТОВ пришел работать в ИНО; с КАМИНСКИМ - врагом народа, лучшим другом СУДОПЛАТОВА; с БЫСТРОЛЕТОВЫМ - враг народа, компрометирующий материал о котором СУДОПЛАТОВ скрывал в течение долгого времени.

Об использовании СУДОПЛАТОВЫМ служебного положения для получения из за границы вещей для себя и своей жены, под видом оперативных надобностей уже в сентябре 1938 года.

Тов.СУДОПЛАТОВ дает биографическую справку о себе и своих родственниках, указывает о своем участии в Красной армии, о нахождении в плену у генерала ШКУРО, в возрасте 12 лет. СУДОПЛАТОВ указывает, что пред"явленные ему обвинения не соответсвуют действительности, связь с рядом ныне разоблаченных врагов народа - ГОРОЖАНИНЫМ, КАМИНСКИМ - была исключительно служебная, других взаимоотношений с ними не было.

В отношении связи с СОБОЛЬ, СУДОПЛАТОВ признает, что в этом вопросе он виновен, что в данном случае он просмотрел, чему в значительной степени способствовало награждение СОБОЛЬ боевым оружием руководством Наркомата.

Тов.СУДОПЛАТОВУ были заданы вопросы по уточнению отдельных неясностей т.т.ПУДИНЫМ, ПЕРВУШИНЫМ, БЛАГУТИНЫМ, ХРИПУНОВЫМ, ЧЕРНОНЕБОВЫМ, ДУДУКИНЫМ, ПЕРЕВОЗНИКОВЫМ, ЭПШТЕЙНОМ и др.

Выписка из протокола № 15 заседания партийного комитета № 5 партколлектива ГУГБ НКВД от 23 ноября 1938 г. (Протокол персонального дела П. А. Судоплатова.)

12. 23

Тов.ЛЕОНЕНКО делает заключение, соглашаясь с мнением товарищей об исключении СУДОПЛАТОВА из партии.

ПОСТАНОВИЛИ -

За притупление большевистской бдительности, выразившееся в том, что -

1/ СУДОПЛАТОВ, работая на протяжении ряда лет в Отделе, находясь в близких взаимоотношениях с б.нач.отдела СЛУЦКИМ, б.зам.нач.отдела ШПИГЕЛЬГЛАЗОМ, б.сотрудницей 5-го отдела СОБОЛЬ и ее мужем РЕВЗИНЫМ - не пытался и не сумел разоблачить их, как врагов народа.

2/ Находился в близких взаимоотношениях с ныне разоблаченным врагом народа Гороханиным, с которым работал до прихода в ИНО, на Украине, и когда парторганизация разоблачила ГОРОХАНИНА, как скрытого троцкиста, СУДОПЛАТОВ выступал с защитой ГОРОХАНИНА.

3/ Не принял мер к разоблачению эсера - белогвардейца БЫСТРОЛЕТОВА, материалы о котором находились у СУДОПЛАТОВА с 1933 г. и он, БЫСТРОЛЕТОВ, в 1937 году работал в Отделе и привлекался СУДОПЛАТОВЫМ к оформлению стенгазеты.

4/ За то, что СУДОПЛАТОВ не принимал активного участия в борьбе парторганизации за очищение отдела от предателей и шпионов, пробравшихся в Отдел;

за использование служебного положения в личных целях:

СУДОПЛАТОВА П.А. из рядов ВКП/б/ ИСКЛЮЧИТЬ.

Подлинный подписал - СЕКРЕТАРЬ ПАРТКОМА
5 ОТДЕЛА ГУГБ НКВД /ЛЕОНЕНКО/

ВЕРНО: ПОМ.СЕКРЕТАРЯ ПАРТКОМА
МГБ СССР /ЖИЛАТОВ/

«Я, – вспоминал П. А. Судоплатов, – чувствовал себя подавленным. Жена также сильно тревожилась, понимая, что над нами нависла серьезная угроза. Мы были уверены, что на нас уже есть компромат, сфабрикованный и выбитый во время следствия у наших друзей. Но я все-таки надеялся, что, поскольку был лично известен руководству НКВД как преданный делу работник, мой арест не будет санкционирован.

В те годы я жил еще иллюзией, что по отношению к члену партии несправедливость может быть допущена лишь из-за некомпетентности или в силу простой ошибки, особенно если решение его участи зависело от человека, стоящего достаточно высоко в партийной иерархии и пользующегося к тому же полной

поддержкой Сталина. <…>

Когда арестовывали наших друзей, все мы думали, что произошла ошибка. Но с приходом Деканозова впервые поняли, что это не ошибки. Нет, то была целенаправленная политика. На руководящие должности назначались некомпетентные люди, которым можно было отдавать любые приказания. Впервые мы боялись за свою жизнь, оказавшись под угрозой уничтожения нашей же собственной системой. Именно тогда я начал размышлять над природой системы, которая приносит в жертву людей, служащих ей верой и правдой. <…>

И тут произошло неожиданное. Собрание, назначенное на январь, которое должно было утвердить мое исключение из рядов партии, отложили. Вскоре Ежов, отстраненный от обязанностей народного комиссара еще в декабре минувшего года, был арестован. <…>

Я по-прежнему считаю Ежова ответственным за многие тяжкие преступления – больше того, он был еще и профессионально некомпетентным руководителем. Уверен: преступления Сталина приобрели столь безумный размах из-за того, в частности, что Ежов оказался совершенно непригодным к разведывательной и контрразведывательной работе.

Чтобы понять природу ежовщины, необходимо учитывать политические традиции, характерные для нашей страны. Все политические кампании в условиях диктатуры неизменно приобретают безумные масштабы, и Сталин виноват не только в преступлениях, совершавшихся по его указанию, но и в том, что позволил своим подчиненным от его имени уничтожать тех, кто оказывался неугоден местному партийному начальству на районном и областном уровне. Руководители партии и НКВД получили возможность решать даже самые обычные споры, возникавшие чуть ли не каждый день, путем ликвидации своих оппонентов.

Конечно, в те дни я еще не знал всего, но, чтобы иметь основания опасаться за свою жизнь, моих знаний было достаточно. Исходя из логики событий, я ожидал, что меня арестуют в конце января или в крайнем случае начале февраля 1939 г. Каждый день я являлся на работу и ничего не делал – сидел и ждал ареста».

А тем временем в конце 1938 – начале 1939 г. активизируется сотрудничество германских и эстонских спецслужб. Бывший начальник 2-го отдела эстонского Генерального штаба (военная контрразведка) полковник Маасинг прибывает в Германию для координации совместной разведывательной работы. Контрразведка армии и политическая полиция Эстонии

фактически превращаются в заграничные филиалы абвера. В. Канарис и начальник абвер-I (разведка) Г. Пикенброк посещают Эстонию, где проводят инструктаж по разведывательной и диверсионной деятельности против СССР. Начинается совместная работа абверовцев с их эстонскими коллегами по заброске на территорию СССР разведывательно-диверсионных групп. Канариса особо интересует информация о численности и типах самолетов советских ВВС. Советское правительство принимает решение о закрытии консульств Германии во Владивостоке, Ленинграде, Новосибирске, Киеве, Одессе, Тбилиси и Харькове.

А в Организации украинских националистов происходили значительные изменения, связанные с гибелью Е. Коновальца. Со второй половины 1938 г., когда у руля ОУН встал бывший полковник Сечевых стрельцов А. А. Мельник, расширились контакты между ОУН, с одной стороны, и абвером и СД – с другой. Спецслужбы нацистской Германии усиленно работали с украинскими националистами на перспективу. Гитлеровцы видели в оуновцах прежде всего «пятую колонну», способную дезорганизовать польский тыл при начале боевых действий.

В конце 1938 г. начальник 2-го (диверсионного) отдела абвера Г. Гросскурт провел встречу с А. А. Мельником, который к этому времени уже переехал из Польши в Третий рейх. На этой встрече Мельник был завербован абвером и получил оперативный псевдоним Консул-1. Он являлся резидентом абверштелле «Берлин» по ОУН и состоял на связи с его сотрудником гауптманом доктором Пухертом. Информацию для абвера Мельник получал как от оуновских организаций, действовавших на территории Чехословакии, так и от оуновского подполья в Польше.

В 1938 г. в лагерях на озере Химзее, под Берлином, и на озере Квинцзее, под Бранденбургом, открываются учебные центры по подготовке «пятой колонны» для действий в Польше из числа польских и украинских фольксдойче, а также эмигрантов не фольксдойче (см. гл. 3).

В декабре 1938 г. в Фельдафингсе (Австрия) началась подготовка украинских офицерских кадров из числа членов ОУН – УВО в Офицерской школе ОУН под руководством полковника Р. Сушко, бывшего офицера австро-венгерской армии. В этой школе военному делу обучались и галичане (выходцы из Галиции), в основном студенты австрийских и немецких вузов, и несколько уроженцев Волыни – всего 25 человек. Комендантом школы и переводчиком был поручик О. Гасин, окончивший ранее в Чехословакии высшую офицерскую школу. В целях конспирации курсанты выдавали себя за румын из Бессарабии. Преподавали в

школе австрийские и германские офицеры. Курс был завершен в начале апреля 1939 г. В частности, школу окончили будущие руководители Украинской повстанческой армии (УПА – ОУН): командующий УПА Р. Шухевич, начальник штаба УПА Д. Грицай, полковники УПА О. Гасин и Е. Побигущий. Затем часть курсантов направили в Берхтесгаден для прохождения горнострелковой и воздушно-десантной подготовки. Через две недели курсантов перевели в Берлин, где они прошли курс обучения основам партизанской войны, освоили тяжелое и легкое оружие, вождение автомобиля и мотоцикла.

В начале мая оуновских офицеров перевезли в замок Зауберсдорф, в ста километрах от Вены, который ОУН выкупила у местных властей для обучения своих активистов. Именно здесь началась подготовка первого национального (специального) подразделения, которое в немецких документах значилось как *Bergbauernhilfe* (Горная строительная помощь). Националисты именовали свою часть Легион полковника Сушко.

Название выбрано не случайно. Во-первых, оно маскировало истинную сущность спецназа под вывеской «строительной помощи». Во-вторых, учитывая характер местности в юго-восточной Польше, слово «горная» имело прикладное значение. Принимая во внимание, что личный состав «строителей» набирался из числа членов Организации национальной обороны Карпатской сечи (ОНОКС), можно с достаточно высокой степенью вероятности предположить, что абверовско-оуновский спецназ предназначался для действий в лесистой местности Карпатских гор, а также в области польских и чешских Бескид.

Всего в легионе было 200 боевиков, объединенных в две роты, каждая из которых состояла из двух взводов. В дальнейшем на основе легиона планировалось сформировать полк трехбатальонного состава. Обучение личного состава продолжалось до середины августа 1939 г. В курс также входили топография, конспирация, диверсионная и строевая подготовка. Кроме военных дисциплин читались лекции по географии и истории Украины. По окончании обучения легионеров обмундировали в стандартную униформу вермахта без знаков различия и вооружили, в том числе новейшими пистолетами-пулеметами «МП-38».

В «несчастливый» день 13 мая 1939 г. во внешней разведке НКВД происходит очередное, и на этот раз весьма благоприятное изменение. В этот день начальником 5-го (Иностранного) отдела ГУГБ был назначен П. М. Фитин. Рука об руку с этим человеком наш герой будет работать против нацистской Германии и ее союзников в предвоенные годы и в годы Великой Отечественной

войны.

А через месяц, 14 июня 1939 г., и, возможно, не без участия нового начальника Иностранного отдела, определилась дальнейшая судьба коммуниста Павла Судоплатова. Решением партбюро НКВД СССР за притупление политической бдительности ему был объявлен выговор с занесением в личную карточку. Для сравнения это примерно то же самое, что заменить отбытие пожизненного заключения на три года условно. Огромная угроза в тот период прошла буквально рядом с Судоплатовым и его семьей, но почти не задела его, хотя, конечно, оставила незаживающие раны на всю жизнь.

18 августа 1939 г. заместитель начальника абвер-II оберст Э. Штольце встретился с А. Мельником и в доверительной беседе сообщил ему о возможном благоприятном для украинских националистов развитии ситуации в Польше. Руководство абвера играло в этой ситуации свою собственную игру, несколько отличную от позиции Министерства иностранных дел нацистской Германии, а следовательно и А. Гитлера. Последнего независимое украинское государство на польских землях интересовало значительно меньше, чем приобретение союзника (надолго ли?) и поставщика стратегического сырья в лице Советского Союза.

Подписание 23 августа 1939 г. пакта Молотова – Риббентропа ненадолго поставило крест на совместных планах абверовцев и оуновцев. Несмотря на то что 25 августа 1939 г. легионеры, сосредоточенные в районе Медзилаборце – Выдрань – Полота, были готовы к бою, Верховное командование вермахта отдало приказ об отводе формирования в тыл. Военно-политическое руководство Германии справедливо опасалось того, что легионеры могут вступить в боевые столкновения с частями Красной армии, которые, согласно секретным протоколам к договору от 25 августа, готовились вступить на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины. А пока нам вновь следует вернуться в март 1939 г.

Для международного коммунистического движения этот трагический месяц связан с падением республиканской Испании. 31 марта были подавлены последние очаги сопротивления республиканцев. При этом личный состав специальных партизанских подразделений закончил Гражданскую войну достойно.

«После поражения республиканцев, – вспоминал И. Г. Старинов, – часть личного состава XIV корпуса, захватив судно, перебралась в Алжир, оттуда в Советский Союз. Часть бойцов пробилась на север, перешла испано-французскую границу и была интернирована. Когда французские власти приняли решение о

выдаче их фалангистам, бойцы в полном составе совершили побег из концлагеря и, захватив часть оружия, ушли в горы. На базе их партизанских отрядов впоследствии были созданы 27 бригад, сведенных в 9 партизанских дивизий. Они повесили дуче и освобождали от фашистов Марсель и Париж. Четверо бойцов XIV корпуса впоследствии вместе с Фиделем Кастро высаживались на Плайя Хирон…»[128]

Война в Испании явилась убедительным доказательством реальных возможностей спецслужб и спецподразделений, в том числе и специальных структур Коминтерна. Однако этот позитивный опыт в очередной (который уже!!!) раз не был по достоинству оценен руководством ВКП (б). Испанская кампания послужила одним из поводов для почти полного разгрома специальных структур в СССР в конце 1930-х гг. Политические решения высшего руководства Советского Союза были направлены не на изучение объективных причин поражения Испанской республики, а, как обычно, на поиск виновных в этом поражении. В нашей стране участь большинства специалистов по «малой войне» и мировым революциям была крайне печальной.

При этом мало кто знает, что в течение 1936–1939 гг. в Испании в рамках Гражданской войны шла еще одна, не менее жестокая война. Войну между республиканцами (интернационалистами) и их противниками – консерваторами (националистами) можно назвать войной *межвидовой*, а если точнее, первой идеологической межблоковой политической войной. Недаром поддержку генералу Ф. Франко оказывали А. Гитлер и Б. Муссолини, а республиканцам – СССР и структуры Коминтерна. Но внутри республиканского лагеря параллельно шла вторая война, которую условно можно назвать *внутривидовой*. На этой, в основном тайной, войне не на жизнь, а на смерть бились прежние соратники: с одной стороны выступал И. В. Сталин, а с другой – Л. Д. Троцкий. Каждый из них желал предстать перед миром в лице единственного гаранта международного революционного и антифашистского движения. Для И. В. Сталина проблема Троцкого приобрела уже не личный, как в конце 1920-х гг., а исключительно политический характер. Вопрос встал ребром: кто кого? Именно это противостояние и послужило основой для позитивных изменений в судьбе нашего героя.

«В один из мартовских дней, – вспоминает П. А. Судоплатов, – меня вызвали в кабинет Берии, и неожиданно для себя я услышал упрек, что последние два месяца я бездельничаю. „Я выполняю приказ, полученный от начальника отделения“, – сказал я. Берия не посчитал нужным как-либо прокомментировать

мои слова и приказал сопровождать его на важную, по его словам, встречу. Я полагал, что речь идет о встрече с одним из агентов, которого он лично курировал, на конспиративной квартире. В сентябре 1938 г. я дважды сопровождал его на подобные мероприятия. Между тем машина доставила нас в Кремль, куда мы въехали через Спасские ворота. Шофер остановил машину в тупике возле Ивановской площади. Тут я внезапно осознал, что меня примет Сталин. <…>

Все в кабинете выглядело так же, как в прошлый раз, когда я здесь был. Но сам Сталин казался другим: внимательным, спокойным и сосредоточенным. Слушая собеседника, он словно обдумывал каждое сказанное ему слово, похоже, имевшее для него особое значение. И собеседнику просто не могло прийти в голову, что этот человек мог быть неискренним.

Было ли так на самом деле? Не уверен. Но Берию Сталин действительно выслушал с большим вниманием.

– Товарищ Сталин, – обратился тот к нему, – по указанию партии мы разоблачили бывшее руководство закордонной разведки НКВД и сорвали их вероломную попытку обмануть правительство. Мы вносим предложение назначить товарища Судоплатова заместителем начальника разведки НКВД, с тем чтобы помочь молодым партийным кадрам, мобилизованным на работу в органах, справиться с выполнением заданий правительства.

Сталин нахмурился. <…>

Он ни словом не обмолвился о моем назначении, но попросил Берию вкратце рассказать о главных направлениях разведывательных операций за рубежом. <…>

Хотя Сталин ходил не останавливаясь, мне казалось, он не ослабил свое внимание, наоборот, стал более сосредоточен. Его замечания отличались некоторой жесткостью, которую он и не думал скрывать. Подобная резкость по отношению к людям, приглашенным на прием, была самой, пожалуй, типичной чертой в его поведении, составляя неотъемлемую часть личности Сталина – такую же, как оспины на его лице, придававшие ему суровый вид. По словам Берии, закордонная разведка в современных условиях должна изменить главные направления своей работы. Ее основной задачей должна стать не борьба с эмиграцией, а подготовка резидентур к войне в Европе и на Дальнем Востоке. Гораздо большую роль, считал он, будут играть наши агенты влияния, то есть люди из деловых правительственных кругов Запада и Японии, которые имеют выход на руководство этих стран и могут быть использованы для достижения наших целей во внешней политике. Таких людей

следовало искать среди деятелей либерального движения, терпимо относящихся к коммунистам. Между тем, по мнению Берии, левое движение находилось в состоянии серьезного разброда из-за попыток троцкистов подчинить его себе. Тем самым Троцкий и его сторонники бросали серьезный вызов Советскому Союзу. Они стремились лишить СССР позиции лидера мирового коммунистического движения. Берия предложил нанести решительный удар по центру троцкистского движения за рубежом и назначить меня ответственным за проведение этих операций. В заключение он сказал, что именно с этой целью и выдвигалась моя кандидатура на должность заместителя начальника Иностранного отдела, которым руководил тогда Деканозов. Моя задача состояла в том, чтобы, используя все возможности НКВД, ликвидировать Троцкого.

Возникла пауза. Разговор продолжил Сталин.

– В троцкистском движении нет важных политических фигур, кроме самого Троцкого. Если с Троцким будет покончено, угроза Коминтерну будет устранена.

Он снова занял свое место напротив нас и начал неторопливо высказывать неудовлетворенность тем, как ведутся разведывательные операции. По его мнению, в них отсутствовала должная активность. Он подчеркнул, что устранение Троцкого в 1937 г. поручалось Шпигельглазу, однако тот провалил это важное правительственное задание.

Затем Сталин посуровел и, чеканя слова, словно отдавая приказ, проговорил:

– Троцкий, или как вы его именуете в ваших делах „старик“, должен быть устранен в течение года, прежде чем разразится неминуемая война. Без устранения Троцкого, как показывает испанский опыт, мы не можем быть уверены, в случае нападения империалистов на Советский Союз, в поддержке наших союзников по международному коммунистическому движению. Им будет очень трудно выполнить свой интернациональный долг по дестабилизации тылов противника, развернуть партизанскую войну.

У нас нет исторического опыта построения мощной индустриальной и военной державы одновременно с укреплением диктатуры пролетариата, – продолжил Сталин, и после оценки международной обстановки и предстоящей войны в Европе он перешел к вопросу, непосредственно касавшемуся меня.

Мне надлежало возглавить группу боевиков для проведения операции по ликвидации Троцкого, находившегося в это время в изгнании в Мексике. Сталин явно предпочитал обтекаемые слова вроде „акция“ (вместо „ликвидация“), заметив при этом, что в

случае успеха акции „партия никогда не забудет тех, кто в ней участвовал, и позаботится не только о них самих, но и обо всех членах их семей“.

Когда я попытался возразить, что не вполне подхожу для выполнения этого задания в Мексике, поскольку совершенно не владею испанским языком, Сталин никак не прореагировал.

Я попросил разрешения привлечь к делу ветеранов диверсионных операций в Гражданской войне в Испании.

– Это ваша обязанность и партийный долг – находить и отбирать подходящих и надежных людей, чтобы справиться с поручением партии. Вам будет оказана любая помощь и поддержка. Докладывайте непосредственно товарищу Берии, и никому больше, но помните: вся ответственность за выполнение этой акции лежит на вас. Вы лично обязаны провести всю подготовительную работу и лично отправить специальную группу из Европы в Мексику. ЦК санкционирует представлять всю отчетность по операции исключительно в рукописном виде.

Аудиенция закончилась, мы попрощались и вышли из кабинета. После встречи со Сталиным я был немедленно назначен заместителем начальника разведки. Мне был выделен кабинет на седьмом этаже главного здания Лубянки под номером 755 – когда-то его занимал Шпигельглаз. <…>

На следующий день, как только я пришел в свой новый кабинет, мне позвонил из дома Эйтингон, недавно вернувшийся из Франции.

– Павлуша, я уже десять дней как в Москве, ничего не делаю. Оперативный отдел установил за мной постоянную слежку. Уверен, мой телефон прослушивается. Ты ведь знаешь, как я работал. Пожалуйста, доложи своему начальству: если они хотят арестовать меня, пусть сразу это и делают, а не устраивают детские игры.

Я ответил Эйтингону, что первый день на руководящей должности и ни о каких планах насчет его ареста мне неизвестно. Тут же я предложил ему прийти ко мне, затем позвонил Меркулову и доложил о состоявшемся разговоре. Тот, засмеявшись, сказал:

– Эти идиоты берут Эйтингона и его группу под наружное наблюдение, а не понимают, что имеют дело с профессионалами.

Через десять минут по прямому проводу мне позвонил Берия и предложил: поскольку Эйтингон – подходящая кандидатура для известного мне дела, к концу дня он ждет нас обоих с предложениями.

Когда появился Эйтингон, я рассказал о замысле операции в Мексике. Ему отводилась в ней ведущая роль. Он согласился без

малейших колебаний. Эйтингон был идеальной фигурой, для того чтобы возглавить специальную нелегальную резидентуру в США и Мексике. Подобраться к Троцкому можно было только через нашу агентуру, осевшую в Мексике после окончания войны в Испании. Никто лучше его не знал этих людей. Работая вместе, мы стали близкими друзьями. Приказ о ликвидации Троцкого не удивил ни его, ни меня: уже больше десяти лет ОГПУ – НКВД вели против Троцкого и его организации настоящую войну. <…>

По предложению Эйтингона операция против Троцкого была названа „Утка“. В этом кодовом названии слово „утка“, естественно, употреблялось в значении „дезинформация“: когда говорят, что „полетели утки“, имеется в виду публикация ложных сведений в прессе. <…>

Мой первоначальный план состоял в том, чтобы использовать завербованную Эйтингоном агентуру среди троцкистов в Западной Европе и в особенности в Испании. <…>

…Эйтингон настоял на том, чтобы использовать тех агентов в Западной Европе, Латинской Америке и США, которые никогда не участвовали ни в каких операциях против Троцкого и его сторонников. В соответствии с его планом необходимо было создать две самостоятельные группы. Первая – группа „Конь“ под началом Давида Альфаро Сикейроса, мексиканского художника, лично известного Сталину, ветерана Гражданской войны в Испании. Он переехал в Мексику и стал одним из организаторов мексиканской компартии. Вторая – так называемая группа „Мать“ под руководством Каридад Меркадер. Среди ее богатых предков был вице-губернатор Кубы, а ее прадед когда-то являлся испанским послом в России. Каридад ушла от своего мужа, испанского железнодорожного магната, к анархистам и бежала в Париж с четырьмя детьми в начале 30-х годов… Когда в 1936 г. в Испании началась Гражданская война, она вернулась в Барселону, вступила в ряды анархистов и была тяжело ранена в живот во время воздушного налета. Старший сын Каридад погиб (он бросился, обвязавшись гранатами, под танк), а средний, Рамон, воевал в партизанском отряде. Младший сын Луис приехал в Москву в 1939 г. вместе с другими детьми испанских республиканцев, бежавших от Франко, дочь осталась в Париже. Поскольку Рамон был абсолютно неизвестен среди троцкистов, Эйтингон, в то время все еще находившийся в Испании, решил послать его летом 1938 г. из Барселоны в Париж под видом молодого бизнесмена, искателя приключений и прожигателя жизни, который время от времени материально поддерживал бы политических экстремистов из-за своего враждебного отношения к любым властям.

К 1938 г. Рамон и его мать Каридад, оба жившие в Париже, приняли на себя обязательства по сотрудничеству с советской разведкой. В сентябре Рамон по наводке братьев Руанов познакомился с Сильвией Агелоф, находившейся тогда в Париже, и супругами Розмер, дружившими с семьей Троцкого. Следуя инструкциям Эйтингона, он воздерживался от любой политической деятельности. Его роль заключалась в том, чтобы иногда помогать друзьям и тем, кому он симпатизировал, деньгами, но не вмешиваться в политику. Он не интересовался делами этих людей и отвергал предложения присоединиться к их движению.

Был у нас и еще один важный агент под кодовой кличкой Гарри – англичанин Моррисон, неизвестный ни Орлову, ни Шпигельглазу. Гарри работал по линии Особой группы Серебрянского и сыграл ключевую роль в похищении в декабре 1937 г. архивов Троцкого в Европе. <…> Гарри также имел прочные связи в седьмом округе управления полиции Парижа. Это помогло ему раздобыть для нас подлинные печати и бланки французской полиции и жандармерии для подделки паспортов и видов на жительство, позволявших нашим агентам оседать во Франции.

Эйтингон считал, что его агенты должны действовать совершенно независимо от наших местных резидентур в США и Мексике. Я с ним согласился, но предупредил, что мы не сможем перебазировать всех нужных людей из Западной Европы в Америку, полагаясь лишь на обычные источники финансирования. По нашим прикидкам, для перебазирования и оснащения групп необходимо было иметь не менее трехсот тысяч долларов. Для создания надежного прикрытия Эйтингон предложил использовать в операции свои личные семейные связи в США. Его родственники имели большие льготы от советского правительства с 1930 вплоть до 1948 г. при участии в пушных аукционах-ярмарках в Ленинграде. Мы изложили наши соображения Берии, подчеркнув, что в окружении Троцкого у нас нет никого, кто имел бы на него прямой выход. Мы не исключали, что его резиденцию нам придется брать штурмом. <…>

Берия распорядился, чтобы я отправился вместе с Эйтингоном в Париж для оценки группы, направляемой в Мексику. В июне 1939 г. Георг Миллер, австрийский эмигрант, занимавший пост начальника отделения „паспортной техники“, снабдил нас фальшивыми документами. <…> Из Москвы мы отправились в Одессу, а оттуда морем в Афины, где сменили документы и на другом судне отбыли в Марсель.

До Парижа добрались поездом. Там я встретился с Рамоном и

Каридад Меркадер, а затем – отдельно – с членами группы Сикейроса. Эти две группы не общались и не знали о существовании друг друга. Я нашел, что они достаточно надежны, и узнал, что еще важнее: они участвовали в диверсионных операциях за линией фронта у Франко. Этот опыт наверняка должен был помочь им в акции против Троцкого. Я предложил, чтобы Эйтингон в течение месяца оставался с Каридад и Рамоном, познакомил их с основами агентурной работы. Они не обладали знаниями в таких элементарных вещах, как методы разработки источника, вербовка агентуры, обнаружение слежки или изменение внешности. Эти знания были им необходимы, чтобы избежать ловушек контрразведывательной службы небольшой группы троцкистов в Мексике, но задержка чуть не стала фатальной для Эйтингона.

Я вернулся в Москву в конце или середине июля, а в августе 1939 г. Каридад и Рамон отправились из Гавра в Нью-Йорк. Эйтингон должен был вскоре последовать за ними, но к тому времени польский паспорт, по которому он прибыл в Париж, стал опасным документом. После немецкого вторжения в Польшу, положившего начало Второй мировой войне, его собирались мобилизовать во французскую армию как польского беженца или же интернировать в качестве подозрительного иностранца.

В это же время были введены новые, более жесткие ограничения на зарубежные поездки для поляков, так что Эйтингону пришлось уйти в подполье.

Я возвратился в Москву, проклиная себя за задержку, вызванную подготовкой агентов, но, к сожалению, у нас не было другого выхода».

Нападение гитлеровской Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. ознаменовало собой начало Второй мировой войны. 7 сентября (через две недели после подписания германо-советского договора о ненападении) состоялась встреча И. В. Сталина с В. М. Молотовым, А. А. Ждановым и Г. Димитровым. В отношении Польши Сталин заявил, что уничтожение этой страны означает: одним буржуазным государством стало меньше. В результате разгрома Польши СССР может распространить социалистическую систему на новые территории и население. А по поводу начавшейся мировой войны он сказал: «Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если руками Германии будет расшатано положение богатейших капиталистических стран, в особенности Англии. Гитлер, сам этого не понимая и не желая, подрывает капиталистическую систему».[129]

По мнению Сталина, во время начавшейся мировой войны

между империалистическими государствами существовавшее ранее деление этих государств на фашистские и демократические потеряло прежний смысл. В новых политических условиях Советский Союз имеет возможность маневрировать между воюющими сторонами и подталкивать противников к выгодным для СССР действиям. В свою очередь коммунисты капиталистических стран должны выступить не только против войны, но и против своих собственных буржуазных правительств.

А в Германии тем временем продолжалась игра абвера с украинскими националистами. В самом начале польской кампании А. А. Мельник был приглашен на встречу с государственным секретарем Кеплером в МИД Германии. Мельнику ясно дали понять, что немецкие власти не могут предоставить каких-либо обещаний относительно использования оуновцев в войне. 11 сентября в абвере рассматривался вопрос об участии украинских националистов в боевых действиях против поляков. Однако политическое руководство Третьего рейха заняло отрицательную позицию в этом вопросе.

12 сентября А. Гитлер рассмотрел варианты дальнейшей судьбы Польского государства в присутствии В. Кейтеля, А. Йодля (оба из верховного главнокомандования ВС), И. фон Риббентропа (МИД), В. Канариса и Э. фон Лахузена. Канарис и Лахузен предлагали в качестве своего варианта такой раздел восточных территорий Польши, при котором Литва получала район Вильно, Галичина и Западная Волынь образовывали независимое украинское государство, остальные территории отходили к СССР. Именно для последнего варианта абвер и готовил боевые подразделения украинских националистов, в том числе 250 добровольцев обучались под руководством инструкторов абвер-II в тренировочном лагере под Дахштайном.

Однако Гитлер и его генералы обоснованно опасались последствий подобного решения со стороны Советского Союза. Воевать на два фронта они пока не хотели. Позднее Канарис встретился с Мельником в Вене, где ими обговаривался вариант провозглашения независимой Западной Украины в том случае, если Сталин откажется от вступления в Польшу. Но 17 сентября советские войска перешли польскую границу, и вопрос о территориальной принадлежности Западной Украины был закрыт.

Раздел Польши в сентябре 1939 г. между Германией и СССР, в результате которого к Советскому Союзу были присоединены Западная Белоруссия и Западная Украина, произошел практически без участия военных специалистов Коминтерна. Вероятно, именно в этот период у Сталина и его ближайшего

окружения начало складываться твердое убеждение, что для экспансии «мировой революции» вполне достаточно сил и средств Красной армии. Особенный интерес руководства ВКП (б) в этой области вызывали прибалтийские страны.

В секретном дополнительном протоколе о разграничении сфер интересов Третьего рейха и Советского Союза было зафиксировано, что «в случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав прибалтийских государств (Литва, Латвия, Эстония, Финляндия), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы относительно Виленской области признаются обеими сторонами»[130]

В период с 28 сентября по 10 октября 1939 г. с правительствами Латвии, Литвы и Эстонии были заключены договоры о взаимопомощи. В договорах предусматривалось размещение на территории прибалтийских стран советских военных баз.

«Любопытно то, – вспоминает П. А. Судоплатов, – что гитлеровцы уделяли внимания прибалтийским националистам гораздо меньше, чем украинским. Это объяснялось тем, что немецкое руководство опасалось вести активную конспиративную работу с формированиями айсаргов и беженцами из Эстонии и Латвии, предполагая, что они могут быть завербованы английской разведкой. Между спецслужбами западных стран было своеобразное „разделение труда“. Английская разведка считала Латвию и Эстонию своей вотчиной. Поэтому агентурные комбинации немцев в этих странах в основном были связаны с изучением театра военных действий, подготовкой диверсий. Немцы не доверяли националистическим лидерам Латвии, Литвы и Эстонии. Для них, считавших себя хозяевами положения в Прибалтике, политическое сотрудничество с лицами, пользовавшимися опекой англичан, было совершенно неприемлемым. <…>

После оккупации Польши немецкими войсками наша армия заняла Галицию и Восточную Польшу. Галиция всегда была оплотом украинского националистического движения, которому оказывали поддержку такие лидеры, как Гитлер и Канарис в Германии, Бенеш в Чехословакии и федеральный канцлер Австрии Энгельберт Дольфус. Столица Галиции Львов сделалась центром, куда стекались беженцы из Польши, спасавшиеся от немецких оккупационных войск. Польская разведка и контрразведка переправили во Львов всех своих наиболее важных заключенных – тех, кого подозревали в двойной игре во время немецко-польской конфронтации 30-х гг. <…>

Во Львове процветал западный капиталистический образ жизни: оптовая и розничная торговля находилась в руках частников, которых вскоре предстояло ликвидировать в ходе советизации. Огромным влиянием пользовалась украинская униатская церковь, местное население оказывало поддержку Организации украинских националистов, возглавлявшейся людьми Бандеры. По нашим данным, Организация украинских националистов (ОУН) действовала весьма активно и располагала значительными силами. Кроме того, она обладала богатым опытом многолетней подпольной деятельности… Служба контрразведки украинских националистов сумела довольно быстро выследить некоторые явочные квартиры НКВД во Львове. Метод их слежки был крайне прост: они начинали ее возле здания горотдела НКВД и сопровождали каждого, кто выходил оттуда в штатском и… в сапогах, что выдавало в нем военного. Украинские чекисты, скрывая под пальто форму, забывали такой „пустяк“, как обувь. Они, видимо, не учли, что на Западной Украине сапоги носили одни военные. Впрочем, откуда им было об этом знать, когда в советской части Украины сапоги носили все, поскольку другой обуви просто нельзя было достать.

Пакт Молотова – Риббентропа положил конец планам украинских националистов по созданию независимой республики Карпатской Украины, планам, активно поддерживаемым в 1938 г. Англией и Францией. Эта идея была торпедирована Бенешем, который согласился со Сталиным в том, что Карпатская Украина, включавшая также часть территории, принадлежавшей Чехословакии, будет целиком передана Советскому Союзу. Коновалец, единственный украинский лидер, имевший доступ к Гитлеру и Герингу, был, как известно, ликвидирован в 1938 г. (когда-то он служил полковником в австрийской армии и пользовался в кругах немецких „наци“ некоторым уважением). Другие националистические лидеры на Украине не имели столь высоких связей с немцами – в основном это были оперативники из абвера или гестапо, и британские или французские власти не придавали этим людям сколько-нибудь серьезного значения и не делали на них ставки, когда разразилась война».

В то время когда германские ударные группировки обходили и громили по частям польские войска, оперативники Иностранного отдела во Франции искали выход из весьма непростой ситуации.

«Мы, – вспоминал П. А. Судоплатов, – проинструктировали нашего резидента в Париже Василевского (кодовое имя Тарасов), работавшего генеральным консулом, сделать все возможное, чтобы обеспечить Тома (так Эйтингон проходил по оперативной

переписке) соответствующими документами для поездки в Америку. Василевскому потребовался почти месяц, чтобы выполнить это задание. Пока суд да дело, он поместил Эйтингона в психиатрическую больницу, главным врачом которой был русский эмигрант. По моему указанию Василевский использовал связи <…> чтобы раздобыть Тому поддельный французский вид на жительство. Теперь Том стал сирийским евреем, страдающим психическим расстройством. Естественно, он был непригоден к военной службе, а документ давал ему возможность находиться во Франции и мог быть использован для получения заграничного паспорта. Василевский был уверен, что паспорт подлинный (французский чиновник получил соответствующую взятку), но все же оставалась проблема получения американской визы.

Наша единственная связь с американским консульством осуществлялась через респектабельного бизнесмена из Швейцарии – в действительности это был наш нелегал Штейнберг. Однако тут возникла дополнительная трудность. Он отказался возвращаться в Москву, куда его отзывали в 1938 г. В письме он заявлял о своей преданности, но говорил, что боится чистки в НКВД. Василевский послал для встречи с ним в Лозанне офицера-связника, нашего нелегала Тахчианова. Его подстраховывал другой нелегал, Алахвердов. Во время встречи Штейнберг готов был застрелить связника, боясь, что это убийца. В конце концов он согласился устроить визу для сирийского еврея, он не узнал Эйтингона на фотографии в паспорте – тот отрастил усы и изменил прическу. Через неделю Штейнберг достал визу, и наш посланец вернулся с ней в Париж.

Эйтингон прибыл в Нью-Йорк в октябре 1939 г. и основал в Бруклине импортно-экспортную фирму, которую мы использовали как свой центр связи. И самое важное: эта фирма предоставила „крышу“ Рамону Меркадеру, обосновавшемуся в Мексике с поддельным канадским паспортом на имя Фрэнка Джексона. Теперь он мог совершать частые поездки в Нью-Йорк для встреч с Эйтингоном, который снабжал его деньгами.

Постепенно в Мексике нашлось прикрытие и для группы Сикейроса. У нас было два нелегала-радиста, но, к несчастью, радиосвязь была неэффективной из-за плохого качества оборудования. Эйтингоном были разработаны варианты проникновения на виллу Троцкого в Койякане, пригороде Мехико. Владелец виллы, мексиканский живописец Диего Ривера, сдал ее Троцкому. Группа Сикейроса планировала взять здание штурмом, в то время как главной целью Рамона, не имевшего понятия о существовании группы Сикейроса, было использование своего любовного романа с Сильвией Агелоф, для того чтобы

подружиться с окружением Троцкого.

Группа Сикейроса имела план комнат виллы Троцкого, тайно переправленный Марией де Лас Эрас, до того как ее отозвали в Москву. Она дала характеристику телохранителей Троцкого, а также детальный анализ деятельности его небольшого секретариата. Эта весьма важная информация была отправлена мною Эйтингону.

И. Р. Григулевич, разведчик нелегал

В конце 1939 г. Берия предложил усилить сеть наших нелегалов в Мексике. Он привел меня на явочную квартиру и познакомил с [И. Р.] Григулевичем (кодовое имя Юзик), приехавшим в Москву после работы нелегалом в Западной Европе. Он был известен в троцкистских кругах своей политической нейтральностью. Никто не подозревал его в попытке внедриться в их организацию. Его присутствие в Латинской Америке было вполне естественным, поскольку отец Григулевича владел в Аргентине большой аптекой». Осенью 1939 г. в среде украинских националистов наметился раскол, связанный с борьбой за власть между «стариками», лидером которых был А. Мельник, и «молодежью» во главе с С. Бандерой,

освобожденным немцами из польской тюрьмы. Основной идеей Бандеры была национальная революция на Украине как средство для достижения независимости. А для достижения этой цели, по мнению «молодежи», любые средства были хороши. Дескать, в борьбе за независимость не следует обращать внимание ни на международную обстановку, ни на собственные потери. Они хотели получить власть на Украине путем уничтожения всех несогласных в духе идеологии Д. Донцова.

В начале 1940 г. состоялась встреча С. Бандеры и А. Мельника, но она оказалась безрезультатной. Группировка Бандеры собрала в Кракове свой съезд, на котором оуновская «молодежь» решила не подчиняться старому руководству организацией. 10 февраля 1940 г. ими был сформирован так называемый Революционный провод ОУН (РП ОУН) под руководством С. Бандеры. В результате Организация украинских националистов разделилась на два крыла: мельниковскую ОУН (м) и бандеровскую ОУН (б). Манифест ОУН (б) своим главным врагом провозглашал СССР. Программа бандеровцев призывала все народы присоединиться к украинцам с целью развала «москальской тюрьмы народов».

Германское военно-политическое руководство относилось к действиям оуновцев с настороженностью, поскольку вопрос об агрессии Германии против СССР еще не был окончательно решен. 25 октября 1939 г. гестапо получило приказ об учете всех украинцев, также был наложен запрет на любые враждебные высказывания в адрес Советского Союза. Время активного противостояния еще не пришло, и германское командование придерживалось позиции «сохранения лица». Украинские представительства в Берлине и Вене вели учет украинских эмигрантов и направляли их на работу. Легион Сушко переформировал и в «Индустриальную охрану» (*Werkschutz*), предназначенную для несения караульной службы на промышленных объектах в Генерал-губернаторстве, как стала называться Польша в зоне немецкой оккупации. «Индустриальная охрана», численность которой составляла несколько тысяч человек, рассматривалась руководством ОУН (м) как основа для развертывания будущих украинских воинских подразделений. Личный ее состав носил зеленую униформу австрийской полиции.

После установления общей границы Германии и СССР гитлеровцы приступили к реорганизации разведывательной деятельности против СССР. Наиболее интенсивную работу против нашей страны вели абверштелле (АСТ) «Вена», «Кёнигсберг», «Краков» и КО «Финляндия». В октябре В. Канарис посещает

Варшаву, где затем организуется местное отделение абвера – абвернебенштелле (АНСТ) «Варшава», первоначально подчиненное АСТ «Кёнигсберг». Одновременно создается АСТ «Краков», которому были подчинены АНСТ «Люблин» и «Радом». В декабре 1939 г. АНСТ «Варшава» переподчиняется АСТ «Краков».

У АСТ «Кёнигсберг» основными объектами разведывательной деятельности были Литва, Латвия и Белоруссия. В его составе имелись три отдела: разведывательный, контрразведывательный и диверсионный. В приграничной полосе АСТ «Кёнигсберг» имел передовые разведывательные пункты (мельдекопфы) в Мемеле (Клайпеда) и Штейнлуппене.

АСТ «Краков» специализировался на Украине и Белоруссии и имел в своем составе два отдела: разведывательный и диверсионный. К началу 1940 г. у АСТ «Краков» были мельдекопфы в Белзеце, Грубешове и Томашеве; организация отвечала за работу с украинскими националистами. АНСТ «Варшава» имела мельдекопфы в Бяла-Подляске, Влодаве и Тересполе.

КО «Финляндия», более известная по фамилии своего начальника как Бюро А. Целлариуса, отвечала за разведку и диверсии в Мурманской и Ленинградской областях, в Карелии и Эстонии. Именно эта военная организация абвера первой получила сведения о боевых возможностях советских разведывательных, диверсионных и пограничных подразделений в условиях советско-финляндской «незнаменитой войны» зимы 1939–1940 гг.

Поскольку правительство Финляндии отказалось от подписания договора с СССР по типу договоров с прибалтийскими странами, подготовка к «освободительной» войне с Финляндией в Советском Союзе вступила в завершающую стадию. Не последнюю роль в окончательном решении руководства ВКП (б) начать очередной «освободительный поход» сыграли победа советских войск на реке Халхин-Гол в сентябре 1939 г. и быстрый разгром польской армии. Тем более что войска Красной армии имели многократное численное превосходство над противником: в людях – в 1,7 раза, в артиллерии – в 3 раза, в авиации – в 10 раз, в танках – в 80 раз.

В свою очередь финское командование готовилось компенсировать подавляющее численное превосходство русских высокой боевой выучкой своих военнослужащих, их стойкостью и умением вести бой в сильнопересеченной местности в зимних условиях. На Карельском перешейке финское командование планировало вести жесткую оборону, опираясь на укрепления «линии Маннергейма». Предполье между государственной

границей и главной оборонительной линией составляло от 12 километров в восточной части Карельского перешейка до 65 километров в его западной части. По плану обороны в предполье должны были действовать небольшие финские разведывательно-диверсионные группы (РДГ).

Севернее Ладожского озера финны планировали вести маневренную оборону. Здесь их расчеты строились не только на нанесении местных контрударов по прорвавшимся советским частям, но и на действиях на флангах и в тылу частей Красной армии. Силы прикрытия на этом направлении состояли из частей пограничной охраны, нескольких батальонов егерей, отдельных кавалерийских отрядов и частей местной самообороны (шюцкор). Хорошее знание местности, прекрасная лыжная и стрелковая подготовка, а также правильно выбранная тактика позволили финским войскам на этом направлении перехватить инициативу у советских войск и на некоторых участках удерживать ее вплоть до конца войны.

Уже во второй половине октября 1939 г. финские войска были частично отмобилизованы, при этом КП Финляндии никакого противодействия при мобилизации не оказала.

Один из руководителей КП Финляндии, А. Туоминен, 26 октября сообщал в Исполком Коминтерна О. Куусинену:

«Когда началась всеобщая мобилизация, от наших людей со всех сторон посыпались вопросы: нас призывают, мы не окажем сопротивления? <…>

Согласно ранее согласованной линии наши руководители на местах издали директиву: никаких таких выступлений, которые дали бы повод охранке и военным чинам отправить нас и всех наших сторонников в концлагеря и таким образом изолировать от масс. <…>

Правительство с его охранкой не смогли нанести по нам удар в связи с мобилизацией. Они перешли в наступление после ее проведения. Всюду были осуществлены аресты. <…>

Аресты причинили большой ущерб нашей работе, но все же наша организация избежала уничтожения, которое было бы возможно, если бы был отдан приказ о проведении публичной демонстрации протеста».[131]

Впоследствии выяснилось, что деятельность КП Финляндии была практически полностью парализована финской полицией и военной контрразведкой, и реальной поддержки Красной армии она не оказала. Зато активную помощь в организации секретных служб оказывали немецкие специалисты из аналогичных служб Третьего рейха, в первую очередь абверовцы из КО «Финляндия». С разведкой Германии многие финские офицеры сотрудничали с

1914 г., когда в составе кайзеровской армии воевали против Российской империи. Кроме того, ряд финских коммунистов после начала войны вышли из партии и перешли к социал-демократам, были среди них и такие, кто перешел на сторону правительства и даже воевал против СССР.

Начавшаяся 30 ноября 1939 г. советско-финляндская война потребовала активной работы в тылу противника военной разведки Красной армии. На практике эта заранее спланированная работа обернулась почти полным провалом. На совещании начальствующего состава РККА, прошедшем 14–17 апреля 1940 г. в ЦК ВКП (б), начальник Разведупра И. И. Проскуров, в частности, говорил:

«Разведотдел допустил большую ошибку. Рассчитывали, что движение войск будет похоже на то, которое было во время западной кампании, и посылали туда агентов, давали явку не на нашу территорию, а на пункты, находящиеся на территории противника. Через 10 дней, мол, придем в такой-то пункт, и доложишь материал. А выхода наших частей в эти пункты не состоялось».[132]

Помощь со стороны Коминтерна военной разведке была совсем не той, какой могла бы быть. В первую очередь это объясняется разгромом сетей Военной организации КП Финляндии. А кадры, способные эти сети восстановить, были к тому времени практически полностью уничтожены в результате «партийных войн». За несколькими исключениями разведгруппы создавали в экстренном порядке и забрасывали на территорию противника без соответствующей подготовки и обеспечения, поэтому большинство из них выполнить задания не смогли, а многие погибли. После окончания войны во время опросов работниками НКВД военнопленных красноармейцев выяснилось, что они встречали в плену от 20 до 25 советских разведчиков, одетых в финскую военную форму.

Штатные подразделения армейской разведки использовались командованием дивизий и полков в основном не по назначению. «Отдельный разведывательный батальон, – говорилось в одном из донесений, – имелся по штатам в каждой дивизии. Во время военных действий эти батальоны были такими же батальонами, как и прочие. Они ставились на фланги, затыкали ими дыры, и т. п. Разведывательные роты в полках, как правило, не использовались. И самое тяжелое положение, которое мы имеем, это то, что нет подготовленных кадров разведчиков».

Конечно, подготовленные кадры в Разведупре были, но они так же, как и их коллеги из Коминтерна и ИНО НКВД, «сгорели» в пламени «партийных войн» 1930-х гг. Кроме того, с началом

войны РУ Ленинградского военного округа со всем личным составом было передано в 7-ю армию. Все остальные армии не получили из округа никого и, по свидетельству И. И. Проскурова, стали набирать в свои разведотделы «кого попало». При этом подготовленных командиров разведки в штабах армий было всего по 1–2 человека. По этой причине некоторые армии налаживали работу разведки в течение двух месяцев. Кстати говоря, справедливый и честный анализ допущенных недостатках будет стоить Проскурову вначале поста, а в последующем и жизни.

Полностью провалились и военно-политические мероприятия по созданию «народного правительства» и «народной армии» Финляндии. Как следовало из заявления ТАСС, вечером 1 декабря 1939 г. в городе Териоки (ныне г. Зеленогорск Ленинград ской обл.) восставшие солдаты финской армии и члены левых партий Финляндии провозгласили создание Финляндской Демократической Республики (ФДР). Они же сформировали Народное правительство (НП), главой которого стал член Президиума и Секретариата ИККИ Отто Куусинен, министром обороны – Аксел Анттила, а министром внутренних дел – Тууре Лехен. 2 декабря правительства СССР и ФДР заключили Договор о взаимопомощи и дружбе между Советским Союзом и Финляндской Демократической Республикой.

С этого момента политические установки Коминтерна были направлены на организацию поддержки НП ФДР со стороны европейских компартий и недопущение оказания помощи Финляндии со стороны Англии и Франции. Но реализовать эти установки европейским компартиям на практике не удалось, и Советский Союз как страна-агрессор был исключен из Лиги Наций.

Не была доведена до конца и попытка создания Финляндской народной армии (ФНА). 23 ноября 1939 г. в Петрозаводске началось формирование особого горнострелкового корпуса, позже переименованного в 1-й горнострелковый корпус ФНА. Набор личного состава (призывников и резервистов до 40 лет) осуществлялся в Карельской АССР и Ленинградской области. Командиром корпуса, затем командующим ФНА стал комдив А. Анттила, бывший помощник начальника штаба Карельской егерской бригады. Финнов, карелов и ингерманландцев для укомплектования частей не хватало, поэтому в корпусе служили и люди других национальностей, которым для маскировки давали финские фамилии. Некоторые части ФНА участвовали в локальных боях, но ни военной, ни политической (парад в Хельсинки) задач Народная армия не выполнила и весной 1940 г. была расформирована.

К началу войны с Советским Союзом финская разведка располагала подготовленным кадровым аппаратом, способным решать сложные задачи. Кроме того, в течение нескольких лет активно готовились резервисты для работы с карелами и ингерманландцами. На специальных курсах военной разведки обучались активисты Карельского академического общества. Летом 1939 г. для разведки были определены три уровня задач: в мирное время, в кризисный период и в условиях войны. Основными направлениями разведдеятельности были: на Карельском перешейке в глубину до Ленинграда, в Карелии и на Кольском полуострове – до Мурманской железной дороги. В период с 10 июня по 17 ноября 1939 г. рованиемским разведотделением было направлено в Мурманскую область и Карельскую АССР 18 разведгрупп, которые провели там в общей сложности 126 дней. А последняя разведгруппа из состава сортавальского разведотделения с боем прорвалась в Финляндию 28 ноября.

14 октября 1939 г. в Генштабе на базе Иностранного отдела создается Управление военной разведки и призываются резервисты. В этом же месяце финская радиоразведка получила первые данные о подготовке СССР к нападению на Финляндию. 9 ноября оперативный отдел Генштаба поставил перед агентурной разведкой специальную задачу: в случае начала военных действий развернуть диверсионную деятельность в Восточной Карелии. В качестве первоочередных объектов диверсий были определены электростанции, крупные предприятия промышленности и связи, продовольственные склады, южная часть Мурманской железной дороги. Также было принято решение о создании партизанского (разведывательно-диверсионного) батальона, состоящего из жителей Восточной Карелии и Ингерманландии, эмигрировавших в Финляндию после Гражданской войны.

Стратегия и тактика действий финских войск при отходе к «линии Маннергейма» были очень похожи на те, которые планировали применить в случае агрессии репрессированные советские военачальники. Во-первых, финны первыми во Второй мировой войне использовали тактику «выжженной земли»: все гражданское население с оставляемой территории эвакуировалось, а дома и постройки сжигались, чтобы в них не могли разместиться советские войска. Во-вторых, противник с первых дней боев широко применял мины и мины-ловушки. Командующий Ленинградским военным округом К. А. Мерецков впоследствии отмечал:

«Отступая, финны эвакуировали все мирное население,

перебили или угнали домашний скот и опустошили оставляемые места. То тут, то там валялись в селениях и на дорогах брошенные как бы впопыхах велосипеды, чемоданы, патефоны, часы, бумажники, портсигары, радиоприемники. Стоило слегка сдвинуть предмет с места, как раздавался взрыв. Но и там, где, казалось, ничего не было, идти было опасно. Лестницы и пороги домов, колодцы, пни, корни деревьев, лесные просеки и опушки, обочины дорог буквально были усеяны минами. Армия несла потери. Бойцы боялись идти вперед… Между тем никакими эффективными средствами против них мы не располагали и к преодолению подобных заграждений оказались неподготовленными».

К разминированию и созданию средств обнаружения мин были привлечены немногие выжившие советские диверсанты.

«Финны, – впоследствии вспоминал И. Г. Старинов, – не жалели мин. Некоторые из их минных устройств оказались довольно хитроумными. Мы сразу столкнулись с минами-сюрпризами самых различных видов, с противопехотными минами, с неизвестной нам металлической противотанковой миной, которая, впрочем, взрывалась иногда и от тяжести человека. <…>

Но пока инструкция дойдет до войск! Пока бойцы изучат ее! А мины всюду: на дорогах, на мостах, железнодорожных путях, покинутых домиках. Мины таятся под снегом, прячутся под кучами хвороста, под небрежно брошенными на обочине дорог досками, под колесами оставленных повозок, даже под трупами убитых вражеских солдат…»

Лишение красноармейцев мест для ночлега в тепле и минная война были первыми этапами финской маневренной оборонительной стратегии. Затем в дело вступили финские разведывательно-диверсионные группы. Эти группы действовали в тылу советских войск очень эффективно: сказалась заблаговременная политическая, психологическая, организационная, специальная военная подготовка, прекрасное знание предстоящего театра военных действий, готовность к применению требуемых тактических приемов.

«В первой половине декабря 1939 г. на участке Карельского пограничного округа, – отмечается в современном труде по истории пограничных войск России, – развернулись ожесточенные бои. <…> Здесь диверсионные группы и отряды финнов не только нападали на тыловые учреждения действующей армии, но и нарушали государственную границу, совершали налеты на пограничные подразделения, пытались вести разведку нашей территории и т. п. <…>

Особенно активизировалась деятельность отрядов и групп противника, пытавшихся прорваться через линию государственной границы в целях совершения диверсий в январе 1940 г. В этот период на участках всех пограничных отрядов северозападной границы значительно увеличилось количество случаев ее перехода подразделениями противника (включительно до роты) для совершения диверсий на нашей территории, уничтожения пограничных подразделений, выполнения разведывательных задач. Отмечались также случаи проникновения в наш тыл на глубину до 10 километров мелких групп в целях разведки, минирования дорог и лыжных троп, разбрасывания антисоветских листовок, нарушения телефонной связи».[133]

Бои на коротких дистанциях между финскими РДГ и красноармейцами наглядно продемонстрировали возможности компактного автоматического оружия, которого бойцам РККА и пограничникам НКВД, особенно разведчикам и диверсантам, остро не хватало.

«Еще в начале тридцатых годов, – вспоминал маршал артиллерии Н. Н. Воронов, – нами был приобретен образец автомата „Суоми“ и даже испытан комиссией специалистов по пехотному оружию. Комиссия вынесла решение: это – полицейское оружие, для боевых действий войск не пригодное. Конструирование и производство подобных автоматов сочтено было делом лишним… Теперь, столкнувшись с широким применением автоматов в финской армии, мы горько сожалели об этих просчетах.

Недооценка автомата объяснялась тем, что наши общевойсковые командиры слепо верили в силу одиночного винтовочного огня и боялись большого расхода боеприпасов. Многие говорили, что красноармейцу нельзя давать автоматическую винтовку, иначе патронов для нее не напасешься. Идеальной считалась винтовка системы Мосина со скользящим затвором для ручного перезаряжания после каждого выстрела. Надеялись на ручные и станковые пулеметы, которые имели хорошие баллистические качества, но излишне большой вес.

Теперь, уже во время боевых действий, началось лихорадочное конструирование и производство советских автоматов».

В условиях дефицита пистолетов-пулеметов Дегтярева (ППД) были извлечены со складов и поставлены на вооружение автоматы Федорова. Советские разведчики и диверсанты использовали и трофейные пистолеты-пулеметы «суоми», и пистолеты системы «маузер». Соответствующие зимнее

обмундирование и снаряжение (особенно маскхалаты и лыжи) появились у наших войск также с большим опозданием.

Эффективность обычных стрелковых подразделений РККА в борьбе с финскими диверсантами была крайне низкой: иногда при уничтожении только одного снайпера погибало до взвода пехоты. Понеся значительные потери (от 1: 3 до 1: 10) и осознав порочность подобной тактики, самодовольно-ограниченное – «дикорастущее» после тотальных чисток – командование Красной армии стало создавать мобильные оперативные (лыжные) отряды из добровольцев. В них набирали пограничников, спортсменов и чудом избежавших репрессий специалистов по ведению «малой войны».

Одним из таких специалистов был С. А. Ваупшасов, который впоследствии писал:

«Война была недолгой, но тяжелой и кровопролитной. Географические условия действовали на наших бойцов и командиров изматывающе… Противник лучше был подготовлен к боям в этой климатической обстановке. Он оборонялся на заранее подготовленной, глубоко эшелонированной укрепленной линии со множеством долговременных огневых точек, сооруженных из железобетона и увенчанных броневыми колпаками… Он был в хорошей спортивной форме, предельно натренирован и фанатичен. <…>

Умный и коварный противник оставлял на занятой нами земле многочисленные подразделения стрелков и автоматчиков, целые лыжные батальоны с задачей дезорганизовать функционирование войсковых тылов, рвать коммуникации, нападать на госпитали, штабы, склады. Легкие, подвижные группы шюцкоровцев были мастерами такой вот „малой войны“ и доставляли нашему командованию много хлопот».[134]

Большие потери в личном составе советские войска понесли и от огня снайперов, прозванных нашими солдатами «кукушками». Всего в финской армии насчитывалось около двухсот стрелков, имевших винтовки с оптическим прицелом. Интересным фактом явилось то, что из них мало кто погиб и никто (!) не был взят в плен. Финские снайперы тактически грамотно и инициативно действовали в одиночку на заранее подготовленных позициях либо в составе небольших мобильных диверсионных групп. По уровню индивидуальной подготовки и они, и финские егеря являлись едва ли не лучшими специалистами своего времени.

Финские диверсионные группы численностью до сорока человек комплектовались из наиболее опытных солдат, имеющих отличную стрелковую и лыжную подготовку. Объектами нападения диверсантов были обозы, автоколонны с грузами,

отдельные автомашины, войсковые части на марше, штабы, линии связи, мосты. Диверсанты умело использовали условия местности и, прибегая к тактике внезапных ударов из засад с последующим быстрым отходом, наносили советским войскам значительные потери. Основной тактический прием финских диверсионных групп – «пластичный контакт» был отработан до совершенства.

Снайперы и диверсанты в первую очередь имели задачу выводить из строя командный состав Красной армии.

«Наши командиры и политработники, – вспоминал тот же Ваупшасов, – очень скоро перестали носить далеко видные знаки различия, но „кукушки“ все же ухитрялись узнавать начальников по кобуре пистолета, портупее, командирским полушубкам и стреляли без промаха».

Случалось, что в засаду попадал и старший командный состав Красной армии. Так, на Карельском перешейке 6 декабря 1939 г. в засаде оказалась 6-я рота 168-го полка 24-й стрелковой дивизии. В бою с финскими диверсантами был убит командир этой дивизии комбриг П. Е. Вещев. В Заполярье 28 декабря 1939 г. финскими диверсантами была уничтожена ехавшая без охраны штабная автомашина, в результате чего погибли начальник автобронетанкового управления 14-й армии полковник А. В. Ворсин и воентехник 2-го ранга З. Д. Левинзон. А по воспоминаниям ветеранов 163-й стрелковой дивизии, воевавших на Ухтинском направлении, в одну из финских засад попал даже Л. З. Мехлис! Только благодаря умелым действиям охраны нападение было отбито, и начальник Главного политического управления РККА остался жив.

Наиболее серьезные потери финские диверсанты несли при налетах на посты советских пограничников, которые в силу специфики своей деятельности и организации были всегда начеку и должным образом несли караульную службу.

После «незнаменитой войны» возникла долгоживущая легенда, что финские снайперы обычно занимали позиции на деревьях – потому и назывались «кукушками». Эта легенда не соответствует действительности. В воспоминаниях участников боевых действий, с которыми нам удалось ознакомиться в ходе работы над книгой, имеется множество упоминаний о стрелках, ведущих прицельный огонь с деревьев, но не из снайперских винтовок, а из ручных пулеметов или пистолетов-пулеметов. В действительности финские снайперы часто использовали прием маскировки, названный впоследствии «финским сугробом».

Участник боев в Финляндии Герой Советского Союза лейтенант Н. Толмачев так писал об этой тактике:

«Любопытно, что и после того, как фланги наших соединений и частей сошлись вплотную, все же наблюдалось, хотя и не в такой степени, просачивание мелких снайперских групп белофиннов в наши тылы. Где они могли проходить, оставалось неизвестным до тех пор, пока мы не обнаружили под снегом норы, в которые при подходе наших частей зарывались белофинские снайперы. Они сидели там, пока наши части не продвигались вперед, а потом открывали огонь с тыла».

На вооружении финнов находились модернизированные под русский патрон 7,62 × 54R в 1927 г. и позднее винтовки Мосина («М-27» – «М-39»). Оптические прицелы типа CIGEE (Берлин) устанавливались над стволом слева, что позволяло заряжать винтовку из обоймы. Рукоятка затвора у всех снайперских винтовок была отогнутой, на прикладе имелась деревянная двусторонняя «щека».

Противопоставить убийственному огню финских стрелков, многие из которых имели к концу войны на своем счету от ста до пятисот снайперских побед, солдаты Красной армии первоначально ничего не могли. Выступая в апреле 1940 г. на указанном совещании в ЦК ВКП (б), армейский комиссар 2-го ранга, член Военного совета 13-й армии Запорожец сказал: «Возьмите такой вопрос, как снайперы. Что мы видим? Финны прекрасно стреляли, а наших снайперов не было. И поэтому нам приходилось по указанию Ставки, по указанию Военного совета фронта в процессе войны обучать по 8–9 снайперов в роте. Спрашивается, куда девалась большая масса снайперов, которых мы раньше готовили?»

После понесенных потерь в тактическом и оперативном звене РККА началось тщательное изучение тактики противника. Изобретенные финскими снайперами тактические приемы («финский сугроб», «тюлевый эффект», заглушающий выстрел пиропатрон) позднее вошли в арсенал советских снайперов. К сожалению, опыт финляндской войны адекватно оценил только тот командный состав, который испытал все «прелести» убийственной егерской тактики на себе. Однако специальные подразделения егерского типа, способные действовать в особых климатическо-географических условиях, в составе Красной армии созданы так и не были. Что поделать – Россия…

Активные действия финских разведывательно-диверсионных групп вызвали серьезную озабоченность командования РККА. Но решительные меры противодействия стали приниматься только через месяц после начала войны. 26 декабря 1939 г. была принята совместная директива НКО и НКВД СССР «О создании полков НКВД для охраны тыла Красной Армии». На основании этого

документа было сформировано 7 полков (по 1500 человек в каждом) из внутренних и пограничных войск. Полки НКВД прикрыли коммуникации всех действующих армий, начиная с Карельского перешейка и вплоть до Заполярья. Для подготовки пополнения был также сформирован запасной (8-й) полк НКВД, который находился в Петрозаводске.

Борьбу с разведывательно-диверсионными группами противника вели не только войска НКВД по охране тыла действующей армии, но и оперативно-разведывательные группы пограничников и погранзаставы. Некоторые пограничные отряды почти целиком участвовали в борьбе против диверсантов в составе отдельных оперативно-разведывательных групп и нарядов численностью от 6 до 70 человек. В январе 1940 г. для усиления охраны и обороны государственной границы было сформировано 111 взводов станковых пулеметов и 12 отдельных пограничных батальонов общей численностью 11 631 человек. Одним из таких батальонов и командовал уже сформировавшийся специалист диверсионно-разведывательной деятельности С. А. Ваупшасов.

Между тем сильнопересеченная местность театра военных действий, холодная и снежная зима, слаборазвитая сеть дорог требовали от командования Красной армии использования специальных лыжных отрядов для ведения боевых и разведывательно-диверсионных действий в тылу противника. Формирование лыжных добровольческих частей началось в конце декабря 1939 г. К началу февраля 1940 г. в действующей армии находилось около пятидесяти лыжных отрядов численностью от роты до батальона, еще столько же дислоцировались в пунктах сосредоточения или учебных центрах. Однако их поверхностная подготовка по ускоренной программе, на которую отводилось не более десяти дней, оставляла желать лучшего. Успешно действовать во вражеском тылу лыжные батальоны с плохо подготовленным личным составом оказались не в состоянии. Так, в начале 1940 г. финнами был полностью разгромлен 17-й (Ивановский) отдельный лыжный батальон, сражавшийся на Ребольском направлении в районе населенного пункта Хильки-3. Поэтому армейское командование было вынуждено использовать большинство добровольческих лыжных отрядов в качестве обычных стрелковых частей. Исключение составляли Особый лыжный отряд V (Разведывательного) управления РККА и 7-й отдельный лыжный полк Финской народной армии.

Командиром Особого (диверсионного) лыжного отряда был начальник спецотдела «А» (активная разведка), участник войны в Испании полковник Х.-У. Д. Мамсуров. Но даже и этот диверсионный отряд был очень далек от профессионального

совершенства.

«Я, – докладывал Мамсуров на совещании в ЦК ВКП (б) о своем отряде, – имел человек 10 лейтенантов из Тамбовского училища. Должен сказать, что эти люди не были командирами. Они даже бойцами не могли быть. <…> Хотя они были хорошо вымуштрованы, добровольцам – ленинградским физкультурникам – далеко было до них, но в боевой обстановке они даже не знали хорошо компаса, не знали карты. В бою они боялись, а в тылу были хорошими командирами… Послали группу в 50 человек восточнее Кухмониеми на помощь 54-й дивизии. Эта группа в 50 человек погибла, причем должен сказать, что эта группа была целиком из красноармейцев».[135]

Особый лыжный отряд дислоцировался в девяти километрах от границы в поселке Бабья Губа, население которого было эвакуировано в начале войны.

Отряд оперировал на удалении 40—120 километров от линии государственной границы, в полосе между Ребольским и Ухтинским направлениями. Отдельные группы отряда действовали в тылах 25, 27 и 65-го пехотных полков и 9-го артиллерийского полка финнов. Действия отряда носили характер налетов на небольшие воинские подразделения, штабы, узлы связи, батареи, а также засад на дорогах с целью уничтожения автомашин, офицерского состава и захвата оперативных документов. Весь отряд Мамсурова (около 300 человек) был обмундирован в форму финской армии, что являлось явным нарушением Конвенции о правилах ведения сухопутной войны. Одетых таким образом диверсантов финны в плен обычно не брали.

Наряду с отрядом Мамсурова в финском тылу на Ухтинском направлении действовал 7-й отдельный лыжный полк Финской народной армии под командованием известного чекиста И. М. Петрова (Тойво Вяхя). Однако, несмотря на определенные успехи отдельных разведывательно-диверсионных (в первую очередь пограничных) отрядов, цельной системы в силовых структурах Советского Союза, способной решать не только тактические, но хотя бы оперативные задачи, в начале 1940 г. уже не было. Приходилось пожинать плоды убогой самодостаточности и поистине чудовищной репрессивной кровожадности в своих собственных рядах.

Во время советско-финляндской войны КО «Финляндия» совместно с финской разведкой вела активную разведывательную деятельность за линией фронта. Особо ценную разведывательную информацию абверу удалось получить с помощью групп финских дальних патрулей: группа Куисманена – район Колы, группа

Марттина – район Куму и группа Паатсало из Лапландии.

…А тем временем операция «Утка» продолжалась.

«Григулевич, – вспоминал П. А. Судоплатов, – прибыл в Мексику в апреле 1940 г. и по указанию Эйтингона создал третью, резервную, сеть нелегалов для проведения операций в Мексике и Калифорнии. Он сотрудничал с группой Сикейроса. Григулевичу удалось подружиться с одним из телохранителей Троцкого, Шелдоном Хартом. Когда Харт 23 мая 1940 г. находился на дежурстве, в предрассветные часы в ворота виллы постучал Григулевич. Харт допустил непростительную ошибку – он приоткрыл ворота, и группа Сикейроса ворвалась в резиденцию Троцкого. Они изрешетили автоматными очередями комнату, где находился Троцкий. Но, поскольку они стреляли через закрытую дверь и результаты обстрела не были проверены, Троцкий, спрятавшийся под кроватью, остался жив.

Харт был ликвидирован, поскольку знал Григулевича и мог нас выдать. Инцидент закончился арестом лишь Сикейроса, что дало хорошее прикрытие для продолжения действий Григулевича и Меркадера, все еще не знавших о существовании друг друга.

Покушение сорвалось из-за того, что группа захвата не была профессионально подготовлена для конкретной акции. Эйтингон по соображениям конспирации не принимал участия в этом нападении. Он бы наверняка скорректировал действия нападавших. В группе Сикейроса не было никого, кто имел бы опыт обысков и проверок помещений или домов. Членами этой группы были крестьяне и шахтеры с элементарной подготовкой ведения партизанской войны и диверсий.

Эйтингон передал по радио кодированное сообщение о провале операции. Сообщение поступило к нам с некоторым опозданием, потому что оно шло через советское судно, находившееся в Нью-Йоркской гавани, оттуда шифрограмма по радио ушла в Париж к Василевскому. Он передал ее в Москву, но не придал сообщению особого значения, поскольку не знал шифра. В результате Берия и Сталин узнали о неудавшемся покушении из сообщения ТАСС. Не помню точной даты, очевидно, это было майским воскресеньем 1940 г. Меня вызвали на дачу к Берии – за мной прислали его машину. <…>

Берия <…> был взбешен. Глядя на меня в упор, он начал спрашивать о составе одобренной мною в Париже группы и о плане уничтожения Троцкого. Я ответил, что профессиональный уровень группы Сикейроса низок, но это люди, преданные нашему делу и готовые пожертвовать ради него своими жизнями. Я ожидаю подробного отчета из Мексики по радиоканалам через день-два. После нашего разговора мы вернулись в столовую, и

Берия приказал мне немедля возвращаться на работу и информировать его сразу же, как только я узнаю о дальнейших событиях.

Через два дня я получил из Парижа краткий отчет Эйтингона и доложил Берии. Эйтингон сообщал, что он готов, при одобрении Центра, приступить к осуществлению альтернативного плана – использовать для ликвидации Троцкого основного из наших агентов-„аутсайдеров“ – Меркадера. Для выполнения этого плана необходимо было отказаться от использования Меркадера как нашего агента в окружении Троцкого и не внедрять новых: арест агента, пытавшегося убить Троцкого, мог означать провал всей агентурной сети, связанной непосредственно с Троцким и его окружением. Я почувствовал, что подобное решение ни я, ни Эйтингон не могли принять самостоятельно. Оно могло быть принято только Берией и Сталиным. Внедрение агентов в троцкистские группы за рубежом являлось одним из важных приоритетов в работе советской разведки в 1930—1940-х гг. Как можно было иначе получить информацию о том, что будет происходить в троцкистских кругах после убийства Троцкого? <…>

Ныне в угоду политической конъюнктуре деятельность Троцкого и его сторонников за границей в 1930—1940-х гг. сводят лишь к пропагандистской работе. Но это не так. Троцкисты действовали активно: организовали, используя поддержку лиц, связанных с абвером, мятеж против республиканского правительства в Барселоне в 1937 г. Из троцкистских кругов в спецслужбы Франции и Германии шли „наводящие“ материалы о действиях компартий в поддержку Советского Союза. О связях с абвером лидеров троцкистского мятежа в Барселоне в 1937 г. сообщил нам Шульце-Бойзен, ставший позднее одним из руководителей нашей подпольной группы „Красная капелла“. <…>

О других примерах использования абвером связей троцкистов для розыска скрывавшихся в 1941 г. в подполье руководителей компартии Франции докладывал наш резидент в Париже Василевский, назначенный в 1940 г. уполномоченным исполкома Коминтерна.

Я изложил все это Берии. Сначала он никак не прореагировал. Я вернулся к себе в кабинет и стал ждать. <…>

На этот раз мы поехали к Сталину на ближнюю дачу, находившуюся в получасе езды к западу от Москвы. Первая часть встречи была весьма недолгой. Я доложил о неудачной попытке Сикейроса ликвидировать Троцкого, объяснив, что альтернативный план означает угрозу потерять

антитроцкистскую сеть в Соединенных Штатах и Латинской Америке после уничтожения Троцкого. <…>

Сталин подтвердил свое прежнее решение, заметив:

– Акция против Троцкого будет означать крушение всего троцкистского движения. И нам не надо будет тратить деньги на то, чтобы бороться с ними и их попытками подорвать Коминтерн и наши связи с левыми кругами за рубежом. Приступите к выполнению альтернативного плана, несмотря на провал Сикейроса, и пошлите телеграмму Эйтингону с выражением нашего полного доверия».

В течение зимы – весны 1940 г. тайная война спецслужб продолжала набирать обороты. На территории Западной Украины не прекращались террористические акты польского и украинского националистического подполья против советских служащих и активистов из местного населения. Основной территорией, являвшейся своеобразным трамплином для заброски агентов в западные районы СССР, стала оккупированная Германией Польша. В абверштелле «Вена» интенсивно готовились к заброске в Советский Союз разведчики из числа австрийцев, выдававших себя за дезертиров из германской армии. В абверштелле «Краков» осуществлялась вербовка агентов-диверсантов из ОУН и их подготовка для последующей заброски в пограничную зону СССР. АНСТ «Люблин» вело разведку против частей Красной армии на участке Ковель – Львов. АНСТ «Радом» занималось уточнением карт западных районов СССР. В марте 1940 г. так называемый Повстанческий штаб ОУН, используя возможности абвера, отправляет свои диверсионные группы в Львовскую и Волынскую области для организации саботажа и акций гражданского неповиновения.

В самом Кракове подготовка наиболее квалифицированной оуновской агентуры велась абверовцами на конспиративных квартирах. В 1940 г. при АСТ «Краков», напомним, была организована специальная школа по подготовке разведчиков и диверсантов. Курсанты для этой школы вербовались из украинцев с помощью функционеров ОУН во всех крупных городах Генерал-губернаторства и приграничных с СССР районах. Под городами Бяла Подляска и Холм существовали лагеря для украинских беженцев, где сотрудники абверштелле опрашивали их и вербовали добровольцев в разведывательно-диверсионные школы. Обучением оуновцев занимались в основном офицеры бывшей австрийской армии, после аншлюса ставшие сотрудниками абвера.

Для осуществления практической подготовки диверсантов указанная спецшкола была разбита на четыре филиала,

расположенных в лагерях в 100–150 километрах от Кракова. В местечках Барвинек, Дукла и Каменица проходили обучение бандеровцы, в местечке Криница – мельниковцы. В каждом лагере обучалось от ста до трехсот боевиков, общее количество курсантов составляло около восьмисот человек. В целях маскировки филиалы спецшколы проходили под маркой «Украинские трудовые лагеря», и курсанты действительно выезжали на работы по корчевке леса, сезонные сельскохозяйственные работы и на строительство дорог.

Украинские агенты занимались военной подготовкой и изучали специальные предметы: разведка, диверсионное дело, организация повстанческого движения. Курс специальной военной и диверсионной подготовки преподавали инструкторы из уже упоминавшегося ранее соединения «Бранденбург-800». После окончания учебного курса часть агентуры направлялась на прежние гражданские места и использовалась в качестве агентов контрразведки. Другие выпускники заступали на охрану заводов на территории Польши в составе «Индустриальной охраны». Некоторые боевики совместно с немецкой тайной полевой полицией участвовали в операциях по ликвидации польского подполья.

А тем временем эскадрилья особого назначения «Ровель» увеличивает число разведывательных полетов над территорией СССР, используя аэродромы оккупированных Чехословакии и Польши, военно-воздушные базы в Финляндии, Венгрии, Румынии и Болгарии. Цель воздушной разведки – сбор информации о местоположении советских промышленных объектов, составление навигационных схем сети автомобильных и железных дорог (мостов, железнодорожных узлов, морских и речных портов), получение сведений о дислокации советских вооруженных сил и строительстве аэродромов, пограничных укреплений и долговременных позиций ПВО, казарм, депо и предприятий оборонной промышленности. В рамках операции «Ольденбург» проводится инвентаризация источников сырья и центров его переработки на Украине, в Белоруссии, в Московской и Ленинградской областях, в районах нефтедобычи Баку.

В мае 1940 г. офицер связи абвер-II вылетает на секретное совещание в Эстонию. В конце июня абвер помогает сотрудникам 2-го отдела эстонского Генерального штаба (военная контрразведка) перейти на нелегальное положение и перебраться в Штеттин на немецком пароходе. Тогда же абвер-II отправляет завербованных эстонских эмигрантов в Финляндию для установления связи с эстонской диаспорой. В сорока километрах западнее Хельсинки оборудуется учебный центр по подготовке

агентов-диверсантов и радистов.

Летом 1940 г. в результате политических маневров и силового давления, предпринятого высшим руководством ВКП (б), в состав СССР вошли Бессарабия, Буковина, Латвия, Литва и Эстония. Присоединение территорий бывшей Российской империи вновь осуществлено без использования специальных структур Коминтерна. Красная армия десантировала 201-ю и 204-ю воздушно-десантные бригады в районе Болграда и Измаила. С этого момента именно воздушно-десантным войскам отводилась роль подразделений, в случае войны обеспечивающих блокирование коммуникаций противника. Как оказалось впоследствии, это было ошибкой.

«Для немцев, – вспоминал П. А. Судоплатов, – собственно, в этом ничего нового не было. Ведь занятие Прибалтики в ходе секретных советско-германских соглашений было оговорено. Однако мы не раскрывали подробно своих планов, и немцы считали, что советская сторона, согласно подписанным договорам, ограничится только вводом войск прикрытия на территорию Прибалтики. События же, произошедшие в июне – июле 1940 г., застали немцев врасплох, причем в то время, когда их военная машина была запущена на Запад, и переориентировать авиацию, сухопутные войска, флот, чтобы противодействовать нашему утверждению в Прибалтике и Бессарабии, было невозможно. Поэтому в то время Гитлер вынужден был сделать хорошую мину при довольно неудачной игре.

Немецкая сторона послала своим дипломатическим представителям телеграмму, которая была перехвачена нами. В ней говорилось, что беспрепятственное укрепление русских войск в Литве, Латвии и Эстонии и реорганизация правительств, произведенная советским руководством с намерением обеспечить тесное сотрудничество с этими странами, касается только России и Прибалтики. Делалось предупреждение: избегать какого-либо осложнения в российско-германских отношениях.

Получение информации об этой директиве было исключительно важным, поскольку давало нам дополнительные возможности чувствовать себя уверенно в проведении всех акций в Прибалтике. <…>

Говоря о событиях, происходивших в 1940 г. в Латвии, Литве и Эстонии, хотелось бы отметить главное – наши войска вошли туда совершенно мирно, на основе специальных соглашений, заключенных с законными правительствами этих стран. Другой вопрос, что мы диктовали условия этих соглашений, и не без активного участия нашей дипломатии и разведки. Надо сказать и

о том, что вряд ли нам удалось бы так быстро достичь взаимопонимания, если бы все главы прибалтийских государств – Ульманис, Сметона, Урбшис и Пяте, в особенности латышское руководство, Балодис, Мунтерс, Ульманис, – не находились с нами в доверительных секретных отношениях. Их всегда принимали в Кремле на высшем уровне как самых дорогих гостей, обхаживали, перед ними, как говорится, делали реверансы.

Существенную роль сыграли и наши оперативные материалы, особенно для подготовки бесед Сталина и Молотова с лидерами Литвы и Латвии – Урбшисом и Мунтерсом. Мы могли позволить себе договариваться с ними о размещении наших войск, о новом правительстве, об очередных компромиссах, поскольку они даже не гнушались принимать от нашей резидентуры и от доверенных лиц деньги. Это все подтверждается архивными документами.

Таким образом, никакой аннексии Прибалтики на самом деле не происходило. Это была внешнеполитическая акция советского правительства, совершенно оправданная в период, предшествующий нападению Германии, связанная с необходимостью укрепления наших границ и с решением геополитических интересов. Но они не могли быть столь эффективно проведены без секретного сотрудничества с лидерами прибалтийских государств, которые и выторговывали для себя лично, а не для своих стран соответствующие условия».

После присоединения к СССР новых территорий с враждебно настроенным в большинстве своем населением наибольшая нагрузка легла на плечи пограничников и сотрудников органов контрразведки. Членов антисоветских националистических организаций, ушедших в подполье, спецслужбы Германии использовали для проведения разведывательной, агитационно-политической и диверсионной работы.

К середине 1940 г. руководству ВКП (б), и в первую очередь Сталину, стало понятно, что надежды на затяжную войну Германии с западными странами не оправдались. После быстрого разгрома Германией войск союзников, оккупации Франции и появившейся возможности перемирия Германии с Англией наиболее неблагоприятным вариантом для СССР представлялась война с Третьим рейхом один на один. В этих условиях приобретение военно-политических союзников стало для руководства СССР приоритетной задачей.

В августе 1940 г. Верховное командование вермахта разрабатывает один из вариантов плана нападения на СССР – так называемый «Этюд Лоссберга». На Канариса возлагается персональная ответственность за соблюдение необходимых мер

секретности при подготовке к военным действиям на советско-германской границе. На совещании в Берлине Канарис ставит конкретные разведывательные задачи перед военными атташе Германии в Восточной Европе. Был определен круг специфических задач для штата военных атташе в Москве и в пограничных с СССР странах.

20 августа 1940 г. на своей вилле в Мексике был смертельно ранен самый сильный и непримиримый противник И. В. Сталина – Л. Д. Троцкий.

«Позже Эйтингон рассказал мне, – вспоминает П. А. Судоплатов, – что Рамон Меркадер сам вызвался выполнить задание, используя знания, полученные им в ходе партизанской войны в Испании. Во время этой войны он научился не только стрелять, но и освоил технику рукопашного боя. Учитывая, что наши люди в то время не имели в своем распоряжении специальной техники, Меркадер был готов застрелить, заколоть или убить врага, нанеся удар тяжелым предметом. Каридад дала сыну свое „благословение“. Когда Эйтингон и она встретились с Рамоном, чтобы проанализировать систему охраны на вилле Троцкого и выбрать орудие убийства, то пришли к выводу, что лучше всего использовать нож или малый ледоруб альпиниста: во-первых, их легче скрыть от охранников, а во-вторых, эти орудия убийства бесшумны, так что никто из домашнего окружения не успеет прибежать на помощь. Физически Рамон был достаточно силен.

Важно было также выдвинуть подходящий мотив убийства, с тем чтобы скомпрометировать Троцкого и таким образом дискредитировать его движение. Убийство должно было выглядеть как акт личной мести Троцкому, который якобы отговаривал Сильвию Агелоф выйти замуж за Меркадера. Если бы Меркадера схватили, ему надлежало заявить, что троцкисты намеревались использовать пожертвованные им средства в личных целях, а вовсе не на нужды движения, и сообщить, что Троцкий пытался уговорить его войти в международную террористическую организацию, ставившую своей целью убийство Сталина и других советских руководителей.

Зимним вечером, в начале 1969 г., я встретился с Рамоном Меркадером на квартире Эйтингона, потом мы пошли обедать в ресторан Дома литераторов в Москве. С момента нашей последней встречи минуло почти три десятилетия. И только теперь Рамон смог рассказать мне во всех подробностях о том, что произошло 20 августа 1940 г.

На его встрече с матерью на явочной квартире в Мехико Эйтингон, по словам Рамона, предложил следующее: в то время

как Меркадер будет находиться на вилле Троцкого, сам Эйтингон, Каридад и группа из пяти боевиков предпримут попытку ворваться на виллу. Начнется перестрелка с охранниками, во время которой Меркадер сможет ликвидировать Троцкого.

– Я, – сказал мне Меркадер, – не согласился с этим планом и убедил его, что один приведу смертный приговор в исполнение.

Вопреки тому, что писалось о самом убийстве, Рамон не закрыл глаза, перед тем как ударить Троцкого по голове небольшим острым ледорубом, который был спрятан у него под плащом. Троцкий сидел за письменным столом и читал статью Меркадера, написанную в его защиту. Когда Меркадер готовился нанести удар, Троцкий, поглощенный чтением статьи, слегка повернул голову, и это изменило направление удара, ослабив его силу. Вот почему Троцкий не был убит сразу и закричал, призывая на помощь. Рамон растерялся и не смог заколоть Троцкого, хотя имел при себе нож.

– Представьте, ведь я прошел партизанскую войну и заколол ножом часового на мосту во время Гражданской войны в Испании, но крик Троцкого меня буквально парализовал, – объяснил Рамон.

Когда в комнату вбежала жена Троцкого с охранниками, Меркадера сбили с ног, и он не смог воспользоваться пистолетом. Однако в этом, как оказалось, не было необходимости. Троцкий умер на следующий день в больнице.

По нашему первоначальному плану предполагалось, что Троцкий будет убит без шума и Рамон сумеет незаметно уйти – ведь Меркадер регулярно посещал виллу и охрана хорошо его знала. Эйтингон и Каридад, ждавшие Рамона в машине неподалеку от виллы, вынуждены были скрыться, когда в доме начался явный переполох. Сперва они бежали на Кубу, где Каридад, используя свои семейные связи, сумела уйти в подполье. Григулевич бежал из Мехико в Калифорнию – там его мало кто знал.

Первое сообщение пришло к нам в Москву по каналам ТАСС. Затем, неделей позже, кодированное радиосообщение с Кубы прислал Эйтингон, снова через Париж. Мне было официально объявлено, что людьми Эйтингона и их работой наверху довольны, но участники операции будут награждены только после возвращения в Москву. Что касается меня, то я был слишком занят в этот момент нашими делами в Латвии, чтобы дальше думать о деле Троцкого. Берия спросил меня, удалось ли Каридад, Эйтингону и Григулевичу спастись и надежно спрятаться. Я ответил, что у них хорошее укрытие, неизвестное Меркадеру. <…>

Меркадер продолжал голодовку два или три месяца, во время следствия утверждал, что он один из обозленных сторонников Троцкого. Его дважды в день избивали сотрудники мексиканских спецслужб – и так продолжалось все шесть лет, пока не удалось раскрыть его истинное имя. К тому же его все это время держали в камере, где не было окна.

Берия объявил мне о решении не жалеть никаких средств для защиты Меркадера. Адвокаты должны были доказать, что убийство совершено на почве склок и внутреннего разброда в троцкистском движении. Эйтингон и Каридад получили приказ оставаться в подполье. Полгода они провели на Кубе, а затем морем отправились в Нью-Йорк, где Эйтингон использовал свои знакомства в еврейской общине, для того чтобы раздобыть новые документы и паспорта. Вместе с Каридад он пересек Америку и приехал в Лос-Анджелес, а потом в Сан-Франциско. Эйтингон воспользовался возможностью возобновить контакты с двумя агентами, которых он и Серебрянский заслали в Калифорнию еще в начале 30-х гг., и те взяли на себя обязанности связных с нелегальной агентурной сетью, которая добывала американские ядерные секреты с 1942 по 1945 г. В феврале 1941 г. Эйтингон и Каридад на пароходе отплыли в Китай. В мае 1941 г., перед самым началом Великой Отечественной войны, они возвратились в Москву из Шанхая по Транссибирской магистрали».

С осени 1940-го до лета 1941 г. советские органы госбезопасности вели ожесточенную тайную войну на два фронта. На первом из них противниками контрразведчиков были профессионалы высокого класса из разведслужб Германии, Финляндии, Румынии, Болгарии и Японии, это с одной стороны, а с другой – не менее опасные противники из соответствующих служб Великобритании и Франции. Мало кто знает, но в 1939–1940 гг. в двух последних странах вполне серьезно рассматривался вопрос о возможной бомбардировке бакинских нефтепромыслов. На втором тайном фронте война велась против буржуазного националистического подполья в Прибалтике, в Западной Белоруссии и Западной Украине, а также в Бессарабии. Большинство из подпольных националистических организаций имело самую тесную связь с разведками гитлеровской Германии и ее союзников.

В преддверии большой войны с Советским Союзом немецкое военное руководство привлекало под свои знамена всех, кто по каким-либо причинам имел свои счеты к советской власти, советскому государству или просто к России. Грузинские, азербайджанские, армянские, румынские, литовские, латышские, эстонские и другие группировки националистов рассматривались

руководством абвера и СД в качестве основы для формирования «пятой колонны» на территории СССР. Немецкие спецслужбы использовали в своем хозяйстве всех противников нашей страны, руководствуясь древним принципом: «В разведке нет отбросов, в разведке есть только кадры».

«В 1940 г., – вспоминает П. А. Судоплатов, – нам через источники в эмиграции и в гестапо стало известно, что Нидермайер выступает с предложением о создании в преддверии войны Туркестанского легиона – националистических мусульманских организаций для действий против советских войск. Речь шла о создании Туркестанского, Волго-татарского комитетов, Крымского центра, Азербайджанского, Северо-Кавказского, Армянского, Грузинского штабов. Таким образом, у немецких разведывательных органов были большие планы по разыгрыванию мусульманской карты против Советского Союза. <…>

Немецкая разведка, в частности бюро Риббентропа, стремилась активно использовать против нас и грузинскую эмиграцию. Сейчас этих перебежчиков воспринимают как национальных героев Грузии».

Наибольшую силу для формирования «пятой колонны» в 1940–1941 гг. все же представляли украинские националисты. Выходцы из западных областей УССР проходили дополнительный четырехнедельный курс обучения при батальоне «Бранденбург-800» в местечке Алленцзее, после окончания которого перебрасывались с разведывательными заданиями в Советский Союз. Осенью 1940 г. батальон «Бранденбург-800» был развернут в полк особого назначения с тем же названием и имел в своем составе украинскую (мельниковскую) роту, проходившую обучение в Бадене Венском. В 1941 г. эта рота стала основой для формирования оуновского батальона «Роланд».

Предоставим слово П. А. Судоплатову: «Накануне войны немцы пытались наладить сотрудничество с оуновцами. Их директива „О едином генеральном плане повстанческого штаба ОУН“, принятая 22 декабря 1940 г., согласовывалась с немецкой разведкой. В ней, как нам стало известно, говорилось, что „Украина находится накануне вооруженного восстания, сразу же после выступления немецкой армии миллионы людей возьмут оружие, чтобы уничтожить Советы и создать свое украинское государство“. Поэтому необходимо, чтобы на Украине действовала организованная политическая национальная сила, которая возглавила бы вооруженное восстание и повела народ к победе. „Такая сила у нас есть, – утверждалось в директиве, – это – ОУН в союзе с немцами. Она действует, организовывает

украинские массы, выводит их на борьбу“. В директиве ставились задачи террористического и диверсионного характера, шла речь о создании центра политического и военного руководства, а также о подготовке и обучении кадров. „Мы должны захватить в свои руки военные пункты и ресурсы Донбасса, морские порты, увлечь за собой молодежь, рабочих, крестьян и армию. Мы должны ударить везде и одновременно, чтобы разбить врага и рассеять его силы. Украинское военное восстание – на всех украинских землях, на всех советских территориях, чтобы довести до полного развала московскую советскую тюрьму народов“. В установках ОУН была объявлена беспощадная война всему украинскому и русскому народу, поддерживающему Советскую власть, зафиксировано „требование о ликвидации врага, указывались функции службы безопасности“, которая должна была выявлять коммунистов».

Только с декабря 1940-го по март 1941 г. контрразведкой НКВД – НКГБ было ликвидировано 66 опорных пунктов и баз абвера в пограничных районах СССР. За 4 месяца были арестованы 1596 агентов-диверсантов, из них 1338 в Прибалтике, Белоруссии и Западной Украине. Советским органам госбезопасности в предвоенный период не удалось полностью парализовать деятельность подпольных организаций. В начальный период Великой Отечественной войны боевики национальных нелегальных организаций оказали существенную поддержку немецкой армии.

В марте 1941 г. в Германии началось создание особых украинских подразделений батальонов «Роланд» и «Нахтигаль» («Соловей»). Батальон «Роланд» был организован венским бюро ОУН(м) под контролем абверштелле «Вена». Его основу составили боевики украинской роты полка «Бранденбург-800». Подготовка личного состава (350 человек) проходила в городе Зауберсдорф, близ Вены. Вели ее немецкие офицеры абвера и инструкторы-бранденбуржцы. Командный состав батальона состоял из кадровых немецких офицеров полка специального назначения «Бранденбург-800». 7 июня 1941 г. батальон «Роланд» прибыл из Вены в город Кимполунг (Румыния) и был включен в состав 11-й немецкой армии.

Батальон «Нахтигаль» формировался краковским бюро ОУН (б) под контролем абверштелле «Краков». Обучение боевиков батальона (350 человек) проходило на полигонах полка спецназначения «Бранденбург-800». Политическое и военное руководство осуществляли Т. Оберлендер и бранденбуржец оберлейтенант А. Херцнер. С украинской стороны командование производилось Р. Шухевичем, заместителем С. Бандеры по

военной работе в ОУН (б). Батальон был разделен на 4 роты, которыми командовали офицеры-абверовцы. 18 июня батальон был передислоцирован к границе в районе Перемышля и поступил в подчинение командира 1-го батальона полка «Бранденбург-800».

3 февраля 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета НКВД разделен на два комиссариата: внутренних дел и государственной безопасности. Последний (НКГБ) возглавил В. Н. Меркулов, его заместителями стали И. А. Серов (1-й заместитель), Б. З. Кобулов и М. В. Грибов. В составе НКГБ было 3 оперативных управления, 5 отделов и Комендатура Кремля. I Управление (внешнюю разведку) возглавил П. М. Фитин, 25 февраля его заместителем был назначен П. А. Судоплатов.

А за десять дней до назначения Судоплатова, 15 февраля, Гитлер отдает приказ о проведении широкомасштабной операции по дезинформации руководства Красной армии об обстановке на германо-советской границе. Было принято решение, что наилучшим прикрытием операции «Барбаросса» должно стать распространение дезинформации о подготовке к высадке на Британские острова (операция «Морской лев»). С этой целью на германские авиабазы во Франции следовало перебросить несколько авиагрупп люфтваффе, а в порты на германском и французском побережье Северного моря отправить эскадры кригсмарине. Специально для советского главнокомандования следовало организовать «утечку информации», согласно которой передислокация крупных контингентов вермахта к восточной границе объяснялась бы отвлекающим маневром в рамках проведения операции «Морской лев».

«По установленному порядку, – вспоминал П. А. Судоплатов, – разведывательные органы должны докладывать правительству обо всех сигналах и слухах, связанных с угрозой большой войны или локального военного конфликта. Это, можно сказать, их святая обязанность. По этой причине иногда случалось, что мы, идя на поводу немецкой дезинформации, оказывались ее жертвами. Весной 1941 г. немцам не раз удавалось переиграть советские резидентуры в Берлине, Софии, Бухаресте, Братиславе, Анкаре. Нашей главной ошибкой было преувеличение роли немецкого посла в Москве графа Шуленбурга, который при встречах неизменно подчеркивал заинтересованность немцев в развитии экономических отношений с Советским Союзом.

Вместе с тем надо иметь в виду и тот факт, который неправомерно отрицается, что в немецком руководстве были серьезные разногласия в отношении войны против СССР и что

окончательное решение о нападении было принято 10 июня 1941 г., то есть за 12 дней до начала военных действий.

Мне могут возразить, ведь план „Барбаросса“ был представлен на утверждение Гитлера еще в декабре 1940 г. Но разработка военных планов, в том числе наступательных широкомасштабных операций, была обычной практикой всех генеральных штабов крупнейших держав Европы и Азии в 1930–1940-е гг. Для нас никогда не было секретом, что такого рода планы разрабатываются и фашистской Германией. Другое дело – политическое решение о развязывании войны и об осуществлении на практике замыслов военного командования.

Для германского руководства вопрос о войне с СССР в принципе был решенным. Речь только шла о выборе благоприятного момента для нападения. С военной точки зрения время для начала военных действий было выбрано Гитлером безошибочно. Немцы верно оценили сравнительно низкий уровень боеготовности войск Красной армии, дислоцированных в приграничных округах. <…>

И все же если оценивать операции немецкой разведки по дезинформированию нас весной 1941 г., то нужно сказать, что вклад абвера и службы безопасности (СД) был не таким уж значительным. Гораздо выигрышнее в этом деле выглядит специальное разведывательное бюро Риббентропа, то есть та часть разведывательного аппарата, которая замыкалась на МИД Германии. Здесь немцы достигли значительно большего результата.

Но зато немецкая военная разведка – абвер – эффективно действовала в приграничной и прифронтовой полосе, где развернулись в начале войны неудачные для нас сражения. Под видом дезертиров из германской армии к нам в пограничные районы почти беспрепятственно забрасывалась немецкая агентура. Чуть ли не косяком она шла в Западную Белоруссию и Западную Украину. „Дезертиры“ выдавали себя за австрийцев, призванных на немецкую военную службу после аншлюса Австрии. Этот маневр абвера, который вел свои операции в Румынии, Польше и Болгарии, нам удалось вовремя разгадать. Агенты-австрийцы, такие как Иоган Вечтнер, Франц Шварцель и другие, были опознаны и обезврежены.

Допросы липовых перебежчиков позволили нам впервые узнать о конкретных руководителях немецких разведывательных органов. Мы установили, что своих агентов немцы готовили для краткосрочных диверсий непосредственно в нашем тылу. Было абсолютно ясно, что немецкое командование активно изучает будущий театр военных действий. Однако, к сожалению, мы не

сделали из этого выводов, что Гитлер планирует молниеносную войну.

Весной и в начале июня 1941 г. абвер, следует признать, свою задачу по разведке прифронтовой полосы в целом выполнил. Он обладал данными, которые поставляли агенты-маршрутники и местное население. Немцы были осведомлены о расположении наших войск, о дислокации аэродромов, местонахождении нефтебаз благодаря хорошо налаженной работе аэрофоторазведки, радиослужб и визуальной разведки».

Мы уже упоминали, что в 1939–1940 гг. у высшего военно-политического руководства СССР утвердилась и окрепла уверенность в возможности войны исключительно на чужой территории. В этих условиях альтернативные предложения или варианты развития сценариев возможных военных действий не рассматривались, а их авторы подвергались жестоким репрессиям. Тем не менее находились люди, которые имели смелость высказывать точку зрения, отличную от мнения большинства. Одним из них был комдив Г. С. Иссерсон, с 1939 г. – начальник кафедры оперативного искусства Академии Генерального штаба. В опубликованной в 1940 г. книге «Новые формы борьбы. Опыт исследования современных войн» он дал анализ боевых действий в Испании и Польше.

«Нужно, – писал Иссерсон, – чтобы эффект неожиданности был настолько ошеломляющим, чтобы противник был лишен материальной возможности организовать свою оборону… Иными словами, вступление в войну должно приобрести характер оглушительного подавляющего удара. <…> В тех или иных размерах о сосредоточении становится известно. Однако от угрозы войны до вступления в войну всегда остается еще шаг. Он порождает сомнение, подготовляется ли действительное военное выступление или это только угроза. И пока одна сторона остается в этом сомнении, другая, твердо решившаяся на выступление, продолжает сосредоточение, пока, наконец, на границе не оказывается развернутой огромная вооруженная сила. После этого остается только дать сигнал – и война сразу разражается в своем полном масштабе».

На совещании высшего командного состава РККА в Москве 23–31 декабря 1940 г. книга Г. С. Иссерсона была подвергнута критике, сам он понижен в звании до полковника и уволен из армии, а 10 июня 1941 г. арестован, судим и получил 10 лет лагерей.

В июне 1941 г., накануне вторжения в СССР, Иностранный отдел абвера осуществляет массированную вербовку агентов в среде армянских (партия «Дашнакцутюн»), азербайджанских

(«Муссават») и грузинских («Шамиль») политэмигрантов.

После подготовки в разведшколах Финляндии абвер-II забрасывает свыше ста эстонских эмигрантов в Прибалтику (операция «Эрна»). Две группы агентов-диверсантов в форме солдат Красной армии высаживаются на острове Хийумаа. Корабль с третьей абвер-группой вынужден уйти из территориальных вод СССР после столкновения с советскими погранкатерами в водах Финского залива. Несколькими днями позже эта диверсионно-разведывательная группа десантируется в прибрежных районах Эстонии на парашютах.

Для составления и уточнения «проскрипционных списков» советских граждан, «подлежащих уничтожению в первую очередь» (коммунистов, комиссаров, евреев), абвер забрасывает в СССР агентов из числа украинских эмигрантов.

Для координации деятельности органов разведки и контрразведки в русской кампании в июне 1941 г. при абвере создается специальный орган, получивший название «Штаб Валли».

«Несколько слов о „Штабе Валли“, – вспоминал П. А. Судоплатов, – специальном органе абвера по тайной войне против СССР. Его возглавлял Баум – специалист по России в звании майора. Это показатель того, что противник, уверенный в быстрой победе, не развернул против нас центральный аппарат абвера, надеясь, что он свою работу по агентурному проникновению, насаждению у нас нового порядка совместно со службой безопасности осуществит после решения главной задачи – молниеносного разгрома Красной армии, который мыслился в основном в приграничном сражении. Недаром ведь 7 мая 1941 г. руководитель военной разведки Канарис и немецкий военный атташе в Москве, докладывая Гитлеру о соотношении сил, высказывались о предстоящей войне как о быстротечной кампании. <…>

У руководства немецкой разведки, можно сказать, произошло ослепление „молниеносной войной“. Кроме того, они были уверены, что с помощью разведывательно-диверсионных акций и, опираясь на раскулаченное крестьянство в тылу нашей страны, им удастся создать „пятую колонну“ наподобие той, которая успешно действовала в странах Западной Европы. В действительности же все сложилось иначе».

К началу июня 1941 г. абвер перебросил к границам Советского Союза и расположил на важнейших направлениях следующие диверсионные подразделения из состава полка «Бранденбург-800»: 1-й батальон был размещен в районе Перемышля; два взвода из 1-го батальона сосредоточены в районе

Сувалки; 8-я рота 2-го батальона – на северо-западной границе Восточной Пруссии; 9-я рота 3-го батальона – в составе ударной группировки группы армий «Центр»; 15-я легкая рота 4-го батальона – в районе города Рованиеми в составе армии «Норвегия».

В составе НКГБ специальное разведывательно-диверсионное подразделение, вновь названное Особой группой, начало воссоздаваться только 17 июня 1941 г. по личному распоряжению Берия. Этому предшествовала встреча Меркулова и Фитина со Сталиным. Нынешнему поколению, живущему в условиях постоянного массивного рекламно-идеологического и мыльно-сериально-картинного оболванивания, наверное, будет трудно понять позицию высшего военно-политического руководства Советского Союза в предвоенный период. Об этом времени с высоты прожитых лет беспристрастно и со знанием дела могут рассказать руководители внешней разведки СССР.

«Разведуправление Генштаба, ИНО НКВД, – вспоминает П. А. Судоплатов, – располагали важными источниками информации с выходом на руководящие круги немецкого военного командования и политического руководства, но не имели доступа к документам гитлеровского руководства. К тому же получаемая информация из кругов, близких к Гитлеру, отражала колебания в германском руководстве по вопросу принятия окончательного решения о нападении на Советский Союз. <…>

Еще в 1937 г. нашей разведкой под руководством заместителя начальника ИНО НКВД Шпигельглаза были добыты важные документальные сведения об оперативно-стратегических играх, проведенных командованием рейхсвера (позже вермахта). Этим документам суждено было сыграть значительную роль в развитии событий и изменении действий нашего руководства перед германо-советской войной. После оперативно-стратегических игр, проводившихся фон Сектом, а затем Бломбергом, появилось „завещание Секта“, в котором говорилось, что Германия не сможет выиграть войну с Россией, если боевые действия затянутся на срок более двух месяцев и если в течение первого месяца войны не удастся захватить Ленинград, Киев, Москву и разгромить основные силы Красной армии, оккупировав одновременно главные центры военной промышленности и добычи сырья в Европейской части СССР.

Думаю, что итоги упомянутых оперативно-стратегических игр явились также одной из причин, побудивших Гитлера выступить в 1939 г. с инициативой заключения пакта о ненападении. <…>

Разведывательные материалы из Берлина, Рима, Токио, что подтверждают и обнародованные ныне архивные документы,

регулярно докладывались правительству. Однако руководство разведки не было в курсе, что после визита Молотова в ноябре 1940 г. в Берлин начались секретные переговоры с Германией о разделе сфер влияния в мире. Таким образом, очевидная неизбежность военного столкновения вместе с тем совмещалась с вполне серьезным рассмотрением предложений Гитлера о разграничении сфер геополитических интересов Германии, Японии, Италии и СССР.

Лишь теперь мне очевидно, что зондажные беседы Молотова и Шуленбурга, посла Германии в СССР, в феврале – марте 1941 г. отражали не только попытку Гитлера ввести Сталина в заблуждение и застать его врасплох внезапной агрессией, но и колебания в немецких верхах по вопросу о войне с Советским Союзом до победы над Англией. <…>

К сожалению, наша разведка, как военная так и политическая, перехватив данные о сроках нападения и правильно определив неизбежность близкой войны, не спрогнозировала ставку гитлеровского командования на тактику блицкрига. Это была роковая ошибка, ибо ставка на блицкриг указывала на то, что немцы планировали свое нападение независимо от завершения войны с Англией. <…>

В разведданных была упущена качественная оценка немецкой тактики блицкрига. По немецким военно-стратегическим играм мы знали, что длительная война потребует дополнительных экономических ресурсов, и полагали, что если война все же начнется, то немцы прежде всего попытаются захватить Украину и богатые сырьевыми ресурсами районы для пополнения продовольственных запасов. Это была большая ошибка: военная разведка и НКВД не смогли правильно информировать Генштаб, что цель немецкой армии в Польше и Франции заключалась не в захвате территорий, а в том, чтобы сломить и уничтожить боевую мощь противника. <…>

Сегодня нам известно, что тайные консультации Гитлера, Риббентропа и Молотова о возможном соглашении стратегического характера между Германией, Японией и Советским Союзом создали у Сталина и Молотова иллюзорное представление, будто с Гитлером можно договориться. До самого последнего момента они верили, что их авторитет и военная мощь, не раз демонстрировавшаяся немецким экспертам, отсрочат войну по крайней мере на год, пока Гитлер пытается мирно уладить свои споры с Великобританией. Сталина и Молотова раздражали иные точки зрения, шедшие вразрез с их стратегическими планами по предотвращению военного конфликта. Это объясняет грубые пометки Сталина на докладе

Меркулова от 17 июня 1941 г., в котором говорилось о явных признаках надвигавшейся войны».

Предоставим слово П. М. Фитину: «16 июня 1941 г. из нашей берлинской резидентуры пришло срочное сообщение о том, что Гитлер принял окончательное решение напасть на СССР 22 июня 1941 г. Эти данные тотчас были доложены в соответствующие инстанции.

Поздно ночью с 16 на 17 июня меня вызвал нарком и сказал, что в час дня его и меня приглашает к себе И. В. Сталин. Многое пришлось в ту ночь и утром 17 июня передумать. Однако была уверенность, что этот вызов связан с информацией нашей берлинской резидентуры, которую он получил. Я не сомневался в правдивости поступившего донесения, так как хорошо знал человека, сообщившего нам об этом. <…>

Несмотря на нашу осведомленность и твердое намерение отстаивать свою точку зрения на материалы, полученные Управлением, мы еще пребывали в состоянии определенной возбужденности. Это был вождь партии и страны с непререкаемым авторитетом. А ведь могло случиться и так, что Сталину что-то не понравится или в чем-то он усмотрит промах с нашей стороны, и тогда любой из нас может оказаться в весьма незавидном положении. <…>

С такими мыслями мы вместе с наркомом в час дня прибыли в приемную Сталина в Кремле. После доклада помощника о нашем приходе нас пригласили в кабинет. Сталин поздоровался кивком головы, но сесть не предложил, да и сам за все время разговора не садился. <…>

Подойдя к большому столу, который находился слева от входа и на котором стопками лежали многочисленные сообщения и докладные записки, а на одной из них сверху был наш документ, И. В. Сталин не поднимая головы сказал:

– Прочитал ваше донесение… Выходит, Германия собирается напасть на Советский Союз?

Мы молчим. Ведь всего три дня назад – 14 июня – газеты опубликовали заявление ТАСС, в котором говорилось, что Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского Пакта о ненападении, как и Советский Союз. И. В. Сталин продолжал расхаживать по кабинету, изредка попыхивал трубкой. Наконец, остановившись перед нами, он спросил:

– Что за человек, сообщивший эти сведения?

Мы были готовы к ответу на этот вопрос, и я дал подробную характеристику нашему источнику. В частности, сказал, что он немец, близок нам идеологически, вместе с другими патриотами готов всячески содействовать борьбе с фашизмом. Работает в

министерстве воздушного флота и очень осведомлен. Как только ему стал известен срок нападения Германии на Советский Союз, он вызвал на внеочередную встречу нашего разведчика, у которого состоял на связи, и передал настоящее сообщение. У нас нет оснований сомневаться в правдоподобности его информации.

После окончания моего доклада вновь наступила длительная пауза. Сталин, подойдя к своему рабочему столу и повернувшись к нам, произнес:

– Дезинформация! Можете быть свободны.

Мы ушли встревоженные. Многое пришлось передумать, напряженное состояние не покидало ни на минуту. А вдруг наш агент ошибся? А ведь я от имени Управления внешней разведки заверил И. В. Сталина в том, что информация не вызывает сомнений».

Продолжает рассказ П. А. Судоплатов: «В тот день, когда Фитин вернулся из Кремля, Берия, вызвав меня к себе, отдал приказ об организации особой группы из числа сотрудников разведки в его непосредственном подчинении. Она должна была осуществлять разведывательно-диверсионные акции в случае войны. В данный момент нашим первым заданием было создание ударной группы из числа опытных диверсантов, способных противостоять любой попытке использовать провокационные инциденты на границе как предлог для начала войны. Берия подчеркнул, что наша задача – не дать немецким провокаторам возможности провести акции, подобные той, что была организована против Польши в 1939 г., когда они захватили радиостанцию в Гляйвице на территории Германии. <…>

Я немедленно предложил, чтобы Эйтингон был назначен моим заместителем. Берия согласился, и в канун войны мы стали искать людей, способных составить костяк специальной группы, которую можно было бы перебрасывать по воздуху в районы конфликта на наших европейских и дальневосточных границах. Военный опыт Эйтингона был значительно больше моего, и поэтому в этом вопросе я в значительной степени полагался на его оценки – именно он выступал связующим звеном между нашей группой и военным командованием. Вместе с ним мы составляли планы уничтожения складов с горючим, снабжавших немецкие моторизованные танковые части, которые уже начали сосредоточиваться у наших границ.

20 июня 1941 г. Эйтингон сказал мне, что на него произвел неприятное впечатление разговор с генералом Павловым, командующим Белорусским военным округом. Поскольку они с Эйтингоном знали друг друга по Испании, он попросил дружеского совета у Павлова, на какие пограничные районы, по

его мнению, следовало бы обратить особое внимание, где возможны провокации со стороны немцев. В ответ Павлов заявил нечто, по мнению Эйтингона, невразумительное, он, казалось, совсем ничего не понимал в вопросах координации действий различных служб в современной войне. Павлов считал, что никаких особых проблем не возникнет даже в случае, если врагу удастся в самом начале перехватить инициативу на границе, поскольку у него достаточно сил в резерве, чтобы противостоять любому крупному прорыву. Одним словом, Павлов не видел ни малейшей нужды в подрывных операциях для дезорганизации тыла войск противника».

А до нападения германской армии на СССР оставался всего лишь один день!!!

Глава 8
Горечь первых поражений

Разведывательно-боевая деятельность Особой группы при наркоме внутренних дел СССР, в последующем Управления НКВД – НКГБ СССР в 1941–1945 гг., лишь в последние десять лет стала находить достойное освещение в отечественной и зарубежной историко-публицистической литературе. В первую очередь это обусловлено тем, что до недавнего времени большинство материалов по данной теме имело грифы «особой важности» или «совершенно секретно». Даже сейчас, спустя более шести десятилетий после окончания войны часть этих материалов засекречена.

Кроме того, в силу специфики работы, связанной с особой ролью НКВД в организации партизанского движения на оккупированных фашистами советских территориях и оперативно-боевых мероприятий, проводившихся в странах Восточной Европы, эта тема по вполне понятным причинам практически до конца века находилась под жесточайшим запретом. И только в 1998 г. в своей известной книге – «Спецоперации: Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы» бессменный руководитель Особой группы при наркоме внутренних дел – IV Управления НКВД – НКГБ СССР генерал-лейтенант П. А. Судоплатов частично приоткрыл эти некогда абсолютно закрытые страницы из истории оперативно-боевой и разведывательной деятельности своих подчиненных.

К сожалению, Павел Анатольевич ушел из жизни, так и не успев рассказать многое из того, чем по праву может гордиться любой профессионал. Но сегодня за него и его боевых товарищей говорят архивы Коминтерна и специальных служб России. Сухим и бесстрастным языком совершенно секретных докладных записок, радиограмм и агентурных сообщений они поведали о многих блестящих разведывательных и диверсионных операциях, актах возмездия в отношении наиболее одиозных лиц нацистских служб и предателей, проведенных сотрудниками Особой группы.

Много лет за семью печатями хранились в спецхране многотомные дела разведывательно-диверсионных резидентур (РДР): «Братушки», «Олимп», «Весенние», «Авангард», «Арнольд», «Стар», «Горные» и десятки других. В центральном аппарате Особой группы – IV Управления НКВД – НКГБ и его разведывательно-диверсионных резидентурах против фашизма плечом к плечу с советскими разведчиками сражались болгары,

испанцы, итальянцы, немцы, словаки, поляки и другие бойцы-интернационалисты. Колокол прозвонил для них 22 июня 1941 г.

Накануне вторжения в СССР абвер объявил готовность № 1 штабам «Валли-1», «Валли-2» и «Валли-3». Командиры спецподразделений фронтовой разведки групп армий «Север», «Центр» и «Юг» доложили руководству абвера о выдвижении на исходные позиции у германо-советской границы. В каждую из трех групп входили от 25 до 30 диверсантов из числа местного населения (русских, поляков, украинцев, финнов, эстонцев) под командованием офицера-немца. После заброски в глубокий тыл (от 50 до 300 километров от линии фронта) переодетые в военную форму Красной армии диверсанты абверовских подразделений фронтовой разведки в ночь с 21 на 22 июня приступили к акциям диверсий и террора.

Бранденбуржцы лейтенанта Катвица проникли на 20 километров вглубь территории СССР, захватили стратегический мост через реку Бобр (левый приток Березины) под Липском и удерживали его до подхода танко-разведывательной роты вермахта. Рота батальона «Нахтигаль» просачивается в район Радимно. Около полуночи на участке 123-й пехотной дивизии вермахта диверсанты-брандербуржцы расстреляли наряд советских пограничников, обеспечивая прорыв пограничных укреплений. На рассвете диверсионные группы абвера наносят удар в районе Августов – Гродно – Голынка – Рудавка – Сувалки и захватывают 10 стратегических мостов (Вейсеяй – Поречье – Сопоцкин – Гродно – Лунно – Мосты). Сводная рота 1-го батальона «Бранденбург-800», усиленная ротой батальона «Нахтигаль», форсирует реку Сан и захватывает плацдарм под Валавой. Спецподразделения фронтовой разведки абвера препятствуют эвакуации и уничтожению секретной документации советских военных и гражданских учреждений (Брест-Литовск).

24 июня диверсанты из «Бранденбурга-800» совершают ночное десантирование со сверхмалой высоты (50 м) между Лидой и Первомайским. Бранденбуржцы захватывают и, несмотря на жестокие потери, в течение двух суток до подхода немецких танков удерживают железнодорожный мост на линии Лида – Молодечно.

26 июня 1941 г. Финляндия объявляет войну СССР. Диверсионные подразделения «дальней разведки» проникают в советский тыл через разрывы в линиях обороны. Финские спецслужбы передают полученные разведданесения в Берлин для систематизации и экспертизы.

28 июня диверсанты 8-й роты полка «Бранденбург-800» в красноармейской форме захватывают и производят

разминирование подготовленного к взрыву отступающими советскими войсками моста через реку Даугава под Даугавпилсом. В ходе ожесточенных боев убит командир роты, обер-лейтенант Кнак, но все же рота удерживает мост до подхода передовых частей рвущейся в Латвию группы армий «Север».

30 июня 1-й батальон полка «Бранденбург-800» и усиленные роты батальона «Нахтигаль» занимают Львов и берут под контроль стратегические объекты и транспортные узлы. Оуновцы особо отличились не своими боевыми подвигами, а резней гражданского населения (украинской, польской и русской интеллигенции, евреев и коммунистов) по заранее составленным агентами абверштелле «Краков» «проскрипционным спискам». Помогали оуновцам айнзатцкоманды СД.

Еще в 1941 г. для оправдания своих злодеяний гитлеровцы и бандеровцы запустили утку, согласно которой перед отступлением из Львова «русские расстреляли и изувечили до неузнаваемости 24 украинца» и что это якобы вызвало «волну ненависти к русским среди польско-украинского населения». Но в 1958 г. в Штутгарте был арестован военный преступник Ландау, и его дневник был тогда же опубликован западногерманской прессой.

«3 июля, – писал Ландау, – украинские националисты обнаружили в лесу под Львовом 24 обезображенных до неузнаваемости трупа. Они выдали их за украинцев и устроили торжественные похороны… Присутствовавший на похоронах священник сказал мне, что „негодные русские подсунули убитым документы евреев“… Ей-богу, это уж слишком! Ведь всех этих 24 человек расстреляли мы в первый день прихода».

Но ведь бойня началась на четыре дня раньше!

«В период с 30 июня по 3 июля, – вспоминает чудом оставшийся в живых бывший преподаватель Львовского университета Ф. Фридман, – Львов превратился в арену жестоких кровавых погромов. Вместе с немецко-фашистскими захватчиками в городе хозяйничали украинские националисты и созданная Бандерой так называемая украинская милиция. Они устроили настоящую охоту на интеллигенцию и евреев. На львовских улицах и особенно в предместьях города немецко-украинские фашисты побили все рекорды жестокости и варварства. 1 июля они согнали во двор дома 59 по улице Пальчинского около двух тысяч евреев. Здесь тогда размещалось гитлеровское гестапо. Несколько дней несчастных людей избивали и мучили самым изуверским образом. А затем примерно 1400 человек были увезены в Белоборский лес и там расстреляны».

Мы специально отвлеклись от рассказа о действиях

диверсионных подразделений, поскольку после распада СССР оказалось слишком много желающих показать украинских националистов в качестве непримиримых борцов с гитлеровцами. Абсолютное вранье! Подавляющее большинство оуновцев, за редкими исключениями, всегда были в числе наиболее верных прислужников нацистов. И их преступлениям против человечества (как и преступлениям прибалтийских и других националистов), в результате которых погибли сотни тысяч наших соотечественников, нет и не будет срока давности! Можно многократно пересматривать итоги прошедших войн, можно отменять подписанные договоренности и перекраивать границы государств, но при анализе исторических событий лучше всего опираться на реальные документы того времени, в том числе и на показания еще живых ветеранов, прошедших горнило военных лет. В этом анализе необходимо отдать должное немецкой стороне, которая, несмотря на тяжесть исторической вины, легшей на плечи немецкого народа в послевоенный период, всегда четко, со строгой немецкой педантичностью фиксировала исторические события, даже если они говорили не в пользу германской позиции. Эта историческая беспристрастность и по большей части откровенность заслуживают профессионального уважения.

Успехи немецких войск в западных областях Украины объяснялись тем, что еще до начала боевых действий украинская «пятая колонна» поступила в распоряжение армейской разведки. В преддверии крупномасштабных военных действий абвер приступил к вооружению групп оуновцев и фольксдойче на советской территории, переправляя им оружие через границу. Согласно архивам Службы безопасности Украины, весной 1941 г. в составе националистического подполья на Западной Украине было около 20 тысяч человек.

Каждый подпольщик-националист заранее знал, кто его командир, к какому отряду он принадлежит, где следует получить оружие, где находится место сбора, но главное – он имел представление о характере и направлении предстоящих действий. Оуновцы скрывались небольшими группами в труднодоступных местах (в горах и лесах). Лица, официально служившие в органах власти и управления, имели индивидуальные задания по организации саботажа, диверсий и антисоветской агитации.

Боевые действия оуновцев против советских войск развивались с опережением линии фронта с запада на восток. Первыми выступили националисты Львовской, Дрогобычской, Волынской и Ровенской областей. Они перерезали линии связи,

нападали на пограничников, вели бои с частями Красной армии и НКВД. Из своих лагерей они проводили налеты на мелкие гарнизоны и проводили удары из засад по армейским колоннам. После короткого внезапного обстрела войск боевики, используя все тот же метод пластичного контакта, отходили в леса, где занимали заранее подготовленные позиции. В таких городах, как Львов, боевики (как и франкисты в Испании) обстреливали красноармейцев из винтовок и пулеметов с чердаков и крыш домов. Также они помогали немецким войскам ликвидировать остаточные группы красноармейцев, пограничников и сотрудников НКВД – НКГБ.

Оуновцами велась разведка укрепленных районов и передвижений войск, о результатах сразу же информировалось немецкое командование. Неоднократно при перевесе сил националисты занимались разоружением деморализованных красноармейцев, а иногда и небольших воинских подразделений. В некоторых районах, например в Луцке, Сарнах, Олевске, боевики ОУН сумели захватить мосты и транспортные узлы и удерживали их до подхода механизированных немецких частей. К приходу немецких войск многие районы уже полностью находились под их полным контролем.

В конце июня 1941 г. выступили оуновцы Тернопольской области. Ими были захвачены райцентры Козовое и Теребовля, которые удерживались до подхода немцев. Ими же было прервано сообщение между Теребовлей и Тернополем. Отсутствие связи и слухи, распускавшиеся оуновцами, посеяли панику в райцентрах, и утром 5 июля города были взяты. В боях боевики захватили сотни единиц огнестрельного оружия, грузовики, снаряжение. Когда имелась возможность, оуновцы координировали свои действия с наступающими немецкими частями. Так, 2 июля боевики заняли городок Коломыя, захватили склады РККА, довооружились и овладели переправой через р. Прут. Среди отходящих, часто деморализованных красноармейцев легко было сеять панику и срывать планы организованного отхода войск.

Одновременно с оуновским подпольем в Галиции и на Волыни в Полесье выступили боевики Т. Бульбы-Боровца, нелегально действовавшего с августа 1940 г. Отряды «Полесского лозового казачества» (ПЛК) были созданы во второй половине 1930-х гг. и имели опыт боевых действий против поляков. Во время германо-польской войны они действовали в тылах польских войск и смогли захватить значительное количество оружия. После установления советской власти часть членов ПЛК эмигрировала, другие ушли в подполье. Нельзя исключать участие в отрядах Бульбы-Боровца и части бывших боевиков активной разведки РУ

РККА, распущенной на территории Полесья еще в 1925 г. В июле 1941 г. бульбовцы захватили значительную часть Полесья и создали там свою Олевскую республику.

«В актив абвера, – писал П. А. Судоплатов, – надо записать вывод из строя 22 июня узлов связи Красной армии. Удары немецкой авиации по нашим аэродромам оказались четко спланированными. Наиболее жестоким бомбардировкам подверглись аэродромы Юго-Западного фронта. Особенно сильно пострадала авиация, находившаяся в Черновцах, Станиславе – Ивано-Франковске. Результаты налетов оказались ошеломительными и для Белорусского (Особого) военного округа. Практически полностью были уничтожены самолеты, запасы горючего. Наша авиация понесла невосполнимый урон. Это можно отнести к достижениям немецкой разведки. Она получала точные сведения от местных жителей, сотрудничавших с ОУН и прибалтийскими националистами».

«Внезапный переход в наступление… сразу всеми имеющимися и притом заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами… нами не был предусмотрен, – писал после окончания Второй мировой войны маршал Г. К. Жуков. – Ни нарком, ни я, ни мои предшественники – Б. М. Шапошников, К. А. Мерецков – и руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов…»[136]

22 июня 1941 г. мобильные, прекрасно вооруженные и связанные единой системой связи и управления гитлеровские войска на направлениях главных ударов в считаные часы смяли оборону потерявших боевое управление бригад, дивизий и целых корпусов Красной армии. Удар фашистских войск оказался настолько силен, а наступление столь стремительным, что уже в первую неделю войны танкисты генерала Г. Гудериана захватили столицу советской Белоруссии – г. Минск.

Удары немецких диверсантов, обеспечивавшие успех подвижных частей и соединений в начальный период войны, были очень эффективными, и это нельзя ни замолчать, ни сбросить со счетов истории. Действия профессионалов, основанные на четкой идеологической и политической доктрине, поддерживаемые государством, мощный интеллектуальный, технический и великолепно подобранный людской потенциал всегда могут быть успешными. Что же касается попытки со стороны некоторых авторов представить действия германских

диверсионных и диверсионно-разведывательных структур на начальном этапе войны как малоэффективные, то она, по нашему мнению, является неадекватной. Как ни печально для престижа нашей страны, но в первые недели войны германские диверсионно-разведывательные подразделения имели значительные преимущества перед практически обезглавленными и политически загнанными структурами аналогичных служб в нашей стране.

Ущерб от совместных действий немецких диверсантов, украинских, белорусских, прибалтийских националистов на территории Белоруссии, Украины и Прибалтики в июне – июле 1941 г. был значительным. Из анализа разведывательно-диверсионных операций противника начала войны видно, что немецкий спецназ был хорошо подготовлен для действий в тылах Красной армии.

Одной из целей немецких диверсантов было нарушение управления войсками путем разрушения линий проводной связи, а также передачи по ним ложных приказов и сообщений.

«Чуть позже нам стало известно, – вспоминал Г. К. Жуков, – что перед рассветом 22 июня во всех западных приграничных округах была нарушена проводная связь с войсками и штабы военных округов и армий не имели возможности быстро передать свои распоряжения. Заброшенная немцами на нашу территорию агентура и диверсионные группы разрушали проволочную связь, убивали делегатов связи и нападали на командиров. В штабы округов из различных источников начали поступать самые противоречивые сведения, зачастую провокационного характера. Генеральный штаб, в свою очередь, не мог добиться от штабов округов и войск правдивых сведений, и, естественно, это не могло не поставить на какой-то момент Главное командование и Генеральный штаб в затруднительное положение».[137]

О серьезных затруднениях в управлении войсками, имевшими оперативно-стратегический масштаб из-за нарушений линий проводной связи немецкими диверсантами, писали впоследствии и другие советские полководцы. Такие признания со стороны ведущих военачальников Второй мировой войны показывают не локальный, а действительно стратегический характер действий германских диверсионных подразделений летом 1941 г.

Диверсанты полка «Брандербург-800», абверкоманды и абвергруппы фронтовой разведки, состоявшие при отделе «Валли-2», имели за плечами богатейший опыт проведения разведывательно-диверсионных операций в Польше, Бельгии, Голландии, Норвегии, Франции, Югославии, Греции, на Ближнем

Востоке и Крите. Кроме того, опыт этот базировался еще и на противостоянии соответствующих контрразведывательных и контрдиверсионных сил этих стран. Диверсанты разрушали коммуникации, захватывали переправы, наводили авиацию и танки на маршевые колонны, уничтожали командный состав Красной армии и сеяли панику среди отступающих бойцов. В первые две-три недели войны «тевтонский меч» эффективно разрезал советские тылы. А некогда грозный «сталинский меч» – специальные разведывательно-диверсионные группы НКВД, РУ ГШ РККА и Коминтерна по воле партийных вождей были по большей части ликвидированы в 1936–1939 гг. или в лучшем случае находились в «политическом отстойнике». Нервические попытки мгновенной реанимации разрушенной системы, предпринятые буквально накануне войны, не могли дать серьезного результата. Приходилось пожинать плоды «партийных войн» и самодовольно-подобострастной конъюнктуры, взращенной той обстановкой общей подозрительности, нетерпимости и шпиономании, в которой страна пребывала достаточно значительное время.

Созданные начальником Специальной группы особого назначения при наркоме внутренних дел СССР Я. И. Серебрянским в крупных морских портах и на железнодорожных узлах ряда стран Западной Европы нелегальные диверсионные группы из числа коминтерновцев и бойцов интербригад в результате репрессий против руководства групп утратили связь с Центром и перешли на нелегальное положение «от своих». Сам Я. И. Серебрянский оказался в числе арестованных «врагов народа, пробравшихся в советскую разведку», был приговорен к смертной казни и ожидал исполнения приговора. Редкие счастливцы, в том числе И. Золотарев, И. Каминский, К. Клюкин, Д. Медведев, Н. Прокопюк, Н. Лопатин и некоторые другие, получили тюремные сроки либо работали «прорабами» на стройках ГУЛАГа. Начавшаяся война с нацистской Германией и вмешательство в их судьбы таких людей, как П. А. Судоплатов, спасли многим из них жизнь.

А ведь гитлеровские стратеги небезосновательно больше всего опасались ситуации, при которой использование заранее подготовленных для отражения вражеского вторжения советских диверсантов было бы наиболее эффективным. Еще 15 сентября 1940 г. Верховным командованием вермахта был утвержден малоизвестный широким кругам читателей проект военной кампании против СССР, так называемый «Этюд Лоссберга». В нем, в частности, говорилось, что в войне против Германии у СССР есть три возможности:

«I. Русские захотят нас упредить и с этой целью нанесут превентивный удар по начинающим сосредоточиваться у границы немецким войскам.

II. Русские армии примут на себя удар немецких вооруженных сил, развернувшись вблизи границы, чтобы удержать в своих руках новые позиции, захваченные ими на обоих флангах (Балтийское и Черное моря).

III. Русские используют метод, уже оправдавший себя в 1812 г., т. е. отступят в глубину своего пространства, чтобы навязать наступающим армиям трудности растянутых коммуникаций и связанные с ними трудности снабжения, а затем, лишь в дальнейшем ходе кампании, нанесут контрудар.

Относительно этих трех вариантов можно сказать следующее.

Вариант I.

Представляется невероятным, что русские решатся на наступление крупных масштабов. <…>

Вариант II.

Это решение представляется наиболее вероятным, поскольку нельзя предположить, что столь сильная военная держава, как Россия, без боя уступит свои богатейшие, в том числе и недавно завоеванные области. <…>

Вариант III.

Если русские будут заранее строить свой план ведения войны на том, чтобы сначала принять удар немецких войск малыми силами, а главную свою группировку сконцентрировать в глубоком тылу, то рубежом расположения последней севернее Припятских болот может быть, скорее всего, мощный водный барьер, образуемый реками Двина (Даугава) и Днепр. Этот барьер имеет разрыв шириною всего приблизительно в 70 метров – в районе южнее Витебска.

Такое неблагоприятное для нас решение следует также учитывать как возможное. С другой стороны, совершенно невероятно, что южнее Припятских болот русские без боя оставят почти незаменимые для них области Украины…»

Да, действительно, трудно отказать германским стратегам и аналитикам в адекватности восприятия действительности и умении прогнозировать возможное развитие готовящихся военных действий…

А теперь вернемся к тому дню, когда П. А. Судоплатов получил распоряжение Л. П. Берия об организации Особой группы (ОГ), чтобы понять, с какими трудностями ему пришлось столкнуться при выполнении этого распоряжения. Первая из них заключалась в том, что в феврале 1941 г., во время очередной реорганизации органов госбезопасности, особые отделы были

переданы из НКВД в подчинение наркоматов обороны и ВМФ. Второй проблемой был вопрос координации деятельности различных советских спецслужб.

«Получив указания Берии… об организации разведывательно-диверсионного аппарата на случай начала войны, – писал П. А. Судоплатов, – я столкнулся с исключительно сложным вопросом: каким образом самостоятельная служба диверсий и разведки будет действовать в прифронтовой полосе и ближайших тылах противника во взаимодействии с военной контрразведкой? Ведь в прифронтовой полосе именно она олицетворяла действия органов госбезопасности. <…>

Разработкой этого задания мы занялись вместе с Эйтингоном и Мельниковым. Сразу же возник вопрос: как создаваемый аппарат должен взаимодействовать с остальными оперативными подразделениями? Ведь Берия, возглавляя НКВД, не являлся наркомом государственной безопасности, а указание о создании аппарата он давал как заместитель председателя Совета народных комиссаров, то есть заместитель руководителя правительства. Имелось в виду, что опираться этот специальный аппарат должен как на НКГБ, так и на НКВД, поскольку именно в его прямом подчинении находились пограничные и внутренние войска, то есть основные воинские части, которые предполагалось задействовать в диверсионных операциях».

На плечи Судоплатова и Эйтингона легли крайне нелегкие задачи, связанные с передачей в распоряжение Особой группы агентуры различных спецслужб НКВД, НКГБ и РККА. В этой работе им помогали Н. Д. Мельников, В. А. Дроздов, А. Ф. Камаева-Филоненко и А. Кочергина. Агентуру для дальнейшего использования против германских спецслужб надо было срочно изучить и проверить на предмет ее пригодности к действиям в условиях военного времени. Необходимо было в крайне сжатые сроки свести воедино информацию из III (особые отделы) Управления Наркомата обороны, II (контрразведывательного) и III (секретно-политического) управлений НКГБ, Главного управления погранвойск НКВД и т. п. Разведывательно-диверсионному аппарату ОГ следовало наладить прямую связь как с их центральными аппаратами, так и их территориальными органами.

«Речь шла не только о предотвращении широкомасштабных провокаций на всей границе от Белоруссии до Черного моря, – пишет П. А. Судоплатов, – но и развертывании разведывательно-диверсионной работы в ближайших тылах немецких соединений, если они перейдут границу. Сразу же стало очевидным, что агентуры, которой мы располагали, было недостаточно.

Кроме того, специальных воинских подразделений, к которым можно было бы подключить агентурно-оперативные боевые группы для партизанской войны в тылу противника, не существовало. Правда, мы могли рассчитывать на особый резерв Коминтерна, имевший боевой опыт партизанской войны в Испании.

Эйтингон занялся координацией будущих действий с Генштабом и с командованием Красной армии в приграничных округах. Контакта с командующим войсками Западного Особого военного округа Д. Павловым у него не получилось. Но наладились хорошие рабочие отношения с организатором спецназа и партизанских отрядов в период финской войны полковником Разведупра Красной армии Х. Мамсуровым.

Сразу же возник главный, имеющий политическое значение вопрос: кто будет отдавать приказ о конкретных, неотложных боевых действиях в тылу противника по линии НКВД в случае начала войны? Не менее важно было и то, кто должен давать санкцию на развертывание диверсионной работы в Польше, Германии и Скандинавии. К сожалению, из опыта испанской и финской войн выводов было сделано маловато. Успех диверсий в тылу противника во многом зависел от ограничения маневренных возможностей танковых группировок немцев путем уничтожения складов с горючим и срывом их снабжения. Это чисто теоретически прорабатывалось Мамсуровым и Эйтингоном на встрече с Голиковым в здании Разведупра на Гоголевском бульваре.

Утром в субботу, 21 июня, Берия согласился с предложениями Эйтингона, которые я активно поддержал, о том, что мы должны располагать специальным боевым резервом в 1200 человек из состава пограничников и внутренних войск. У Эйтингона была идея создать четыре батальона диверсионного назначения. Три предполагалось развернуть на Украине, в Белоруссии и Прибалтике, а четвертый оставить в резерве в Подмосковье. <…>

В первый же день войны в нашей работе стало чувствоваться большое напряжение. Нас особенно тревожило развитие событий на границе. Сведения поступали самые противоречивые. Днем 22 июня Берия вызвал меня, Масленникова, командующего пограничными войсками, и предложил, чтобы Эйтингон срочно вылетел в Минск. А потом, подумав, сказал, что, пожалуй, имеет смысл вылететь в Проскуров, где будут разворачиваться события на Юго-Западном направлении, и решить, что можно сделать по линии диверсионной службы для всемерной поддержки Красной армии.

Однако Эйтингон никуда не уехал. Вызванный к Берии, он вместе со мной спорил, доказывая, что есть смысл выехать на место только для того, чтобы разобраться в обстановке. Потому что реально нами не были подготовлены ни силы, ни средства для развертывания диверсионных подразделений и партизанской войны. Надо было сначала получить информацию о том, что там происходит. Нехотя Берия согласился».

Нападение Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. заставило руководство СССР действовать в условиях цейтнота, навязанного противником. В первые дни войны оно не сумело адекватно оценить масштаб агрессии, и части Красной армии получили совершенно абсурдный, не соответствующий возможностям и сложившимся обстоятельствам приказ выбить немецкие войска за пределы Союза. Как известно, усилия Красной армии остановить наступление немцев контрударами успехом не увенчались, и наши войска понесли колоссальные потери. В самых неблагоприятных условиях начала войны пришлось действовать и особому резерву Коминтерна, о котором упоминает наш герой.

В день нападения в 7 часов утра Г. Димитров был вызван в Кремль к Сталину. По мнению руководства ВКП (б) официальной задачей Коминтерна отныне становилось содействие СССР в борьбе против немецко-фашистских захватчиков. После возвращения из Кремля Димитров собрал экстренное заседание Секретариата ИККИ, на котором проинформировал присутствовавших о военно-политической ситуации, сложившейся после начала войны. Он отметил, что в настоящий момент в отдельных странах не следует призывать ни к свержению капитализма, ни к мировой революции. Особую роль Димитров отводил пропаганде, которая, по его мнению, должна быть такой же наступательной, как и война против фашизма. В тот же день компартиям Англии, Болгарии, Германии, Голландии, Китая, США, Франции, Швеции и Югославии были направлены шифровки. В них указывалось, что защита СССР – это защита всех народов оккупированных нацистской Германией европейских стран.

23 июня Г. Димитров провел совещание с группой болгарских революционеров-эмигрантов: Х. Боевым, И. Винаровым, В. Коларовым, С. Димитровым и Г. Дамяновым. На этом совещании он в общих словах обрисовал положение на фронтах и внес предложения по использованию политэмигрантов в борьбе против немецких войск.

«Исполнительный комитет Коминтерна, – вспоминал впоследствии об этом совещании И. Винаров, – предложил ЦК

ВКП (б) и Советскому правительству сформировать специальный интернациональный полк в составе бригады и получил на это согласие. В этот полк Г. Димитров решил собрать всех политических эмигрантов – испанцев, французов, англичан, немцев, чехов, словаков, австрийцев, болгар, румын, греков, поляков, итальянцев и других, – которые нашли себе вторую родину в Советском Союзе. Бригаде, личный состав которой превысил бы несколько тысяч человек, надлежало формироваться в Москве и включиться в оборону советской столицы. Нас троих (Боева, Радойнова и меня) Коминтерн направил в интернациональный полк и поставил задачу по его созданию. При его формировании нам гарантировалась необходимая поддержка Коминтерна и лично Георгия Димитрова.

Еще до сформирования бригады Георгий Димитров потребовал от нас привести в боевую готовность находившихся в Москве и ближайших окрестностях болгарских политэмигрантов. Часть из них предполагалось включить в состав бригады для обороны Москвы, а другую – отправить со специальными заданиями в тыл немецко-фашистских войск.

– Вы понимаете, что я имею в виду, товарищи, – добавил Георгий Димитров. – Я имею в виду Болгарию… Заграничное бюро нашей партии решило, – продолжал он, – направить группу из нескольких десятков политэмигрантов в помощь партии. Вы знаете, она находится на нелегальном положении с 1923 г. Многие тысячи болгарских коммунистов были уничтожены во время Сентябрьского восстания 1923 г. и в апрельские дни 1925 г. Тысячи позднее были брошены в тюрьмы, расстреляны, повешены. Несколько сот сражались в Испании, немало болгар сложили головы на испанской земле. Часть бойцов интернациональных бригад сумела вернуться в Советский Союз или в Болгарию, но большинство из них попали в концентрационные лагеря во Франции… Ввиду этого партия в настоящий момент не имеет достаточного количества подготовленных кадров. Как же она поведет пародна вооруженную борьбу?

Задача группы состояла в том, чтобы проникнуть через линию фронта в Болгарию, которая фактически являлась гитлеровским тылом, и там оказать помощь Центральному Комитету по организации антифашистского движения Сопротивления.

– Что касается состава группы, – сказал Георгий Димитров, – то это уточните с Георгием Дамяновым. Следует самым внимательным образом оценить возможности каждого человека. Сейчас на родине нужны не просто бойцы, которые могут только стрелять, а командиры и организаторы, способные повести за собой массы, возглавить партизанские отряды… Действуйте как

можно быстрее, – закончил Георгий Димитров. – Наш главный интернациональный долг теперь состоит в том, чтобы сделать все возможное для оказания помощи советскому народу…

Группу составлять начали немедленно. К концу июня мы уточнили, кого из людей следует включить в ее состав. Люди были различных специальностей – военные инженеры, экономисты, партийные работники, журналисты, профессора. Большинство из них были с богатым революционным опытом, участники Сентябрьского восстания, бойцы интернациональных бригад в Испании – лучшая часть болгарской политэмиграции, часть „золотого фонда“ нашей партии, как в свое время сказал Васил Коларов.

На каждого члена группы мы составили краткую характеристику. К этой работе подключился и Цвятко Радойнов, который вернулся из командировки, где смог, как он рассказывал, почувствовать запах войны. Подготовленный список был представлен в Заграничное бюро партии. И был одобрен.

В конце июня приступили к вызову намеченных людей».

Именно так началось формирование первой разведывательно-диверсионной резидентуры Особой группы, получившей кодовое название «Братушки». И опять – в который уже раз! – в истории нашей страны в XX в. свою роль сыграли сотрудники нелегальных структур ИККИ.

Предварительная работа по комплектованию разведывательно-диверсионной резидентуры началась еще до официального приказа об образования Особой группы. 25 июня 1941 г. совершенно секретный список из 29 болгар-коминтерновцев, участников войны в Испании, проработанный в секретариате Г. Димитрова, был доставлен специальным курьером из Коминтерна на Лубянку и лег на стол П. А. Судоплатова. Павел Анатольевич основательно потрудился над ним. Список густо испещрен его краткими пометками и в конце содержит короткую и энергичную резолюцию: «т. Пудин. Весьма срочно! Проверить по выездным делам всех перечисленных в этом списке лиц».

А через два дня, 26–27 июня, был отдан приказ НКВД о формировании войск Особой группы при наркоме внутренних дел СССР для выполнения специальных заданий в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. В момент, когда гитлеровские войска уже взяли столицу Белоруссии, а вожди советского государства, потрясенные вероломством и мощью удара, находились в растерянности, будучи не в состоянии объяснить своему народу, что произошло «с непобедимой Красной Армией», П. А. Судоплатов и его коллеги были вынуждены предпринимать

быстрые и энергичные меры.

«В формировании войск и оперсостава этой группы, – вспоминал П. А. Судоплатов, – мы опирались на кадры внутренних войск и соответствующих оперативных подразделений НКВД. Первоначально наряду с Эйтингоном мне без официального приказа в качестве заместителя был придан Ш. Церетели, занимавшийся отбором добровольцев-спортсменов на стадионе „Динамо“. Он был организатором успешно закончившейся борьбы с бандитизмом на Кавказе в 20-е гг. <…>

При наборе людей мы пошли по пути, подсказанному опытом финской войны, – задействовали спортивно-комсомольский актив страны. ЦК ВЛКСМ принял постановление о мобилизации комсомольцев для службы в войсках Особой группы при НКВД. Мы мобилизовали выпуски Высшей школы НКВД и разведчиков Школы особого назначения, а также молодежь из органов милиции, пожарной охраны. <…> В наше распоряжение по решению ЦК ВКП (б) перешел весь резерв боеспособных политэмигрантов, находящихся на учете в Коминтерне».

Первым начальником войск Особой группы при наркоме НКВД стал комбриг П. М. Богданов, один из руководителей Управления пожарной охраны НКВД; военкомом – инженер (впоследствии офицер-чекист) А. А. Максимов; заместителем начальника – полковник М. Ф. Орлов; начальником штаба войск ОГ – подполковник В. В. Гриднев. Формирование войск ОГ велось в г. Москве на стадионе «Динамо».

Школа особого назначения

Комплектование спецназа личным составом происходило из состава наркоматов внутренних дел и государственной безопасности; из Высшей школы НКВД СССР и Курсов усовершенствования НКГБ СССР; из НКВД – НКГБ республик и УНКВД – УНКГБ краев и областей; из представителей саперных подразделений дивизии особого назначения НКВД СССР им. Ф. Э. Дзержинского и 3-го полка МПВО НКВД СССР; из органов милиции и пожарной охраны НКВД СССР; из спортсменов Центрального института физической культуры и добровольных спортивных обществ; из комсомольцев по разверстке ЦК ВЛКСМ; из спецконтингента Коминтерна.

Уже на четвертый день после гитлеровского нападения 140 слушателей основного отделения Высшей школы НКВД были откомандированы в специальный отряд при Особой группе НКВД, 27 июня 1941 г. отряд пополнили 156 слушателей курсов усовершенствования руководящего состава школы, а 17 июля – 148 слушателей литовского, латвийского, польского, чехословацкого и румынского отделений курсов.

М. Ф. Орлов, командир ОМСБОН НКВД СССР в 1941–1942 гг.

В. В. Гриднёв, командир ОМСБОН НКВД СССР в 1942–1943 гг.

В момент формирования подразделение спецназа организационно состояло из пяти отрядов по сто человек в каждом, а также саперно-подрывной роты численностью 90 человек. А через несколько дней войска Особой группы НКВД СССР были переформированы в две бригады: 1-ю (командир – полковник М. Ф. Орлов) и 2-ю (командир – подполковник Н. Е. Рохлин).

1-я бригада была сформирована 6 июля в составе четырех батальонов: 1-го – из личного состава слушателей учебных заведений НКВД и НКГБ; 2-го – из спецрезерва Коминтерна,

костяк которого составляли бывшие бойцы и командиры испанских интернациональных бригад; 3-й и 4-й – из спортсменов Центрального института физкультуры и спортивных обществ Москвы, а также добровольцев из числа рабочей молодежи. 2-я бригада была сформирована 16 июля 1941 г. Ее костяк составляли сотрудники органов госбезопасности и внутренних дел, и в том числе милиции и пожарной охраны, а также добровольцы из числа студентов московских вузов. Батальоны бригады делились на отряды, а отряды – на спецгруппы. В штатах войск Особой группы числились также три отдельные роты: саперно-подрывная, связи и автомобильная, а также школа специалистов (разведчиков и диверсантов), напрямую подчиненная ей.

Уже к концу июня стало ясно, что на фронтах складывается крайне неблагоприятная для Красной армии ситуация. Через неделю после начала войны, 29 июня 1941 г., вышла совместная директива ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков». В директиве, в частности, указывалось:

«В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т. д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия».

Из текста директивы можно сделать вывод, что организация партизанских и диверсионных действий в тылу немецких войск высшим военно-политическим руководством СССР рассматривалась не только как задача вооруженных сил, а как одна из важнейших политических задач партийных и советских органов. Несомненно, что с чисто военной точки зрения данный документ был пропагандистским лозунгом, поскольку никакой руководящей партийной или государственной структуры, предназначенной «для разжигания партизанской войны» летом 1941 г. еще не существовало. Но, с другой стороны, директива имела колоссальное политическое значение. В тяжелейших условиях, когда многие местные органы власти в прифронтовых районах были деморализованы, этот документ мобилизовал тех, чей дух не сломился перед лицом наступающего врага, кто, даже оказавшись за линией фронта, мог собрать силы для ведения борьбы с противником.

Соответствующую директиву 30 июня 1941 г. получили и в Коминтерне. На встрече Димитрова и Молотова последний

сказал:

«Каждый час дорог. Коммунисты должны предпринять везде самые решительные действия в помощь советскому народу. Главное – дезорганизовать тыл врага и разлагать его армию».

Перед руководством Коминтерна ставились три основные задачи: организация саботажа, диверсий и партизанского движения в тылу противника; разложение его войск, особенно войск союзников Германии; организация разведывательной работы в странах Европы.

Сбор офицеров различных миссий в Ставке И. Б. Тито в годы Второй мировой войны

В тот же день Димитров подписал на имя Вальтера (псевдоним И. Б. Тито) директиву для КП Югославии. В ней, в частности, указывалось:

«Настал час, когда коммунисты должны подымать народ на активную борьбу против оккупантов. Организуйте, не медля ни одной минуты, партизанские отряды и развертывайте в тылу врага партизанскую войну. Поджигайте военные заводы, склады, нефтехранилища, аэродромы, разрушайте железные дороги, телефонную и телеграфную сеть, не пропускайте перевозки войск и боеприпасов. Организуйте крестьян, чтобы они закапывали хлеб, угоняли в леса скот».

В директиве Щ. Георгиеву для КП Румынии от 1 июля 1941 г. Димитров писал:

«Надо всяческими способами поднимать народ против

фашистских варваров и их румынских пособников. Организовать демонстрации и другие массовые выступления в городах за хлеб и против войны. Срывать всеми средствами использование немцами военных материалов и продовольственных и сырьевых ресурсов Румынии. Решительно мешать перевозке немецких войск и оружия, разрушая железные дороги, мосты. Уничтожать немецкие аэродромы, запасы нефти, склады оружия. Разлагать армию, всемерно поощряя массовое дезертирство. Разжигать ненависть румынских солдат против германских оккупантов. Всячески дезорганизовать румынский тыл германской армии».

Однако сделать все это было очень непросто. К началу войны с Советским Союзом гитлеровские спецслужбы и их коллеги из сателлитов фашистской Германии почти полностью уничтожили коммунистическое подполье и ликвидировали агентурную сеть Коминтерна в Болгарии, Румынии, Венгрии, Словакии и Польше. Те немногие, что смогли уцелеть после репрессий, ушли в глубокое подполье, потеряв связь с советской разведкой и Коминтерном. Лишь горстке удалось скрыться от преследований гестапо и полиции, а затем через третьи страны добраться до СССР. Связь с коммунистическим подпольем была нужна как воздух. Поэтому П. А. Судоплатову и его подчиненным ничего другого не оставалось, как осуществлять комплектование первых резидентур из числа бывших бойцов интербригад, воевавших с фашистами в Испании, и коминтерновцев, проживавших в СССР и чудом избежавших массовых чисток и репрессий.

Спустя две недели после начала войны Судоплатов и его коллеги приступили к формированию первых разведывательно-диверсионных резидентур, предназначенных для заброски в глубокий тыл противника.

В последний день июля заместитель начальника 5-го отдела I Управления НКВД капитан госбезопасности В. Дубовик подробным рапортом доложил о результатах выполнения указания. Вместе с сотрудниками отдела он выполнил поистине титаническую работу. Несмотря на хаос и неразбериху, царившие в первые дни войны во многих учреждениях, органы государственной безопасности работали без существенных сбоев. Все 29 кандидатов в будущую резидентуру были установлены и изучены. По каждому из них в рапорте содержится подробная и объективная информация. В большинстве своем это оказались люди, которые не нуждались в особых рекомендациях. Так, например, Николов Ангел Ангелов (Миленков Александр Петков) имел за своими плечами многолетний опыт подпольной борьбы. Когда над ним нависла угроза ареста, по каналам Коминтерна он покинул Болгарию и затем в ряде стран Западной Европы

выполнял специальные задания. С началом Гражданской войны в Испании добровольцем отправился на фронт, где командовал пулеметной ротой. Янков Георгий Петрович (Петков Мирко Станков) в 1923 г. руководил революционным восстанием в одном из районов Центральной Болгарии. Был приговорен к двенадцати годам тюремного заключения, но бежал из тюрьмы. Заочно трижды приговаривался к смертной казни. По нелегальному каналу ушел в СССР и продолжил партийную работу в Коминтерне. В 1937 г. воевал в Испании, инструктор 1-го батальона броневиков. Димитров Димитр Илиев за революционную деятельность заочно был приго ворен к смертной казни, но продолжил борьбу в глубоком подполье. Полиции не удалось его захватить – помогли скрыться русские друзья. В Советском Союзе он нашел не только новый дом, но и ответственную работу. Долгое время по линии нелегальной резидентуры работал в Китае, а затем в составе интернациональной бригады сражался в Испании. Радойнов Колев Цвятко принимал активное участие в народном восстании 1923 г. Спасаясь от преследований полиции, эмигрировал в СССР, где обрел свою вторую родину. Не раз рискуя жизнью, служил ей на самых ответственных и опасных участках. Неоднократно выполнял специальные задания Коминтерна и советской разведки. За свои заслуги удостоился высокого воинского звания полковник. Иван Цолов Винаров занимался закупкой и похищением с армейских складов оружия для компартии. В 1921 г. арестован, бежал, эмигрировал в СССР. Занимался транспортировкой оружия из СССР в Болгарию. С 1924 г. – сотрудник РУ РККА. В 1925 г. был на нелегальной работе на Балканах. С 1926 г. – военный советник, в 1927–1929 гг. помощник резидента в Китае. В начале 1930-х гг. резидент в Австрии и на Балканах. В декабре 1936-го – марте 1938 г. руководил в Париже оказанием помощи республиканской Испании.

Других их соратников – Ярома Панайота Георгиева, Мискетова Атанаса Дойчева – в Болгарии также ждали смертные приговоры. А остальные члены резидентуры «Братушки» имели в совокупности несколько сотен лет тюремного заключения!

Несмотря на опасность быть пойманными, все без исключения кандидаты без малейшего колебания пришли на встречу с капитаном государственной безопасности В. Дубовиком в административный корпус стадиона «Динамо». На встрече также присутствовал сотрудник I Управления НКГБ СССР (разведка) лейтенант А. Галкин, которому предстояло с позиций советского полпредства в Софии координировать работу

руководителей групп резидентуры. И это была непростительная, но, к сожалению, не последняя ошибка, допущенная подчиненными П. А. Судоплатова! То ли горячка первых военных дней, то ли абсолютная вера в людей, не раз смотревших смерти в глаза, заставили капитана В. Дубовика пренебречь главным правилом любой спецслужбы – конспирацией. Участники будущей разведывательно-диверсионной резидентуры не только увидели друг друга, но и теперь знали своего будущего координатора – А. Галкина!

В последующем эта ошибка потянула за собой другую: сотрудники, занимавшиеся подготовкой «Братушек», видимо, понадеялись на многолетний опыт нелегальной работы ее участников и не провели требующегося в таких случаях подробного инструктажа. Как следствие, отдельные наиболее несдержанные и горячие проговорились в кругу близких друзей о скорой высадке разведывательных групп на Черноморском побережье Болгарии и последующей подготовке восстания. Кроме того, помимо Г. Димитрова об особой миссии «Братушек» в общих чертах были осведомлены несколько членов болгарской секции в Коминтерне. В условиях несоблюдения жестких правил конспирации произошла банальная утечка информации о предстоящей операции.

4 июля 1941 г. Димитров доложил Сталину пожелания болгарских коммунистов об организации восстания против царя Бориса и его немецких покровителей в Болгарии. Реально оценивая ситуацию, Сталин ответил: «Никакого восстания сейчас. Разобьют рабочих. Пока мы не можем оказать никакой помощи. Попытка восстания будет провокацией».

5 июля 1941 г. конспиративное существование Особой группы было легализовано приказом наркома внутренних дел СССР. Новый (старый) руководитель группы – майор государственной безопасности П. А. Судоплатов и его заместители Н. И. Эйтингон и Ш. О. Церетели продолжили работу в условиях жесточайшего лимита времени и кадров.

Узнав об утечке информации, 7 июля 1941 г. начальник 3-го отдела I Управления НКГБ СССР за № 8 /1431 ориентировал П. А. Судоплатова «о фактах распространения гражданином Болгарии „П“ слухов о том, что якобы по поручению НКВД СССР он должен вылететь на самолете в Болгарию с каким-то заданием». Павел Анатольевич отреагировал незамедлительно и потребовал от Н. Эйтингона, В. Дубовика и А. Галкина: «Срочно отозвать из групп лиц, отрицательно себя зарекомендовавших».

К сожалению, его решение оказалось запоздалым, слухи о предстоящей высадке разведывательных групп в Болгарии с

целью организации восстания «пошли гулять» среди более чем тысячной болгарской колонии коминтерновцев в Москве.

«Каждый болгарский политэмигрант, – вспоминал И. Винаров, – считал своим долгом, делом личной и революционной чести идти в самое опасное место боя. Некоторых из них, кто не имел необходимого опыта работы во вражеском тылу, мы не вызывали, но каким-то образом они узнали, что наши группы готовятся к отправке туда, в Болгарию, и шли сами – и не раз, – настаивали, просили, умоляли принять их, чтобы встать в ряды первых, кто отправится сражаться на родную землю. Все они с трогательным волнением высказывали свои просьбы. А ведь просили только о том, чтобы им разрешили сражаться».

В этой связи нельзя было исключать и того, что вражеские спецслужбы, возможно, в том или ином виде получили (либо могли получить) информацию о планируемой операции. Последующий ее провал, когда большинство разведчиков были выслежены, а затем уничтожены или захвачены в плен, объясняется не только техническими и организационными просчетами при подготовке групп, но и тем, что противник, видимо, действительно мог заблаговременно узнать о готовящейся заброске в Болгарию. Но тогда, в июле сорок первого, как П. А. Судоплатов, так и его подчиненные вряд ли рассчитывали на подобный ход развития событий. Безжалостное военное время подгоняло их вперед.

Отсеяв нескольких явных болтунов, они определились по составу резидентуры, и 8 июля 1941 г. первые 32 добровольца приступили к подготовке на спецдачах НКВД неподалеку от станций Сходня, Быково и Можайское. В течение недели под руководством опытных инструкторов члены создаваемой резидентуры занимались интенсивной боевой подготовкой.

«Подготовка, – вспоминал И. Винаров, – началась с частью людей еще в Москве: там многие обучались стрельбе из различных видов оружия. После мы собрали людей в окрестностях столицы и организовали теоретические и практические занятия по минно-подрывному и радиоделу, прыжкам с парашютом. Изучали обстановку и политическое положение в стране и прочее… Занятия по минно-подрывному делу проводил инженер Басил Додев. Отличный электротехник, в недавнем прошлом главный инженер крупного московского завода, мой сотрудник по работе в 1924–1930 гг. в Вене».

В то время когда «Братушки» уже готовились к операции, в Коминтерне работа по подбору кадров продолжала набирать обороты. 11 июля в обращении к Берия Димитров писал:

«Кроме наших людей, которых отбираем и отдаем т.

Судоплатову и V Управлению РККА, мы подобрали, проверили и подготовили группы иностранных коммунистов для партийно-политической работы и организации партизанского движения в Германии, Польше, Венгрии, Прикарпатской Украине и Болгарии.

Списки и справки на эти группы первой очереди отправили сегодня т. Меркулову. Немецкая группа – 11 человек, польская – 12 человек, венгерская – 12 человек, прикарпатско-украинская – 7 человек и болгарская – 11 человек.

Одновременно проверяем и подготовляем людей для групп второй очереди, а также для групп в другие страны…»

К сожалению, основная работа специальных структур Коминтерна по организации партизанского и диверсионного движения в странах Европы после 22 июня 1941 г. по большей части строилась на сиюминутной импровизации. Создававшаяся с 1926 г. и существовавшая на случай войны западных стран с СССР партизанская и диверсионная сеть в сопредельных государствах после 1936 г. почти полностью была разрушена. Перебросить разведывательно-диверсионные группы (а также оружие, снаряжение, продовольствие, питание для раций и т. п.) в тыл противника гораздо сложнее, чем активизировать заранее подготовленные обученные, идеологически мотивированные группы, имеющие на секретных базах необходимые запасы оружия, боеприпасов, питания, средств связи и средств передвижения. Именно такую же тактику на начальном этапе успешно использовали специалисты абвера, фактически перехватив наработанную ИККИ тактику и применив ее против ее же создателей.

После сдачи зачетов отдельными группами по 7–8 человек с 15 по 18 июля члены РДР «Братушки» были переброшены военной авиацией на оперативную базу разведотдела Черноморского флота в Севастополь. Там под руководством А. Галкина и начальника отдела полковника Б. Намгаладзе они продолжили занятия по боевой и специальной подготовке и шлифовали последние детали предстоящей операции. Проводились усиленные тренировки в гребле, плавании и пользовании надувными десантными лодками, поскольку было принято решение перебрасывать первую группу в Болгарию на подводных лодках. Со стороны Черноморского флота группу курировал заместитель начальника разведывательного отдела штаба С. Л. Ермаш.

«Нашу группу, – продолжает И. Винаров, – следовало перебросить в Болгарию как можно скорее. Другие группы, составленные также из людей, которые были включены в список, должны были последовать сразу же вслед за нами. Заботу об их

комплектовании и направлении во вражеский тыл взял в свои руки Георгий Дамянов, в помощь которому были подключены Фердинанд Козовский, Карло Луканов, Жечо Гюмюшев, Стоян Палаучов, Йордан Кискппов и другие. Тридцать товарищей из второй группы были, как известно, переброшены в Болгарию по воздуху пятью группами. Они стали широко известны в нашей истории антифашистской борьбы как „парашютисты“. Наша группа стала называться группой так называемых „подводников“».

Все участники операции имели на вооружении несколько комплектов ручного стрелкового оружия, пистолеты типа «вальтер» или «маузер», ручные гранаты, автоматы, комплекты карт районов действия, деньги в болгарской и немецкой валюте, документы прикрытия и запас продовольствия. К 4 августа Б. Намгаладзе и А. Галкин полностью завершили работу над планом переброски резидентуры «Братушки» в Болгарию и доложили о нем в Москву П. А. Судоплатову. С незначительными изменениями план был им утвержден.

Первой 5 августа через Москву была отправлена группа во главе с Иваном Винаровым. В группу были подобраны болгары, знавшие турецкий язык: Янко Комитов Стоянов, Атанас Дойчев Мискетов и Тодор Фотакиев Николов. На специальном самолете группа прибыла в Тегеран и там растворилась в городе, который в те месяцы напоминал бурлящий котел. Сменив документы, разведчики в течение недели изучали остановку и, не обнаружив за собой следов слежки, выехали на границу. Там, благополучно пройдя пограничный контроль, они перешли в Турцию, откуда должны были перебраться в Болгарию. Но Винарова и его товарищей подвела досадная мелочь, а мелочей, как известно, в нелегальной работе не бывает. В Турции группу выследили, обнаружив неточности в паспортах. 26 августа Я. Стоянов и Т. Николов были арестованы турецкой полицией и через день выданы болгарским властям. И. Винаров и А. Мискетов были вынуждены искать убежище в советском посольстве, откуда в октябре 1941 г. вернулись в Москву.

П. А. Судоплатов не знал о провале группы Винарова. 30 августа, обеспокоенный столь долгим молчанием, он срочно запросил Б. Намгаладзе и А. Галкина: «…Сообщите о месте нахождения и положении первой группы. Когда может быть отправлена вторая группа?» Но те ничего утешительного доложить не могли. Радист И. Винарова на вызовы радиоцентра не отвечал. Советские резидентуры в Турции и Болгарии тоже не располагали какой-либо информацией. А в это время заброска «Братушек» продолжалась.

11 августа 1941 г. с подводной лодки на болгарский берег

высадилась группа из 14 человек. Командир группы – Цвятко Колев Радойнов; врач – Иван Маринов Иванов; разведчики – Димитр Илиев Димитров, Иван Петров Изатовский, Трифон Тодоров Георгиев, Васил Цаков Йотов, Кирил Рангелов Видинский, Сыби Димитров Денев, Ангел Георгиев Ников, Антон Петков Бекяров, Коста Лагодинов, Тодор Димов Гырланов, Симеон Филипов Славов; радист-шифровальщик – чех Иосиф Бейдо-Байер. На эту группу возлагалась ответственная задача: после высадки на болгарском побережье связаться с коммунистами в городе Сливен, с их помощью развернуть основную базу и обеспечить прием других групп.

Высадка проходила сложно. Море штормило, сильный дождь затруднял видимость. Волна захлестнула одну из шлюпок, и ее пассажирам пришлось перебираться в те, что находились поблизости. Несмотря на шторм, никто не утонул, все 14 разведчиков в конце концов благополучно высадились на берег. Из-за сильного течения и непогоды им не удалось собраться вместе, поскольку берег патрулировался, а в воздух взлетали осветительные ракеты. Двумя группами, одна во главе с Ц. Радойновым, а другая с С. Деневым, диверсанты покинули место высадки и направились в район общего сбора, находившийся вблизи города Сливен.

На четвертые сутки группа Ц. Радойнова благополучно добралась до места и разбила лагерь. Не дожидаясь подхода другой группы, Ц. Радойнов выслал разведку в Сливен для налаживания связи с местным подпольем. Но здесь его поджидал первый тяжелый удар – оно было полностью разгромлено. Хозяин чудом уцелевшей явочной квартиры при появлении разведчиков шарахнулся от них как черт от ладана и наотрез отказался от сотрудничества.

Ц. Радойнов не узнавал Болгарии. Его московские представления о том, что болгарский рабочий класс и крестьянство, возмущенные вероломным нападением фашистов на первое в мире социалистическое государство, только и ждут сигнала, чтобы восстать, оказались иллюзией. Он и его разведчики наблюдали совершено обратное. Предпринятые ими попытки наладить контакты с местными жителями и пополнить подходившие к концу запасы продовольствия в ряде случаев наталкивались на откровенно враждебное отношение.

В ходе очередного радиообмена с Центром Ц. Радойнов сообщил: «…Нахожусь в горах. Контакт с местными отсутствует».

Несмотря на эту настораживающую информацию, Б. Намгаладзе и А. Галкин тем же путем направили в Болгарию вторую группу. Ц. Радойнов, так и не дождавшись прихода на

базу С. Денева, а с ним еще шести разведчиков, вместе с радистом отправился на встречу с десантом.

Несколько дней прошло в томительном ожидании. 17 августа тон радиограмм становится все более тревожным. Радойнов сообщает:

«…Положение группы тяжелое – отсутствует связь с местными группами. Идет слежка. В составе группы оказался троцкист. Вторую группу прошу сократить до минимума».

К сожалению, ни Судоплатов, ни Намгаладзе, ни Галкин уже не в силах были что-либо изменить.

Следующая группа покинула Севастополь 25 августа и высадилась на болгарский берег 28-го числа. В этой группе было 9 человек: командир – Мирно Станков Петров, Аврам Стоянов Петров, Иван Штерев Николов, Делчо Николов Наплатанов, Борис Стоиков Томчев, Георгий Антонов, Стефан Маринов Паджев, Георгий Гарбачев Русев и Васил Вылчанов Додев.

28 августа Ц. Радойнов последний раз работал в эфире. Он сообщил:

«…Группа Я. высадилась благополучно 28-го. Эта группа имеет рацию переменного питания. Связь неисправна. Их ловят все время».

После этого короткого радиосеанса всякая связь с Ц. Радойновым и остальными группами окончательно оборвалась.

Из двадцати трех боевиков-организаторов, высадившихся на родной берег с двух подводных лодок, трое были убиты (Сыби Димитров Денев, Ангел Георгиев Ников и Георгий Антонов), девять схвачены. Одиннадцать оставшихся с большими трудностями все же сумели установить связь с компартией.

Еще более усугубила ситуацию несогласованность, а возможно, и конкуренция двух советских спецслужб – РУ ГШ РККА и ОГ НКВД. Осенью 1941 г. в Болгарию были отправлены несколько групп парашютистов Разведупра РККА. Их десантирование прошло крайне неудачно.

Первую группу выбросили в ночь на 14 сентября в районе Добричко. Она состояла из пяти человек.

Иван Димов и Кирил Стоянов после приземления отправились к Стара-Загоре, но были обнаружены полицией и погибли в перестрелке. Миле Минчев Милев (Даскалче) из села Ветрен и красноармеец Владимир Чернов сумели добраться до села Милева и укрыться там. Димо Астаджов благополучно прибыл в свое родное село Енины Казанлыкской околии.

Вторая группа из пяти человек была выброшена в районе Добричко в ту же ночь. 15 сентября ее обнаружили и окружили у села Карали. Все пятеро – Груди Филипов Грудев, Стоян Томов

Ганчев, Стамо Киров Стамов и Пенко Петров Мартинов, а также советский солдат Борис Фадеев – погибли в бою.

Третья группа из восьми человек десантировалась в ночь на 19 сентября недалеко от города Трявна. Командир группы Стоян Палаузов и Божил Петков Чулев были расстреляны полицейскими при приземлении. Лычезар Аврамов Стоянов был схвачен 12 октября в городе Елена. Стойчо Иван Чочев (Чочоолу) и Велко Димитров Янков добрались домой в село Калояновец и установили связь с коммунистами. Август Димчев Попов 18 октября был схвачен полицией. Ивана Петрова Дреновского схватили 19 октября в селе Белица. Григорий Федорович Баракан был схвачен 20 сентября в городе Трявна.

Четвертую группу из пяти человек сбросили 22 сентября в окрестностях села Долно-Ботево. Продан Табаков, Митко Вылков Иванов и Метакс Гугинский погибли в бою с полицией 12 октября у села Устово. Георгий Иванов Кратунчев и красноармеец Дмитрий Александрович Тепляков были схвачены полицией 27 и 28 сентября у города Хасково.

Пятая группа, состоявшая из восьми человек, 6 октября ошибочно десантировалась на греческой территории между городами Салоники и Серре. Георгий Петров Башикаров, при падении сломавший ногу и крестец, был выдан немцам. В бою с гитлеровцами 9 октября погибли Васил Константинов Танев и Павел Георгиев. Димо Трайков Терзийский был убит 16 октября. Иван Иванов Иорданов пойман в районе Демирхисара. Иордан Кискинов (командир группы) и Христо Касканджиев успели пересечь границу и 14 октября погибли в бою с полицией. Красноармеец Николай Александрович Романов 14 октября был схвачен на территории Болгарии.

Из пяти групп парашютистов общей численностью 31 человек в первые дни пребывания на болгарской земле погибли 17 человек, 9 человек захватила полиция, и только оставшиеся пятеро вступили на трудный путь нелегальной борьбы с фашизмом.

Неделя за неделей радисты Центра тщетно вслушивались в эфир, надеясь поймать радиопозывные «Братушек», но ни одна из станций не отвечала на сигнал. Первая информация о судьбе разведчиков поступила из Софии в начале октября 1941 г. от надежного агента РУ ГШ РККА. Она носила отрывочный характер и ничего утешительного в себе не содержала. Агенту Разведупра через личные связи среди болгарских военных удалось установить только то, что в течение августа – сентября болгарская полиция при поддержке армейских частей проводила широкомасштабные поисковые операции «по поимке советских диверсантов», в

результате которых значительная часть последних была задержана или уничтожена.

Болгарская контрразведка и полиция, имевшие двадцатилетний опыт борьбы с нелегальными революционными организациями, действовали эффективно. Тайной полиции помогали коллеги из гестапо и абверовцы из 3-го (контрразведывательного) отдела КО «София». Появление у болгарских берегов советских подводных лодок не осталось незамеченным, а сообщения информаторов полиции, внедренных в коммунистическое подполье, об «эмиссарах из Москвы» немедленно привели в движение мощную и хорошо отлаженную машину сыска.

Вскоре пришло подтверждение и от самого Ц. Радойнова. Он сообщил, что из всего состава группы только ему вместе с Д. Димитровым и И. Бейдо-Байером после многочисленных перестрелок удалось оторваться от преследования полиции, добраться до Софии и установить контакт с коммунистическим подпольем. Спустя некоторое время он возглавил Военную комиссию ЦК БКП. Несмотря на комплекс допущенных ошибок и несостыковок, а также на значительные потери, поставившие группы на грань существования, «подводники» все-таки сумели начать активную деятельность по заранее намеченному плану.

Только за осень в Софии было предпринято 30 актов саботажа, в Варне организованная боевая группа сожгла 7 цистерн с бензином и совершила несколько нападений на гитлеровские военные объекты, в Русе партизаны произвели налеты на охрану концлагерей «Св. Никола» и «Гонда вода».

Ц. Радойнову удалось провести встречу с генералом Владимиром Заимовым и передать по радио немало важной информации. Для связи с группой Радойнова была открыта специальная радиовахта на ПДРЦ штаба Черноморского флота, но просуществовала она недолго.

Гитлеровские спецслужбы и командование вермахта, встревоженные столь масштабным проникновением советских разведывательно-диверсионных групп на территорию Болгарии, опасались, что при поддержке коммунистического подполья те смогут поднять население на восстание. Поэтому они вынудили болгарское правительство принять беспрецедентные меры безопасности. Значительными силами армии и полиции были блокированы районы, где находились разведывательные группы, и районы их возможных передвижений. В городах и селах начались массовые облавы и аресты среди подпольщиков. Полицейское кольцо неумолимо сжималось. Одни разведчики погибали в бою, другие попадались в хитро расставленные

ловушки. Последним в мае 1942 г. после короткой перестрелки на конспиративной квартире был захвачен тяжело раненный Ц. Радойнов.

Окончательно судьба всех участников резидентуры «Братушки» для руководства Особой группы прояснилась только после освобождения Болгарии, когда в руках советской контрразведки оказались архивы болгарских спецслужб и протоколы судебных заседаний.

«После объявления войны между Советской Россией и Германией, – говорилось в обвинительном акте по делу „подводников“ и „парашютистов“, – в начале июля 1941 г. по решению Центрального руководства Болгарской коммунистической эмиграции в России и при содействии Коминтерна большая часть болгарских политических эмигрантов-коммунистов была мобилизована и собрана для военного обучения в окрестностях Москвы, где они были разбиты на группы.

Организацией и руководством этих групп, которые должны были отбыть в Болгарию и положить основу военной организации коммунистической партии, занимались: Иван Цолов Винаров – болгарин, из города Плевен, полковник Советской армии, окончил отделение политических комиссаров при военной академии в Москве; Цвятко Колев Радойнов – болгарин, полковник Советской армии, преподаватель военной академии, советник при штабе одной из красных армий в Испании; и Христо Боев Петашев – болгарин, окончил военно-инженерную академию в Москве.

Эти группы обучались в окрестностях Москвы советскими офицерами-инструкторами – майором Николаем Петехальцевым[138] и другими – подрывному делу, приготовлению и использованию различных видов взрывчатки, метанию ручных гранат, стрельбе из огнестрельного оружия: винтовки, пистолета, пулемета; чтению топографической карты, ориентированию по компасу; прыжкам с парашютом и пр. Назначение этих групп – после прибытия в Болгарию положить основы военной организации коммунистической партии в Болгарии. Задачи этой военной организации были намного шире задач партии. В своей деятельности организация должна была опираться на коммунистические элементы. Однако, чтобы вовлечь в эту организацию как можно больше членов, ее представили под маской организации болгарских патриотов, широко используя патриотические чувства болгарина и вводя его в заблуждение всеми средствами, чтобы убедить его, что единственное спасение Болгарии придет со стороны Советской

России.

Основная задача военной организации в первую очередь заключалась в ведении борьбы с немцами в Болгарии любыми средствами и во вторую очередь – в проведении саботажа и подготовке населения к революции. В эту борьбу предполагалось вовлечь всех, кто выступает против немецкого влияния у нас, независимо от их принадлежности к партии, пола, религиозных убеждений, материального и социального положения. Чтобы борьба была действенной, каждый член группы должен был создать в своем районе нелегальные тройки, на которые возлагались отдельные задачи по уничтожению немецких военных объектов: складов, военных эшелонов, а также высших представителей немецкого военного командования. Способы ведения борьбы определялись окончательно в Болгарии, исходя из обстановки, в связи с чем руководству групп была предоставлена полная самостоятельность. Организация групп была следующей: руководство сосредоточивалось в руках одного центра – штаба, в который входили полковник Цвятко Колев Радойнов, полковник Иван Винаров и майор Христо Боев. Вся Болгария была разделена на округа, которые возглавляли военные руководители: Софийский округ – Аврам Стоянов, бывший депутат от коммунистов; Врачанский округ – Иван Василев; Плевенский округ – Гане Павловский, политический комиссар в Красной армии; Шуменский округ – Симеон Филипов Славов под псевдонимом «капитан Рак», окончил артиллерийские курсы, капитан, командир батареи тяжелых орудий республиканской армии в Испании; Бургасский округ – Иван Николов Штерев, специалист по прожекторному делу, служил в Испании; Пловдивский округ – Сыби Димитров, окончил пехотные курсы в СССР, поручик республиканской испанской армии; Стара-Загорский округ – Мирно Станков Петров под фальшивым именем Георгий Янков, окончил танковую академию в Москве, капитан танкового полка в Испании. В окружные группы входило от двух до четырех человек. <…>

На боевых позициях

После завершения обучения в окрестностях Москвы члены групп, направлявшихся в Болгарию через Севастополь и Симферополь, получили следующие инструкции:

1) вести работу по восстановлению и укреплению коммунистической партии;

2) организовывать тройки, вооружать и отправлять их на выполнение диверсий;

3) изучать места расположения складов оружия в своих районах, чтобы иметь возможность вооружиться на случай восстания;

4) возбуждать недовольство против правительства, чтобы можно было при благоприятной международной обстановке использовать это недовольство для осуществления революции в Болгарии.

Кроме того, членам групп было сказано, что, когда наступит благоприятный момент для поднятия восстания в Болгарии, СССР пошлет на помощь морской и воздушный десант с танками, артиллерией и регулярными войсками. Им объяснили, что в Болгарии, оккупированной немецкими войсками, очень тяжелая обстановка: в армии происходят бунты, русских парашютистов там ждут с нетерпением и пр. <…>

Перед отбытием руководители групп явились к Георгию Димитрову, генеральному секретарю Исполкома Коминтерна, который возложил на парашютистов выполнение следующих задач в Болгарии:

1) действовать согласно приказу Генерального штаба Красной

армии;

2) не вмешиваться в деятельность коммунистической организации в Болгарии, а лишь просить у нее помощи;

3) уничтожать администрацию, сборщиков налогов и немцев;

4) создавать отряды в лесах и привлекать людей, живущих легально, являющихся противниками немцев и болгарских властей, к участию в поджогах складов и фабрик, разрушении железных дорог, мостов и т. п.

Перед убытием групп из Сходни, находящейся под Москвой, где происходило их обучение, инструктор в звании майора зачитал им приказ Генерального штаба Красной армии, который ставил перед ними следующие задачи:

1) уничтожать мосты, фабрики, склады и подрывать воинские и товарные эшелоны;

2) уничтожать немцев, болгарских управителей и администрацию;

3) захватывать села, уничтожать старост, сеять страх и дезорганизацию, освобождать политических заключенных;

4) расширять партизанское движение по мере сил и возможностей и вообще ослаблять Болгарию, так как она является помощницей Германии и обеспечивает ее тыл и снабжение.

Руководителям групп и остальным членам были выданы крупные суммы денег в американских долларах и болгарских левах. Экипировка каждого парашютиста состояла из рубашки, галифе, теплой верхней и нижней одежды, сапог, рюкзака, фляжки для воды, фонаря с двумя батареями, а вооружение – из автоматической винтовки с двумя магазинами на семьдесят один патрон, пистолета с двумя магазинами на восемь патронов, двух гранат, ножа и автоматически раскрывающегося парашюта. Кроме того, каждая группа имела семь грузовых парашютов, с которыми было сброшено большое количество взрывчатки, адские машины, капсюли, патроны, рации, продукты (сухари, бисквиты, колбаса, шоколад) и одежда. Каждый парашютист имел фальшивый болгарский паспорт, а руководитель группы – крупномасштабную карту Болгарии. <…>

Каждый из прибывших на болгарскую территорию эмигрантов, которые по своим убеждениям были фанатиками-коммунистами и большая часть которых была ранее осуждена по ЗЗД, горел желанием до конца выполнить возложенную на него задачу, заключавшуюся в том, чтобы совершать акты диверсии: подрывать железные дороги, мосты, фабрики, продовольственные и другие склады, совершать в стране убийства и другие террористические действия и общеопасные преступления с помощью взрывчатки, мин замедленного действия и других

подобных средств, а также готовить и организовывать членов коммунистической партии и в подходящий момент, который, как надеялись эти люди, наступит в связи с изменением международного положения, поднять вооруженное восстание для насильственного захвата власти и установления в стране большевистского строя».

Трагедия первых резидентур Особой группы, в том числе и «Братушек», состояла в том, что им предстояло развернуть работу на неподготовленных базах, в условиях отсутствия непрерывной связи с Центром. В немалой степени к провалу привели отсутствие должного количества надежных источников, информирующих о текущих реалиях на местах и изменениях обстановки, а также те политические иллюзии, в плену которых пребывали как основные руководители Особой группы при наркоме внутренних дел СССР, так и многие лидеры Коминтерна. Они наивно полагали, что справедливая война советского народа против вероломного врага должна была всколыхнуть пролетариат и крестьянство Болгарии, а также других стран на борьбу с ним и обеспечить безусловную поддержку населением любых действий советских разведчиков. К сожалению, этого не произошло. Жизнь в оккупированной стране с жестким полицейским режимом, не забывшим еще уроков болгарских революций 1920-х гг. и умеющим быстро подавлять оппозиционность, требовала долгой, кропотливой и целенаправленной агентурной работы. А этого как раз и не было…

26 июня 1942 г. Софийский военно-полевой суд приговорил Цвятко Николова Радойнова, Трифона Тодорова Георгиева, Басила Цакова Йотова, Ивана Петрова Изатовского, Антона Петрова Бекярова, Димитра Илиева Димитрова, Басила Вылчанова Додева, Стефана Маринова Паджева, Делчо Николова Наплатанова, Бориса Стойкова Томчева, Августа Димчева Попова, Георгия Иванова Кратунчева, Ивана Иорданова Иванова, Мирко Станкова Петрова, Симеона Филипова Славова, Ивана Николова Штерева, Миле Минчева Милева, Димо Стефанова Астаджова к смертной казни через расстрел.

Еще девять человек – Иосифа Бейдо-Байера, Ивана Петрова Дреновского, Дмитрия Александровича Теплякова, Георгия Петрова Башикарова, Янко Стоянова Янева Комитова, Тодора Фотакиева Николова, Николая Александровича Романова, Лычезара Аврамова Стоянова и Владимира Александровича Чернова – осудили к тюремному заключению.

Они – командиры и рядовые бойцы, объединенные столь близким и понятным для русского и болгарского сердца словом «братушки», – ушли в бессмертие. И не их вина, что они не

смогли выполнить те задачи и оправдать те надежды, которые возлагались на них в Москве. Враг был опытен и невероятно силен, а «меч Лубянки» оказался слишком короток и почти не закален для того, чтобы наносить смертельные удары противнику в его собственном логове. На этом этапе войны слишком часто приходилось кровью расплачиваться за прежние политические просчеты.

Глава 9
Битва за Москву

В июле 1941 г. после выхода директивы ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков» в различных военных и политических структурах началась, а кое-где и продолжилась работа по организации партизанских отрядов. Несмотря на многочисленные конъюнктурные искажения в 1980—1990-е гг. роли органов государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне, следует признать, что ведущую роль в начальный ее период в области организации «малой войны» играли структуры НКГБ – НКВД.

«Именно на первом трагическом этапе войны, – вспоминал П. А. Судоплатов, – органы госбезопасности и внутренних дел сыграли одну из ведущих, а в ряде районов главную роль в развертывании партизанского движения. И это было естественно, поскольку в отличие от партийно-хозяйственного актива органы НКВД и их агентурный аппарат уже более двух лет действовали в сложной оперативной обстановке в приграничных территориях, широко используя методы конспиративной работы. Их можно было гораздо быстрее переориентировать на борьбу с противником, сбор разведданных, действия на его коммуникациях, базах и т. п.

Это утверждение ни в коей мере не противоречит и не опровергает укоренившегося тезиса о руководящей роли коммунистической партии в развертывании партизанской войны. В реалиях советских условий 1941–1945 гг. иначе и быть не могло. ВКП (б) была не только политической партией, но и главной управляющей структурой в механизме политической и военной власти в стране, осуществляющей руководство и координацию действий частей Красной армии, органов НКВД и партийно-хозяйственного актива, оказавшихся в тылу германских войск».

В тех республиках и областях, где местное руководство не было деморализовано успехами наступающего противника, работа по организации партизанских отрядов началась еще до указанной директивы. Так, на территории Белоруссии из числа работников центральных аппаратов НКГБ – НКВД БССР и курсантов спецшкол 26 июня 1941 г. в районах, частично занятых противником и прилегающих к фронтовой полосе, началось формирование специальных партизанских отрядов. Перед

отрядами была поставлены следующие задачи: до оккупации территории в контакте с местными партийными, советскими, комсомольскими организациями и колхозными активистами, используя все людские возможности и средства вооружения в районах, создавать базы и очаги партизанского движения с последующим развертыванием активных действий по разгрому врага; в период оккупации организованные партизанские отряды должны в первую очередь физически уничтожать людской состав немецкой армии и технику, проводить диверсионные акты путем взрыва мостов, железнодорожных узлов, обрыва связи, поджога важных объектов, которые может использовать противник.

П. А. Судоплатов с подчиненными

За несколько дней удалось организовать 14 партизанских отрядов общей численностью 1162 человека: 539 сотрудников НКГБ, 623 сотрудника НКВД. Личный состав каждого отряда был вооружен пистолетами, винтовками, гранатами и двумя-тремя ручными пулеметами. Одновременно из числа руководящего оперативного состава НКГБ и партийных работников было сформировано 10 организаторских групп по 8–9 человек каждая. Эти группы направили в сельские районы Полесской, Витебской, Минской и Гомельской областей для создания на их базе новых партизанских отрядов. Но в целом, конечно же, это была импровизация партизанской борьбы.

8 июля 1941 г. начальник Генерального штаба сухопутных

войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер записал в своем дневнике:

«[Генерал-квартирмейстер] Вагнер представил доклад о положении со снабжением. Оно всюду вполне удовлетворительное. Работа железных дорог превзошла все наши ожидания. Лишь на участке Брест – Минск пропускная способность железной дороги несколько ниже ожидавшейся. Выполнение ближайших оперативных задач в материально-техническом отношении вполне обеспечено. Автотранспорта большой грузоподъемности вполне достаточно».

Как отмечалось впоследствии в докладной записке НКВД БССР, при организации партизанских отрядов в июне – августе 1941 г. был допущен ряд серьезных ошибок. Большинство отрядов формировались только из сотрудников НКГБ – НКВД, без привлечения местных жителей, хорошо знавших местность. Бойцы часто не имели гражданской одежды, что затрудняло разведывательную и агентурную работу на занятой противником территории. Отсутствовала устойчивая и надежная связь с партийно-советским активом, оставленным для подпольной работы в населенных пунктах, а также с вышестоящим военным командованием. Запас автономности по боеприпасам и продовольствию составлял порой всего 2–3 недели, резервных складов оружия, боеприпасов, одежды и продовольствия не имелось. А ведь все могло быть совсем по-другому!

«В первой половине 30-х гг., – вспоминал С. А. Ваупшасов, – мы участвовали в подготовке партизанских отрядов на территории Белоруссии. Тогда высшее военное руководство не исключало возможности вторжения империалистических захватчиков на советскую землю и в мудром предвидении такого оборота дел заранее готовило во многих пограничных республиках и областях базу для развития партизанской борьбы. В Белорусской ССР было сформировано шесть отрядов: Минский, Борисовский, Слуцкий, Бобруйский, Мозырский и Полоцкий. Численность их устанавливалась в 300–500 человек, у каждого имелся свой штаб в составе начальника отряда, его заместителя, заместителя по политчасти, начальника штаба, начальника разведки и помощника начальника отряда по снабжению.

Бойцы и командиры отрядов были членами и кандидатами партии, комсомольцами, участниками Гражданской войны. Весь личный состав был обучен методам партизанских действий в специальных закрытых школах. В них готовились подрывники-минеры, пулеметчики и снайперы, парашютисты и радисты.

Кроме основных формирований для борьбы в тылу врага, в городах и на крупных железнодорожных узлах были созданы и

обучены подпольные диверсионные группы.

В белорусских лесах для каждого партизанского отряда были сделаны закладки оружия и боеприпасов. Глубоко в землю зарыли надежно упакованные толовые шашки, взрыватели и бикфордов шнур для них, патроны, гранаты, 50 тысяч винтовок и 150 ручных пулеметов. Разумеется, эти склады рассчитывались не на первоначальную численность партизанских подразделений, а на их бурный рост в случае войны и вражеской оккупации своей территории.

ОМСБОНовцы перед выходом на задание

Орловский, Корж, Рабцевич и я были назначены командирами четырех белорусских отрядов и вместе с их личным составом деятельно готовились к возможным военным авантюрам наших потенциальных противников. <…>

В конце 30-х гг., буквально накануне Второй мировой войны, партизанские отряды были расформированы, закладки оружия и боеприпасов изъяты. <…>

В те грозные предвоенные годы возобладала доктрина о войне на чужой территории, о войне малой кровью… Однако проверку реальной действительностью эта доктрина не выдержала и провалилась уже в первые дни Великой Отечественной войны. <…>

Нет слов, шесть белорусских отрядов не смогли бы своими действиями в тылу врага остановить продвижение мощной немецкой армейской группировки, наступающей на Москву. Но замедлить его сумели бы! Уже в первые недели гитлеровского вторжения партизаны и подпольщики парализовали бы коммуникации противника, внесли дезорганизацию в работу его тылов, создали бы второй фронт неприятелю. Партизанское

движение Белоруссии смогло бы быстрей пройти стадию организации, оснащения, накопления опыта и уже в первый год войны приобрести тот могучий размах, который оно имело в 1943–1944 гг».

К 8 июля 1941 г. было сформировано 15 партизанских отрядов в Пинской области, двенадцатью из них командовали сотрудники НКВД: начальники райотделов, их заместители и оперативники. Эти люди хорошо знали местную обстановку и имели достаточно развитую агентуру среди местного населения. Они также хорошо представляли возможности и опасность потенциальных или реальных предателей, ставших на путь сотрудничества с врагом. Одним из таких отрядов командовал бывший командир Слуцкого партизанского отряда Василий Захарович Корж, к счастью, не репрессированный и работавший перед войной заведующим сектором Пинского обкома КП Белоруссии. Именно опыт нелегальной боевой работы в 1921–1925 гг. по линии активной разведки в Западной Белоруссии и специальная подготовка, о которой упоминает Ваупшасов, помогли В. З. Коржу достаточно успешно развернуть свой отряд в Пинское партизанское соединение и к 1943 г. стать генерал-майором Красной армии и Героем Советского Союза.

Любопытно отметить, что в начальный период войны кроме должности начальника Особой группы П. А. Судоплатов одновременно занимал еще несколько должностей. Во-первых, он являлся заместителем начальника I Управления НКГБ – НКВД (внешняя разведка). Во-вторых, он был назначен заместителем начальника Центрального штаба истребительных батальонов. В этой должности Судоплатов вместе с Эйтингоном отвечал за борьбу с парашютными десантами и диверсионными группами противника в нашем тылу. Поэтому нет ничего удивительного, что в июле – сентябре 1941 г., в условиях острого дефицита высококвалифицированных оперативных кадров руководителям Особой группы приходилось уделять много времени другим направлениям оперативной работы, часто в ущерб работе диверсионной.

«Еще до того, как создание Особой группы было оформлено приказом, – вспоминает П. А. Судоплатов, – 26 июня 1941 г. мы с Эйтингоном были назначены заместителями начальника штаба НКВД по борьбе с парашютными десантами противника. Имелось в виду сорвать действия диверсионных подразделений абвера, которые были зафиксированы в прифронтовой полосе и в нашем тылу после неудачных сражений в Белоруссии и Прибалтике.

Ввиду этого в очень короткий период мне пришлось уделить главное внимание развертыванию широкой противодиверсионной

работы на транспорте и мерам по розыску диверсантов, в особенности на железной дороге и гражданском воздушном флоте. Был организован систематический обход путей и территорий, прилегающих к важнейшим объектам транспорта, предполагалось создать агентурно-осведомительную сеть в населенных пунктах, прилегающих к железным дорогам, аэродромам, речным портам, обеспечить негласную охрану объектов. Эта система впоследствии себя полностью оправдала. Причем основная масса противодесантного и диверсионного осведомления была организована на основе создания специальных резидентур, связи с оперативными службами.

СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
28 ноября 1942 г.
№ 40/1/54703
г. МОСКВА

СОВ. СЕКРЕТНО
Экз. №
УЧЕТ
23 апреля 48

ЦК ВКП (б)
товарищу МАЛЕНКОВУ.

Народный комиссариат внутренних дел Союза ССР просит утвердить ЭЙТИНГОНА Наума Исаковича заместителем начальника 4 Управления НКВД СССР.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Справка по форме № 1, личный листок по учету кадров, автобиография характеристика на т. ЭЙТИНГОНА Н.И.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА С С Р
(ОБРУЧНИКОВ)

Письмо Г. М. Маленкову об утверждении Н. И. Эйтингона в должности заместителя начальника IV Управления НКВД СССР от 28.11.1942 г. Совершенно секретно

Все это сразу же снизило масштаб диверсий на железнодорожном транспорте даже при благоприятных для немцев условиях быстрого захвата нашей территории летом 1941 г. Ущерб от десантов и диверсий был сведен к минимуму. <…> Однако противник действовал очень активно. Несмотря на принятые меры, немцам удалось организовать в общей сложности до сорока крушений на железнодорожном транспорте в летне-осенний период. Но это не повлекло за собой дезорганизацию транспорта».

18 июля 1941 г., когда немецкими войсками уже были оккупированы почти вся Белоруссия, Западная Украина, Прибалтика, вышло постановление ЦК ВКП (б) «Об организации борьбы в тылу германских войск». В подготовке постановления участвовали Г. М. Маленков (председатель), Л. П. Берия, В. Н.

Меркулов, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии П. К. Пономаренко, представители ЦК компартий Латвии, Литвы и Эстонии и П. А. Судоплатов.

В постановлении, в частности, указывалось:

«Задача заключается в том, чтобы создать невыносимые условия для германских интервентов, дезорганизовать их связь, транспорт и сами воинские части, срывать все их мероприятия, уничтожать захватчиков и их пособников, всемерно помогать созданию конных и пеших партизанских отрядов, диверсионных и истребительных групп, развернуть сеть наших большевистских подпольных организаций на захваченной территории для руководства всеми действиями против фашистских оккупантов. <…>

ЦК ВКП (б) требует от ЦК национальных компартий, обкомов и райкомов в захваченных и находящихся под угрозой захвата врагом областях и районах проведения следующих мер:

1. Для организации подпольных коммунистических ячеек и руководства партизанским движением и диверсионной борьбой в районы, захваченные противником, должны быть направлены наиболее стойкие руководящие партийные, советские и комсомольские работники, а также преданные Советской власти беспартийные товарищи, знакомые с условиями района, в который они направляются.

2. В районах, находящихся под угрозой захвата противником, руководители партийных организаций должны немедля организовать подпольные ячейки.

Для обеспечения широкого развития партизанского движения в тылу противника партийные организации должны немедля организовать боевые дружины и диверсионные группы из числа участников Гражданской войны и из тех товарищей, которые уже проявили себя в истребительных батальонах, в отрядах народного ополчения и др. <…>

3. Партийные организации под личным руководством их первых секретарей должны выделить для сформирования и руководства партизанским движением опытных боевых и до конца преданных нашей партии, лично известных руководителям парторганизаций и проверенных на деле товарищей.

4. <…> ЦК ВКП (б) требует, чтобы руководители партийных организаций лично руководили всей этой борьбой в тылу немецких войск, чтобы они вдохновляли на эту борьбу преданных Советской власти людей личным примером, смелостью и самоотверженностью…»

Конечно, это политическое, подчеркиваем, *политическое* постановление можно критиковать с военно-прикладной точки

зрения. Что и делают сегодня многие современные историки и военные. Грешат этим в своих мемуарах, вышедших после 1991 г., иногда даже те, кто в годы Великой Отечественной войны неукоснительно его исполнял.

На наш взгляд, основная задача данного постановления заключалась в военно-идеологической мобилизации партийного актива на местах, в определении стратегических направлений партизанской работы и, по сути, в ее политической легализации, а в этом смысле оно свою задачу выполнило. Кроме того, в постановлении совершенно четко указывались основные направления кадровой работы и звучало жесткое требование о личном примере партийных руководителей. А реальное решение практических вопросов осуществлялось посредством совершенно секретных, в отличие от постановления, приказов наркомов обороны и внутренних дел, а также подчиненных им структур.

«Но тогда, – вспоминал П. А. Судоплатов, – еще не было полного понимания роли спецназа. Считалось, что отобранных из пограничных и внутренних войск наиболее подготовленных бойцов можно в течение короткого времени перенацелить на решение специальных задач в тылу противника. Все это, бесспорно, так, но при этом упускалось из виду одно немаловажное обстоятельство. У этих бойцов не было специальной подготовки для действий на территории, занятой врагом, да еще в конспиративных условиях».

Через два дня после принятия «партизанского» постановления органы государственной безопасности вновь подверглись реорганизации. 20 июля 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР НКВД и НКГБ объединили в единый Народный комиссариат внутренних дел. Народным комиссаром (объединенным) внутренних дел СССР остался Л. П. Берия, нарком госбезопасности В. Н. Меркулов стал его 1-м заместителем. Ведущие управления возглавили: I Управление (разведка) – П. М. Фитин, II Управление (контрразведка) – П. В. Федотов, III Управление (секретно-политическое) – Н. Д. Горлинский, Управление особых отделов – В. С. Абакумов. Особая группа (П. А. Судоплатов) находилась в непосредственном подчинении Берия. В объединенном НКВД и подчиненных ему территориальных управлениях началась интенсивная работа по организации партизанского движения в немецких тылах.

25 июля 1941 г. на основании приказа НКВД СССР создаются оперативные группы НКВД по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе. В своей практической деятельности эти группы курировались Центральным штабом истребительных батальонов, а по сути –

руководством Особой группы: П. Судоплатовым, Н. Эйтингоном и Ш. Церетели. Именно эти группы и стали теми профессиональными центрами на местах, которые должны были оказать практическую помощь партийным и советским органам в организации партизанских отрядов.

Однако сотрудники органов госбезопасности трудились не только в структурах собственного ведомства, но и в Красной армии, в составе особых отделов и других специальных подразделениях.

Во исполнение «партизанского» постановления по приказу РУ ГШ РККА в конце июля – начале августа 1941 г. при разведотделах штабов фронтов создаются оперативные спецгруппы (ОС) для формирования армейских разведывательно-диверсионных групп (РДГ). По сути, это было возвращение к хрестоматийным, хотя уже почти забытым идеям Д. Давыдова, Ф. Гершельмана и В. Клембовского. Так, при штабе Западного фронта была создана Оперативная спецгруппа (в/ч 9903) во главе с полковником А. Е. Свириным. Его заместителем стал кадровый чекист, один из чудом уцелевших организаторов «Д»-работы в 1930-х гг., участник войны в Испании майор А. К. Спрогис. Именно он стал руководителем спецшколы ОС Западного фронта по начальной подготовке армейских диверсантов.

На основании директивы Главного политического управления РККА от 19 августа в политуправлениях фронтов были организованы 10-е отделы, а в политотделах армий – 10-е отделения для координации совместных действий частей армии, партизанского движения и подполья. Как удачное исключение можно привести пример Северо-Западного фронта, где начальником 10-го отдела ПУ назначили заместителя начальника разведотдела штаба фронта, в прошлом чекиста А. Н. Асмолова. Он же руководил и фронтовой Оперативной спецгруппой фронта.

И на Западном, и на Северо-Западном фронтах подготовка и заброска разведывательно-диверсионных групп строились в основном на личном опыте, а часто и просто на импровизации руководства оперативных спецгрупп. Особенно плохо дело обстояло с качеством профессиональной подготовки личного состава РДГ.

Командиры разведывательно-диверсионных групп в 95 процентах случаев вообще не имели предварительной специальной подготовки. Отбор личного состава, как правило, осуществлялся без учета профессиональных и моральных качеств бойцов, их психологической совместимости, степени физической тренированности. Многие группы формировались как можно быстрее, чтобы просто выполнить приказ и отрапортовать об

исполнении. Часто просто не было времени и возможности более детально проработать кандидатуры людей. Военная горячка и отсутствие должных кадровых резервов сказывались на каждом шагу. На обучение (минно-взрывное дело, методы маскировки, стрелковая подготовка, боевое взаимодействие) затрачивалось всего от трех до десяти суток. Оперативную обстановку во вражеском тылу армейские диверсанты совершенно не знали, а противодействовать хорошо подготовленным немецким спецслужбам просто не умели. И хотя за полтора месяца Оперативная спецгруппа Западного фронта сформировала и отправила в тыл противника 52 РДГ, их боевые возможности были крайне невелики, а потери личного состава составили больше половины.

Жестокая практика войны показала явную слабость партийных и военных органов по подготовке и переброске партизанских отрядов в тыл противника. Руководить боевыми действиями партизан из городов, находящихся под жестким контролем германских спецслужб, и при отсутствии надежных каналов связи партийное подполье практически не могло. Не имея соответствующих структур, партийные органы были не в состоянии организовать снабжение партизанских отрядов оружием, боеприпасами, минно-взрывными средствами и т. п.

А некоторые конкретные действия, осуществляемые партийными дилетантами в области разведки, диверсий и оперативной работы, не только не оказывали существенного влияния на организацию партизанских и диверсионных действий в тылу немецких войск, но и вели к чудовищным провалам и как следствие – к непоправимым потерям. Так, один из секретарей Николаевского обкома КП (б) У. Яров, имевший при себе списки ряда подпольных организаций юга Украины, был захвачен абверовцами. В результате значительная часть партийного актива и подпольщиков еще до начала работы оказались в руках гитлеровцев.

Примерно такая же тяжелая ситуация складывалась и при организации партизанского движения в странах Восточной Европы. Руководители Советского Союза и Коминтерна были вынуждены вновь пользоваться методом проб и ошибок, расплачиваясь за «разрушение до основания» ранее отлаженной системы сотнями тысяч человеческих жизней. Подготовленных организаторов в военно-конспиративной области катастрофически не хватало. Поэтому в июле 1941 г. в ускоренном порядке началось восстановление специальных школ ИККИ по подготовке военных кадров: разведчиков, подрывников, снайперов, радистов и т. п. В дачных поселках под

Москвой, в том числе и на старых «точках» Орготдела ИККИ, с участием немногих уцелевших преподавателей и инструкторов спешно создавались спецшколы. Перед заброской в тыл противника в них проходили подготовку одиночки и небольшие группы болгар, немцев, поляков, итальянцев, французов, словаков, чехов и бойцов других национальностей.

Партизанская война в Югославии – убедительный пример того, что даже после оккупации страны захватчикам не удалось установить полный контроль над территорией. Наличие подготовленных и решительных кадров, владевших тактикой партизанских действий, позволило руководству КП Югославии в течение 1941–1942 гг. сковать на территории Югославии в обшей сложности 32 итальянские, болгарские и немецкие дивизии, не считая войск правительства А. Павелича. Те самые дивизии, в которых так остро нуждалось германское командование на Восточном фронте!

Приведем несколько конкретных фактов организации партизанского движения на примере далекой от Югославии Курской области, руководство которой располагало более чем двумя месяцами для подготовки.

Еще 26 июня 1941 г. в области началось формирование истребительных батальонов под руководством специальной оперативной группы областного управления НКВД. К середине августа истребительные батальоны действовали уже в 68 районах Курской области и насчитывали 10 650 человек личного состава, из которых более 6600 человек были членами ВКП (б) и ВЛКСМ. Однако в шести северо-западных и западных районах области, в том числе Дмитриевском, Крупецком, Михайловском, Рыльском, Хомутовском, где закладывалась основная база партизанского движения, насчитывалось всего 1768 штыков, что составляло менее 20 процентов общего количества партизанских сил. На вооружении истребительных батальонов было 28 станковых и ручных пулеметов, 2167 самозарядных винтовок и пистолетов-пулеметов, 6668 винтовок Мосина, 1177 охотничьих ружей и 10 000 ручных гранат.

В соответствии с постановлением ЦК ВКП (б) от 18 июля работу по формированию партизанских отрядов возглавил Курский обком. Непосредственное выполнение задач, связанных с организацией партизанского движения, было возложено на начальника управления УНКВД по Курской области капитана госбезопасности П. М. Аксенова.

За редким исключением, о теории и практике партизанской войны и диверсионных операций даже большинство сотрудников управления не имели реального представления. Поэтому 22

августа 1941 г. бюро Курского обкома ВКП (б) приняло секретное постановление «Об организации специальной школы по подготовке диверсионно-террористических групп для деятельности в тылу врага». Начальником школы стал второй секретарь обкома Я. А. Серов. В целях конспирации спецшкола получила наименование «Первые межобластные курсы пожарных инспекторов».

В конце августа 1941 г. для организации вооруженной борьбы в тылу немецких войск в УНКВД создается 4-й отдел, подчиненный Особой группе П. А. Судоплатова. Отдел курировал заместитель начальника управления капитан госбезопасности В. Т. Аленцев, фактическим его руководителем был бывший начальник КРО УНКВД В. Ф. Кремлев, в штат 4-го отдела вошли 28 сотрудников управления.

Их задачи заключались в координации действий районных органов власти по формированию партизанских отрядов, подготовке мест их базирования, созданию агентурной сети для работы в тылу противника.

1 сентября 1941 г. начала работу областная диверсионная спецшкола. В первую очередь подготовку в ней проходили сотрудники органов внутренних дел. На занятиях курсанты изучали методы разведывательно-диверсионной деятельности, минно-подрывное дело, систему организации партизанских и диверсионных групп и подразделений; совершенствовались практические навыки владения различным оружием. Всего в этом учебном заведении прошли обучение 514 человек, из которых были сформированы 104 разведывательно-диверсионные организаторские группы.

В конце августа – начале сентября 1941 г. сотрудники УНКВД приступили к формированию партизанских отрядов в ряде районов области. Источником комплектования отрядов стали кадры курского обкома и райкомов ВКП (б), истребительных батальонов и подразделений народного ополчения. Механизм формирования партизанских отрядов был определен в предписаниях, которые получили оперативники 4-го отдела УНКВД.

«Из числа бойцов истребительного батальона, – указывалось в предписании, – совместно с начальником РО НКВД и секретарем РК ВКП (б) путем индивидуальных бесед отобрать 50–60 надежных, преданных коммунистов и комсомольцев (обязательно с их согласия), из которых создать партизанский отряд для боевой деятельности в тылу противника (на территории любого района и области). После отбора бойцов для партизанского отряда назначить руководство отряда (командир, комиссар,

начальник штаба) и утвердить его на закрытом заседании бюро РК ВКП (б)».

Не забыли и о бюрократии. В частности, следовало составить полные списки партизан, с каждого партизана взять клятву с обязательным письменным визированием факта принятия присяги или партизанской клятвы, личный состав сфотографировать, оформить установочные данные и характеристики на командный состав отрядов и выдать удостоверения!

Командирами партизанских отрядов становились руководители районных партийных, советских, комсомольских и хозяйственных органов, реже военные специалисты: командиры истребительных батальонов, работники ОСОАВИАХИМа и др. На командирские должности курским обкомом ВКП (б) назначались в основном секретари райкомов, причем даже без согласования с руководством 4-го отдела УНКВД. Следствием подобных назначений – вероятно, слова в постановлении от 18 июля «личным примером» были важнее, чем «опытных боевых», – стала неспособность многих командиров решать практические боевые задачи в тылу врага. Также не был отработан механизм связи и оперативного управления партизанскими отрядами.

Одним из недостатков оргработы по формированию партизанских отрядов был формальный подход к комплектованию личного состава. Во многих районах сотрудники НКВД записывали в отряды до ста и более человек! Но потом значительная часть будущих партизан мобилизовывалась в Красную армию, эвакуировалась вместе с заводами, оставалась в составе истребительных батальонов. Были и такие, кто отказался идти в немецкий тыл. В результате при боевом сборе партизанских отрядов выяснялось, что их реальный состав не превышает 30–50 процентов от ожидаемого.

Для вооружения партизанских отрядов на предприятиях области было изготовлено 30 000 гранат Миллса («лимонок»), 40 000 бомб, 5000 дорожных мин, 54 000 бутылок с горючей смесью. Было завезено 15 тонн взрывчатых веществ, 3 тонны ружейного пороха и 3500 гранат РГД-33.

В местах базирования партизанских отрядов в обстановке строгой секретности создавались 32 продовольственные базы. На каждой базе закладывалось продовольствие из расчета обеспечения 150 партизан в течение двух месяцев. На это было израсходовано 224 тонны муки, 50 тонн крупы, 20 тонн масла и сала, 20 тонн сахара, 15 тонн соли, 5 тонн махорки, 2,5 тонны мыла, 4 тонны керосина и бензина, 1500 декалитров спирта, 270 000 коробок спичек, а также макароны, консервы, сухари и

другое. Закладка партизанских баз производилась в труднодоступных местах в ночное время.

Для ведения разведки в тылу противника сотрудниками УНКВД была создана сеть из 501 резидентуры, которые объединили 1576 человек: агентов, связных, хозяев явок и конспиративных квартир. До трети резидентур имели в своем распоряжении взрывчатку и оружие для проведения диверсионно-террористической деятельности. Для руководства резидентурами в Курске, Льгове, Белгороде, Рыльске, Обояни и других населенных пунктах было переведено на нелегальное положение 18 оперативников УНКВД Курской области. Однако к моменту оккупации до трети членов резидентур было призвано в РККА, эвакуировано и направлено на оборонительные работы. В результате ряд резидентур фактически распался, часть агентов бездействовала, а часть по тем или иным причинам перешла на службу к врагу. Это стало возможным в результате грубейших просчетов, поскольку тщательное изучение морально-волевых качеств секретных сотрудников отсутствовало.

Из приведенных фактов видно, что наиболее слабым звеном в цепи подготовки разведывательно-диверсионных групп и партизанских отрядов, создававшихся местными партийными органами, территориальными управлениями НКГБ – НКВД и разведотделами штабов РККА, был острый недостаток квалифицированных кадров: организаторов, разведчиков, контрразведчиков и боевиков-диверсантов.

Особая группа, формировавшаяся на базе I (Разведывательного) управления НКГБ – НКВД, находилась в этом отношении несколько в лучшем положении. Ее костяк составили оперативники, имевшие большой опыт разведывательной и контрразведывательной работы, а также партизанских действий во время Гражданской войны в Испании. Но опытных людей все равно катастрофически не хватало. В этих условиях П. А. Судоплатов и Н. И. Эйтингон пошли на беспрецедентный шаг, который еще три месяца назад мог стоить обоим жизни.

«В начале войны, – вспоминал П. А. Судоплатов, – мы испытывали острую нехватку в квалифицированных кадрах. Я и Эйтингон предложили, чтобы из тюрем были освобождены бывшие сотрудники разведки и госбезопасности. Циничность Берии и простота в решении людских судеб ясно проявились в его реакции на наше предложение. Берию совершенно не интересовало, виновны или невиновны те, кого мы рекомендовали для работы. Он задал один-единственный вопрос:

– Вы уверены, что они нам нужны?

– Совершенно уверен, – ответил я.

– Тогда свяжитесь с Кобуловым, пусть освободит. И немедленно их используйте.

Я получил для просмотра дела запрошенных мною людей. Из этих дел следовало, что все были арестованы по инициативе и прямому приказу высшего руководства – Сталина и Молотова. К несчастью, Шпигельглаз, Карин, Малли и другие разведчики к этому времени были уже расстреляны».

В числе лиц, освобожденных по ходатайству П. А. Судоплатова и Эйтингона, в частности, были: начальник Специальной группы особого назначения Я. И. Серебрянский, начальник Восточного отделения ИНО М. С. Яриков, первый наставник Судоплатова в разведке, специалист по белой эмиграции П. Я. Зубов, опытнейший нелегал ИНО Ф. К. Парпаров, один из организаторов партизанского движения в Гражданскую войну И. Н. Каминский.

Начальником отделения связи в Особой группе стал уволенный в 1938 г. из НКВД (дело А. Орлова) коминтерновец Вильям-Август Генрихович Фишер, получивший впоследствии известность как советский разведчик-нелегал полковник Абель. Был возвращен в разведку и настоящий Рудольф Иванович Абель, также уволенный в 1938 г. из НКВД в связи с арестом брата.

«Из запаса органов НКВД были призваны опытные кадры, такие как <…> один из начальников отдела службы диверсий и разведки Г. Мордвинов, лично знавший многих участников партизанского движения в годы Гражданской войны, особенно на Дальнем Востоке. Появилась реальная возможность подтянуть кадры, абсолютно неизвестные противнику, что было очень важно, ибо мы знали, что абвер и гестапо располагают информацией о нашем партийном активе. <…>

Н. Прокопюк, А. Рабцевич, С. Ваупшасов, К. Орловский – все они не только участвовали в партизанской войне против белополяков в 20-е годы, но и сражались в Испании. В резерве была большая группа, воевавшая на Дальнем Востоке».

Кроме кадровой проблемы была и другая, не менее серьезная. Невидимым противником наших чекистов стало время. Быстрое продвижение немецких войск не давало возможности как следует подготовить первые резидентуры на оккупированной территории. А таких резидентур в конце июля – начале августа готовилось четыре: в Одессе (резидент – В. А. Молодцов), Николаеве (В. А. Лягин), Киеве (И. Д. Кудря) и Житомире (И. Н. Каминский). Каминский погиб в момент прихода на явку, выданную его связным. Молодцова арестовали в феврале, а Кудрю в июле 1942 г. Лягин продержался до февраля 1943 г. По печальной статистике потерь, средний срок действия разведывательно-

диверсионной резидентуры в городских условиях с учетом уровня их подготовки и общей системы организации подпольной работы составлял около года.

В конце лета 1941 г. работа профессионалов Особой группы стала давать положительные результаты. Первый из них связан с деятельностью разведгруппы старшего лейтенанта госбезопасности В. Зуенко, в начале августа переброшенной в тыл группы армий «Центр». В его подчинении находились доцент МГУ Л. С. Кумаченко и преподаватель Института иностранных языков З. А. Пивоварова, а радистом был Н. Г. Абрамкин. Кумаченко и Пивоваровой удалось устроиться переводчиками при штабе 3-й танковой дивизии противника и, используя двустороннюю радиосвязь, постоянно передавать в Москву оперативную информацию. Разведгруппа действовала до выхода дивизии в район Вязьмы, где вовремя исчезла, оставив абверовцев с носом.

«Опыт этой группы, – вспоминает П. А. Судоплатов, – был для нас бесценным: мы были в курсе действий и планов немецкого командования, что давало возможность четко отрабатывать постановки задач, которые получали спешно формируемые нами оперативные боевые группы. Из донесений, поступавших от группы Зуенко, нам становились ясны проблемы, с которыми сталкивались ударные соединения танковой группы Гудериана. <…>

Следует сказать, никто в Центре первоначально не рассчитывал на такой успех Зуенко, не предполагал, что ему удастся проникнуть в штаб немецкой 3-й танковой дивизии и „держать руку на пульсе“. Вместе с тем опергруппа, оказавшись в выгодном положении, не имела никакой агентурной связи с подпольной резидентурой, что позволило бы эффективнее использовать все ее возможности. <…>

Что касается оперативных групп, заброшенных в тыл врага, надо сказать, что уже в августе мы ставили цель – создание очагов сопротивления, на базе которых шло бы налаживание агентурно-оперативной работы и разведывательно-диверсионной деятельности. В связи с этим необходимо отметить очень удачно выполненную работу оперативной группой Флегонтова, которая подготовила прочную и расширенную базу для первого рейда отряда Медведева в Клетнянские леса под Брянском для создания там небольшого базового партизанского района. Этот опыт нам очень пригодился.

Второй момент, связанный с деятельностью оперативной группы Флегонтова, – подготовка базового партизанского района на территории Смоленской области. Оперативная группа, действуя с августа по октябрь 1941 г., смогла эффективно

справиться с поставленной задачей еще и потому, что командир ее имел большой опыт как участник партизанского движения на Дальнем Востоке. Флегонтовым была апробирована тактика действия в засадах, проведения нескольких диверсий. Все это было востребовано при создании в Туле мощного центра подготовки кадров для партизанского движения».

Д. Н. Медведев, Герой Советского Союза, командир партизанского отряда

26 августа 1941 г. приказом наркома внутренних дел был определен порядок взаимодействия оперативных, технических и войсковых подразделений и соединений органов госбезопасности

и внутренних дел с Особой группой. Опергруппы НКВД, занимавшиеся организацией борьбы с противником в прифронтовой полосе, были реорганизованы в 4-е отделы территориальных управлений и перешли в ее подчинение. На них возлагались следующие задачи:

– организация и руководство боевой деятельностью истребительных батальонов, партизанских отрядов и диверсионных групп;

– связь с истребительными батальонами, перешедшими на положение партизанских отрядов, а также с партизанскими отрядами и диверсионными группами, находящимися в тылу противника;

– агентурная и войсковая разведка в районах действий партизанских отрядов и диверсионных групп;

– разведка тыла противника и мест возможной переправы партизанских отрядов;

– обеспечение партизанских формирований оружием, боеприпасами, техникой, продовольствием, снаряжением и одеждой;

– допрос перебежчиков, парашютистов и диверсантов, захваченных органами госбезопасности и войсками Красной армии.

Начальник 4-го отдела координировал свои действия по организации партизанских отрядов, истребительных батальонов и диверсионных групп с особыми отделами НКВД, армейским командованием, партийными и советскими органами на местах.

После реорганизации Особая группа состояла из секретариата, четырнадцати отделений и вошедших в их оперативное подчинение четырех отделов территориальных органов НКВД. Отделения центрального аппарата являлись оперативными региональными подразделениями и непосредственно занимались организацией разведывательно-диверсионной работы. Основными направлениями отделений были следующие территории СССР: Белоруссия, Молдавия, Прибалтика, Украина; Германия и ее союзники: Болгария, Венгрия, Румыния, Словакия, Финляндия; а также Швеция, Иран, Турция.

«Заслуживает внимания, – вспоминает П. А. Судоплатов, – еще одно важное направление нашей работы – изучение территорий, прилегающих непосредственно к театру военных действий, и, в частности, засылка нашей оперативной группы во главе с Ц. Радойновым в Болгарию. <…> Имелось в виду сочетание легальных и нелегальных форм борьбы в Болгарии с учетом того, что у нашей разведки были там довольно прочные

позиции и даже выходы на правительственные круги. Причем не только у военной, а и у внешней разведки НКВД.

Радойнов должен был стать координатором этих действий. Но, к сожалению, мы переоценили свои возможности и не учли активность контрразведывательных служб Болгарии, поддерживаемых немцами. Группа Радойнова очень скоро была выявлена. Противник целенаправленно вел ее поиск, зная, что охотится за связными, заброшенными из Москвы. Идея Димитрова о том, чтобы поставить во главе подполья человека, прошедшего обучение в нашей военной академии, имевшего опыт разведывательной работы, в принципе была верной. Но, к сожалению, обстоятельства сложились не в нашу пользу, и эта группа героически погибла…»

В августе – сентябре 1941 г. определились основные направления деятельности Особой группы: содействие партийно-советскому активу в организации партизанской войны на оккупированной территории СССР; проведение диверсий в прифронтовой полосе и глубоком тылу противника по срыву железнодорожных и автомобильных перевозок живой силы и техники противника; проникновение в спецслужбы и разведшколы противника для выявления агентуры, забрасываемой в советский тыл с разведывательно-диверсионными целями; создание агентурной сети на территориях, находившихся под немецкой оккупацией; руководство специальными радиоиграми с немецкой разведкой с целью дезинформации противника; воспрепятствование вывозу в Германию советских граждан и награбленного немцами имущества.

В сентябре 1941 г. завершили свое формирование войска Особой группы – будущий элитный спецназ НКВД – НКГБ. До этого времени диверсионного спецназа как единого войскового соединения в органах госбезопасности не было. Планы Я. И. Серебрянского по созданию в 1938 г. такого соединения на базе имевшейся при Особой группе школы по подготовке диверсантов реализованы не были. Как уже многократно указывалось во многих источниках, в том числе и нами в предыдущих главах, кадры, имевшие оперативно-боевой опыт разведывательной и диверсионной работы, курсанты спецшкол либо были отстранены от этой работы, либо были репрессированы. Диверсант, призванный защищать свою родину, в представлении политической конъюнктуры приравнивался к понятию «враг народа». Специалисты, ценой своей крови и жизни добывавшие бесценные сведения по организации и проведению специальных операций, расстреливались или в лучшем случае отправлялись за

решетку целыми группами… Глухая безмолвная боль безысходности переполняла сердца тех, кому сохранили жизнь, но оторвали от любимого и действительно нужного для страны боевого искусства…

К счастью, в Отделе оперативной техники чудом уцелела существовавшая до войны спецгруппа по подготовке диверсионных приборов во главе со старшим лейтенантом госбезопасности А. Э. Тимашковым.

4 сентября 1941 г. ЦК ВЛКСМ принял постановление «О мобилизации комсомольцев на службу в войска Особой группы при НКВД СССР», что позволило провести так называемую комсомольскую разверстку уже не только в Москве, но и на территории четырнадцати областей РСФСР. В результате в ряды будущих диверсантов-разведчиков добровольно влились еще около 800 человек. Для них было организовано несколько школ подготовки кадров. Сначала оперативные группы готовились для действий в немецком тылу на даче бывшего наркома внутренних дел Ягоды «Озера». Еще одну создали в Доме отдыха НКВД в подмосковном Кратове, другую – на базе разведывательной Школы особого назначения в Балашихе.

«В наше распоряжение, – вспоминает П. А. Судоплатов, – поступили лучшие специалисты по минно-подрывному делу в Советском Союзе, работавшие не только в системе Красной армии, но и наркоматов угольной промышленности, геологии, горных разработок. Среди них помнятся такие блестящие мастера своего дела, как Д. Пономарев, Г. Разживин. Очень кстати оказались выпускники существовавшей в 1937–1938 гг. спецшколы при Особой группе Серебрянского… Слушатель этой школы подполковник Константин Квашнин, начальник отделения оперативной техники бывшего Иностранного отдела (ИНО) НКВД полковник Александр Тимашков сыграли важную роль в обеспечении наших людей совершенными диверсионными приборами и техникой, не имевшими аналогов у зарубежных спецслужб».

Для работы с агентурой в тылу противника были привлечены лучшие из оставшихся в живых после репрессий разведчики и контрразведчики. Среди них следует отметить Е. П. Мицкевича, П. М. Журавлева, З. И. Рыбкину, Г. И. Мордвинова, П. И. Гудимовича, Е. Д. Морджинскую, А. Ф. Камаеву, В. Н. Ильина, М. С. Ярикова, М. Б. Маклярского, П. Я. Зубова, Л. И. Сташко, В. А. Дроздова, С. И. Волокитина, Н. С. Киселева, С. Л. Окуня, Ф. К. Парпарова, Г. Кулагина, А. Крупенникова.

В самые кратчайшие сроки ими были отработаны пять основных вариантов внедрения в органы оккупационной

администрации, «добровольческие» формирования и в немецкие спецслужбы.

К. К. Квашнин

Первая легенда. К противнику попадает офицер Красной армии, захваченный в ходе боевых столкновений.

Вторая легенда. Немцы подбирают раненого советского солдата или офицера, которым не была оказана медицинская помощь. *Третья легенда.* Военнослужащий Красной армии – дезертир – сдается немцам на линии фронта. *Четвертая легенда.* Парашютист Красной армии, сброшенный в тыл противника, добровольно сдается немецкому командованию.

Пятая легенда. Немец-фольксдойче, рожденный или проживающий за пределами Германии, перешедший на оккупированную территорию через линию фронта, предлагает нацистам свои услуги.

Наибольшим доверием гитлеровцев (естественно, после проверки) пользовались именно последние, а также лица, имевшие белогвардейское или националистическое прошлое.

«К этому времени, – вспоминает П. А. Судоплатов, – нами и военной разведкой был окончательно вскрыт замысел противника на „молниеносную войну“. Очень остро встал вопрос, как воспользоваться провалом гитлеровских планов для нанесения противнику максимального ущерба. Из материалов, поступающих из областных управлений, райгораппаратов НКВД, сложилась довольно неожиданная картина. <…> Выяснилось, что часть районов, занятых противником, фактически не находилась под его временным или постоянным контролем. В связи с этим Эйтингон внес важное предложение, которое активно поддержал Генштаб, – подготовить специальную карту занятых противником территорий для руководства НКВД и Верховного командования, которая давала бы представление о реально складывавшейся там оперативной обстановке.

Наши офицеры совместно с направленцами Генштаба выделили три группы районов, занятых врагом.

В первую попали места, где размещались центры коммуникаций и снабжения наступающей немецкой армии. Они находились под неполным контролем противника и представляли собой весьма уязвимую цель, так как коммуникации были растянуты. Немцы не могли обеспечить охрану при передвижении грузов на всем протяжении железных дорог, особенно в колоннах с танками или бронемашинами. Не везде был введен комендантский час.

Вторая категория – глубинные районы сельской местности, которые вообще находились вне зоны контроля противника. Они были удалены от основных дорог и коммуникаций, что создавало благоприятную ситуацию для развертывания широкого партизанского движения. Но самое главное – в перспективе они представляли собой прекрасную базу для организации снабжения партизанских соединений, а также складирования вооружения и боеприпасов.

Третья группа – главным образом крупные населенные пункты – находилась под пристальным контролем немецких войск. В этих районах были введены жесткий контрразведывательный режим, постоянное наблюдение за местным населением. Немецкие военнослужащие не появлялись

на улицах в одиночку. Хотя машины с руководящим составом двигались, как правило, без охраны.

С учетом этих условий мы должны были определить основные цели для нанесения ударов, а также те районы, где можно было организовать проверку и переподготовку нашей агентуры.

Нам удалось вскрыть ряд особенностей в действиях противника. Например, немецким командованием были допущены серьезные просчеты. Их войска двигались вдоль основных дорог, не контролируя при этом боковые. Неумело выбирались позиции при пересечении лесистой и заболоченной местностей.

Постепенно нам становилось ясно, каким образом можно создать противнику невыносимый режим, не давать ему ни днем, ни ночью покоя. Было решено, что предпочтительнее проводить налеты на вражеские соединения после 18–19 часов вечера, перед тем как стемнеет, выходить с поля боя под покровом ночи, активно использовать минирование и завалы при отходах, приспосабливать наши действия в зависимости от времени года, особенно приближающейся зимы.

Мы сделали выводы о характере партизанских действий на территории Белоруссии. Лесистая местность очень благоприятствовала разведке. Белоруссия и Смоленское направление стали основным полигоном для развертывания разведывательно-диверсионной работы. И не случайно. Решалась судьба Москвы – главной цели гитлеровского блицкрига.

Август и сентябрь 1941 г. можно назвать переломным этапом в формировании партизанского движения. Дело в том, что Пономаренко, правильно поставивший вопрос об организации диверсионной работы в тылу врага, благодаря которому в полную мощь был использован потенциал Разведывательного управления Генштаба и НКВД, к сожалению, заблуждался относительно того, что в тылу противника возможно формирование массовых партизанских армий.

Я принимал участие в нескольких совещаниях по этому поводу и в ЦК, и в Генштабе, и у Берии в НКВД. Рассуждения о формировании в тылу противника массовых партизанских армий произвели на меня удручающее впечатление. Наше военное командование, особенно ветераны Гражданской войны, не представляли себе всех преимуществ в оснащении немецкой армии, возможностей ее авиации по сравнению с партизанами, вооруженными лишь легким стрелковым оружием. <…>

Важной проблемой для нас стало обеспечение партизан вооружением. Мы потеряли на территории, оккупированной

противником, большое количество складов с боеприпасами и горюче-смазочными материалами. Значительное количество их мы вынуждены были при отступлении подорвать, так как вывезти не было возможности.

Тем не менее в тылу противника постепенно складывался организованный фронт вооруженной борьбы. Нами по линии НКВД с большим напряжением сил постепенно отрабатывалась система взаимодействия поддержки и организации партизанского движения как с органами фронтового управления, так и с Разведывательным управлением Генштаба. <…>

Август и сентябрь 1941 г. – это период, когда нам удалось правильно сформулировать не только задачи разведывательно-диверсионной борьбы в тылу противника, но и определить места проведения операций в связи с планами советского Верховного командования. Эти два аспекта борьбы в тылу врага – массовое партизанское движение и разведывательная диверсионная деятельность – были тесно связаны друг с другом.

Среди поставленных перед нами главных задач были сбор и поступление непрерывной информации о дислокации и перемещениях немецко-фашистских войск, их численном составе, боеспособности и уязвимых местах, что давало возможность четко спланировать подготовку и организацию боевых действий по линии нашего спецназа – отрядов войск Особой группы для диверсий на коммуникациях противника.

В связи с развитием массового партизанского движения перед нашим спецназом ставились задачи содействовать захвату и удержанию важных административных стратегических пунктов в тылу немецко-фашистских войск, что создавало бы для них нервозную обстановку. Предполагалось развернуть группы специального назначения в местах расположения немецких штабов, на территориях, имеющих для нас важное политическое значение.

Учитывая, что противник уже использовал против партизан и местного населения как специальные карательные отряды, так и вспомогательные воинские части, спецназ НКВД должен был быть готовым вести бои за удержание партизанских баз и базовых районов, заманивать противника в засады, заблаговременно подготавливать районы и опорные пункты партизанского движения.

Очень важное значение приобретало минирование объектов противника и отработка тактики непосредственного боевого соприкосновения с врагом. Необходимо было разработать тактические наставления, как действовать малыми боевыми группами, отходить на заранее оборудованные и пристрелянные

позиции. Наши люди должны были знать местные условия, чтобы иметь возможность осуществлять эффективный маневр на местности. Особое внимание в связи с подготовкой кадров для спецназа уделялось оснащению его подразделений снайперами, специалистами-саперами.

Мы столкнулись с огромными трудностями – нехваткой личного состава и технических средств. Непривычным и незнакомым для нас было блокирование немцами транспортных маршрутов на оккупированной территории, создание блокпостов, введение контроля над дорогами и, наконец, полное господство в воздухе, что, как подчеркивали специалисты, имевшие опыт войны в Испании, сильнейшим образом затрудняет развертывание партизанского движения в тылу противника, сковывает подвижность партизанских соединений, подставляет под удар их базы снабжения.

Несмотря на эти трудности, размах диверсий на тыловых коммуникациях врага непрерывно возрастал. В период с начала войны по 16 сентября 1941 г. в тылу немецко-фашистских войск было разрушено 447 железнодорожных мостов, в том числе в тылу группы армии „Центр“ – 117, группы армии „Юг“ – 141 мост. Удары по немецким коммуникациям, нанесенные нашими диверсионными группами и партизанами, сбивали темп немецкого наступления. Противник вынужден был выделить до 300 тысяч солдат для охраны важных объектов в тылу.

Вместе с тем фронт боевых действий осенью 1941 г. неумолимо приближался к Москве».

3 октября 1941 г. Особая группа при наркоме внутренних дел была преобразована во 2-й отдел НКВД СССР – зафронтовая работа: разведка, диверсии и террор в тылу противника. Начальником 2-го отдела утвердили старшего майора госбезопасности П. А. Судоплатова, его заместителями стали Н. И. Эйтингон, Н. Д. Мельников и В. А. Какучая. Начальниками ведущих направлений и групп стали Я. И. Серебрянский, М. Б. Маклярский, В. А. Дроздов, П. И. Гудимович, М. Ф. Орлов, Н. С. Киселев, П. И. Масся, В. Е. Лебедев, А. Э. Тимашков, Г. И. Мордвинов.

Для активного противодействия германским спецслужбам во 2-м отделе было создано специальное отделение для работы в прифронтовой зоне. Оно координировало свою деятельность с аппаратом военной контрразведки – особыми отделами НКВД.

Перед отделом зафронтовой работы были поставлены следующие задачи:

– формирование в крупных населенных пунктах, захваченных противником, нелегальных резидентур и обеспечение надежной

связи с ними;

– восстановление контактов с ценной проверенной агентурой органов госбезопасности, оставшейся на временно оккупированной советской территории;

– внедрение проверенных агентов в создаваемые противником на захваченной территории антисоветские организации, разведывательные, контрразведывательные и административные органы;

– подбор и переброска квалифицированных агентов на оккупированную территорию в целях их дальнейшего проникновения в Германию и другие европейские страны;

– направление в оккупированные районы маршрутной агентуры с разведывательными и специальными заданиями;

– подготовка и переброска в тыл врага специальных разведывательно-диверсионных групп, подчиненных Центру, для выполнения заданий особой важности, обеспечение надежной связи с ними;

– минирование по приказу Ставки и ГКО промышленных предприятий и стратегических объектов с целью вывода их из строя в районах, находящихся под угрозой вторжения противника;

– организация в этих районах резидентур из числа преданных и проверенных на оперативной работе сотрудников;

– обеспечение разведывательно-диверсионных групп, одиночных агентов, специальных курьеров вооружением, боеприпасами, продовольствием, средствами техники и связи и соответствующими документами прикрытия.

3 октября после лечения и отдыха Я. И. Серебрянский был назначен начальником группы, занимавшейся вербовкой агентуры для глубинного оседания в странах Западной Европы. М. Б. Маклярский возглавляет специальное отделение по негласному штату. Отделение руководило спецагентами, проходившими строго индивидуальную подготовку и затем переходившими из разряда секретных сотрудников в оперативники.

Произошли изменения и в спецназе НКВД. Войска Особой группы переформировали в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН) войск НКВД СССР, напрямую подчиненную 2-му отделу. Командиром бригады с 15 октября 1941 г. стал полковник М. Ф. Орлов, комиссаром – А. А. Максимов. Руководителями разведки бригады были Антуфеев и майор-пограничник Б. К. Спиридонов.

В ОМСБОН вошли два мотострелковых полка четырехбатальонного и трехбатальонного состава. Командиром первого полка вначале недолго был подполковник Н. Е. Рохлин,

затем подполковник В. В. Гриднев. Комиссаром стал старший лейтенант госбезопасности С. И. Волокитин. Командиром второго полка был назначен майор С. В. Иванов, комиссаром – майор С. Т. Стехов.

Костяк командного состава бригады составили опытные чекисты: работники центрального аппарата НКВД, преподаватели и слушатели Высшей школы погранвойск, Высшей школы НКВД и других учебных заведений НКВД СССР. При ОМСБОНе была организована спецшкола младших командиров и специалистов.

1-й (интернациональный) полк бригады первоначально насчитывал в своем составе немногим менее тысячи бойцов. Почти треть полка составляли испанцы, эмигрировавшие в СССР после поражения республики. Вторую по численности группу составляли австрийцы-шуцбундовцы, эмигрировавшие в СССР после поражений июльского (1927 г.) и венского (1934 г.) восстаний. На третьем месте были болгары. В составе полка также сражались чехи, словаки, поляки, венгры, югославы, румыны, греки, итальянцы, немцы, вьетнамцы, французы, финны, англичане.

Второй полк состоял в основном из спортсменов, всего их, по данным М. Ф. Орлова, прошло через полк около 800 человек. Влияние опытных спортсменов, таких как многократные чемпионы страны Н. Королева, Г. и С. Знаменские, Л. Кулакова и другие, в бригаде было очень велико. Они стали наставниками еще не закаленных физически бойцов. В полк также входили преподаватели, аспиранты и студенты московских вузов: МГУ, МИФЛИ, Станкина, МИСИ и др. Это была интеллектуальная элита ОМСБОНа. В третьей группе были так называемые технари: инженеры, техники и рабочие московских заводов, в основном пришедшие по направлению ЦК ВЛКСМ.

Подготовка личного состава бригады была организована с учетом опыта боевых действий разведывательно-диверсионных групп в испанской и финской кампаниях.

Перед ОМСБОНом ставились следующие боевые задачи:

– в составе подразделения, части и соединения вести общевойсковой бой и разведку;

– устраивать на фронте инженерно-минные заграждения и создавать комбинированные системы с применением новой техники;

– осуществлять минирование и разминирование оборонных объектов государственной важности;

– вести разведывательно-диверсионные операции в тылу противника отдельными подразделениями, мелкими группами и индивидуально.

Решать общевойсковые задачи диверсионный спецназ НКВД должен был в силу обстоятельств. В октябре – декабре 1941 г. ОМСБОН входил в состав действующей армии и находился в ведении Генерального штаба Красной армии в качестве особого резерва. Надо сказать, что поставленные перед ними задачи по обороне Москвы бойцы ОМСБОНа и сотрудники 2-го (зафронтового) отдела НКВД с честью выполнили.

7 октября 1941 г. в ОМСБОНе получили приказ на прикрытие важнейших стратегических подступов к Москве. По инициативе бригадного инженера майора М. Н. Шперова два мотострелковых батальона под командованием капитанов М. С. Прудникова и П. А. Коровина, саперно-подрывная рота и два отдельных саперных взвода были сведены в отряд специального назначения, состоящий из одиннадцати заградительных отрядов, насчитывающих около 800 человек.

Отряды ОМСБОНа сосредоточились в пяти километрах севернее Клина. Перед ними была поставлена задача по устройству заграждений с целью предотвратить возможность выхода противника на восточный и юго-восточный берега Волжского водохранилища и на левый берег Волги на участке Видогощ – Горки. Было приказано также взорвать лед вдоль берега, мосты на шоссе севернее Безбородова, железнодорожный мост у Селиверстова, мост у Яхромы и другие объекты. Минировалось не только Ленинградское шоссе на участке Завидово – Ямуга – Солнечногорск – Яхрома, а также шоссе в районах Рогачева, Дмитрова, Истры. Особое значение имело минирование полей вдоль дорог, сооружение завалов, засек, рвов, ложных препятствий и т. п.

М. С. Прудников, командир пулеметной роты, затем командир батальона 2-го полка ОМСБОН НКВД СССР

Вклад ОМСБОНа в защиту Москвы трудно переоценить: только саперы бригады поставили на Западном фронте 40 000 мин, а весь Калининский фронт – всего 4500 мин. Омсбоновцы широко применяли новую технику: управляемые фугасы, огневые фугасы ПТ, мины замедленного действия. По самым скромным подсчетам, на фугасах и минах, установленных сводным отрядом в Подмосковье, подорвалось 30 немецких танков, 20 броневиков, 68 машин с мотопехотой, 19 легковых автомобилей с офицерами, 53 мотоцикла. 156 автомашин были

уничтожены авиацией на пробках у минных полей. Подразделения бригады захватили в исправном состоянии 17 автомашин, 35 мотоциклов с колясками и другое военное имущество.

Эти цифры кому-то могут показаться не очень большими. Но к ним следует прибавить еще один показатель – выигрыш времени, столь важный для Красной армии, воевавшей на подступах к Москве. Темп наступления танковых и моторизованных частей вермахта падал на глазах, драгоценная боевая техника замирала на минных полях, даже не будучи подорванной. Стратегический план врага – обход Москвы с севера – был сорван.

Инженерные заграждения, поставленные отрядами ОМСБОНа, сыграли свою роль и в подготовке контрнаступления под Москвой. При отступлении немецких войск созданная омсбоновцами система инженерно-минных заграждений вторично сыграла свою роль. Она заставляла фашистов бросать значительную часть техники у проходов через минные поля, а по создававшимся пробкам наносила прицельные удары советская авиация.

Кроме того, ОМСБОН должен был обеспечить оборону центра столицы в районе площадей: Красной, Свердлова, Пушкинской, Маяковского, а также музеев Ленина и Исторического. Активная оборона имела целью не допустить прорыва противника через Садовое кольцо. 1-й полк разместился в Доме союзов и здании ГУМа, 2-й – в школе на Малой Бронной, в Литературном институте на Тверском бульваре и в здании Камерного театра. Штаб бригады в это время был в Доме союзов.

Защита центральной части Москвы

Осью сектора обороны была улица Горького (нынешняя Тверская) от Белорусского вокзала до Кремля. Передний край проходил вдоль Московско-Белорусской железной дороги и соединительной ветки. Правый фланг – Бутырская застава, левый – Ваганьково. В дальнейшем район обороны видоизменялся и уточнялся в соответствии с боевой обстановкой. В сектор бригады входили и районы, примыкавшие к Ржевскому и Савеловскому вокзалам, Хорошевское и Ярославское шоссе, зона Ярославской железной дороги. ОМСБОНу приказывалось закрыть подступы к центру Москвы и Кремлю с северо-запада.

Первые этажи домов и витрины магазинов на улице Горького были укреплены мешками с песком, кирпичом, сваями. Первая от Кремля баррикада перегородила район Пушкинской площади от кинотеатра «Центральный» (нынешнее здание «Известий») до недостроенного дома на другой стороне улицы. Вокруг баррикады в подвалах, на чердаках и т. п. устраивались замаскированные огневые точки. Следующая баррикада строилась в районе площади Маяковского, третья – у Белорусского вокзала. Но врага в Москву не пустили.

К этому следует добавить, что 2-й отдел НКВД был единственным подразделением, не эвакуированным из Москвы в Куйбышев в связи с передислокацией аппарата госбезопасности в октябре 1941 г.

На случай захвата Москвы противником 2-м отделом НКВД, II (контрразведывательным) и III (секретно-политическим) управлениями НКВД СССР, а также УНКВД по Московской области создавались разведывательно-диверсионные резидентуры в Москве и области. Комплекс мероприятий, осуществляемых в столице в случае ее оккупации, получил условное название «Московский план».

Всего по Москве на нелегальное положение было переведено 43 работника центрального аппарата НКВД, 28 сотрудников Управления НКВД Московской области. По состоянию на 3 ноября 1941 г. для деятельности в Москве и Подмосковье было подготовлено 676 человек, из них 553 человека должны были действовать в столице. Из общего числа нелегалов 241 человек был подготовлен для разведки, 201 – для диверсий, 81 – для терактов, 153 человека – для распространения листовок и слухов.

Все члены агентурной сети были проинструктированы на самостоятельные действия в случае потери связи. Оперативный состав, переведенный на нелегальное положение, и часть агентуры обеспечивались продовольствием на 2–3 месяца.

Главным резидентом московского подполья предстояло стать

начальнику II Управления НКВД СССР П. В. Федотову. Он хорошо знал столичную агентурную сеть, а с наиболее ценными источниками был знаком лично.

«Организация агентурного подполья в Москве, – вспоминает П. А. Судоплатов, – имела свои принципиальные отличия. Намечалось создать два агентурных аппарата. Один – на базе связей и контактов людей из партийно-советского актива. Другой аппарат должен был подбираться из людей, совершенно не контактировавших с этим активом в прошлом. Двум независимым друг от друга резидентурам предписывалось оперативные и боевые задачи решать самостоятельно. Меркулов предложил вначале, чтобы я стал главным нелегальным резидентом НКВД по Москве в случае занятия ее немцами. Я дал согласие, однако Берия аргументированно возразил Меркулову. Было принято (не оформленное приказом по наркомату) решение назначить на эту работу начальника центрального аппарата контрразведки П. Федотова с подчинением ему всех резидентур, которые создавались по линии НКВД и партийно-советского актива. Это решение сейчас кажется спорным. Ведь ни в коем случае не следовало давать какую-либо, даже минимальную возможность немецким спецслужбам захватить фигуру такого уровня. Берия обосновал это назначение тем, что Федотов лично хорошо знал партийно-советский актив столицы и большую часть агентуры НКВД, которую намечалось оставить на подпольной работе. Это обстоятельство, конечно, позволяло бы Федотову в экстремальной обстановке принимать решения об использовании оперсостава и агентуры с учетом деловых качеств лично ему известных людей».

Руководителями резидентур также назначались: начальник КРО УНКВД Московской области капитан госбезопасности С. М. Федосеев, начальник ЭКО НКВД СССР, старший майор госбезопасности П. Я. Мешик и помощник П. А. Судоплатова старший майор госбезопасности В. А. Дроздов.

Агентурной сети П. Я. Мешика следовало организовывать диверсии на транспортных объектах Москвы. Дроздову и его людям поручалось проведение дезинформационной работы в оккупированном городе. Незадолго до начала битвы под Москвой он был устроен на работу в качестве заместителя управляющего аптечным хозяйством города Москвы. Дроздов должен был предпринять попытку войти в доверие к немцам, для чего сразу после оккупации города передать им партию медикаментов. После этого открывшиеся возможности в немецкой администрации предполагалось использовать для дезинформации противника и распространения листовок.

Для групп и одиночек в Москве и Московской области были

подготовлены конспиративные квартиры, склады с оружием, боеприпасами, взрывчатыми и зажигательными веществами, ядом, горючим, продовольствием, а также созданы явки под видом мастерских, магазинов, парикмахерских, в которых должны были ремонтироваться радиоаппаратура, оружие и изготавливаться спецсредства для оперативных групп. Все группы были снабжены мощными переносными радиопередатчиками.

Участники оперативно-боевых и диверсионно-разведывательных групп, а также одиночки снабжались необходимыми документами прикрытия. Их устраивали на работу в качестве владельцев кустарных мастерских, торговых палаток, аптек, преподавателей, артистов, шоферов, сторожей, служителей церкви и т. п. Семьи подпольщиков эвакуировались вглубь страны.

Особое внимание уделялось подготовке оправдательных документов о причинах, побудивших конкретных лиц остаться в оккупированной Москве. С этой целью изготовлялась фиктивная переписка с родственниками, которая легендировалась по всем правилам почтовых отправлений. В кратчайшие сроки были изъяты, уничтожены или заново переписаны многие домовые книги.

Оперативными группами и одиночкам были отработаны задания, способы связи и пароли; велись занятия по стрелковому делу, осуществлению диверсий, проведению террористических актов возмездия, психологии поведения на допросах в случае задержания и ареста. С радистами периодически отрабатывались учебные сеансы радиосвязи.

Только по линии работы Особой группы при наркоме внутренних дел на нелегальное положение перешли 243 человека, из которых было сформировано 36 групп с оперативно-боевыми, диверсионными и разведывательными задачами. 78 человек были подготовлены для индивидуального осуществления разведывательных, диверсионных и террористических мероприятий. Детали операций разрабатывались одним из главных «мозговых центров» 2-го отдела М. Б. Маклярским.

В октябре 1941 г. была проведена подготовка к осуществлению диверсионных актов в зданиях и на объектах, которые могли бы быть использованы нем цами для размещения штабов и войск, – например, здание нынешней Государственной думы, гостиницы «Москва» и др. Для дистанционного подрыва объектов создавались минные станции. Одна располагалась в недостроенном здании на месте нынешнего кукольного театра на Садовом кольце, другая – в колокольне церкви в Рогожском поселке, третья – в подвале школы № 79 на Арбате. Координация

действий по подрывам возлагалась на сотрудницу 2-го отдела А. Ф. Камаеву.

«Горжусь, – вспоминает П. А. Судоплатов, – достойным вкладом в защиту столицы ОМСБОНа и наших рейдовых партизанских диверсионных соединений. Они сыграли важную роль в срыве операции вермахта „Тайфун“ по окружению, захвату и затоплению Москвы. Читаю о признании роли чекистских диверсионных операций в дневниковых записях командующего группой армий „Центр“ генерал-фельдмаршала Ф. фон Бока, рвавшегося к Москве: „Использование победы под Вязьмой более уже невозможно, налицо недооценка силы сопротивления врага, его людских и материальных резервов… Русские сумели настолько усилить наши транспортные трудности разрушением почти всех строений на главных железнодорожных линиях и шоссе, что фронт оказался лишенным самого необходимого для жизни и борьбы… В ошеломляюще короткий срок русские снова поставили на ноги разгромленные дивизии, бросили на фронт новые силы из Сибири, Ирана и Кавказа… Потери офицерского и унтер-офицерского состава пугающе велики… Стремление коротким штурмом разгромить русских было заблуждением“».

В период битвы под Москвой были окончательно определены конкретные боевые задачи 2-го отдела.

Вручение наград в партизанском отряде

Сбор и передача командованию РККА следующих разведданных:

– о дислокации, численном составе и вооружении войсковых соединений и частей противника;

– о местах расположения штабов, аэродромов, складов и баз с оружием, боеприпасами и ГСМ;

– о строительстве оборонительных сооружений;

– о режиме политических и хозяйственных мероприятий немецкого командования и оккупационной администрации.

В области диверсионной деятельности:

– нарушение работы железнодорожного и автомобильного транспорта, срыв регулярных перевозок в тылу врага;

– вывод из строя военных и промышленных объектов, штабов, складов и баз вооружения, боеприпасов, ГСМ, продовольствия и прочего имущества;

– нарушение линии связи на железных, шоссейных и грунтовых дорогах, узлов связи и электростанций в городах и других объектах.

По линии контрразведки:

– установить дислокацию разведывательных, диверсионных и карательных органов немецких спецслужб, школ подготовки агентуры, их структуру, численный состав, системы обучения агентов, пути проникновения в части и соединения РККА, партизанские отряды и советский тыл;

– выявлять вражеских агентов, подготовленных к заброске или заброшенных в советский тыл, а также оставленных в тылу советских войск после отступления немецкой армии;

– установить способы связи агентуры противника с его разведцентрами;

– проводить систематическую работу по разложению частей, сформированных из добровольно перешедших на сторону врага военнослужащих РККА, военнопленных и насильственно мобилизованных жителей оккупированных территорий;

– ограждать партизанские отряды от проникновения в них вражеской агентуры, проводить ликвидацию наиболее опасных пособников врага и по возможности представителей оккупационной администрации, ответственных за карательные действия (фашистских властей и военного командования) по отношению к партизанам и местному населению.

«Кардинальное изменение обстановки под Москвой в нашу пользу, – вспоминает П. А. Судоплатов, – поставило перед органами НКВД новые задачи. Его спецназ, несмотря на понесенные потери, по-прежнему был высокобоеспособной ударной силой, которая могла действовать теперь на коммуникациях отступающего противника. Особенно обернулось колоссальным плюсом то, что мы не растеряли наши кадры подрывников и диверсантов в горниле Московской битвы. Ведь именно они позднее проявили себя блестяще и в партизанской

войне».

Заканчивался 1941 год, заканчивались первые полгода войны – время первых ошеломляющих потерь и пока еще редких робких успехов, время пересмотра результатов огульного предвоенного «шапкозакидательства» и самодовольной расточительности в самоликвидации своих собственных кадров, время первых военных контрударов после долгого отступления с потерей огромных территорий и миллионов человеческих жизней, чудовищными утратами живой силы и техники Красной армии…

Наступал 1942 год…

П. А. Судоплатов среди награжденных бойцов и офицеров ОМСБОН – участников обороны Москвы

Глава 10
Всё во имя Победы

Осень 1941 г. была наиболее сложным периодом в деятельности Особой группы – 2-го отдела НКВД и подчиненных ему структур. Но именно в это время, несмотря на нехватку опытных кадров, специального оружия и снаряжения, закладывались основы организационной, разведывательной, диверсионной, террористической, саботажной, пропагандистской и разложенческой деятельности спецназа в тылу противника. Началась отработка боевой подготовки, тактики и схем оперативной работы, т. е. будущей классики нелегкой профессии спецназовца, по терминологии 1970-х гг., – разведчика специального назначения.

В конце августа – начале сентября 1941 г. на территорию Гомельской, Брянской, Курской, Орловской и Смоленской областей были направлены несколько особых оперативно-боевых групп. Главными задачами для них стали сбор информации об обстановке в тылу противника, подготовка будущих районов базирования разведывательно-диверсионных резидентур, отработка спецназовской и партизанской тактики. Об отряде под командованием А. К. Флегонтова мы уже упоминали. Кроме его отряда в немецком тылу действовали группы под командованием И. П. Галковского, В. И. Пудина, Л. Л. Чанцева.

П. Г. Лопатин, Герой Советского Союза, командир партизанской бригады, осуществлявшей диверсии на железной дороге

В числе первых был и отряд Дмитрия Николаевича Медведева, получивший кодовое наименование «Митя». Комиссаром отряда стал инженер Г. М. Кулаков, начальником штаба – полярник-геолог Д. Д. Староверов. В результате жесткого отбора (профессия, навыки, фронтовой опыт, физическая закалка) в состав отряда вошли 30 бойцов, в основном спортсменов, уже имевших боевой опыт. К отряду была также присоединена группа минских железнодорожников во главе с П. Г. Лопатиным. 13 сентября 1941 г. отряд перешел линию фронта у деревни

Белоголовка на реке Десне. Через четыре месяца, 14 января 1942 г., разросшийся отряд (в его составе было уже 272 человека!) перешел линию фронта в районе Людинова и вернулся в Москву.

Действуя на территории Брянской, Могилевской и Орловской областей, отряд совершил более пятидесяти боевых операций, в том числе: разгром немецких гарнизонов в Хотимске, Жиздре, Клетне, налет на аэродром в Мглине, разгром штаба 576-го немецкого саперного батальона. Было взорвано 3 железнодорожных и 7 шоссейных мостов, сожжено 9 самолетов, пущено под откос 3 военных эшелона, уничтожено 2 генерала, 17 офицеров, более 400 солдат, казнено 45 изменников Родины.

Омсбоновцы оказали помощь Бежицкому, Дядьковскому и Людиновскому локальным партизанским отрядам, способствовали организации пятнадцати подпольных групп. Был захвачен в плен бывший белогвардеец Львов-Корзухин, знавший многие адреса явок немецкой агентуры. В Центр постоянно передавалась разведывательная информация о дислокации и перемещениях воинских частей; о вражеских объектах, в том числе аэродромах; о строительстве укреплений на берегах Десны и Болвы.

Д. Н. Медведев (слева), радистка и начальник отдела разведки отряда перед заброской за линию фронта, 1942 г.

В. А. Карасёв, Герой Советского Союза, командир партизанского отряда

Также отличился партизанский отряд старшего лейтенанта госбезопасности Виктора Александровича Карасёва. В ночь на 24 ноября 1941 г. в результате молниеносно проведенной операции карасёвцы разгромили штаб 12-го армейского корпуса немцев в поселке Угодский Завод Калужской области. Предварительно разведав расположение служб и отделов штаба корпуса, детально изучив систему обороны и расположение постов охраны, разведчики отряда вывели из строя линии связи и бесшумно сняли часовых. Затем три маневренные группы (примерно по 100 человек в каждой) внезапно атаковали четырехтысячный гарнизон противника, более чем в тринадцать раз (!!!) превосходящий силы партизан. В ходе боя гитлеровцы потеряли убитыми и ранеными свыше 600 человек, 4 танка, 80 грузовиков и 23 легковые машины. В руках у разведчиков оказались важные штабные документы командования группы «Центр». Собственные потери отряда составили 8 человек убитыми и 14 ранеными.

Битва под Москвой явилась хорошей школой для руководителей и оперативников 2-го отдела НКВД СССР,

командиров и бойцов ОМСБОНа. Эффективность разведывательно-диверсионных операций постепенно нарастала. Масштаб решаемых 2-м отделом задач фактически перерос те рамки, что были очерчены приказом наркома внутренних дел СССР в октябре 1941 г.

18 января 1942 г. Л. П. Берия подписал приказ № 00145, который гласил:

«Для проведения специальной работы в тылу противника, а также организации и осуществления мероприятий по выводу из строя и уничтожения промышленных предприятий и других важнейших сооружений на территории, угрожаемой противником, приказываю:

1. Организовать IV Управление НКВД СССР.

2. Расформировать 2-й отдел НКВД СССР, обратив его штабы и личный состав на укомплектование IV Управления НКВД СССР.

3. Передать в IV Управление НКВД СССР 9-е отделение 4-го спецотдела со всем личным составом и техническим оборудованием».

I (Разведывательное) Управление НКВД, вспоминает П. А. Судоплатов, разделилось на IV Управление («бывшая Особая группа, а затем 2-й отдел во главе со мной»), которое вело «разведывательно-диверсионную работу против немцев и Японии, как на нашей территории, так и в оккупированных странах Европы и Ближнего Востока»; и собственное I Управление, «сфера действий которого распространялась на США, Англию, Латинскую Америку, Индию, Австралию»; возглавил его П. М. Фитин.

Итак начальником IV Управления был назначен старший майор ГБ П. А. Судоплатов, его заместителями старший майор ГБ Н. Д. Мельников и майор ГБ В. А. Какучая. Впоследствии, 20 августа 1942 г., после возвращения из Турции, заместителем был также назначен старший майор ГБ Н. И. Эйтингон.

Структура IV Управления состояла из руководства, секретариата, финансовой группы, информационно-учетного отделения, четырех отделов, отдельных подразделений. Штат управления был определен в 113 человек.

1-й отдел (зарубежный) состоял из четырех отделений. 1-е – европейское; 2-е – Африка, Дальний Восток; 3-е – Афганистан, Иран, Турция, Ирак, Ближний Восток; 4-е – работа по военнопленным и интернированным.

2-й отдел (оккупированные и угрожаемые территории СССР) состоял из девяти отделений. 1-е – г. Москва и Московская область; 2-е – Украина, Молдавия, Крым; 3-е – Белоруссия; 4-е – области РСФСР, Карело-Финская ССР; 5-е – Литва; 6-е – Латвия; 7-

е – Эстония; 8-е – вербовка спецагентуры из числа заключенных лагерей; 9-е – учетное.

3-й отдел состоял из трех отделений и двух отрядов взрывников. 1-е – технической подготовки; 2-е – оперативное; 3-е – материально-технического снабжения; 1-й и 2-й отряды взрывников.

4-й отдел состоял из четырех отделений. 1-е – «Д»; 2-е – «ТН»; 3-е – подготовки; 4-е – материально-техническое.

Штаб истребительных батальонов и партизанских отрядов в составе двух отделений: 1-е – истребительные батальоны; 2-е – партизанские отряды.

Войсковые подразделения IV Управления: Отдельная рота саперов; Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН).

Организационно ОМСБОН состоял из управления; политотдела; двух мотострелковых полков – 1-го (четырехбатальонного состава) и 2-го (трехбатальонного состава) – батальоны организационно состояли из трех мотострелковых рот, а те в свою очередь – из трех мотострелковых и одного пулеметного взводов; двух батарей – минометной и противотанковой; инженерно-саперной (в ряде случаев именовалась еще саперно-подрывной) роты; роты парашютно-десантной службы; роты связи; автомобильной роты; школы младшего начальствующего состава; подразделений материально-технического обеспечения.

Возглавили эти подразделения настоящие профессионалы своего дела – яркие, смелые и неординарные личности, такие как Я. Серебрянский, М. Маклярский, В. Дроздов, П. Гудимович, М. Орлов, Г. Мордвинов и другие.

Перед IV Управлением НКВД стояли следующие задачи:

1. Организация и проведение диверсий на коммуникациях, промышленных предприятиях, сооружениях и аэродромах противника.

2. Сбор военной, экономической и политической информации в интересах руководства страны и Красной армии.

3. Организация партизанских отрядов, помощь партийным и советским органам в развитии партизанского движения.

4. Учет, выявление и уничтожение представителей оккупационных властей, германской агентуры, предателей, пособников оккупантов.

5. Борьба против антисоветских националистических формирований.

6. Инженерно-саперные и иные работы на территории, угрожаемой противником.

«Начало войны, – докладывал впоследствии П. А. Судоплатов наркому внутренних дел Л. П. Берия, – застало аппарат разведки неподготовленным к ведению большой диверсионной работы.

Отсутствие подготовленных кадров разведчиков-диверсантов, организаторов диверсионных актов и руководителей диверсионных групп, радистов задержало развитие успешной работы в тылу противника. Это сказалось на качестве подготовки первых групп, заброшенных в тыл противника в 1941 г. и в первый месяц 1942 г. Отсутствие навыков конспирации, заранее подготовленных технических баз привело к ряду провалов в работе».

На пути совершенствования боевой подготовки лежали и тяжелые потери, которые ОМСБОН понес в конце января 1942 г. А все началось с того, что в первой половине января командование Западного фронта приказало полковнику Орлову сформировать четыре отряда для выполнения разведывательных и диверсионных заданий в ближайшем тылу врага в районе Вязьма – Дорогобуж. В 1-м полку сформировали два отряда под командованием капитана Н. А. Васина и старшего лейтенанта М. К. Бажанова. Во 2-м полку – два отряда под командованием капитана Н. С. Горбачева и старшего лейтенанта К. З. Лазнюка. В каждый отряд было отобрано по 80–90 бойцов, многие из которых отличились в октябре – ноябре 1941 г. во время боев под Москвой. Желающих попасть в отряды оказалось столько, что командование бригады было вынуждено пригрозить мерами дисциплинарного воздействия к добровольцам.

«Лыжный отряд под командованием капитана Васина, – вспоминал М. Ф. Орлов, – должен был идти в северную часть Брянского леса, где уже действовал отряд Д. Н. Медведева. Остальным предстояло пробраться к железным дорогам Москва – Смоленск, Орша – Витебск и к Минскому шоссе, чтобы парализовать движение на этих магистралях между Оршей, Смоленском и Вязьмой. <…>

Не случайно для переброски отрядов через линию фронта мы выбрали участок наступления 10-й армии генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова. Отсюда легче и быстрее можно было проникнуть в глубокий тыл врага и достигнуть намеченных районов.

Первым выехал отряд капитана Васина. С этим отрядом я направил комиссара бригады А. А. Максимова и своего заместителя полковника И. М. Третьякова. Они должны были получить в штабе 10-й армии дополнительное задание для отрядов и договориться о взаимодействии их с войсками армии. <…>

По дороге в деревню Меховое, где располагался штаб 10-й

армии, отряд Васина встретился с отрядом Д. Н. Медведева, который только что перешел линию фронта. Хотя людей, знакомых между собой, было очень мало, магическое слово „наши“ мгновенно сделало всех близкими и родными.

Подошли в Меховое и два других отряда. Здесь командующий 10-й армией неожиданно приказал Васину направить отряд в деревню Попково для прикрытия штаба армии. Оказалось, что наши отряды пришли сюда в очень трудный момент. 10-я армия прошла с боями около трехсот километров. Коммуникации ее растянулись по снегам и бездорожью, дивизии поредели. В районе Сухиничей войска армии окружили 216-ю немецкую дивизию, но завершить ее разгром не хватило сил. 20 января обстановка внезапно ухудшилась. Немецкое командование бросило на помощь окруженной дивизии части 208-й и 211-й пехотных и 18-й танковой дивизий. Генерал-лейтенант Ф. И. Голиков решил использовать для помощи омсбоновские лыжные отряды. Внезапными атаками, короткими и быстрыми ударами лыжники должны были вынудить вражескую пехоту и танки остановить продвижение и перейти к обороне. Отряд Васина был направлен на Брынь, откуда ожидалось наступление противника, а отряды Лазнюка и Горбачева временно посланы в распоряжение командира 328-й дивизии полковника П. А. Еремина.

Комиссар бригады Максимов и полковник Третьяков поехали с группой отряда Васина. Недалеко от станции Брынь на их машину налетели фашистские самолеты, и оба моих боевых товарища погибли».

Вместо внезапных налетов и засад омсбоновцам трех отрядов пришлось вести затяжные бои, а к ведению общевойскового боя они были почти не подготовлены. К тому же омсбоновцы имели на вооружении только легкое стрелковое оружие: ручные пулеметы, карабины, пистолеты-пулеметы ППД и ручные гранаты. Однако бойцы всех трех отрядов стояли насмерть. Теряя своих товарищей, они день за днем громили врага…

Успешно действовал за линией фронта в районе станции Зикеево и деревень Дубровка, Речица и др. только отряд Бажанова.

В результате действий четырех отрядов омсбоновцев за период с 20 января по 14 февраля было уничтожено до 600 солдат и офицеров противника, подбито 3 танка, взорвано 28 подвод с боеприпасами и продуктами, захвачено 8 подвод с боеприпасами.

В бою

Потери омсбоновцев были немалыми: погибли и пропали без вести 96 человек, были ранены 36 бойцов. В том числе погибли комиссар и заместитель командира бригады, два командира отрядов: Васин и Горбачев, комиссары Утяшев и Назаретский.

Кроме разведывательно-диверсионной и пропагандистской работы на оккупированных территориях Советского Союза IV Управление вело и другую оперативную работу. В тесном сотрудничестве с руководством Коминтерна П. А. Судоплатов и его товарищи занимались созданием антифашистского движения в Италии, Венгрии, Румынии, Словакии, Финляндии и других странах, «чтобы не дать Гитлеру новые людские резервы для подготовки немецкого наступления весной, действовать для раскола гитлеровской коалиции…».

Тереза Мондини, член «Отряда гарибальдийцев», воевавшего в Италии в годы Второй мировой войны (фотография 2002 г.)

«При колоссальной потребности в людях, – вспоминал П. А. Судоплатов, – мы очень взвешенно и бережно использовали ценную агентуру из числа иностранцев и политэмигрантов. Я категорически выступил против немедленной заброски в тыл противника ценных агентов – немцев, австрийцев, итальянцев, венгров, поляков, кто мог работать в экстремальных условиях и хорошо знал обстановку в странах Европы, оккупированных немцами. Неразумно было распоряжаться ими для затыкания дыр. Поэтому в составе нашего спецназа они всегда дер жались в

особом резерве, на самый крайний слу чай. (Только испанцы приняли участие в составе ОМСБОНа в боях под Москвой.) Интернациональную часть спецназа мы „приберегали“ и потому, что приходилось считаться с возможностью развязывания против нас военных действий с территорий стран, поддерживающих фашистскую Германию, которые еще не были вовлечены в войну».

Для непосредственной помощи в организации движения Сопротивления в Европе по линии Коминтерна при поддержке НКВД 28–29 декабря 1941 г. была переброшена северная польская группа в составе шести человек под руководством М. Новотко. 8–9 января 1942 г. осуществлена переброска южной польской группы в составе пяти человек, а в середине января еще одной (8 человек). Группы имели две основные задачи: восстановление компартии, получившей название Польской рабочей парии (ППР); создание боевых партийных групп и отрядов под общим названием «Гвардия Людова».

В первой трети 1942 г. по линии ИККИ было подготовлено несколько групп, которые планировалось забросить в следующей последовательности: чехословацкая группа (7 человек) – в конце февраля; группа судетских немцев (6 человек) – в конце февраля – начале марта; австрийская группа (5 человек) – в начале марта; польская группа (10 человек) – в конце марта – начале апреля; румынская группа (5 человек) – в начале апреля. Заброска коминтерновских групп осуществлялась в основном с помощью авиации. Остальные национальные группы проходили интенсивную и, по меркам военного времени, достаточно разностороннюю подготовку в специальных тыловых школах ИККИ, которые функционировали на базе подмосковных и московских конспиративных центров.

С началом войны увеличилась потребность разведок НКВД и РККА в специалистах, имевших опыт нелегальной работы, знавших иностранные языки, нравы и обычаи европейских стран. В 1942 г., особенно с учетом понесенных потерь, удовлетворить потребность спецслужб СССР в квалифицированных кадрах без привлечения Коминтерна было просто невозможно. Так, например, 5 февраля 1942 г. Г. Димитрову поступил следующий запрос из НКВД:

«ТРЕБУЮТСЯ ТОВАРИЩИ:

1. На роли нелегальных резидентов, умеющих и способных создать самостоятельные группы для получения политической и военной информации, которые могут дать объективный анализ внутреннего политического состояния страны.

2. Способные на выполнение отдельных специальных заданий в стране и в тылу врага.

Специфичность указанной работы к избранным товарищам предъявляет требования:

1) Обладать инициативой и способностями к организационной деятельности. Иметь хотя бы некоторый опыт подпольной работы.

2) Быть способным на активные боевые действия.

3) Знать язык страны, где он может работать, иметь в стране (районе) родственные и другие связи для прикрытия (возможности осесть), для организации и развертывания работы.

Опыт использования отдельных товарищей показывает, что прямые разговоры об этом с намеченными для указанной работы лицами приводят к тому, что это становится достоянием всей колонии той национальности, к которой принадлежит избранник, и таким образом дело расшифровывается раньше, чем оно организовано.

В связи с изложенным работу по отбору нужных лиц необходимо тщательно маскировать, подбирая людей, например, под предлогом создания партизанских групп, совершенно не упоминая о настоящих целях отбора.

В курсе проведенной работы должно быть крайне небольшое число лиц. Работа должна жестко конспирироваться от окружающих».[139]

В условиях войны большинство коминтерновцев совмещали партийную работу с разведывательной. Например, Я. Александрович, направленный в январе 1942 г. в Польшу с задачей восстановления компартии, собирал и передавал сведения о численности и вооружении немецких гарнизонов; о транспортах, направляющихся на Восточный фронт; о ситуации в Польше. С помощью курьеров он восстановил свои связи с ветеранами испанских интербригад в других странах и от них также получал разведывательную информацию.

Заброска отрядов и разведывательно-диверсионных групп IV Управления в начале 1942 г. в основном осуществлялась путем перехода линии фронта. На участках 10-й и 16-й армий в Калужской области во вражеский тыл уходили отряды, направленные в Брянскую и Орловскую области, в районы Белорусского и Украинского Полесья. Заброска в Смоленскую область и Белоруссию осуществлялась через лесные массивы западной части Калининской области с центром в г. Торопце.

В первом квартале 1942 г. руководство IV Управления и командование ОМСБОНа сосредоточило свое внимание на районах Смоленска и Брянска. Именно там проходили важнейшие коммуникации, снабжавшие немецкие войска под Вязьмой, Ржевом, Кировом и Людиновом. Перед омсбоновцами ставилась

задача систематически выводить из строя железнодорожные магистрали, взрывать эшелоны и мосты, уничтожать живую силу и боевую технику противника.

Ф. Ф. Озмитель, Герой Советского Союза, командир партизанского отряда «Грозный»

В феврале и марте 1942 г. за линию фронта ушло более двадцати вновь сформированных отрядов. В треугольник Смоленск – Орша – Витебск направились 7 разведывательно-диверсионных отрядов в составе 250 человек. Первые четыре отряда возглавили капитаны Н. С. Артамонов, Г. Ф. Шевченко и старшие лейтенанты Н. А. Балашов и С. Л. Матросов. Общее руководство было возложено на майора П. А. Коровина. Следующие три отряда возглавили М. К. Бажанов (отряд «Особые», 36 человек), Ф. Ф. Озмитель (отряд «Грозный», 29 человек) и Г. М. Хвостов (отряд «Новатор», 37 человек). Всего в семи отрядах первоначально насчитывалось 259 бойцов и командиров.

Боевой опыт, накопленный омсбоновцами в «Смоленском треугольнике», имел для IV Управления большое значение. Впервые был осуществлен единовременный выход в тыл врага

группы отрядов, действовавших на одной территории и имевших общую задачу нанесения массированного удара по стратегически важным для противника магистралям.

На момент 13 мая 1942 г. подрывниками первых четырех отрядов было уничтожено 11 эшелонов, железнодорожный и шоссейный мосты, подорвано 46 автомашин, 4 тягача, 3 мотоцикла. Движение на железных дорогах было прервано в общей сложности на 50 суток. Враг потерял около 2600 солдат и офицеров. Была оказана помощь двенадцати местным партизанским отрядам. Через линию фронта на советскую территорию провели около 400 человек.

На боевом счету «Грозного» было 9 эшелонов с живой силой и техникой врага. «Новатор» уничтожил 10 эшелонов противника и 12 автомашин. «Особые» подорвали не менее 12 эшелонов и 11 автомашин. Бойцами отрядов были убиты более 1600 гитлеровцев и полицейских.

Однако за эти результаты омсбоновцам пришлось заплатить высокую цену. Отряды Балашова, Матросова и Шевченко погибли почти полностью при возвращении из немецкого тыла. У Хвостова осталось всего тринадцать человек. Отряд Артамонова потерял пятую часть своих бойцов. Понесли существенные потери и остальные отряды.

«К сожалению, – вспоминали бойцы ОМСБОНа, – подготовка отрядов не включала в программу тактику перехода линии фронта, слабо обобщался опыт предшествующих отрядов. Из-за отсутствия четких разведданных, которыми должна была обеспечить отряды армейская разведка, бойцы нередко сталкивались с непредвиденными обстоятельствами: то на их пути неожиданно возникала глубоко эшелонированная оборона, то оказывалась сплошная линия фронта там, где предполагалось „окно“, и т. д. В результате отрядам нередко приходилось прорываться с боем, неся значительные потери, или откладывать сроки перехода, или изменять его место. Но переход линии фронта был в лучшем случае половиной дела. Отрядам предстояло пройти сотни километров в прифронтовой полосе, густо нашпигованной воинскими частями, охранными отрядами и полицией. Наиболее опасными на маршрутах движения были переходы железнодорожных и шоссейных магистралей и водных рубежей. Ситуация в прифронтовом тылу часто менялась, отряды сталкивались с неожиданным появлением новых гарнизонов. Их подстерегали засады. Вслед за ними по лыжне, оставлявшей предательский след, устремлялись в погоню охранники и полицейские».

В числе специальных отрядов (разведывательно-

диверсионных резидентур) IV Управления, начавших свою боевую деятельность зимой – весной 1942 г., следует отметить следующие: отряд «Боевой» под командовнием А. С. Горячева и В. Л. Неклюдова численностью 45 человек, отряд «Местные» под командованием С. А. Ваупшасова (25 человек), отряд «Сатурн» под командованием А. И. Воропаева (27 человек), отряд «Олимп» под командованием В. А. Карасёва (58 человек), отряд «Дядя Коля» под командованием П. Г. Лопатина (23 человека), отряд «Ходоки» под командованием Е. И. Мирковского (15 человек), отряд «Неуловимые» под командованием М. С. Прудникова (29 человек), отряд «Вперед» под командованием П. Г. Шемякина (30 человек), отряд «Славный» под командованием А. П. Шестакова (49 человек), а также отряды П. А. Коровина, И. М. Кузина, А. Г. Миронова, П. Я. Попова.

В. Л. Неклюдов, Герой Советского Союза, командир партизанского отряда «Боевой»

Е. И. Мирковский, Герой Советского Союза, командир партизанского отряда «Ходоки»

В Полоцком районе Витебской области, на стыке РСФСР, Белоруссии и Латвии, действовал отряд «Неуловимые». Уже 21 июня 1942 г. Прудников радировал в Центр:

«Организовано семь отрядов. Всего людей около семисот. В сорока населенных пунктах, по существу, народная власть. В селах и деревнях партизанские семьи охраняются партизанами и созданными группами самообороны. С целью затруднить проникновение немцев в партизанский район взорвано и сожжено двадцать мостов, созданы заминированные завалы. Организацию

отрядов, несмотря на сильное противодействие гитлеровцев, продолжаем».

Тем самым «Неуловимые» начали создание крупного партизанского района, ставшего основной базой дальнейшего развития партизанской борьбы в трех соседних республиках. Также действовали и другие отряды и оперативно-боевые резидентуры.

Н. А. Михайлашев, Герой Советского Союза, заместитель командира отряда специального назначения, возглавлял диверсионные группы

Суровое военное время потребовало от П. А. Судоплатова

поиска новых форм и методов работы. В связи с этим была временно прекращена заброска разведывательно-диверсионных резидентур в страны Восточной Европы и пересмотрены схемы организации их работы на оккупированных советских территориях. Опыт, накопленный первыми отрядами ОМСБОНа и оперативными группами в конце 1941 – начале 1942 г., тщательно изучался и обобщался и в IV Управлении, и в штабе бригады. На основе проведенного анализа Судоплатовым и другими руководителями IV Управления разрабатывались планы боевой подготовки и организации разведывательных и диверсионных действий, а также партизанского движения в целом в тылу врага.

В итоге было принято решение при работе во вражеском тылу опираться на специально подготовленные оперативно-боевые группы, возглавляемые кадровыми разведчиками. Резидентуры НКВД выводились из городов и размещались в труднодоступной местности под прикрытием собственных партизанских отрядов. Усиливалось и контрразведывательное обеспечение вновь создаваемых резидентур и спецотрядов НКВД. В них включались кадровые контрразведчики, занимавшиеся поиском и выявлением вражеских агентов. Все это уменьшило возможности гестапо, СД и абвера по внедрению своих агентов в резидентуры и отряды IV Управления. В состав некоторых групп предполагалось включать индивидуально подготовленных разведчиков, способных проникать в среду оккупантов. Среди них были эмигранты-антифашисты и советские граждане, имевшие опыт конспиративной работы.

Самое серьезное внимание уделялось профессиональной подготовке участников резидентур. В этих целях на базе ОМСБОНа была организована всесторонняя подготовка разведчиков, оперативников и боевиков.

«Главное место в программе боевой подготовки, – вспоминал М. Ф. Орлов, – заняли минно-подрывное дело, изучение подрывной техники врага, тактика действий небольшими подразделениями, разведка, ночные учения, марш-броски, преодоление водных преград, топография, радиодело и прыжки с парашютом».

Со второй половины 1942 г. все большее, а впоследствии основное значение приобрела выброска отрядов на парашютах. Для обучения бойцов парашютному делу использовались подмосковные аэродромы в Долгопрудном, поселках Внуково и Монино.

Последующие результаты оперативно-боевой деятельности резидентур и разведывательно-диверсионных групп подтвердили правильность этого выбора руководства IV Управления. В

дальнейшем ни одна из резидентур не подверглась разгрому, а ее сотрудники оставались недосягаемыми для гитлеровских спецслужб. Возросший профессиональный уровень командиров и бойцов способствовал существенному повышению эффективности разведывательной и диверсионной деятельности.

Постановлением ГКО от 30 мая 1942 г. при Ставке был образован Центральный штаб партизанского движения в качестве специального военно-боевого органа ВКП (б) по руководству и координации боевой деятельности партизан. Также были образованы некоторые республиканские и областные штабы партизанского движения.

«В связи с организацией в 1942 г. Центрального штаба партизанского движения, – вспоминал П. А. Судоплатов, – нами были переданы в его распоряжение многочисленные отряды и группы. Особую роль наш аппарат сыграл в организации конспиративного обеспечения массового партизанского движения в Белоруссии, Прибалтике, на Украине.

Вместе с тем, как следовало из директивы НКВД СССР от 13 июля 1942 г., штабам партизанского движения не подлежали передаче разведывательно-диверсионные группы специального назначения, действовавшие в тылах противника, разведывательная агентура, курьеры и связники, резиденты в немецком тылу, а также переписка по партизанским формированиям (сводки, донесения, доклады, радиограммы и т. д.)».

Летом 1942 г. в распоряжение командования Западного фронта вновь было направлено крупное формирование омсбоновцев. По указанию Генерального штаба командование ОМСБОНа сформировало сводный отряд численностью 1200 человек. Отряд под командованием М. Ф. Орлова был направлен в район Белёв – Плавск – Мценск. Здесь за короткий срок омсбоновцами была создана целая система минно-подрывных заграждений. Омсбоновцы не только участвовали в боях и в поиске разведчиков, но и обучали фронтовиков минно-подрывному делу. При этом широко использовался опыт, накопленный в битве за Москву.

В самый разгар боев в излучине Дона и на Северном Кавказе командование ОМСБОНа получило приказ срочно направить сводный отряд для создания минно-заградительной зоны в районе Сталинграда и минирования объектов города. В состав отряда вошла группа Е. А. Ободовского, ранее действовавшая под Тулой, Калугой и на других участках Западного фронта. В числе ее бойцов были и испанские интернационалисты. В разгар битвы на Сталинградский фронт была направлена группа снайперов во

главе со старшим лейтенантом М. И. Строгановым. За короткий срок группой было уничтожено 64 офицера и солдата.

В 1942 г. на Кавказ было отправлено 6 оперативных отрядов общей численностью около 500 бойцов. Им предстояло действовать в Орджоникидзевском, Грозненском и Махачкалинском укрепленных районах и на перевалах Главного Кавказского хребта. Бойцы оперативных отрядов создавали минные поля и инженерные заграждения в районах Краснодара, Майкопа, Грозного, Махачкалы, а также минировали военные объекты. Было заложено свыше 730 фугасов, созданы завалы на площади 36,5 тыс. кв. метров. В августе 1942 г. в распоряжение Закавказского фронта были направлены несколько групп опытных альпинистов.

Главное и основное внимание при формировании IV Управления уделялось укреплению его боевых структурных звеньев – разведывательно-диверсионных резидентур (РДР), оперативных групп (ОГ) и расширению зоны их действий. В результате принятых организационных, кадровых и оперативных мер к концу 1942 г. на оккупированной территории Советского Союза действовало 77 РДР и ОГ. Общая численность личного состава достигала 7212 человек. С течением времени такие РДР, как упоминавшиеся нами «Местные» (С. А. Ваупшасов), «Олимп» (В. А. Карасёв), «Победители» (Д. Н. Медведев), «Неуловимые» (М. С. Прудников), «Охотники» (Н. А. Прокопюк), «Храбрецы» (А. М. Рабцевич), «Боевой» (А. К. Флегонтов) и др., пополнившись местными патриотами, превратились в крупные партизанские соединения.

М. И. Петров, Герой Советского Союза, начальник разведки отряда им. Прокопюка

А. Н. Шихов, Герой Советского Союза, командир партизанского отряда «Ходоки»

Урон, который наносили противнику эти соединения, а также отряд «Богатыри» А. Н. Шихова в составе 46 человек, отряд «Борцы» Д. П. Распопова (32 человека), отряд «Победа» Л. М. Кузина (36 человек), отряд «Первые» Х. Д. Кусова (125 человек), отряд «Вторые» П. П. Кочуевского (43 человек), отряд «Третьи» А. А. Плотникова (299 человек), отряд «Гвардия» В. Н. Воронова (150 человек), отряд «Максим» Л. М. Корчагина (80 человек), отряд «Молот» Д. И. Кузнецова (32 человека), отряд «Решительный» А. Е. Чупеева (30 человек), с каждым месяцем становился для врага все более ощутимым.

23 августа 1942 г. руководство IV Управления и командование ОМСБОНа провело совещание руководства отрядов, вернувшихся из тыла врага, с целью изучения накопленного опыта. Особое внимание при этом уделялось разбору боевых, разведывательных и диверсионных операций, выявлению ошибок, упущений и недостатков при формировании спецотрядов и спецгрупп, организации их переброски за линию фронта и в руководстве их деятельностью в тылу врага. В числе

основных ошибок, недостатков и упущений в них отмечены следующие:

– недостаточная изученность места перехода линии фронта или конкретной ситуации в предполагаемом районе выброски парашютного десанта;

– ошибки штурманов и пилотов при десантировании;

– просчеты в подборе отдельных командиров спецотрядов и спецгрупп;

– необеспеченность отрядов и оперативных групп точными картами местности;

– тяжелые радиостанции и генераторы;

– нехватка автоматического оружия;

– большой вес (до 50 кг) переносимого при заброске груза;

– недостатки в физической, спортивной и специальной боевой подготовке бойцов.

«Война, – вспоминает П. А. Судоплатов, – резко изменила отношение советского руководства к разведывательной работе и поступавшей информации. В [ноябре] 1942 г. была проведена срочная реорганизация разведорганов. В Генштабе создали два разведуправления: одно ([РУ ГШ] во главе с [Ф. Ф.] Кузнецовым) – для непосредственного обслуживания нужд фронтов и Ставки и другое ([ГРУ НКО, И. И.] Ильичев) – для координации закордонной разведки в странах, в том числе и США, не ставших немецкими оккупационными зонами».

14 апреля 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР был образован Народный комиссариат государственной безопасности СССР. НКГБ вновь возглавил В. Н. Меркулов, его 1-м заместителем являлся Б. З. Кобулов. IV (зафронтовое) Управление НКГБ (террор и диверсии в тылу противника) возглавил П. А. Судоплатов.

1943 г. прошел под знаком стратегических наступательных операций, проведенных Красной армией против фашистских войск. Определенный вклад в их успех внесли и резидентуры управления. Они добывали разведывательную информацию о планах германского командовании, выявляли вражеских агентов, готовившихся на базах абвера для заброски в тыл советских войск. Особенно активно в этот период велась диверсионная работа. РДР и ОГ совместно с оперативными группами Разведывательного управления Красной армии и партизанами развернули на транспортных коммуникациях противника настоящую «рельсовую войну».

К концу 1943 г. на оккупированной территории Советского Союза действовало 125 РДР и ОГ. Общая численность личного состава достигала 7212 человек. В отчете IV Управления «Об

итогах агентурно-оперативной и диверсионной работы на временно оккупированной советской территории за 1943 г.» содержатся красноречивые цифры, подтверждающие ее эффективность и результативность.

В частности, в нем отмечалось, что в течение года «оперативными группами при боевых столкновениях и в засадах было убито и ранено 53 700 вражеских солдат и офицеров. Внедрением агентуры в разведывательные, контрразведывательные и административные органы противника, а также допросами разоблаченных шпионов выявлено свыше 15 000 немецких агентов и активных пособников оккупантов.

Кроме того, установлено 1260 немецких агентов, заброшенных органами германской разведки в тыл Красной армии.

Проведенной агентурной работой разложено 98 различных войсковых подразделений противника. Свыше 14 000 человек с оружием перешли на нашу сторону.

Всего получено 1768 разведывательных сообщений, из коих направлено 687 Разведывательному управлению Генерального штаба Красной армии…».

В том же отчете за 1943 г. приводятся внушительные цифры потерь гитлеровцев на этом фронте борьбы. Только одними диверсионными группами IV Управления было пущено под откос 1039 железнодорожных эшелонов с живой силой и боевой техникой. Взорвано 220 железнодорожных и шоссейных мостов.

Об эффективности диверсионной деятельности РДР и партизан красноречивее всего свидетельствует один из многочисленных докладов чиновника Имперского управления путей сообщения в Главное управление «Восток»:

«Положение крайне напряженное! Деятельность бандитов невыносимо увеличивается! Как днем, так и ночью, оборона от бандитов и защита перегонов являются совершенно недостаточными и безрезультатными, так как нападения совершаются ежедневно на тех же самых перегонах…»

Наряду с диверсионной и повстанческой деятельностью резидентуры IV Управления вели масштабную разведывательную работу. Накануне Курской битвы разведчики, действовавшие в тылу врага, добыли ряд ценных сведений о планах его наступления. Находившаяся на задании в Минской области РДР Н. Лопатина захватила в плен капитана германских ВВС В. Шульца и в ходе допросов получила ценные сведения.

На основе этих материалов 23 мая 1943 г., за полтора месяца до начала сражения, нарком госбезопасности В. Н. Меркулов информировал Государственный комитет обороны о том, что

«оперативная группа под командованием чекиста Лопатина захватила в тылу противника начальника отдела связи ВВС Центральной группы германских войск, который дал исключительно ценные показания о подготовке немецким командованием крупного наступления на Орловско-Курской дуге. В район Орла с 5 мая 1943 г. подводятся танки, артиллерия и авиация».

Вскоре данные, поступившие от Н. Лопатина, подтвердил агент управления Святой, внедренный в гитлеровский разведорган – «Абверкоманду-103». Дополнительно он сообщил: «Немцы готовят наступление с Орла на Елец и с Харькова на Воронеж с задачей окружить группировку наших войск, находящуюся между этими направлениями. В район Орла уже стянуто несколько армий, в том числе якобы около трех танковых».

Наряду с этим Святой добыл и другие данные, представляющие несомненный интерес для высшего командования Красной армии, которые развеяли опасения о возможном новом наступлении гитлеровцев на Ленинград. По сведениям Святого, на участке фронта от Великих Лук до Дорогобужа войска противника собирались держать только оборону – «в настоящее время на этом участке фронта находится всего две армии».

Им же были получены дополнительные ценные материалы, и касались они численного состава танковых армий, сосредоточившихся для наступления на Орловско-Курском направлении, а также тактико-технических характеристиках нового немецкого оружия – танка «тигр». Информация Святого оказалась настолько важной, что разведчика немедленно доставили спецсамолетом в Москву.

В ходе самой битвы разведчики IV Управления своевременно информировали командование Красной армии о перемещениях гитлеровских войск. Они сыграли определенную положительную роль в крушении фашистской операции «Цитадель» под Курском и Орлом, помогли сохранить жизнь многим советским офицерам и солдатам.

В этот же период от знаменитого разведчика Н. И. Кузнецова, оперативный псевдоним Колонист, входившего в состав резидентуры «Победители» под руководством уже известного читателям Д. Н. Медведева (начальником разведывательно-диверсионной службы у него был В. Г. Фролов), в Центр поступила другая исключительно важная информация. Она касалась планов подготовки гитлеровскими спецслужбами покушения на лидеров «Большой тройки» И. В. Сталина, У.

Черчилля и Ф. Рузвельта во время предстоящей встречи в Тегеране. Во многом благодаря сообщению Н. И. Кузнецова советские органы государственной безопасности смогли своевременно подготовиться и сорвать эту акцию, за которой стоял признанный международный мастер диверсий Третьего рейха О. Скорцени.

Н. И. Кузнецов, разведчик, оперативный псевдоним Колонист, входил в состав резидентуры «Победители» под руководством руководителя РПР Д. Н. Медведева

Настоящей классикой советской разведки стали стратегические радиоигры «Монастырь», «Курьеры» и «Березино». Велись они управлением в течение нескольких лет с гитлеровскими разведорганами – абвером и РСХА и завершились только с окончанием войны. В ходе этих игр были достигнуты выдающиеся результаты, которые за время войны не удалось превзойти ни одному другому управлению советских спецслужб. По завершении этих не имеющих аналогов в истории отечественных и зарубежных спецслужб радио-игр П. А. Судоплатов в специальном отчете министру госбезопасности СССР доложил кратко и сухо:

«Немцы совершили на нашу территорию 87 самолето-вылетов тяжелой транспортной и бомбардировочной авиации. Эти самолеты сбросили 40 агентов (все арестованы) и 650 мест груза. В их числе оказались 8 кадровых работников германской разведки».

Главным итогом этих поистине уникальных операций явилось то, что ни один гитлеровский патрон, сброшенный на нашу территорию, ни один грамм взрывчатки не выстрелил и не взорвался. Были арестованы все десантировавшиеся агенты, часть из которых удалось подключить к двойной игре с противником. В течение более чем трех лет, с февраля 1942 г. до 5 мая 1945 г., разведчики управления водили за нос признанных асов из гитлеровских спецслужб! Те исправно глотали наживку – стратегическую дезинформацию политического и военного характера, которую готовили подчиненные П. А. Судоплатова вместе с офицерами Разведуправления Генштаба РККА.

Замысел уникальной операции, разработанный Маклярским и поддержанный Судоплатовым, основывался на желании нацистов обрести «пятую колонну» в Москве, и советские чекисты решили «помочь» своим германским «коллегам». Ключевая роль в реализации плана операции принадлежала секретному сотруднику НКВД А. П. Демьянову, имевшему оперативный псевдоним Гейне.

Он был известен гитлеровским спецслужбам не только своим аристократическим происхождением, но и серьезными связями среди высокопоставленной советской номенклатуры. Еще до войны Гейне по заданию органов государственной безопасности «стал своим» в среде московского бомонда. В этой среде активно работала и разведка фашисткой Германии, вербуя агентов. Вскоре в ее поле зрения и попал Гейне. Весной 1941 г. сотрудник абвера, работавший под прикрытием торгового представительства Германии в Москве, вышел на него и начал прощупывать его на предмет вербовки, но война оборвала все контакты.

В феврале 1942 г. Гейне приступил к восстановлению связей с немецкой разведкой, действуя от имени легендированной подпольной организации «Престол», члены которой жаждали освобождения от «ига большевизма». Вскоре он был переброшен через линию фронта с заданием «установить связь с гитлеровскими спецслужбами и довести до них информацию о наличии в Москве глубоко законспирированной антисоветской организации церковно-монархического толка с претенциозным названием „Престол“».

В абвере не спешили верить ему на слово и подвергли Демьянова – Гейне всесторонней проверке, в том числе и

ложному расстрелу. Но его выдержка, грамотно отработанная в IV Управлении легенда прикрытия, а также «информация», полученная посольской резидентурой Германии в Москве перед войной, позволили избежать провала. После короткой и интенсивной подготовки теперь уже агент абвера Макс был выброшен на парашюте в районе Рыбинска с заданием организовать на базе «антисоветского подполья» получение военно-политической информации. В абвере не подозревали, что это спецзадание полностью повторяло сценарий, подготовленный в IV Управлении.

С этого дня операция «Монастырь» – такое кодовое название она получила в управлении – перешла в активную фазу. В целях дальнейшего закрепления положения Демьянова в гитлеровской разведке до нее была доведена информация о его новом назначении на должность офицера связи Генштаба РККА. Вскоре поступающая от него «информация» удостоилась самых высоких оценок в Берлине.

Группа Макса быстро укрепляла свои позиции, и в августе 1942 г. в Москву прибыли два ее курьера: Станков и Шалов. Их приняли на конспиративной квартире сотрудники управления, выступавшие в роли членов подпольной организации «Престол». Агентов на время оставили на свободе, чтобы проследить другие явки. После того как все опасения были сняты, Станкова и Шалова негласно арестовали.

Спустя два месяца в Москве на легендированной квартире IV Управления появилась очередная пара агентов абвера: Злобин и Алаев. С собой они принесли 20 тысяч рублей, радиостанцию для группы Макса и новые документы, изготовленные на имя Станкова и Шалова. На этот раз гитлеровских агентов сразу арестовали. После ареста Злобин дал согласие на сотрудничество.

С этого момента операция, получившая кодовое название «Курьеры», велась по двум направлениям: от имени организации «Престол» по радиостанции Макса и от группы Алаева по радиостанции Злобина. В течение 1942–1943 гг. немецкая разведка продолжала посылать в Москву своих агентов, деньги и радиостанции. Одним из итогов радиоигр «Монастырь» и «Курьеры» стал арест 23 гитлеровских агентов.

В Германии не догадывались, что «особо ценная информация», в том числе и о ряде крупных наступательных операциях Красной армии, носила отвлекающий характер и преследовала цель скрыть истинное направление стратегических ударов советских войск.

Так, 4 ноября Гейне сообщил о том, что 15 ноября планируется крупное наступление частей Красной армии – но не

под Сталинградом, а под Ржевом. И действительно, в точно указанный день оно состоялось. Гитлеровцы были к нему готовы и сумели отразить. Зато удар советских войск под Сталинградом для них грянул как гром среди ясного неба.

По признанию В. Шелленберга, гитлеровское командование, опираясь на информацию Гейне при подготовке к Курской битве, было вынуждено несколько раз переносить сроки наступления, что позволило Ставке Верховного Главнокомандования накопить необходимые резервы для нанесения ответного контрудара.

Отметим и возросшее боевое мастерство омсбоновцев. Например, с 23 по 29 июля 1943 г. под городом Овруч отряд В. А. Карасёва, не насчитывавший и батальона, противостоял почти целой бригаде гитлеровцев, которой были приданы 3 самолета и тяжелая артиллерия. Постоянно маневрируя, организуя засады, выводя противника на ложные объекты и непрерывно атакуя его с тыла и флангов мобильными группами, бойцы Карасёва победили превосходящие силы немцев. В результате боев гитлеровцы потеряли убитыми и ранеными 289 человек, 3 орудия и штабную машину. Потери отряда оказались минимальны – двое убитых и трое раненых.

В августе 1943 г., после того как на «Огненной дуге» были окончательно сорваны планы гитлеровского командования взять реванш за унизительное поражение под Сталинградом, стратегическая инициатива полностью перешла к Красной армии. Она неудержимо продвигалась на запад. С приближением советских войск к Государственной границе СССР в IV Управлении вновь приступили к организации разведывательно-диверсионной деятельности на территории стран Восточной Европы.

В октябре 1943 г. Отдельная мотострелковая бригада особого назначения внутренних войск НКВД СССР была передана в состав НКГБ СССР. Бригада была переформирована в Отдельный отряд особого назначения (ОСНАЗ) НКГБ СССР со штатной численностью 1650 человек: 1-й мотострелковый полк – в 1-й парашютно-десантный батальон, а 2-й мотострелковый полк – во 2-й парашютно-десантный батальон минеров.

А тем временем боевая работа IV Управления продолжалась. Разведчики В. А. Карасёва получили и сообщили в Центр сведения о системе немецких укреплений на правом берегу Днепра – так называемом Днепровском вале. Эти данные были учтены командованием Красной армии при наступлении в октябре – ноябре 1943 г. на Киев (захват плацдармов на Днепре). Разведчики отряда «Храбрецы» А. М. Рабцевича добыли баллон с новым видом отравляющих веществ и две защитные накидки. В

том же ключе действовали и другие группы и отряды ОМСБОН – ОСНАЗ.

Одной из важнейших задач чекистов было проникновение в разведывательные органы противника, и эти задачи успешно решались. Например, в районе города Борисов находился один из разведцентров абвера. Боевики отряда П. Лопатина с помощью бургомистра Борисова П. Ф. Парабковича, который занимал эту должность по заданию партизан, захватили начальника разведшколы полковника Нивеллингера. Он сообщил имена и адреса многих агентов, заброшенных абвером в советский тыл. Оперативник IV Управления А. Чернов сумел войти в доверие к немцам и стал служить в канцелярии штаба в Минске, где оформлялись документы на немецких разведчиков, направлявшихся на задания. И таких примеров оперативного внедрения советских специалистов в специальные службы рейха были десятки.

В отрядах ОСНАЗ происходили не только качественные, но и количественные изменения. Если оперативные группы, как правило, сохраняли свою численность – обычно от пяти до десяти человек, то отряды ОСНАЗ зачастую вырастали до крупных соединений. Например, к концу 1943-го – началу 1944 г. в составе отряда «Неуловимые» было 1132 человека, «Победители» – 1500 человек, отряда «Вперед» – 2000 человек, отряда «Ходоки» – 3200 человек и т. д.

В конце 1943-го – начале 1944 г. ОСНАЗ под руководством IV Управления приступил к активной заброске небольших спецотрядов и опергрупп на территорию Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии и Восточной Пруссии. Одновременно приказ о продвижении на запад получили многие командиры крупных осназовских (омсбоновских) бригад и соединений: С. Ваупшасов, Н. Прокопюк, В. Карасёв, Е. Мирковский и др. На первом этапе организационное и оперативное обеспечение их деятельности осуществлялось с баз РДР, находившихся в западных областях Украины, Белоруссии и Литвы. В дальнейшем – по мере укрепления позиций – отряды и разведгруппы продвигались вглубь Европы, и к середине 1944 г. передовые группы уже функционировали в Австрии и даже в Германии.

Строевая подготовка в отряде

В самом конце 1943 г. в Восточной Пруссии развернулась деятельность осназовцев специального интернационального (испанцы, поляки, литовцы, немцы) отряда майора госбезопасности С. А. Волокитина (Серго). Руководителем оперативной группы НКГБ СССР («Малый центр»), координировавшей деятельность спецотрядов НКГБ на стыке Белоруссии, Литвы, Польши и Германии, был представитель IV Управления НКГБ комиссар госбезопасности А. А. Гузявичюс. «Малому центру» подчинялись четыре спецотряда: «Гвардия», «Гвадалахара», «Дружина» и «Комета»; две разведгруппы спецотряда «Боевой»; «немецкая группа» из состава спецотряда «Местные»; несколько отдельных оперативно-боевых групп ОСНАЗа.

Отряд Волокитина, в частности, осуществлял разведывательно-диверсионные операции в Литве, Восточной Пруссии и Польше, включая Варшаву и Краков. Осназовцы действовали комплексно – как путем создания разветвленной агентурной сети, так и методами активной разведки, включая диверсии. Разведчики спецотряда «Гвадалахара» работали в литовских городах Вильнюс и Каунас под маской военнослужащих испанской «Голубой дивизии». Однажды им удалось проникнуть в штаб немецкого карательного отряда и вынудить его командира отдать им пакет со списками литовских партизан, подпольщиков, связных и членов их семей.

Осназовцы пустили под откос 20 эшелонов с боеприпасами, боевой техникой и живой силой противника, сожгли 2 крупных

склада, уничтожили 11 танков и бронемашин. Интернациональный отряд возвратился в Москву в августе 1944 г., не имея безвозвратных потерь в личном составе.

Еще одной резидентурой IV Управления, действовавшей с 6 апреля 1944 г. на территории Польши, а затем в Словакии и Венгрии, был уже известный читателям отряд «Олимп» под руководством В. Карасёва. Предварительно проведенная разведка позволила отряду без потерь форсировать реку Буг и взять штурмом населенный пункт Каленчицы, уничтожив гарнизон оуновцев из состава дивизии СС «Галичина». На следующий день «Олимп» с ходу овладел населенным пунктом Ксаверув. Гитлеровцы стянули к этому месту подразделения дивизии «Галичина», полицейские и жандармские части Люблинского гарнизона, задействовали авиацию. В ходе боев В. Карасёв применил свою излюбленную тактику. Несколько небольших отрядов наносили удары по коммуникациям и тылам противника, отвлекая его. Отдельные группы автоматчиков заходили в тылы и во фланги, сковывая и не давая свободного маневра. Подвижные минометные расчеты, которые перемещались на бричках, «били по скоплению живой силы и пунктам управления». Отряд оторвался от противника и вышел в Стрелецкие леса.

9 апреля в короткой радиограмме П. А. Судоплатову В. Карасёв сообщил:

«В результате 11-часового боя противник понес убитыми и ранеными свыше 100 человек. Было взято в плен 10 немцев. Пулеметчики Крапивин и Дорофеев из ПТР сбили самолеты типа „Фокевульф-127“ и „Ю-87“. Во время бомбежки погибли 4 человека, ранены 5».

В дальнейшем на пути к району основных оперативных действий – Яновским лесам – и вплоть до перехода отряда в Чехословакию 29 июля 1944 г. им были уничтожено «…более 1034 немецких солдат и офицеров, взяты в плен 44 человека». Диверсионными группами «пущено под откос 3 эшелона, в том числе бронепоезд. Установлено 130 мин на стратегически важных жел. – дор. и шоссейных магистралях».

Интересно отметить такой факт. Появление отряда В. Карасёва в восточных районах Польши многие местные жители и часть гитлеровского командования восприняли как прорыв передового соединения Красной армии. Масштабы паники оказались настолько велики, что вынудили генерал-губернатора Г. Франка отдать специальное распоряжение «О применении расстрела к распространителям панических слухов». Одна из основных задач, которая ставилась перед разведчиками отряда «Олимп» по дезорганизации тыла противника, была выполнена.

Боевая деятельность отряда В. Карасёва способствовала значительному росту повстанческого движения. К моменту перехода в Чехословакию вокруг него консолидировалось 11 партизанских отрядов из числа польских патриотов. Эффективно решалась и другая, не менее важная задача по получению разведывательной информации. В этих целях В. Карасёвым и руководителями мобильных разведгрупп активно использовались оперативные возможности боевых структур «Армии Людовой». Также осуществлялась вербовка агентов среди военнослужащих армий сателлитов фашистской Германии: венгров, румын и словаков, а также членов «Армии Крайовой». В. Карасёв и его подчиненные показали себя не только мастерами боевых операций и диверсий, но и высококлассными агентами. За время пребывания в Польше они сумели создать мощную разведывательную сеть и добыть ряд ценных материалов.

В числе последних был приказ № 1844 Главнокомандующего Польскими вооруженными силами, в котором говорилось:

«С момента перехода советскими войсками польской границы польское правительство в Лондоне и польское общество выражают свою несокрушимую волю восстановить независимость польской территории на востоке в границах до 1939 г. <…>

Исходя из настоящей обстановки даю следующее общее приказание:

1. Советские войска на территории Польши считаются вражескими. <…>

4. Стремление к нормализации отношений с правительством СССР и возможный договор с ним не могут задержать жесткой борьбы с коммунизмом и разлагающими акциями большевистской агентуры на польской земле…»

Весной 1944 г. находившееся в эмиграции в Лондоне «Польское правительство в изгнании» уже видело своего главного врага не в фашизме, а в советском солдате. В угоду своим политическим амбициям и идеологическим догмам они готовы были цинично принести в жертву новые сотни тысяч жизней не только солдат-освободителей, но и простых поляков.

Эта важнейшая политическая информация немедленно после поступления от В Карасёва была доложена П. А. Судоплатовым наркому госбезопасности В. Н. Меркулову. Указание Меркулова, основанное на установках политического руководства СССР о послевоенном устройстве Польши, вскоре было доведено до В. Карасёва и других резидентов.

В частности, П. А. Судоплатов в очередной радиограмме за № 2916 от 27 апреля 1944 г. ориентировал своих подчиненных:

«Наше правительство желает видеть сильную и независимую

демократическую Польшу с парламентским строем.

СССР не будет создавать из Польши советскую республику и вмешиваться в ее внутренние дела.

Экономические, политические и социальные вопросы будут решаться польским народом».

Разведчики «Олимпа» активно занимались получением информации военного характера в интересах командования Красной армии. Спустя три недели после перехода границы с Польшей, 30 мая, они добыли данные о наличии трех действующих и одного строящегося военных аэродромов в районе Кракова, также было установлено количество и типы самолетов. Через 2 дня советские бомбардировщики нанесли удар по этим аэродромам. И это только лишь эпизод из многогранной работы РДР «Олимп». А всего за период действий на территории Польши, Чехословакии и Венгрии было добыто и передано в Центр 57 материалов разведывательного характера. Из них 38 доложено наркому госбезопасности и 19 направлено командованию Красной армии.

Благодаря оперативно поступавшей информации советские спецназовцы могли эффективно бороться с немецкими карателями. Например, 23 мая 1944 г. агент Орач сообщил, что прибывший в Краков Г. Гиммлер дал указание о проведении крупной масштабной карательной экспедиции, в частности, в Липско-Яновском лесном массиве. Поэтому, когда 6 июня гитлеровское командование начало скрытное сосредоточение войск для нанесения удара по партизанам, их маневры не явились тайной для руководства «Олимпа». Совместно с РДР «Охотники», руководимой Н. Прокопюком, и одиннадцатью местными партизанскими отрядами наши спецназовцы 19 дней успешно противостояли двум пехотным дивизиям, дивизии СС «Викинг» и «Калмыцкому корпусу».

Несмотря на непрерывные атаки противника, бойцы «Олимпа», «Охотников» и партизаны устояли. В ночь на 25 июня «на участке, занимаемом калмыцким кавалерийским корпусом, был нанесен маневренный удар и совершен прорыв протяжением 6 километров по фронту», – сообщил об итогах этой операции в очередной радиограмме В. Карасёв. Вместе с его бойцами из западни, подстроенной Г. Гиммлером, вырвались на оперативный простор и остальные отряды повстанцев. В ходе боев гитлеровцы потеряли свыше 500 человек убитыми, но так и не достигли поставленной цели. Отряд «Олимп», выполнив поставленные перед ним задачи, ушел в Чехословакию.

В карпатских горах, вблизи города Кошице, В. Карасёвым была развернута основная база, с позиций которой проведение

разведывательно-диверсионных операций продолжилось не только на территории Польши и Чехословакии, но и Венгрии. Практически ежедневно – с 19 июля 1944 г. и до момента соединения с частями Красной армии 15 февраля 1945 г. – спецгруппы «Олимпа» осуществляли диверсии на коммуникациях противника, нападали на отдельные части и даже целые гарнизоны.

Летом 1944 г. IV Управлению с участием А. Демьянова удалось реализовать оперативный замысел еще одной радиоигры, получившей кодовое название «Березино». 18 августа Гейне сообщил по радиостанции «Престола», что во время нахождения в командировке в Минске он «вышел на контакт с представителями немецкой воинской части, попавшей в окружение в Белоруссии». К тому времени в районе реки Березина из числа бойцов ОСНАЗа и немцев-коминтерновцев была сформирована спецгруппа под командованием майора А. Борисова. Ее легендированным «командиром» был подполковник вермахта Г. Шерхорн. При нем безотлучно находился кто-либо из сотрудников госбезопасности. Непосредственное руководство операцией осуществляли Н. Эйтингон, М. Маклярский, В. Фишер и П. Гудимович.

Это была единственная такого рода и масштаба оперативно-войсковая операция, в ходе которой Судоплатов и его подчиненные сумели сковать значительные разведывательные и диверсионные силы спецслужб Германии. Санкцию на проведение операции нарком госбезопасности Меркулов запрашивал у самого Сталина.

В ночь с 15 на 16 сентября 1944 г. группа из трех парашютистов приземлилась в расположении «окруженцев». Ее руководитель, кадровый сотрудник абвера К. Киберт, ничего не заподозрил. Затем был произведен захват немецких агентов, двое из которых дали согласие на сотрудничество и подключились к радиоигре. В отношении третьего члена группы в очередной радиограмме руководству «Абверкоманды-103» перевербованные гитлеровцы сообщили о его тяжелом ранении при приземлении.

Наибольшую опасность для операции «Березино» представляла заброска немецких разведчиков в тайне от Шерхорна; цель заброски – проверить на месте реальное положение дел. Всего за время операции гитлеровские спецслужбы направили 8 агентов. Однако все они, не успев передать в эфир тревожных радиограмм, оказались в руках подчиненных П. А. Судоплатова. Потом неразговорчивые «погибали в перестрелках», а те, кто пошел на сотрудничество, продолжили работу под контролем чекистов.

Вплоть до окончания войны гитлеровские спецслужбы и

командование продолжали верить в существование «части Шерхорна», которая благодаря стараниям IV Управления «выросла» в численности до полутора тысяч человек. В то время когда на счету был каждый солдат и патрон, Берлину приходилось основательно напрягаться, чтобы поддержать боеспособность части. Всего руководство гитлеровских спецслужб перебросило Шерхорну 16 человек, 8 радиостанций, большое количество оружия, боеприпасов и продовольствия.

После перебазирования РДР «Олимп» в Чехословакию разведчики добыли исключительно важную информацию о производстве на ряде заводов в районе Братиславы «сверхсекретного оружия самолета-ракеты Фау». К этому времени руководство IV Управления уже располагало предварительными, полученными от других разведывательных источников сведениями о ведущихся в Германии разработках «оружия возмездия».

28 августа 1944 г. П. А. Судоплатов доложил об информации карасёвцев Меркулову.

Через двое суток из управления в адрес В. Карасёва поступило срочное указание «добыть данные о точном месторасположении завода». И эта задача была выполнена! Спустя полтора месяца в результате агентурного проникновения к «секретам рейха» разведчики «Олимпа» установили не только места, где находились заводы, но и получили важные материалы о характере производства. В рапорте на имя Судоплатова Карасёв доложил:

«По имеющимся у нас данным, завод по изготовлению химикатов для Ф-1 и Ф-2 находится в г. Леопольд (Леопольдовская тюрьма). Завод по выработке Ф-1 находится в Тренч-Бискупице – предместье г. Тренчин <…> Продуктивность этого завода 40 шт. Ф-1. Общее количество рабочих около 1000 человек, из них до 400 немцев, остальные словаки. Инженерный состав исключительно из немцев.

В д. Глубокое, на р. Миява Трнавской области, немцами сооружена железобетонная площадка для испытания Ф-1 и Ф-2».

В целом в результате разведывательно-диверсионной деятельности РДР «Олимп» с 20 января 1943 г. по 15 февраля 1945 г. было «пущено под откос вражеских эшелонов с живой силой, техникой и вооружением – 56; уничтожено – 7 самолетов; взор вано, уничтожено предприятий, учреждений и складов противника – 8; уничтожено автомашин, танков и др. мототранспорта – 355; проведено боевых столкновений с противником – 100; убито, ранено, взято в плен солдат и офицеров противника, полицейских и предателей – 6160;

ликвидировано видных представителей немецких оккупационных властей и немецкого командования – 11; выявлено немецких агентов, предателей и активных пособников оккупантов – 500; перешли на сторону опергруппы в результате агентурной работы в войсках противника – 1960 человек; организовано партизанских отрядов – 24; рост в личном составе составил – 2000; потери оперативной группы: офицеры – 11, рядового и сержантского состава – 150».

Б. Л. Галушкин, Герой Советского Союза, командир спецотряда «Артур»

Подобные цифры содержатся также в отчетах об оперативной, разведывательной и диверсионной деятельности РДР «Охотники», «Авангард», «Горные» и ряда других, которые успешно действовали на территории Польши, Словакии и Австрии. Как и отряду Карасёва, им постоянно приходилось вести маневренные бои, уходя от преследования карателей и регулярных частей германской армии. Однако не меньшую угрозу, чем гитлеровские танки и самолеты, для РДР представляла агентура противника.

Гитлеровские спецслужбы, особенно такие, как абвер и «Цеппелин», всячески стремились проникнуть в

разведывательную сеть резидентур. В этих целях наряду с традиционной засылкой своей агентуры они создавали ложные «партизанские отряды» и «подпольные группы». Но подавляющее число таких операций заканчивалось безрезультатно, вследствие хорошо налаженной контрразведывательной работы в РДР и наступательной тактике действий.

Руководители резидентур и контрразведчики активно занимались не только выявлением засылаемых гитлеровскими спецслужбами шпионов, но и сами проводили упреждающие оперативные комбинации по проникновению в школы по их подготовке и агентурную сеть. Так, в январе 1945 г. в резидентуру «Верные», которой руководил майор ГБ С. Г. Морозов, от агента Йозефа поступила информация о том, что на территории Словакии в городе Жилина разместилась «Кампфгруппа Эдельвейс», на базе которой осуществлялась подготовка агентов и диверсантов для засылки в партизанские отряды.

«Кампфгруппа Эдельвейс» была взята в оперативную разработку. В течение февраля разведчики резидентуры установили место дислокации штаба и центра подготовки агентов и диверсантов и выявили ряд личных связей ее командира. В дальнейшем была осуществлена вербовка ряда источников, через которых удалось получить подробные данные на штатный состав спецгруппы и ее агентуру в партизанских отрядах.

Наряду с агентурным проникновением в гитлеровские спецслужбы резидентурами осуществлялись боевые акции по уничтожению спецшкол, где велось обучение агентов-диверсантов. Только в ходе одной из них, проведенной 23 декабря 1944 г., была полностью ликвидирована спецшкола в районе словацкого города Кошице. «Руководимая… майором В. Карасёвым и его помощником-поляком, нашим агентом „Стах“, оперативная группа за 20 минут операции уничтожила 92 человека и увела 72», – писал об этом успехе П. А. Судоплатов в обзорной справке. Успеху операции предшествовала кропотливая, полная риска работа по агентурному проникновению разведчиков резидентуры в гитлеровскую спецшколу. Благодаря этому Карасёв прекрасно знал, в какое время и куда нанести свой удар.

Резидентурам приходилось выполнять и ряд других задач. В частности, специальные боевые отряды В. Карасёва, Н. Прокопюка, Е. Мирковского, С. Ваупшасова, действовавшие под глубоким прикрытием «власовцев» или местных «националистов», устанавливали «контакт», а в некоторых случаях «объединялись» с ними для совершения «совместных действий». В результате такого «взаимодействия» только двум оперативным группам «Охотники» и «Олимп» всего за три месяца 1944 г. удалось

ликвидировать 212 и захватить живьем 221 командира и боевика националистов. В большинстве своем подобные операции проводились без потерь с нашей стороны.

Значительное место в работе резидентур «Горные», «Авангард» и «Верные» занимала деятельность по организации национального партизанского движения и разложению личного состава частей противника. Опираясь на национальные кадры, которые составляли большинство в этих резидентурах, они вели активную агитационную и пропагандистскую работу. В этих целях издавались и распространялись среди местного населения и военнослужащих противника не только листовки, но и газеты на национальных языках.

«Мужское население деревень в районе дислокации отряда, – отмечал руководитель РДР „Верные“ С. Морозов, – стало уходить в горы, вступать в отряд или просто прятаться от немцев. Влияние это сказывалось и среди воинских частей противника, которые стали разлагаться и переходить на сторону партизан. Из различных частей только в опергруппу перешли 64 человека. Всего было сформировано 6 отрядов. 6 декабря под командованием бывшего офицера словацкой армии Хладного Арноша отряд общей численностью в 97 чел. держал самооборону против немцев в деревнях Горный, Пески и Прашница».

Для разложения военнослужащих противника и склонения их к переходу на сторону партизан разведчики резидентур использовали агентурное проникновение в воинские части и обработку их командиров. В ходе последующей оперативной работы целые подразделения в полном составе, с вооружением и техникой, переходили на их сторону.

«В результате разложенческой работы среди мадьяр, – докладывал руководитель РДР „Горные“ Н. Волков, – в нашу группу перешли в разное время свыше 400 человек мадьяр с оружием, боеприпасами и разным имуществом, в том числе автомашинами, военными радиостанциями и прочее».

Далее он отмечал:

«В результате проведенной агентурной разработки 24 декабря с. г. на сторону опергруппы перешла часть 9-й транспортной колоны 6-й пехотной дивизии 1-й мадьярской армии в количестве 93 человек во главе с командиром колонны поручиком Шереги Шандором».

Впоследствии поручик возглавил партизанский отряд, укомплектованный венграми, и уже вместе с бойцами РДР «Верные» активно участвовал в боях против оккупантов.

Об эффективности оперативной работы в решении этой задачи красноречиво свидетельствует и ряд других эпизодов из

деятельности РДР. В частности, только одной резидентуре «Олимп» удалось склонить через агентуру к переходу на свою сторону свыше 600 офицеров и солдат противника. Один из них, бывший командир 2-го артполка 2-й словацкой дивизии, подполковник Иосиф Фогель, возглавил объединенный партизанский отряд, насчитывавший в своих рядах 330 словаков и чехов.

Безусловно, подобная работа была связана со значительным риском для самих разведчиков и особенно агентов, так как любой непродуманный и непросчитанный выход на противника грозил провалом и гибелью. Вместе с тем в случае успешной реализации операции эффект был значителен. В результате агентурно-оперативных мероприятий без единого выстрела и людских потерь выводились из строя целые подразделения. Более того, спустя некоторое время эти подразделения включались в активную борьбу и наносили существенный урон гитлеровским войскам.

В целом за период действий на территории Польши, Чехословакии, Венгрии и Австрии резидентурами «Горные», «Верные», «Охотники» и «Олимп» было сформировано 37 партизанских отрядов из числа местного населения, офицеров и солдат, покинувших части противника.

Не следует забывать, что оперативная группа отряда «Олимп» под руководством А. Н. Ботяна предотвратила уничтожение гитлеровцами города Краков. Нашим разведчикам удалось захватить и перевербовать инженера-картографа, поляка по национальности, служившего в одном из штабов вермахта. С его помощью польский коммунист сумел пронести мину замедленного действия на склад боеприпасов, предназначенных для минирования города. 18 января 1945 г. Ягелонский замок, в котором немцы устроили склад, взлетел на воздух вместе с сотнями фашистов. Краков и тысячи его жителей были спасены. Остались в целости мосты через реку Дунаец и Рожновскую плотину, что позволило Красной армии беспрепятственно войти в город, а затем развивать дальнейшее наступление.

По мере приближения краха фашистского режима и укрепления национально-освободительного движения в странах Восточной Европы все более усиливались противоречия между союзниками по антигитлеровской коалиции. Лидеры СССР, США и Великобритании исподволь готовились к будущей «холодной войне» за новый передел мира. Отдельные сведения о состоянии и перспективах развития обстановки в Польше, Чехословакии и Югославии докладывались самому Сталину.

В этой связи резидентуры IV Управления активизировали

работу по контролю над обстановкой в национально-освободительных движениях и усилению влияния на их лидеров в интересах партийного руководства СССР. Особое значение придавалось получению информации о планах и замыслах военно-политических группировок в странах Восточной Европы, ориентированных на Запад, и обнаружению их агентурной сети. Значительное внимание уделялось выявлению недружественных по отношению к Советскому Союзу действий со стороны представителей союзников, состоявших при штабах национальных повстанческих армий.

В этом плане весьма эффективно работали РДР «Весенние», «Стар», «Горные» и разведывательные звенья «Олимпа», сформированные из числа поляков, словаков, австрийцев, югославов и других, особенно коминтерновцев, которые имели давние и устойчивые связи среди элиты своих стран, в том числе проживающей в эмиграции в Швейцарии и Великобритании.

Одной из первых, добывших такого рода информацию стала резидентура «Весенние». Полностью сформированная из поляков 12 октября 1943 г., она была «воздухом переброшена на базу оперативной группы „Соколы“ в Барановическую область». 6 июня 1944 г. разведчики, руководимые резидентом Робертом, вышли в заданный район в Центральной Польше и приступили к работе. Куратор резидентуры подполковник В. Рогачев отмечал, что «все члены группы „Весенние“ за время пребывания в тылу противника, несмотря на исключительно сложные условия работы, добыли ряд важных данных об антисоветской деятельности польских националистических организаций, а также приобрели интересные связи в разных кругах польского подполья».

Особое значение имела информация, предоставляемая разведчиками М. и Х., которые располагали сетью хорошо законспирированной агентуры в формированиях «Армии Крайовой» и «Народовых сил збройне». В сентябре 1944 г. им удалось получить материалы о том, что лидеры обеих армий действуют по директивам польского эмигрантского правительства и не намерены сотрудничать с просоветски настроенными силами. По данным резидента Роберта, руководители «Народовых сил» «призывали польское население саботировать и не подчиняться их решениям и заявляли, что скоро в Польшу прибудет настоящая власть из эмиграции и тогда наступит полный порядок в стране».

27 октября 1944 г. М. получил информацию от своей агентуры в руководстве «Армии Крайовой». Она свидетельствовала о твердой решимости сил, ориентирующихся

на западных союзников, не допустить ухода Польши в сферу влияния Советского Союза. Командование армией издало секретный приказ, в котором предписывалось: «…отрядам „АК“ зарегистрироваться у командования Красной армии, а политическим деятелям законспирироваться, чтобы в нужный момент приступить к работе, враждебной Советскому Союзу, и работе против Красной армии».

18 ноября Роберт сообщил в Центр о функционировании на территории Польши «глубоко законспирированной разведывательной сети типа британской „Интеллидженс сервис“», а затем добыл пять инструкций, регламентирующих ее деятельность. Ряд положений одной из них требовал от ее членов «создавать во всех областях политической, экономической и военной жизни Польши мощный, строго законспирированный агентурный аппарат. С помощью этого аппарата оказывать воздействие, давление на партийные и общественные учреждения, а в необходимых случаях парализовывать деятельность лиц и организаций, чья активность идет вразрез с линией польского эмигрантского правительства в Лондоне».

Подобного рода материалы регулярно поступали и в резидентуру «Олимп». Данные разведчиков красноречиво свидетельствовали о том, что Польша становились новым полем битвы в будущей «холодной войне» между Востоком и Западом. Руководством IV Управления были даны указания РДР, действующим на территории Польши, об укреплении агентурных позиций в руководстве «Армии Крайовой» и «Народовых сил» для получения упреждающей информации об их планах и замыслах. Эта задача резидентурами «Весенние», «Олимп» и «Охотники» была выполнена. В Москве не только владели оперативной обстановкой, которая складывалась в Польше, но достаточно точно прогнозировали ее вероятное развитие и заблаговременно готовились к нелегкой борьбе с националистическим подпольем.

С помощью агентуры выявлялись законспирированные военные структуры, а также контролировались каналы связи с эмигрантским правительством в Лондоне. Только разведчиками «Олимпа» удалось собрать полные материалы на 85 функционеров этих организаций. Некоторые агенты заняли в обеих армиях ключевые посты, что позволило разведчикам контролировать деятельность ряда боевых отрядов. Накануне вступления Красной армии в Польшу значительная часть тайной сети не составляла большого секрета для руководства IV Управления.

Не менее остро и динамично складывалась оперативная обстановка и в других странах Восточной Европы. Лидеры

«Большой тройки» вслух еще продолжали твердить о нерушимом союзе против фашизма и дружбе народов своих стран, а в тиши кабинетов уже вызревали тайные замыслы по устройству нового миропорядка. И первыми, кому их пришлось реализовывать, оказались спецслужбы. К концу 1944-го – началу 1945 г. соперничество между ними стало приобретать все больший размах и ожесточение. Там, где молчали политики, вовсю действовали профессионалы тайной войны.

В июле – августе 1944 г. наиболее драматично развивалась военно-политическая ситуация в Словакии. К тому времени части Красной армии вплотную приблизились к ее границам, но дальнейшему наступлению препятствовали сложный горный рельеф Карпат и мощные оборонительные сооружения, воздвигнутые гитлеровцами на этом направлении. В боях возникла пауза, советские войска накапливали силы для решающего удара. Население Словакии с нетерпением ожидало их прихода. В словацкой армии нарастало брожение, командование вермахта теряло контроль над ней.

Эмигрантское правительство Э. Бенеша при поддержке британской разведки рассчитывало перехватить инициативу в будущем восстании. В Лондоне планировали с помощью Бенеша не допустить установления контроля над Словакией со стороны СССР, а в дальнейшем с ее территории расширить зону своего влияния в Чехии, Венгрии и Польше. Разведчики РДР «Олимп», «Стар» и «Верные» регулярно получали информацию о контактах эмиссаров Бенеша и британских спецслужб с рядом видных словацких деятелей и армейским командованием накануне восстания.

В частности, руководитель резидентуры «Верные» С. Морозов сообщил о высадке в районе города Банска-Быстрица четырех десантных групп, в состав которых входили англичане, американцы, а также словаки и поляки, эмигрировавшие в Великобританию после оккупации немцами Чехии и Польши. Эти разведывательные данные нашли подтверждение в материалах, добытых резидентурами «Олимп» и «Горные». Был выявлен, а затем перевербован разведчиками РДР «Горные» один из агентов английской резидентуры И.

В частности, по его информации, британская разведка, опираясь на некоторых членов словацкого правительства, проживающих в Лондоне, планировала после начала восстания перебросить правительство в Братиславу, а затем от его имени «объявить о разрыве отношений с гитлеровской Германией с целью создания „санитарного кордона“ против Советов». Последующее прибытие в Словакию эмиссаров Э. Бенеша –

руководителя повстанческой армии генерала Веста и министров его правительства Неметца и Франтишека – окончательно все прояснило. Западные союзники спешили создать в этой стране форпост на пути коммунистической экспансии в Центральную Европу и форсировали начало восстания.

Такой ход развития ситуации в Словакии не явился неожиданностью для руководителей IV Управления и наркома Меркулова. Анализ материалов, поступивших из резидентур и других оперативных источников, в том числе и из Лондона от «Кембриджской пятерки», содержал неутешительный прогноз для Бенеша и стоящих за ним сил. Восстание было обречено на провал.

В аналитической справке, направленной П. А. Судоплатовым руководству наркомата, констатировалось, что «народные массы и солдаты, видя безалаберщину, отсутствие единства и целеустремленности в „Н. Р.“ (Народной Раде. – *Примеч. авт.*) смотрели на нее с недоверием. Католические священники не поддержали восстания. Хуже того, член лондонской делегации – католический священник Фр. Гала – по прибытии в г. Банска-Быстрица содействовал освобождению из тюрьмы арестованных-гардистов (сторонники фашистского режима в Словакии. – *Примеч. авт.*)».

К сожалению, этот прогноз советских разведчиков полностью подтвердился. В конце октября 1944 г. немецкие войска и части «Русской освободительной армии» генерала-изменника А. Власова подавили восстание словацкого народа.

Те, кто уцелел, ушли в горы и примкнули к РДР IV Управления или к партизанам. Только за октябрь и ноябрь из числа повстанцев резидентурами «Олимп», «Горные» и «Верные» было сформировано 12 партизанских отрядов. В дальнейшем, до прихода в Словакию регулярных частей Красной армии, масштабные боевые действия на ее территории уже не велись. Но война на тайном фронте здесь и в других странах Восточной Европы ни на один день не затихала, а нарастала и приобретала все большее ожесточение. И в этой схватке разведчикам РДР все чаще и чаще приходилось сталкиваться не только с традиционным противником – гитлеровскими спецслужбами, но и разведками стран союзников – Великобритании и США.

В конце 1944 г. в результате контрразведывательной работы разведчиками РДР «Горные» и «Верные» были выявлены два английских и один французский резиденты, а затем в результате операций с использованием подставных агентов вскрыты и их агентурные сети. Только в одной французской резидентуре состояли 12 агентов. Часть из них ориентировалась своими

руководителями на работу против советских представительств и связанных с ними политических сил в странах Восточной Европы.

С учетом новых реалий в IV Управлении принимались меры по созданию надежных оперативных позиций в стане будущих противников. В этих целях осуществлялась перевербовка агентов спецслужб США, Великобритании и Франции. С перспективой на будущее для решения задач политического и экономического характера к негласному сотрудничеству привлекались авторитетные политики, деятели церкви и промышленники стран Восточной Европы. В последующем многие агенты управления долго и успешно продолжали работать на советскую разведку в спецслужбах и государственных органах стран НАТО, оказали существенное влияние на ход политических событий в своих странах.

Достижение этих и других весомых результатов в разведывательной, повстанческой и диверсионной деятельности в значительной степени было связано с тем, что руководство IV Управления отличала высочайшая оперативность в принятии решений; командирам РДР предоставлялась самостоятельность на местах. Опираясь на свой практический опыт и профессионализм подчиненных, они не боялись неординарных ходов, поскольку постоянно чувствовали твердую поддержку со стороны вышестоящих руководителей. За все время существования IV Управления ни один из его сотрудников не подвергся необоснованным репрессиям. «Меч Лубянки» в руках П. А. Судоплатова был беспощаден к врагам, но превращался в надежный щит, когда гнев вождей грозил подчиненным несправедливой расправой.

Руководство IV Управления не только защищало и поддерживало самих сотрудников, но и оказывало существенную предметную помощь их семьям. Перед отправкой на очередное задание в Словению резидент РДР «Стар» Михаил направил по инстанции рапорт, в котором писал о бедственном положении находящихся на его иждивении матери, жены и малолетней дочери. По указанию П. А. Судоплатова на время отсутствия Михаила его семья обеспечивалась ежемесячным продовольственным пайком. Внимание и забота о нуждах подчиненных со стороны руководителей управления не были формальными. Они старались вникать даже в мелочи, потому что по собственному опыту знали, каково приходится семье разведчика, когда он находится в «длительной командировке», возвращение из которой часто может оказаться проблематичным.

Вместе с тем, когда Михаил совершил ряд грубых нарушений в работе резидентуры и личном поведении, реакция руководства

IV Управления была предельно жесткой и решительной. После завершения расследования его откомандировали в Москву. И несмотря на то что во время работы в Словении он неоднократно добывал ценную разведывательную информацию, а ранее за участие в боевых операциях в тылу противника был награжден орденом Отечественной войны II степени, его служба в управлении на этом закончилась. Он был осужден на три года.

Малейшие факты недостойного поведения или мародерства со стороны командиров и бойцов резидентур и опергрупп не прощались даже самым заслуженным. 28 октября 1944 г. из IV Управления в адрес руководителей восьми резидентур, действующих в странах Восточной Европы, было направлено распоряжение, в котором предписывалось:

«1. Группам своей практической деятельностью и поведением показывать пример дисциплины, организованности и порядка всем партизанским отрядам. <…>

5. Не допускать действий, могущих вызвать недовольство и нарекания у населения.

6. Получаемые деньги и ценности расходовать строго на оперативные нужды и содержание групп.

7. Заготовку продуктов производить только по договоренности с местными организаторами партизанского движения.

Получение директивы подтвердить и донести о принятых мерах».

Но стоит ли говорить о единичных нарушениях, которые неизбежны на любой войне, когда главное в работе управления – тот невосполнимый урон, что был нанесен сильному и опасному противнику.

Заключение

Ужасный сон отяготел над нами,
Ужасный, безобразный сон:
В крови до пят, мы бьемся с мертвецами,
Воскресшими для новых похорон.

Ф. И. Тютчев, август 1863 г.

В июне 1945 г. по указанию наркома внутренних дел Л. П. Берия на территорию Литвы из состава ОСНАЗа НКГБ СССР были направлены четыре спецгруппы. Их задачей было обнаружение и ликвидация формирований националистического подполья, баз и штабов Армии освобождения Литвы (ЛЛА). На вооружении каждого из подразделений имелось стрелковое оружие отечественного и иностранного производства, включая ротные минометы. У бойцов было трофейное обмундирование, в том числе власовская форма, они располагали подробной информацией о положении в тех уездах, в которых им предстояло действовать. Известно, что литовские боевики старательно избегали столкновений с подразделениями ОСНАЗа. Двумя из этих четырех спецподразделений командовали сотрудники IV Управления подполковники ГБ С. А. Ваупшасов и Е. И. Мирковский.

Ветеранские воспоминания об этих операциях крайне скупы. «Поступили сведения, – свидетельствует А. П. Селезнев, – что в одном из районов Прибалтики орудует банда: мешает налаживать новую жизнь, терроризирует местных жителей. Получаем задание уничтожить бандитов или взять их живьем. Руководит операцией Герой Советского Союза Е. И. Мирковский, опытный командир, чекист. Прибываем на место, знакомимся с обстановкой. Узнаем, что в лесах скрываются оставшиеся в окружении немцы. Бандиты, надо думать, их не боятся – своя компания. Решаем на этом сыграть, переодеваемся в немецкую форму и идем на сближение с бандой.

„Завязать контакты“ оказалось нетрудно. Решили брать бандитов живьем. Пригласили к себе, поим чаем, присматриваемся, выжидаем подходящий момент. Мы налегке, у каждого пистолет и нож, а они при полном вооружении, но зато их десять человек, а нас пятнадцать. Одолеем! По сигналу

Мирковского набрасываемся на них.

Я схватился с рослым парнем, заломил ему руки. Пытаясь вырваться, парень задел кольцо гранаты и тут же сам испугался, обмяк от страха и стал валиться на землю. Я отпустил его, давая возможность упасть и накрыть гранату. И в это мгновение раздался взрыв… Итог нашей операции был таков: троих бандитов мы убили, семерых взяли живьем. Потери нашей группы – пять раненых, один из них – я. На войне уцелел, но война все же сказала свое запоздалое слово…»

29 сентября 1945 г. Л. П. Берия, докладывая Сталину о результатах чекистско-войсковых операций в Литве, весьма высоко отозвался о действиях осназовцев, назвав их «настоящими волкодавами».

По завершении войны о работе IV Управления П. А. Судоплатов доложил министру государственной безопасности СССР в обзорной справке «О деятельности IV Управления НКВД – НКГБ СССР за период Великой Отечественной войны». В ней содержится краткий анализ работы, а также дана объективная оценка имевших место недостатков и достигнутых результатов. Текст справки занимает всего четыре страницы. Но какие страницы!

«IV Управление МГБ СССР было создано в ходе войны в 1941 г. и работало до мая 1945 г.

Для активной диверсионной и агентурно-оперативной деятельности в тылу противника были организованы 244 опергруппы МГБ СССР численностью 16 650 человек.

За время войны опергруппы МГБ СССР провели следующую работу:

пущено под откос эшелонов —1511;

уничтожено самолетов противника в воздухе и на земле – 81;

уничтожено танков – 2394;

убито, ранено и взято в плен немецких солдат и офицеров – 147 030.

В результате агентурно-оперативных мероприятий опергруппы ликвидировали 62 видных представителя немецких оккупационных властей.

Было выявлено и учтено на оккупированной противником территории 139 490 немецких агентов, предателей и пособников.

Оперативные группы управления, действовавшие в тылу противника, имели 1098 боевых столкновений с регулярными и карательными войсками противника.

За время боевой деятельности оперативные группы потеряли убитыми 395 человек».

Бойцами ОМСБОНа – ОСНАЗа в ходе боевых действий *на*

фронтах подготовлено к разрушению 128,5 километра железнодорожных и шоссейных дорог, изготовлено и перезаряжено 8998 мин, заложено 2057 фугасов и 49 252 минных поля, взорвано полотно автомагистралей протяженностью 71,5 километра, взорвано 95 мостов. Бойцы соединения обезвредили 26 779 мин разных систем, 1500 неразорвавшихся авиабомб и разминировали 500 километров нефтепроводов.

В тылу противника разгромлено 122 гарнизона, жандармских и полицейских управлений, комендатур и штабов, пущено под откос 5 бронепоездов, 1415 эшелонов с живой силой, техникой, боеприпасами и горючим, уничтожено 1232 паровоза, 13 181 единица железнодорожных вагонов, платформ, цистерн, 2468 танков, бронемашин, тягачей, автомашин, мотоциклов, сбит 51 самолет.

Подорвано 92,2 километра железнодорожных путей, взорвано 335 мостов, выведено из строя 700 километров телефонно-телеграфных линий, в том числе до 240 километров кабеля, связывающего фашистское командование Восточного фронта со Ставкой Гитлера, взорвано и сожжено 344 промышленных предприятия и склада. В качестве трофеев захвачена 21 единица бронетехники, 45 орудий и минометов, 110 пулеметов, 800 винтовок и автоматов.

Потери соединения составили свыше 600 человек убитыми и пропавшими без вести, 1500 – ранеными.

Эти впечатляющие успехи IV Управления и подчиненного ему спецназа явились результатом выдающейся организаторской работы прежде всего самого П. А. Судоплатова, а также высочайшего профессионализма сотрудников центрального аппарата Н. Эйтингона, Н. Мельникова, П. Гудимовича, М. Маклярского, командиров легендарного ОМСБОНа М. Орлова и В. Гриднева, руководителей разведывательно-диверсионных резидентур, таких как К. Орловский С. Ваупшасов, Д. Медведев, Н. Прокопюк, В. Карасёв, А. Рабцевич, Л. Партынский, Ф. Кропф и других, а также беспримерного мужества и смелости их подчиненных.

Ни в одном другом управлении НКГБ, НКВД, ни даже в военной контрразведке СМЕРШ, не было столько людей, отмеченных высокими правительственными наградами. Так, в наркоматах внутренних дел и государственной безопасности из 28 человек, удостоенных звания Героя Советского Союза, 23 являлись сотрудниками IV Управления. Восьмерым разведчикам это высокое звание было присвоено посмертно.

П. А. Судоплатов словно предвидел трагедию своего Отечества, когда в августе 1991 г. страна, которую он и его

соратники защищали, не щадя себя, рухнула в одночасье и на ее руинах заполыхали межнациональные войны, опалившие Москву и другие города России злодейскими терактами.

В заключительной части своей обзорной справки Судоплатов обращается к руководителям органов государственной безопасности с предложениями, которые актуальны и сегодня. В частности, он пишет:

«Чтобы успешно решать задачи, необходимо иметь достаточно обученные и подготовленные кадры, могущие самостоятельно, в одиночку или очень небольшой группой проникать в нужные для нас места для организации нужных акций. Поэтому массовая школа не может удовлетворить и обеспечить такими кадрами. Подготовкой таких кадров нужно заниматься задолго до войны».

Этот доклад вскоре лег на стол И. В. Сталину. Похоже, приведенные в обзорной справке цифры произвели сильное впечатление и на вождя. За ними угадывалась колоссальная мощь и сила. Но нужна ли была советским вождям, и в первую очередь Сталину, такая великолепно организованная, крепко спаянная духом войскового братства структура, как IV Управление? Ведь война закончилась, и фашизм был побежден… Наверное, нет! Более того, в условиях, когда война воспитала в «маршалах и наркомах победы» особый дух, дух победителей, она становилась крайне опасной. Ее руководители и рядовые бойцы, не раз смотревшие смерти в глаза и познавшие суровую правду войны, в руках политического оппонента могли стать грозной силой в борьбе за власть.

Поэтому судьба ОСНАЗа и IV Управления была предрешена. Отдельный отряд особого назначения НКГБ СССР был расформирован совместным приказом наркомов внутренних дел и госбезопасности от 5 октября 1945 г. Некоторые его функции перешли к спецотрядам МВД – МГБ, которые вели «лесную войну» с отрядами прибалтийских и украинских националистов на протяжении еще полутора десятков лет.

После образования 15 марта 1946 г. МГБ СССР П. А. Судоплатов совмещает должности, продолжая руководить IV Управлением до его упразднения 15 октября 1946 г. Ударная сила IV Управления – разведывательно-диверсионные резидентуры были расформированы. Бывшие руководители и сотрудники центрального аппарата получили назначения в различные подразделения – от Бреста до Владивостока, от Мурманска до Кушки.

Сам Павел Анатольевич остался в Москве. Ему удалось избежать очередной чистки в органах и продолжить службу в

центральном аппарате МГБ СССР. 15 февраля 1947 г. он возглавил отдел «ДР» (диверсии и разведка). Этот отдел, известный также как Спецслужба МГБ СССР, был сформирован для развертывания в случае войны разведывательно-диверсионной работы против военных баз, расположенных вокруг СССР, захвата за рубежом и доставки в СССР новейших образцов вооружения и техники, также он занимался ликвидацией перебежчиков.

9 сентября 1950 г. П. А. Судоплатов утвержден Политбюро ЦК ВКП (б) начальником Бюро № 1 МГБ СССР по диверсионной работе за границей – агентурного аппарата, созданного на базе Спецслужбы МГБ СССР.

В 1947–1951 гг. под руководством П. А. Судоплатова и его заместителя Н. И. Эйтингона проведен ряд успешных операций по захвату, перевербовке и ликвидации руководителей вооруженного националистического подполья в Западной Украине и Литве, бывших офицеров СС и агентов германской и английской разведок.

21 марта 1953 г. П. А. Судоплатова назначают заместителем начальника I Главного управления (контрразведка) МВД СССР. С 30 мая 1953 г. он становится начальником 9-го (разведывательно-диверсионного) отдела МВД СССР, созданного на базе Бюро № 1. После его реорганизации 31 июля 1953 г. Судоплатова переводят во II Главное управление МВД СССР на должность начальника отдела главка внешней разведки.

Смерть вождя и крушение всесильного Берия бумерангом ударили и по Судоплатову. Новый хозяин Кремля Н. С. Хрущев даже после ареста Берия все еще смертельно боялся его грозной тени и потому спешил избавиться от нее. В. Меркулов, Б. Кобулов, А. Кобулов, С. Гоглидзе, П. Мешик – ближайшие помощники Берия, а также другие руководители советских органов государственной безопасности были арестованы и затем многие из них расстреляны. Погиб на допросе и один из великих нелегалов – Я. И. Серебрянский.

Не избежал печальной участи и Павел Анатольевич. 20 августа 1953 г. он был уволен «за невозможностью дальнейшего использования», а 21 августа 1953 г. «уволенный» был арестован в своем служебном кабинете.

«Руденко, – вспоминает П. А. Судоплатов, – грубым тоном объявил мне, что я арестован как активный участник заговора Берии, целью которого был захват власти, что я доверенное лицо и сообщник Берии в тайных сделках с иностранными державами против интересов Советского государства, что я организовал ряд террористических актов против личных врагов Берии и

планировал теракты против руководителей Советского государства. <…>

На втором допросе <…> Руденко предложил мне дать свидетельские показания против Берии: рассказать о его плане тайного сговора с Гитлером по заключению сепаратного мира при посредничестве болгарского посла Стаменова, о привлечении „английского шпиона“ Майского для установления тайных контактов с Черчиллем и, наконец, о готовившихся терактах по уничтожению советского руководства с помощью ядов».

Но ни абсурдность выдвинутых против Судоплатова обвинений, ни многочасовые допросы у следователей не сломили его духа. Находясь под следствием, он не дрогнул, виновным себя не признал, никого не оклеветал, а терпеливо и упорно добивался справедливости.

30 сентября 1958 г. П. А. Судоплатов был осужден на закрытом заседании Военной коллегии Верховного суда СССР без участия защиты и приговорен к пятнадцати годам тюремного заключения. Долгих 15 лет П. А. Судоплатов провел в камерах внутренней тюрьмы на Лубянке, затем в Бутырке, Лефортово, Крестах и печально знаменитом Владимирском централе.

Пока он отбывал свое незаконное наказание, в Советском Союзе происходило крушение великой диверсионной империи. Воистину новым вождям были страшны все те, кто ранее был так нужен…

А в мире тем временем происходил обратный процесс. «Малая война» приобретала большой формат. Планета Земля входила в «галактику террора». Об этой глобальной угрозе в XX в. писали и говорили задолго до того, как современный идеологический терроризм стал неотъемлемой частью нашей жизни. Наш соотечественник Е. Э. Месснер в работах «Лик современной войны» (1959) и «Мятеж – имя третьей всемирной» (1960) во многом предсказал одно из направлений развития вооруженных конфликтов будущего, которое он назвал термином «мятеж-война».

«Стиль современной войны, – писал Месснер, – истребление. <…> Идеологическая исступленность нашего века и повсюду разлившаяся ненависть создали стиль современной войны – войны низменной, предельно ожесточенной, апокалипсической. <…> Слово „фронт“ потеряло свой жуткий смысл – жутко стало на всей территории воюющего государства. <…> Душа вражеской армии, душа вражеского народа стали важнейшими стратегическими объектами; мобилизация духа собственного народа стала важнейшей задачей верховного стратега. <…> Теперь немыслимо себе представить войну без „резистанс“, без

„армии крайовой“ в подполье, без партизанских бригад. <…> Война приобрела новые формы. <…> Полувойна – это прикрытое участие в войне или междоусобице. <…> Народ перестал быть пассивным зрителем или безмолвной жертвой единоборства войск. Народ воюет. <…> Воевание без войск – воевание партизанами, диверсантами, террористами, вредителями, саботажниками, пропагандистами примет в будущем огромные размеры, чему порукой факты из недавнего прошлого».

Находясь в тюрьме, П. А. Судоплатов не озлобился и не забыл о своей работе. «Мы с Эйтингоном, – вспоминал он, – написали Хрущеву письмо, в котором содержались оперативные предложения по противодействию только что организованным президентом Кеннеди диверсионным соединениям особого назначения – „зеленым беретам“. Наше письмо получило одобрительную оценку Шелепина, секретаря ЦК КПСС, курировавшего вопросы госбезопасности и деятельность разведки. С письмом ознакомился генерал Фадейкин, мой преемник на посту начальника службы диверсионных операций за границей в I Главном управлении КГБ. Он прислал майора Васильева во Владимир обсудить с нами организационные детали, и тот привез нам в подарок два килограмма сахара. Вот так наша инициатива привела к рождению в КГБ спецназа. Был создан учебно-диверсионный центр, подчиненный I Главному управлению».

21 августа 1968 г., во многом благодаря настойчивости испытанных боевых соратников, П. А. Судоплатов был освобожден из-под стражи и вышел на свободу. Но прошло еще двадцать три года, когда наконец его доброе имя было восстановлено. Только в 1991 г. П. А. Судоплатов был полностью реабилитирован.

Наш герой прожил долгую, далеко не однозначную, но заслуживающую глубокого уважения жизнь. Он был преданным сыном своего сурового и бурного времени. Он без страха и упрека служил великим целям и идеалам, которыми тогда жила его страна. Находясь на самом острие тайной войны, он всегда оставался верен своим друзьям, принципам и делу.

Посмотрим на современный мир. Армия Израиля, которая считается сильнейшей на Ближнем Востоке, оказалась не в состоянии в течение месяца сломить сопротивление боевиков «Хезболла» и понесла при этом тяжелые потери в живой силе и технике. Ни одна из поставленных задач в ходе операции не была достигнута. Войска «Партии Аллаха» не удалось отбросить за реку Литани. Ракетные обстрелы израильских городов не только не прекратились, но даже усилились в течение месяца. Боевой

потенциал «Хезболла», судя по всему, пострадал несущественно. Гарантии безопасности на будущее Израиль не получил.

Израиль готовился к другой войне. Планировался блицкриг – стремительный бросок бронеколонн к реке Литани. Одновременно – захват силами спецназа или уничтожение верхушки «Хезболла». Израильская авиация должна была разрушить мосты и дороги, в результате чего боевые группировки «Партии Аллаха» оказались бы рассеченными на части, которые можно разбить поочередно. Добавить к этому выслеживание установок РСЗО и их методичное уничтожение вместе со складами и арсеналами.

Однако никто не ожидал, что у «Хезболла» имеется современное высокоточное оружие, современные приборы ночного видения, беспилотные самолеты-разведчики, а также центры радиоэлектронной разведки. Более того, контрразведывательные структуры «Партии Аллаха» практически полностью исключили утечку информации к израильтянам. Ее разведка доказала свою эффективность, раскинув сети на территории Израиля, вербуя даже офицеров арабского происхождения.

В ходе наступления израильтяне натолкнулись на организованную оборону, костяк которой составляли укрепрайоны, привязанные к населенным пунктам, с системами тоннелей, запасами оружия, боеприпасов, продуктов и воды. Подходы к ним были прикрыты минными полями. Среди жилых домов прятались тяжелые артиллерийские орудия и установки РСЗО.

Израиль изначально сделал ставку на ограниченную наземную операцию и действия спецназа. Войска постепенно втягивались в бои, позволив противнику организовать оборону, подолгу топтались на месте, неся большие потери. Выяснилось также, что спецназу противостоят бойцы, не уступающие в квалификации и оснащенности. Только за два дня до перемирия было принято решение о расширенной операции, которое ничего не изменило в общей ситуации.

«Хезболла» использовала тактику современной «сетевой войны». Небольшие подразделения оперировали автономно, зачастую за спиной противника, выполняя единую задачу. Эти боевые группы контролировали определенные участки территории, где у них были заранее подготовленные убежища и запасы всего необходимого. Их действия координировались из единого центра с помощью современных средств связи. Все прошло в духе советских разработок 1920—1930-х гг.

Прошло более шестидесяти лет, как перестало существовать

IV Управление НКВД – НКГБ СССР. И как истинные рыцари тайной войны разведчики Павла Судоплатова тихо и незаметно ушли в тень истории и нашей страны, и отечественных спецслужб. Но благодаря архивам и памяти оставшихся в живых ветеранов мы можем, наконец, немного приоткрыть подлинную историю управления и воздать должное великому подвигу невидимых бойцов тайной войны во славу Родины без права на славу…

Вместо послесловия Три судьбы

«Просто чекист»

Партизанское движение в годы Второй мировой войны открыло множество новых страниц в своей собственной истории. Вновь стали актуальными работы классиков партизанского движения не только 1920-х гг., но совершенно по-новому зазвучали доктрины, сформулированные еще в период наполеоновских войн. Война пришла на советскую землю «предсказуемо внезапно». Все профессионалы разведки, большинство военных и политиков прекрасно понимали, что развитие событий с 1933 по 1938 г. должно были во что-то вылиться. Как известно, официально война началась 1 сентября 1939 г., а на СССР гитлеровские войска напали 22 июня 1941 г., но весь период нахождения Гитлера у власти в качестве официально избранного бундесканцлера, особенно после смерти бундеспрезидента Гинденбурга, был подготовкой к реальной военной экспансии, к реваншу за весь комплекс военных, политических и социальных унижений Германии после Версаля. И какие бы прагматически выгодные контакты ни существовали между СССР и Германией, было предельно ясно, что вчерашние «ученики», которых СССР старался поддержать еще до прихода Гитлера к власти, завтра могут стать серьезными противниками.

Несмотря на такую перспективу, в годы, предшествующие войне, в нашей стране помимо волны тотальных репрессий и неуемной подозрительности были свернуты программы, позволяющие защитить западные рубежи отработанными диверсионно-партизанскими методами. Большинство специалистов либо были расстреляны или замучены в лагерях и тюрьмах, либо задвинуты на те участки работы, которые были далеки от их основной специализации.

Военная машина сильной, идеологически сплоченной нации, победно прокатившаяся по дорогам Европы, в одночасье, при политической слепоте и фатальных ошибках высшего политического руководства, готова была подмять под себя ослабленные и плохо обученные Вооруженные силы СССР. Зомбированные идеологическими лозунгами молодые «скороспелые» командиры, пришедшие на смену репрессированным военспецам с богатым опытом подполья и Гражданской войны, не могли оказать достойного сопротивления врагу. Массовый личный героизм не заменял стратегических провалов. Порой небольшая погранзастава, укомплектованная и обученная в лучших чекистских традициях, могла сделать больше, чем укомплектованная практически необученными

бойцами воинская часть. Трагедия развивалась молниеносными темпами; судорожные приказы Ставки, больше похожие на истошный крик: «Остановить! Опрокинуть! Перейти в наступление и перенести войну на чужую территорию!» – были абсолютно лишены прагматизма и военной логики. Вдумайтесь только: территорию, потерянную в первые 3–5 месяцев, пришлось отвоевывать долгие четыре года!!! Но именно эта страшная трагедия заставила вновь вернуться к тому, что почти выкорчевали. Пришлось искать оставшихся в живых и чудом избежавших репрессий специалистов, освобождать из лагерей и тюрем, выпускать из-под ареста, срочно реабилитировать или просто «гасить» судимость, будто ее вовсе не было, восстанавливать физически, дообучать и бросать в бой с сильным и умным противником.

К счастью, силами таких людей, как Павел Анатольевич Судоплатов, большое число настоящих экспертов разведывательно-диверсионной работы было возвращено в строй. Созданная система ОМСБОН пополнялась как профессиональными спортсменами, из которых формировали подразделения специального назначения, так и будущими руководителями организованного партизанского движения…

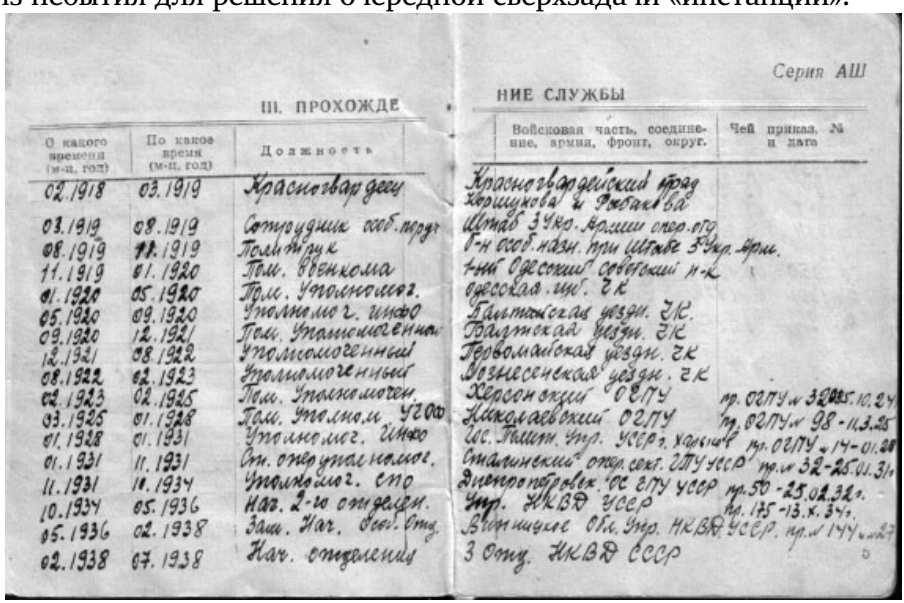
Владимир Григорьевич Фролов был одним из тех, кто с конца 1941-го до весны 1942 г. проходил специальную подготовку на динамовской базе ОМСБОНа и на конспиративных базах созданной П. А. Судоплатовым системы. Но только эта подготовка значительно отличалась от того, чему учили обычных бойцов-спортсменов, которые уже через пару месяцев, а то и через пару-тройку недель забрасывались за линию фронта с определенными диверсионно-разведывательными заданиями. Фролова и его товарищей готовили совсем к другой работе за линией фронта.

В. Г. Фролов, помощник командира партизанского отряда «Победители», возглавляемого Д. Н. Медведевым

Владимир Григорьевич, родившийся еще в XIX в., начал свою службу в органах ВЧК с 1919 г. Как и подавляющее большинство его товарищей по оперативно-боевой работе, он честно и прямо шел своим путем. Бесконечные бои и сложные операции Гражданской войны, борьба со множеством контрреволюционных и диверсионных группировок, старавшихся разрушить все, что было связано с новым строем… Непрерывные командировки и выезды на очередное оперативное задание… Скромные боевые награды и личное боевое оружие… Все это оставалось за кадром

той невидимой работы, которую чекист Фролов выполнял просто и скромно. И глубоко конспиративно. Даже ближайшие члены семьи ничего не знали о его чекистских буднях.

Все шло своим чередом – к середине 1938 г. Владимир Фролов возглавил один из отделов, но так же «своим чередом» его не миновала судьба многих чекистов того времени. В его послужном списке есть сухая по форме и чудовищная по содержанию запись: «С 07.1938 г. по 12.1941 г. находился под следствием в органах НКВД». Короткая строчка в послужном списке офицера, который большую часть жизни провел на самых горячих участках… Только вдумайтесь: несколько сухих слов – и три с половиной года нахождения на краю бездны, которая в мгновение ока поглощала сотни тысяч таких же, как он, чекистов, еще вчера отдававших себя служению самому дорогому. Для большинства чекистов такая запись означала циничные издевательства следователей, пытавшихся получить признание по вымышленным или заказным обвинениям, изощренные пытки с целью выбить компрометирующие «данные» на своих же товарищей… Многих сотрудников приговаривали к высшей мере, но потом переводили в закрытые отделения специальных тюрем и лагерей, где «выдерживали» в соответствии с той или иной политической «целесообразностью», чтобы внезапно воскресить из небытия для решения очередной сверхзадачи «инстанции».

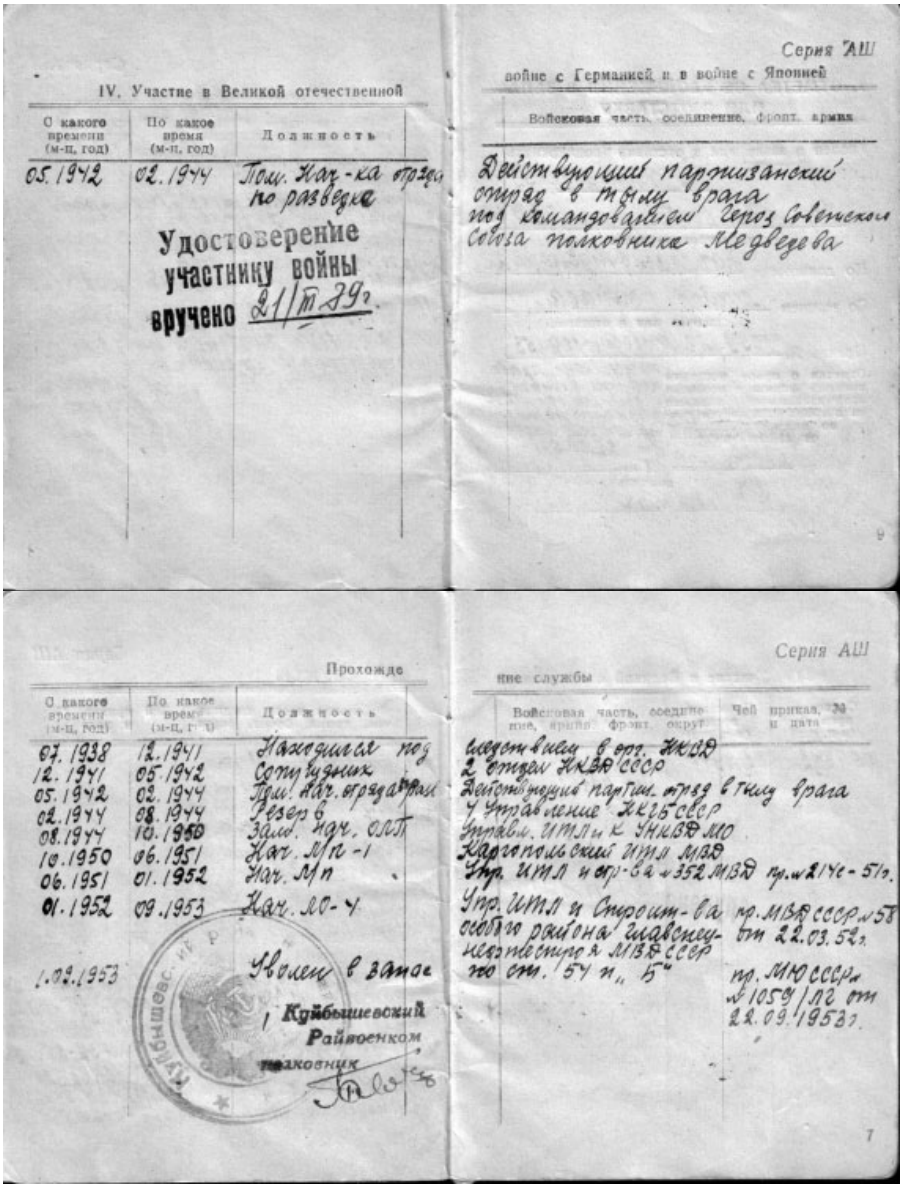


Серия АШ

III. ПРОХОЖДЕНИЕ СЛУЖБЫ

С какого времени (м-ц, год)	По какое время (м-ц, год)	Должность	Войсковая часть, соединение, армия, фронт, округ.	Чей приказ, № и дата
02.1918	03.1919	Красногвардеец	Красногвардейский отряд Коршунова и Рыбакова	
03.1919	08.1919	Сотрудник особ. поруч	Штаб 3 Укр. Армии опер. отд	
08.1919	11.1919	Политрук	б-н особ. назн. при Штабе 3 Укр. Арм.	
11.1919	01.1920	Пом. военкома	1-ый Одесский советский п-к	
01.1920	05.1920	Пом. Уполномоч.	Одесская губ. ЧК	
05.1920	09.1920	Уполномоч. инфо	Балтийская уездн. ЧК.	
09.1920	12.1921	Пом. Уполномоченного	Балтская уездн. ЧК	
12.1921	08.1922	Уполномоченный	Первомайская уездн. ЧК	
08.1922	02.1923	Уполномоченный	Вознесенская уездн. ЧК	
02.1923	02.1925	Пом. Уполномочен.	Херсонский ОГПУ	пр. ОГПУ № 32 25.10.24
03.1925	01.1928	Пом. Уполном. УГОФ	Николаевский ОГПУ	пр. ОГПУ № 98-11.3.25
01.1928	01.1931	Уполномоч. Инфо	Гос. Полит. Упр. УССР г. Харьков	пр. ОГПУ № 14-01.28
01.1931	11.1931	Ст. оперуполномоч.	Сталинский опер. сект. ГПУ УССР	пр. № 32-25.01.31 г.
11.1931	10.1934	Уполномоч. СПО	Днепропетровск. ОС ГПУ УССР	пр. 50-25.02.32 г.
10.1934	05.1936	Нач. 2-го отделен.	Упр. НКВД УССР	пр. 175-13.X.34 г.
05.1936	02.1938	Зам. Нач. Особ. Отд.	Винницкое Обл. Упр. НКВД УССР.	пр. № 144 и № 27
02.1938	07.1938	Нач. отделения	3 Отд. НКВД СССР	

Биография В. Г. Фролова, сохранившаяся в архивах (начало)



IV. Участие в Великой отечественной войне с Германией и в войне с Японией

С какого времени (м-ц, год)	По какое время (м-ц, год)	Должность	Войсковая часть, соединение, фронт, армия
05.1942	02.1944	Пом. Нач-ка отряда по разведке	Действующий партизанский отряд в тылу врага под командованием Героя Советского Союза полковника Медведева

Удостоверение участнику войны вручено 21/III 39 г.

Серия АШ

Прохождение службы

С какого времени (м-ц, год)	По какое время (м-ц, год)	Должность	Войсковая часть, соединение, армия, фронт, округ	Чей приказ, № и дата
07.1938	12.1941	Находился под следствием в орг. НКВД		
12.1941	05.1942	Сотрудник	2 отдел НКВД СССР	
05.1942	02.1944	Пом. Нач. отряда	Действующий партиз. отряд в тылу врага	
02.1944	08.1944	Резерв	4 Управление НКГБ СССР	
08.1944	10.1950	Зам. нач. ОЛП	Управл. ИТЛ и К УНКВД МО	
10.1950	06.1951	Нач. Мп-1	Каргопольский ИТЛ МВД	
06.1951	01.1952	Нач. Мп	Упр. ИТЛ и стр-ва № 352 МВД	пр. № 214с-51 г.
01.1952	09.1953	Нач. ЛО-4	Упр. ИТЛ и Строит-ва особого района Главснеднеотестроя МВД СССР	пр. МВД СССР № 58 от 22.03.52 г.
1.09.1953		Уволен в запас по ст. 54 п. „Б"		пр. МЮ СССР № 1059/ЛГ от 22.09.1953 г.

Куйбышевский Райвоенком полковник

Биография В. Г. Фролова, сохранившаяся в архивах (окончание)

…Война, кровавая жестокая война, вовлекшая в свой водоворот больше половины человечества, внесла свои коррективы в судьбу чекиста Фролова и многих его товарищей по оружию. Они вновь стали нужны! Стране вновь понадобился их боевой и оперативный опыт, наработанные агентурные связи, умение работать в тылу врага, умение подавлять вражеское сопротивление и создавать собственные очаги сопротивления и, что крайне важно, умение формировать партизанские и диверсионные подразделения, способные воевать с

использованием наиболее эффективных диверсионных и разведывательных методов борьбы с врагом на оккупированных территориях. Людей, уже находящихся за гранью жизни, во множестве стали освобождать из мест заключения, отмывать, откармливать, приводить в человеческий вид, соответствующий их высокому человеческому статусу.

Чекистов, подобных Фролову, готовили в качестве руководителей и организаторов крупных партизанских соединений на оккупированных территориях. Они должны были создавать специальные боевые формирования и сделать борьбу за линией фронта более целенаправленной, более жесткой и эффективной. «Малая война» должна была оттянуть на себя крупные силы противника, сковать его тылы, нарушить систему коммуникаций, вселять страх и неуверенность в командный состав неприятеля, деморализовать врага, вести жестокую борьбу с полицаями и предателями. Предстояло создать настоящий фронт за линией фронта и объединить все здоровые силы, которые неизбежно сплачивались вокруг командиров отдельных партизанских групп и соединений. Но не менее важным было внести в эту работу четкий и прагматически выверенный оперативный порядок, систематизировать разведывательную деятельность, наладить обучение разведсостава на местах, вести тонкую, но предельно выверенную контрразведывательную работу. Тотальная угроза давала право на тотальный карт-бланш. Важен был только позитивный результат.

Фролова назначают вначале сотрудником 2-го отдела IV Управления под руководством П. А. Судоплатова, а после прохождения почти полугодового курса подготовки он становится помощником командира партизанского отряда «Победители», который возглавил также возвращенный из профессионального забвения будущий Герой Советского Союза Д. Н. Медведев.

Отряду определено базироваться в лесах в районе Ровно – «столицы» оккупированной Украины. Основная задача, поставленная руководством, заключалась в организации и проведении диверсий на главных военных и промышленных объектах, ликвидация наиболее одиозных лидеров гитлеровской администрации, руководителей гитлеровских спецслужб, начальников полиции из числа местных жителей, поиск и уничтожение предателей и провокаторов, особенно участвующих в карательных операциях против местного населения и партизан. Задач было великое множество, да и запятнавших себя кровью мирного населения гитлеровцев и их приспешников из числа местных жителей тоже было немало. Кроме того, германские службы, обладая солидным опытом борьбы с повстанцами на

территории оккупированных стран, умело, грамотно использовали как выверенные оперативные комбинации с привлечением разнообразной агентуры, так и многочисленные карательные части.

За два года, с 1942-го по 1944-й, отряд провел более 120 крупных боев с противником, в которых были ликвидированы более 2000 немецких солдат и офицеров, в том числе 11 генералов и высших чиновников гитлеровской Германии, было пущено под откос более 80 эшелонов с живой силой и военной техникой противника.

Наиболее известными в истории Великой Отечественной войны стали специальные операции по ликвидации высших должностных лиц противника, проведенные с участием одного из известнейших разведчиков отряда «Победители» Николая Кузнецова, которого бойцы из групп Фролова не раз выводили в город и прикрывали при возвращении домой.

Работа разведчиков и диверсантов была поставлена на высоком для тех условий уровне. Несмотря на боевые потери, неизбежные в военное время, Владимир Григорьевич успешно готовил достойные кадры, которые пополняли вновь создаваемые диверсионные и разведывательные группы отряда. В каждом отдельном подразделении отряда были воспитанники Фролова, и это позволяло оперативно, с большей эффективностью решать возникающие боевые задачи.

Неотъемлемой частью работы отряда было умелое ведение не только диверсионно-боевых действий, но и организация идеологической войны. Так, в конце декабря 1942 г. в одном из населенных пунктов оккупированного района был устроен новогодний праздник для детей. Группа Фролова, состоявшая из бойцов-разведчиков, бесшумно проникла в село и перекрыла подходы на случай внезапного появления карателей. С помощью школьного учителя партизаны организовали настоящий праздник – были и подарки, и выступления. А после того как ребятишек отправили по домам спать, для взрослых провели своеобразную политинформацию о положении на фронтах. Все это работало лучше любых листовок и впоследствии передавалось из уст в уста.

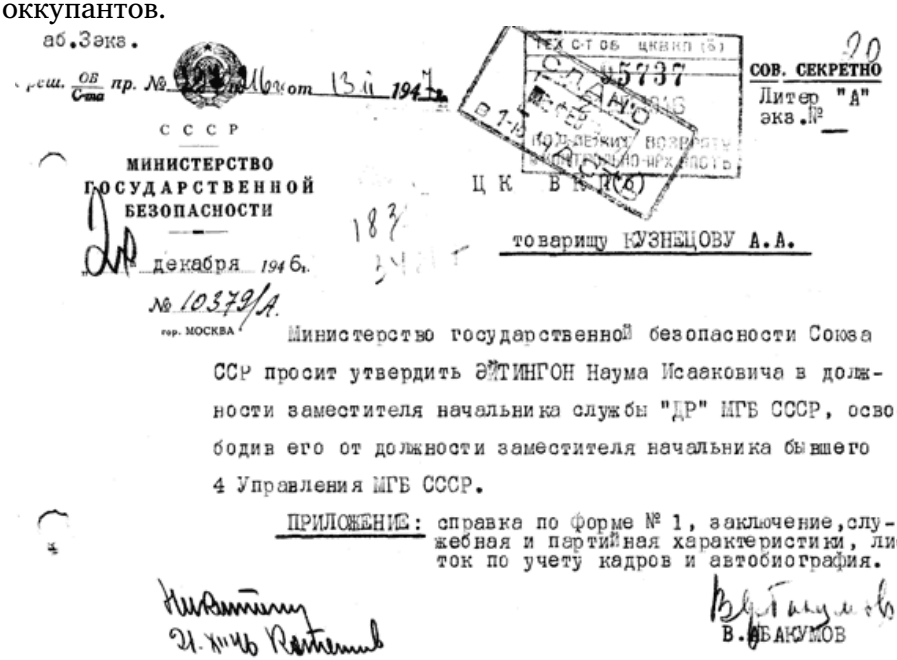
Разведчики неоднократно организовывали специальные операции по ликвидации представителей высшего и среднего командного состава, особенно при наличии оперативной информации о планируемых встречах, собраниях или совещаниях командования, а также о праздновании различных событий. Несколько групп партизан завязывали бой, атакуя врага с разных сторон, а в это время разведчики проникали в объятый паникой

населенный пункт, чтобы выполнить основную часть задания. Каждая из таких операций требовала серьезной подготовки и детального анализа. Никогда нельзя было считать, что единожды проведенная операция может быть растиражирована на все случаи жизни. И Владимир Фролов, сам разрабатывая уникальные операции, учил этому своих подчиненных и товарищей.

В. Г. Фролов в мирное время

В рамках IV Управления на оккупированной территории успешно действовали специальные отряды: «Победители» под командованием Д. Н. Медведева, «Неуловимые» под командованием М. С. Прудникова, «Местные» под командованием

С. А. Ваупшасова, «Дядя Коля» под командованием П. Г. Лопатина, «Имени Дзержинского» под командованием Е. И. Мирковского, «Соколы» под командованием К. П. Орловского, «Храбрецы» под командованием А. М. Рабцевича, «Богатыри» под командованием А. Н. Шихова, «Олимп» (им. Александра Невского) под командованием В. А. Карасёва, «Боевой» под ко мандованием В. Л. Неклюдова, «Охотники» под командованием Н. А. Прокопюка. Всем командирам этих отрядов по результатам боевой и разведывательной деятельности было присвоено высокое звание Герой Советского Союза. Важно уточнить – в ту пору мало кто мог догадаться, что «внезапно возникшие» партизанские соединения были не чем иным, как детищем ОМСБОНа, впрочем, и о нем в первый период войны знали немногие. Уникальная школа, созданная в самые опасные первые месяцы войны, позволила вырастить плеяду великолепных специалистов, главная заслуга которых – формирование мощного фронта за линией фронта, оттягивающего на себя огромные силы оккупантов.



аб.Экз.

Сов. секр. ОВ Сов пр. № 2[illegible] от 13 XII 1946

СОВ. СЕКРЕТНО
Литер "А"
экз. №

СССР
МИНИСТЕРСТВО ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ТЕХ.СТ.ОБ. ЦКВКП (б)
СЛАНО 5737

ЦК ВКП(б)

183

товарищу КУЗНЕЦОВУ А.А.

декабря 1946 г.

№ 10379/А

гор. МОСКВА

Министерство государственной безопасности Союза ССР просит утвердить ЭЙТИНГОН Наума Исааковича в должности заместителя начальника службы "ДР" МГБ СССР, освободив его от должности заместителя начальника бывшего 4 Управления МГБ СССР.

ПРИЛОЖЕНИЕ: справка по форме № 1, заключение, служебная и партийная характеристики, листок по учету кадров и автобиография.

В. АБАКУМОВ

Записка В. С. Абакумова в ЦК ВКП (б) об утверждении Н. И. Эйтингона в должности заместителя начальника службы «ДР» МГБ СССР. Совершенно секретно, декабрь 1946 г.

В конце 1944 г. В. Г. Фролов, как и большинство других бойцов специальных диверсионно-разведывательных отрядов, был «по команде сверху» переведен в резерв IV Управления. Война подходила к концу, и чекистам предстояла очередная

реорганизация, но всю свою долгую и активную жизнь Владимир Григорьевич Фролов оставался на переднем крае той великой войны во имя Отчизны, к которой в ранней юности его призвала революция…

Разведка без галстука

Жизнь дарит каждому из нас что-то свое, неповторимое, особенное, то, чего нет у других. Кто-то получает больше, кто-то меньше, но в итоге каждый проходит свой путь. Константину Константиновичу Квашнину, другому нашему герою, жизнь подарила многое. Удивительно, но ему не раз доводилось быть первым на совершенно разных направлениях деятельности. Такое редко бывает даже в разведке! Он родился в теперь уже далеком от нас 1913 г., с которым историки так любят сравнивать все достижения (и поражения) нашей страны. В том далеком году Россия праздновала 300-летие династии Романовых; Российская империя завоевывала новые высоты на международной арене, расширяя свое влияние в разных уголках света, но в то же время росло и ширилось революционное движение, которое, как выпущенный из бутылки джинн, жило по своим законам. Через год началась Первая мировая война, взорвавшая иллюзорное равновесие в Европе и запустившая множество скрытых до того механизмов. Ее результатом стало не только кардинальное изменение европейских карт, но и смена государственно-политических формаций на целом континенте. Детство Константина Квашнина совпало с кровавыми волнами Гражданской войны и интервенции, юношей ему посчастливилось попасть в фабзауч, а затем стать студентом одного из московских вузов. А чуть позже жизнь сделала крутой вираж: молодой аспирант, без пяти минут будущий профессор, вдруг оказался в структуре советской разведки. Но и на этом сюрпризы судьбы не иссякли. Жизнь постоянно подкидывала Квашнину что-то необычное, такое, что современному человеку покажется изыском творческой фантазии писателя определенного жанра. Однако все это было, было… Время заставляло жестко вписываться в предлагаемые рамки либо… окажешься на обочине, где каждый может растоптать.

К. К. Квашнин в молодые годы

Константин Квашнин умел профессионально вписываться в обстоятельства, умел принимать их…

…Невысокий старик открывает мне дверь и приглашает в уютную московскую квартиру. Все в его облике дышит скромным достоинством умудренного почти вековым опытом человека. Неуемная энергия профессионала, умеющего пошутить над самим собой, но при этом сохранить внутреннюю стойкость, чувствуется до сих пор.

Внезапно ловлю себя на мысли, что я ровно вдвое моложе своего собеседника, и от этого еще больше захватывает дух.

Какую же жизненную закалку необходимо иметь, чтобы, разменяв десятый (!) десяток, оставаться таким же жизнерадостным и активным. Благо, что такие люди еще есть в нашей стране! Спасибо, что ее величество Судьба познакомила нас. (Правда, судьба имела вполне реальный облик моего не менее жизнерадостного коллеги, который пока не оставил легальную линию служения Отечеству, но это уже за рамками настоящего повествования.) Спасибо, что именно нам (и мне, и моим замечательным соавторам) посчастливилось писать о достойных самого высокого уважения людях, с которыми встречался и работал Константин Константинович Квашнин.

Давайте послушаем его.

«…В середине 1937 г. мне через партком института передали, что меня вызывают в НКВД, в дом 2 на Дзержинке (теперь Лубянке), что было неожиданностью. В то время аббревиатура НКВД звучала достаточно серьезно. Я воспринял сообщение с некоторым беспокойством, но и с интересом.

В назначенное время я явился в указанный мне кабинет. Меня встретил высокий, стройный, почти спортивной выправки человек в военной форме с двумя ромбами в петлицах. Помнится его крупное, умное, волевое лицо, серьезный взгляд, а особенно „ромбы“, означавшие очень высокий военный ранг. Он поздоровался со мной и неожиданно спокойно, негромким, почти добрым голосом представился: „Серебрянский“…

Так состоялось мое первое знакомство с Яковом Исааковичем Серебрянским, встреченным мною первым среди той замечательной плеяды советских разведчиков, о которых говорят, что эти люди – широко известные в узком кругу. И это действительно так. Чем меньше известно об их реальных делах, тем, значит, они талантливее.

Я. И. Серебрянский родился в 1891 г. в Минске. С юных лет пришел в революционное движение, в прошлом член ЦК партии эсеров, работал в ВЧК с первых лет Советской власти. В 1923 г. был зачислен в закордонную часть ИНО ОГПУ в качестве особого уполномоченного, но вскоре был переведен в особый резерв в связи с подготовкой к работе за рубежом. В самом конце 1923 г. Серебрянский выехал в Палестину, где на протяжении двух лет выполнял функции в

нелегальной резидентуре, внедряя своих людей из числа переселенцев из России в подпольное сионистское движение. С 1925-го по весну 1929 г. работал нелегальным резидентом закордонной части, а в апреле 1929 г. возглавил 1-е отделение ИНО ОГПУ – службу нелегальной разведки. Одновременно на него было возложено руководство так называемой Особой группой при председателе ОГПУ, которую чаще называли „группа Яши“. При его прямом участии была создана самостоятельная агентурная сеть в различных странах, насчитывающая более 200 человек. Система, созданная Серебрянским, должна была активизироваться в случае военных действий правительств этих стран против Советской России, а основные методы действий членов группы были сугубо диверсионно-разведывательными.

13 июля 1934 г. Серебрянского утверждают руководителем Спецгруппы особого назначения – СГОН при Наркомате внутренних дел СССР. В 1935–1938 гг. Яков Исаакович выполнял особые задания в различных странах Европы и Азии. При этом он еще и возглавлял школу, в которой мне посчастливилось учиться.

Серебрянский – личность в разведке поистине легендарная. Теперь известны лишь некоторые из его блестяще проведенных разведывательных операций, но по-прежнему скупо описан их характер и масштаб. Известно, например, что он руководил операцией по похищению в Париже руководителя белогвардейской организации генерала Кутепова; он же нелегально приобрел во Франции, а затем осуществил контрабандную перевозку крупной партии, что-то около 40 единиц, боевых самолетов, предназначенных для республиканцев. Сам он, насколько мне известно, мемуаров не писал и о своей работе особенно не распространялся. Многое еще находится под семью замками.

Ко времени вызова меня к нему Серебрянский – это уже имя, это уважение, это авторитет и, по-моему, большое влияние. Его лично знал Сталин.

Ему выпала трагическая судьба. В ноябре 1938 г., с приходом в НКВД на замену Ежову – Берии, как и многие другие работники НКВД, Серебрянский по сфабрикованному доносу был арестован и осужден. Будучи уже приговоренным к расстрелу, он находился в заключении.

Освобожден он был в первые дни войны при особых обстоятельствах. По свидетельству другого замечательного разведчика и человека – Судоплатова П. А., бывшего в начале войны одним из руководителей внешней разведки, – события развивались так. На срочном совещании в Кремле у Сталина по вопросам мероприятий разведки в сложившейся обстановке, в котором принимал участие и Берия, Сталин вдруг вспомнил о Серебрянском и задал вопрос: „А где у вас Серебрянский?“ Берия отрапортовал, что он 7 июля 1941 г. Военной коллегией Верховного суда осужден к расстрелу с конфискацией имущества и сидит в Лефортово. На что якобы Сталин с раздражением бросил реплику: „Что это у тебя, Лаврентий, творится? Идет война, а у тебя разведчики сидят по тюрьмам!“ Уже через час (!!!) Серебрянский был освобожден и доставлен в Наркомат на работу. А 9 августа 1941 г. решением Верховного Совета СССР Яков Исаакович был амнистирован со снятием судимости, восстановлен в партии и органах. Во время войны Серебрянский возглавлял группу во 2-м Отделе, затем был руководителем 3-го отделения IV Управления НКВД – НКГБ СССР, а в конце войны был переведен в особый резерв IV Управления.

Талантливо, в свойственном ему стиле, он проработал всю войну, очень много сделал в организации активной разведки на оккупированной гитлеровцами территории и руководстве партизанским движением. После смерти Сталина в 1953 г., при очередном разгроме органов госбезопасности, Серебрянский был вновь арестован и умер в тюрьме 30 марта во время допроса в Военной прокуратуре…»

Константин Константинович недолго помолчал, привычно дотронувшись до подбородка. Воспоминания о наставнике в искусстве разведки захватили его.

Я. И. Серебрянский был одним из тех руководителей разведки НКВД, которые уже в 1934–1938 гг. начали готовить кадры на случай войны. В Особой группе при наркоме, которую возглавлял Серебрянский, была создана школа, готовящая специалистов по диверсионным операциям в народном хозяйстве стран возможного противника. Он же являлся и начальником школы. В этой школе началось приобщение небольшой группы

чекистов к новой профессии. Параллельно Серебрянский организовал разработку технологических методов разрушения производственных объектов. Для этого он привлек крупных специалистов, руководителей технических служб некоторых наркоматов – химиков, транспортников, машиностроителей, горняков и др. На основании анализа и изучения аварий и катастроф, происходящих в народном хозяйстве, специалисты выявляли слабые места в технологиях и определяли возможности искусственного создания таких слабых мест. Их выводы служили учебным материалом. Многие из них вели занятия в школе по так называемым спецдисциплинам. Перед слушателями школы в перспективе ставилась задача не только организовать технологические диверсии на объектах противника, они должны были уметь камуфлировать рядовой диверсионный акт под технологическую катастрофу и одновременно с этим в качестве экспертов определять характер возможных аварий на отечественных промышленных объектах, выявляя наличие или отсутствие злого умысла в произошедшем.

Нельзя не вспомнить дотошного, но, по сути, доброго внимания Якова Исааковича к слушателям. Один или два раза в неделю, в послеобеденные часы, он приезжал в школу, приглашал в кабинет двух-трех курсантов и разговаривал с ними на разные темы – изучал, оценивал и воспитывал людей, проводил ситуационные семинары.

Школа была небольшим звеном в большой государственной работе по укреплению обороноспособности страны, которую выполнял Серебрянский. Для школы был предоставлен особняк бывшего Генерального прокурора Акулова, а под общежитие – особняк бывшего секретаря ВЦИК Енукидзе.

Слушатели изучали языки, историю, общую и иностранную культуру, этикет, автовождение на основных видах отечественных и иностранных машин, с особым тщанием изучали подрывное дело, входящее в серию специальных дисциплин, и, разумеется, занимались стрелковой подготовкой. Ознакомительную практику они проходили на машиностроительном и химическом заводах в Макеевке и на шахтах Горловки в Донбассе.

Время пребывания в школе казалось слушателям самым приятным, по сравнению с тем, что их ожидало в дальнейшем, а по жизненным условиям тех лет – просто «роскошным».

А потом…

Внезапно в ноябре 1938 г. школа прекратила свое

существование. Серебрянский, его супруга и значительное число преподавателей были арестованы.

Участь слушателей решалась где-то в верхах. Через некоторое время обстановка начала проясняться. Никого из слушателей к «делу Серебрянского» не причислили, наоборот, всех начали устраивать на работу в аппарате. Квашнин получил назначение заместителем начальника Радиоцентра контроля за эфиром. Радиоцентр был важным звеном контрразведывательной службы страны; на него возлагались задачи обнаружения нелегальных радиопередач и выявление антисоветских передач с целью их глушения. Радиоцентр находился в Перхушкове, под Москвой. За пределами Москвы располагалось несколько пеленгаторных пунктов с приемными устройствами для приема команд из Центра.

Затем Квашнину поступило предложение перейти на работу в недавно организованный специальный отдел оперативной техники в отделение, по профилю ближе к той специальности, по которой он обучался в школе. Константина Константиновича назначили на должность заместителя начальника отделения механических и пиротехнических аппаратов и устройств. Основное направление работы отделения носило криминалистический характер: проведение экспертиз вещественных доказательств, полученных контрразведывательными подразделениями наркомата, по признакам диверсионных и террористических назначений. Проводились также разработка, конструирование и изготовление отдельных приспособлений по конкретным заданиям оперативных подразделений.

А 22 июня 1941 г. началась война…

В первый же месяц войны в отделении было налажено производство взрывателей, мин и мин-«сюрпризов» для партизанских отрядов.

На пятый день войны, 27 июня 1941 г., Квашнин в группе оперативных работников других подразделений был откомандирован в начавшую формироваться особую разведывательно-диверсионную войсковую часть НКВД – ОМСБОН, или полностью – Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения. Отбор кандидатов, как уже говорилось выше, осуществлялся на стрельбище «Динамо». Это было единственное в армии воинское формирование такого рода на протяжении всей войны. Оно создавалось из добровольцев спортсменов, политэмигрантов – испанцев, немцев, чехов, венгров, словаков, оперативных работников наркомата и пограничников. В ОМСБОН пришли все лучшие спортсмены страны – чемпионы мира,

Европы, Союза, мастера высокого класса, в основном из обществ «Динамо» и «Спартак».

Константин Константинович получил назначение на должность помощника начальника инженерной службы бригады. Его обязанностями были организация обучения подрывному и стрелковому делу и распределение стрелкового оружия по подразделениям. Инструктаж первых отрядов, отправляемых в тыл врага, также выпал на долю Квашнина.

В первые дни обучение шло в ускоренном темпе, и только после отправки в тыл нескольких групп все вошло в привычный для военного времени ритм.

К концу августа бойцы уже обладали определенными навыками для ведения диверсионно-боевой работы.

Осенью 1941 г. по указанию руководства управления подготовка бойцов была продемонстрирована мастерами высочайшего класса из специальных структур Коминтерна. Из бойцов бригады сформировали сводный отряд в составе 30 человек, в их числе были и политэмигранты. Квашнина назначили командиром отряда. На уединенной подмосковной даче Берия, носившей название «Озеры», бойцы оттачивали полученные навыки. Дача представляла собой огороженный забором большой участок леса, в котором скрывался одноэтажный деревянный особняк и строение для обслуги. Было на участке и небольшое озеро. В программу занятий (напомним, что за ними наблюдали специалисты из Коминтерна) вошли захват объекта и отдельных лиц, а также пресечение деятельности парашютного десанта по захвату охраняемого объекта.

Позже Константин Константинович был переведен в Москву, в специальную группу, подчинявшуюся непосредственно начальнику IV Управления Судоплатову П. А. Это управление руководило всей боевой деятельностью разведывательно-диверсионных групп (РДГ), сформированных на базе ОМСБОНа, а также деятельностью партизанских отрядов на всей территории, оккупированной гитлеровцами.

На спецгруппу возлагались задания по индивидуальной подготовке особо ценных сотрудников для последующей выброски с самолета в тыл противника. Базой группы в Москве служил особняк на Гоголевском бульваре, почти напротив памятника Гоголю. На базе укладывались парашюты, подготавливались техника, оружие и другое специальное снаряжение.

Война все ближе подступала к Москве, и было принято решение подготовить специальные группы и мероприятия на случай занятия столицы противником. Подразделение,

возглавляемое Квашниным, получило задание обеспечить секретное минирование трех объектов: Большого театра, гостиницы «Москва» и здания Госплана (сейчас в нем располагается Государственная дума РФ). Работы проводились в режиме строжайшей секретности – так, что ни персонал, ни даже сотрудники контролирующих органов не знали о них. Операция по минированию наиболее важных объектов в Москве проходила в октябре. Документации по минированию многих объектов не сохранилось, так как в конце октября, примерно в 20-х числах, многие бумаги были сожжены – на Лубянке вокруг здания несколько дней висела пепельная завеса.

В начале XXI в. при разборе гостиницы «Москва» и реконструкции Большого театра Константина Константиновича приглашали для определения ненайденных мест закладки взрывчатых веществ, которые пролежали в конструкциях здания более 65 лет!

Останавливать работу по подготовке нелегальных разведывательных и диверсионных групп нельзя было ни на минуту, и после завершения операции по минированию московских объектов Квашнин и его товарищ по IV Управлению по фамилии Гражюль были откомандированы П. А. Судоплатовым в город Горький (Нижний Новгород) для подготовки резервной базы обучения и тренинга специалистов.

При этом продолжались интенсивные разработки глушителей к стрелковому оружию, создавались специальные виды оружия, камуфлированные под бытовые предметы, испытывались новые виды взрывчатых и горючих веществ. Привлекалось много ученых и специалистов, которые, к великому сожалению, сидели в различных тюрьмах НКВД. Они были определены в спецгруппы по принципу формирования знаменитой «шарашки». Многие из них отдали свою жизнь в боях или при испытании новых и очень опасных технологий тайной войны.

Но жизнь шла своим чередом даже несмотря на военное время. Одна из коллег Константина Константиновича – выпускница Института иностранных языков Сара Хидекель – участвовала в языковой подготовке разведчиков, отправляемых за рубеж. Их встреча состоялась, как и у многих молодых людей, совершенно случайно, но оказалась решающей для обоих. В годовщину создания Красной армии, 23 февраля 1942 г., они поженились.

С. С. Квашнина, в прошлом сотрудник ГБ

Сара Соломоновна, родившаяся в 1915 г. и пришедшая в органы государственной безопасности в 1937-м, работала в органах до 1954 г., но и потом занималась языковой подготовкой специалистов в военной среде, преподавая в Военном институте иностранных языков (ВИЯК), и лишь потом перешла в Институт иностранных языков им. Мориса Тореза. Она защитила кандидатскую диссертацию, стала доцентом, написала 14 книг по теории языка и иностранной лингвистике. Даже в свои 92 года она не прекращала педагогической и творческой деятельности, что неудивительно: люди, прошедшие такую серьезную школу, остаются целеустремленными в любом возрасте…

К 1943 г. в США и Англии были созданы службы по подрывной работе на территории противника. Эти службы в рамках союзнических антигитлеровских отношений вступили в официальный контакт с нашим разведывательным управлением. Договорились, что советская разведка будет оказывать помощь тем, кто боролся в тылу у фашистов, в том числе и предоставляя диверсионную технику, снабжая оружием и направляя специалистов. Квашнина, занимавшегося на протяжении года подготовкой и организацией выброски десанта, откомандировали в Лондон для установления официальных контактов с английской разведкой и организации совместных действий. Он участвовал в переброске наших агентов, которых готовили в Советском Союзе, а англичане на своих бомбардировщиках доставляли их в заданные районы Европы.

Английская военная миссия в Египте

Но все по порядку. Командировка началось в Москве с утверждения кандидатуры руководством службы и последующих «смотрин». После принятия окончательного решения Квашнина направили в офис английской военной миссии для знакомства, представления и собеседования. И вдруг – неожиданность! – его принимает сам бригадир Джорж Хилл. Это известный английский военный разведчик. Будучи слушателем спецшколы, Квашнин читал толстую книгу о его приключениях еще в Первую мировую

войну на русско-германском фронте, об участии в борьбе против советской власти в первые годы после революции, о планировании и организации антисоветского мятежа на севере.

Хилл был другом и соратником другого крупного английского разведчика – Сиднея Джорджа Рейли, или Зигмунда Марковича Розенблюма, родившегося в Одессе в 1874 г. Он стал одним из первых кадровых сотрудников новой английской службы СИС. Авантюрная жизнь этого неординарного человека изобиловала как успешными, так и провальными операциями на фронтах русско-японской и империалистической войн, смелыми комбинациями и громкими любовными скандалами. Неоднократно разоряясь и вновь сколачивая состояние, Рейли никогда не оставлял своей основной деятельности – разведки. Он был одним из руководителей известного заговора Локкарта, или заговора послов, 1918 г., как его иногда называют историки. Но заговор заблаговременно был раскрыт чекистами, и Рейли пришлось уйти на нелегальное положение и скрытно покинуть Советскую Россию. Правда, в 1925 г. его выманили на территорию СССР, и заключенный № 73, как он именовался во внутренних документах, был ликвидирован…

Джордж Хилл начал свою военную карьеру еще в юности. Будучи раненным в начале Первой мировой войны, он был переведен в специальный резерв. Вскоре его, свободно владеющего русским и немецким языками, направили в Британскую службу безопасности МИ-5, где произвели в офицеры. Умело выдавая себя за болгарина, он проник в лагерь для интернированных на Балканах и собрал там необходимые для Англии сведения. Позже Хилл прошел летную подготовку в королевском авиакорпусе и вошел в число ведущих специалистов, осуществляющих заброску агентов в тыл противника. Затем его послали в Россию и прикомандировали к русской армии в качестве офицера связи. В задачу капитана Хилла входил сбор информации по передислокации германских войск. Он получил оперативный псевдоним IQ-8.

Осенью 1917 г. Хилл был переведен в МИ-6 и направлен в Петроград – бывший Санкт-Петербург – для сбора информации о большевиках. Ему удалось войти не только в контакт, но и в доверие, и некоторое время он даже был советником по авиации у Льва Троцкого.

В то же время Хилл заботился о выполнении собственной миссии, решив тайно вывезти из Москвы в Бухарест часть драгоценностей царской семьи и немалый валютный резерв. Ему удалось это сделать, но с большевиками пришлось порвать.

В апреле 1918 г. жесткая воля руководителей МИ-6 свела

Хилла с капитаном Сиднеем Рейли. Однако задуманная миссия английской службы (она остается за скобками) на тот момент не удалась, и в августе 1918 г. оба перешли на нелегальное положение, продумывая варианты спасения. По некоторым сведениям, им удалось добраться морем до Швеции, где они поднялись на борт судна, направлявшегося в Шотландию. Сэр Роберт Брюс Локкарт – британский дипломат и разведчик, лично знавший обоих, – писал: «Хилл был столь же отважен и неудержим, как и Рейли».

Вскоре Хилл вновь вернулся в Россию – в годы Гражданской войны его направили на юг страны, где он безуспешно пытался координировать разведывательные действия различных белогвардейских формирований. А перед крахом белогвардейского движения он своевременно эвакуировался на острова Туманного Альбиона.

Во время Второй мировой войны Хилл обучал курсантов МИ-6 методам подрывной и диверсионной работы. Позднее он был направлен в Москву в качестве официального представителя британского Управления специальных операций (УСО) и офицера по связи с НКВД. Визит разведывательной миссии Великобритании в Москву в августе – сентябре 1941 г. для налаживаний связей и взаимодействия между британскими спецслужбами и НКВД получил название «Миссия СЭМ». Бывший сотрудник МИ-6 Чекмен Пинчер, репортер, специализирующийся на громких журналистских расследованиях, писал по этому поводу в своей книге «Слишком секретно, слишком долго», вышедшей в 1984 г.: «Выбор Хилла в качестве руководителя делегации был очень необычен, так как русским он был известен как разведчик, который в свое время вместе с другим разведчиком – Сиднеем Рейли – принимал участие в подготовке неудавшихся попыток покушения на лидеров большевиков. „Миссии СЭМ“ удалось заключить соглашение о полном сотрудничестве в организации подрывных и диверсионных акций на территории любых стран, кроме СССР и Британского Содружества наций. Итогом стало направление в Лондон официальных представителей НКВД и расширение полномочий военной миссии Великобритании в Москве, с включением разведки; вслед за первым соглашением последовал ряд других, впрочем, англичане получили от них немного пользы».

Правительство Великобритании жаловалось на то, что русские не хотят делиться со своими союзниками данными технической разведки, имея в виду трофейное оружие, захваченное у немцев. В то же время представители УСО в Москве имели прямые контакты с НКВД и могли получать разрешение на

посещение тех мест, куда британских дипломатов советские власти не допускали.

Англичане оказывали советскому командованию определенную помощь, включая передачу данных, например в ходе операции «Ультра», но, конечно же, без указания источников. Английская сторона не знала, что советские службы, благодаря советским разведчикам, работающим в Великобритании, давно уже имели доступ к оперативной информации, которую англичане специально скрывали.

Примерно так выглядела ситуация в период, когда Константин Квашнин был подключен к работе с миссией английской разведки в Москве. Удивление молодого советского разведчика вполне объяснимо.

Послушаем его:

> «…И вдруг я встретился с живым Джорджем Хиллом! Он оказался человеком выше среднего роста, будучи уже в возрасте, слегка пополневшим, но очень подвижным и доброжелательным в общении. Вроде добродушный добрячок. Беседа его со мной показала, что я его устраиваю, и он дал согласие на мою командировку. Одновременно со мной он выехал в Англию и патронировал меня весь маршрут, оказывая содействие через свои немалые возможности».

Перед отправкой Константину Константиновичу сшили новые костюмы по европейской моде, одели с ног до головы, оформили в МИДе заграничный паспорт и в должности атташе советского посольства под фамилией Красовский откомандировали в долгое путешествие.

А теперь представьте: легко ли было переправить человека в период активных военных действий практически по всей Европе, да еще учитывая оккупированные гитлеровцами территории?

Первый участок пути – Москва – Сталинград – Астрахань – Тегеран. Вылет осуществлялся с Центрального аэродрома на Ходынском поле. Предполагались кратковременные остановки в Сталинграде, а потом в Астрахани.

При посадке в самолет в Москве Квашнина перехватил один из сотрудников отдела и вручил пакет с паспортами, которые опоздали отправить с дип-почтой. Константину надлежало догнать почту в Тегеране и передать пакет для дальнейшей перевозки. Пакет был без сопроводительных документов, и его надо было перевезти через границу тайком. Как впоследствии вспоминал сам Константин Константинович, «в моей диверсионно-разведывательной практике это была первая

контрабандная операция!».

К. К. Квашнин в группе советских офицеров у пирамид

Перелет Астрахань – Тегеран прошел без происшествий. Затем недельная пауза в посольстве в Тегеране в ожидании следующего перелета. Здание советского посольства знаменито тем, что там вскоре пройдет Тегеранская конференция.

Новый участок пути – Тегеран – Каир. Остановка в Каире и еще несколько дней до очередного перелета через всю Африку. Возникло первое затруднение – на юге Африки только что закончился период дождей, и наступило время появления москитов, разносчиков тропической малярии. Единственное средство защиты – обязательные предохранительные прививки. Естественно, Квашнин их не имел, а времени на проведение вакцинации на месте уже не оставалось. Хилл включил все связи и изготовил в своем ведомстве фальшивые справки о прививках, что давало право на перелет. Рискнули лететь.

Набережная Александрии

Четырехмоторный «дуглас» на несколько часов приземлился в столице Судана, городе Хартум. Следующая остановка – Канна, на севере Нигерии. Конечный пункт перелета – Лагос, столица Нигерии. Дальнейший воздушный путь вдоль всего Атлантического побережья Африки проходил на громадной летающей лодке «Каталина» с промежуточными остановками в Дакаре (Африка) и Лиссабоне (Португалия).

В Португалии Квашнина арестовали и продержали около суток – он не имел в паспорте португальской визы, – допросили, но все обошлось. Хилл вновь включил свои связи, и ситуация разрешилась. Дальше следовал конечный пункт маршрута – Саутгемптон, Англия. Поезд до Лондона – и все попали на свои места: Хилл – в штаб-квартиру службы, а Квашнин – в советское посольство.

Руководителем Квашнина в Лондоне был известный советский специалист Андрей Иванович Чичаев. Он познакомился с Квашниным еще в Москве по поручению П. А. Судоплатова, когда готовилась программа совместной выброски диверсионных групп на территорию Западной Европы (самолеты английские, диверсанты наши). Супруга Чичаева Ксения Митрофановна выполняла обязанности шифровальщика.

Надо сказать, что выбор кандидатуры Квашнина, по всей видимости, был обусловлен тем, что он обладал наиболее подходящим комплексом специальных навыков и знаний, полученных в школе Серебрянского, да к тому же имел солидное

академическое образование. А еще его выделяла мягкая интеллигентность.

Семья Чичаевых приняла Квашнина как собственного сына. Свободного времени у молодого человека практически не было: он проводил свою основную работу по заключительной подготовке, инструктажу и последующему десантированию советских разведчиков на оккупированные районы Европы. Таких выбросок было восемнадцать. Кроме этого, Квашнин помогал Чичаеву в его работе с агентурой. Конечно же, эта помощь носила вспомогательный характер – Константин вывозил своего старшего товарища на конспиративные встречи, а затем в нужное время и в нужном месте встречал его. Иногда Квашнину поручалось найти в каком-либо районе города определенное лицо для передачи информации. По сути, он учился оперативной работе, находясь рядом с таким опытным разведчиком, как Чичаев. А тот умел организовывать официальные контакты в рамках союзнических договоренностей, обеспечивал контакты с правительствами в изгнании оккупированных гитлеровцами стран, да мало ли что еще – оперативная работа, как известно, никогда и нигде не заканчивается…

В конце февраля 1944 г. К. К. Квашнину поступил приказ отправиться в Югославию, в партизанский край, в советскую военную миссию при штабе И. Б. Тито в качестве советника по диверсионной деятельности и офицера связи. Из цивильного джентльмена надо было срочно преобразовываться в обычного советского офицера.

Но в советской миссии в Лондоне ничего не знали ни об обстановке, ни об условиях предстоящей работы в Югославии. Немного поразмыслив, Константина решили отправить туда, представив в «полном блеске»: офицерскую форму шили на заказ. Решение было явно неудачным, что выяснилось позднее, уже в горах.

Перед дальнейшим изложением сделаем небольшое отступление:

«Смерть фашизму. Свободу народу!» – так приветствовали друг друга партизаны Югославии. В это время гитлеровские войска при поддержке усташей – местных фашистов – оккупировали все крупные города, заняли морское побережье, контролировали дороги и жестко устанавливали «новый порядок».

К. К. Квашнин на совещании в Ставке И. Б. Тито

Но гордый, по-южному темпераментный народ поднялся на борьбу за освобождение своей страны. Горы и леса стали базой для маневренной тактики боевых отрядов, а захват оружия у врага – арсеналом партизанской войны. Во главе национального движения за освобождение встал Иосип Броз Тито.

Особый размах партизанской войны отмечался в конце 1943 г., когда Красная армия начала крушить немецкие войска, изгонять их со своей территории. Наладилась регулярная помощь вооружением и специалистами из Советского Союза. Это было частью общей задачи по ускорению разгрома гитлеровской Германии.

В начале 1944 г. для связи, всесторонней помощи и координации действий к штабу Тито была прикомандирована советская военная миссия. Миссию возглавлял крупный военный специалист, генерал-лейтенант Корнеев. В состав миссии входили советники по разнообразным военным и политическим вопросам. Среди советников были, в частности, заместитель министра финансов Бодров, заместитель председателя правления Госбанка Геращенко (отец будущего председателя Центрального банка России), ряд руководителей партизанского движения и много других специалистов.

Свою военную миссию при штабе Тито создали и англичане под руководством генерала Маклина. В состав миссии в качестве офицера связи входил сын премьер-министра Великобритании – Рандольф Черчилль.

Попасть в партизанский край можно было только по воздуху. Первая группа офицеров советской военной миссии, прибывшая раньше Квашнина, для бесшумного преодоления линии фронта использовала планеры.

Пребывание в миссии было не столь утомительным и рискованным. Проводились текущие мероприятия по консолидации действий югославских партизанских отрядов, а также осуществлялась посильная помощь специальным группам, периодически прибывающим из Центра. В начале мая 1944 г. даже была проведена специальная практическая конференция для молодых руководителей партизанских соединений и вожаков молодежных объединений по совершенствованию диверсионной деятельности в отношении захватчиков и отрядов усташей.

Согласование тактических вопросов перед совещанием в Ставке И. Б. Тито

Трижды за время пребывания в миссии Квашнину довелось общаться с Иосипом Броз Тито. Во время этих встреч помимо обсуждения сугубо военных вопросов Тито говорил молодому советскому офицеру о планах восстановления и объединения послевоенной Югославии, которую он уже тогда видел свободной и цветущей. Огромное впечатление на Квашнина произвела высокая профессиональная подготовка Тито в диверсионно-разведывательных вопросах и вопросах военной тактики – сказывалась длительная практика работы по линии специальных отделов Коминтерна…

Однако германское командование также прекрасно понимало значение Тито, его штаба и военных миссий при штабе югославского лидера. Было принято решение о проведении специальной операции по устранению, а по возможности – захвату югославского руководителя и лидеров военных миссий, включая сына английского премьера. В конце войны это могло решить не только ряд тактических военных задач, но и стать разменной картой в более сложной стратегической комбинации.

Разведывательные донесения о готовящейся операции были получены за короткий срок. С мест основных стоянок надо было уходить немедленно. О точности выброски немецкого десанта можно сказать, что усилившийся ветер отнес парашютистов на полтора километра от основного лагеря, и, если бы не своевременная информация, быстрота действий югославских и иных подразделений и не отлаженная система боевого прикрытия со стороны югославских групп, бой пришлось бы вести практически внутри собственного штаба, будучи отрезанными от резервных сил еще и внешними отрядами карателей.

Как бы то ни было, но весь личный состав был быстро разбит на небольшие отряды, которые должны были горными и лесными тропами выходить из замыкающегося «мешка». Квашнин, будучи специалистом по диверсионным вопросам, вместе со своим югославским товарищем возглавил одну из групп, в которую попал и Рандольф Черчилль.

Отряды разделились, и каждый двинулся своим маршрутом, стараясь оторваться от преследователей и не попасть в заранее приготовленные засады.

Шли только по ночам, а с приходом светового дня скрывались и проводили разведку. Так продолжалось несколько дней, на протяжении которых удалось уйти в безопасный отрыв.

Но, как оказалось, германские специалисты тоже не дремали. Они сделали все, чтобы загнать группу Квашнина в «мышеловку». Уходя от прямых столкновений, группа была вынуждена скрыться в горах. Ситуация казалась патовой: с трех сторон наступали карательные отряды, а с четвертой – высился отвесный склон, подняться на который без специального снаряжения было невозможно. Разведка, проведенная вечером, принесла малоутешительные результаты: единственный способ спастись – спуститься вниз и уйти в долину.

Группа разбилась на связки и после короткого инструктажа начала опасный спуск. Константин страховал Рандольфа Черчилля, который находился под градусом. Перед самым спуском в англичанине вдруг проснулось желание… распевать песни. На замечания он не реагировал. В сложившейся ситуации

это было равносильно смерти, к тому же Рандольф мог сорваться вниз, увлекая за собой Квашнина и одного из партизан, страховавших его спуск. А ведь понятно было, что руководство германских коммандос знало о нахождении в группе сына английского премьера и старалось любыми способами заполучить его. И тогда Квашнин принял единственно правильное решение – саданул Рандольфа под дых и, бесчувственного, стал спускать на веревках.

Несколько напряженных часов в полной темноте – и группа наконец оказалась внизу. Посты карателей удалось ликвидировать без особых потерь. К рассвету группа вышла в безопасный район, где ее уже ждало подкрепление.

На привале после удачно выполненного задания

Представители военных миссий распрощались перед расставанием. Протрезвевший Рандольф не держал на Константина обиду, они в последний раз пожали друг другу руки и расстались навсегда. Так советский разведчик Квашнин спас жизнь Рандольфа Черчилля, сына премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля…

Война продолжалась, и талантливый ученик Якова Серебрянского и Павла Судоплатова продолжил свой путь. После войны – руководство любимой кафедрой, созданной в прямом смысле своими руками, преподавание в ШОН, которая сейчас более известна как Академия внешней разведки, затем научная

работа – все это наполняло активную жизнь «моего любимого подрывника-диверсанта», как часто любил называть Квашнина П. А. Судоплатов. Энергия и ум этого человека воплотились в тысячах студентов, адъюнктах, слушателях, аспирантах и ученых гражданских вузов, которые понесут в будущие поколения частицу той, теперь уже классической школы.

К. К. Квашнин (фотография 2005 г.)

Жизнь под грифом «совершенно секретно»…

Мы живем в непрерывном потоке сиюминутных проблем, новостей, событий, мы мчимся по жизни, порой не замечая того, что нас окружает. А ведь рядом с нами находятся люди, о которых никто не знает, в течение многих десятилетий все, чем они занимались, проходило под грифом «совершенно секретно».

У этой красивой пожилой женщины живое выразительное лицо. Она молода, несмотря на возраст. Однако вы не увидите ее на громких чествованиях ветеранов, нет на ее груди и широких полос государственных наград. Более 75 лет (!!!) она находилась в невидимом строю бойцов, решавших самые сложные задачи, направленные на укрепление нашей Родины.

Тереза Мондини родилась 10 мая 1921 г. в городе Имола, в Италии, в самой обыкновенной рабочей семье, каких много. Ее отец Мондини Торкуато (1899–1970), известный как Марио, и мать Дзакирини Нелла (1900–1994) были активными членами КП Италии. Всю свою жизнь они посвятили борьбе за социальную справедливость и улучшение жизни рабочего класса.

Отец Терезы избирался членом ЦК КП Италии. В 1930 г., в период ужесточения фашистского режима и очередного витка жесточайших репрессий против активистов рабочего движения, он вынужден был срочно покинуть Италию и иммигрировать во Францию. Терезу с матерью товарищи отца вначале спрятали, а затем, в 1932 г., переправили во Францию поездом.

Семья воссоединилась, но с 1932 по 1934 г. они жили на нелегальном положении, постоянно меняя квартиры в разных округах Парижа, стараясь разместиться там, где не требовалось прописки. Жизнь революционеров-иммигрантов была крайне тяжелой, несмотря на помощь со стороны итальянских, французских и советских товарищей.

В 1934 г. ЦК МОПР (Международная организация помощи рабочим – структурное подразделение ИККИ) предложил направить Терезу Мондини в СССР.

В Союз ее и Винку Берти, также дочь итальянских коммунистов, вез один из функционеров Коминтерна Берти Джузеппе. Он представлял девочек как своих дочерей.

Долгая и опасная дорога, сначала через Брюссель, а затем через Берлин, наконец закончилась. В Москве девочки некоторое время жили в гостинице «Люкс» (нынешняя гостиница «Центральная» на Тверской улице). Но вскоре за Терезой приехал

Марабини Ансельмо, итальянский революционер-коминтерновец, тоже родом из Имолы, и забрал ее к себе.

Семья Марабини жила на Всесвятской улице, а потом переехала на 1-ю Мещанскую, где помимо уроков можно было еще и насладиться прекрасной музыкой – ведь этажом выше жил сам Эмиль Гиллельс.

С 1934 по 1940 г. Тереза Мондини воспитывалась в знаменитом 1-м Интернациональном детском доме в городе Иваново, окончила 10 классов, в 1937 г. была принята в члены ВЛКСМ, а в 1940-м вместе с советским паспортом получила и долгожданное советское гражданство. Вскоре она стала студенткой Ивановского энергетического института им. В. И. Ленина. Казалось, жизнь налаживается, но в мире дули совсем иные политические ветры, грозящие перейти в ураган.

С началом войны Тереза вместе со своими товарищами-интернационалистами была эвакуирована в Уфу. Там она попала в распоряжение Исполкома Коминтерна, направившего ее на обучение в коминтерновскую школу, располагавшуюся в здании одного из техникумов. В 1942 г. Мондини была принята кандидатом в члены ВКП (б). С 1942 по 1943 г. она проходила обучение в школе радисток. Рядом, в поселке Кушнаренково, в аналогичной школе проходили обучение Маркус (Михаил Фридрихович) Вольф, Верче Лино Альдо, первая супруга Маркуса Вольфа Эмми Штенцер, ее сестры – Эльза и Лиля – и множество других знакомых Мондини по ивановскому интернату. Многие из этих людей через несколько десятилетий станут живыми легендами спецслужб второй половины XX в.

Тереза Мондини, 10 мая 1941 г., г. Москва

Тереза Мондини, 10 мая 1945 г., Италия

После окончания основного курса Тереза Мондини была переправлена под Москву, где проходила новый шестимесячный курс обучения в поселке Мамонтовка. После этого еще примерно месяц она жила на конспиративной квартире ИККИ в Москве, в районе Пушкинской площади, где вместе с товарищами шлифовала детали предстоящей работы за линией фронта.

8 января 1944 г. последние уточнения прорабатывались в кабинете Георгия Димитрова, а 11 января, сразу после встречи Димитрова и Молотова, в приемную были приглашены все члены итальянской группы, готовящейся к десантированию: Бианко,

Мондини и Марабини.

У Джузеппе Марабини тоже интересная судьба. Родился он в Женеве 9 февраля 1916 г. В 1928 г. приехал вместе с родителями в СССР. С 1929 г. учился в школе ФЗУ завода «Динамо». В 1931 г. вступил в комсомол.

В 1932–1934 гг. – студент Московского авиационного техникума, в 1934 г. поступил в Машиностроительный институт на вечернее отделение и одновременно работал на заводе «Калибр» в качестве чертежника-конструктора.

С 1939 г. – инженер-технолог по кузнечно-поковочной специальности. В октябре 1941 г. вместе с заводом был эвакуирован в Челябинск. Работал инженером-технологом, а затем начальником кузнечно-штамповочного цеха. В 1943 г. направлен в Уфу в распоряжение Исполкома Коминтерна.

…Встреча происходила в здании ЦК. В личном архиве Димитрова сохранилось несколько записей о ней. Как выяснилось, Терезе надлежало выполнять роль радистки и осуществлять связь с Центром. Причем под Центром необходимо было понимать не только сугубо военные структуры, которым подчинялись интернационалисты боевых групп по линии «корреспондентов 100-го института», но и специальные структуры ЦК партии. Необходимо напомнить, что формально Коминтерн был распущен в 1943 г., но множество его закрытых подразделений с «особыми задачами» были переданы в подразделения ГРУ ГШ, НКВД, МГБ и, конечно же, в систему закрытых партийных структур.

Советские паспорта, партийные документы – вообще все, что было связано с личной и общественной жизнью людей, которым через несколько дней предстояло отправиться за линию фронта, – сдавалось. С этого момента эти люди как бы и не существовали, причем не только для противника, но и для большинства своих же товарищей по оружию.

На встрече с Димитровым подчеркивалась важность возложенной на группу задачи корректировки партизанской и разведывательно-диверсионной работы в среде итальянских патриотов, сражающихся с гитлеровскими захватчиками и итальянскими фашистами. Прозвучало и то, что возвращение, несмотря на приближающийся конец войны, будет нескорым, но, самое главное, никто в Италии, даже самые близкие люди, не должны знать, откуда прибыли Тереза и ее друзья. Каждый прекрасно знал несколько легенд, заранее подготовленных и отработанных на случай возможных детальных проверок со стороны самых разных сил.

Прощаясь, Г. Димитров и П. Тольятти (он тоже присутствовал

на встрече) крепко пожали Терезе и ее товарищам руки, пожелав удачи, а лидер итальянских коммунистов выразил надежду на скорую встречу…

Группа была поднята по тревоге и 22 марта 1944 г. с аэродрома Калиновка под Винницей заброшена в Югославию в район города Петровац (Босния).

Информацию о полете подтверждают исследования подполковника в отставке, историка дальней авиации Анатолия Михайловича Сергиенко, а также воспоминание переводчика советской военной миссии в Югославии, доктора исторических наук Владимира Владимировича Зеленина, который видел Терезу в одной из групп при штабе Тито.

Экипаж самолета, доставившего группу, в которую входила Тереза Мондини, также известен: командир – Герой Советского Союза Кудряшов Константин Михайлович, штурман – Герой Советского Союза Румянцев Федор Селиверстович, второй пилот – Кусан Саденов, стрелок-радист – Д. Медведев, стрелок – И. Дерюжков.

В материалах А. М. Сергиенко этот полет описан очень подробно:

«В ночь на 22 марта состоялся очередной вылет. Он был самым удачным из всех, которые совершила Южная группа до этого. С наступлением темноты все пять бомбардировщиков взяли курс на уже знакомую точку Прекая… По всему маршруту была безоблачная погода, небо усыпано бриллиантами звезд, на земле мелькали бледно-голубые ленточки рек, серебристые пятна гор. При прохождении линии фронта отчетливо просматривалась ночная перестрелка войск.

К исходу пятого часа полета экипаж достиг района цели. Начали плавное снижение.

– Командир, вижу сигнал, вон, слева! – радостно сообщил Румянцев.

Три костра, создавая треугольник, четко обозначили место сброса…

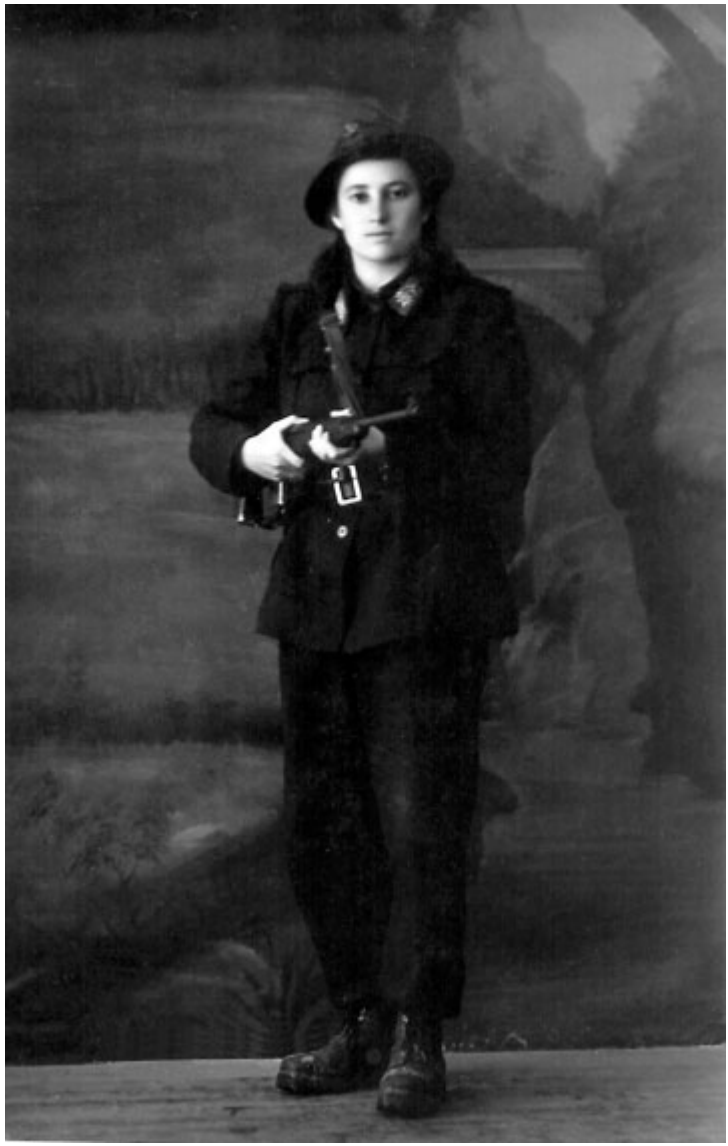
Все экипажи Южной группы в эту ночь задание выполнили. Они доставили 28 мешков весом 3640 килограммов. Вскоре пришло сообщение из Югославии: весь груз найден и пошел в дело.

Особое задание в этом вылете выполнил экипаж Константина Кудряшова. Необходимо было сбросить четырех „пассажиров“ – троих мужчин и одну женщину.

Их привез Э. Кац. Он был одет в черный костюм и летную куртку. На голове – черного цвета фетровая шляпа. Обращаясь к командиру корабля, сказал:

– Надо сбросить поточнее. Люди очень ответственные.

Разместили их так: одного у стрелков (грек, десантируемый вместе с итальянской группой. – *Примеч. авт.*), а троих в навигаторской кабине (группа итальянцев. – *Примеч. авт.*). Взлетели, легли на курс. Маршрут уже привычный – на Югославию. Басовито гудят моторы. Каждый занимается своим делом. Штурман склонился над картой, еще и еще раз продумывая детали полета. Командир корабля, сбросив напряжение взлета, строго следит за курсом и высотой. Второй летчик контролирует режим работы моторов. Он в экипаже – „кочегар“. Стрелок и радист наблюдают за воздухом. Привычная работа. Из нее складывается полет бомбардировщика. Без дела только „пассажиры“. Вначале они проявляли интерес к взлету и действиям летчиков. Затем с любопытством смотрели на светящиеся приборы. Все было незнакомо и ново. Но потом интерес к самолету и членам экипажа ослабел, и „пассажиры“, поеживаясь от холода, погрузились в свои думы. А они у всех были об одном: неумолимо приближалось время прыжка – первого в жизни. О предстоящем выбросе людей думал и правый летчик. Хотя и небольшая была у Саденова практика, но он убедился, что парашютисты попадаются разные. Иным в решительный момент надо помочь. Промедление одного рассыплет всю группу или, что еще хуже, заставит делать лишний заход. Нет, с ними надо решительней! А тут еще девчонка…



Тереза Мондини, боец-радист «Отряда гарибальдийцев», 1945 г.

Кусан Саденов заприметил ее давно. Их группа прибыла дней десять назад. Летчик сообразил: раз они все время возле Каца, то, значит, это иностранцы. Вскоре удалось узнать и имя девушки – Тереза. Небольшого роста, стройная и красивая, она привлекала внимание многих. Только вот какая-то застенчивая, даже робкая. И сейчас, сидя за штурвалом, летчик изредка поглядывал на девушку, стараясь определить ее состояние. В полутемной навигаторской кабине было спокойно.

Чем дальше уходили по маршруту, тем сложнее становилась метеообстановка. Пилотировать самолет становилось все труднее

и труднее. О сложности на этом этапе маршрута можно судить по следующему фрагменту из наградного листа командира корабля Константина Михайловича Кудряшова на звание Героя Советского Союза: „Над Карпатами льдом от винтов разбило стекла пилотской и штурманской кабин, разбило колпак стрелка, повредило приборы, сорвало все антенны, отказал радиокомпас“ (ЦАМО РФ, ф. 33, по. 793756, д. 25, л. 108).

Седые вершины Карпат остались уже позади. Значит, прошли первую половину пути. Впереди – все члены экипажа знали об этом хорошо – опасное место: новый немецкий аэродром в Баня-Луке. Есть у них там и локаторы. Минут через тридцать командир затребовал координаты.

– На подходе к Дунаю, – ответил штурман, – идем точно по курсу!

Кудряшов приказал стрелкам усилить наблюдение за воздухом. А еще через некоторое время команда Румянцева:

– Можно снижаться!

– Понял. Кусан, готовь гостей!

Саденов оставил штурвал, встал с сиденья, размял затекшие ноги. Поднялись и „пассажиры“.

– Ну вот, товарищи, подлетаем. – Летчик поправил парашюты, подтянул лямки. – Кто первый?

Пожилой поднял руку. (Это был командир группы Бианко. – *Примеч. авт.*) Саденов пристегнул карабин его парашюта к тросу. Сказав юноше, что он будет прыгать вторым, пристегнул и его карабин.

– Ну а вы – третья!

Дивчина молча кивнула. Снижение прекратилось, значит, самолет на высоте сброса. Еще несколько томительных минут.

– Приготовиться!

Саденов нагнулся и привычным движением оттянул защелку замка, крышка люка откинулась, в кабину ворвалась струя свежего, морозного воздуха, обозначился квадрат покрытой снегом земли и яркие дрожащие точечки костров. Первого „пассажира“, более грузного, Саденов посадил на пол кабины, заставил свесить ноги и по команде летчика подтолкнул в спину. Вслед за ним в считаные секунды исчез в люке парень. Проводив его взглядом и убедившись, что все нормально, Кусан выпрямился и поднял глаза на девушку. На ее лице было какое-то смятение. Нет, оно не было похоже на страх. Это было состояние человека, когда он, под влиянием нахлынувших чувств, хочет сказать что-то важное, но никак не может решиться. Девушка сделала шаг к летчику, обняла за шею и, стараясь перекричать шум моторов и ветра, выдохнула прямо в лицо:

– Если будет дочь, назови Терезой. Терезой!.. Обещай мне!

– Хорошо, сделаю! – ответил летчик уже вдогонку. „Пассажирка“ легко скользнула в люк и мгновенно исчезла под самолетом. Фал натянулся, затем ослаб: парашют раскрылся. Саденов втянул фалы, закрыл люк и доложил командиру о завершении выброса.

– Иди посмотри, как ее относит в сторону. Легкая. А вот четвертый от стрелков хорошо прыгнул».

Тереза Мондини действительно была очень легкой, и Саденов видел, как ветер стал быстро уносить ее в сторону от товарищей. Зная, чем это может обернуться на земле, пилоты, рискуя собой, сделали еще один круг над девушкой, указывая ей направление поиска своих товарищей.

…Забегая вперед, хотим отметить, что встреча Терезы с экипажем состоялась только через 40 с лишним лет, 8 мая 1988 г., в Центральном доме Советской армии, и на этой встрече выяснилось: своей младшей дочери Кусан Саденов дал имя молодой итальянской девушки, с которой свела его война далекой весной 1944 года…

Все парашютисты удачно приземлились. Благодаря помощи экипажа Тереза Мондини примерно через пять часов смогла выйти на своих товарищей и не попасть в руки карателей, которые во множестве прочесывали территорию в поисках забрасываемых в штаб Тито военных специалистов. Встречающие препроводили группу в район Дувра и разместили неподалеку от штаба Тито. Грека вскоре забрали для переброски на родину, а итальянцы на некоторое время задержались при Ставке. С самим Тито и офицерами советской миссии контактировал командир группы Бианко Винченцо.

Бианко Винчецо родился в 1898 г. в городе Турин, Италия, в рабочей семье. Член социалистической партии Италии с 1918 г. Член КП Италии с 1921 г. Член ВКП (б) с 1923 по 1928 г. (выбыл в связи с выездом на заграничную партработу). С 1928 г. вновь член КП Италии.

С 1925 по 1928 г. учился в Ленинградской военно-политической академии, по окончании был назначен командиром Красной армии. В конце 1928 г. отозван ЦК КП Италии для нелегальной работы за границей. В 1935–1936 гг. продолжал обучение в аспирантуре Международной ленинской школы в Москве. В 1936–1937 гг. был командиром 13-й Интербригады в Испании, награжден орденом Красного Знамени. С 1937 по 1940 г. работал политреферентом Главлита. С 1940 г. – представитель КП Италии при ИККИ.

Тереза и ее спутник находились почти что на нелегальном

положении. И этому были свои причины. При приземлении у Терезы не раскрылся багажный парашют, на котором спускалась рация и все ее вещи. Часть вещей удалось восстановить после сильного удара о землю, но Мондини осталась без рации и, что не менее трагично, без обуви.

Сапоги ей шил сапожник, которому поручили шить сапоги и для Рандольфа Черчилля. Посмотрев на ботиночки советской девушки (в отряде югославов все должны были считать ее русской, а не итальянкой), пожилой человек, покачав головой, сказал, что сын английского премьера может и подождать. Через несколько дней прекрасная обувь для молоденькой партизанки была готова.

– Спасибо, товарищ. – Тереза радостно расцеловала небритые щеки. Сапожник был на седьмом небе от счастья.

По прихоти судьбы именно в это время там находился и другой герой нашего повествования, молодой офицер советской разведки, прикомандированный к штабу Тито, Константин Квашнин. Но им не суждено было встретиться ни тогда, ни много позднее – жесткие законы оперативной деятельности сопровождают людей определенных профессий на протяжении всей жизни.

Чинно Москателли и радистка Тереза Мондини, 1945 г.

За сутки до германского наступления и высадки десанта группа Мондини ушла в сторону Северной Италии. Передвигались бойцы только ночами, а днем отсиживались и изучали обстановку. Рисковать важнейшим заданием группа просто не имела права. Так они добрались до города Триест. Из Триеста группа переехала в Падую, где их принял Л. Альдо. Неделю группа жила в городе, восстанавливая силы, а затем была переправлена в Милан, где располагался штаб Дж. Лонго. Было принято решение отправить Терезу в местность Оззола, где была основная штаб-квартира наиболее активной группы

гарибальдийцев под командованием Чинно Москателли. Там же располагалась единственная радиоточка для связи итальянских партизан с Москвой. Шифртаблица, с которой работала Тереза, размещалась в маленькой книге Шекспира. Отряд непрерывно вел боевые действия, а Мондини осуществляла радиообмен шифровками, получая распоряжения и директивы и отправляя оперативную информацию.

Вскоре Терезу попросили написать воззвание для советских военнопленных, содержащихся в близлежащих лагерях, с призывом о восстании, побеге и присоединении к отрядам гарибальдийцев. Листовка была подготовлена и силами гарибальдийской агентуры переправлена в лагеря. Вскоре в лагерях прокатилась волна восстаний и вооруженных побегов, в основном из числа советских военнослужащих. Более трехсот советских граждан, бежавших из лагерей, присоединились к отрядам гарибальдийцев и с оружием в руках продолжили борьбу с фашизмом на земле Италии, пополнив ряды партизанских отрядов…

Партизаны-гарибальдийцы, вошедшие в итальянские города раньше англо-американских войск, 1945 г.

Тереза Мондини с Чинно Москателли и командирами других партизанских отрядов на улицах одного из освобожденных итальянских городов, 1945 г.

Встреча П. Тольятти в Италии после победы, 1945 г.

Война шла к завершению, но тем ожесточеннее становилось сопротивление как германских частей, так и итальянских фашистов, прекрасно понимающих, что ждет их за совершенные массовые преступления. Горячий итальянский народ не привык прощать зло, причиненное фашистами во время режима Муссолини, и тем важнее была работа итальянских гарибальдийцев, направляемая и координируемая Москвой с помощью радиограмм, передаваемых Терезой. Неоднократно вместе с товарищами она сама участвовала в операциях, рискуя жизнью.

Наступил май 1945 г., война завершилась. Тереза вместе с руководством объединенных партизанских соединений встречала Пальмиро Тольятти на итальянской земле. Они вспоминали свое расставание в Москве и радовались, что дожили до победы.

Началось налаживание мирной жизни. Тереза вышла замуж за брата легендарного командира объединенных партизанских отрядов Чинно Москателли – Ренато Москателли, который всю войну был правой рукой и ближайшим помощником своего брата. В 1946 г. у Терезы и Ренато родился сын Нелло. Но для Терезы работа не закончилась, а перешла в новое качество. Теперь на первый план вышла легенда, которая отрабатывалась задолго до планируемых событий в коминтерновской школе. Тереза Мондини вновь стала… Терезой Мондини, когда-то вывезенной родителями во Францию. Якобы она оставалась там до окончания войны, а затем вернулась на родину.

Тереза Мондини на политическом митинге в Италии, 1945 г.

В 1948 г. Тереза переезжает в Рим, где продолжает активную работу в ЦК КП Италии. Организуя многочисленные общественные и политические мероприятия, она часто выполняет и секретные поручения, осуществляя нелегальные встречи с «гостями из Москвы» и другими товарищами. Среди тех, с кем Мондини нелегально встречалась, были и представители советского посольства. Однако на официальных мероприятиях в посольстве Тереза никогда не замечала среди дипломатических работников тех людей, с кем ей приходилось осуществлять нелегальные контакты…

Тереза Мондини продолжала работать до рождественских празднований 1960 г., пока из ЦК КПСС не поступило распоряжение о возвращении в СССР. Она вернулась на свою вторую родину через Прагу в конце марта 1961 г. и была принята высшим руководством ЦК КПСС. Мондини восстановили советское гражданство, и уже менее чем через месяц, в первых числах апреля 1961 г., она поступила на службу в Госкомитет по телевидению и радиовещанию в редакцию Иновещания.

Тереза Мондини с товарищами по оружию, 1945 г.

Вся жизнь этой хрупкой и скромной итальянской женщины была посвящена служению тем идеалам, которые воспитали в ней родители и наставники, а работа ее все время проходила под строгим грифом «совершенно секретно». Даже в наши дни большая часть ее деятельности остается под секретом. Строгие архивы теперь уже российских политических и военных спецслужб хранят полное молчание. Но тотальная конспирация имеет обратную сторону – приходится практически всю жизнь оставаться секретным сотрудником даже у себя дома. Поэтому Мондини и ряд ее товарищей в свои более чем преклонные годы

даже не имеют статуса ветеранов Великой Отечественной войны, хотя их война продолжалась не четыре года, а неизмеримо дольше. Надеемся, что справедливость восторжествует, и Тереза Мондини займет достойное место в ряду уважаемых Россией людей.

P. S

P. S. Эта аббревиатура обозначает: все, что хотелось сказать, уже сказано, а хорошо бы что-то добавить, пусть это и не имеет никакого отношения к теме. Так сказать – последнее слово…

Мне часто задают ставший уже банальным вопрос: вот если бы была возможность повторить все с самого начала, что бы вы выбрали – тревожную, тяжелую, бедную жизнь прошлого или обещанную «светлую, богатую, даже роскошную» жизнь «ближайшего будущего»? Я бы выбрал ту, которую прожил.

Я был удовлетворен работой, потому что она была нужна нашей стране, нашему народу, грядущим поколениям. Неважно, как это пытаются оценить теперь, – важно, что я сам так ощущал, верил в это и верю по сей день. Все, что имелось, создавалось и планировалось создать, было наше, а значит, и мое, и этого ощущения было вполне достаточно… Я гордился тем новым, громадным и красивым, что создавалось в стране. Разве этого недостаточно для ощущения полноты жизни? Нелегкий быт и многое другое становилось второстепенным, мелким, проходящим. Я не могу и не вправе говорить за всех, но полагаю, что мое восприятие жизни, а по существу, мировоззрение не отличается от мировоззрения большинства моих современников, от мировоззрения нашего поколения. И как бы ни старались новые строители «светлого будущего» переоценить наше прошлое время, нашу историю – ничего уже изменить они не могут.

Я не имею права говорить от чужого имени, но от себя лично могу сказать: наше поколение, поколение советских людей останется в мировой тысячелетней истории единственным, которое в огромной стране впервые попыталось осуществить мечту лучших умов человечества – по строить коммунистическое общество.

Теперь все…

Константин Константинович Квашнин

(1913–2006)

P. P. S

Еще не окончен наш бой…

…Злость никак не приходила. Я внутренне старался вызвать ее, но все усилия не имели никакого успеха. Голова после второй порции пятидесятилетнего рома «Монте Белла» ну никак не хотела генерировать злобные импульсы, а сердце, несмотря на старания, билось ровно и спокойно.

«Я должен, я обязан», – старался загипнотизировать я сам себя. Но все было напрасно. Гамбург не желал меня злить. Может быть, все дело в том, что я живу в этом респектабельном «Фиряресцайтен» – «Четырех временах года», где даже на омудаченных рецепционистов трудно злиться. Ну да, тупы, ну да, никчемны, но так умеют организовать сервис, что даже приступ генерированной ярости тянет на джентльменское скривление губ или, если уж снизойти, на некий уничижительный жест, от которого самому становится смешно.

Вот, дожил, даже в портовом городе никого не «секуляризовать»! То готов был давить всех как мух, невзирая на звания и возраст, а тут вдруг обаристократился. Твою маман… Ну а что? Не хрена было копаться в родословных и отыскивать свои графские корни до девятого века. Просто брал бы пример с предков, которые в период великого короля Карла, бывшего одновременно властителем Чехии и Германии, в честь которого назван знаменитый Карлов мост в Праге. Этот король был еще и императором германским под именем Карл IV. Так вот, твои предки, возведенные при нем из баронского в графское достоинство, умудрились еще получить привилегию «даровать именитым горожанам и иным достойным жителям фамилей с правом обретения фамильных и цеховых гербов». Вот пролезли так пролезли! Это ж надо себе представить, сколько золотой и серебряной монеты было вброшено в казну?! А сколько мои досточтимые графские предки оставили для своих нужд или получили от короля?! Исторические анналы об этом умалчивают…

Вот, учись, дубина стоеросовая! Одни получали графское достоинство доблестью и силой меча, а другие пополняли сундуки умом, хитростью и смекалкой. А ты все так же спишь с пистолетом, а то и с двумя под подушкой. Тоже мне, рыцарь хренов, до сих пор не можешь отойти от фамильного ремесла? Ну так хотя бы разозлись! И того не можешь! Что же с тобой сделал

этот ганзейский город! Размазать кого-нибудь на Риппербане – так это тебе что муху раздавить, а вызвать бурю гнева – слабо!

Мягкая, даже ватная пелена окутывает мозг. Не хочу, и все! Разрядить «Хехлер и Кох» в физиономию – пожалуйста. А злиться – не получается. То можно сорваться из-за пустяка, а тут – ну просто само обаяние, врожденная вежливость с рабоче-крестьянским акцентом. Да, брат, это тебе не в Кремлевском Дворце съездов бутерброды с черной икрой в спецбуфете лопать.

Янтарный ром, начавший созревать еще до Отечественной войны, приятно обжигает кончик языка и, ароматным букетом окутав небо, мягко растворяется где-то в глубинах. Почти как директива Иосифа Сталина о провокациях. Все знают, что война вот-вот начнется, но на провокации противной стороны поддаваться себе дороже – ведь так решено там, наверху…

Большой пузатый бокал граммов эдак на двести стоит передо мной на маленьком столике из красного дерева. А на дне этого куска хрусталя – произведение искусства ямайских виноделов, которые приготовили ром и дали ему выдержаться почти полвека. Вот как! Я с особым чувством раскручиваю бокал, и золотистая жидкость оставляет на его стенках особый маслянистый рисунок, неповторимый дурманящий аромат щекочет нос. Маленький глоток – кончик языка прижимается к верхнему нёбу, и я ощущаю всю полноту, всю гамму букета, спрятанного в живительном напитке, впитавшем в себя жаркое солнце, тростниковую сладость и искусство мастера.

Бумага ложится на красную, инкрустированную узорами поверхность стола. Текст я давно знаю наизусть, он для меня ничего не значит. Просто теперь я могу действовать! Сковывающая ватность исчезла, мышцы опять в тонусе, движения становятся уверенными и агрессивными. Углы привычных обводок и тяжесть стальных стволов больше не раздражают, скорее волнуют привычными ощущениями. Рука натренированно ложится на ортопедическую рукоятку.

Вот и все! Впереди привычно непредсказуемая работа, и гарантированный результат ее я знаю наперед… Вопрос только в цене…

notes

Примечания

1

Тильзит – ныне г. Советск Калининградской области.

2

Термином «партизан» (от французского *partie* – партия) в период Тридцатилетней войны (1618–1648) стали называть воинов из состава наемных отрядов, находящихся на службе у местных правителей.

3

Керсновский А. А. История русской армии. М., 1999. С. 168.

4

Кутузов М. И. Сборник документов. Т. IV. Ч. 1: Июль– октябрь 1812 г. М., 1954. С. 327.

Там же. С. 301.

6

Коленкур Арман де. Мемуары: Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991. С. 170.

Там же. С. 160–161.

Давыдов Д. В. Дневник партизанских действий 1812 г. // Денис Давыдов. Надежда Дурова. Л., 1985. С. 114–115.

9

Давыдов Д. В. Опыт теории партизанского действия. М., 1821. С. 31, 34.

Серба А. Пластуны // Русский стиль. 1993. № 1. С. 46.

Свечин А. А. Эволюция военного искусства. М., 2002. С. 520.

12

Гершельман Ф. К. Партизанская война. (Исследование.) СПб., 1885. С. 189.

13

Там же. С. 191–195, 199.

14

Сухотин Н. Н. Рейды, набеги, наезды, поиски конницы в Американской войне 1861–1865 гг. СПб., 1887. С. IX–X, XIII–XIV.

15

Там же. С. XIV.

Чистяков С. Д. Обучение эскадронных и сотенных разведчиков. Часть теоретическая: Сборник сведений, обязательных для разведчиков. СПб., 1914. С. III–IV.

Керсновский А. А. Указ. соч. С. 417.

Потапов А. А. Забытое оружие спецназа // Спецназ. 1998. № 2. С. 19–20.

19

Слово «саботаж» (от французского *sabot* – деревянные башмаки) стало нарицательным в XIX в., когда лионские рабочие с помощью сабо портили ткацкие станки.

Можейко И. В. Пираты, корсары, рейдеры: Очерки по истории пиратства в Индийском океане и южных морях (XV–XX века). СПб., 1994. С. 328.

Ронге М. Разведка и контрразведка. М., 1939. С. 66–67.

22

Цит. по кн.: *Болотин Д. Н.* История советского стрелкового оружия и патронов. СПб., 1995. С. 64.

23

Леттов-Форбек [П.] Мои воспоминания о Восточной Африке. М., 1927. С. 61, 63.

24

Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. М., 1997. С. 144, 146, 149.

25

Там же. С. 395.

Архив «Земли и воли» и «Народной воли». С. 91–92.

27

Особое приложение к «Киевским губернским ведомостям». Б. м., б. г. С. 7.

28

Лубянка, 2: Из истории отечественной контрразведки. М., 1999. С. 133.

29

Там же. С. 134.

30

Там же.

31

Колокольцев Н. Как мы дрались // Красная Пресня в 1905—17 году: Сборник воспоминаний дружинников Красной Пресни 1905 г. и красногвардейцев 1917 г. М., 1930. С. 76–77.

Виноградов М. Миусовка // Там же. С. 104–106.

33

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 339–341.

1905. Боевая группа при ЦК РСДРП (б). (1905–1907 гг.): Статьи и воспоминания. М.; Л., 1927. С. 101–102.

35

Первая боевая организация большевиков. 1905–1907 гг.: Статьи, воспоминания и документы. М., 1934. С. 145–147.

Герасимов А. В. На лезвии с террористами. М., 1991. С. 43–45.

Там же. С. 51.

Черномордик С. (П. Ларионов.) Московское вооруженное восстание в декабре 1905 года. М.; Л., 1926. С. 221–222.

39

Цит. по кн.: *Спиридович А. И.* Партия социалистов-революционеров и ее предшественники: 1886–1916. 2-е изд. Пг., 1918. С. 216–217.

40

Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.): Сборник документов. М., 2001. С. 295.

41

О взглядах Ленина на вооруженное восстание в период первой русской революции см.: *Мильштейн А. А.* Проблема вооруженного восстания у Ленина в 1905 году // Каторга и ссылка. № 11(72). С. 7—21; *Ярославский Е. М.* Опыт политической массовой стачки и вооруженного восстания первой русской революции в свете учения Маркса – Ленина. Там же. № 12(73). С. 7—68; *Чужак Н.* Ленин и «техника» восстания. Там же. С. 69—115. Журнал «Каторга и ссылка» выходил в период с 1921 по 1935 г.; всего вышло 116 номеров, многие из них сразу же попали в Спецхран, т. к. содержали невыгодные для власти оценки.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 7.

43

Политическая полиция и политический терроризм в России. С. 270.

Там же.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 469.

Там же.

47

Там же. Т. 46. С. 230.

Там же. Т. 7. С. 17.

49

Мосолов А. А. При дворе последнего императора: Записки начальника канцелярии Министерства императорского двора. М., 1993. С. 114–115.

Там же. С. 34.

51

Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту (Заговоры перед революцией 1917 года). Париж, 1931. С. 102.

Там же. С. 6.

53

Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. Т. 2. М., 1924. С. 89.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 239–241.

Там же. С. 382–383.

Троцкий Л. Д. История русской революции // Т. 2: Октябрьская революция. Ч. 2. М., 1997. С. 87–88.

57

О военной деятельности В. И. Ленина. (Из воспоминаний Н. И. Подвойского) // Коммунист. 1957. № 1. С. 34.

Троцкий Л. Д. Указ. соч. С. 102–103.

Там же. С. 103–104.

Там же. С. 109–110.

61

Предпарламент – совещательный орган при Временном правительстве, созданный 20 сентября (3 октября) 1917 г.

62

С января 1920 г. по сентябрь 1939 г. Данциг (ныне польский Гданьск) в соответствии с Версальским мирным договором 1919 г. имел статус особой экономической зоны («вольный город» под управлением Лиги Наций).

63

H. Rauschning. Gesprache mit Hitler. Stuttgart, 1939 // Цит. по: *Неподаев. Ю.* Спецназ адмирала Канариса. М., 2004. С. 11–13.

В. Штибер оставил свой след и в истории Российской империи. Приглашенный в Петербург в правление Александра II, он способствовал реорганизации российских спецслужб, в основном службы криминального сыска, одновременно не забывая об интересах Пруссии (эта сторона его деятельности не осталась незамеченной соответствующей службой российской контрразведки). Несмотря на идеологические разногласия, профессиональные качества Штибера признавались даже в СССР, где в 1925 г. вышла его книга «Практическое пособие для сотрудников уголовного розыска».

Димма Г. Г. Приемы борьбы вооруженных сил Германской республики с революционным пролетариатом в 1918–1923 гг. // Военная мысль и революция. 1923. № 5. С. 5—10.

Там же. С. 12–14.

Абвер (*Abwehr*) – защита, оборона, сопротивление.

Николаи В. Тайные силы. Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время. М., 1925. С. 140.

Ныне польский Вроцлав.

Райле О. Тайная война. Секретные операции абвера на Западе и на Востоке. М., 2002. С. 26–27.

71

С 1927 г. В. Штеннес командовал крупнейшим территориальным формированием СА – «Ost», не будучи при этом членом НСДАП. В 1933 г. реорганизовал личную охрану Чан Кайши и возглавил разведку генералиссимуса в Европе. В 1939 г. он вступил в контакт с советской разведкой и предупредил о подготовке Германии к войне против СССР.

Военные архивы России. Вып. 1. М., 1993. С. 340–341.

Под термином «геополитический терроризм» мы понимаем разновидность идеологического терроризма, непосредственно связанного с концепцией расширения «жизненного пространства». Поддерживаемая основателем Института геополитики К. Хаусхофером концепция государства как биологического организма, стремящегося к расширению, стала основой экспансивной внешней политики гитлеровской Германии.

О сотрудничестве абвера и СД с украинскими националистами подробно будет рассказано в следующих главах.

де Йонг Л. Пятая колонна в Западной Европе. М., 2004. С. 20.

Соответствует званию капитан 1-го ранга.

Соответствует званию капитан.

Немецкий историк Ю. Мадер, базируясь на данных журнала боевых действий абвера, называет цифру 800 человек.

О Гражданской войне в Испании будет рассказано в одной из следующих глав.

Почти полная аналогия с находящимся в ведении Коминтерна Коммунистическим университетом национальных меньшинств Запада.

81

Всего более трехсот актов «С» и «Д»; особо известно «дело инженера Свободы» летом 1938 г.

Мемель – ныне Клайпеда.

83

Глейвиц – город в южной части прусской Силезии, на реке Клоднице. Ныне польский Гливице.

Так же как и гауптман, соответствует званию капитан.

85

Время начала всех операций в вермахте всегда указывалось по берлинскому (среднеевропейскому) времени. Разница с Москвой минус 2 часа.

Энциклопедия Третьего рейха / Сост. С. Воропаев. М., 1996. С. 186.

В оккупации Польши принимала участие и Словакия, ставшая вскоре после 15 марта 1939 г. суверенным государством. Две боевые группы словацкой армии совершили прорыв через Дукельский перевал и Нови-Сад, продвинулись к Дебице и овладели Тарнувской областью на юго-западе Польши. Первая группа состояла из шести пехотных батальонов, двух артиллерийских батарей и инженерной роты, под командованием А. Пуланича. Вторая группа состояла из двух кавалерийских батальонов (имеющих также мотоциклы) и девяти мобильных артиллерийских батарей, командир Г. Малар. Действия наземных сил поддерживала словацкая авиация.

88

В отечественной литературе обычно переводится как Главное управление имперской безопасности.

89

Цит. по: *Неподаев. Ю. А.* Спецназ адмирала Канариса. М., 2004. С. 65.

90

Идея созыва Учредительного собрания, витавшая в массах, окрепла после победы Февральской революции 1917 г. Временное правительство назначило выборы на 12 (25) ноября. Большевики, пришедшие к власти в результате Октябрьского переворота, дату выборов подтвердили и их проведению не препятствовали. Учредительное собрание открылось 5 (18) января 1918 г. Опуская драматические события, связанные с заседанием, скажем, что уже в пятом часу утра 6 (19) января собрание было закрыто, а в ночь с 6 (19) на 7 (20) января распущено по декрету В. И. Ленина.

91

Цит. по: *Арутюнов А. А.* Ленин. Личностная и политическая биография. (Документы, факты, свидетельства). Т. 1. М., 2002. С. 284–285.

Цит. по: *Арутюнов А. А.* Указ. соч. С. 304.

Шюцкор (от швед. *skyddsker*) – охранный корпус.

Маркс. К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 305.

Венцов С. Уроки Гражданской войны в Финляндии / Военная мысль и Революция. 1923. № 5. С. 40.

Цит. по: Красная книга ВЧК. Т. 1. М., 1990. С. 91.

97

На съезде принято новое название партии – Российская Коммунистическая партия (большевиков), РКП (б).

Аралов С. И. Ленин вел нас к победе: Воспоминания. М., 1989. С. 44.

Судоплатов П. А. Спецоперации: Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М., 1998. С. 15–16.

Там же. С. 17.

Там же. С. 17–18.

102

Имеется в виду рейд 4-го Донского конного корпуса под командованием К. К. Мамонтова по тылам Южного фронта в августе – сентябре 1919 г.

103

Фрунзе М. В. Единая военная доктрина и Красная армия // Красная Новь. 1921. № 1. С. 104–105.

104

Здесь и далее цитируются выдержки из книг П. А. Судоплатова «Разведка и Кремль» (М., 1996) и «Спецоперации: Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы» (М., 1998).

105

Старинов И. Г. Записки диверсанта. М., 1997. С. 20, 23, 26–27.

106

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 25. Д. 1350. Лл. 55–60.

107

Дробов М. А. Малая война: Партизанство и диверсии. М., 1931. С. 19.

См. там же. С. 90–91.

109

См. там же. С. 184–185.

110

Там же.

Старинов И. Г. Указ. соч. С. 28–29, 31, 36–38.

Там же. С. 40.

113

Цит. по кн.: *Боярский В. И.* Партизаны и армия: История утерянных возможностей. Минск, 2003. С. 54, 61–62.

Старинов И. Г. Указ. соч. С. 36.

115

С мая 1934-го по май 1935 г. начальник ИНО А. Х. Артузов одновременно был и заместителем начальника IV (Разведывательного) управления РККА.

Старинов И. Г. Указ. соч. С. 40–41.

117

Цит. по кн.: *Боярский В. И.* Партизаны и армия. С. 62–63.

118

Цит. по кн.: *Царев О., Костелло Дж.* Роковые иллюзии. Из архивов КГБ: дело Орлова, сталинского мастера шпионажа. М., 1995. С. 289.

119

Там же. С. 300–301.

Там же. С. 302.

Старинов И. Г. Указ. соч. С. 122.

122

Цит. по кн.: *Царев О., Костелло Дж.* Роковые иллюзии. С. 305, 307.

Старинов И. Г. Указ. соч. С. 80.

124

Цит. по кн.: Очерки истории российской внешней разведки: В 6 т. Т. 3: 1933–1941 гг. М., 1997. С. 136–137.

125

Старинов И. Г. Указ. соч. С. 122–123.

Там же. С. 116–118.

127

Цит. по кн.: Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) и Коминтерн. 1919–1943 гг.: Документы / Сост. Г. М. Адибеков, Ж. Г. Адибекова, Л. А. Роговая, К. К. Шириня. М., 2004. С. 17–18.

Старинов И. Г. Указ. соч. С. 123.

129

Цит. по кн.: Коминтерн и Вторая мировая война / Сост. Н. С. Лебедева, М. М. Наринский. Ч. I. М., 1994. С. 10–11.

Там же. С. 72.

131

Цит. по кн.: Коминтерн и Финляндия. 1919–1943: Документы / Под ред. Н. С. Лебедевой, К. Рентолы, Т. Саарельс. М., 2003. С. 72.

Цит. по кн.: *Болтунов М. Е.* Диверсанты ГРУ. М., 2004. С. 142.

133

На страже границ Отечества: Пограничные войска России в войнах и вооруженных конфликтах XX в. Т. 3. М., 2000. С. 201–202.

Цит. по кн.: *Рязанов О. Е.* История снайперского искусства. М., 2004. С. 33.

135

Цит. по кн.: *Соколов Б. В.* Тайны финской войны. М., 2000. С. 173, 175.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 263.

137

Там же.

138

Так в документе. Вероятно, речь идет о Н. Патрахальцеве.

139

Цит. по кн.: Коминтерн и Вторая мировая война / Сост. И. С. Лебедева, М. М. Наринский. Ч. II. М., 1998. С. 194–195.